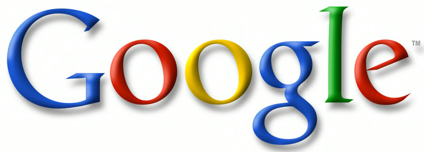

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

1878.

№ 9.—Сентябрь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Ф. Сущинскаго.
Екатерининскій каналъ, 168.
1878

СОДЕРЖАНІЕ № 9-го.

тѣхъ Гг. Под-
й подписной
асти по раз-
Ъ № 10 жур-

ИСТОРИЧЕСКАЯ

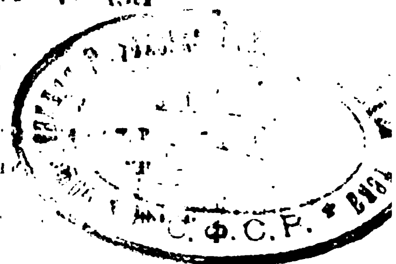
БИБЛІОТЕКА

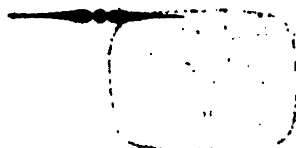
УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

1878.

№ 9.—Сентябрь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Ф. Сущинскаго.
Екатерининскій каналъ 168.
1878

и всегда увѣренный въ побѣдѣ. Видѣлъ-ли ты когда нибудь, какъ мой Океанъ, котораго весь городъ называетъ бѣшенымъ, вихремъ мчится по аренѣ, вздымая цѣлыя тучи пыли? А слышалъ-ли, какія рукоплесканія раздаются въ честь моего Пассерина, одержавшаго уже десять побѣдъ,—Пассерина, въ жилахъ котораго течетъ благородная андалузская кровь Деліи. Сознайся, другъ, что прежде ты не видывалъ такихъ великолѣпныхъ животныхъ.

Мнѣ васъ жаль, Зеленые! Съ тѣхъ поръ, какъ Скорпъ, вашъ возница, сломалъ себѣ шею, и Андремона издохла отъ яду, вы стали прибѣгать къ жалкимъ подкупамъ. Но я не знаю себѣ достойнаго противника, а мой Пассеринъ оставитъ позади любаго скакуна.

Иди, Цестъ, и передай своему высокому повелителю что слышалъ отъ меня.

— Эмилій Гутта! я посовѣтывалъ-бы тебѣ не раздражать императора. Не забудь, что есть средства, которыя легко могутъ доставить побѣду надъ Голубыми. Вспомни о жеребцѣ Инцитатѣ, который былъ отравленъ ядомъ и въ бѣшенствѣ прокусилъ руку своему господину. Стоитъ только пустить капельку такаго снадобья въ ухо твоему Пассерину, и ты вмѣстѣ съ нимъ отправишься къ праотцамъ. Возми это залотое кольцо, Гутта; заключающагося въ немъ яда достаточно будетъ для того, чтобы вытравить всѣ конюшни у подножія Капитолія.

Завтра ты будешь благодарить знатныхъ матронъ изъ партіи Зеленыхъ, когда онѣ на скачкахъ станутъ рукоплескать тебѣ, какъ побѣдителю; я уже теперь вижу, какъ изъ ложи Ливіи летятъ вѣнки, украшенные драгоценными камнями. Горятъ щеки надменной римлянки, когда ты останавливаешь на ней свой взглядъ! И кто рѣшится тогда запереть для тебя двери своего дома? Или ты предпочтешь остаться Голубымъ и быть по прежнему въ числѣ обыкновенныхъ возницъ цирка, которые находятъ себѣ похвалы только въ кабакахъ да люпанаріяхъ?

Нѣтъ! Гутта, бери деньги съ кольцомъ и эту бумагу отъ императора на званіе свободнаго римскаго гражданина. Ты колеблешься, Эмилій? Чего-же тебѣ больше?

— Я... я согласенъ, Цестъ. Цезарь можетъ на меня разсчитывать. Съ этихъ поръ я принадлежу къ партіи Зеленыхъ. Прощай!

Что заключается въ одномъ письмѣ, очевидно писанномъ женской рукой?

«Емилій! На завтрашнемъ состязаніи Сильвія изъ ложи близъ поворота будетъ незамѣтно наводить маленькимъ ручнымъ зеркаломъ солнечные лучи на глаза возницъ твоихъ противниковъ. Два богатыхъ землевладѣльца бьются объ закладъ. Побѣда или смерть!»

«Хорошо, пусть такъ! Курій и вы, мои вѣрные слуги, позаботьтесь, чтобы ничто не потревожило сна лошадей и чтобъ лунный свѣтъ даже не проникалъ къ нимъ въ стойла. Приготовьте мнѣ ножикъ и ремни; завтра въ пять часовъ ждите моихъ приказаній. Теперь я иду на жертвоприношенія. Если въ моемъ отсутствіи будетъ кто-нибудь васъ разспрашивать, то говорите, что Эмилій Гутта сегодня пьянъ съ утра. Разсказывайте во всѣхъ кабакахъ и за прилавками, что вашъ господинъ повредилъ себѣ лѣвую руку и отправился къ лекарю. Такіе слухи принесутъ намъ пользу: ставки нашихъ противниковъ будутъ выше».

Въ термахъ Агриппы.

Яркій знойный день стоитъ надъ Албанскими горами. Уже съ полночи начались Флораліи *). Дымятъ печи, кипятъ котлы большихъ термъ. Истопники стараются, чтобы въ банѣ было побольше пару, такъ какъ сегодня по случаю праздника больше будетъ посѣтителей, и они соберутся раньше обыкновеннаго.

Средняя дверь растворяется при нашемъ приближеніи, и передъ нами открывается рядъ тѣнистыхъ про-

*) Празднество въ честь богини Флоры.

хладныхъ галлерей съ колоннами, украшенными цвѣтами, нишами, журчащими фонтанами, укромными уголками и сидѣньями. Статуи Августа и основателя термъ Агриппы, находящіяся на противуположномъ концѣ голлереи, завершаютъ картину.

На стѣнахъ мы читаемъ объявленіе о сегодняшнемъ бѣгѣ колесницъ, котораго съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ Римъ.

Не смотря на ранній часъ, въ колоннадахъ набралось уже много разнаго люда, ищущаго здѣсь спасенія отъ жара и пыли, столь обильной въ лѣтнее время на улицахъ столицы. Цвѣты и роскошныя тропическія растенія распространяютъ благоуханіе, а фонтаны съ ихъ бронзовыми нереидами и дельфинами пріятно освѣжаютъ воздухъ.

Уплативъ привратнику квадрантъ за входъ, мы вступаемъ въ эксѣдру, куда приходятъ посѣтители, чтобы въ ожиданіи купанья остыть и отдохнуть послѣ прогулки по жаркимъ городскимъ улицамъ.

Сирійскія танцовщицы, одѣтыя въ тонкое полупрозрачное платье, подъ тактъ цимбаловъ и крусматъ развлекаютъ присутствующихъ своимъ искусснымъ танцемъ.

Корридоръ, со звѣздами по голубому своду и всевозможными украшеніями по стѣнамъ ведетъ отсюда въ аподитеріумъ, комнату для раздѣванья. По ея карнизамъ разставлены глиняныя лампочки, освѣщающія ее по вечерамъ. Стѣны покрыты желтой краской, потолокъ бѣлый — съ красными полосками по краямъ. Бронзовый лебедь по срединѣ выбрасываетъ цѣлый снопъ воды, съ шумомъ падающей на мраморное дно бассейна.

Какое то невыразимо пріятное чувство возбуждаютъ въ посѣтителяхъ эти свѣжія широколиственныя растенія, это благовоніе, распространяемое бальзамнымъ масломъ, этотъ таинственный полусвѣтъ, и наконецъ это журчанье и плескъ падающей воды. Капсарій *) за небольшую плату беретъ у насъ платье на сохраненіе.

*) Capsarius сторожъ, охранявшій платье въ термахъ.

Между посѣтителями мы видимъ возницу Эмилія Гутту, закутаннаго въ широкій шерстяной плащъ. Купанье должно расправить ему члены и приготовить его сегодня къ выполненію трудныхъ обязанностей.

Стройный и статный, съ рѣдкой пропорціональностью членовъ тѣла, Гутта походилъ на самого Апполона, только руки жесткія и мозолистыя обличаютъ ремесло ихъ владѣльца.

Его красивая, окоймленная темными короткими локонами голова, благородныя черты лица и блестящіе выразительные глаза, не смотря на то, что онъ принадлежитъ къ несвободнымъ, ясно доказываютъ его знатное происхожденіе.

Двадцать четыре года тому назадъ въ одно изъ заднихъ оконъ замка знатнаго вельможи былъ выброшенъ въ Тибръ новорожденный младенецъ. Рыбакъ, закидывавшій въ это время сѣти, спасъ несчастнаго мальчика, и отнесъ въ свою хижину.

Жена рыбака воспитывала ребёнка вмѣстѣ съ своими дѣтьми, какъ роднаго сына. Его назвали «Гутта» т. е. водяная капля. Когда мальчикъ выросъ, то сталъ заниматься ремесломъ своего отца. Но девяти лѣтъ онъ остался сиротой и долженъ былъ самъ заработывать себѣ пропитаніе. Сперва онъ качалъ помпу на рѣкѣ, получая горсть муки и одинъ квадрантъ за день, потомъ пожелалъ поступить въ императорскія конюшни, гдѣ его вскорѣ сдѣлали возницей, а черезъ нѣсколько времени ему суждено было стать предметомъ зависти для римлянъ и кумиромъ римлянокъ.

Черезъ маленькую дверь входимъ мы въ тепидаріумъ, роскошно убранную комнату съ умѣренно теплымъ легкимъ воздухомъ.

Потолокъ украшаетъ богатая живопись. На темнокрасномъ полѣ стѣнъ изображены парящими въ воздухѣ хоры и граціи; карнизъ поддерживаютъ теламоны и атланты, подпирая его своими поднятыми надъ головой руками. На картинахъ мы видимъ Эрота съ его кол-

лукомъ и стрѣлами, Ганимеда, похищаемаго орломъ, Аполлона, ѣдущаго на грифахъ и Леду съ ея лебедемъ.

Рѣдкія тропическія растенія въ тепломъ влажномъ воздухѣ термъ растутъ также пышно и привольно, какъ на родной почвѣ Индіи. Узкія и рѣдкія циновки защищаютъ мозаику отъ неосторожности выходящихъ изъ термъ посѣтителей.

Все дальше и дальше идемъ мы, слѣдуя за баньщикомъ; онъ подводитъ насъ къ каменному бассейну съ теплой водой, который мы едва можемъ разсмотрѣть черезъ густой паръ, наполняющій комнату. Еще двѣ ступеньки внизъ, и мы въ теплой ваннѣ среди безпокойныхъ сосѣдей всякаго возраста и званія, которые подобно намъ пришли сюда выкупаться передъ баней.

Вдоль стѣнъ на мраморныхъ скамейкахъ, лежатъ точно египетскія муміи, закутавшись въ свои бѣлыя покрывала, только что вышедшіе изъ ванны посѣтители среди толпы хлопочущихъ возлѣ нихъ невольниковъ.

Здѣсь всѣ равны, здѣсь нѣтъ сословныхъ различій. И поденьщикъ, и сенаторъ, и господинъ, и рабъ имѣютъ совершенно равныя права и могутъ намыться за свой квадрантъ, какъ говорится, въ любую душу.

Новсъ, носильщикъ тяжестей, заработывая какихъ нибудь три сестерція въ день, все же сбережетъ себѣ что нибудь на баню.

Сегодня съ нимъ рядомъ расположился сенаторъ Салюдіевъ Руфъ. Этотъ почтенный мужъ проводитъ въ термахъ по девяти часовъ каждодневно, остальное же время онъ посвящаетъ ѣдѣ.

Песочные часы намъ напоминаютъ, что уже пора идти въ лабрумъ.

Выкупавшись тамъ въ холодной ваннѣ, тщательно вытертые и причесанные мы возвращаемся опять въ тепидаріумъ. Гутта, котораго мы все еще видимъ здѣсь, предоставилъ себя теперь въ распоряженіе цирюльника—хорошаго знатока своего дѣла и большаго охотника до всякаго рода розсказней и сплѣтенъ. Зави-

вая волосы знаменитаго возницы, словохотливый цирюльникъ передаетъ ему городскія новости, разсказываетъ про дворъ императора и его родню, про украшенный драгоцѣнными камнями зонтикъ Ливіи и о послѣднихъ любовныхъ интрижкахъ Юліи.

Мелкимъ, какъ пыль, желтоватымъ пескомъ третъ онъ руки, спину и плечи господина и разсказываетъ ему между тѣмъ о танцовщицѣ Цибеллѣ, любовницѣ Тиберія, выгнанной изъ Рима за то, что она во время послѣдняго пожара засѣкла чуть не до смерти нѣсколькихъ мальчиковъ, которые, спасаясь отъ огня, спрятались въ конуры ея собакъ,—потомъ о немилости, въ которую впалъ кліентъ Корнелій и о новомъ рыбномъ соусѣ, изготовляемомъ на придворной кухнѣ.

Осторожно выдергиваетъ онъ волоски изъ носа и ушей, чиститъ своей маленькой щеткой ногти и зубы.

— Еще немножко масла, господинъ, потерпи нѣсколько, право ни одинъ цирюльникъ не сумѣетъ такъ намазать! ты станешь гладкимъ, какъ змѣя—безъумолку болтаетъ онъ и осторожно проводитъ своей тоненькой косточкой по бровямъ и рѣсницамъ Гутты.

Съ самодовольнымъ видомъ смотрится Гутта въ стоящее передъ нимъ серебряное зеркало и, надѣвъ платье, бросаетъ слугѣ монету.

— Вотъ тебѣ за твои новости, говоритъ онъ ему— ты можешь разсказывать, что сегодня имѣлъ честь намазывать и завивать голову знаменитаго Эмилія Гутты.

Процессія цирка.

Тяжелая, удушливая атмосфера свинцомъ легла на древній городъ.

Въ лощинѣ между холмами Авентинскимъ и Палатинскимъ находится ристалище—Circus Maximus, мѣсто, куда стекается сегодня весь городъ, въ которомъ уже съ полуночи замѣтно какое-то необычайное движеніе.

Кабаки и увеселительныя заведенія закрываются за отсутствіемъ посѣтителей; опустѣли и дворцы богачей, и хижины бѣдняковъ. Шумными толпами стекаются и знатные и простолюдины къ мѣсту готовящагося сегодня зрѣлища.

Въ честь Флоры всѣ зданія украсились гирляндами, цвѣтами и другими атрибутами богини. Въ храмахъ изображенія боговъ выставлены въ пронеѣ *) подъ охраной многочисленныхъ жрецовъ и жрицъ.

Женщины и дѣвушки съ розами въ черныхъ косахъ, мужчины въ своихъ праздничныхъ нарядахъ со свѣжими вѣнками на головахъ, густой толпой остановились на площади въ ожиданіи процессіи, которая, выйдя изъ Капитолія, чрезъ украшенный по случаю празднества форумъ, велабрумъ и «Поле Быковъ» направится къ цирку. На углахъ и перекресткахъ улицъ устроены возвышенія, откуда желающіе за небольшую плату могутъ любоваться процессіей. Окна, стѣны и крыши домовъ усыпаны любопытными, большинство-же толпится въ безпорядкѣ по улицамъ.

Въ толпѣ мы замѣчаемъ немало учащейся молодежи. По повелѣнію Августа учащіеся были распущены на всѣ праздники.

Многіе школьники забрались на деревья, колонны, капители и карнизы зданій, а нѣкоторые даже усѣлись верхомъ на плечи статуй, стоящихъ вдоль форума.

Осыпая насмѣшками и шутками нетерпѣливую толпу, они любуются сверху открывающимся передъ ними зрѣлищемъ, которое пожалуй не менѣе любопытно, чѣмъ то, которое ждетъ насъ въ циркѣ.

Никто не спасется отъ ихъ насмѣшекъ и остротъ. Неудержимымъ смѣхомъ разражается молодежь, когда удается ей своими выходками вывести изъ терпѣнія кого нибудь изъ проходящихъ.

Тѣснота все увеличивается, изъ страха быть раздавленными толпой мы спасаемся въ простилюмъ **) ближай-

---

*) Передняя часть храма.

**) Передній рядъ колоннъ, которыми окружался храмъ.

шаго храма. Процессія приближается къ форуму; мы уже ясно слышимъ звуки роговъ, шумъ сопровождающей толпы и жалобные стоны придавленныхъ женщинъ и дѣтей.

На улицахъ борьба партій въ полномъ разгарѣ. На четыре большія партіи раздѣлился сегодня весь городъ. Ихъ отличіемъ служатъ цвѣта красный, бѣлый, голубой и зеленый.

Предсказатели предлагаютъ проходящимъ свои услуги одни, обѣщая за небольшую плату заговорить лошадей, другіе—предсказать исходъ состязанія. Даже истолкователи сновъ и тѣ находятъ себѣ заработокъ. Въ толпѣ перешептываются о придворной партіи Зеленыхъ и разсказываютъ о чудесахъ искуства, показаннаго нѣкоторыми лошадьми.

Процессія миновала форумъ. Давка въ толпѣ, скучившейся въ узкихъ улицахъ, сдѣлалась невыносимой. Возвышенія, устроенныя для зрителей, осаждаются и берутся съ бою; идетъ борьба за каждый уголокъ, за каждое свободное мѣстечко. Крики и брань ушибленныхъ и придавленныхъ, шутки и насмѣшки побѣдителей, веселый смѣхъ зрителей завершаютъ эффектъ оригинальныхъ сценъ, разыгрывающихся передъ нашими глазами.

— Процессія, процессія идетъ! кричатъ тысячи голосовъ при приближеніи послѣдней. Предшествуемые толпою молодыхъ дѣвушекъ, во главѣ процессіи идутъ музыканты, играя шумный военный маршъ. Неторопливымъ, мѣрнымъ шагомъ слѣдуютъ за ними закутанные въ свои широкіе плащи жрецы и авгуры съ масличными вѣтвями въ рукахъ. Они ведутъ за собою жертвенныхъ животныхъ, которыхъ головы и спины украшены бѣлыми шерстяными повязками и накрыты роскошными попонами. Завитые въ локоны мальчики несутъ за ними атрибуты жреческаго сана. Въ богатой праздничной колесницѣ, запряженной четверкой великолѣпныхъ коней, ѣдетъ слѣдомъ курульный эдилъ Цинна. Августалы въ числѣ двадцати одного, избираемые изъ самыхъ знатныхъ римскихъ фа-

милій, молодые всадники на лошадяхъ, сенаторы по парно въ одеждѣ, присущей ихъ сану и знатные граждане города съ безчисленной свитой изъ своихъ рабовъ и кліентовъ медленно тянутся за процессіей, съ трудомъ пробираясь сквозь густую толпу народа.

Опять слышатся громкіе крики ликующей толпы: придворные трубачи на бѣлыхъ коняхъ и въ отороченныхъ золотомъ зеленыхъ туникахъ возвѣщаютъ о приближеніи императора. Преторіанская гвардія расталкиваетъ народъ, чтобы дать ему дорогу. Цезарь Августъ, только что выздоровѣвшій отъ тяжкой болѣзни, выѣзжаетъ во всемъ великолѣпіи своего двора; восемь черныхъ невольниковъ несутъ его носилки, украшенные золотомъ и пурпуромъ. Шитая золотомъ пурпуровая тога одѣваетъ его прекрасную величественную фигуру. Въ правой рукѣ онъ держитъ орла, символъ своей власти. Золотое кольцо украшаетъ его темные волосы, а надъ головой его любимый рабъ Цестъ держитъ вѣнокъ изъ чистаго золота и драгоцѣнныхъ камней. Богатыя покрывала, которыми покрыты носилки, засыпаны просьбами; сегодня, какъ и всегда во время празднествъ, Августъ будетъ особенно милостивъ. Все новыя и новыя просьбы сыплются на его носилки, но многія не достигаютъ цѣли и нерѣдко надежда, которую долго лелѣялъ иной бѣднякъ, гибнетъ вмѣстѣ со сверткомъ бумаги, затоптанымъ въ пыли копытами лошадей и ногами проходящихъ.

— Цельзъ, Пульхеръ, Косъ! слушайте — кричитъ своимъ товарищамъ одинъ изъ школьниковъ, сидя на плечахъ статуи Минервы. Неправда-ли, вѣдь мы подадимъ сегодня просьбу Цезарю объ улучшеніи римскихъ школъ. Вѣдь мы уже довольно набрались мудрости, чтобы современемъ стать сенаторами и людьми, способными заботиться о благѣ нашего города. Громкій смѣхъ и шумныя одобренія слышатся въ отвѣтъ на слова молодаго оратора со всѣхъ колоннъ, статуй, портиковъ и деревьевъ. Носилки императора окружаютъ его совѣтники: благородный Цильній Меценатъ, Мессала Корвинъ, его зять и молодой Тиве-

рій; за ними слѣдуютъ высшіе придворные чины, консуларъ Фабій Максимъ, философъ Веррій Флаккъ, ученый александріецъ Арей, поэтъ и пѣвецъ Тигеллій и, наконецъ, придворный шутъ Канопъ. Пріѣхали на праздникъ и знатные гости изъ отдаленнѣйшихъ предѣловъ имперіи: посланные отъ парѳянскаго короля, одѣтые въ свои пестрые наряды индусы, старшины кантабрійскіе и астурскіе, закутанные въ звѣриныя шкуры норійцы и ретійцы, галлы въ своихъ узкихъ одеждахъ и съ плащемъ черезъ плечо.

Императорскіе кліенты «togati» почтительно окружаютъ носилки своего высокаго повелителя.

— Togati, togati! кричатъ школьники, посмотрите какъ старательно зашиты и вымыты ихъ тоги! Помпоній Фульвъ все зѣваетъ; онъ какъ будто хочетъ проглотить процессію! Онъ, бѣдняжка, должно быть со вчерашняго утра ничего не ѣлъ! А вонъ Козимъ! какъ крѣпко держитъ онъ свой плащъ! Ба! да онъ надѣлъ его на голое тѣло. Сципіонъ Лентулъ! Смотрите, какъ онъ чешетъ плечомъ себѣ ухо! Косоглазый Вентурій и толстякъ Юній Криспъ! Цезарь даетъ имъ подачки со своего стола, чтобы иногда отъ скуки позабавиться надъ ихъ аппетитомъ. А вонъ долговязый Попидій Магнъ. «Magnus, major, maximus, кричитъ Коссъ съ своего высокаго сидѣнья. Послушай, эй! Попидій, вели окоротить себѣ шею, иначе пища всегда будетъ простывать у тебя, прежде чѣмъ успѣетъ перейдти изо рта въ желудокъ». Остротамъ и шуткамъ подобнаго рода нѣтъ конца.

Приближается богато украшенная рѣзьбой изъ слоновой кости колесница Ливіи, супруги Цезаря, запряженная четверкой бѣлыхъ лошадей. Смарагдовый поясъ съ пряжками также изъ драгоцѣнныхъ камней перетягиваетъ станъ императрицы. Различныя косметическія снадобья придаютъ ея лицу юношескую бѣлизну и свѣжесть. Брови и глаза у ней—черныя какъ смоль. Ея рабыня, еврейка Акме изъ Сиріи, держитъ надъ головой своей высокой госпожи роскошный солнечный зонтъ. Кора и

Цецилія, ее комнатныя служанки, стоя на коленяхъ, расправляютъ складки ея одежды. Впереди колесницы невольники несутъ мѣдное блюдо, на которомъ пылаетъ священный огонь, атрибутъ императрицы. Колесницу супруги Цезаря окружаетъ толпа жрицъ Весты.

— Смотрите, вонъ весталки, вонъ капитолійскіе гуси, слышится съ деревьевъ, — цѣломудренныя прислужницы Весты! Тутція выгоняетъ на пастбище своихъ дочерей, хоромъ кричитъ молодежь.

Медленно двигается длинный кортежъ императорской фамиліи среди пестрой толпы слугъ, которые изъ находящихся въ рукахъ у каждаго изъ нихъ мѣдныхъ кружекъ бросаютъ на право и на лѣво мелкую монету. Съ жадностью набрасывается идущая слѣдомъ толпа на щедрую подачку. Жалобные стоны придавленныхъ дѣтей и сбитыхъ съ ногъ женщинъ смѣшивается съ радостными криками простолюдиновъ, довольныхъ легкой сегодняшней поживой.

Въ воздухѣ распространяется благовонный запахъ шафрана, сожигаемаго на жаровняхъ, которыя несутъ жрецы, окруженные толпою музыкантовъ и трубачей. Ими открывается второй рядъ длинной процессіи.

Дорогу божествамъ Олимпа! дорогу златорогимъ жертвеннымъ животнымъ, еще не знакомымъ съ ярмомъ! Они везутъ *тенсу*, богато украшенную священную колесницу съ изображеніямъ богини Флоры.

При ея появленіи улица оглашается безконечными радостными криками ликующаго народа. Цвѣты и свѣжія древесныя вѣтви сыплются на колесницу, всѣ стараются подойдти къ ней какъ можно ближе, чтобы воздать почитаніе богинѣ — виновницѣ сегодняшняго торжества.

Бѣлые голуби, выпущенные изъ корзинъ и мѣшковъ, направляютъ свой полетъ къ Капитолію; народъ смотритъ на нихъ, какъ на вѣстниковъ предстоящихъ увеселеній.

Насколько позволяетъ густая народная масса, шагъ за шагомъ двигается торжественное шествіе. Нептунъ

покачивается на носилкахъ, несомыхъ шестью жрецами. За нимъ слѣдуетъ Венера Генетриксъ съ прислуживающими ей жрецами, Церера, Минерва, Юнона, Фемида, Латона, Просперина, Луцина, нимфы, музы, грацiи и всѣ прочiе небожители, которые должны были по желанiю Цезаря сопровождать процессiю. Ихъ изображенiя, выточенныя изъ слоновой кости, медленно двигаются за торжественнымъ шествiемъ среди громкихъ выраженiй религiознаго чувства.

Сатиры и Силены съ толпою вакхановъ везутъ съ собою Цитерiю; ими заканчивается процессiя.

— Эй друвья! кричитъ одинъ изъ мальчиковъ съ высоты колонны,—смотрите, вонъ идетъ горбачъ Гибъ. Громкiя насмѣшки и свистки раздаются со всѣхъ сторонъ.

— Да здравствуетъ Гибъ, царь куринаго царства!

Въ самыхъ послѣднихъ рядахъ движется какая то жалкая фигура,—маленькiй горбатый старичекъ съ кривыми ногами, въ грязной одеждѣ, босоногiй и съ клочкомъ сѣдыхъ волосъ на головѣ.

— Смотрите, какъ ковыляетъ, точно съ каждымъ шагомъ хочетъ спуститься въ Аидъ.

— Ставлю квадрантъ, кричитъ Косъ, что на скачкахъ Гибъ останется побѣдителемъ.

— Идетъ, идетъ! кричитъ вся веселая ватага со стѣнъ и деревьевъ, и цѣлый градъ камешковъ лѣтитъ въ бѣднаго старика.

— Смотрите! онъ тащитъ на плечахъ насѣстъ, и выбѣлилъ гребешокъ своего пѣтуха. На носилки, на носилки его! Знаете ли, вѣдь онъ прадѣдъ самого Аполлона.

Такъ насмѣшничаетъ надъ проходящими молодежь.

Но скоро школьники спрыгиваютъ съ колоннъ, деревьевъ и статуй, ибо процессiя уже миновала ихъ; и вся веселая ватага съ оглушительными криками направляется къ цирку.

Скачки.

Процессія, черезъ главныя ворота вступаетъ наконецъ въ циркъ *). Передніе ряды съ музыкантами во главѣ уже вошли и герольды возвѣщаютъ о приближеніи императора.

Циркъ убранъ по праздничному. Колонны портика обвиты гирляндами, аркады украшены цвѣтами. Посреди арены возвышается spina, вся заставленная статуями, жертвенниками, санктуаріями и увѣнчанная солнценоснымъ обелискомъ изъ Геліополя, присланнымъ въ подарокъ отъ Цезаря. Снятая покрышка обнаруживаетъ пылающій алтарь Конса съ изображеніемъ Эфеля, Цереры, Сеи и Сеесты, богинь жатвы и посѣва; южнѣе блестящія на солнцѣ исполинскія мѣдныя статуи Геркулеса и скачущей на львахъ Кивиды. Въ облакахъ благовоннаго дыма появляются изображенія Феба и Урана. На сѣверной и южной сторонахъ, стѣны заканчиваются высокими цѣльными столбами; подобно могучимъ указательнымъ перстамъ возвышаются къ небу ихъ три вершины, какъ будто напоминая объ опасностяхъ скачекъ. Какъ ослѣпляютъ глазъ лучи солнца, отражаясь въ блестящемъ пескѣ! Гладко утоптанная арена уже ждетъ грозныхъ ударовъ конскихъ копытъ.

Два яруса выше, вокругъ всего цирка идутъ ступеньки изъ потемнѣвшаго отъ времени мрамора; онѣ служатъ сидѣньемъ для зрителей и вмѣстѣ съ тѣмъ базисомъ для деревянныхъ подмостковъ, которые вмѣщаютъ еще столько же народа. Сегодняшній праздникъ притягиваетъ съ силой магнита: всѣ мѣста, всѣ уголки громаднаго зданія заняты любопытными; верхнія деревянныя скамьи трещатъ подъ тяжестью сидящихъ. Перила и галлереи

*) Circus maximus, теперь совершенно разрушенный, построенъ Тарквиніемъ Прискомъ. Онъ находился въ долинѣ между холмами Авентинскимъ и Палатинскимъ (тамъ, гдѣ теперь еврейское кладбище и газовый заводъ)—вмѣщалъ въ себѣ около 250.000 зрителей.

исчезают въ хаосѣ одеждъ. Даже Оргіи занятъ посѣтителями. На счастливцевъ, доставшихъ себѣ мѣста въ циркѣ, съ завистью смотрятъ толпы солдатъ и ремесленниковъ, расположившихся на сосѣднемъ Палатинскомъ холмѣ.

Ничто не можетъ сравниться съ выносливостью этихъ людей, которые съ удивительнымъ самоотверженіемъ, въ пыли и духотѣ, страдая отъ голода и жажды цѣлые нескончаемо-длинные часы проводятъ въ ожиданіи представленія.

Блѣдныя, почти падающія въ обморокъ женщины съ умирающими отъ жажды дѣтьми на груди и за плечами, стѣсненныя и сдавленныя со всѣхъ сторонъ неистово шумящей, опьянѣлой толпой, тщетно умоляютъ дать имъ хлѣба и питья, стонутъ безпомощные больные и увѣчные, задыхаясь отъ пыли и жара. Наглыя безстыдныя женщины, не уступающія въ грубости мущинамъ, воры, каторжники и всякаго рода люди, неимѣющіе никакого понятія о нравственности и способные на всякія злодѣйства и преступленія наполняютъ верхніи галлереи цирка. Эти мѣста еще раннимъ утромъ брались съ бою, но и теперь туда все прибываютъ и прибываютъ новыя толпы.

Происходятъ споры и драки, переходящія въ настоящую битву, давка и сталкиваніе внизъ, перелѣзанье другъ черезъ друга, рукопашныя схватки, удары кулаками и нырянья ножомъ,—словомъ ничѣмъ здѣсь не пренебрегаютъ, чтобы насладиться давно желаннымъ зрѣлищемъ. Оживленнѣе становятся лица присутствующихъ, быстрѣе течетъ кровь въ ихъ жилахъ, ибо опять гремятъ трубы и рога, возвѣщая о прибытіи Цезаря.

И теперь, когда входитъ онъ, окруженный своей блестящей свитой, онъ, земной богъ, покровительствуемый божествами Олимпа — всѣ присутствующіе встаютъ съ своихъ мѣстъ, размахиваютъ вѣнками и платками и встрѣчаютъ его такими шумными привѣтствіями, какихъ никогда еще не слыхалъ Римъ.

Выпущенные изъ своихъ клѣтокъ голуби разносятъ по городу радостную вѣсть, что праздникъ начался.

Августъ блѣденъ; черезъ силу поднимаетъ онъ руку и слабымъ движеніемъ ея благодаритъ за привѣтствіе. Восторгъ толпы кажется безконечнымъ; народъ называетъ Августа «отцомъ», «счастіемъ и радостью отечества».

Медленно и торжественно вступаетъ въ циркъ процессія и своимъ скучнымъ видомъ умѣряетъ шумные восторги толпы. Только нѣкоторыя любимыя божества удостоиваются мимоходомъ привѣтственныхъ криковъ. Консулы, жрецы и гадатели приступаютъ къ выполненію своихъ обязанностей съ обычными возліяніями и молитвами. Подъ топоромъ верховнаго жреца, падаютъ бѣлые жертвенные быки къ подножію алтарей «во славу богамъ, людямъ во здравіе и зрѣлищу въ охрану».

Мѣста, откуда должны выбѣжать кони, еще заперты, передъ ними еще висятъ слабо натянутыя цѣпи, а зрители уже начинаютъ биться объ закладъ, держа сторону той или другой изъ четырехъ партій, представители которыхъ уже заняли свои обычныя мѣста.

Въ отдѣленіи, гдѣ стоятъ колесницы, идетъ оживленная дѣятельность. Великолѣпныхъ бѣговыхъ лошадей тщательно чистятъ, завиваютъ имъ гривы, подвязываютъ хвосты; ударами бичей и ободрительными криками еще больше возбуждаютъ ихъ нетерпѣніе. Бѣговыя колесницы окрашены въ четыре цвѣта соотвѣтсвенно цвѣтамъ партій (зеленый, голубой, красный и бѣлый), лошади также увѣшаны украшеніями цвѣта ихъ партій. Возницы одѣты въ короткія туники безъ рукавовъ, на головахъ у нихъ гладкіе шлемы; грудь, равно какъ изгибы рукъ и ногъ увиты ремнями, у пояса виситъ острый кривой ножъ.

Мѣста для колесницъ опредѣляются жребіемъ. Бѣлымъ досталось правое крыло, Зеленымъ—лѣвое; а Голубые и Красные встали по срединѣ. Тщательно былъ опредѣленъ и возрастъ лошадей.

Гутта, представитель Зеленыхъ, съ знаменитымъ Пассериномъ на лѣвой пристяжкѣ, Океаномъ на правой,

Фортунатомъ и Целаторомъ въ корню, едва въ силахъ удержать бойкихъ коней. Бодро вздымаютъ они пыль своими копытами.

Возлѣ Зеленыхъ стоитъ Лелій Феликсъ, возница Голубыхъ, молодой человѣкъ крѣпкаго тѣлосложенія съ живымъ острымъ взглядомъ. Гордо облокотившись на свою колесницу, крѣпкой рукой держитъ онъ возжи, помахивая время отъ времени бичемъ. Его лѣвая пристяжка четырехгодовалый жеребецъ «Нотатъ» «Разрисованный» накрытый тонкой сѣткой для защиты отъ мухъ, смотритъ, не сводя своихъ горящихъ глазъ, на хорошо знакомую рѣшотку, дожидаясь ея поднятія. Онъ весь бѣлый, какъ первый выпавшій снѣгъ; только на лѣвомъ боку у него родимое пятнышко въ видѣ двухъ львиныхъ лапъ. Такого быстроногаго скакуна никогда еще не видалъ циркъ. Рядомъ стоятъ его товарищи, одныхъ съ нимъ лѣтъ: Флегонъ, Тигръ и Курзоръ—всѣ три съ испанскихъ заводовъ.

Высоко подымаются на дыбы могучіе кони Красныхъ подъ ударами тонкаго бича, который, едва касаясь спины животныхъ, только возбуждаетъ ихъ, но не причиняетъ боли. Гіероклъ, афинянинъ, великанъ ростомъ, блѣдный, съ рѣзкими чертами лица, нанятый своей партіей за очень большую сумму, ожидаетъ съ спокойной самоувѣренностью начала состязанія. Оба его брата сложили голову на аренѣ; у отца онъ остался одинъ изъ троихъ сыновей.

Его лѣвая пристяжка, Саксо, во время скачекъ въ Антіохіи, послѣ гибели его брата, зная свое дѣло, безъ возницы обѣжала три раза вокругъ столба и такимъ образомъ одержала побѣду. Поэтому неудивительно, что всѣ знатоки лошадей въ Римѣ мечтали объ этомъ благородномъ животномъ и прозакладывали за него цѣлыя состоянія.

Вслѣдъ за другими Бѣлыхъ оставляетъ стойла, сопровождаемый своими вѣрными конями.

Весь городъ знаетъ его подъ именемъ «Туска» Одно-

глазаго». Однажды во время скачекъ разгоряченный противникъ задѣлъ его бичемъ и вышибъ ему правый глазъ, однако же Лускъ, несмотря на страшную боль, выигралъ призъ и пальму. Смѣлы и безстрашны, какъ онъ самъ, его кони: Пироида, Элатъ, Велоксъ и Спартакъ. Они знаютъ голосъ своего господина и силу его руки.

Между тѣмъ Цезарь Августъ, сопровождаемый двумя служителями, занимаетъ мѣсто въ своей ложѣ подъ роскошнымъ балдахиномъ, отороченнымъ золотомъ по зеленому фону. Въ сосѣднихъ ложахъ помѣщаются его приближенные совѣтники и кліенты; дальше жрицы Весты и Изиды подъ опущенными покрывалами; напротивъ—всадники и важнѣйшіе сановники Рима съ эдиломъ и городскими префектами во главѣ. Къ нимъ почтительно присоединяются шестьсотъ сенаторовъ въ ихъ форменной одеждѣ— туникѣ и черныхъ полусапожкахъ съ изображеніемъ луны. Ближайшимъ къ императорской ложѣ сидитъ Валерій, старецъ съ длинной сѣдой бородой и серебристыми волосами; за нимъ немного подальше помѣщаются Цинна съ преторомъ Непотомъ; Маркъ Эмилій и Капитонъ; Кременцій Кордъ, Эгнатій Старшій и его братъ Руфъ; наконецъ, Делій Туберонъ и Павелъ Максимъ, — старѣйшій изъ сенаторовъ.

Одобрительный ропотъ слышится при появленіи совѣтниковъ: Цильнія Мецената, Мессалы Корвина и Випсанія Агриппы. Съ какой важностью развалился на своихъ голубыхъ подушкахъ Каниній Дентатъ! это человѣкъ очень богатый и съ большимъ вѣсомъ; онъ занимаетъ должность куратора городскихъ водопроводовъ и клоакъ.

Во второмъ ряду, длинной, однообразной цѣпью, расположились представители различныхъ религіозныхъ орденовъ: Эпулоны, Діалы, Марціалы, Квириналы, Куріалы, Феціалы, Луперкалы, жрецы Цибелы и Пана и, наконецъ, Саліи, въ своихъ пестрыхъ одеждахъ, — всѣ они собрались здѣсь, чтобы своимъ присутствіемъ придать празднику большую торжественность.

Теперь входятъ, отдавъ почтительный поклонъ импе-

ратору, закутанные въ свои широкія съ безчисленными складками тоги, отцы города, высокій магистратъ съ курульными эдилами во главѣ; впереди ихъ идутъ ликторы, за ними многочисленная роскошно одѣтая свита. Шумно занимаютъ они раскрашенныя въ цвѣта партій кресла въ своей большой ложѣ.

Вся блестящая знать Вѣчнаго Города собралась теперь въ стѣнахъ этого мраморнаго зданія. Внизу цѣлый цвѣтникъ, тамъ храмъ красоты, которая, какъ кажется, можетъ поспорить здѣсь съ тѣми идеалами, которые рѣзецъ художника воплотилъ въ мертвомъ мраморѣ. Нѣжныя красавицы, это лучшее украшеніе Рима, въ бѣлыхъ, зеленыхъ и пурпуровыхъ одеждахъ обмахиваются опахалами и ослѣпляютъ блескомъ своихъ глазъ не менѣе, чѣмъ блескомъ украшающихъ ихъ драгоцѣнностей. Какъ соперничаютъ Плотилы, Валеріи и Руфы съ своими сосѣдками роскошью своихъ нарядовъ, богатствомъ и знатностью рода. Всё, что было прекраснаго въ замкахъ Палатина, Авентина и Эсквилина, собралось теперь въ этихъ ложахъ. Точно стрѣлы, пущенныя мѣткимъ лукомъ Купидона, попадаютъ взгляды красавицъ въ сердца молодыхъ наѣздниковъ и наносятъ глубокія и неисцѣлимыя раны.

Подобны лиліямъ на темномъ фонѣ, эти сидящіе тамъ шесть дѣвушекъ въ роскошныхъ бѣлыхъ одеждахъ. Въ первый разъ выступивъ сегодня въ свѣтъ, онѣ боязливо прижимаются другъ къ дружкѣ своими черноку́дрыми головками, опускаютъ глаза и, какъ молодыя сѣрны, вздрагиваютъ при крикѣ толпы. Въ замѣшательствѣ перебираютъ онѣ своими нѣжными пальчиками золотыя кисти своихъ одеждъ.

— Ахъ, Ромула, обращается одна изъ нихъ къ своей сосѣдкѣ, какъ противенъ мнѣ этотъ крикъ и шумъ. Я ужасно боюсь. Что это Цезарь Августъ не уйметъ этихъ крикуновъ?

— Тулія! я бы не знаю что отдала, только бы не-

скорѣе началась скачка. Мнѣ такъ хочется увидѣть красавца Эмилія, вѣдь отъ него въ восторгѣ весь городъ!

— Правда ли, Олимпія, что лошади намъ ничего не могутъ сдѣлать? Онѣ крѣпко привязаны? — спрашиваетъ свою подругу боязливая Ирина.

— Какъ вы думаете,—обращается къ подругамъ Парвула — побѣдятъ Зеленые? Зеленый—это цвѣтъ моего сердца.

— Ахъ, милыя подруги, говоритъ Хлорида, вы увидите, что случится какое-нибудь несчастіе: я сегодня что-то ужъ очень была рада, что наступилъ наконецъ день скачекъ. Но послушайте, вотъ страхи-то! сегодня утромъ въ моей комнатѣ на мою скамейку забрался огромный паукъ, я ужасно испугалась и такъ закричала, что ко мнѣ сбѣжались невольницы со всего дома, я и теперь дрожу, когда вспомню объ этомъ паукѣ.

Такъ лепечутъ между собой эти юныя созданія, которыхъ не коснулось еще суровое дыханіе окружающей ихъ бурной жизни.

Рядомъ съ ними въ купеческой ложѣ сидятъ двѣ молодыя женщины, бросающіяся въ глаза роскошью и богатствомъ своихъ нарядовъ. По костюму ихъ можно было бы принять за дамъ высшаго свѣта.

Но матрона, ихъ спутница, помѣщающаяся за ними, оказывается, нанята ими за деньги на время представленія. А наряды и драгоцѣнныя украшенія принадлежатъ закладчицѣ Сатурніи, что держитъ лавчонку подъ лѣстницей форума. Если вы хотите узнать происхожденіе этихъ молодыхъ особъ, то идите завтра утромъ на форумъ въ Марцеллюмъ, тамъ въ девятой лавочкѣ по лѣвую руку, вы увидите ихъ мать: она торгуетъ рыбой, раками и макрелями.

Забитая и избѣгаемая всѣми прячется въ тѣни аркады женщина, очень непріятная на видъ. Дико развѣваются ея волосы, падая на лице и плечи; напрасно ищетъ ея глазъ въ обширныхъ пространствахъ цирка

точки, на которой онъ могъ бы успокоиться. Это сумасшедшая; но когда-то она была хороша собой и богата. Она была замужемъ за Квинтиліемъ Варромъ, тѣмъ самымъ, который погибъ въ битвѣ съ херусками. Въ мрачномъ Тевтобургскомъ лѣсу лежатъ теперь кости полководца вмѣстѣ съ остатками его боевыхъ товарищей.

Съ тѣхъ поръ его бѣдная помѣшавшаяся вдова бродитъ, не зная покоя, по улицамъ Рима, всюду осыпаемая насмѣшками; въ шутку ее называютъ «сумасшедшая тевтобургерша».

Между зрителями замѣтно движеніе. Агриппа, зять Цезаря, медленно проѣзжаетъ въ своей колесницѣ по аренѣ, герольды скачутъ во всѣ стороны; скрипя поднимаются рѣшотки, но бѣлый снурокъ линеаторовъ и цѣпочка мораторовъ сдерживаютъ еще пылъ коней, съ которыми теперь едва можно справиться. Глаза всѣхъ устремлены на ложу императора, изъ которой долженъ быть поданъ знакъ къ началу зрѣлища. Глубокая тишина воцарилась въ циркѣ, всѣ вытянули шеи и встали съ своихъ мѣстъ, чтобы лучше видѣть и наблюдать мѣсто состязанія, и вотъ, наконецъ, подобно вѣстовому голубю взвивается *mappa*, хорошо знакомый бѣлый платокъ, надъ пескомъ арены; падаютъ снурокъ и цѣпочка, гремятъ трубы, производя какое-то магическое дѣйствіе на зрителей. Вырвавшійся изъ груди присутствующихъ крикъ, подобный шуму морскихъ волнъ и паденію каменныхъ скалъ, извѣщаетъ весь городъ о выѣздѣ скакуновъ. Шестнадцать великолѣпныхъ коней, запряженныхъ въ ихъ двухколесныя колесницы, тотчасъ вырываются на арену и, какъ вихрь, несутся по ней, вздымая цѣлыя облака пыли; ихъ возницы, подавшись отъ напряженія впередъ всѣмъ тѣломъ, едва въ состояніи удерживать горячихъ коней. Облака взбитаго песку носятся надъ мѣстомъ состязанія, колесницы то скрываются въ этомъ песочномъ туманѣ, то опять появля-

ются изъ него, едва позволяя зрителямъ различать цвѣта партій.

Земля дрожитъ подъ лошадиными копытами; скрипя врѣзываются въ песокъ колеса; поднятыя желѣзомъ подковъ песчинки засыпаютъ и колесницы и возничихъ.

Вотъ четверки, всѣ рядомъ, ибо не одна еще не опередила, приближаются въ первый разъ къ цѣлевому столбу.

Эмилій Гутта, опытный наѣздникъ и хорошо знакомый съ опасностями скачекъ, даетъ своимъ противникамъ опередить себя; это отлично разсчитанная военная хитрость,—сильной рукой натягиваетъ онъ возжи, удерживая своихъ коней, и Голубые, Бѣлые и Красные скоро обгоняютъ его. Первая четверка достигаетъ поворота. Быстро подбираетъ возница Голубыхъ лѣвые ремни, и сдѣлавъ крутой поворотъ такъ, что только колеса стонутъ на осяхъ, облетаетъ столбы.

Почти по пятамъ скачутъ за нимъ Бѣлые и Красные. Но Гутта, который былъ до сихъ поръ позади всѣхъ, какъ клинъ врѣзывается вдругъ между обоими и, оттѣснивъ Красныхъ къ самому барьеру и прижавши Бѣлыхъ къ *спинѣ*, опережаетъ противниковъ.

— Euge! кричатъ тысячи голосовъ, когда первое препятствіе было такимъ образомъ преодолѣно.

— Ставимъ пятнадцать тысячъ за Голубыхъ — слышится въ одной кучкѣ.

— Мы принимаемъ ставку, отвѣчаютъ Зеленые на вызовъ.

Лелій Феликсъ на длину лошади опережаетъ соперниковъ. Гутта скачетъ за нимъ по пятамъ.

— Лускъ, Лускъ! Каковъ нашъ «Одноглазый»! слышится со всѣхъ сторонъ.

Съ проклятіями нахлестывая своихъ коней такъ, что кровь смѣшивается у нихъ съ потомъ, догоняетъ и Эвтихъ. Пироида, лѣвая пристяжка, чувствуетъ взмахи тяжелыхъ ремней, на ея спинѣ остаются отчетливые слѣды бича, которымъ Эвтихъ безпощадно хлещетъ ее.

Теперь четверки, всѣ вмѣстѣ, во второй разъ подлетаютъ къ повороту.

— Впередъ, Эмилій! ободрительно кричитъ ему знать и его прекрасныя покровительницы. Но Гутта, хорошо разсчитавъ время и свои силы, скачетъ вслѣдъ за Голубыми, не перегоняя ихъ. А Голубые и Зеленые между тѣмъ уже во второй разъ объѣзжаютъ цѣлевые столбы. Эвтихъ, возница Бѣлыхъ, ѣдущій вслѣдъ за ними, теряетъ короткую линію, его правая пристяжка вдругъ становится на дыбы и приводитъ въ замѣшательство всю четверку. Возница Красныхъ съ быстротою стрѣлы перехватываетъ у него короткій поворотъ. Ядъ Цеста начинаетъ дѣйствовать.

Всё болѣе и болѣе живое участіе принимаютъ зрители въ скачкахъ. Послѣ каждаго круга ставки дѣлаются всё выше и выше. Внизу у богатыхъ ставятъ «дачу» за Зеленыхъ, на верху у бѣднѣйшаго класса—пѣтуха за Голубыхъ. Тамъ—тысячу сестерціевъ за Красныхъ, здѣсь квадрантъ за Бѣлыхъ.

Дамы проспариваютъ даже свои украшенія и драгоцѣнныя камни; невольники, стада скота, лошади, колесницы, словомъ всё сколько-нибудь цѣнное идетъ на удовлетвореніе ярости партій. Цезарь, развалившись на зеленыхъ подушкахъ своей ложи, устремляетъ свой взоръ на оживленную сцену, происходящую у его ногъ.

Его прекрасные голубые глаза горятъ; его благородныя черты, всегда дышущія спокойствіемъ, теперь обнаруживаютъ бурныя страсти, волнующія его душу.

Императрица Ливія, кажется позабыла въ эту минуту обо всемъ окружающемъ, она видитъ передъ собой одного возницу Зеленыхъ. Отъ волненья она жметъ пальцами шарики своихъ амулетовъ и обрываетъ золотую бахраму украшенной смарагдами одежды.

Юлія, дочь Цезаря, не владѣя собой отъ зависти и гнѣва, подзываетъ къ себѣ одного изъ невольниковъ.

— Поди, Доръ, — говоритъ она ему, отнеси этотъ

серебряный сосудъ дамѣ, что сидитъ вонъ въ этой ложѣ, рядомъ съ эдиломъ и скажи, что тебя прислалъ къ ней съ этимъ подаркомъ Эмилій Гутта. Въ сосудѣ благовонныя эссенціи.

Слуга спѣшитъ исполнить приказаніе своей госпожи.

Сильвія, прекрасная вдова претора, дорого поплатится за подарокъ, такъ какъ въ ароматѣ флакончика заключается смертоносный ядъ.

Черезъ нѣсколько минутъ изъ ложи, на которую указала Юлія, слышится короткій болѣзненный крикъ и сидѣвшая тамъ молоденькая римлянка, падаетъ безъ дыханія, роняя на полъ открытый флакончикъ.

Однакожъ, оказывается, что не Сильвія была эта несчастная; невольникъ по ошибкѣ подалъ флаконъ другой, и такимъ образомъ жертвой Юліи сдѣлалась совсѣмъ непричастная женщина. Но что за крики поднялись вдругъ? весь циркъ въ смятеніи, что кружится тамъ на пескѣ? тамъ... цѣлый хаосъ изъ лошадей и колесницъ!

У самаго поворота волочится по землѣ, недалеко отъ своей опрокинутой колесницы Эвтихъ. Тщетно старается онъ приподняться. Но вотъ наконецъ удается ему перерѣзать ножемъ возжи, въ которыхъ онъ запутался. Гіероклъ, возница Красныхъ, не въ состояніи больше справляться съ своей четверткой, на которую на скакиваетъ колесница Бѣлыхъ и опрокидывается въ общей свалкѣ. Облака пыли покрываютъ эту движущуюся груду. Оторвавшееся колесо, вслѣдствіе инерціи, дѣлаетъ еще нѣсколько оборотовъ по песку. Какой-то острякъ кричитъ:

— Ставлю квадрантъ за колесо Луска!

Толпа хохочетъ и издѣвается надъ валяющимися на землѣ, полумертвыми возничими.

Вытягиваясь, подпрыгивая и напрягая послѣднія силы, двѣ изъ упавшихъ лошадей наконецъ освобождаются отъ упряжи и волоча за собой часть оборванной сбруи, устремляются по аренѣ вслѣдъ за Голубыми и Зелеными, которые весьма искуссно объѣзжаютъ по правую и по лѣвую

сторону опрокинувшіяся и валяющіяся на пескѣ колесницы своихъ противниковъ.

Шесть разъ *) уже счастливо объѣхалъ Эмилій Гутта арену, но ни разу не обогналъ еще Голубыхъ.

— Гутта! обѣщай мнѣ десять тысячъ сестерцій, и я позволю себя обогнать.

— Молчи, мошенникъ, возражаетъ тотъ, я одного квадранта пожалѣлъ бы для тебя.

— Слушай, Гутта! давай лучше деньги или завтра разскажу по всему городу «исторію одного кольца».

На этотъ разъ Гутта отвѣчаетъ Голубому ударомъ бича по головѣ и заставляя своихъ коней, которыхъ онъ берегъ до этой минуты, напрячь послѣднія силы, опережаетъ противника на длину лошадиной головы. Его партія, напряженно слѣдившая за обѣими четверками, торжествуетъ. Со всѣхъ сторонъ слышитъ онъ одобрительные крики:—Браво, браво, Эмилій, плохо Голубые!

Послѣдній кругъ. О! какъ напряжены всѣ жизненныя силы, какъ быстро дышетъ грудь. Теперь или никогда! онъ долженъ раздавить противника, но обѣ четверки такъ близко другъ отъ друга и не уступаютъ одна другой ни въ силѣ, ни въ быстротѣ. Дать перевѣсъ здѣсь можетъ только хитрость.

Отъ сильнаго тренія колеса Голубыхъ дымятся. Никогда еще циркъ не видалъ такихъ быстрыхъ коней и такихъ искусстныхъ наѣздниковъ.

Зрители, облитые потомъ (жара стоитъ несносная) распахнувшись и сжимая кулаки, кричатъ:

— Десять тысячъ, сто тысячъ, дачу за Зеленыхъ!

— Идетъ, идетъ! отвѣчаютъ Голубые, охотно принимая вызовъ, ибо Лелій Феликсъ до сихъ поръ нисколько не уступаетъ своему противнику.

---

*) Семь разъ должны были колесницы объѣхать вокругъ цѣлевыхъ столбовъ, что дѣлалось приблизительно въ полчаса.

Не доѣзжая на длину лошади до поворота, Феликсъ кричитъ:

— Гутта, Гутта! пятнадцать тысячъ сестерцiевъ, и я поверну назадъ.

Но прежде чѣмъ достигаетъ до его слуха посланное въ отвѣтъ проклятіе, изъ сосѣдней ложи наводятъ на него отраженный солнечный свѣтъ, и передъ его ослѣпленными глазами искрятся и прыгаютъ голубыя, зеленыя, желтыя звѣзды.

Это Сильвія, всегдашняя покровительница Гутты, оказала ему услугу своимъ зеркаломъ.

— Проклятое зеленое отродье, клянетъ Феликсъ своего противника, протирая глаза. Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ осмотрѣться, Гутта, уже близкій отъ желанной цѣли, обгоняетъ его на двѣ лошадиныхъ длины.

— Впередъ, Гутта, впередъ! ты уже близокъ къ цѣли. Выносите вы, Пассеринъ, Океанъ, Целаторъ. Со всѣхъ сторонъ машутъ платками, чтобы довести горячихъ коней до бѣшенства.

Партія Голубыхъ начинаетъ падать духомъ.

Какъ свистятъ бичи! какіе жестокіе удары сыплятся на спины бѣдныхъ животныхъ. Пассеринъ, весь покрытый потомъ, храпитъ и фыркаетъ такъ, какъ будто хочетъ разорвать свою грудь на двое,—со всей мощной силой мчитъ онъ за собой своихъ усталыхъ товарищей.

Еще немного, еще одинъ прыжокъ и... благодареніе богамъ! мѣловая линія пройдена. Слѣдомъ за нимъ перескакиваетъ и Голубой.

— Euge! Эмилій,—наша гордость, наше счастье!

Слышите-ли вы эти крики, видите-ли какое движеніе поднимается и на верху и въ низу? Зеленые въ неописанномъ восторгѣ, а Голубые скрежещутъ зубами,—Бѣлые и Красные, сжимая кулаки, проклинаютъ и боговъ и людей.

Эмилій Гутта, побѣдитель, съ гордой осанкой стоя на своей колесницѣ, медленно проѣзжаетъ вдоль арены, осыпаемый цѣлымъ градомъ бантиковъ, лентъ, вѣнковъ. Передъ ложей императора онъ останавливается, и Агриппа подаетъ ему на серебрянномъ блюдѣ такъ называемый «iselasticum» кошелекъ, наполненный золотыми монетами, богато украшенныя одежды, золотое кольцо—отличительный знакъ свободнаго—и пальмовую вѣтвь.

Среди оглушительныхъ криковъ одобренія ѣдетъ Гутта на своихъ покрытыхъ пѣной и дрожащихъ отъ усталости коняхъ къ тріумфальнымъ воротамъ.

Не мало женскихъ сердецъ бьется сегодня сильнѣе при видѣ красиваго юноши, и каждая дѣвушка старается добиться хоть одного взгляда его огненныхъ глазъ. Его торжеству могъ-бы позавидовать самъ Цезарь.

Нескончаемыя привѣтствія сопровождаютъ побѣдителя до самыхъ воротъ. Зрители готовятся ко второму состязанію.

Но... что это? слышите, какой трескъ раздался вдругъ на южной сторонѣ цирка. Дикій крикъ вырывается изъ тысячи глотокъ, поднимаются тысячи рукъ, всѣ вскакиваютъ съ своихъ мѣстъ. О, ужасъ! Часть верхней деревянной галлереи и скамеекъ, подъ тяжестью неистово шумящей толпы рушится внизъ, увлекая за собой мужчинъ, женщинъ, дѣтей, и внизу на аренѣ уже высится гора тѣлъ, цѣлая живая куча раненыхъ, оглушенныхъ, раздавленныхъ, истекающяхъ кровью. Косяки, балки, скамьи летятъ сверху на ихъ головы; кровь ручьями течетъ по мраморнымъ плитамъ нижнихъ арkъ; съ четвертаго яруса упали несчастные, напрасно стараясь удержаться за косяки и деревянныя пристройки! нижніе, въ страшной борьбѣ со смертью, гибнутъ раздавленные верхними. Какіе крики о помощи, стоны и вопли умирающихъ! Въ ужасѣ бѣжитъ толпа къ выходамъ, перелѣзая лежащія на пути преграды и скачками спрыгивая внизъ; въ общей

свалкѣ тѣснятъ и давятъ другъ друга, каждый думая только о своемъ собственномъ спасеніи *).

Вырвавшись изъ своихъ стойлъ, испуганные кони мчатся во всѣхъ направленіяхъ по аренѣ, спотыкаясь и падая на кучи раненыхъ и убитыхъ.

Августъ, его дворъ, вся знать и женщины поспѣшно удаляются, ибо мѣсто состязанія теперь походитъ на кладбище.

Погребальныя повозки увозятъ сотни труповъ; толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей слѣдуетъ за ними, каждый имѣя въ числѣ погибшихъ или близкаго роднаго или знакомаго.

Праздникъ Флоры, такъ несчастливо прерванный, одѣвается въ трауръ.

Умолкаетъ на время крикъ толпы: panem et circenses...

* * *

На роскошномъ берегу Альмо, среди тѣнистыхъ кипарисовыхъ рощъ пріютился хорошенькій дачный домикъ извѣстнаго богача Марка Либіера. Пусты сегодня, прежде столь оживленные, сады и покои гостепріимной виллы, ибо хозяева еще до восхода солнца ушли въ циркъ на зрѣлище.

Оставленныя на попеченіе старой невольницы дѣти коротаютъ въ игрѣ медленно тянущееся время.

— Ужъ ночь на дворѣ, братецъ, обращается къ брату маленькая Марція,—а отецъ съ матерью еще не

*) Описанная здѣсь катастрофа есть дѣйствительный историческій фактъ. Во время этого несчастія, какъ говорятъ, погибло около 13,000 человѣкъ.

вернулись. Мнѣ что-то такъ страшно; такъ тоскливо у меня на сердцѣ.

— Не тревожься, милая сестрица, я ужъ слышу шаги и голоса возвращающихся изъ города невольниковъ, а отецъ съ матерью пріѣдутъ вслѣдъ за ними. Иди, сыграемъ еще разъ въ кости, вотъ моя лошадка, а вотъ твоя кукла. Я бьюсь объ закладъ, что Голубые будутъ побѣдителями. Посмотри, кости сегодня ко мнѣ очень благосклонны. Ну, теперь твоя очередь; возьми кубокъ.

— Братъ! слышишь шаги въ атріумѣ?

— Да, сестрица, но это слѣпая Сатурнія. Она отыскиваетъ ощупью, пробираясь вдоль стѣны, свою постель.

— Нѣтъ, братъ, возьми лампу и поди лучше посмотри; слухъ меня не обманываетъ: я слышу мужскіе голоса,—если это воры, я отъ страха, кажется, зароюсь въ землю. Но погоди, пойдемъ лучше вмѣстѣ, вдвоемъ намъ будетъ не такъ страшно. Видишь, стоитъ какой-то человѣкъ у двери! Спроси, что ему надо.

— Зачѣмъ въ такой поздній часъ пришелъ ты, незнакомецъ, въ нашъ домъ? Если ты пришелъ къ намъ какъ другъ, привѣтствуемъ твой приходъ, а если, какъ врагъ, то бойся гнѣва боговъ.

— Это домъ Марка Либіера?

— Да, такъ называется нашъ отецъ.

— Я пришелъ изъ цирка...

— Гдѣ же ты оставилъ нашихъ родителей?

— Случилось несчастіе съ вами, дѣти, вашу мать убило балкой, когда рухнула въ циркѣ галлерея, а вашъ отецъ, проигравъ мнѣ сегодня и домъ и дачу, нырнулъ въ Тибръ, чтобы остудить въ его волнахъ свою разгоряченную кровь. Я пришелъ сюда принять пріобрѣтенное мной сегодня имѣніе. Эти два человѣка были свидѣтелями нашего спора.

Бѣдныя дѣти, еще не отдавая себѣ вполнѣ отчета въ постигшемъ ихъ несчастіи, уставили на незнакомцевъ свои оросившіеся слезами глазки.

— Ну, дѣти, что-же вы смотрите на насъ съ такимъ удивленіемъ? Вы утомились вѣроятно? Идите, снимите свои платьица, и сегодняшнюю ночь я вамъ позволяю переночевать здѣсь, въ стойлахъ со скотомъ.

Крѣпко обнявшись рученками, спятъ на жесткой соломѣ дѣти, вчера еще богатыя, сегодня-же неимущія сироты. Они улыбаются во снѣ; имъ грезятся прекрасныя одежды, возничіе, кони, колесницы, окрашенныя въ зеленый и голубой цвѣта; они зовутъ отца, мать, которые ушли на праздникъ и... не возвратятся больше...

глаз—Вотъ она штука-то какая! Тамъ меня берегутъ и здѣсь берегутъ. Здѣсь бы должно быть и лучше, свои—родные, а тамъ чужые, а туда больше тянетъ. Вотъ ужь и соскучился, пѣшкомъ бы пошелъ, да стыдно. Она теперь, я полагаю, меня вспоминаетъ, не пойдетъ одна рыбу ловить. А вѣдь дѣло дрянь. Не вѣкъ же мнѣ у нихъ оставаться; кончу работу и раба божія спустятъ по морозцу. Ужъ, тяжело будетъ разставаться! Не соваться бы мнѣ, куда не слѣдуетъ. А ну! по крайней мѣрѣ останется пріятное воспоминаніе. Пусть будетъ, что будетъ! думалъ про себя Слѣпневъ, лежа на лужкѣ.

— Видишь, какъ нѣжится, раздался сверху голосъ.

— А, Лавровъ! Иди сюда.

— Безъ докладу не смѣю, чтобъ необезпокоить барина.

— Полно. Иди, покуримъ.

— Товарищи закурили папиросы.

— Когда ты пріѣхалъ? спросилъ Слѣпневъ.

— Пришелъ, а не пріѣхалъ. Мы все по образу пѣшаго хожденія. Собосѣдствуешь ногами отъ стѣсненія въ сапогахъ и ищешь станціи, гдѣ-бы отдохнуть. Вчера въ ночи прибылъ отъ попа Семена къ Терентьичу. Недѣльку отдохну, и дальше къ дьякону Степану.

— А потомъ?

— У дяди можно мѣсяцъ прожить безъ зазрѣнія совѣсти. Отъ дяди къ теткѣ просвирнѣ въ Богослово, на перепутьи, а потомъ дальше въ Кукуй, либо въ Ругую.

— Тебѣ не надоѣстъ шататься?

— Большаго удовольствія не доставляетъ, надо же кормиться; волка ноги кормятъ. Въ моей скитальческой жизни интереснаго нѣтъ ничего; путешествуемъ словно кругомъ свѣта. Какъ-то ты съ барами живешь? разсказки.

— Не что, живется.

— То-есть со всячиной. Важничаютъ, небось, носъ задираютъ?

— Этого нѣтъ, со мной ласково и радушно обходятся, какъ въ своей семьѣ живешь.

— Правда-ли полно? Они на насъ смотрятъ, какъ на молодцей. Иной самъ нуль съ нулемъ, а передъ нашимъ братомъ носъ задираетъ.

— Какъ съ другими, а со мной хорошо обходятся не только хозяева, но и гости.

— Ты парень ловкій, литераторомъ смотришь.

— Полно надсмѣхаться.

— Серьезно тебѣ говорю,—въ семинаріи либераломъ слылъ. Какъ ты пристроился?

— Фуксомъ попалъ. Я самъ не знаю какъ.

— Разскажи, какъ было дѣло.

— Разъ въ праздникъ вернулся домой Петръ Алексѣичъ и говоритъ мнѣ: Попался на дорогѣ мнѣ Воложбинъ и звалъ сегодня вмѣстѣ съ тобой чай пить. Меня-то зачѣмъ? Какое-то дѣло до тебя есть. Какое ему до меня дѣло? Ничего не сказалъ, только очень просилъ, ему съ тобой поговорить хочется. Справились и поѣхали. Всю дорогу меня мучила мысль, какое дѣло до меня Воложбину. Пріѣхали, напились чаю, меня въ кабинетъ повелъ Воложбинъ, у меня голенищы захлопали, такъ жутко стало. Усадилъ это онъ въ кресло противъ себя и говоритъ: Я намѣренъ вамъ предложить небольшое дѣло. Надобно вамъ сказать, что я готовлю земскому собранію докладъ по народному образованію, вотъ онъ, и Воложбинъ указалъ цѣлую кипу исписанной бумаги на столѣ. Работа почти кончена вчернѣ, остается только изложить по живѣе, развить нѣкоторыя мѣста по эффектнѣе, однимъ словомъ разцвѣтить, переписать почище, конечно, съ соблюденіемъ правописанія и знаковъ препинанія. Вы образованный человѣкъ и обладаете особеннымъ даромъ слова, какъ я наслышанъ, надѣюсь не откажите моему предложенію, тѣмъ болѣе, что всѣ матеріалы собраны и будутъ у васъ подъ рукой. Что тутъ было отвѣчать? Въ такое положеніе поставилъ, хоть въ окно прыгай. Надо, говорю, познакомиться съ дѣломъ, по моимъ-ли силамъ.— Это непремѣнно. Я самъ буду руководить васъ, это много облегчитъ работу. Теперь обратимся къ болѣе щекотли-

моему вопросу. По моему, лучше говорить прямо, чѣмъ пускаться въ различныя тонкости. Квартира и содержаніе у меня въ домѣ, вмѣстѣ съ нами, вознагражденія двадцать пять рублей въ мѣсяцъ. Вы согласны? Я вамъ чрезвычайно благодаренъ за предложеніе, говорю, лучшаго я и желать не могу, только въ состояніи ли я исполнить ту работу, которую вы намѣрены мнѣ поручить? Безъ малѣйшаго сомнѣнія, отвѣчаетъ онъ; мы будемъ вмѣстѣ, и дѣло у насъ пойдетъ прекрасно. Согласны? онъ протянулъ мнѣ руку, долженъ былъ подать ему свою. Благодарю васъ, сказалъ онъ, пожимая мнѣ руку. Завтра я жду васъ совсѣмъ къ себѣ. Комнату для васъ приготовятъ и все необходимое, вы много не хлопочите, я постараюсь васъ устроить какъ возможно удобнѣе. Свѣту божьяго не взвидѣлъ я, такъ онъ меня озадачилъ, не помню, какъ мы выбрались отъ него. Дорогой разсказалъ подробно все Петру Алексѣичу. Чего ты растерялся? говоритъ онъ мнѣ; дѣло самое простое. Воложбинъ добрый человѣкъ, но тупой; дурь нашла на него писать объ уравненіи повинностей и о народномъ образованіи, больше году онъ возится, а дѣло все врозь ползетъ, самолюбіе разыгралось. Работы будетъ довольно, все надо снова передѣлывать и передѣлывать по своему; ты съ нимъ не спорь, а дѣлай, какъ найдешь лучше, и онъ останется доволенъ. Въ тысячу разъ лучше тебѣ у него жить, чѣмъ учителемъ маяться. На другой день къ вечеру переѣхалъ. Комнату мнѣ отвели вверху большую, свѣтлую, окнами на рѣку, видъ — хоть отъ окна не отходи, ковры по полу разостланы, мебель [illegible], столъ письменный огромный, книгъ навалено, лакей раздѣвать меня явился. Ну, конечно, я его спровадилъ. Всталъ утромъ на другой день въ восемь часовъ, прислушался; въ домѣ никто не шевелится, пересмотрѣлъ книги, — все журналы земскихъ собраній, да отчеты, и сѣлъ къ окну любоваться природой. Къ десяти часамъ пригласили чай пить. Съ часъ просидѣли за чаемъ и пошли въ кабинетъ. Воложбинъ пру-

числѣ мнѣ нужно будетъ, вотъ, познакомитесь съ моими трудами, а съ завтрашняго дня мы примемся за работу.

Принесъ я это сокровище наверхъ къ себѣ, да какъ посмотрѣлъ, у меня и руки опустились, писано неразборчиво, безграмотно, знаки препинанія разставлены все где. Разъ прочитаешь страницу, другой, третій, насилу сообразишь. Въ двѣнадцать часовъ завтракать, въ четыре часа обѣдать, а въ девятомъ чай пить позвали. Я послѣ чаю, по обыкновенію, направился во свояси, а барышня и говоритъ: вы хоть вечеръ-то намъ подарите. Остался, разболтался и не замѣтилъ, какъ до часу просидѣли. На другое утро составилъ планъ доклада, баринъ одобрилъ, надо было перечитать и сдѣлать сводку постановленій собранія за всѣ годы. Вотъ, я тебѣ доложу, гдѣ темный лѣсъ. Каждый годъ все по новому, какъ будто прежняго постановленія и не существовало. Одинъ годъ рѣшили приглашать учителями отставныхъ гвардейскихъ унтеръ-офицеровъ, какъ людей выдержанныхъ и высоконравственныхъ, на другой — семинаристовъ. Мужиковъ облюбили. Школу создали для приготовленія учителей изъ крестьянъ. Чего только не было съ этой школой. Постановили кромѣ крестьянскихъ дѣтей никого не принимать. Обучать естественнымъ наукамъ, географіи, астрономіи, съ физикой знакомить, обучать прикладнымъ знаніямъ. И всему этому научить надо въ три года. Ну, ладно. Оказалось, что эти мудрецы по русски правильно писать не умѣютъ. Опять ломка. Школу сдѣлать открытой, допустить дѣтей всѣхъ сословій, сократить по естествознанію уроки, а прибавить по русскому языку, прикладныя знанія совсѣмъ изгнать. На слѣдующій годъ опять ломка, снова заводить учить прикладнымъ знаніямъ, и такимъ образомъ, что новый годъ, то новая перемѣна. Задумали конкурсъ для народныхъ учебниковъ своей школы.

— Они бы новую азбуку выдумали. Есть азбука церковная, есть азбука гражданская, какъ же не быть земской? перебилъ товарищъ.

— Наконецъ одолѣлъ все, и дѣло теперь къ концу подвигается.

— Ты цѣлый день и сейчасъ не разгибаешь?

— Теперь-то нѣтъ. Цѣлый день провожу съ ними, рыбу удимъ съ барышней, грибы собираемъ.

— Одинъ на одинъ.

— Конечно.

— Ты бы ее облапилъ.

— Тьфу, ты всегда мерзость скажешь.

— Нечего плеваться, многимъ нравится.

— Вотъ вся моя исторія.

— Хорошо. Я было то же пристроился. Забрался къ отцу Терентію, положимъ онъ вдовый, одинокій, и къ тому еще добрѣйшей души. Обрадовался онъ мнѣ. Живи, говоритъ, у меня. Я остался — живемъ и благодушествуемъ, то вечерю любви сотворимъ, то душеньку выпьемъ, то разрѣшеніе вина и елея. Дожили до зимы, начались посѣдки въ деревнѣ, сталъ я похаживать. Дѣвки пѣсни орутъ, парни либеральничаютъ съ ними. Надоѣли. Постой, думаю, удружу вамъ. Сдѣлалъ шутиху, принесъ на посѣдку, зажегъ и пустилъ. Поднялся гвалтъ, дѣвки на скамейки повскакали, подолы подымать стали, я въ суматохѣ-то и ускользнулъ. Прибѣжалъ домой и разсказываю отцу Терентію. Дѣло плохое, говоритъ отецъ Терентій, тебѣ и часу оставаться здѣсь нельзя; парни поймаютъ, да такъ бока намнутъ, что всю жизнь будешь помнить. Заложили коня, отвезли раба божія въ ближній погостъ; оттуда я опять пустился странствовать.

Товарищи разсмѣялись, условились сойтиться вечеромъ.

Послѣ обѣда Степановъ соснулъ немного, спустился чай пить. Онъ былъ молчаливъ и задумчивъ. Матушка замѣтила эту перемѣну.

— Что это сталось съ парнемъ? обратилась матушка къ Петру Алексѣичу, когда ушелъ Степановъ. — Прежде безъ умолку звонилъ, какъ колоколъ, а теперь ходитъ [illegible].

— Работы много.

— Какая у него забота.

— Дѣло-то нелегкое, за которое онъ взялся.

— Зачѣмъ и браться было, когда не по силамъ.

— Нельзя сказать, чтобъ не по силамъ было; у него быстрыя способности. Пошелъ бы въ академію, магистромъ кончилъ бы курсъ.

— Зачѣмъ же ты не посовѣтуешь.

— Приневоливать не стану. Хочетъ идти, помогу; а посылать не стану. Время еще не ушло, можетъ быть еще и надумается.

На другой день Слѣпневъ кое-какъ дотянулъ до обѣда, а послѣ обѣда сталъ просить, чтобъ его отвезли. Отецъ Петръ съ матушкой оставляли еще на денекъ, но онъ сослался на поспѣшность работы и несказанно обрадовался, когда подали къ крыльцу телѣжку.

Лавровъ пришелъ проститься съ товарищемъ.

— Похлопочи обо мнѣ. Не будетъ ли и мнѣ какой работы. Я могу написать проэктъ, какъ изъ мякины веревки сучить.

XI.

Ильѣ широко празднуютъ, нѣтъ того прихода, гдѣ не справляли бы праздника Ильѣ въ двухъ-трехъ деревняхъ и болѣе. День этотъ извѣстенъ между крестьянами подъ названіемъ перваго осенняго праздника. Пророкъ Илья въ большомъ уваженіи у народа, чуть-ли не выше всѣхъ почитается, хотя никто не можетъ опредѣленно уяснить себѣ, кто въ самомъ дѣлѣ Илья. Скажите мужику, что Илья пророкъ изъ евреевъ, такъ онъ пожалуй за это и бока намнетъ, а кто онъ и откуда, все-таки не разскажетъ.

Въ Ильинскомъ погостѣ, въ этотъ день храмовой праздникъ, торжество великое, крестный ходъ въ поле къ часовнѣ, версты за три. Народъ собрался со всѣхъ окрестныхъ деревень. Наѣхали торговцы съ краснымъ

товаромъ и лакомствами. Кругомъ церкви толпился народъ; много группъ расположилось на лужкѣ; въ повозкахъ уже началась торговля. Зазвонили на колокольнѣ во всѣ колокола, показался изъ церкви крестный ходъ, народъ заволновался, женщины и мужики устраивались въ рядъ гуськомъ въ наклонномъ положеніи по тому направленію, куда долженъ идти крестный ходъ, чтобы перенесли черезъ нихъ образа. Крестный ходъ двинулся, и пестрыя толпы разсыпались по всему полю.

Болѣе часу происходила эта церемонія, и далеко за полдень кончилась служба.

Въ это время къ Зѣверевымъ стали наѣзжать гости, кто изъ церкви, кто прямо изъ дому. Весь дворъ загрузился разнокалиберными экипажами.

Въ залѣ сервированъ былъ столъ на тридцать персонъ, въ боковой комнатѣ на большомъ столѣ поставлена была закуска. Чего тутъ не было? Селедки, убранныя зеленью, икра, соленые и маринованные грибы всѣхъ сортовъ, копченая и соленая рыба, гусиныя полотки и копченая дичь, масло, сыръ и яйца; длинный рядъ бутылокъ съ разными водками и наливками довершалъ украшеніе стола. Гости столпились у стола, выпивали, закусывали и подхваливали хозяйку.

Въ комнату вбѣжалъ, запыхавшись, Бубновъ.

— Опоздалъ, привѣтствовали его гости.

— Благополучно-ли съѣздилъ къ Алабьеву? спросилъ кто-то.

Раздался дружный веселый смѣхъ, Бубновъ насупился.

— Мало-ли что бываетъ; вороны прямо летаютъ и тѣ не попадаютъ, сказалъ кто-то изъ гостей.

Снова раздался смѣхъ, Бубновъ сконфузился. Гости продолжали свое занятіе.

Дамъ было немного, но и для нихъ Авдотья Семеновна устроила закуску на особомъ столѣ въ гостиной.

Говоръ, шумъ; гости понемногу стали отодвигаться отъ стола, на которомъ произведено страшное опустошеніе.

Въ четыре часа сѣли обѣдать.

Кулебяка съ рыбой была принята съ особеннымъ уваженіемъ, много было насказано комплиментовъ Авдотьѣ Семеновнѣ. Къ тѣльнымъ щамъ отнеслись съ должнымъ вниманіемъ, сиговъ разварныхъ расхвалили, цыплятъ подъ соусомъ проглотили, какъ легкую вещь. Жареную телятину превознесли, и было за что: рѣдкостная была телятина, жирная, бѣлая, пухлая, во рту таяла. Прохладились пломбиромъ и закусили бланманже.

Авдотья Семеновна увела дамъ въ гостиную, гдѣ поданъ былъ десертъ, а мужчины остались за столомъ, кто не кончилъ разговора, кто недослушалъ анекдота, а главное, осталось много еще недопитыхъ бутылокъ. Закурили, и пошла оживленная бесѣда.

Воложбинъ всталъ прежде всѣхъ изъ-за стола, и съ дочерью отправился домой, его пошли провожать Звѣревъ и Бубновъ.

— Хорошо бы выпроводить Бубнова, сказалъ одинъ изъ гостей. Случай очень удобный переговорить кое о чемъ, а при немъ нельзя, разнесетъ все, какъ вѣтеръ по полю.

— Его не выживешь, онъ ночевать останется.

— Можно выжить, замѣтилъ Гвоздевъ.

— Любопытно бы знать, какъ его выживете.

— Командировать къ Сердюкову.

— Не поѣдетъ.

— Поѣдетъ. Подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы провести Сердюкова. Попросите его съѣздить съ извѣстіемъ, что здѣсь на обѣдѣ порѣшили выбрать снова Сердюкова въ предсѣдатели.

— Вы и распорядитесь сами; вы умѣете его обработывать.

— Мнѣ не удобно; онъ еще болота не забылъ.

Гости залились веселымъ смѣхомъ.

Вошелъ Бубновъ.

— Жоржъ, Жоржъ, раздалось со всѣхъ сторонъ.

Снова всѣ разразились смѣхомъ.

Бубновъ оглядѣлся, онъ стоялъ посреди комнаты, выпуча глаза.

— Иди, садися съ нами, большая просьба къ тебѣ, жертва великая.

Бубновъ не рѣшался подвинуться къ столу.

Смѣхъ не прекращался.

— Да иди ты, садись, прѣзловредница! уморишь ты насъ со смѣху, едва проговорилъ, задыхаясь отъ смѣха, почтенный старичекъ.

Опять раздался хохотъ.

Бубновъ нерѣшительно нарочно подошелъ и сѣлъ за столъ.

Гости переглянулись и покатились со смѣха.

Бубновъ встревожился, онъ началъ осматриваться, подозрѣвая, что не будетъ ли съ нимъ какой продѣлки.

Долго продолжался смѣхъ. Успокоятся не много, кто-нибудь взглянетъ на Бубнова, засмѣется и всѣ подхватятъ.

Бубновъ не вытерпѣлъ.

— Одурѣли вы, что-ли; чего зубы скалите?

Произошелъ новый взрывъ смѣха.

Наконецъ успокоились кое-какъ.

— Не подумайте чего-нибудь дурнаго, Егоръ Марьяничъ, мы такъ, просто съ дури хохотали. Вотъ онъ ляпнулъ такое слово, что отъ смѣха не удержаться, проговорилъ старичекъ, указавъ на Гвоздева.

— Надо повалить идола, а безъ вашей помощи не одолѣть.

— Хоть убейте, ничего не понимаю, отвѣтилъ Бубновъ.

— Мы толковали о томъ, какъ бы провести Сердюкова. Онъ подозрѣваетъ насъ, вотъ и сюда не показывается. Подберетъ себѣ партію изъ крестьянъ; тогда съ нимъ не справиться. Вотъ мы и придумали, чтобъ обезпечить его насчетъ выборовъ, увѣдомить его, что молъ здѣсь на обѣдѣ порѣшили оставить его по прежнему предсѣдателемъ.

— Когда окончательно рѣшили? спросилъ съ недоумѣніемъ Бубновъ.

— Никогда не рѣшайи. Чтобъ только ему глаза завѣсить, чтобъ онъ не хлопоталъ у крестьянъ. Понимаете?

— Понимаю, весело отвѣтилъ Бубновъ.

— Надо сейчасъ къ нему ѣхать и сообщить. Выручите Егоръ Марьянычъ, съѣздите.

— Будто кромѣ меня некому.

— Если кто изъ насъ поѣдетъ, онъ усумнится, зачѣмъ съ нароку къ нему пріѣхалъ! Вы, другое дѣло, скажете, что по дорогѣ завернулъ, ѣду молъ къ такому-то; онъ знаетъ, что у васъ дѣла много, засиживаться въ гостяхъ некогда, а добрую вѣсть сообщить вы всегда готовы хорошему человѣку. Ну и сойдетъ гладко.

— Съѣзди Жоржъ, съѣзди, посыпалось со всѣхъ сторонъ.

— Это ни на что не похоже. Что я за мученикъ! Оставить такое пріятное общество. Побойтесь Бога! взмолился Бубновъ.

— Принесите жертву земству; вы посвятили себя ему на служеніе. Отъ этого зависятъ важныя послѣдствія.

— Господи! Сколько я принесъ жертвъ безкорыстныхъ, а никто моихъ заслугъ не оцѣнилъ! воскликнулъ Бубновъ.

— Оцѣнимъ Жоржъ, оцѣнимъ. Будешь доволенъ, раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Быть по вашему, сказалъ Бубновъ, выпилъ стаканъ вина и уѣхалъ.

Между гостями поднялся хохотъ.

— Извините, добрѣйшій Валерьянъ Павловичъ, если мы съ вашего позволенія откроемъ временное отдѣленіе по земскимъ дѣламъ, заговорилъ старичекъ, когда гости успокоились.

— Мнѣ это доставитъ удовольствіе, и хоть познакомлюсь съ этимъ дѣломъ, отвѣтилъ Ѳедоровъ.

— Вниманіе, господа, вниманіе! воскликнулъ старичекъ.

— Итакъ мы въ общемъ собраніи единодушно пристанемъ устранить нынѣ дѣйствующаго предсѣдателя и избрать новаго. Кого же?

— Позвольте господа, вмѣшался Гвоздевъ. Надо совершенно оставить арену.

— То есть?

— Всѣмъ служащимъ по выборамъ въ уѣздѣ замѣнить новыми.

— Очень строго будетъ; на первый разъ хоть двухъ-трехъ, а остальные пусть служатъ.

— Я осмѣливаюсь предложить вамъ очередную. Совершенно несообразно съ экономическими расчетами пользоваться постоянно одному и тому же лицу субсидіей. Выгоднѣе будетъ для всякаго, если эта субсидія будетъ передаваться другому черезъ три года. Составъ выборныхъ будетъ обновляться, и субсидія будетъ распредѣляться равномѣрно.

Послѣ долгихъ преній предложеніе было принято.

— Кого же предсѣдателемъ? спросилъ старичекъ.

— Не удобнѣе ли прежде поднять вопросъ о предводителѣ, замѣтилъ Гвоздевъ.

— Какъ? и предводителя новаго? спросило нѣсколько голосовъ.

— Надо бы его спустить, скряга, дома никогда не застанешь, не покормитъ, какъ пріѣдешь въ городъ,— отозвался одинъ изъ гостей.

— Не прежнее время, возразилъ другой. Бывало покойникъ Бомгартенъ нарочно флигель особый для дворянъ [illegible]. Обидится, если не у него остановимся.

— Къ вопросу, къ вопросу! раздалось нѣсколько голосовъ.

— Кто пойдетъ въ предводители?

— Воложбина просить, Воложбина!

— Воложбинъ не пойдетъ, къ нему нечего и обращаться, онъ думаетъ добиться предсѣдателя губернской управы.

— Кто же пойдетъ даромъ служить, нынѣ предводителю дѣла много.

— Замѣтьте еще, [illegible] можетъ двѣ тысячи получать жалованья, замѣтилъ Гвоздевъ.

— Жалованье? Откуда жалованье?

— Предводителя надо выбирать предсѣдателемъ управы, вотъ и жалованье; ему заодно въ городѣ жить.

— За такой умный совѣтъ позвольте вамъ поднести маршальскій жезлъ. Выпьемъ господа за здоровье будущаго предводителя Ивана Иваныча.

— Позвольте, господа, позвольте, остановилъ Звѣревъ. — За честь и вниманіе я приношу вамъ мою искреннюю благодарность; но отъ избранія покорнѣйше прошу уволить. Я далъ себѣ слово ни въ какія должности не вступать, развѣ придавитъ когда, нужда заставитъ искать насущнаго хлѣба, тогда я, господа, обращусь къ вамъ за помощью, а теперь увольте.

— Иванъ Иванычъ! только на три года.

— Ни на одинъ день. Это неизмѣнное мое рѣшеніе.

— Кого же?

— На двѣ тысячи жалованья всякій пойдетъ.

— Мотовилова, крикнулъ одинъ голосъ.

— Мотовилова, такъ Мотовилова. Хорошій человѣкъ и усадьба близь города.

— Кого же господа? спросилъ старичекъ.

— Мотовилова, Мотовилова!

— Быть Мотовилову. Членомъ Управы?

— Валерьяна Павловича, раздалось со всѣхъ сторонъ.

Звѣревъ всталъ и поклонился.

— Благодарю за честь, господа, но извините, — принять не могу.

— Ну вотъ, всѣ лучшіе люди отказываются.

— Валерьянъ Павловичъ, мы за особенную честь считаемъ имѣть васъ въ ряду нашихъ дѣятелей.

— Увольте, господа. Повѣрьте честному слову, — не могу принять на себя этой обязанности.

— Макарыча надо завербовать, крикнулъ одинъ изъ гостей.

— Степанъ Макарычъ, мы васъ просимъ.

— Господа, господа, говорить, замялся, Макарычъ.

— За здоровье новаго члена! раздались голоса и пошли поклоны.

— Въ товарищи къ нему сосѣда? спросилъ старичекъ.

Выпили за здоровье сосѣда.

— Непремѣннымъ членомъ Вильяшева.

— Вильяшева, Вильяшева! подхватили хоромъ.

— Не ладно, господа, остановилъ Гвоздевъ. У Вильяшева семья большая, чего стоитъ перетащить ее въ городъ, хозяйство разстроится, а на полторы тысячи едва ли возможно въ городѣ прожить. Хотите помочь, выберите судьей, это составитъ ему большую субсидію.

— Человѣкъ-то простой.

— Не глупѣе Ардаліона.

— Ардаліона куда?

— Въ почетные.

— Почетъ не дастъ хлѣба.

— Не первое трехлѣтіе служитъ, заправился.

— Быть по сему.

— Непремѣннымъ членомъ Алексѣя Михайловича, крикнулъ кто-то.

— Алексѣй Михайловичъ, мы васъ просимъ.

— Благодарю, господа!

— За здоровье Алексѣя Михайловича.

— О другихъ судьяхъ рѣшимъ при выборахъ.

— Умныя рѣчи пріятно и слушать.

— Теперь о Воложбинѣ. Трудно намъ будетъ провести его въ предсѣдатели, не пересилить большинства.

— Вы сами можете составить большинство. Отъ нашего уѣзда двѣнадцать губернскихъ гласныхъ, четвертая часть, еще столько и половина. Постарайтесь быть единодушными и привлечь на свою сторону мелкіе уѣзды, отъ которыхъ по пяти или по четыре гласныхъ; эти будутъ искать себѣ опоры въ большомъ уѣздѣ, непремѣнно къ вамъ пристанутъ, такимъ образомъ и составится большинство, возразилъ Гвоздевъ.

— Условія то тяжелыя, часто хамовъ предлагаютъ поддерживать.

— Вѣдь не въ нашъ уѣздъ придется, а къ нимъ. Чортъ ихъ возьми, за то вы во всѣхъ вопросахъ опираться на нихъ будете.

— Въ Стипенскомъ уѣздѣ пять губернскихъ гласныхъ: отецъ, сынъ, зять и два племянника и какъ устроились хорошо! Предводителемъ отецъ, предсѣдателемъ зять, членами управы племянники, а сынокъ непремѣннымъ членомъ. Весь уѣздъ въ руки забрали, что хотятъ, то и творятъ.

— Такихъ то и подбирайте, тогда и Воложбина проведете.

— По части выборовъ, кажется, все покончено? спросилъ старичекъ.

— Нѣтъ, не все, — возразилъ Гвоздевъ, Земскаго Ярыжку забыли.

— Веселый смѣхъ былъ отвѣтомъ Гвоздеву.

— Позвольте, господа, напомнить вамъ объ обѣщаніи, данномъ ему.

— Куда же его выбрать?

— Даете честное слово, что выберете.

— Вы скажите куда.

— Дадите честное слово, скажу.

— Даемъ, даемъ, даемъ!

— Смотрите, господа, отъ даннаго слова не отпираться. Земскаго Ярыжку слѣдуетъ избрать членомъ губернской управы.

Оглушительный смѣхъ былъ отвѣтомъ.

— Шутникъ, вы, Иванъ Ивановичъ. Земскаго Ярыжку членомъ губернской управы! Ха-ха-ха-ха-ха!!!

— Я не шутя предлагаю, а серьезно.

— Серьезно! ха-ха-ха! Какая можетъ быть польза?

— Вы, господа, не хотите видѣть собственной выгоды.

— Что дальше, то мудренѣе, извините, мы васъ не можемъ понять.

— Кажется, такъ просто. Неужели онъ никому не надоѣлъ своей болтовней и сплетнями? Онъ вѣкъ насъ можетъ перемутить и разсорить. Выберите членомъ

управы, уѣдетъ въ губернскій городъ, на три года новой намъ дастъ. Кромѣ того, его тамъ взвуздаютъ, въ три то года такъ вынутюжатъ, что вернется къ намъ совершенно другимъ человѣкомъ.

— Браво, браво, браво!! закричали всѣ въ голосъ.

— За здоровье Ивана Ивановича!

— Господа, вы связаны честнымъ словомъ, надѣюсь сдержите.

— Вѣрно сдержимъ. Быть Земскому Ярыжкѣ членомъ губернской управы. За Земскаго Ярыжку, господа!

— Еще одна просьба. Ему не сообщайте. Онъ самъ себѣ испортитъ, прежде времени разболтаетъ.

— Согласны, согласны.

— Теперь, господа, насчетъ земскихъ вопросовъ, заговорилъ старичекъ.

— Не подымайте вы, Бога ради, новыхъ вопросовъ, а пережевывайте старое. Такъ прибыльнѣе будетъ.

— Такъ встанетъ совсѣмъ земское дѣло.

— И такъ не далеко ушло. Всякій новый вопросъ требуетъ новыхъ расходовъ, а это тяжело отзывается на плательщикахъ.

— Что же послѣ этого дѣлать въ собраніи?

— Урѣзывать смѣту, урѣзывать, какъ можно больше.

— Помилуйте! Это невозможно. Вотъ хоть бы пути сообщенія, надо же ихъ когда нибудь привести въ порядокъ.

— Сами собой приведутся.

— Мудрено что то вы говорите.

— Какъ будете чередоваться въ избраніи управы, такъ каждый новый предсѣдатель и членъ первымъ долгомъ позаботится исправить дорогу къ дому; изъ экономическихъ суммъ или другимъ способомъ, а найдетъ средства. Такимъ образомъ по немногу пути сообщенія и исправятся.

— Что за свѣтлая голова! Надо выпить за его здоровье.

— За здоровье Ивана Ивановича.

— А уравненіе повинностей?

— Предоставьте Воложбину. Третій годъ надъ земскимъ дѣломъ бьется, что-нибудь да выйдетъ.

— Вряд ли! Самъ-то онъ пороху не выдумаетъ.

— Все же поддержать его надо.

— Поддержать-поддержимъ, а обѣщать нельзя.

— Надо предоставить будущему.

— Валерьянъ Павловичъ! обратился старичекъ къ Звѣреву. Самъ Богъ послалъ намъ въ васъ не только ученаго и образованнаго, но и гостепріимнаго сосѣда; благодаря вашему хлѣбосольству, мы имѣли возможность обмѣняться мнѣніями насчетъ нашихъ общихъ дѣлъ и устроить все въ духѣ любви и согласія. До васъ у насъ свирѣпствовала разногласица и не было у насъ нейтральной земли, гдѣ мы могли высказаться не подъ вліяніемъ какой-либо партіи; на васъ мы смотримъ, какъ на сосѣда-примирителя и во всѣхъ случаяхъ будемъ и впередъ прибѣгать подъ вашъ мирный кровъ, чтобъ тушить наши раздоры. Въ знакъ искренняго нашего расположенія и уваженія къ вамъ, какъ милости, просимъ васъ принять званіе гласнаго уѣзднаго и губернскаго.

— Валерьянъ Павловичъ! Валерьянъ Павловичъ! раздавалось со всѣхъ сторонъ и Звѣревъ пошелъ переходить изъ объятій въ объятія своихъ гостей отъ однаго къ другому.

Гости чокались, обнимались и цѣловались съ хозяиномъ и другъ съ другомъ. Въ концѣ концовъ многіе такъ нагрузились, что не могли попасть въ свой экипажъ безъ посторонней помощи.

XII.

На террасѣ послѣ обѣда сидѣли Воложбинъ, дочь и Слѣпневъ. Воложбинъ, откинувшись на спинку кресла, курилъ сигару; Слѣпневъ поодаль отъ Воложбина сидѣлъ за небольшимъ столикомъ противъ Елены Александровны, въ рукахъ онъ вертѣлъ книгу.

— Ты рѣшила не ѣхать въ городъ? спросилъ дочь Воложбинъ.

— Не поѣду, папа, что мнѣ тамъ дѣлать!

— Конечно, лучше не ѣхать. Только не передумай, рѣшай окончательно сегодня, а завтра будетъ нельзя.

— Рѣшительно не поѣду.

— Ну, смотри.

— Ахъ, папа! неужели я такая вѣтреная, что каждый часъ готова перемѣнять свое рѣшеніе.

— Съ тобой надо ѣхать въ каретѣ, а безъ тебя я поѣду въ тарантасѣ, мнѣ такъ удобнѣе.

— И поѣзжайте съ Богомъ въ тарантасѣ.

Послышался звонъ поддужнаго колокольчика.

— Кто-то ѣдетъ, и навѣрное къ намъ.

— Бубновъ, больше некому, сказала Елена Александровна.

— Звѣревъ, сказалъ Слѣпневъ и пристально поглядѣлъ на Воложбину.

— Я вамъ говорю—Бубновъ. Елена Александровна топнула ножкой.

— Вотъ одолжитъ, какъ навяжется въ попутчики, сказалъ съ огорченіемъ Воложбинъ.

— Онъ этого не сдѣлаетъ, возразила дочь.

— Отъ него станется.

— Можно и безъ церемоніи отказать.

Вошелъ въ садъ Бубновъ.

— Что? сказала съ укоромъ Воложбина Слѣпневу.

— Можете себѣ представить, какой случай-то упущенъ! заговорилъ Бубновъ, умѣстившись въ кресло противъ хозяина.

— Какой случай?

— Я не понимаю, какъ можно дойти до такой распущенности! Выборы на носу, а объ нихъ никто и не думаетъ. Собрались къ Звѣреву, кутнули, а объ дѣлѣ ни слова!

— Будто ничего не говорили? Я нарочно раньше уѣхалъ, чтобы не стѣснять ихъ.

— А скоро Гвоздевъ, распуститъ лясы, а они уши развѣсятъ. Можете представить себѣ, что было послѣ васъ? Я вернулся, а они умираютъ отъ смѣха, притихнутъ, да снова; отъ смѣха выговорить слова не могутъ. Я впрочемъ прiостерегся, думаю, не затѣялъ-ли какую штуку сыграть Гвоздевъ, отъ него всего ожидать можно. Съ полчаса они хохотали, взглянутъ другъ на друга и покатятся со смѣха.

— Чему же они смѣялись?

— Дурь нашла. Гвоздевъ что-то сморозилъ, они начали заливаться смѣхомъ.

— А потомъ что было? Полагаю, они не скоро разошлись.

— Чуть не до полночи кутили.

— Такъ-таки ничего и не говорили о выборахъ.

— Ничего. Я почти сряду послѣ васъ уѣхалъ къ Сердюкову.

— Теперь понятно отъ чего пропустили удобный случай. Очень нужно было ѣхать къ Сердюкову. Безъ васъ что они могли устроить? не безъ ироніи произнесъ хозяинъ.

— Стали посылать меня, просить, всѣ приступили ко мнѣ: съѣзди да съѣзди, пожалуйста. Ну, какъ не поѣхать?

— Зачѣмъ же?

— Придумали-то они хорошую штуку. Чтобъ успокоить насчетъ выбора Сердюкова, чтобъ онъ не сталъ набирать себѣ сторонниковъ изъ крестьянъ, они послали меня сообщить ему, что молъ на обѣдѣ у Звѣрева порѣшили оставить его предсѣдателемъ. Штука удалась. Сердюковъ обрадовался, угощать меня началъ. Бутылку шампанскаго роспили!

— Можетъ быть они безъ васъ и потолковали?

— Я уже у всѣхъ перебывалъ, допытывался. Рѣшительно ничего не было. Гвоздевъ каламбурилъ, разсказывалъ анекдоты, а они смѣялись да попивали; нагрузились порядкомъ и разъѣхались. Вы когда ѣдете?

— Завтра къ вечеру выѣду.

— Что вы Александръ Александровичъ? Нельзя-ли вамъ сегодня въ ночь пуститься.

— Зачѣмъ? Выборы послѣ завтра.

— Ахъ, Боже мой! Надо же что-нибудь передъ выборами-то сдѣлать. Я, знаете-ли, что хочу сдѣлать. Устрою завтра у себя небольшую закуску днемъ, въ это время и переговоримъ. Поѣзжайте ночью, при васъ все дѣло лучше пойдетъ.

— Не могу, Егоръ Мартьянычъ, никакихъ еще распоряженій не сдѣлано.

— Долго-ли? Вамъ стоитъ приказать; управляющій вашъ исправный человѣкъ. Можетъ быть Елена Александровна поѣдетъ.

— Я не ѣду.

— Отчего вамъ-то ночью не выѣхать? Я бы предложилъ со мной ѣхать, но боюсь, что мой тарантасъ не понравится.

— Благодарю покорно. Мнѣ надо ѣхать въ своемъ.

— Прощайте, сказалъ грустно Бубновъ.

— Чего вы торопитесь? будемъ чай пить.

— Благодарю васъ. Некогда. Когда доберешься до города, выспаться надо. Завтра хлопоть-то, хлопотъ!...

— Славную штуку устроили, сказалъ Воложбинъ, когда ушелъ Бубновъ.

— Съ Сердюковымъ? спросила дочь.

— Не съ Сердюковымъ, а съ Земскимъ Ярыжкой. Они должно быть нарочно его спровадили, чтобъ безъ него переговорить обо всемъ.

— Легко могло случиться, сказалъ Слѣпневъ.

— Должно быть такъ; Воложбинъ позвонилъ.

— Вошелъ лакей.

— Позвать управляющаго.

Вошелъ небольшаго роста, сухощавый человѣкъ, въ суконной чуйкѣ по колѣно и въ высокихъ сапогахъ; густые темно-рыжіе волосы завивались въ мелкія кудри, какъ у барана, усы были нафабрены, борода обрита;

лицо имѣло чистый еврейскій типъ, съ длиннымъ горбатымъ носомъ. Онъ вытянулся въ струнку, устремивъ свои большіе каріе глаза на Воложбина.

— Завтра къ двѣнадцати часамъ распорядитесь приготовить дорожный тарантасъ и тройку сѣрыхъ. Я завтра ѣду въ городъ.

— Слушаюсь, ваше высокоблагородіе, сказалъ управляющій и повернулся налѣво кругомъ.

На другой день послѣ завтрака Воложбинъ уѣхалъ.

— Пойдемте рыбу ловить, сказала Воложбина Слѣпневу.

Слѣпневъ собралъ рыболовные припасы, и они отправились на плотъ.

Сильный сѣверный вѣтеръ развелъ большое волненіе на рѣкѣ, плотъ колыхался отъ всплеска волнъ, подымались брызги и непріятно кропили лицо.

— Пойдемте домой, здѣсь очень невесело, сказала Воложбина.

Слѣпневъ собралъ удочки и молча пошелъ за Воложбиной.

Пришли на террасу. Воложбина сѣла въ кресло, повертѣла книгу въ рукахъ, пересѣла на стулъ у самой лѣстницы, оперлась подбородкомъ на руки, положенныя на перила и безцѣльно устремила взоры въ пространство.

Слѣпневъ смотрѣлъ на нее и дивился. Первый разъ онъ ее видѣлъ въ такомъ тревожномъ настроеніи.

— Пойдемте въ лѣсъ, сказала Воложбина, поднялась со стула, схватила соломенную шляпку съ широкими полями, на ходу надѣла ее на голову.

Когда вышли въ поле, — вѣтеръ немилосердно гнулъ поля шляпки Воложбиной и срывалъ съ плечъ ея платокъ. Она одной рукой придерживала шляпку, а другою — платокъ и бойко шла впередъ.

Дошли почти до опушки лѣска. Елена Александровна остановилась.

— Вернемтесь домой, сказала она и направилась

къ дому. Она ушла въ свою комнату, когда вернулись домой.

Слѣпневъ ушелъ наверхъ и принялся было за работу, но изъ его головы не выходило ничего; обмокнутое въ чернила перо, какъ-то висѣло въ его рукѣ безъ употребленія въ дѣло. «Что это съ ней сталось сегодня», думалъ Слѣпневъ и никакъ не могъ объяснить себѣ тревожнаго настроенія Елены. Такъ онъ и просидѣлъ до обѣда.

Къ обѣду Елена вышла съ веселой улыбкой, но слѣды недавнихъ слезъ были замѣтны, какъ она ни старалась скрыть это отъ Слѣпнева. У него защемило сердце. Елена старалась развеселить Слѣпнева разными вопросами, вызвать его обычную болтовню, но онъ былъ мраченъ и почти ничего не ѣлъ.

Слѣпневъ перешелъ къ маленькому столику, раскрылъ первую попавшуюся книгу и сталъ читать вслухъ. Сначала онъ читалъ нескладно, будто спотыкался въ потемкахъ, замѣтно было, что онъ видѣлъ только слова, но не понималъ ихъ смысла. Живая сцена, невольно овладѣла вниманіемъ Слѣпнева; онъ увлекся веселымъ разсказомъ и не замѣчалъ, что вокругъ его происходитъ. Больше четверти часа читалъ онъ вслухъ.

— Оставьте! тихо произнесла Елена. Она съ зардѣвшимися щеками стояла противъ него, глаза, устремленные на Слѣпнева, горѣли и искрились.

Онъ посмотрѣлъ на нее и потупился.

— Скажите мнѣ, зачѣмъ женщина осуждена на вѣчное рабство? спросила она.

— Если вы разумѣете всѣхъ женщинъ вообще, то онѣ также свободны, какъ и мужчины, но если вашъ вопросъ относится къ исключительнымъ личностямъ, тогда большинство изъ нихъ добровольно становятся рабами. Быть рабомъ, — значитъ, отрѣчься отъ собственной воли, отъ всякаго разумнаго и обдуманнаго распоряженія своими дѣйствіями, подчиниться вполнѣ вліянію другаго.

— Развѣ всякая женщина не находится въ такомъ же положеніи, какъ вы сейчасъ сказали.

— Нисколько.

— Вотъ прекрасно! Возьмите хоть мое положеніе. Развѣ я свободна, развѣ я не связана? Мнѣ хотѣлось бы жить въ Петербургѣ, развѣ я не прикована здѣсь? Мнѣ хотѣлось бы участвовать въ выборѣ гласныхъ, — развѣ меня допустятъ? Вездѣ, куда не повернись, встрѣчается неизбѣжное veto. Развѣ это не рабство?

— Не рабство, Елена Александровна. Жить въ Петербургѣ вамъ нельзя, — вы собственныхъ средствъ не имѣете, а изъ любви къ отцу не желаете его тревожить. Выборъ гласныхъ не входитъ въ кругъ вашей дѣятельности. Это неудовлетворенное желаніе невозможнаго, но не рабство.

— Въ чемъ же состоитъ кругъ дѣятельности женщинъ?

— Онъ такъ обширенъ, что опредѣлить трудно.

— Прекрасно! Вотъ хоть бы мой кругъ дѣятельности! Ловить рыбу, собирать грибы, читать книги, ѣсть и спать!.. Какой обширный кругъ дѣятельности!..

— Положеніе ваше еще не опредѣлилось, не выяснилось... Что предстоитъ вамъ впереди, — угадать даже трудно. Можетъ быть вамъ предстоитъ ограничить свою дѣятельность въ кругу семьи, а можетъ быть, что всего вѣроятнѣе, ваше вліяніе, въ кругу большаго свѣта, будетъ простираться на политическія дѣла и на судьбу многихъ.

— Вы, кажется, намѣрены утѣшать меня, какъ капризнаго ребенка, луной въ небѣ, которой не достать никогда.

— Съ вашимъ образованіемъ, умомъ и красотой въ кругу большаго свѣта вы всегда можете занять первое мѣсто и подчинять своему вліянію сильныхъ людей.

— Наконецъ-то и вы рѣшились на комплименты, перебила Елена.

— Я, Елена Александровна, питаю къ вамъ на

столько уваженія, что никогда не позволю себѣ говорить вамъ лесть или вводить васъ въ заблужденіе. Если я говорю вамъ,—то говорю, что искренно сознаю и чувствую, и не знаю, кто больше меня желалъ бы вамъ счастія!

— Счастье не зависитъ отъ насъ однихъ. Вы вотъ рисуете мнѣ картину моей будущности, моего торжества въ свѣтѣ, а опускаете изъ виду самое главное. Чтобы имѣть вліяніе въ свѣтѣ, надо составить блестящую партію, отдать руку по расчету, изъ однихъ честолюбивыхъ видовъ. Развѣ можно такой цѣной покупать призракъ, или даже значеніе въ свѣтѣ?

— Зачѣмъ дѣлать по расчету. Въ свѣтѣ есть много достойныхъ и прекрасныхъ молодыхъ людей, которыхъ можно любить. Вы еще не встрѣтили избранника своего сердца.

— А если встрѣтила, перебила съ жаромъ Елена, и если онъ не изъ той блестящей среды, но въ тысячу разъ достойнѣе полированной молодежи; если съ нимъ только моя жизнь можетъ быть полна радостей и счастія, которыхъ я не промѣняю ни на какой блескъ въ свѣтѣ; но если мнѣ невозможно отдаться ему, потому что этого не желаютъ другіе и онъ самъ?

Слѣпневъ быстро всталъ, одно мгновеніе и Елена была бы въ его объятіяхъ; но въ это мгновеніе будто со стороны, чей то голосъ шепнулъ ему: «ты бы ее облапилъ». Слѣпневъ поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ, холодный потъ выступилъ на его лбу, онъ отклонился въ сторону и, шатаясь, побрелъ къ себѣ въ комнату.

Елена, пораженная такой быстрой перемѣной, долго смотрѣла ему въ слѣдъ; но осталась неподвижна на мѣстѣ.

Насилу добравшись до своей комнаты, Слѣпневъ опустился въ кресло у растворенваго окна и шепталъ: «мы спасены, мы спасены!..»

«Какъ это я позволилъ себѣ забыться? думалъ Слѣпневъ. Одно мгновеніе и все бы пропало!.. Позоръ, страшный позоръ покрылъ бы меня и ее!.. Согнали бы меня, какъ паршивую собаку, со двора, а ее злые языки опо-

зорили бы на всю губернію. Добрый товарищъ, ты не знаешь, какую оказалъ мнѣ услугу твоей тривіальной фразой... Надо бѣжать, надо бѣжать!»...

Слабый, жалостный мотивъ на роялѣ, словно вздохъ, пронесся въ воздухѣ... Стонъ и слезы выражали звуки — постоянно возвышались, переходили въ ропотъ, замирали, снова рокотали, наконецъ вдругъ оборвались сильнымъ аккордомъ, точно всѣ струны порвались вдругъ, и точно раздался короткій вопль отчаянія.

Слѣпневъ бросился ничкомъ на кровать, уткнувъ лице въ подушку.

Спустя немного времени снова началась музыка извѣстнымъ соло изъ оперы «Марта,» но мотивъ разнообразился различными варіаціями, въ звукахъ слышалось, — то кипучая страсть, то шопотъ страстнаго признанія, то жалобы и стоны и снова порывы страсти.

Слѣпневъ метался изъ стороны въ сторону.

— Всю душу она изъ меня вымотаетъ, сказалъ онъ и направился къ окну, чтобъ просить Елену прекратить музыку.

Музыка затихла.

Слѣпневъ не много успокоился и сталъ думать, что ему предпринять.

— Бѣжать, бѣжать, говорилъ онъ самъ себѣ. Бросить все—идти въ монахи!

Снова раздалась музыка.

Слѣпневъ замѣтался по комнатѣ. Быстро ходилъ онъ изъ угла въ уголъ, ломалъ руки, мысли путались въ головѣ. Онъ ходилъ до изнеможенія, пока не упалъ на кровать. Грезилось ли ему, бредилъ ли, онъ не сознавалъ, но не спалъ, а въ ушахъ все раздавались жалобные звуки и стоны.

Часовъ въ десять утра очнулся Слѣпневъ, голова его была тяжела и болѣла нестерпимо. Онъ не въ состояніи былъ спуститься внизъ и остался въ кровати.

Болѣзнь Слѣпнева обезпокоила возвратившагося изъ

городѣ Волжбина. Онъ заботливо ухаживалъ за больнымъ и проводилъ цѣлые часы у его кровати.

XIII.

Ничего нѣтъ непріятнѣе въ деревнѣ, какъ ранняя осень. Свинцовый цвѣтъ неба, сплошь задернутаго облаками, давитъ и гнететъ; мелкій, частый и безпрерывный дождь непріятной дробью стучитъ въ стекла, вѣтеръ гнетъ деревья, срываетъ листы и шумитъ и завываетъ. Все окружающее принимаетъ мокрый и ошпаренный видъ. Сколько ни подходи къ окну и ни всматривайся въ небо, ничего утѣшительнаго не увидишь. Густыя облака, несущіяся по вѣтру, опускаются ниже и ниже, мгла отъ нихъ больше и больше. Если какимъ случаемъ появится передъ окномъ собака, то она своимъ видомъ еще болѣе увеличиваетъ непріятное впечатлѣніе, мокрая, взъерошенная, съ опущенными головой и хвостомъ, жмется и ежится, такъ бы и далъ ей добраго пинка, чтобъ она убралась куда нибудь съ глазъ долой. Наша деревенская краса—задорный пѣтухъ, опустивши хвостъ и нахохлившись, прячется подъ навѣсъ и совершенно теряетъ охоту драть свое широкое горло. Ворона невозмутимая и та себя чувствуетъ очень нехорошо, сидитъ себѣ на полѣ, растопыривъ перья, сдѣлаетъ пріемъ, чтобъ каркнуть, изогнется, раскроетъ ротъ, щелкнетъ языкомъ и только... Каково же должно быть положеніе человѣка!

Волжбины были дома. Отецъ сидѣлъ въ кабинетѣ и чистилъ ногти, дочь нетерпѣливо переходила отъ окна къ барометру. Небо больше и больше хмурилось, а барометръ упорно указывалъ «сыро и вѣтеръ». Ее взяло зло, ей хотѣлось разбить барометръ. Конечно такое занятіе кончилось бы тѣмъ, что Елена сунулась бы гдѣ нибудь въ кресло и заснула; но на этотъ разъ судьба сжалилась надъ ней,—послышался колокольчикъ. Елена встрепенулась.

— Наконецъ-то, слава Богу, кто-то пріѣхалъ, проговорила она.

— Конечно, кромѣ Бубнова на такой погодѣ ждать некого, но лучше Бубновъ, чѣмъ никого, проговорила она черезъ нѣсколько времени.

Бубновъ не заставилъ себя ждать.

— Вотъ сторонка! заговорилъ Бубновъ, поздоровавшись съ Еленой.—Августъ, а осень во всемъ блескѣ и величіи пожаловала къ намъ. Теперь вплоть до декабря будетъ суконное небо и дождь въ перемежку, то мелкій, то крупный, а потомъ опять мелкій.

— Если бы я знала, что явитесь съ такими непріятными новостями, то не пустила бы васъ въ комнаты, отвѣтила Елена.

— Позвольте вамъ сказать, Елена Александровна, что вы несправедливы. Чѣмъ я виноватъ? Отъ меня это нисколько не зависитъ. Еслибы я имѣлъ волю, то въ угожденіе вамъ и въ ущербъ собственному хозяйству приказалъ бы постоянно свѣтить солнцу и чтобъ ни одно облако не смѣло показываться на небѣ.

— Я ждала, что вы привезете какія нибудь хорошія вѣсти, а вы пророчите ненастье. Оно ужъ надоѣло.

— Вамъ, въ такихъ комнатахъ, съ такимъ комфортомъ, огорчаться дурной погодой, Елена Александровна, развѣ можно? Вотъ у кого хлѣбъ не убранъ да гніетъ въ полѣ, тому хоть плачь!

— А вы, кажется, не плачете, сказалъ вошедшій Воложбинъ.

— Здравствуйте Александръ Александровичъ! Вою волкомъ, а горю все не пособишь. Выжили изъ дому. Утромъ и вечеромъ только и слышишь, что намъ дѣлать съ хлѣбомъ? весь погніетъ. Надоѣли. Велѣлъ подать лошадей. Лучше мокнуть на дорогѣ подъ дождемъ, чѣмъ слушать жалобы.

— Какая же отъ этого польза?

— Хоть не видишь. Знаете ли, я хочу совсѣмъ бросить хозяйство.

— Не будетъ ли это опрометчиво съ вашей стороны?

— Положеніе мое ужасное! Вы не повѣрите, сколько мое это мнѣ стоитъ, а доходовъ почти нѣтъ. Лучше ужъ сдать въ аренду. Покрайнѣй мѣрѣ, безъ хлопотъ и непріятностей, будешь получать чистый доходъ.

— Великъ ли доходъ. Притомъ же арендаторы очень не надежны.

— Я имѣю въ виду отличнаго господина. Честнѣйшій человѣкъ!

— Сами то что предпримете?

— Въ этомъ то и суть. Расчитывая на ваше ко мнѣ расположеніе, я осмѣливаюсь искать вашего покровительства, Александръ Александровичъ.

— Я къ вашимъ услугамъ и всегда готовъ помогать вамъ.

— Вполнѣ увѣренъ, вполнѣ увѣренъ въ вашей, Александръ Александровичъ, великодушной помощи: поэтому я прямо и обратился къ вамъ. Мнѣ бы желательно было попасть въ управу, тѣмъ болѣе, что вамъ извѣстно, какъ я расположенъ къ земскому дѣлу и какъ сильно ему сочувствую.

— Съ особеннымъ удовольствіемъ я устроилъ бы дѣло, если бы только отъ меня зависило.

— Вамъ стоитъ только сказать, Александръ Александровичъ, что хотите и дѣло сдѣлано. Васъ въ гласные почти всѣми бѣлыми выбрали.

— Пять черныхъ положено.

— Знаете кто?

— Нѣтъ. Мнѣ это не интересно.

— Положили—Шмидтъ, Чебыревъ, Ивановъ, Холоповъ и Жуликовъ. Я самъ наблюдалъ за ящикомъ. Интереснѣе всего, какъ Фадѣй, Фадѣй то провелъ меня. Я ему говорю: ты смотри Фадѣй,—Сердюкову на лѣво вали. Хорошо, говоритъ, непремѣнно на лѣво. Я смотрю, а онъ въ правую сторону шаръ то и опустилъ. Чуть было всего дѣла не испортилъ; только двумя черняками и перевысили, а то Сердюковъ всталъ бы на ноги. Какъ

же онъ и расплся на меня, чуть—чуть не поколотилъ. Пусть теперь почиваетъ на лаврахъ, хоть отдохнетъ, а то совсѣмъ замялся на земскомъ дѣлѣ. Какъ бы хорошо было попасть теперь въ управу. Предсѣдателя выберутъ новаго, хорошаго человѣка, а съ хорошимъ человѣкомъ и служить пріятно.

— Съ своей стороны все, что могу, сдѣлаю, Егоръ Мартьяновичъ; но за успѣхъ не ручаюсь.

— Искренно вамъ благодаренъ, Александръ Александровичъ, сказалъ и съ жаромъ пожалъ руку Воложбину Бубновъ.

— Готовъ все сдѣлать для васъ, только это не отъ одного меня зависитъ. Вамъ извѣстно, что одинъ царь ничего не сдѣлаетъ, а иногда одинъ все испортитъ.

— Знаю, знаю и постараюсь въ свою пользу; мнѣ ваше соизволеніе важно было. Это, такъ сказать, благословеніе.

— А знаете ли, вашъ семинаристъ,—сказалъ послѣ небольшой паузы Бубновъ,—того....

— Что съ нимъ? спросили въ одинъ голосъ отецъ и дочь.

— Чахотка-съ, скоротечная чахотка.

— Вы всегда пугаете, сказала взволнованная Воложбина.

— Быть не можетъ, возразилъ Воложбинъ.

— Смѣю увѣрить; блѣдный, худой, бродитъ, какъ тѣнь. На дняхъ я былъ у отца Петра, жалость смотрѣть.

— Надо его взять къ себѣ.

— Напрасно.

— Вы преувеличиваете. Докторъ сказалъ, что у него нервное разстройство, вслѣдствіе усиленныхъ занятій; ему нуженъ покой, чтобы возстановить силы, потому я и отпустилъ его къ отцу Петру, когда онъ началъ проситься. Теперь я возьму къ себѣ, приглашу доктора, и онъ скоро поправится.

— Семинарская жизнь убійственна; какъ ихъ тамъ

держать, старый! [illegible] натуры не [illegible]. Выйдетъ и году не проживетъ,—чахотка. Я много знаю такихъ.

Елена не выдержала удара; она ушла въ свою комнату.

Отецъ, какъ только уѣхалъ Бубновъ, велѣлъ подать карету и уѣхалъ въ село Ильинское за Слѣпневымъ.

Появленіе экипажа не въ обычное время произвело переполохъ въ домѣ. Матушка бросилась въ спальню наряжаться, дѣти къ окну любоваться каретой, прислуга встрѣчать и отворять двери, самъ отецъ Петръ расчесалъ волосы и облекся въ рясу. Слѣпневъ ещё издали увидѣлъ знакомый экипажъ, сердце его затрепетало. Не ужели она? подумалъ онъ,—быть не можетъ!

Онъ принарядился и намѣренъ былъ спуститься внизъ на встрѣчу. Онъ уже взялся за скобку дверей и—передумалъ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ, надо подождать; Богъ знаетъ, что можетъ произойти при встрѣчѣ.

Слѣпневъ подошелъ къ окну и изъ за косяка сталъ выглядывать, кто выйдетъ изъ кареты.

Вышелъ только одинъ Воложбинъ, Слѣпневъ остался на верху.

— Меня встревожилъ Бубновъ,—заговорилъ Воложбинъ, помѣстившись въ креслѣ въ гостиной, противъ хозяина,—которому, конечно, довѣрять вполнѣ нельзя, насказалъ такія страсти на вашего племянника, что я рѣшился немедленно къ вамъ ѣхать.

— Что же онъ наболталъ?

— Онъ сказалъ, что у Николая Николаевича развилась чахотка, меня это чрезвычайно встревожило.

— Что племянникъ не поправился еще, это вѣрно; но никакихъ признаковъ чахотки нѣтъ. Онъ потерялъ апетитъ, вялъ, задумчивъ, худъ и блѣденъ: но не жалуется, чтобъ чѣмъ нибудь страдалъ. Легко можетъ быть, что неблагопріятная погода вредно на него вліяетъ. При

леной и теплой погодѣ моціонъ на воздухѣ всегда скорѣе возстановилъ бы его силы.

— Я вполнѣ увѣренъ, батюшка, что вы, какъ родственникъ, искренно желаете добра вашему племяннику и тѣмъ болѣе, что этотъ молодой человѣкъ до того симпатиченъ, что невольно привязываешься къ нему. Я полюбилъ его, какъ роднаго и долженъ сознаться, что не охотно отпустилъ его къ вамъ; только настоятельныя его просьбы заставили меня уступить. Кромѣ того, я расчитывалъ, что перемѣна мѣста будетъ имѣть благодѣтельное вліяніе на его здоровье.

— Первые дни, какъ пріѣхалъ, онъ былъ бодрѣе, а потомъ сталъ хилѣть.

— Въ такомъ случаѣ попробуемте, не произведетъ ли какаго нибудь благопріятнаго вліянія на его здоровье новая перемѣна.

— Какая же это перемѣна? съ недоумѣніемъ спросилъ отецъ Петръ.

— Я пріѣхалъ просить васъ отпустить его ко мнѣ и нарочно пріѣхалъ въ каретѣ, чтобы удобнѣе ему было ѣхать.

— Искренно вамъ благодаренъ, Александръ Александровичъ. Я увѣренъ, что по вашей душевной добротѣ, вы готовы принести какую угодно жертву для страждущаго ближняго; но, если вы позволите мнѣ откровенно высказаться, то я имѣю нѣчто противъ вашего намѣренія.

— Что же это такое, батюшка?

— Неудобство состоитъ въ противорѣчіи со средствами и положеніемъ племянника; я каюсь, что поступилъ не совсѣмъ осмотрительно въ то время, когда вы ему сдѣлали предложеніе перейти къ вашъ домъ. Онъ могъ бы разобрать такъ же успѣшно ваши бумаги, оставаясь у меня и быстрая перемѣна отъ простой сельской жизни на вашъ комфортъ не произвела бы на него такого сильнаго впечатлѣнія. Я полагаю, что отъ этой то быстрой перемѣны и развилась его болѣзнь.

— Тогда тѣмъ болѣе вы должны согласиться на мое предложеніе. Возвращеніе въ болѣе удобной и комфортной обстановкѣ можетъ подѣйствовать благодѣтельно.

— Я вполнѣ согласенъ. Но въ послѣдствіи-то что предстоитъ? Чѣмъ больше проживетъ онъ въ вашемъ домѣ, тѣмъ болѣе укоренятся въ немъ привычки и потребности комфорта. Не вѣкъ же онъ у васъ проживетъ. Бѣдный семинаристъ имѣетъ въ виду только занять мѣсто сельскаго учителя и много-много сельскаго священника, что даетъ ему самыя ограниченныя средства къ жизни,—каково же будетъ положеніе его, привыкшаго уже къ комфорту? Не лучше ли теперь положить этому конецъ, хоть и тяжело ему будетъ, но болѣе благодѣтельно.

— Противъ правды вашихъ словъ я возражать не могу; но я подумаю и позабочусь устроить его жизнь такъ, чтобы онъ вышелъ на дорогу. Я вижу, что долженъ вамъ сообщить мой планъ о будущности Николая Николаевича, который я хотѣлъ сохранить въ тайнѣ до того времени, когда настанетъ пора его исполненія. На всю зиму я ѣду въ губернскій городъ и намѣренъ взять съ собою Николая Николаевича. Губернаторъ мой близкій хорошій знакомый и радъ случаю сдѣлать мнѣ одолженіе, если я о чемъ попрошу его. Я въ этомъ увѣренъ. Я хотѣлъ просить Николаю Николаевичу мѣсто чиновника особыхъ порученій. При его дарованіяхъ и образованіи и при моей поддержкѣ онъ всталъ бы твердой ногой на хорошую дорогу и могъ бы сдѣлать блестящую карьеру. Конечно будущее будетъ зависѣть отъ него, но Николай Николаевичъ изъ такихъ людей, что можетъ пойти далеко.

— За себя я не знаю, какъ выразить мою благодарность за такую заботливость о моемъ родственникѣ. Откровенно скажу вамъ, что лучшей карьеры и предвидѣть ему нельзя; но надо вамъ сообщить, что онъ человѣкъ съ твердымъ характеромъ и противъ воли его трудно заставить что-нибудь сдѣлать.

— До поры до времени я васъ попрошу не сообщать ему ничего изъ нашего разговора. Теперь только позвольте мнѣ увезти его къ себѣ.

— Передаю его вамъ въ полное распоряженіе, лучшаго я не могу ничего сдѣлать. Думалъ было я посовѣтовать ему идти въ высшее учебное заведеніе; но его здоровье не позволяетъ ему.

Позвали Слѣпцова.

— Вы замѣтно поправились, Николай Николаевичъ, привѣтствовалъ его Воложбинъ.

— Я чувствую себя гораздо лучше.

— Если бы не эта несносная погода, вы бы совсѣмъ оправились. Мы не знаемъ, куда дѣться отъ тоски при такой погодѣ, а въ особенности Елена. Бѣдная, ее даже жаль, такъ она истомилась отъ скуки. Вы бы, Николай Николаевичъ, сдѣлали намъ великое одолженіе, если-бы поѣхали погостить къ намъ со мной; какъ бы насъ обрадовали!

— Немного удовольствія доставитъ мое присутствіе; я радъ былъ бы васъ развлечь хоть немного; но мои силы еще такъ слабы, что кромѣ скуки я ничего не могу обѣщать.

Однако общими силами отца Петра и Воложбина удалось уломать Слѣпцова, и онъ укатилъ въ каретѣ.

XIV.

Уѣздный городъ очень часто понапрасну пользуется названіемъ города: ничѣмъ иной не отличается отъ хорошаго села; въ немъ точно также на видномъ мѣстѣ церковь, вблизи церкви двухъэтажные, деревянные, а иногда и каменные дома, дальше мелкія улицы, много двѣ-три и мелкая постройка. Только развѣ на площади каменный острогъ, земская управа и въ видахъ благоустройства вытянутый рядъ деревянныхъ лавокъ, похожихъ на стойла, даютъ право на названіе городомъ.

Вотъ въ такомъ-то городѣ, на углу у лавки, прижавшись къ стѣнѣ отъ дождя, стоялъ лавочникъ, посматривая по сторонамъ въ ожиданіи покупателя или знакомаго, чтобъ поболтать и убить время. Раннее осеннее утро непривѣтливо посѣтило городъ съ дождемъ и вѣтромъ и съ грязью почти по колѣно.

По косткамъ своею лавокъ пробирался крестьянинъ, одѣтый по праздничному въ синій новый кафтанъ, опоясанный пестрымъ кушакомъ.

Лавочникъ ещё изъ-дали раскланялся съ нимъ.

— Когда Богъ принесъ? спросилъ лавочникъ крестьянина, подошедшаго къ лавкѣ.

— Вчера къ ночи, Ефимъ Парамоновичъ.

— Насъ навѣстить, али по дѣламъ какимъ?

— Да какъ сказать? Не то по дѣлу, а больше по бездѣлью.

— Вотъ такъ оказія.

— Подлинно оказія, Ефимъ Парамоновичъ. Обневолили меня, выбрали гласнымъ, вотъ и майся, дѣла не дѣлай и отъ дѣла не бѣгай.

— Почетъ, значитъ, оказали.

— Маята одна только. Соберутся дворяне, заведутъ рѣчи длинныя — длинныя, а ты сидишь и слушай, какъ дрема возьметъ, ротъ надсадишь, зѣваючи. Какъ что? Дѣло на досугѣ стало, поговорятъ, поговорятъ да въ буфетъ пройдутся, промочатъ горло и снова придутъ говорить, а ты сиди да слушай.

— Умныя рѣчи пріятно и слушать, Кондратьичъ.

— Со всячиной, Ефимъ Порамоновичъ, со всячиной.

— Значитъ такая нація.

— Оно бы не что, отмаялся полторы недѣли и баста, на годъ и правъ. Только все на наши плечи воротятъ. Вернешься домой, а тебя и корятъ, чего ты сидѣлъ и слушалъ, не могъ отстоять, за тѣмъ развѣ тебя выбрали, чтобы ротъ до ушей растянулъ, зѣваючи?

— Кажется дѣлу не такъ бы слѣдовало быть; права даны равныя, какъ барину, такъ и крестьянину. Ну, ладно:

пусть говоритъ баринъ не въ нашу пользу, а какъ кончитъ, ты ему отпоръ; иного другаго, а тебя, Кондратьичъ, хвалить отсыпать и барину мѣру съ походомъ.

— Не та статья. Угадаешь имъ въ ладъ, слушаютъ и еще подхваливаютъ, а какъ заворотилъ противъ шерсти, сейчасъ къ вопросу, шумъ подымутъ.

— А на лѣво, какъ собирать своры станутъ?

— Ни, ни. Если бы еще товарищи-то стояли за одно, тогда, что ни говори тамъ, а какъ пришла баллотировка, накатили бы; такъ нѣтъ! тогда все врозь.

— Ишь ты поди!

— Одинъ отъ барина выключить хочетъ чтб, иного нужда давитъ; десять дней прожить въ городѣ чего-нибудь да стоитъ, вотъ и трется у барина, а есть, Ефимъ Парамонычъ, и такіе, что за стаканъ вина продадутъ. Такъ и шаромъ-то ничего не возьмешь.

— Диковина.

— Маята только одна. Какъ проведешь это время, все едино, что съ поля убрался.

— Все грѣхи! Товарцу-то?

— Вотъ къ концу, когда домой сбираться буду.

Кондратьичъ пошелъ дальше, а лавочникъ остался на своемъ наблюдательномъ постѣ.

По главной улицѣ то и дѣло стали проѣзжать тарантасы, звонъ колокольчиковъ раздавался со всѣхъ сторонъ. Къ угловому, каменному дому подъѣхала шестерикомъ дорожная карета и два крытыхъ тарантаса на тройкахъ. Изъ кареты вышла Воложбинъ съ дочкой, а изъ одного тарантаса Слѣпневъ. Управляющій встрѣтилъ ихъ на крыльцѣ и проводилъ господъ въ верхній этажъ, а Слѣпневу указалъ комнату на мезонинѣ. Пошла разгрузка кареты и тарантасовъ; корзинокъ, чемодановъ таскали безъ счету. Лавочникъ любовался на эту картину.

— Немного такихъ дворянъ осталось, какъ Воложбинъ; со всѣмъ домомъ поднялся, проговорилъ лавочникъ и ушелъ въ лавку за покупателемъ.

Едва только успѣли убраться и отдохнуть пріѣзжіе, какъ навѣстилъ ихъ Бубновъ.

— Золото, а не управляющій у васъ, говорилъ Бубновъ Воложбину, въ пять дней совсѣмъ вновь передѣлалъ домъ. Когда губернаторъ пріѣзжаетъ и тому такой удобной и чистой квартиры не устроить.

— Да, квартира сносная, только счетъ будетъ любопытенъ.

— Удобство дороже всего, удобство. Я за недѣлю еще до васъ пріѣхалъ и то на силу нашелъ себѣ удобную квартирку, почти полъ-города было занято. Наши всѣ собрались и въ одномъ домѣ помѣстились, такъ, — дома черезъ три отъ васъ.

— Пѣшкомъ по городу ходить грязно?

— Днемъ то еще можно пробраться по кладкамъ и камешкамъ, а вечеромъ не удобно. Вамъ до управы по мосткамъ отлично будетъ ходить.

— Надо будетъ у кого нибудь достать дрожки.

— Это можно. Вамъ управляющій сыщетъ. Звѣревъ пріѣхалъ. Онъ хорошо устроился, рядомъ съ управой.

— Предводитель дома?

— Дома, у него остановились Мотовиловъ и Шамшевъ. Вездѣ понатискались. Теперь, если кто опоздалъ, врядъ ли найдетъ помѣщеніе.

— Когда откроется собраніе?

— Завтра въ десять часовъ. Протопопъ молебенъ служить будетъ.

— Зачѣмъ такъ рано? Визитовъ не успѣешь сдѣлать. Надо сегодня сходить къ предводителю и къ исправнику.

— А мнѣ кстати надо къ своимъ завернуть по дорогѣ съ вами.

На другой день съ ранняго утра на крыльцѣ управы толпились крестьяне. Съ десяти часовъ начали собираться дворяне. Въ самой большой комнатѣ у оконъ поставленъ былъ письменный столъ для предводителя, управы и секретарей, противъ стола въ нѣсколько рядовъ разставлены

били кресла и стулья, а въ заднемъ ряду у стѣнки скамѣйки, рядомъ, въ комнатѣ по меньше, расположился буфетъ.

Къ десяти часамъ собрались всѣ, отслужили молебенъ и заняли мѣста. Задній рядъ скамѣекъ вплотную набился крестьянами.

Послѣ повѣрки правъ, предсѣдатель предложилъ прочесть перечень докладовъ, подлежащихъ обсужденію собранія, потомъ выбрали членовъ повѣрочной коммисіи и секретарей, потолковали кой о чемъ и разошлись. Въ этотъ день былъ назначенъ для гласныхъ, конечно дворянъ и только купцовъ, обѣдъ у предводителя.

Два дня провели за обсужденіемъ смѣты обязательныхъ расходовъ, наконецъ принялись за раскладку повинностей.

Бубновъ всталъ и попросилъ слова.

— Всякій налогъ только въ такомъ случаѣ справедливъ и необремѣнителенъ, когда взимается съ дѣйствительнаго дохода, а не съ предполагаемаго. Вотъ почему, при раскладкѣ сборовъ, непремѣнно надо принимать въ расчеты дѣйствительный доходъ, а не предполагаемый. Имущество обширное и мало приносящее дохода въ тягость владѣльцу и безъ налога; вслѣдствіе чего накопленіе, недоимки накопляются и въ ущербъ земству и къ растройству хозяйства владѣльца. За коренным преобразованіемъ нашего хозяйства на долю крупныхъ землевладѣльцевъ выпала горькая участь сократить запашки больше, чѣмъ на половину, вслѣдствіе чего поля и сѣнокосы остались статьями бездоходными, составляющими одну только тягость для хозяина. Между тѣмъ эти то бездоходныя статьи причислены къ землямъ втораго разряда и обложены сборомъ. Можетъ ли быть какая возможность отбывать этотъ налогъ, когда земля не приноситъ никакого дохода? конечно плата за бездоходную землю, всею тяжестію падаетъ на земли перваго разряда. Само собой разумѣется, что этимъ увеличивается налогъ на земли тѣхъ владѣльцевъ, у которыхъ есть без-

доходныя земли втораго разряда, противъ тѣхъ, которые подобныхъ земель не имѣютъ. Я предложилъ бы собранію отмѣнить налогъ съ земель втораго разряда, сказалъ Бубновъ и сѣлъ.

— А если земли втораго разряда не приносятъ дохода потому только, что владѣлецъ не съумѣетъ ими распорядиться?, язвительно замѣтилъ Сердюковъ.

Гласные переглянулись, шопотъ одобренія пробѣжалъ по собранію.

— Дѣйствительно бываютъ случаи, что люди не умѣютъ распорядиться ни своими, ни чужими дѣлами, которыя имъ довѣряютъ. Такихъ конечно людей и устраняютъ отъ дѣлъ, отвѣтилъ Бубновъ.

Опять раздался шопотъ одобренія.

— Я принимаю сторону Егора Мартьяныча, конечно, въ болѣе ограниченномъ смыслѣ, заговорилъ одинъ изъ дворянъ гласныхъ. Противъ основательности положенія, что только одинъ доходъ долженъ быть облагаемъ, надѣюсь, протестовать никто не будетъ, а потому осмѣлился бы предложить собранію облагать только земли втораго разряда приносящія доходъ.

Поднялся ропотъ. Предсѣдатель позвонилъ.

Всталъ новый ораторъ.

— Прошу собраніе обратить вниманіе на тѣ исключительные случаи, которые по необходимости обращаютъ земли втораго разряда въ совершенно бездоходныя. Напримѣръ въ нашей сторонѣ находится немало хозяйствъ, совершенно разобщенныхъ съ селеніями крестьянъ и потому всѣ запущенныя пашни и покосы остаются не производительными, за отсутствіемъ арендаторовъ.

— Въ такомъ случаѣ ихъ можно обращать на пастбища, которыя доставятъ особыя выгоды хозяйству, замѣтилъ кто-то.

— Мы говоримъ про доходность, а не про удобства хозяйства, возразилъ первый.

— Не лучше ли балотировать вопросъ? раздался голосъ.

— Какой вопросъ? Надо разъяснить дѣло. Оставить

налогъ по старому, раздавалось со всѣхъ сторонъ. Поднялся шумъ, завязались между присутствующими частные споры.

Предсѣдатель звонилъ, но разговоры не прекращались, многіе повставали со своихъ мѣстъ и переходили въ другіе ряды.

На силу успокоилъ предсѣдатель взволнованное собраніе.

— Угодно собранію продолжать пренія или поставить вопросъ на болотировку?

— Продолжать, балотировать, еще ничего не разъяснено, послышалось съ разныхъ сторонъ и снова поднялся говоръ и споръ.

Долго пришлось унимать расходившихся гласныхъ. Наконецъ успокоились.

Бубновъ вскочилъ, приподнялось еще человѣкъ пять, но, замѣтивши какое они составили меньшинство, сѣли, остался одинъ одинешеневъ Бубновъ. Онъ окинулъ взоромъ собраніе и видѣлъ, какъ зло улыбались его противники. Онъ вышелъ въ буфетъ.

Не успѣлъ еще закурить Бубновъ, какъ чья-то рука поманила его въ зало, онъ вернулся.

— Предлагается вопросъ: угодно ли собранію освободить земли втораго разряда, не приносящія дохода, отъ обложенія сборами?

Несогласные встаютъ.

Почти половина собранія, большинство крестьянъ, встали. Секретари сосчитали вставшихъ.

— Тремя голосами только перевысили и вопросъ прошелъ, сказалъ предсѣдатель.

Поднялся шумъ и говоръ, и большинство гласныхъ отправились въ буфетъ.

Торжествующій Бубновъ подскочилъ къ Воложбину.

— Наша взяла, Александръ Александровичъ! восклицалъ онъ, видите ли, я правду говорилъ.

Въ подобныхъ преніяхъ проходили дни и приближались выборы.

Вечеромъ изъ своей квартиры вышелъ Бубновъ съ фонаремъ въ рукахъ. Моросилъ дождь, тьма на улицѣ была непроглядная. Изъ подъ воротъ сосѣдняго дома выскочила шавка и съ азартнымъ лаемъ бросилась подъ ноги Бубнову. Съ противоположной стороны отозвалась дворняжка и еще и еще пристали собаки; не успѣлъ Бубновъ сдѣлать двадцати шаговъ, какъ его обступила стая собакъ и такъ близко, что того и смотри — ухватить за ногу.

— Что вы, анафемы! Бубновъ махнулъ палкой, собаки отскочили немного и набросились съ большею яростью.

— Напасть, бѣда со всѣхъ сторонъ. Днемъ тебя грызутъ гласные, вечеромъ рвутъ собаки. Вотъ такъ городъ! Полиціи не вспоминай, освѣщеніе въ собственныхъ рукахъ носи, грязи хоть весь вываляйся, отъ собакъ проходу нѣтъ, а скука то! какъ всѣ разъѣдутся — безвыходная. Бѣда, если и въ члены выберутъ, говоритъ Бубновъ, пробираясь осторожно съ камешка на камешекъ и отмахиваясь отъ собакъ.

При поворотѣ на большую улицу встрѣтился Бубнову пьяненькій, безъ разбору шлепавшій по грязи. Собаки набросились на него и отстали отъ Бубнова, который благополучно добрался до квартиры Воложбина, ярко освѣщенной.

Поднявшись на верхъ, Бубновъ осмотрѣлся нѣтъ ли на ногахъ грязи и вошелъ въ прихожую.

У Воложбина было большое собраніе. Гости, скопившись въ кучу, о чемъ то горячо разсуждали. Въ сторонѣ сидѣли Елена съ Зефровымъ и Слѣпневымъ, послѣдній совершенно оправился.

Гости обступили Бубнова.

— Завтра выборы, Жоржъ, раздалось съ разныхъ сторонъ.

— Какъ завтра? спросилъ озадаченный Бубновъ.

— Завтра, Жоржъ, завтра.

— Не прошли еще народное здравіе и народное образованіе.

— Отложено. Послѣ выборовъ.

— Я не понимаю, какъ можно не держаться очередного порядка?

— Это то еще куда ни шло, а вотъ странно то, что ты, ты-то ревнитель земскихъ дѣлъ, прозѣвалъ было выборы, замѣтилъ ему одинъ изъ гостей.

— Прозѣваешь, какъ начнутъ ставить безъ очереди вопросы.

— Пусть лучше Егоръ Мартьянычъ укажетъ кого выбрать въ члены управы, раздался голосъ.

— Прежде надо председателя, а потомъ членовъ, сказалъ Бубновъ.

— О председателѣ рѣшено.

— Какъ рѣшено? спросилъ еще болѣе озадаченный Бубновъ.

— Извините, Егоръ Мартьянычъ, что безъ вашего соизволенія мы рѣшили этотъ вопросъ, сказалъ одинъ изъ гостей и поклонился.

Дружный смѣхъ сопровождалъ эту выходку.

— Вы шутите, господа? спросилъ Бубновъ.

— Дѣло рѣшеное, Егоръ Мартьянычъ, повѣрьте моему слову, сказалъ Воложбинъ.

Бубновъ повелъ своими стеклянными глазами по кругу собранія.

— Рѣшено, проговорилъ онъ тихо и вздохнулъ.

— Скажите, по крайнѣй мѣрѣ, на кого упалъ жребій? спросилъ Бубновъ.

— Секретъ, Жоржъ, секретъ, раздалось съ разныхъ сторонъ.

Бубновъ посмотрѣлъ на Воложбина, но на спокойномъ лицѣ его нельзя было ничего замѣтить, веселъ ли онъ или огорченъ.

— Развѣ и мнѣ сказать нельзя? спросилъ жалобно Бубновъ.

— Опоздалъ, дано слово никому не говорить до завтра.

— Я самъ даю честное, благородное слово сохранить вашу тайну.

— Невозможно, Жоржъ, невозможно.

— Меня это крайне огорчаетъ, будто я недостойный человѣкъ.

— Напрасно. Мы только что порѣшали о предсѣдателѣ и теперь дошла очередь до членовъ. Изъ уваженія къ вамъ мы спрашиваемъ вашего указанія, сказалъ одинъ изъ гостей.

— Кого же въ члены, Жоржъ, кого же въ члены?

Бубновъ подумалъ съ минуту.

— Замухранскаго, произнесъ съ разстановкой Бубновъ.

— Кого выкопалъ!

— Дѣлецъ, дѣлецъ, заговорилъ оживленно Бубновъ, бумаги пишетъ, какъ бисеромъ нижетъ. Къ губернатору напишетъ и того колесомъ поведетъ!

— Браво! Нѣтъ ли еще кого на примѣтѣ?

— Развѣ его не хотите?

— Можетъ быть еще лучше найдется.

— Лучше его не найдете.

— Лучше нѣтъ, давай Замухранскаго.

— Другаго кого?

Бубновъ поступился и съежился.

— Вамъ извѣстна, господа, моя искренняя преданность земскому дѣлу, заговорилъ тихо Бубновъ, мое безкорыстное служеніе ему, но до настоящаго времени я не имѣлъ повода радоваться, что общество оцѣнило мои заслуги.

Всѣ молчали.

— Господа! я жду вашего приговора, произнесъ онъ, немного подождавъ отвѣта.

— Мы ваши заслуги уважаемъ и цѣнимъ, а потому вамъ готовимъ лучшую участь, сказалъ одинъ изъ гостей.

— Мои желанія очень скромны, господа, я былъ бы вашимъ слугой и на томъ мѣстѣ.

— Нельзя, Жоржъ, нельзя.

Бубновъ растерялся.

— Мировымъ судьей его, крикнулъ кто то.

— Благодарю и не принимаю, отвѣчалъ Бубновъ.

— Почему, позвольте узнать?

— Во первыхъ хлопотливо, а во вторыхъ не по моему характеру; я человѣкъ горячій и непремѣнно побью, кто мнѣ надоѣдать будетъ.

— Отчего не выбрать его членомъ управы? сказалъ одинъ изъ гостей и подмигнулъ прочимъ.

— Можно, можно. Поздравляемъ! раздавалось съ разныхъ сторонъ.

— Бѣдный! Какъ они его дурачутъ, сказала тихо Елена своимъ собесѣдникамъ.

А Бубновъ торжествовалъ. Наконецъ сбылись его мечты. Собаки, грязь, безъисходная скука городской жизни не могли смутить его веселаго настроенія во весь вечеръ.

На другой день было очень шумно въ управѣ, гласные разбились на группы, разсуждали, горячо спорили и не садились на свои мѣста.

Предсѣдатель уже нѣсколько разъ приглашалъ гласныхъ занять свои мѣста; но они не садились. Предсѣдатель принялся звонить въ колокольчикъ, но волненіе не утихало. Наконецъ нѣкоторые изъ гласныхъ сами стали уговаривать и разводить другихъ. Возстановился порядокъ.

— Не угодно-ли собранію приступить къ выбору предсѣдателя, раздалось нѣсколько голосовъ.

Все собраніе поднялось.

— Мы васъ просимъ, Петръ Петровичъ!

Мотовиловъ всталъ.

— Господа! сказалъ онъ, честь такъ велика, что я не знаю, какъ выразить мою искреннюю признательность и благодарность; но постъ такъ важенъ, что я не увѣренъ, въ силахъ ли я оправдать ваши ожиданія. Благодарю васъ, господа, и прошу уволить.

— Петръ Петровичъ, Петръ Петровичъ, раздавалось со всѣхъ сторонъ.

— Есть, господа, люди достойнѣе меня.

— Мы васъ просимъ, Петръ Петровичъ!

— Я не готовился, господа, занимать такую почетную должность.

— Петръ Петровичъ, мы васъ просимъ! Петръ Петровичъ.

— Будьте снисходительны, господа, къ моимъ слабымъ силамъ.

— Можно приступить къ болотировкѣ?, спросилъ председатель.

— Единогласно, безъ болотировки единогласно, раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Всѣ гласные стали поздравлять Мотовилова и жать его руку.

Крестьяне стояли и переминались.

— Вы что стоите? Живо прикрикнулъ Бубновъ. Крестьяне потянулись тоже къ Мотовилову.

Гласные снова начали сходиться въ отдѣльныя кучки.

Председатель позвонилъ.

— Не угодно-ли собранію избрать двухъ членовъ управы?

— По очереди, по списку, раздались голоса.

Болотируется въ члены управы Акимъ Фомичъ Замухранскій.

Гласные потянулись къ столу, и шары неслышно падали въ ящикъ подъ зеленымъ сукномъ, а секретарь по порядку призывалъ гласныхъ.

Настала тишина, изрѣдка кое-гдѣ раздавался шопотъ.

— Всѣ, провозгласилъ председатель.

Секретарь высыпалъ шары въ одну тарелку изъ лѣваго ящика, а изъ праваго въ другую.

— Три избирательныхъ, а прочіе не избирательные.

— Заболотированъ, раздалось съ разныхъ сторонъ.

— Болотируется въ члены Егоръ Марьяничъ Бубновъ.

— Одинъ избирательный, а прочіе всѣ не избирательные, провозгласилъ предсѣдатель.

— Заболотированъ, не избранъ, раздалось съ разныхъ сторонъ.

— Будьте вы прокляты, сказалъ Бубновъ и вышелъ изъ собранія.

Его больше уже не встрѣчали въ городѣ.

XV.

Въ огромное озеро, которое сливалось своею поверхностью съ горизонтомъ, какъ будто нарочно вдвинулся высокій, плоскій мысъ, неправильной формы, версты въ четыре квадратныхъ. На этомъ мысу живописно раскинулся небольшой губернскій городъ; прямыя широкія улицы дѣлили его на правильные кварталы, площадь выходила на самый берегъ, а отъ ней въ ту и другую сторону тянулся бульваръ, обсаженный въ два ряда, дубками, ясенью и липой. Площадь замыкалъ соборъ, новѣйшей архитектуры, а по набережной стройнымъ рядомъ стояли каменные дома значительныхъ размѣровъ, конечно, какъ обыкновенно въ губернскомъ городѣ, встрѣчались и небольшіе деревянные домики, какъ бы втиснутые между каменными; но постройка содержалась опрятно, развалинъ и обгорѣлыхъ зданій не было видно.

По бульвару шелъ мѣрнымъ шагомъ господинъ, одѣтый въ теплое пальто, опушенное бобрами, и въ бобровой шапкѣ.

На встрѣчу ему почти бѣжалъ человѣкъ въ коротенькомъ и дырявомъ пальтишкѣ, въ большихъ теплыхъ галошахъ, которыя не могли скрыть, что были надѣты на босую ногу; нескромные пальцы выглядывали изъ прорѣхъ въ галошахъ, засаленная шапка, сплюснутая на затылокъ, открывала большой бѣлый лобъ, на который въ безпорядкѣ разсыпались каштановые волосы. На лицѣ, не смотря на искаженіе его отъ разгульной жизни и

неопрятности, остались слѣды когда-то бывшей замѣчательной красоты. Оборванецъ былъ высокаго роста; но онъ такъ жался и корчился отъ холода, что казался меньше средняго роста.

Было морозное декабрьское утро, легкій вѣтерокъ съ озера еще болѣе усиливалъ холодъ.

Оборванецъ миновалъ господина, вернулся назадъ, обогналъ снова и сталъ пристально въ него всматриваться. Когда тотъ поровнялся съ нимъ, оборванецъ одной рукой приподнялъ шапку, а другой старался прижать къ груди расходящіеся полы пальтишка.

— Если я не ошибаюсь, кажется, я имѣю счастіе видѣть господина Бубнова, проговорилъ онъ противнозаискивающимъ голосомъ.

— Да, я Бубновъ. Что вамъ угодно? проговорилъ холодно Бубновъ, стараясь принять и строгій и разсѣянный видъ.

— Старый школьный товарищъ, отвѣтилъ оборванецъ, лукаво прищуривъ глаза.

— Я васъ не знаю.

— Егорка, шутъ гороховый, неужели ты думаешь, что надѣлъ бобры, такъ сталъ умнѣе? Какимъ былъ дуракомъ, такимъ и остался.

— Отстаньте.

— Вы можетъ быть съ губернаторомъ на дружеской ногѣ? Меня это радуетъ. Но старыхъ товарищей забывать не слѣдуетъ.

— Оставьте меня.

— Забавно! Хоть бы объявили вашъ чинъ. Можетъ быть вы уже генералъ. Это меня радуетъ.

— Отстаньте, а нето позову полицію.

— Мнѣ она близкая знакомая, моя квартира въ полиціи. Какъ ни бьюсь, а къ вечеру все напьюсь.

Прохожіе любовались этой сценой и пересмѣивались.

Бубновъ озирался, чтобы позвать городоваго.

— Напрасно безпокоитесь, всѣ вьются у губернаторскаго дома.

— Оставьте меня въ покоѣ, прикрикнулъ Бубновъ.

— Не успѣли свидѣться, да и растоваться. Не по-товарищески. Позвольте насмотрѣться на ваше превосходительство. Оборванецъ снялъ шапку и низко поклонился.

— Отойди прочь! Побью! Бубновъ разсвирѣпѣлъ.

— Съ товарища штрафъ брать и не рука, а впрочемъ, сувениръ на память не мѣшаетъ.

Бубновъ бросилъ на бульваръ двугривенный.

— Это по товарищески. Хоть не совсѣмъ вѣжливо заставлять наклоняться благороднаго человѣка, но для такаго капитала можно спину погнуть.

Оборванецъ подхватилъ двугривенный и въ припрыжку скрылся въ боковую улицу.

— Бррръ, произнесъ Бубновъ. — Анафема, ну при знакомыхъ онъ такъ привяжется... скандалъ!

Онъ поравнялся съ большимъ домомъ, украшеннымъ вывѣской съ надписью: Гостинница.

Бубновъ вошелъ въ подъѣздъ дома.

— Вы уже здѣсь, когда пріѣхали? раздался съ верху голосъ, едва только Бубновъ вступилъ на лѣстницу.

Бубновъ взглянулъ на верхъ.

— Максимъ Фомичь! воскликнулъ Бубновъ и, быстро поднявшись во второй этажъ, началъ обниматься съ своимъ дальнимъ родственникомъ.

— Пойдемте ко мнѣ, я только что спросилъ чаю, приглашалъ родственникъ.

Они направились по корридору.

— Представьте! наши комнаты, какъ нарочно, рядомъ, сказалъ Бубновъ.

— И прекрасно! Раздѣвайтесь и садитесь къ столу.

— Марья Михайловна и семья ваша здоровы?

— Здоровы. Ребятишекъ прибавилось.

— Давно невидались.

— Случая не было въ городъ пріѣхать. Теперь силой приволокли.

— Отъ чего же! Можно балотироваться.

— Не до того. У меня масляный заводъ, сыроварня... Отъ дому оторваться нельзя.

— Хорошо идетъ у васъ хозяйство?

— Сносно. Работать можно. Барыши небольшіе, да и убытковъ нѣтъ.

— Мое такъ плохо, что хочу въ аренду сдать.

— Что вы?

— Измучился, да толку нѣтъ!

— Не грѣшно ли вамъ. Какое досталось вамъ сокровище отъ отца. Вѣрьте, что мое имѣніе, приведенное въ порядокъ и съ заводами и со всѣмъ, а сейчасъ промѣнялъ бы на ваше, не глядя.

Кто-то постучался въ двери.

— Пожалуйте, пригласилъ хозяинъ.

Вошелъ высокій брюнетъ, лѣтъ сорока.

— Мой родственникъ Бубновъ, сосѣдъ Поликарповъ, знакомилъ хозяинъ гостей.

Занялись чайкомъ.

— Лѣниво собираются, заговорилъ Поликарповъ.

— Пріѣдутъ; до открытія еще два дня.

— Изъ вашихъ никого не видно, обратился Поликарповъ къ Бубнову.

— Волобуевъ здѣсь.

— Здѣсь?

— Съ начала зимы. Онъ имѣетъ виды и потому перебрался въ городъ.

— Это не секретъ?

— По родственному, между нами, можно. Онъ питаетъ надежду попасть въ предсѣдатели.

— Напрасно.

— Прекрасный человѣкъ, добрѣйшей души, открыто живетъ.

— Отъ такихъ то мы дальше.

— Теперешній, кикимора, на что похожъ?

— Намъ такіе съ руки. Свои деньги крѣпко зажаты, и чужія убережетъ.

— Воложбинъ живетъ съ состояніемъ; ему чужихъ денегъ не надо.

— Добрѣйшей души... и негодится; у него и изъ подъ носу растаскаютъ.

Вошолъ слуга.

— Егоръ Мартьяныч, Звѣревъ васъ проситъ, сказалъ слуга.

— Наконецъ-то пріѣхалъ. До свиданія господа, сказалъ Бубновъ и ушелъ.

Широко распахнулъ двери нарядный швейцаръ передъ Звѣревымъ и Бубновымъ, когда они вошли въ домъ Воложбина. По лѣстницѣ, застланной ковромъ и убранной цвѣтами, поднялись они во второй этажъ. Ихъ приняла Елена.

— Извините, какъ добрые сосѣди, что папа съ Николаемъ Николаевичемъ работаетъ въ кабинетѣ. Со мной можетъ быть вы соскучитесь?

— Не грѣшно ли вамъ, Елена Александровна, обижать старыхъ друзей, сказалъ Звѣревъ.

— Садитесь, садитесь, а я вамъ разскажу, какъ весело здѣсь живется.

— Конечно. Это не въ деревнѣ.

— Съ деревней я свыклась, лѣтомъ я не промѣняю ее на городъ.

— Какъ же сравнить? Здѣсь городъ, сказалъ Бубновъ.

— Мы пріобрѣли кругъ добрыхъ знакомыхъ, театръ сносный, вечера въ клубѣ за-просто. Очень весело. Авдотья Семеновна какъ поживаетъ?

— Благодарю васъ. Здорова. Вамъ преусердный поклонъ со мной наказывала.

— Добрѣйшая! я всей душой люблю ее.

Гости съ часокъ поболтали кое-о-чемъ и стали прощаться. Елена пригласила ихъ къ обѣду.

Зало въ дворянскомъ домѣ было широкихъ размѣровъ. Бѣлое, подъ мраморъ, оно было украшено тонкой позолотой, освѣщалось большими окнами въ два свѣта.

По бокамъ, въ видѣ галлерей, въ верхней половинѣ тянулись хоры. Двѣ входныя двѣри въ зало были отперты. По обѣимъ сторонамъ по двои двѣрей вели, съ одной стороны въ гостиныя, а съ другой въ столовую.

По срединѣ зала квадратнымъ четыреугольникомъ составленны были столы, покрытые зеленымъ сукномъ, вокругъ столовъ поставлено было до шестидесяти легкихъ стульевъ, и на видномъ мѣстѣ красовалось председательское кресло.

Былъ двѣнадцатый часъ утра, человѣкъ пять губернскихъ гласныхъ въ дворянскихъ мундирахъ расположились у окна и разговаривали.

Вошли Звѣревъ съ Бубновымъ во фракахъ.

— Будьте моимъ руководителемъ, говорилъ Звѣревъ Бубнову.

— Хотите, я познакомлю васъ со всѣми гласными.

— Къ чему? сойдемся послѣ. Вы потрудитесь разсказать мнѣ: кто и откуда.

Они помѣстились у двери, ведущей въ гостиную.

Съ шумомъ, весело разговаривая, вошла въ зало цѣлая група молодыхъ еще людей въ форменныхъ мундирахъ.

— Все отставные военные, не больше, какъ поручики, одинъ штабсъ-капитанъ генеральнаго штаба, вотъ этотъ плотный и плешивый.

Всѣ ушли въ столовую.

Начали являться по одиночкѣ.

— Это бывшій горный инженеръ, этотъ путеецъ, это бывшій предсѣдатель гражданской палаты. Вотъ камеръ-юнкеръ и князь изъ гвардейцевъ, вотъ отставной генералъ, этотъ студентъ—технологъ.

Долго перечислялъ Бубновъ входившихъ, и, по большинству, были все отставные военные. Звѣреву надоѣло.

— Пойдемте курить, позвалъ онъ Бубнова въ столовую.

— Минутку, одну минутку. Сейчасъ войдутъ самые главные коноводы.

Вошли два рослыхъ господина въ дворянскихъ мундирахъ съ крестами на шеѣ.

Оба предводители, тоже изъ военныхъ и невысокихъ чиновъ. Это называются: «коноводы земства.» Они всѣмъ дѣломъ руководятъ.

Звѣревъ и Бубновъ вошли въ столовую.

Обширная комната была полна народу и дыму. Съ боку протянулся буфетъ, уставленный бутылками и закусками.

Говоръ, шумъ, смѣхъ. Кто пилъ водку, кто закусывалъ, кто пилъ кофе или чай; но курили почти всѣ.

Бубновъ съ Звѣревымъ отошли къ окну и закурили тоже. Къ нимъ присоединилось человѣка три гласныхъ изъ своего уѣзда, завязался общій разговоръ.

— Губернаторъ, губернаторъ! раздалось въ столовой, и она въ минуту опустѣла, все устрѣмилось въ зало.

Послѣ короткой рѣчи, губернаторъ объявилъ собраніе открытымъ, выслушалъ молебенъ и уѣхалъ.

Гласные размѣстились за столами по порядку уѣздовъ; каждый уѣздъ особо. Воложбину съ его уѣздомъ пришлось мѣсто противъ предсѣдателя, за нимъ у стѣнки умѣстился Слѣпневъ. На хоры набралось дамъ.

По повѣркѣ правъ гласныхъ оказалось шестьдесятъ три человѣка: одинъ крестьянинъ, два купца, а прочіе все дворяне.

Публики набралось довольно, она размѣстилась у стѣнъ зала.

Началось избраніе секретарей съ обычной церемоніей, одни вѣжливо уклонялись, другіе упрашивали. Послѣ долгихъ переговоровъ выбрали четырехъ, всѣ они помѣстились по правую руку предсѣдателя. По лѣвую сидѣла управа въ полномъ составѣ.

Пошли выборы различныхъ коммисій и продолжались болѣе часа. Крѣпко напирали въ Воложбину, но онъ отбоярился.

Послѣ выборовъ отправились завтракать въ столовую.

Послѣ завтрака опять заняли мѣста.

Предсѣдатель предложилъ прочитать перечень докладовъ и назначить очередь для предложенія собранію.

— Прежде всего смѣту, сказалъ одинъ изъ коноводовъ.

— Смѣту, смѣту, смѣту! раздалось со всѣхъ сторонъ.

На этомъ и порѣшили разойтись.

Зало вдругъ опустѣло.

Гласные пустились на извощикахъ дѣлать визиты, по всѣмъ улицамъ развозили извощики гласныхъ, которые десятки разъ встрѣчали другъ друга въ теченіи одного часа.

Бубновъ и Звѣревъ отправились къ Воложбину.

На другой день въ двѣнадцатомъ часу собрались и заняли свои мѣста гласные. Начался докладъ смѣты. Докладывали по статьямъ, каждый членъ по своему отдѣленію. Начались пренія, охотниковъ говорить было много.

Одинъ изъ коноводовъ тихонько выскользнулъ въ столовую, сталъ въ углубленіи у окна и закурилъ.

Немного погодя вышелъ къ нему и другой.

— Фу, какъ надоѣдаетъ этотъ болтунъ. Къ каждому вопросу встаетъ и говоритъ, говоритъ, говоритъ...

— Толковать то не объ чемъ. Обязательно, по необходимости надо дать.

— Слѣдовало бы его скрутить.

— Не удержишь, дали съ начала большую поблажку, а теперь, пожалуй, дерзостей наговоритъ, отъ него ожидать можно.

— Много мѣшаетъ своей болтовней. Другой бы вопросъ прошелъ очень скоро, а онъ спутаетъ и всѣхъ съ толку собьетъ.

— Вотъ ужъ замутитъ, когда пойдетъ дѣло объ уравненіи повинностей.

— Вы замѣтили, какъ ловко поставлено. Передъ выборами.

— Принаровлено ловко. Когда разгорятся страсти, то удобнѣе всего будетъ разбить сплотившіеся кружки.

— Имъ это только и нужно.

Поднялся шумъ въ залѣ, раздался звонокъ предсѣдателя.

Человѣка четыре вышли изъ залы и подошли къ разговаривающимъ.

— Ни на что не похоже, заговорилъ одинъ изъ пришедшихъ. Онъ непремѣнно добьется протеста, придется просить отсрочки.

— Кто тамъ такой?

— Будто не знаете.

— Экой болтунъ! сказалъ одинъ изъ коноводовъ и пошелъ въ зало.

Чрезъ нѣсколько времени почти выскочилъ изъ зала пожилой господинъ, весь раскраснѣвшійся, и быстро заходилъ по столовой.

— Вѣрно смазали и смазали хорошо, что ушелъ, проговорилъ въ полголоса одинъ изъ курившихъ.

— Безъ него дѣло ходомъ пойдетъ. Спасибо Александру Ивановичу, надо полагать онъ его смазалъ, сказалъ другой.

Почти часъ проходилъ по столовой одиноко пожилой господинъ и вернулся въ зало.

Черезъ нѣсколько времени гласные вышли въ столовую завтракать.

Поднялся говоръ и шумъ.

По окончаніи собранія, Бубновъ съ Звѣревымъ прошли на бульваръ, гдѣ встрѣтили Елену съ большой компаніей; они пристали къ нимъ.

Вдругъ Бубновъ засуетился. На встрѣчу несся оборванецъ. Бубновъ не зналъ, куда дѣваться.

— Честной компаніи, проговорилъ оборванецъ, снявъ шапку и низко кланяясь. Тѣ будто его не замѣчали.

— Было и у насъ погуляно и какъ гуляно! съ шикомъ,—продолжаетъ говорить оборванецъ.

— А! школьный товарищъ! воскликнулъ оборванецъ и направился было къ Бубнову. Но тотъ предупредилъ его, бросивъ на дорогу два двугривенныхъ.

— Мерси за вниманіе. Бонжуръ за апетитъ, произнесъ бродяга, подобралъ деньги и скрылся.

Бубновъ вздохнулъ свободнѣе; но онъ не предвидѣлъ сколько предстояло ему непріятностей за его же деньги. Бродяга сталъ преслѣдовать его и искать случая получить двугривенный. Это дѣйствительно былъ товарищъ Бубнова по гимназіи; но, выйдя изъ четвертаго класса гимназіи, Бубновъ потерялъ его изъ виду и, если бы не случайная встрѣча, то онъ совсѣмъ бы забылъ его. Пока шло собраніе, бродяга мало надоѣдалъ Бубнову, который съ третьяго дня собранія вошелъ въ свою колею и завертѣлся съ гласными. Онъ даже оставилъ и Звѣрева, который, впрочемъ, этимъ не огорчался.

На третій и четвертый дни въ собраніи шли смѣта и пренія велись ровно и спокойно, за исключеніемъ очень маловажныхъ случаевъ; но внѣ собранія гласные волновались. Собирались они кружками другъ у друга и толковали о выборахъ, спорили, расходились въ мнѣніяхъ, отставали отъ одного кружка и примыкали къ другимъ или переманивали къ себѣ отъ другихъ кружковъ, чтобъ набрать большинство.

Воложбинъ тоже хлопоталъ о большинствѣ и дѣло уладилось само собой, благодаря совѣту Гвоздева; уѣздъ успѣлъ притянуть къ себѣ четыре слабыхъ уѣзда; но самъ же Воложбинъ и дѣло испортилъ. Въ Николинъ день Воложбинъ давалъ обѣдъ, квартира не представляла средствъ принять всѣхъ гласныхъ, къ тому же оказалось необходимо пригласить и высшихъ лицъ мѣстной администраціи. На долю гласныхъ не много оставалось мѣста, пришлось приглашать по выбору, а выборъ былъ сдѣланъ не удачный, обойдены были тѣ именно изъ гласныхъ, которые тянули къ его уѣзду, и свои-то не всѣ еще были приглашены. Это совсѣмъ испортило дѣло Воложбина; онъ не подозрѣвалъ, сколько нажилъ враговъ. Обѣдъ былъ на славу, всѣ присутствующіе пришли въ восторгъ, какъ отъ внимательнаго и деликатнаго обра-

щенія хозяевъ, такъ и отъ роскоши и изысканности праздника, что еще болѣе увеличило злобу недовольныхъ.

Звѣревъ утромъ сидѣлъ еще за чаемъ и думалъ. «Надо было изъ такой дали притащиться за пустяками. Насказали Богъ знаетъ что, насулили и борьбу партій и горячія схватки въ собраніи и кутерьму между гласными, ничего не бывало; все идетъ ровно, спокойно. Конечно, жизни въ городѣ больше, это развлекаетъ меня и можетъ освѣжить, но не того я ожидалъ.

Кто-то постучалъ въ дверь.

— Войдите, пригласилъ Звѣревъ.

Къ немалому удивленію Звѣрева явился почтенный старичекъ, руководившій преніями на его обѣдѣ.

Первое слово, конечно, было о томъ, что занимало весь городъ, объ обѣдѣ Воложбина.

— Лучше было бы, если бы онъ не давалъ этого обѣда, сказалъ старичекъ.

— Вы меня удивляете.

— Дурное впечатлѣніе произвелъ этотъ обѣдъ.

— Помилуйте! кого не встрѣчу, всѣ въ восторгѣ! сказалъ Звѣревъ и такъ посмотрѣлъ на гостя, какъ будто спрашивалъ: въ своемъ ли ты умѣ почтенный.

— То-есть тѣ, кто были. А кто не былъ?

— Невозможно было всѣхъ пригласить.

— Въ этомъ-то вся и суть. Нажилъ онъ себѣ этимъ обѣдомъ столько враговъ, что дѣло его прогорѣло совсѣмъ.

— Неужели оно приняло такое дурное направленіе?

— Въ тысячу разъ лучше было бы, если бы не давалъ этого несчастнаго обѣда. Имъ-то все дѣло испортилъ.

— Я ничего не замѣчаю особеннаго; все идетъ ровно, спокойно.

— Вы смотрите на оффиціальную сторону дѣла, въ частности загляните, вникните, тогда всю и увидите суть.

— Что же особеннаго?

— Всякій, кто хочетъ что-нибудь сдѣлать, хлопочетъ о большинствѣ, или привлекаетъ на свою сторону другихъ,

или самъ пристаетъ къ большинству. Конечно, вы не преслѣдуете никакого интереса, такъ и не замѣчаете всѣхъ тонкостей. Все дѣло ведется подъ покровомъ темной ночи. Днемъ вы ничего не увидите, даже и тѣ, которые уже сошлись совсѣмъ и тѣ виду не покажутъ, что они за одно; ихъ не встрѣтите вмѣстѣ ни въ собраніи, ни въ столовой, будто и знать не хотятъ другъ друга. Вечеромъ, смотришь, и собрались, будто кутнуть, отъ нечего дѣлать, а сами, въ тихомолку и порѣшатъ дѣло.

— Меня раза два приглашали.

— Отчего не пошли? Любопытно, очень любопытно. Кромѣ того, это показываетъ, что къ вамъ питаютъ уваженіе и довѣріе.

— Надо вамъ сознаться, что я струсилъ немного. Кутить я не охотникъ, а полагалъ, что кутежъ будетъ большой, чего я стараюсь избѣгать по возможности.

— Случается, что и черезъ край хватятъ; впрочемъ, все зависитъ,—какая соберется компанія. Мы устроились было очень хорошо. Пристали къ намъ четыре уѣзда, совсѣмъ было сошлись, маленькія недоразумѣнія еще были: но сгладились бы временемъ. А тутъ обѣдъ и, какъ нарочно, ни одного не пригласилъ изъ тѣхъ уѣздовъ, которые примкнули къ нашему, и разомъ разбилъ всѣхъ. Надо начинать снова, можетъ быть и не удастся.

— Все теперь пропало?

— Отчаяваться еще нельзя, есть средство поправить.

— Не будетъ съ моей стороны нескромностью, если я спрошу васъ, какое еще есть средство.

— Надо вамъ сознаться, я собственно за этимъ къ вамъ и пришолъ; намъ нужна нейтральная почва.

— Я къ вашимъ услугамъ, располагайте мною, я весь къ вашимъ услугамъ.

Гость крѣпко пожалъ руку хозяину.

— Извините, Валерьянъ Павловичъ, что я такъ нахально пользуюсь вашимъ расположеніемъ, но безъ вашей помощи никакого средства не представлялось поправить дѣло.

— Что-же теперь дѣлать?

— Позвольте мнѣ на сегодняшній день завладѣть вашей особой.

— Я отдаюсь въ полное ваше распоряженіе.

— Прекрасно. Сегодня я познакомлю васъ съ тѣми гласными, которыхъ намъ притянуть надо, а потомъ вечеркомъ и соберемся у васъ.

— И только?

— Больше ничего.

— Вы этимъ мнѣ доставляете большое удовольствіе, я только горѣвалъ о томъ, что не вижу ни борьбы, ни волненія гласныхъ, а теперь мое желаніе исполняется, какъ бы волшебствомъ.

— Очень радъ, очень радъ! Ахъ! да, еще одно условіе.

— Какое?

— Не приглашать ни Воложбина, ни Бубнова.

— Обидятся.

— Бубнова я беру на собственную отвѣтственность.

— А Воложбина?

— Онъ и не узнаетъ. Будетъ всему приданъ видъ неожиданной случайности.

— Идетъ.

— Пойдемъ и мы, пора уже въ собраніе.

Не смотря на то, что у Звѣрева было занято двѣ большихъ комнаты, гостей набралось къ нему вечеромъ до тѣсноты. На двухъ столахъ усѣлись за преферансъ, прочіе или смотрѣли на игру или вели обыденные разговоры.

Хлопнула первая пробка, другая, третія,—бесѣда пошла живѣе, стали затрогивать мало-по-малу земскіе вопросы, разговоръ началъ принимать общее направленіе. Почтенный старичекъ очень ловко подбирался къ дѣламъ, въ которыхъ заключалась выгода его уѣзда; не безъ споровъ было, но дѣло ладилось. Много откупоренныхъ и пустыхъ бутылокъ снято было со стола и замѣнено новыми, преферансъ кончился и разговоръ пошелъ оживи-

леннѣе и сближеніе кружка становилось тѣснѣе и прочнѣе. Завели рѣчь о непремѣнномъ членѣ, прошло благополучно. Почтенный старичекъ очень осторожно повелъ дѣло о Бубновѣ. Все сначала шло хорошо, но какъ только произнесено было слово Бубновъ, со всѣхъ сторонъ послышалось: гдѣ Земскій Ярыжка? То надоѣдаетъ, какъ муха передъ носомъ, а теперь и скрылся съ глазъ долой. Пошли насчетъ бѣднаго разныя остроты, отъ которыхъ ему крѣпко не поздоровилось бы.

Почтенный старичекъ ловко отвернулъ въ сторону, онъ направилъ ударъ расходившейся компаніи на другаго кандидата въ члены управы, который больше не нравился обществу. Изливъ избытокъ своихъ непріязненныхъ чувствъ, общество сдѣлалось снисходительнѣе, и Бубновъ прошелъ, послѣ горячихъ споровъ и ѣдкихъ насмѣшекъ, такъ ради шутки, ради того, чтобъ дать отпоръ коноводамъ. Оставался Воложбинъ; но участь его была рѣшена; ясно высказалось такое озлобленіе, что настаивать въ пользу Воложбина не представлялось никакой возможности, можно было разстроить только-что скрѣпившійся кружокъ и окончательно испортить дѣло.

Пренія о смѣтѣ были закончены въ собраніи. Поставили вопросъ о народномъ образованіи.

Воложбинъ, имѣя въ рукахъ толстую тетрадь, предложилъ собранію выслушать его докладъ о народномъ образованіи.

— Въ коммисію, въ коммисію! посыпалось со всѣхъ сторонъ и поднялся шумъ.

Воложбинъ поблѣднѣлъ и опустился на стулъ.

— Можетъ быть угодно собранію выслушать будетъ краткое содержаніе доклада, сказалъ одинъ изъ коноводовъ.

— Назначеніе коммисіи въ томъ и состоитъ, чтобы разсматривать въ подробности сложные доклады, а собранію представлять только краткіе экстракты съ своимъ заключеніемъ, слѣдовательно устное изложеніе доклада

будетъ повтореніемъ того, что представитъ коммисія, сказалъ одинъ изъ гласныхъ.

— Въ коммисію, въ коммисію! снова раздалось со всѣхъ сторонъ.

Предсѣдатель позвонилъ.

— Угогно-ли собранію выслушіать предлагаемый докладъ? Несогласные встаютъ.

Почти всѣ гласные поднялись.

— Не принято, произнесъ предсѣдатель.

— Принимая во вниманіе, что собраніе обсужденіе сложныхъ докладовъ допускаетъ только по разсмотрѣніи ихъ коммисіей, въ видахъ сбереженія времени отъ напрасной траты на повтореніе того, что будетъ доложено коммиссіею, я осмѣлился предложить бы собранію отложить пренія по вопросамъ о народномъ образованіи, здравіи, о богоугодныхъ заведеніяхъ, объ уравненіи повинностей и другихъ, которые переданы коммисіи, пока не представитъ коммиссія къ докладу, сказалъ одинъ изъ гласныхъ.

— Согласны, согласны, согласны, отозвались со всѣхъ сторонъ.

Предложеніе было принято большинствомъ.

Вожаки переглянулись.

— Объ участіи въ съѣздѣ льноводовъ, провозгласилъ предсѣдатель.

Стали читать докладъ. Коноводы земства вышли въ столовую.

— Ловко? сказалъ одинъ изъ коноводовъ, когда они прохаживались по столовой.

— Да, съ разу все повалилъ, отвѣтилъ другой.

— Все уѣздъ Воложбина работаетъ.

— Силу забралъ.

— Большинство, громадное большинство.

— Надо сойтись.

— Одно мнѣ не нравится, какого-то Бубнова въ управу проводятъ.

— Тотъ, что, какъ муха, лѣзетъ во всѣмъ.

— Да и дрянь порядочная.

— Неудобно.

— Придется согласиться. Представьте! Никогда не ожидалъ такихъ тонкостей! Звѣрева знаете?

— Очень приличный господинъ.

— Дипломатъ. Кажется воды не замутитъ, а какую штуку устроилъ! Онъ собралъ ихъ всѣхъ.

— Неужели?, вотъ никогда бы не подумалъ!

— Раньше успѣли они немного сойтись, я это понялъ; но Воложбинъ своимъ обѣдомъ всѣхъ разбилъ, а этотъ молодецъ къ себѣ зазвалъ, накатилъ шампанскимъ и такъ обошолъ, что теперь ихъ не разведешь.

— Не его ли это штуки, что сейчасъ выкинули.

— Конечно его, изъ ихъ кружка дѣлалъ предложеніе. Одного только не понимаю, чего добивается Звѣревъ?

— Вліянія.

— Конечно. Но за чѣмъ? Изъ какихъ видовъ?

— Онъ съ Воложбинымъ хорошій знакомый, можетъ быть хочетъ ему помочь.

— Нѣтъ. Воложбина дѣло прогорѣло. Видѣли сейчасъ.

— Круто обошлись.

— Самъ виноватъ. Большой промахъ далъ.

— Было дѣло на мази!

— А ну его! Меня заботитъ больше Бубновъ.

— Неужели онъ пройдетъ?

— Большинствомъ. Придется и намъ сблизиться съ Звѣревымъ. Силу забралъ.

— Не уже ли Бубновъ дрянь?.

— Какая дрянь то! Сплетникъ. Ерыга какой то!

— Это неудобно.

— Придется уступить. Они намъ много могутъ нагадить.

— Надо постараться разбить.

— Никакими средствами не разобьешь. Дѣло проведено такъ тонко, что не оставлено ни одного кончика, не захватишь.

— Тонкая штука Звѣревъ.

— Образованный человѣкъ, былъ заграницей и уменъ.

Гласные вошли завтракать въ столовую.

Коноводы разошлись въ разныя стороны, будто и не были вмѣстѣ.

Настало время выборовъ.

— Предлагается въ предсѣдатели управы господинъ Воложбинъ, провозгласилъ предсѣдатель.

Гласные по порядку начали опускать шары въ ящикъ. Воложбинъ ушелъ въ столовую и сѣлъ въ кресло.

— Четырнадцать избирательныхъ и сорокъ пять не избирательныхъ, воскликнулъ предсѣдатель.

— Съ Воложбинымъ сдѣлалось дурно. Слѣпневъ съ Звѣревымъ увели его домой.

Предсѣдателемъ избрали стараго.

— Предлагается въ члены управы господинъ Бубновъ, провозгласилъ предсѣдатель.

Бубновъ въ сильномъ волненіи сталъ ходить по столовой.

— Сорокъ два избирательныхъ и семнадцать не избирательныхъ, провозгласилъ предсѣдатель.

— Браво! браво! раздалось много голосовъ.

Пошли поздравленія.

Бубновъ съ радости началъ обнимать и цѣловать всѣхъ; не выдержалъ сердечный, потребовалъ шампанскаго и сталъ угощать, что сильно не понравилось людямъ солиднымъ.

«Добился таки своего, теперь я у пристани», думалъ про себя Бубновъ, прохлаждаясь шампанскимъ.

Дѣло кончилось очень печально. Воложбинъ въ тотъ же день умеръ отъ разрыва сердца.

Темнымъ покровомъ налегла эта смерть на собраніе, думалось всякому, что не безъ его участія совершился такой трагическій оборотъ дѣла. Всѣ какъ то по притихли, кончились веселыя пирушки, хотя иногда и заводились жаркія схватки при обсужденіи жгучихъ вопро-

совъ, но они вдругъ стихали. Много гласныхъ разъѣхалось сряду послѣ выборовъ.

Воложбина отпѣли съ торжественной церемоніей и тѣло повезли въ деревню.

Слѣпневъ и Звѣревъ вмѣстѣ съ Еленой провожали гробъ Воложбина до самой усадьбы.

Заключеніе.

Бубновъ торжествовалъ, онъ устроился отлично въ городѣ, усадьбу очень выгодно сдалъ въ аренду и зажилъ припѣваючи. Онъ былъ вполнѣ счастливъ, если бы не смущалъ его бродяга товарищъ. Никакими средствами, кромѣ подачки денегъ, Бубновъ не могъ отдѣлаться; пробовалъ прибѣгать и къ администраціи, но это не помогло; оказалось, что онъ мѣстный мѣщанинъ и потому его нельзя было выслать въ другое мѣсто на жительство. Пришлось прибѣгнуть къ личной сдѣлкѣ. Послѣ длинныхъ переговоровъ было заключено условіе, что Бубновъ будетъ каждомѣсячно платить по три рубля, а тотъ обязался даже и не встрѣчаться на улицѣ.

Такимъ образомъ прошелъ годъ благополучія Бубнова.

Однажды онъ сильно разстроенный пришелъ въ управу.

— Воложбина вышла замужъ за семинариста, трагически произнесъ Бубновъ.

— Такъ чтожъ? съ Богомъ, отвѣтили товарищи.

— Скандалъ! воскликнулъ Бубновъ.—Это ужъ не первый примѣръ и скоро придетъ то время, когда разночинцы сотрутъ дворянство.

— Много сказано. Потеря эта чувствительна можетъ быть только для васъ, замѣтилъ предсѣдатель.

— Полнаго счастья нѣтъ на землѣ, отвѣтилъ Бубновъ.

отличавшимъ ихъ во всѣхъ случаяхъ жизни: они умерли мучениками любви.

Въ бреду она произносила имена Бреретона и Вестона, и вспоминала различные эпизоды, приведшіе ихъ къ общей гибели. Но имя Нориса чаще всего произносилось ею, она разговаривала съ нимъ, какъ бы видя его передъ своими глазами; а шпіоны передавали все, что она въ одинъ изъ подобныхъ пароксизмовъ высказывала, обращаясь къ нему съ словами: „Зачѣмъ, возлюбленный мой, ревнуешь ты меня къ Смельтону? Развѣ этотъ фигляръ можетъ сравняться съ тобою“.

Когда приговоръ суда былъ составленъ, королева спросила имена своихъ судей; ихъ было 26 изъ палаты лордовъ. Графъ Уильтсгирскій не могъ избавиться отъ обязанности, возложенной на него званіемъ; его вердиктъ никому неизвѣстенъ, всѣ они, безъ исключенія, (какъ напр. Маркизъ Экзетеръ и графъ Арундель) своимъ назначеніемъ были обязаны извѣстной враждѣ къ обвиненнымъ. Герцогъ Норфолькскій, какъ говорилъ король, предсѣдательствовалъ, имѣя по правую руку канцлера Одлея, а по лѣвую герцога Суффолька; но для этого безсердечнаго, тщеславнаго человѣка, кровное родство ничего не значило. Ревностный католикъ, онъ ненавидѣлъ свою племянницу.

Соучастники были первые судимы. Одинъ Смельтонъ сдѣлалъ нѣкоторыя признанія, но эта низость его не спасла; его не посмѣли свести на очную ставку съ королевой. Всѣ прочіе упорствовали въ своемъ невѣдѣніи.

Лордъ Рошфоръ былъ приговоренъ къ обезглавленію. Другіе къ повѣшенію, къ разрубленію на части и къ выставленію на показъ.

Послѣ этой гекатомбы, приведена была королева. Въ ту минуту, какъ она вошла съ величественнымъ спокойствіемъ, ея глаза искали одного изъ судей. Взглядъ, съ которымъ она желала встрѣтиться, былъ взглядъ графа Нортумберландскаго, де-Перси, ея перваго жениха, сохранившаго къ ней ту же живую привязанность, какъ въ то время, когда они въ первой молодости поклялись другъ другу въ любви. Романическая легенда Анны Болейнъ должна была завершиться ангельской

любовію. Съ тѣхъ поръ, какъ разошлась ихъ свадьба, между ними никогда не было никакихъ сношеній. Но въ самомъ апогеѣ величія Анны и въ самомъ разгарѣ удовольствій, когда ей случалось заглядывать въ глубину своей души, всегда тамъ находила великодушнаго Перси, строившаго съ ней въ лазури небесъ великолѣпные замки ихъ свѣтлой будущности, какъ и всѣ почти молодые люди въ двадцать лѣтъ. Изрѣдка они мѣнялись взглядомъ, оживлявшимъ никогда не потухавшее пламя. — Это было воспоминаніе падшаго ангела о потерянномъ небѣ.

Король радовался, что можетъ привести сердце графа въ столкновеніе съ долгомъ, и воспоминаніемъ о прошедшемъ растерзать сердце обвиненной и увеличить ея несчастіе. Графъ, храбрость котораго разъ двадцать была испытана на полѣ битвы, почувствовалъ, что силы его оставляютъ при видѣ громаднаго несчастія той, которую онъ зналъ съ колыбели окруженной нѣжными заботами, женщины любимой имъ, низвергнутой королевы и въ его глазахъ невинной. Онъ упалъ въ обморокъ и его должны были унести.

Обвиненная закрыла глаза рукою, и горькія слезы потекли изъ ея глазъ. Затѣмъ, она гордая, какъ Юнона, подняла голову.

Какъ только улеглось тяжелое воспоминаніе, произведенное этимъ случаемъ, одинъ изъ судей сталъ говорить:

«Милорды!

„Не имѣя возможности избавиться отъ обязанности, возложенной на меня вами, я взываю къ Богу о помощи выполнить ее.

„Послѣ преній и произнесенныхъ приговоровъ, бывшихъ при васъ, милорды, къ несчастію нельзя сомнѣваться и въ преступленіяхъ, которыя еще подлежатъ обсужденію вашему, нѣтъ возможности остановить ходъ правосудія, какъ невозможно замедлить ходъ времени.

„Простая фрейлина получила высокое назначеніе раздѣлить тронъ одной изъ могущественнѣйшихъ монархій, положеніе, возбудившее зависть самыхъ знаменитыхъ принцессъ; цѣлый вѣкъ этотъ тронъ занимаемъ былъ добродѣтельными женщи-

нами. Доказано, что эта женщина до своего незаслуженнаго счастія, торговала своими прелестями и если она допустила себя быть нескромной даже въ глазахъ короля, то страшно себѣ представить чѣмъ она была прежде, въ продолженіи десяти лѣтъ, проведенныхъ ею при дворѣ, зараженномъ вольностію, доходящей до безстыдства.

«Мы должны теперь рѣшить вопросъ о наказаніи ея. Наши законы въ этомъ случаѣ безгласны; какъ и спартанскіе законы, они не опредѣляли наказанія за нѣкоторыя преступленія, въ виду невозможности совершить оныя. Я тщательно искалъ разрѣшенія этого вопроса въ законодательствахъ и исторіяхъ другихъ націй, и вотъ что узналъ я.

«Въ одномъ изъ Миносскихъ законовъ говорится: „Женщина должна была увѣнчана волной и продана".

«Египтяне отрѣзывали носъ обвиненной въ прелюбодѣяніи и выкалывали глаза ея сообщнику; саксы ихъ сожигали, сарматы ихъ изувѣчивали, евреи ихъ побивали камнями, а милосердый Господь нашъ Іисусъ Христосъ, простившій первый проступокъ, ничего не сказалъ о прощеніи послѣдующихъ. Въ Аѳинахъ подвергали виновныхъ публичному оскорбленію. Вотъ что дѣлали германцы, по словамъ Тацита: съ обстриженными волосами, обнаженную, въ присутствіи близкихъ, виновную выгонялъ мужъ изъ дому и погонялъ ее ударами кнута. Прощенья нѣтъ опозорившей себя скромности. Ни красота, ни возрастъ, ни богатство не могутъ доставить супруга женщинѣ прелюбодѣйкѣ. Никто въ этомъ случаѣ легко не смотритъ на пороки. Римское право наказывало соперника оскорбленнаго мужа, и почти всегда смертію.

«Клавдій не подвергалъ суду Мессалину: центуріонъ ее пронзилъ своимъ мечомъ. Въ царствованіи Нерона общественное мнѣніе прославило раба, хвалившагося, что заколол кинжаломъ вѣроломную жену своего властелина.

«При Юстиніанѣ, виновныхъ женщинъ сѣкли, мужчинъ оскопляли; при Константинѣ приговаривали къ смерти; при Львѣ у такихъ отрѣзывали носъ.

«Карлъ V, въ своемъ капитуляріи, предписываетъ смерть. Его преемники, болѣе великодушные, требовали чтобъ винов-

ные были покрайней мѣрѣ опозорены, и потому приказывали водить ихъ обнаженными по городамъ, предварительно вымазавъ медомъ и обвертѣвъ въ перья; или привязавъ къ ослу лицомъ къ хвосту, водить всѣмъ на показъ. Мнѣ не нужно напоминать о смерти Маргариты Бургунской и Филиппа Оннея; подробности о нихъ извѣстны.

«Въ Константинополѣ провинившуюся женщину завязываютъ въ мѣшокъ, который развязывается только на днѣ морскомъ.

«Въ нѣкоторыхъ восточныхъ странахъ, мужъ—верховный судья, впускаетъ раскаленное желѣзо между голенями жены, хладнокровно обсуждая послѣдствія своей мести, и доводитъ свою жертву до того, что она вслѣдствіе подобнаго околечиванія принуждена, какъ животное ходить на рукахъ и ногахъ.

«Когда Іоанна, неаполитанская королева, безнаказанно наслаждавшаяся жизнью въ продолженіи сорока лѣтъ, была удушена между двумя тюфяками человѣкомъ мстившимъ ей за перваго мужа, нашли дѣйствіе это справедливымъ.

«Вы хотѣли, милорды, чтобъ я привелъ нѣсколько примѣровъ изъ приговоровъ, произнесенныхъ противъ прелюбодѣйства у народовъ, исторія которыхъ намъ извѣстна, — я это исполнилъ».

Легко себѣ представить, что должна была выстрадать королева при перечисленіи подобныхъ ужасовъ! Предсѣдатель отошелъ, предоставивъ ей право говорить, такъ какъ ей не назначенъ былъ защитникъ. Едва ли кто могъ бы говорить благороднѣе ея. Историкъ только блѣдно въ состояніи передать ея слова:

«Милорды!

„Что могу сказать я, какъ не то, что всѣ вы, начиная съ васъ, мой дядя—герцогъ Норфолькскій, были у моихъ ногъ, во время пребыванія моего въ Витъ-Галлѣ; иначе оскорблять женщину. Передо-мною не судьи: исторія скажетъ кто вы. Я всегда была вѣрна королю, которому легче будетъ найти лордовъ, чтобъ осудить меня, чѣмъ истинно добросовѣстныхъ магистратовъ для изслѣдованія моего поведенія. Вы были бъ

справедливы, еслибъ были дальновидны: вѣдь дочь моя Елизавета будетъ вашей королевой».

Послѣ этой рѣчи она сняла корону, королевскую мантію съ своихъ прекрасныхъ плечъ и гордой поступью направилась къ двери. Стража не осмѣлилась задержать ее, она возвратилась въ тюрьму.

Ея братъ, обращавшій на себя вниманіе женщинъ изяществомъ своихъ манеръ, восхваляемый мужчинами за храбрость, уважаемый учеными за свои стихи, явился тоже за перила, онъ защищался съ большимъ благородствомъ. Когда публика вышла изъ залы, нашли забившагося въ уголъ человѣка съ блуждающими глазами, произносившаго несвязныя слова, — это былъ Вріанъ: онъ лишился разсудка.

X.

Анна не спала. Нравственныя страданія и ясное пониманіе своей участи не давали ни минуты спокойствія въ продолженіи нѣсколькихъ уже сутокъ. Темнаго цвѣта платье обрисовывало ея исхудалыя формы; темные круги оттѣняли впалые глаза, волосы также быстро посѣдѣли, какъ впослѣдствіи у Маріи Антуанеты. На ней еще видно было отраженіе потухшаго величія; на пальцѣ блестѣло королевское кольцо, одинъ палачъ могъ сорвать его.

Увидавъ прелата, носившаго ее когда-то въ пеленкахъ, она думала, что можетъ еще надѣяться; но эта мысль была мимолетна, какъ молнія, и вскорѣ ей пришлось убѣдиться въ ужасной истинѣ.

Краммеръ, угнетаемый воспоминаніями, нѣжностью къ личности Анны, уваженіемъ къ ея скорби, наконецъ непрочностью земныхъ благъ, и, можетъ быть, предчувствуя, что самъ будетъ однимъ изъ такихъ примѣровъ, прочелъ рѣшеніе, по которому, она приговорена къ сожженію, или четвертованію, смотря по произволу короля. Наказаніе ужасное, замѣненное милосердіемъ короля—обезглавленіемъ. Онъ считалъ нужнымъ привести въ исполненіе этотъ приговоръ для того, чтобъ участь

королевы была одинакова съ участію Рошфора, Нориса, Бреретона, и Вестона.

Смельтонъ, какъ не дворянинъ, долженъ былъ умереть на висѣлицѣ.

Она подняла руки и глаза къ небу, произнеся: «О мой Создатель! Ты путь, истина и жизнь, — Ты знаешь, что я не заслужила этой участи».

Затѣмъ преклонила колѣна.

Архіепископъ далъ ей благословеніе. Она встала, протянула ему руку, — онъ оросилъ ее слезами. Подъ тяжелыми сводами башни, за сырыми и черными стѣнами, при свѣтѣ блѣдно-мерцающаго факела, готоваго потухнуть, на порогѣ вѣчности — совершилось, въ эти минуты, искупленіе многихъ проступковъ.

По уходѣ прелата, она отворила окно, чтобъ освѣжить виски, опухшіе отъ прилива крови. Въ три часа утра, голубое небо было усыпано звѣздами; только и слышны были мѣрные шаги часовыхъ, да въ интервалахъ ихъ перекликиванія, леденящія духъ. Ночь была одна изъ рѣдкихъ, когда свѣтлые міры, разсѣянные по громадному пространству, поражаютъ и озадачиваютъ человѣка своимъ величіемъ.

Плѣнница сквозь рѣшетки кельи углубила свои взоры въ обширный сводъ небесъ, какъ бы вопрошая о будущей участи, какъ вдругъ была оторвана отъ великолѣпнаго зрѣлища шумомъ шаговъ и голосовъ, сначала издалека, а потомъ все ближе и ближе. При слабомъ свѣтѣ луны, она увидала, что-то похожее на полчище призраковъ, шевелившихъ руками, или чѣмъ-то въ родѣ рожковъ громаднаго размѣра. Посреди большаго двора они опустили свои громадныя руки на землю и остались на мѣстѣ. Потомъ она видѣла, что они вставали, ходили взадъ и впередъ поднимали съ земли свои длинныя руки на верхъ, опять опускали ихъ, соединяли вмѣстѣ, и тяжелыми молотами били по нимъ.

Съ появленіемъ разсвѣта она могла распознать истину, и галлюцинація вслѣдствіе голода и безсонницы — исчезла. Призраки, походившіе на бѣсовъ въ ночномъ сборищѣ, были помощники палача. Огромныя руки, двигавшіяся надъ головами

нихъ, были матеріалы, принесенные для постройки эшафота. Она отвернулась и упала на постель, разбитая отъ столькихъ потрясеній, и погрузилась въ тяжелый, какъ свинецъ, сонъ, оторвавшій ее, наконецъ, отъ раздирающаго кошмара.

Утромъ около восьми часовъ, два человѣка ожидали въ Витъ-Галлѣ аудіенціи у короля.

Одинъ изъ нихъ олицетвореніе лукавства и жажды пріобрѣтенія, потомокъ странствующихъ племенъ іудейскихъ. Его костюмъ, походка, черные, маленькіе, бѣгающіе глаза, тонкія губы, жидкіе волосы напоминали библейскіе типы, всецѣло сохранившіеся до нашихъ временъ. Подъ лѣвой рукой онъ несъ шкатулку съ драгоцѣнностями. Это былъ ювелиръ Самуилъ.

Другой былъ гигантскаго роста, съ звѣрскимъ лицемъ, съ жесткими, какъ львиная грива волосами, косоглазый, съ рыжей впадающей въ кровяной цвѣтъ бородою, съ широкими угловатыми колѣнами и мускулами Полифема. Это былъ палачъ Калевъ.

Еврей вошелъ первый.

— А! вотъ и ты! сказалъ, засмѣявшись, король; онъ развеселился, увидавъ Самуила. Съ тобой ли оба убора, что я тебѣ заказалъ? Клянусь Вельзевуломъ, старый безбожникъ, что велю тебя бросить въ Темзу, если не принесешь мнѣ чуда; я тебя ждалъ, какъ разорившійся лордъ, которому ты уже усталъ уступать въ долгъ.

— Смѣю надѣяться, отвѣчалъ сынъ Израиля льстивымъ голосомъ, что ваше величество даруете мнѣ прощеніе; я долженъ былъ отправиться въ Вѣну, чтобъ достать необходимые каменья, мнѣ ихъ не хотѣли уступать ни за какую цѣну. Я принесъ уборы для выбора вашему величеству, который изъ нихъ вы изволите взять?

— Бриліантовый.

— Удостойте посмотрѣть.

— Они довольно хорошей воды.

— Извольте взглянуть, государь, какой блескъ, какіе огни! Никогда ничего лучшаго не добывали изъ рудниковъ Голконды и Визапуры. Королева Франціи имѣетъ уборъ подоб-

ный этому, но онъ состоитъ только изъ розъ, тогда какъ этотъ изъ брилліантовъ. Вглядитесь, государь, смѣю васъ увѣрить, что самъ великій Моголъ вамъ позавидуетъ. Я бралъ уроки у Людвига Беркема и работалъ по его методѣ.

— Хорошо, я отмѣняю половину сентенціи, сейчасъ мною произнесенной. Жаль было бы утопить такого искуснаго человѣка. Посмотримъ теперь другой уборъ.

Самуилъ открылъ другой футляръ.

— Этимъ я менѣе доволенъ, сказалъ король, послѣ тщательнаго осмотра. Мнѣ не нравится такое расположеніе камней. Тутъ не должны быть Цейлонскіе рубины, ты ихъ переставишь сюда. Отдѣлка слишкомъ массивна; я желаю, чтобъ она была гораздо нѣжнѣе и совершенно ажурная.—Въ этой аграфѣ слишкомъ малы жемчужины, ты ихъ перемѣнишь, я желалъ бы, чтобъ ты ихъ перемѣшалъ съ Сибирскими топазами, или перуанскими изумрудами.

— Вотъ два изумруда, которые я осмѣлюсь предложить для двухъ булавокъ.

— Ты ихъ придѣлаешь къ аграфу.

— Когда прикажете, ваше величество, все это принести?

— Завтра въ десять часовъ.

Несмотря на то, что сыны Израилевы не отличаются особенной чувствительностію, но Самуилъ, зная, что королева Анна еще жива, отвѣтилъ невнятно:

— Какъ, государь, завтра?

— Ну да, завтра, оглохъ что ли ты?

— Государь, вы ихъ получите.

— Будь акуратенъ, или я прикажу тебя повѣсить.

Генрихъ разсматривалъ подарки, приготовленные его новой супругѣ. Ювелиръ вышелъ, палачъ вошелъ.

При появленіи вновь вошедшаго лица, физіономія короля совершенно измѣнилась. Женихъ, только что сейчасъ такъ свободно и весело разсуждавшій о расположеніи жемчуга и брилліантовъ для своего свадебнаго подарка, преобразился въ лютаго судью. Онъ самъ заперъ дверь, чтобъ никто не помѣшалъ ему быть съ своимъ новымъ собесѣдникомъ, а гигантъ, чтобъ по возможности умалиться, смиренно всталъ въ уголъ.

Эти два человѣка были ужасные нравственные уроды.

— Когда пріѣхалъ ты изъ Калè?

— Государь, я только что пріѣхалъ.

— Ты долго ѣхалъ изъ Дувра въ Лондонъ.

— Государь, я загналъ двухъ лошадей.

— Сомнѣваюсь. Тебѣ сегодня предстоитъ отрубить пять головъ.

— Съ кого долженъ начать я?

— Съ музыканта Смельтона, котораго ты высоко и скоро повѣсишь.

— А послѣ?

— Послѣ... Нориса, Бреретона, Вестона и Рошфора...— Ею ты окончишь.

— Возьми это письмо и отнеси къ начальнику башни. Оно содержитъ инструкціи точныя и полныя. Мѣсто, часъ казни, число стражи, мѣста для зрителей, министръ, обязанный быть ассистентомъ при осужденныхъ, — я кажется все распредѣлилъ. Я не помню какого вѣроисповѣданія Смельтонъ? Эта проклятая собака, вѣроятно, никакого не имѣетъ, и я столь же мало забочусь о его душѣ—въ минуту смерти, какъ онъ заботился о ней при жизни.

— Все что вы изволили приказать, ваше величество, будетъ въ точности исполнено.

— Есть ли у тебя сильные и ловкіе помощники?

— Да, ихъ двое; Андрèвъ подниметъ лѣвой рукой батарейную пушку, и Игнацій убилъ въ моихъ глазахъ быка ударомъ кулака.

— Ахъ, я забылъ: ты велишь столяру Жозуá сдѣлать грубый сосновый гробъ. Самыя дурныя доски будутъ годны. Женщина прелюбодѣйца не будетъ имѣть другого мавзолея.

— Прошу наблюдать за послѣдними представленіями. Если который нибудь изъ осужденныхъ окажетъ малѣйшее сопротивленіе, тогда желѣзная рука твоя должна согнуть его какъ тростникъ...

— Что долженъ сдѣлать я съ тѣломъ?

— Ты зароешь его въ яму и засыплешь негашеной

извѣстью, чтобы ничего не осталось. Хорошо ли ты понялъ все, что я сказалъ тебѣ?

— Я понялъ.

— Если я буду доволенъ тобою, ты останешься отъ нынѣ въ Лондонѣ. Теперь убирайся.

Король отперъ дверь, палачъ отправился въ башню, менѣе стыдясь самаго себя вслѣдствіе этого разговора; теперь онъ сознавалъ себя только рукою настоящаго палача. Который изъ этихъ двухъ людей изнасиловалъ бы дочь Сеяна, прежде чѣмъ задушить ее?

Анна была въ той же самой тюремной кельѣ, гдѣ за два года передъ тѣмъ архіепископъ Фишеръ и канцлеръ Муръ, имена которыхъ написаны были еще на стѣнахъ подъ стихомъ изъ св. Писанія, бывшемъ предметомъ ихъ размышленій въ послѣднія минуты жизни. Она смирилась передъ перстомъ Божіимъ, умоляя Его о милосердіи, и ей казалось, что видитъ этихъ исповѣдниковъ вѣры, извѣщавшихъ ее о небесномъ прощеніи. Бодрость духа къ ней возвратилась и болѣе не покидала ее; говорятъ, будто она написала королю:

«Изъ простой дворянки вы меня дѣлаете маркизой, изъ маркизы—королевой, изъ королевы вы меня дѣлаете святою. Я васъ благодарила всякій разъ по мѣрѣ возвышенія своего; благодарю васъ и теперь».

Это письмо подлежитъ сомнѣнію. Анна—натура изящная и гордая, едва ли бы стала писать она такъ передъ смертною казнію.

Екатерина Говардъ, ея кузина, была послѣднимъ лицемъ, допущеннымъ къ ней въ тюрьмѣ. Послѣ этого посѣщенія, она послѣднія свои минуты провела въ молитвѣ. Когда жена смотрителя башни пришла извѣстить, что наступили роковыя минуты, она встала на колѣни и обратилась къ ней съ словами: «подите и на колѣняхъ, какъ теперь я стою, испросите прощеніе принцессы Маріи за все зло, причиненное мною ей и ея матери».

Проходя чрезъ толпу, она вызвала должную почтительность со стороны неправедныхъ судей ея, клеветниковъ своихъ. Обратясь къ нимъ, она сказала: «Не смотря на ваши

низости, я умираю вашей королевой. Съ этого момента людской гордости въ ней уже болѣе не было. Ея враги не имѣли случая злорадствовать ея униженію, она не испрашивала невозможнаго прощенія. На платформѣ эшафота она присутствовала при смерти другихъ осужденныхъ; изъ которыхъ многіе, конечно, были бы оправданы справедливыми судьями.

Когда пришла ея очередь, съ постоянно благороднымъ выраженіемъ лица, она поправила складки своего платья съ какой то дѣвственной скромностію и склонила голову на плаху, еще обагренную кровью ея брата и, прямо устремивъ свой взглядъ въ глаза исполнителя казни. Послѣдній задрожалъ отъ этого взгляда, два раза выронилъ изъ рукъ топоръ, и, наконецъ, чувствуя, что его силы слабѣютъ сказалъ Томасу Кромвелю: «О! милордъ, если она будетъ на меня такъ смотрѣть, я не въ состояніи буду нанести ударъ!»

Анна, зная, что умереть необходимо, закрыла глаза и получила на минуту отсроченный ударъ...

Въ моментъ искупленія этой жертвы, ракета, брошенная съ Лондонской башни, разсыпалась огненнымъ снопомъ, что было условнымъ сигналомъ для короля, ожидавшаго его на терасѣ Ричмондскаго парка; видъ съ нея ни когда не казался такимъ прекраснымъ королю, какъ теперь.

На слѣдующій день Генрихъ VIII женился на Іоаннѣ Сеймуръ.

Іоанна Сеймуръ.

Послѣ смерти королевы Анны Болейнъ, былъ созванъ новый парламентъ. Выказываемое сочувствіе къ горести короля, отчасти существовавшее еще тогда уваженіе къ нему, а въ особенности общественная развращенность, плодъ его глубоко безнравственныхъ дѣйствій, были поводомъ къ избранію людей, какіе требовались при подобныхъ обстоятельствахъ. Король спѣшилъ явиться посреди нихъ; распространяясь о своихъ несчастіяхъ въ рѣчи, въ которой выражалъ также личныя изліянія любви къ народу и гордость расы, онъ объявилъ

о своемъ третьемъ бракѣ, давая притомъ уразумѣть, что въ немъ для Англіи, такъ и для него элементы, не существовавшіе въ двухъ первыхъ его бракахъ. Эта ложь вызвала на скамьяхъ нижней палаты непритворное сочувствіе. Согласно этимъ обстоятельствамъ, ораторъ поторопился отвѣтить—насколько палата тронута, что монархъ выразилъ желанія раздѣлять съ избранными страною свои печали и радости. Затѣмъ онъ сдѣлалъ перечень всѣхъ похвальныхъ дѣяній короля, слегка коснулся прискорбныхъ воспоминаній, исключилъ могущія вызвать сатиру, преувеличивъ наоборотъ все, что могло быть лестнымъ и, согласно обычаю своей надменной страны, нашелъ случай набросить тѣнь на все, что жило внѣ Британіи. Воодушевляясь постепенно, онъ дошелъ до того, что сталъ говорить о счастіи Англіи быть управляемой государемъ, одареннымъ Провидѣніемъ мудростію Соломона, силою Геркулеса, красотою Аполлона, храбростію героя, великодушіемъ рыцаря и свѣтомъ науки. Эта риторика восхитила короля, расположеннаго всегда думать съ Домиціаномъ, что боги приготовили для его вѣка палтуса, давшаго изловить себя, чтобъ имѣть честь быть для него изготовленнымъ. Онъ съ напускною скромностію поспѣшилъ отдать на разсмотрѣніе закона важныя статьи, бывшія главнымъ предметомъ сессіи и прошедшія безъ возраженій. Съ этого дня подобострастіе было полное.

Палата дала санкцію разводу и позору Анны Болейнъ, признала незаконность дѣтей отъ первыхъ двухъ браковъ и право короны за будущими дѣтьми Іоанны Сеймуръ, или другой супруги; и, наконецъ, въ случаѣ могущаго не быть потомства, предоставила волѣ короля назначить наслѣдника по какому-то ни было акту, совершенному по его усмотрѣнію. Каждый, дозволившій себѣ разглашать противное этому мнѣнію и говорить возмутительныя рѣчи, подвергался наказанію какъ измѣнникъ.

Послѣ такого рода гласныхъ дѣйствій, стали держаться окольныхъ путей. На отрицаніе или несоблюденіе клятвы полагалось смотрѣть, какъ на преступленіе, которое магистраты должны были доносить и преслѣдовать. Такимъ образомъ учредилась тайная инквизиторская полиція, умножившая число

преступниковъ въ государствѣ. Это послужило поводомъ къ доносамъ. Всѣ тѣ, которые своими сомнительными мнѣніями были на примѣтѣ, отдавались въ руки враговъ ихъ. Злоупотребляя живостію, наскоро приняли множество другихъ мелочниковъ, придирчивыхъ мѣръ, и ловко введя ихъ, кончили тѣмъ, что отдали въ руки тиранна, какъ гражданскую власть, такъ и духовную.

Впродолженіи третьяго медоваго мѣсяца, Генрихъ VIII, конечно, мало занимался своими дочерьми,—онѣ воспитывались, какъ могли. Принцесса Марія испросила дозволеніе явиться засвидѣтельствовать свое почтеніе; онъ, чтобы не слишкомъ растрогаться, не обнялъ ее при свиданіи, но воспользовался случаемъ прозондировать ея религіозныя убѣжденія, какъ бы онъ сдѣлалъ съ личностію болѣе низкаго положенія и сомнительнаго взгляда.

— Отчего, принцесса, сказалъ онъ ей тономъ упрека, вы такъ медлили придти ко мнѣ?

— Государь, я не осмѣлилась.

— Развѣ вы совершили что либо могущее заставить васъ опасаться моего королевскаго правосудія или моей духовной юрисдикціи?

— Совѣсть ни въ чемъ меня не упрекаетъ.

— Вы, однако, имѣете друзей, которыхъ я не признаю своими,—они вамъ даютъ дурные совѣты.

— Я давно удалила отъ себя всѣхъ непріятныхъ для васъ лицъ.

— Продолжая принимать графиню Салисбюри и Людвига Вивѐса?

— Назначенныхъ вами же для наблюденія за моимъ воспитаніемъ.

— Да, но времена измѣнились.

— Графиня и мой старый профессоръ были уже оштрафованы.

— Я въ этомъ увѣренъ. Да будетъ прошедшее забыто, но съ условіемъ, чтобъ впослѣдствіи точнѣе исполнять предначертанныя мною приказанія. Я слишкомъ надѣюсь на вашъ умъ и благоразуміе... и думаю, что вы не рѣшились бы не-

реступить порогъ Ричмонда, еслибъ ваша душа не познала истинъ, открываемыхъ намъ слишкомъ долго непризванной вѣрой. Кромѣ того, меня нелегко обмануть, да и нельзя безнаказанно. И такъ, неужели вы думаете, что я поддамся притворству Елизаветы Бартонъ, называемой папистами Кентской святой дѣвицей, и которой вы открыто протежировали? Ваше положеніе вамъ извѣстно... оно должно бы было вамъ внушать другое поведеніе. Вы были бъ достойны порицанія, недовѣряя слухамъ о развращенности этой мнимой святой. Я знаю какъ поступить съ цыганкой, воспитанной за веретеномъ и покровительствуемой викаріемъ Ричардомъ Мастерсъ, съ соучастіемъ Варгамскаго архіепископа и каноника Букинга. Монахъ Дерингъ отправленъ въ вѣрное мѣсто за то, что находилъ удовольствіе распространять сборникъ откровеній этой святой Елизаветы, восторженное состояніе которой, по признанію Букинга и Мастерса, проявлялись въ нѣсколькихъ видахъ. Судьи, избранные мною, накажутъ этихъ шарлатановъ за ихъ хитрый обманъ; и францисканцы заплатятъ стоимость процесса, да кромѣ того я прикажу упразднить ихъ жилища. Да послужитъ вамъ примѣръ этотъ предостереженіемъ.

— Смѣю васъ увѣрить, государь, что я одинаково порицаю эти постыдныя дѣйствія.

— Чтобъ убѣдить меня въ достовѣрности этихъ словъ, надо присягнуть мнѣ, какъ верховной власти, и признать во мнѣ, королѣ вашемъ, главу англійской церкви.

— Удостойте, государь, принять приносимую мною отъ искренняго сердца—эту присягу.

— Принимаю. Но это еще не все. Я запрещаю вамъ видѣться съ графинею Салисбюри, раздѣляющей, конечно, идеи своего сына Полиса, съ Людвигомъ Вивѐсъ, другомъ Томаса Мура и Эразма, давно лишенныхъ моей милости, по причинамъ, близко до васъ касающимся и разумѣется вамъ извѣстнымъ. 805 правилъ, изложенныя для васъ, этимъ Вивѐсомъ, во многихъ пунктахъ—настоящая сатира на Англію и напротивъ похвала римскому первосвященнику, отлучившему меня отъ церкви. Еслибъ вы когда нибудь вызвали въ Лондонъ этого духовидца, я бы послалъ васъ преподавать лож-

нія правила, вмѣстѣ съ нимъ, на чердакъ Лудловскаго замка, т. е. въ ближайшее мѣсто, его химерическаго небеснаго града, что то въ родѣ пандемоніума—куда этотъ сумасшедшій не побоялся ввести Нуму, Катона, Траяна и другихъ идолопоклонниковъ вмѣстѣ съ Іисусомъ Христомъ.

— Я не буду болѣе видѣться съ графиней Салисбюри и съ Людвигомъ Вивесъ.

— Запрещаю вамъ всякаго рода брачные переговоры съ герцогомъ де-Клевъ и съ принцемъ Португальскимъ; забота о вашей будущности касается меня, я попекусь о ней, и когда придетъ къ тому время, изберу вамъ въ супруги принца, политическіе виды котораго будутъ мнѣ нравиться. Наконецъ, чтобы окончательно высказать все, что я въ правѣ требовать, приказываю вамъ немедленно дать мнѣ письменное согласіе ваше не только относительно религіозныхъ догмъ, принятыхъ мною, но и о различныхъ статутахъ, измѣнившихъ ваше званіе.

— Государь, оно сейчасъ будетъ написано моею рукою. Я бы его представила вамъ прежде, еслибъ вашъ министръ Кромвель у меня не такъ спросилъ его. Для того, чтобъ я поторопилась повиноваться желаніямъ вашимъ, нѣтъ надобности передавать мнѣ ихъ въ жесткой и оскорбительной формѣ.

— Эта щекотливость оскорбляетъ меня, мой канцлеръ не выходитъ изъ границъ моихъ приказаній, и каждый изъ моихъ подданныхъ, сопротивляясь ему, не повинуется мнѣ. Я говорю это разъ на всегда и къ этой темѣ болѣе не возвращайтесь; дурной примѣръ отъ васъ былъ бы пагубнѣе, чѣмъ отъ кого либо другого. А затѣмъ, принцесса, я васъ не задерживаю.

Окончивъ свою проповѣдь, король-первосвященникъ великодушно далъ ей поцѣловать свою руку и отпустилъ.

* * *

Шатобріанъ, говоря о краткомъ царствованіи императора Августула, выражается слѣдующимъ образомъ: „Историки сказали о немъ только, что онъ былъ прекрасенъ“. О королевѣ Іоаннѣ приблизительно тоже ничего нельзя сказать другого. Ея портретъ, сдѣланный однимъ изъ неизвѣстныхъ художни-

ковъ, находится въ Виндзорѣ, и привлекательныя черты ея лица вполнѣ заслуживаютъ, чтобъ проѣхаться туда посмотрѣть его.

Маленькая голова ея представляетъ геометрически правильный овалъ, кожа на лицѣ бархатистой нѣжности, тонкія брови надъ синими блиставшими чистотой глазами, носъ съ небольшой горбиной, розовый ротикъ съ выраженіемъ задумчивости. Вотъ ея изображеніе, напоминающее Психею, ожидавшую жизни отъ дуновенія любви, и подъ этой призрачной оболочкой виднѣлся затаенный страхъ предъ неизвѣстностію судьбы, какое то роковое предчувствіе.

Поклонники красоты во всѣхъ ея видахъ могутъ преклониться передъ ней, какъ олицетвореніемъ пластической красоты, освященной нравственнымъ и душевнымъ совершенствомъ. Взявъ во вниманіе юность, царскую порфиру и слишкомъ раннюю ея кончину, невольно приходитъ мысль, что Богу жаль было оставить на долго такое существо въ столкновеніи съ людьми; оттого онъ и взялъ ее къ себѣ. Іоанна Сеймуръ одна изъ тѣхъ привлекательныхъ личностей, которыхъ красота дѣлала царицами. Она явилась на свѣтъ для того только, чтобъ быть любимой, надѣть корону и быть матерью короля. Едва свадебный букетъ успѣлъ увянуть, какъ ея облекли въ пурпуръ и безупречную похоронили.

Она не успѣла видѣть охлажденіе страсти, давшей ей корону. Въ концѣ года супружеской жизни наступили для нея тяжелые, преждевременные роды. Доктора объявили, что необходимо пожертвовать матерью или ребенкомъ. Король отвѣтилъ: «Спасти ребенка».

Эдуардъ VI родился, мать испустила духъ.

* * *

Генрихъ VIII вслѣдъ за кончиной Іоанны Сеймуръ сталъ хлопотать о пріисканіи себѣ супруги. Репутація его не могла внушить желанія семействамъ царской крови породниться съ нимъ: но это не остановило намѣренія его, онъ, казалось,

нетерпѣливо желалъ имѣть жену, чтобъ мучить ее и быть единственнымъ примѣромъ въ исторіи.

Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на герцогиню Миланскую, о которой носились слухи, что она была бы не прочь искать счастія во второмъ бракѣ, не нашедши его въ первомъ. Еслибъ этотъ проэктъ осуществился, то онъ сдѣлался бъ племянникомъ императора, бывши до того его дядей. Союзъ привлекательный для развращенной и непостоянной натуры его; это свойство моглю бы послужить поводомъ къ разрыву и возбудить вопросъ о кровосмѣшеніи, еслибъ брачныя узы начали надоѣдать ему. Принцесса не скрыла своего отвращенія къ тому, кто такъ жестоко поступалъ съ ея кузиной Екатериной Арагонской. Карлъ V не менѣе ея былъ оскорбленъ этимъ предложеніемъ.

Вдовствующая герцогиня Лонгвиль, впослѣдствіи мать Маріи Стюартъ, была бы подходящею для него партіею; этимъ союзомъ онъ могъ бы сблизиться съ Франціей и сдѣлать непріятность Австрійскому дому. Притомъ она была такая же толстая, какъ онъ, что тоже казалось тогда ему уважительной причиной.

Не много времени спустя, онъ по портрету прельстился стройной таліей Анны де Клевъ. Но герцогиня была невѣстой Шотландскаго короля; ему предложили Марію Бурбонскую, на которой онъ не хотѣлъ жениться—неизвѣстно почему; можетъ быть, не оттого ли, что это предложеніе ему было повторяемо съ одинаковымъ заискиваніемъ, впродолженіи того времени, какъ онъ обдумывалъ; легко достигаемыя цѣли менѣе казались ему привлекательными, чѣмъ препятствія, раздражающія его. Что же касается Маріи Лоренъ (Лонгвиль), не не зная чѣмъ наказать ее за отказъ, онъ запретилъ ей проѣзжать чрезъ Англію въ поѣздку ея къ Якову V, умершему вскорѣ и оставившему ея вдовою во второй разъ.

Въ одинъ изъ фантастическихъ припадковъ, характеризующихъ его, онъ просилъ французскаго короля прибыть въ Кале, какъ будто для политической конференціи и вмѣстѣ съ тѣмъ привести съ собою дамъ, имѣющихъ притязаніе сопер-

ничать въ красотѣ, для полученія призомъ за нея трона Англіи. Францискъ 1-й отвергнулъ эту мысль, не желая, какъ онъ выразился, походить на турецкаго торговца невольницами.

* * *

Король—первосвященникъ сталъ вымѣщать на монастыряхъ свои брачныя неудачи. Уничтоженіе монастырей принесло Генриху VIII не менѣе 700,000 милліоновъ французской монетой. Представители древнихъ жертвователей тщетно надѣялись, что конфискованныя имущества будутъ имъ возвращены; но грабитель оставилъ все за собой, хотя и случалось подчасъ, что въ немъ проявлялась расточительность, равняющаяся его жадности. Мишле говоритъ, будто онъ пожаловалъ, однажды, одному изъ своихъ поворовъ землю за хорошо приготовленное блюдо. Но достовѣренъ ли этотъ слухъ и на какихъ данныхъ онъ основанъ—неизвѣстно.

Королева на одинъ день.

Генрихъ VIII, обогативъ свою казну ограбленіемъ монастырей и, полагая верховную духовную власть, вполнѣ, за собою упроченною, пожелалъ вновь вступить въ бракъ. Безбрачіе тяготило его, но конечно не воздержаніе, невозможное для такого человѣка. Канцлеръ Кромвель, видя, что всѣ попытки короля найти себѣ супругу, безплодны, далъ ему мысль обратить взоры къ Германіи, выставляя, однако, на видъ выгоды союза съ семействомъ одного изъ конфедератовъ Шмальгальденскихъ. Лига этого имени, составленная въ 1531 г. между девятью протестантскими государями и одиннадцатью имперскими городами, въ видахъ поддержки ихъ общаго вѣроисповѣданія и независимости отъ Карла V, была возобновлена еще съ болѣе стѣснительными условіями, чѣмъ первыя Конфедераты, въ пылу звѣрства противъ императора, повсюду искавшіе вспоможенія и поддержки, должны были желать возобновить сношенія съ Англіей, могущія быть полезными

обѣимъ договаривающимся сторонамъ. Эти государи, соединясь въ Брауншвейгѣ, приняли самымъ любезнымъ образомъ сэра Христофа Монтъ, особенно заботившагося приблизить тѣхъ лицъ, у которыхъ дочери были въ возрастѣ эта миссія, однако, осталась безъ результата.

Король, и въ такомъ водоворотѣ мыслей, вздумалъ однажды утромъ посѣтить своего любимаго живописца Гольбейна. Онъ удостоивалъ его всегда особеннымъ благоволеніемъ и восхищался его произведеніямъ, каковы Тайная Вечеря, Пляска мертвецовъ, Двѣ дѣвы радости и проч. Этотъ великій художникъ былъ вызванъ въ Лондонъ Томасомъ Муромъ. Король, чтобы привязать его къ себѣ и наслаждаться его талантомъ, приказалъ выстроить ему въ Гамптонъ — Куртѣ обширную мастерскую со всевозможными удобствами относительно свѣта, столь рѣдкаго въ такой туманной странѣ, какъ Англія. Его любовь къ нему доходила до слабости. Одинъ изъ членовъ Верхней Палаты, пришелъ жаловаться, что Гольбейнъ оскорбилъ его, Генрихъ, показавъ ему «поклоненіе пастуховъ и волхвовъ», работы знаменитаго художника, отвѣчалъ: „знайте, что я могу изъ семи простыхъ поселянъ сдѣлать въ одну минуту семь лордовъ, такихъ какъ вы, но что изъ семи подобныхъ вамъ лордовъ я не сдѣлаю ни одного Гольбейна“. Этотъ анекдотъ распространенъ, потому мы и повторяемъ его здѣсь, но нельзя не замѣтить, что имъ выражается не столько уваженіе къ художнику, какъ презрѣніе къ лордамъ, которые волей-неволей очень смѣялись этой остротѣ.

Однажды, бывши у своего любимца, онъ замѣтилъ новое приготовленное полотно.

— Чей это портретъ?

— Государь, это портретъ прицессы Анны де-Клёвъ, сдѣланный мною два года назадъ, во время моего послѣдняго путешествія по Германіи.

— Который ей годъ?

— Двадцать лѣтъ.

Молодая дѣвушка была очень хороша. Король ушелъ задумчивъ. На другой день онъ опять пришелъ туда и приказалъ поставить портретъ въ выгодное освѣщеніе; нѣкоторые

детали хвалилъ, другія порицалъ, затѣмъ вновь вдавался въ подробное разсмотрѣніе. Онъ разспрашивалъ Гольбейна о Герцогѣ Клéвъ и его дворѣ, о характерѣ принцессы, о ея обращеніи, ея вкусахъ, привычкахъ, талантахъ, объ окружающихъ ея, но о недостаткахъ — ни слова: ихъ она не могла имѣть. Затѣмъ онъ опять уходитъ, никто не знаетъ куда... а онъ снова тамъ, въ экстазѣ предъ портретомъ, заключающемъ въ себѣ притягательную для него силу. Новыя мысли и заключенія осаждаютъ его: — Какая прелесть эти мягкіе волосы, лобъ и очертаніе губъ, да наконецъ вся голова прекрасна! Она смотритъ, кажется сейчасъ заговоритъ... Хочется ее слушать. Какая артиститическая соразмѣрность формъ, для этого надо было соображать... Я тебя ревную, Гольбейнъ.

Его глаза бросали искры. Это былъ восторгъ юноши и старика съ пробудившейся чувственностію. Наконецъ онъ уноситъ портретъ, не можетъ съ нимъ разстаться, онъ не даетъ ему спать до тѣхъ поръ, пока дѣйствительность не замѣнитъ плѣнительнаго образа. На слѣдующій день вечеромъ былъ отправленъ посланникъ просить руки принцессы; но отецъ ея, курфирстъ Іоаннъ-Фридрихъ, отказалъ на отрѣзъ, хотя дочь его, какъ говорятъ, желала выйти замужъ. Упрямый старикъ умеръ во время и преемникъ его, герцогъ Вильгельмъ, послалъ въ Лондонъ свое согласіе.

Сходство портрета, по точному изображенію лица, далеко не составляетъ всего. Передать это нѣчто-неуловимое, что называютъ физіономіей — самое важное; оно побуждаетъ художника, неизмѣняя чертъ лица, сдѣлать его привлекательнымъ, или непріятнымъ, заставляетъ всматриваться, вдумываться и прочувствовать мысль его.

Гольбейнъ, какъ художникъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поэтъ, не уничтоживъ сходства лица Анны Клéвъ, преобразилъ его. Ея узкій лобъ, изящныя сухопарыя плечи и руки, отвисшая губа, плохо прикрывавшая ротъ — были далеко не плѣнительны. Волнистые по природѣ волосы, неровнаго бѣлокураго цвѣта, прихотливыми фестонами прикрывали ея вдавленные виски. Дряблость ея щекъ замѣнилась прочной кожей, краснота лица — румянцемъ; алебастровой шеѣ дана была жизнь, голубыя жилки

такъ и виднѣлись сквозь тонкую, прозрачную кожу. Тѣнь отъ густыхъ рѣсницъ придавала взгляду неизмѣримую глубину. Казалось, грудь дышала избыткомъ жизни и надеждъ... Общій видъ ея представлялъ типъ германской дѣвушки, полной тайнаго томленія; подобный субъектъ долженъ оживиться жизнію болѣе мужественнаго другаго существа.

Еслибъ даже она была такою, когда художникъ снималъ съ нея портретъ, то немудрено, что два года жизни небезслѣдно прошли для нѣмецкой красоты. Болѣзни, горе, тайныя опасенія могутъ повліять на изящныя очертанія лица, станъ можетъ утратить стройность, волосы—красоту свою губы—свой алый цвѣтъ, глаза—свой блескъ. Тысячу случаевъ въ короткое время могутъ наложить морщины на гладкомъ лбу, измѣнить бѣлизну зубовъ. Конечно, поле гипотезъ нескончаемо, но дѣло въ томъ, что король съ перваго раза, какъ увидалъ ее въ Рочестерѣ, куда онъ тайно пріѣзжалъ, разочаровался. Большія руки и неуклюжія ноги молодой особы не понравились ему. Онъ началъ съ ней говорить, надѣясь, что ея умъ, или хотя мелодичность голоса изгладятъ первое дурное впечатлѣніе. Онъ обратился къ ней на нѣмецкомъ языкѣ, полагая, что это ея родной языкъ, но принцесса глупо смотрѣла на него и отвѣчала на какомъ-то незнакомомъ ему языкѣ. Она знала только одно голландское нарѣчіе. Король возвратился смущенный въ Гринвичъ и горько жаловался на свое открытіе, проклиная тѣхъ, кто уговоривалъ его выписать эту рослую, голландскую кобылу. Гольбейнъ, лишенный милостей, счелъ за нужное убѣжать. Немедленно собрали совѣтъ для обсужденія: нельзя ли принцессу обратно отослать къ брату.

Канцлеръ Кромвель, разсматривая вопросъ съ политической точки зрѣнія, исчислилъ всѣ выгоды этого союза: „Герцогъ Клёвъ пользовался большимъ авторитетомъ у лютеранскихъ государей, которые считали его главою Конфедераціи; курфирстъ Саксонскій вступилъ въ бракъ съ его другою сестрою—Сабиллою. Герцоги Брауншвейскій и Люнебургскій, ландграфъ Гессенскій, принцъ Ангальтскій и графъ Мансфельдъ присягнули на открытой библіи держаться военнаго союза, едино-

вѣрія и покровительствововать другъ другу въ общественныхъ и частныхъ интересахъ. Подъ страхомъ вызвать общія непріятельскія дѣйствія на континентѣ необходимо было заручиться партизанами въ Германіи противъ императора, который, прибывъ въ Фландрію, чтобъ прекратить революцію галловъ, былъ въ данный моментъ хозяиномъ Франциска I-го въ Парижѣ. Онъ выхвалялъ героизмъ, выказанный королемъ, освободившимся отъ господства религіи, противорѣчащей Евангелію и оскорбительной для національной гордости; присоединивъ религіозные аргументы къ политическимъ, онъ объявилъ, что народъ за одно съ аристократіей одобряетъ бракъ. Такіе справедливые доводы, если не всѣхъ убѣдили, то по крайней мѣрѣ поколебали большинство совѣтниковъ, коснувшихся какъ бы случайно блага государства, но всегда готовыхъ, при первомъ же случаѣ, отречься отъ своихъ словъ изъ собственныхъ выгодъ. Монархъ, гордость котораго была задѣта, казалось, въ ту минуту тоже уступилъ. На слѣдующій день—другое рѣшеніе, въ противорѣчіе поговоркѣ „утро вечера мудренѣе"; на этотъ разъ, покрайней мѣрѣ, обошлось безъ трагедіи. Въ исторію этаго царствованія занесена страница полная комизма.

И такъ, на другой день канцлеръ, встревоженный дурными признаками, попробовалъ вызвать нѣкоторую откровенность со стороны короля съ цѣлію отвратить возможное несчастіе; онъ не могъ не знать, что его благополучіе будетъ зависить отъ участи королевы. Генрихъ его принялъ дурно и въ рѣзкихъ выраженіяхъ далъ ему понять, что былъ обманутъ въ нѣкоторыхъ щекотливыхъ вопросахъ. По его словамъ онъ былъ бы очень смущенъ съ подобной женой послѣ вѣнца.

Паденіе Кромвеля было рѣшено. Король, чтобъ свергнуть его съ большей высоты, пожаловалъ ему орденъ Подвязки и званіе канцлера и въ тоже время титулъ графа Эссексъ, только что тогда умершаго. Этотъ канцлеръ былъ двоюродный дѣдъ протектора, котораго отецъ, происходившій изъ древняго и благороднаго рода, никогда не былъ ни поваромъ, ни мясникомъ, несмотря на утвержденіе многихъ историковъ, какъ эхо повторявшихъ памфлеты того времени.

Новый графъ Эссексъ былъ всѣми ненавидимъ. Феодальная аристократія, завидуя его громадной силѣ, обвиняла его въ смерти маркиза Эксетера, сэра Эдуарда Невиль, Николая Каревъ, и лордовъ Монтоковъ де-Ла-Поль, недавно казненныхъ, какъ соучастниковъ комплота, придуманнаго кардиналомъ Полюсъ и оставшагося загадкой по случаю не приведенныхъ въ извѣстность преній; народъ упрекалъ его въ уничтоженіи монастырей и ордена рыцарей св. Іоанна; католики и протестанты сходились только въ одномъ—въ ненависти къ нему. Паденіе непопулярнаго министра было ускорено его частнымъ врагомъ герцогомъ Норфолькъ. Этотъ господинъ, до этого воспользовавшійся вліяніемъ племянницы своей Анны Болейнъ, чтобъ погубить кардинала Уольси, былъ дядею Екатерины Говардъ, уже замѣченной королемъ, и семейство которой намѣрено было эксплуатировать такой милостію. Во время этихъ интригъ, королеву отослали въ Ричмондъ, гдѣ герцогъ Суффолькъ, графъ Сутемптонъ и Томасъ Вріотели были назначены предувѣдомить ее объ ожидающей участи.

Враги Кромвеля, вспомнивъ, что во дни своей славы онъ поддерживалъ короля — пренебрегалъ законами, противопоставляли его собственныя дѣянія, когда онъ требовалъ суда у своихъ перовъ. Учредили надъ нимъ краткій, но жестокій судъ, нерѣдко примѣняемый имъ самимъ относительно другихъ, и въ силу котораго нижняя палата и перы произносили приговоръ надъ обвиняемымъ безъ противорѣчивыхъ преній, и даже въ его отсутствіи. Биль прошолъ, какъ вещь самая обыкновенная въ свѣтѣ; обѣ палаты, не придерживаясь никакой юридической формы, осудили въ измѣнѣ и ереси того-же самаго человѣка, котораго недавно онѣ объявляли достойнымъ быть первосвященникомъ вселенной.—Прежній канцлеръ былъ безъ процесса обезглавленъ черезъ девять дней послѣ своего ареста. Небесное правосудіе часто совершается гораздо медленнѣе.

* * *

Кромвеля не стало, занялись разводомъ. Палата Лордовъ, совокупно съ Нижней Палатой, представила просьбу къ королю Англіи и Франціи, умоляя его величество дозволить имъ изслѣдовать дѣйствителенъ-ли бракъ. Приказъ былъ отданъ приступить къ разсмотрѣнію его. Но безъ сомнѣнія, не трудно было найти причины его недѣйствительности.—Для этого придрались къ воспоминанію о томъ, что принцесса была сговорена съ герцогомъ Лоренскимъ. Правда, что принцесса и ея женихъ были тогда еще дѣтьми и соглашеніе по этому поводу, равно, какъ и разрывъ, были сдѣланы безъ ихъ вѣдома, по воли родителей. Но вѣроятно предписанныя формальности при уничтоженіи обряда помолвки не всѣ были соблюдены; этого достаточно было, чтобъ соорудить цѣлое слѣдствіе, и бракъ короля, совершенный торжественнымъ образомъ, признать недѣйствительнымъ. Весь этотъ процессъ—чистый произволъ государей, то по фантазіи разбивающихъ мраморную колонну, ими же наканунѣ воздвигнутую, то придающихъ неизгладимую прочность написанному на пескѣ.

Король дошелъ до высшей степени безстыдства и наглости, ссылаясь на то:

1-е что по совѣсти своей онъ никогда не рѣшался на бракъ.

2-е что, по собственнымъ личнымъ причинамъ, онъ нашелъ невозможнымъ его совершить.

Англійскіе епископы, издѣваясь надъ божествомъ и человѣчествомъ, объявили бракъ уничтоженнымъ. Парламентъ объявилъ, что осмѣливающійся порицать это рѣшеніе будетъ считаться государственнымъ измѣнникомъ.

Сентенція была передана королевѣ съ поспѣшностію, свойственною людскому недоброжелательству. Королева не произнесла ни малѣйшей жалобы, и тотчасъ же согласилась считаться только сестрою короля. Чтобы показать свою покорность, она въ письмѣ къ королю обязалась пересылать ему всѣ письма, получаемыя ею изъ своей семьи; такая покорность, конечно, обнаруживала недостатокъ благородства и достоинства. Три тысячи ливровъ стерлинговъ въ годъ и нѣкоторыя почести утѣшили ее во вдовствѣ и потерѣ трона.

Въ жизни этой тяжеловѣсной особы впродолженіи семнадцати лѣтъ не произошло ничего особеннаго до приключенія, о которомъ мы разскажемъ, говоря о Екатеринѣ Парръ. Иностранные дворы удивлены были, что пришлось наложить трауръ, по случаю ея смерти, въ царствованіе Маріи Тюдоръ, отказавшейся рѣшительно ее преслѣдовать, не смотря на то, что та разъ на всегда отказалась отречься отъ протестантизма.

Вотъ какимъ образомъ, принцесса Анна Клѣвъ была королевой Англіи одинъ день.

Екатерина Говардъ.

Анна Болейнъ за нѣсколько часовъ до смерти принимала свою кузину Екатерину Говардъ. Горестное свиданіе, кончившееся раздирающимъ душу прощаніемъ! Сколько разъ эти двѣ женщины обнимали другъ друга! Какъ торопились онѣ размѣняться своими сокровенными тайнами, сколько было высказано между ними воспоминаній и заключеній о непостоянствѣ мужчинъ! Рыданія душили юную Екатерину, но королева не плакала; несчастіе ея дошло до высшихъ предѣловъ, — глаза ея были совсѣмъ сухи; слезы изсякаютъ при громадномъ несчастіи, онѣ не облегчаютъ грудь, переполненную безъисходнымъ горемъ; оно проявляется въ конвульсіяхъ, или въ мрачномъ молчаніи.

Въ концѣ этой сцены Анна сказала Екатеринѣ:

Передъ нашей вѣчной разлукой, надо тебѣ узнать, милое дитя, какой я сейчасъ видѣла сонъ. Мнѣ снилось, что король любитъ тебя..... Ты сидѣла, какъ бывало я, возлѣ него, съ короной на головѣ. Придворные, какъ и меня, окружали тебя, — поклонялись, обожали.... даже лучше этого, любили.... можетъ быть слишкомъ.... Голова твоя закружилась на вершинѣ высоты, какъ нѣкогда у меня. Но вдругъ кровяное пятно показалось на паркетѣ огромной залы; росло, росло и наконецъ покрыло весь полъ. Кровь поднималась все выше, и затѣмъ потопила многихъ бывшихъ тамъ.... герцога Норфолька, нашего дядю, одного изъ первыхъ.... ты была уже по колѣна въ крови, когда я проснулась.

Что означаетъ это сновидѣніе, ниспосланное Богомъ во время моего сна? Не знаю, но есть пророческіе сны.... Тѣмъ, кому предстоитъ скоро умереть, получаютъ даръ прозорливости, — у нихъ бываютъ минуты предвѣденія, посылаемыя небомъ.... или адомъ, для нихъ открыты врата будущаго. Да, несчастное дитя!... король тебя полюбитъ.... ты будешь королевой. Дай Богъ, чтобъ моя участь не была твоей! Не облекайся никогда въ лучезарную тунику Несса,—она ослѣпляетъ, но и пожираетъ.

Затѣмъ, она упала въ обморокъ.

— Можно ли пугаться сна, отвѣчала молодая Говардъ, нѣжно обнявши предвѣщательницу,—и въ особенности подобнаго этому? Что заставило тебя предполагать, что король увлечется такою слабостію. И если, не смотря на невозможность, это бы случилось, то я не захотѣла бы оскорбить твоей памяти, принимая любовь твоего.... убійцы. Да, наконецъ, прибавила она, краснѣя и опустивъ глаза въ смущеніи, полномъ невинности, развѣ ты не знаешь?...

— Знаю, съ улыбкой отвѣчала королева.

— Жоржъ такъ добръ.... мы такъ другъ друга любимъ!

— Развѣ мое сердце не любило, когда король увидѣлъ меня? Я любила Перси, но однако была побѣждена! Ты не знаешь, что значитъ видѣть у своихъ ногъ короля? Мраморъ оживился бы отъ словъ коронованнаго софиста; онъ расточаетъ то мольбы, то угрозы, ужасаетъ и очаровываетъ; его слова пожираютъ разсудокъ огнемъ, какъ волшебное питье Цирцеи. Ты не можешь себѣ представить, какъ ослѣпляетъ вкрадчивость этого Протея; онъ говоритъ и увлекаетъ съ ловкостію змѣя, соблазнившаго Еву въ земномъ раю. Когда этотъ демонъ бросается къ ногамъ женщины со словами: я васъ люблю.... о, тогда эта женщина погибла!

Немного времени спустя, Екатерина Говардъ надѣла корону.

Обѣ эти королевы были племянницы третьяго герцога Норфолька, предсѣдательствовавшаго въ собраніи лордовъ, назначенныхъ судить Анну Болейнъ. Члены этой семьи были около ста лѣтъ игрушкой судьбы. Первый герцогъ Норфолькъ, ока-

завъ помощь Ричарду III въ похищеніи престола, былъ убитъ, находясь около него въ Босвортѣ: парламентъ призналъ его измѣнникомъ и лишилъ дворянства. Второй изъ нихъ, одинъ изъ областныхъ судей въ Англіи, былъ принужденъ, осудить на смерть герцога Эдуарда Страфорта Букингама, тестя его старшаго сына. Третій герцогъ былъ тотъ, о которомъ мы уже говорили. Позднѣе скажется о смерти его сына, графа Сюррей. Четвертый герцогъ, сынъ графа Сюррея, измѣнилъ Елизаветѣ; полюбилъ Марію Стюартъ и хотѣлъ на ней жениться, надѣясь вмѣстѣ съ нею царствовать, но любовь шотландской королевы принесла ему несчастіе, какъ и Франциску II, Кастелярду, Давиду Рицціо, Дарнлею, Ботвеллю и Донъ-Жуану Австрійскому. Четвертый Норфолькъ поплатился головою за свою тщеславную страсть.

Король, казалось, наслаждался спокойствіемъ духа, дополнявшимъ его счастіе. Онъ приносилъ благодарственную молитву Богу, какъ публично, такъ и въ своей капеллѣ. Епископъ Линкольнъ сочинилъ для англиканской церкви, по этому случаю, гимнъ. Но тѣмъ не менѣе, обвинители и судьи не дремали. Съ колеблющимися протестантами поступали, какъ съ католиками, враждебными верховной власти.

Нѣсколько смертныхъ казней были интермедіей свадебныхъ праздниковъ.

Барнезъ, Жерардъ и Жеромъ были приговорены къ сожженію; ихъ везли въ трехъ плетеныхъ тележкахъ и возлѣ каждаго посадили по католику. Чтобъ показать безпристрастіе, они были сожжены вмѣстѣ. Смерть на всѣхъ налагала безразличное равенство. Кровопійцы, предупреждая своими злодѣяніями Вареоломеевскую ночь, не теряли времени на разсматриваніе степени виновности: Богу и безъ того извѣстны свои избранные. Въ этомъ трудномъ разбирательствѣ новаго догмата, души, терзаемыя сложностію доктринъ, не могли распознать древа познанія добра и зла: онѣ были, какъ путешественники, заблудившіеся въ Африканскихъ равнинахъ, застигнутые самумомъ, который съ корнемъ вырываетъ, по дорогѣ, пальмы, крутя песокъ, застилая солнце и засыпая караванъ.

Единство вѣры не могло непосредственно послѣдовать за

возстаніемъ противъ верховной власти первосвященника. Смѣлые новые законодатели становились во главѣ множества небольшихъ сектъ, истолковывая, каждый по своему, Священное Писаніе. Это злоупотребленіе дошло до такихъ предѣловъ, что нѣкоторые умы, убѣжденные, что всѣ секты ведутъ только къ разнообразію заблужденій, объявили, наконецъ, при полномъ собраніи парламента, что самое лучшее—не вѣрить, ни папѣ, ни Лютеру, ни Цвингли; слѣдуя мнѣнію этихъ мнимыхъ мудрецовъ, сектаторы отличались только одни отъ другихъ способами лицемѣрить и обманывать; между ними, дѣйствительно, царило заблужденіе ума. Пустота богословскихъ мнѣній оправдывалась многочисленностію ихъ, и только деизмъ былъ единственной національной религіей. Но эпоха эта въ особенности замѣчательна множествомъ жертвъ, съумѣвшихъ умереть, какъ первые исповѣдники, во времена языческихъ гоненій.

Кардиналъ Полюсъ, заподозрѣнный въ поддержки возмущенія Джона Невиля въ Іорксчирѣ, находился въ безопасности, по случаю пребыванія своего въ Италіи, и былъ наказанъ въ лицѣ своей матери графини Салисбюри.

Дочь Плантагенетовъ, прибывъ на мѣсто казни, отказалась положить голову на плаху и геройски протестовала противъ несправедливой сентенціи.

Уклонившись отъ послѣднихъ увѣщаній своего духовника, со снятою уже одеждою и обнаженными плечами и руками, съ распущенными, развѣваемыми вѣтромъ сѣдыми волосами, она бѣгала кругомъ эшафота, какъ безумная, вырвавшаяся изъ заключенія; вызывая на борьбу палача, она говорила ему что если ему нужна голова ея, то пусть беретъ. Палачъ будучи въ небываломъ положеніи—убивать людей на бѣгу, оставался одинъ моментъ въ недоумѣніи: но, наконецъ, онъ бросился за ней, размахивая топоромъ, при смѣхѣ толпы, и принужденъ былъ свалить жертву, нанеся ей ужасныя раны.

Одинъ лордъ Грей, не понравившійся чѣмъ то, послѣ того какъ осыпали его милостями, былъ обвиненъ въ самой важной измѣнѣ, обезглавленъ и забытъ: эта смерть не оставила и слѣдовъ.

Но скоро предстояло ныне поставленной личности быть жертвой.

* * *

Во время пребыванія двора въ Іоркѣ, нѣкто по имени Лассель явился къ архіепископу Кентерберійскому и объявилъ безъ обиняковъ, что изъ преданности королю и новой церкви, онъ вынужденъ разоблачать преступки королевы.

Краммеръ сильно желалъ бы приказать замолчать обличителю, но доносъ былъ такъ точенъ и кратокъ, что невозможно было не выслушать его. И вотъ онъ, примасъ Англіи, любимецъ короля, повѣренный ужасной тайны, о подробности которой онъ не смѣлъ и спросить, боясь, чтобъ какъ нибудь не сочли его соучастникомъ ея; съ другой же стороны, опасался своимъ молчаніемъ попасть въ немалость. Въ смущеніи онъ поторопился отправить незнакомца, а самъ бросился къ канцлеру, раздѣлявшему вполнѣ его сильное безпокойство. На слѣдующій день эти двѣ личности совѣщались съ графомъ Гертфордомъ, когда Лассель опять пришелъ къ Краммеру, но на этотъ разъ въ сопровожденіи своей сестры, для подтвержденія показанія. Эта женщина служила у старой герцогини Норфолькъ, и потому вся жизнь Екатерины Говардъ была ей извѣстна. Что побуждало служанку передавать все относившееся къ бывшей госпожѣ своей? безсознательная болтливость, или ненависть, одушевляющая часто слугъ дѣйствовать противъ господъ? Но разъ обстоятельства такъ поставлены, надо было выбирать между смертію или откровенностію. При началѣ допроса ею овладѣла робость. Она прикинулась ничего не знающей и примасъ, чтобъ заставить ее говорить, принужденъ былъ напомнить, что отъ этаго зависитъ безопасность ея жизни на землѣ и спасеніе души на томъ свѣтѣ. Вотъ что приблизительно, при такихъ грозныхъ условіяхъ, можно было извлечь изъ низости этаго существа.

— Вы были изъ числа слугъ герцогини Норфолькъ?

— Да, монсиньоръ.

— Вы тамъ знали королеву?

— Да, я ее знала.

— Если вы что либо знаете изъ прошедшаго, касающагося чести короля, то скажите.

— Я ничего не знаю.

— Вы лжете.

— Монсиньоръ, избавьте меня...

Несчастная дрожала всѣмъ тѣломъ; губы ея искривились, зубы стучали.

— Говорите же, сказалъ Лессель, я не желаю быть обвиненнымъ во лжи.

Архіепископъ возобновилъ свои вопросы, угрожалъ ей пытками, если она будетъ продолжать хранить молчаніе.

— Но прежде чѣмъ говорить, вы должны объясниться, не имѣете ли противъ королевы личной вражды?

— Никакой. Все семейство Норфолькъ благодѣтельствовало мнѣ...

— Говорите же безъ ненависти и безъ боязни. Утаиваніе и притворство васъ погубятъ, но королеву не спасутъ, если она на самомъ дѣлѣ виновна; мы ничего не упустимъ изъ виду и, съ Божіей помощію, узнаемъ истину.

— Боже мой! я знаю только то, что извѣстно всѣмъ слугамъ герцогини.

— Вотъ это то и надо разсказать. Извѣстно ли вамъ, какъ себя вела королева до своего замужества, и не имѣла ли она связь съ кѣмъ либудь изъ дворянъ. Да или нѣтъ?

Затѣмъ послѣдовало опять продолжительное молчаніе, въ присутствіи двухъ личностей, дрожавшихъ не менѣе этой бѣдной служанки.

— Неужели надо будетъ палачу развязать вамъ языкъ? воскликнулъ Краммеръ.

— Ты мнѣ говорила это, закричалъ на нее обозлившійся братъ. Отвѣчай же. Я самъ, монсиньоръ, отправлюсь за палачомъ, если вамъ угодно: наша святая религія здѣсь замѣшана; король, вѣдь, намѣстникъ Іисуса Христа на землѣ.

— Да, наконецъ отвѣтила она, едва слышнымъ голосомъ.

— Съ кѣмъ же?

— О, монсиньоръ, рыдая, воскликнула женщина, сжальтесь надо мною, умоляю васъ... Вы отъ меня требуете подлаго по-

ступка... Какъ, вы хотите, чтобъ я обвиняла королеву, которая ко мнѣ всегда была такъ добра и великодушна? Это преступленіе мнѣ никогда Богъ не проститъ.

— Богъ наказываетъ только за ложь.

— Но неблагодарность не есть ли тоже преступленіе?

— Религія и благо государства выше всѣхъ чувствъ.

— Но мы, бѣдные люди, взращенные въ простотѣ, слушаемся только нашей совѣсти и не понимаемъ ничего другого. Вчера еще въ соборѣ св. Павла я слышала, какъ читали въ Евангеліи, что Іуда Искаріотъ былъ самый великій грѣшникъ на землѣ и что онъ вполнѣ заслужилъ веревку, удавившую его.

— Но теперь, послѣ того какъ ты уже сдѣлала первое признаніе, надо продолжать. Если утвердительный отвѣтъ, сейчасъ тобою высказанный, не подтвердится доказательствами, то тюрьма ожидаетъ тебя; дыбы и клещи развяжутъ тебѣ языкъ. У меня есть для этого испанскіе сапоги, они очень хорошо дѣйствуютъ противъ упорнаго молчанія. Если доказательства не будутъ приведены тобой, то голова твоя покатится по эшафоту за клеветы противъ королевы... Ласеель, ты знаешь гдѣ живетъ Филиппъ?

— Да, монсиньоръ, я сейчасъ иду за нимъ.

— Подожди еще минуту, я опять повторю свой вопросъ. Итакъ, съ кѣмъ?

— О, Боже Всемогущій, прости меня!...— съ Дергамомъ и Моноксомъ.

— Какого же рода эти люди?

— Два камеръ-юнкера герцогини.

— Повторишь ли ты подъ присягой то, что сейчасъ сказала?

— О Господи, да.

— Теперь отправляйся и никому не говори о происходившемъ здѣсь.

— Я слишкомъ стыжусь своего поступка, чтобъ передать о немъ кому бы то ни было.

Въ тотъ же вечеръ архіепископъ, канцлеръ и графъ Гертфордъ составили совѣтъ, продолжавшійся большую часть

нерт. Слѣдствіе, тайно произведенное имъ, бросило свѣтъ на это темное дѣло и было положено, что примасъ напишетъ королю о томъ, чего не смѣли сказать ему. Генрихъ, не сомнѣвавшійся еще въ королевѣ, сначала отвергнулъ этотъ доносъ, и при Лордѣ Рюсселѣ, сэрѣ Антоніи Броунѣ и Вріотесли, съ сильной запальчивостію сдѣлалъ выговоръ клеветникамъ. Положеніе примаса становилось ежеминутно опаснѣе; разъ попавши въ такія затруднительныя обстоятельства, ему было невозможно выпутаться изъ нихъ, не подтвердивши свои доносы неопровержимымъ доказательствомъ. Этотъ человѣкъ не былъ золъ, но съ перваго развода короля, возвысившаго его положеніе, судьба сдѣлала изъ него почти постояннаго поставщика палача до того дня, когда самому пришлось сдѣлаться его добычей.

Лассель повторилъ хранителю малой печати свое первое заявленіе и призвалъ еще въ свидѣтели свою сестру. Она въ ужасѣ убѣжала, желая скрыться подъ чужимъ именемъ, гдѣ нибудь въ селѣ или внутри графства Сусексъ. Хранитель малой печати, напавъ на ея слѣдъ, тайно явился къ ней, и всѣми вынудительными и льстивыми мѣрами добился подробностей, не оставившихъ никакого сомнѣнія.

Манокъ и Дерегамъ, тотчасъ схваченные, признались во всемъ, что отъ нихъ желали узнать. Первый въ особенности, подъ пьяную руку, открылъ нѣкоторымъ головорѣзамъ, своимъ сверстникамъ, то, что можетъ быть извѣстно мужу или любовнику... и чему, впрочемъ, всегда можно дать вѣроятіе; нерѣдко какой нибудь негодяй хвалится, что былъ очевидцемъ узнаннаго отъ связавшейся съ нимъ горничной. Какъ пламя распространяется отъ вѣтра, такъ и шпіонство, подстрекаемое злобой, принимало обширные размѣры. Узнали, что три дѣвушки, служившія королевѣ, были повѣренными ея любовныхъ похожденій. Екатерина, какъ говорятъ, даже была во главѣ ночныхъ оргій, достойныхъ времени и рѣзца Петронія. Несчастная, при началѣ допроса, отреклась отъ всего; но когда ее закидали вопросами, угрожали пытками, она созналась въ нѣкоторыхъ проступкахъ, упорно настаивая на томъ, что послѣ супружества своего она ни разу не нарушала супру-

ности и приличій; но въ ту минуту, когда стали было уже поддаваться высказанному ею, какъ голосу правды, поставили на очную ставку съ нею нѣкоего Куллепепера, котораго увидѣли, какъ онъ выходилъ отъ нея ночью. Тогда она безусловно разсказала, что знаетъ и сознала себя виновною въ оскорбленіи Бога, короля и націи. По мнѣнію Лингарда о гибели королевы злоумышляла партія реформы, враждебная Норфолькамъ. Это дѣло возможное, но обвинителямъ не пришлось ничего придумывать, они въ несчастію могли только эксплуатировать слишкомъ очевидными проступками.

Невозможно описать оцѣпенѣніе короля, когда онъ узналъ эти подробности. Неудержимыя слезы текли изъ глазъ его. Лѣтописецъ увлекся злобнымъ желаніемъ обратить вниманіе на пунктъ, наиболѣе окружавшій этого страстнаго человѣка, имѣвшаго притязаніе быть такимъ опытнымъ въ любовныхъ дѣлахъ. Претензія, слишкомъ нескромно высказанная имъ относительно Анны Клевъ, потерпѣла фіаско; его обманутая проницательность дала поводъ къ насмѣшкамъ.

Но самая замѣчательная сцена этой трагикомедіи была сыграна депутаціей отъ обѣихъ палатъ, которые, какъ шуты выказывали свои сѣтованія о брачной неудачѣ короля, и чтобъ смягчить его, нашли нужнымъ привести въ примѣръ нѣкоторые случаи такого рода съ знаменитыми историческими личностями, доказывая напр., что Юстиніана не могла обезчестить Ѳеодора, и самъ Цезарь былъ вынужденъ отвергнуть Помпею, не помрачивъ отъ того своей славы. Заключеніе однако, этой рѣчи оказалось серьезнѣе ея вступленія: было положено предать суду всѣхъ, посягнувшихъ на честь короля.

Король согласился съ этимъ мнѣніемъ и билль, направленный противъ королевы и ея сообщниковъ, былъ принятъ; къ нимъ присоединили всѣхъ тѣхъ, кого обвиняли въ прикрывательствѣ, между прочимъ лорда Вильяма Говарда, дядю Екатерины, старую герцогиню Норфолькъ, ея бабушку, и графиню Бридгеватеръ. Леди Рошфоръ была пружиной этихъ низкихъ интригъ, помогая любовнымъ отношеніямъ съ Кулепеперомъ, она его съ собственнаго ложа втолкнула въ спальню королевы, съ намѣреніемъ погубить ее. Она была поглощена этимъ

водоворотомъ. Положительно объ нравственности тутъ не могло быть и рѣчи.

Наказаніе герцогини Норфолькъ было облегчено: ее и прочихъ менѣе компрометированныхъ личностей осудили на тюремное заключеніе; но главнымъ виновникамъ не было оказано никакого милосердія.

Королева, Леди Рошфоръ, Кулепепперъ, Дергамъ и Манокъ были обезглавлены въ одинъ день въ Товеръ-Галлѣ. Они перешли въ вѣчность такими же низкими, какими были при жизни.

Вслѣдъ затѣмъ стали изъискивать способъ предохранить короля отъ подобнаго удара судьбы. Парламентъ до Франклина, озабоченный возможностію отвратить такого рода несчастіе, обнародовалъ рѣшеніе—считать государственными преступниками тѣхъ, кто, зная невѣрность королевы, немедленно не донесетъ о ней. Другой статьей присуждалась къ смерти дѣвица, утратившая свою непорочность и осмѣлившаяся выйти за короля. О такой контрабандѣ до того времени никогда не говорилось. Такъ какъ въ Англіи, въ видахъ обогащенія законадательнаго сборника, законы не отмѣняются, то статутъ 1541 г. существуетъ и теперь.

Злые языки говорили, что Генриху VIII, чтобъ избѣгнуть недоразумѣній лучше бы жениться на вдовѣ, но онъ имѣлъ уже это намѣреніе.

Екатерина Парръ.

Овдовѣвъ въ пятый разъ, Генрихъ VIII имѣлъ только пятьдесятъ лѣтъ, но страсти сдѣлали изъ него преждевременнаго старика. Тучный, совсѣмъ сѣдой, съ глубокими морщинами, онъ жестоко боролся съ своимъ возрастомъ. Одряхлѣвшее, тяжелое тѣло его представляло рѣзкую противоположность съ претензіей на безконечную юность.

Едва успѣлъ онъ предать Екатерину Говардъ суду, какъ занялся разсматриваніемъ Европейской карты и генеалогіей знаменитѣйшихъ фамилій Англіи съ цѣлію избрать себѣ

жену, выборъ которой могъ бы оказаться счастливѣе предшествующихъ, принесшихъ ему горькое разочарованіе.

Въ этотъ свободный отъ брачныхъ узъ промежутокъ, онъ занялся догматическими правилами, политикой и войной, а также и прiисканіемъ невѣсты своему сыну, только что отнятому отъ груди. Принцу Галльскому, въ послѣдствіи Эдуарду VI, минуло тогда два года, супруга, избранная для него, была никто другая, какъ только что родившаяся Марія Стюартъ, у которой никогда не было недостатка въ женихахъ и обожателяхъ.

Около этаго времени умеръ Яковъ V, король Шотландіи. Единственными притязаніемъ этого умнаго и блестящаго рыцаря было считаться отцомъ своихъ подданныхъ.

Многіе изъ нихъ могли такъ назвать его и не въ метафорическомъ только смыслѣ; но плодородность этого государя никогда не могла пополнить всѣхъ жертвъ изъ гугенотовъ, изжаренныхъ и повѣшенныхъ по его приказанію.

Нелишнимъ при этомъ вспомнить слѣдующій эпизодъ изъ жизни Якова V; онъ женился на Маріи Лорень послѣ смерти своей жены, нравственной и прекрасной личности, которую онъ нашелъ возможность, безъ ея вѣдома, розсмотрѣть съ ногъ до головы до полученія ея руки. Не смотря на легкость нравовъ XVI вѣка, такой случай выходилъ изъ ряда обыкновеннаго, но у Якова V была своя поэзія; Онъ десять лѣтъ искалъ идеала и наконецъ нашелъ его. Влюбиться заочно или въ портретъ женщины было бы не въ духѣ этого государя. Марія де Лорень, вторая супруга его, не подвергалась подобному осмотру, изъ котораго бы ей невозможно было выйти со славой; красота ея дочери была плодомъ воспоминанія Якова V о прелестной женѣ его Маделенѣ, постоянно имъ обожаемой Это было прелестной и рѣдкой прихотью природы.

Яковъ V, отважный по природѣ, переплывъ море для свиданія съ Францискомъ 1-мъ, прогуливался однажды утромъ по парку въ Фонтенебло, въ простой жакеткѣ, накинутой на охотничій костюмъ, въ пледѣ и шапкѣ изъ клѣтчатой матеріи съ рогомъ изъ Линкольна, повѣшеннымъ на ремнѣ чрезъ плечо. Прогуливаясь, по своей шотландской привычкѣ, въ такомъ

костюмѣ, онъ дошелъ до сосноваго сада и завелъ разговоръ со сторожемъ этаго оазиса, отцемъ, вѣроятно, хорошенькой дочери.

— Здраствуй, мой милой.

— Мое почтеніе, господинъ,—но позвольте узнать кто вы?.. Боже, какъ вы похожи на шотландскаго короля, котораго я видѣлъ, какъ онъ ѣхалъ верхомъ возлѣ нашего государя.

— Ты былъ солдатомъ?

— Да, господинъ, т. е. государь.

— У тебя на лицѣ шрамъ. Гдѣ ты былъ раненъ?

— При Павіи, подлѣ маршала Фуа Лескена, умершаго на моихъ рукахъ.

— Короли тоже солдаты. На, выпій-ка, товарищъ.

— Ахъ, государь, я не посмѣю.

— Ну, полно... ты гордишься передо мной, что я не имѣлъ счастія быть при Павіи. Дворцовый ключникъ позаботился наполнить мою фляжку. За твое здоровье, мой храбрый товарищъ, да здраствуетъ король Франціи!

— Во славу вашу, государь, да здраствуетъ король шотландскій!

— Какъ прелестенъ этотъ сосновый гротъ, можно ли осмотрѣть его?

— Да, государь, но поторопитесь.

— Зачѣмъ? О, какое прелестное мѣстечко. Какъ милы эти фестоны изъ плюща и этотъ бассейнъ формы морской раковины!

— Сюда приходитъ купаться всякое утро... О Боже! да вотъ она и входитъ... государь, скройтесь, какъ можно скорѣе.

— Я по вашей милости потеряю мѣсто и голову.

— Возьми этотъ кошелекъ и убирайся. Бѣднякъ-садовникъ отправился считать свое золото и дѣлать завѣщаніе; ему, пожалуй, остается только нѣсколько часовъ жизни. А между тѣмъ, волокита-монархъ, спрятавшись за кустомъ желѣзника, притаился, какъ ягуаръ... за тѣмъ раздался легкій шумъ, она вошла въ воду... вода такъ прозрачна... воздухъ такъ ароматиченъ... Самыя знаменитыя принцессы въ такомъ же видѣ купаются, какъ и простыя смертныя... Нашъ король, какъ

экспертъ, но не лишенный эстетическаго вкуса, отдался подробному разсмотрѣнію красавицы, такъ что даже не упустилъ изъ виду родимаго пятнышка надъ лѣвой грудью. Приключеніе осталось, конечно, втайнѣ, и слухъ о немъ распространился только много лѣтъ спустя, когда заинтересованныхъ лицъ уже давно не стало. Яковъ V, изъ деликатности, чтобы не навлечь ни малѣйшаго подозрѣнія на своего невиннаго сообщника, разсказалъ, что храбрый крестьянинъ спасъ ему жизнь на охотѣ въ борьбѣ съ разъяреннымъ кабаномъ; ничего, впрочемъ, не было бъ удивительнаго, еслибъ августѣйшій гость свалилъ свою проказу на стараго солдата, раненнаго на войнѣ.

Шотландскій король поспѣшилъ поправить свой проступокъ, прося у Франциска I-го руки его дочери. Восемъ дней спустя послѣ этой смѣлой продѣлки, прекрасная Маделена была шотландской королевой и отправлялась на кораблѣ въ свое новое государство, гдѣ она вскорѣ скончалась. Ронзардъ воспѣлъ ее въ слѣдующихъ стихахъ:

...La belle Madelaine, honneur de chasteté,
A peine de l'Ecosse avait touché le bord,
Quand, au lieu d'un royaume, elle y trouva la mort.

Супругъ любилъ ее такою чистою любовію, что даже никогда не разсказывалъ ей о сосновомъ гротѣ. Мало найдется государей, даже изъ числа тѣхъ, кому воздвигнуты бронзовые монументы, чтобъ въ исторіи оставили такую хорошую страницу.

* * *

Пора вернуться къ англійскому царю; мы его оставили озабоченнымъ пріисканіемъ себѣ жены, но другимъ образомъ чѣмъ было это съ Яковомъ V, какъ сейчасъ было разсказано. Когда, наконецъ, онъ думалъ, что нашелъ желаемое, то приказалъ призвать Краммера и сказалъ ему съ восторгомъ алхимика, замѣтившаго частицу золота на днѣ своего плавильника:

— Господинъ архіепископъ, объявляю вамъ о своей женитьбѣ.

— А! воскликнулъ въ удивленіи прелатъ, удостойте, государь, раздѣлить со мною свою радость.

— Наконецъ, я встрѣтилъ женщину, какую желалъ найти: добродѣтельную, какъ Екатерина Арагонская, прекрасную, какъ Іоанна Сеймуръ, ученую, какъ Эразмъ, проникнутую самыми здравыми идеями по части религіи и знакомую съ богословіемъ...

— Если, ваше величество, докончилъ Краммеръ, вы мнѣ дѣлаете эту несказанную честь своимъ довѣріемъ, то осмѣлюсь ли спросить о имени принцессы, будущей нашей королевы?

— Она не царскаго происхожденія. Вы ее знаете. Я недавно слышалъ васъ разговаривающимъ съ нею; солидное образованіе и умъ, выходящій изъ ряда обыкновенныхъ, высказанные ею при избранномъ обществѣ, убѣдили меня въ ея достоинствахъ.

— Я никого не знаю изъ придворныхъ дамъ, исключая Леди Летимеръ, которая бы обладала рѣдкими качествами, только что исчисленными.

— Да, это на самомъ дѣлѣ она.

— Выборъ вашего величества, во всѣхъ отношеніяхъ превосходенъ. Она—олицетвореніе добродѣтели, учености, ума и граціи.

— Отправляйтесь въ башню и прикажите приготовить комнату, гдѣ королевы помѣщаются наканунѣ ихъ коронованія; я хочу, чтобъ эта церемонія немедленно совершилась.

Екатерина Парръ происходила изъ семьи, принявшей реформатскую религію. Она была вдовою Лорда Летимера и носила также имя того Верчестерскаго архіепископа, который на кострѣ сказалъ одному изъ товарищей своихъ, замѣтивъ, что тотъ блѣднѣетъ: „будь человѣкомъ Ридлей, сегодня возсіяетъ отъ насъ свѣтъ неугасимый“.

Генрихъ въ минуты сознанія своихъ грѣховъ, происходящаго отъ потери силъ и болѣзни — предвѣстниковъ рокового дня, оцѣнилъ свою послѣднюю подругу жизни. Разъ отъ боли

въ ногѣ онъ лежалъ въ постели и видѣлъ постоянно королеву у своего изголовья. Его дурное расположеніе духа и физическія страданія смягчались заботливостію, умомъ и богословскими познаніями его супруги.

Но, раздражительности его не было предѣловъ. Однажды, посѣтивъ Оксфордъ, онъ приказалъ высѣчь розгами профессора и учениковъ, упорно отказывавшихся усвоить его произношеніе греческаго языка. Что же касается теологическихъ вопросовъ, слѣдующій примѣръ познакомитъ насъ съ аргументами, къ которымъ онъ прибѣгалъ, когда пренія принимали оборотъ въ разрѣзъ съ его взглядомъ.

Нѣкто Ламбертъ, учитель одной изъ лондонскихъ школъ, былъ посаженъ въ тюрьму за безнравственныя идеи, но въ послѣдствіи выпущенъ оттуда нисколько не исправившимся, продолжая пропагандировать противъ догмата пресуществленія. Вызванный докторомъ Тейлоромъ, онъ явился предъ Крамеромъ и Гугомъ Летимеромъ и, не согласившись съ ними во мнѣніяхъ, сказалъ, что вызываетъ на преніе самаго короля. Генрихъ, въ восторгѣ блеснуть въ борьбѣ съ ораторами, принялъ вызовъ. Амфитеатръ для нѣсколькихъ сотенъ зрителей былъ приготовленъ въ Вестминстеръ - Галлѣ, и наконецъ, назначенъ былъ день и часъ турнира на словахъ.

Въ назначенный часъ, монархъ со всевозможными царскими знаками отличія, сѣлъ на тронъ, приготовленный на возвышенномъ мѣстѣ. По правую руку, немного пониже, помѣстились архіепископы, по лѣвую—лорды. Позади прелатовъ сидѣли члены духовенства, магистратуры и судебной корпораціи; затѣмъ перы, дворяне и избраннѣйшее населеніе Лондона. Глубина залы была наполнена толпою любопытныхъ — всѣхъ классовъ. Наконецъ ввели школьнаго учителя.

Засѣданіе было открыто архіепископомъ Чичестерскимъ. Въ длинной рѣчи онъ объяснилъ причину и цѣль общаго собранія. Полный, представительный, онъ говорилъ высокопарно и согласно обстоятельствамъ; рѣчь то его лилась медоточиво, то блистала мишурнымъ ораторскимъ краснорѣчіемъ. Корона, привыкшая къ похваламъ, была удовлетворена, и по окончаніи

торжественной рѣчи, Ламберъ получилъ приказаніе изложить его идеи. Педагогъ удалился съ замѣчательной ловкостію для человѣка, всегда вращавшагося до того въ скромной своей дѣятельности. Пылкое, убѣдительное *слово* слило въ одну цѣпь его разсужденія; для судей менѣе предубѣжденныхъ *оно* послужило бы извиненіемъ во всѣхъ его заблужденіяхъ.

Краммеру измѣнило его обычное краснорѣчіе, онъ пробовалъ опровергать его, но вялая фразеологія подорвала его почву и соперникъ поднялся во мнѣніи публики.

Король, тяготясь молчаніемъ, думалъ, что наступилъ и для него моментъ говорить, онъ не намѣревался быть только зрителемъ состязанія постороннихъ. Уже съ часъ онъ какъ бѣшенный конь грызъ свою узду, раздражаясь, отъ всего слышаннаго и оскорбляясь сатирическою снисходительностію къ себѣ, и нетерпѣливо ожидалъ аплодисментовъ.

Не пускаясь въ разсмотрѣніе насколько справедливы, или лживы были доводы, которыми онъ опровергалъ или поддерживалъ спорные пункты, нельзя не отдать справедливости его рѣчи, выработанной долгимъ размышленіемъ и сказанной съ ясной дикціей и апломбомъ ученаго. Священное писаніе, отцы Церкви, соборныя постановленія, толкованія церковныхъ учителей снабдили его множествомъ максимъ, судебныхъ показаній и вообще доводовъ, которые поражали, убѣждали и покоряли слушателей. Величіе званія, угрозы, ясно выражавшіяся во взглядѣ, довершили успѣхъ его краснорѣчія и, наконецъ, онъ окончилъ рѣчь вопросомъ своему антагонисту, каково его мнѣніе о присутствіи самаго Іисуса Христа въ таинствѣ Евхаристіи.

Ламбертъ возразилъ; но удивленіе, необычайность положенія, ропотъ, утомленіе, аплодисменты соперникамъ навели на него робость. Языкъ сдѣлался какъ связанный, онъ смутился, говоритъ невнятно и слабостію аргументовъ довершаетъ свое пораженіе.

Краммеръ, замѣтивъ его неудачу, тотчасъ старается отъиграть потерянную имъ передъ этимъ партію, за нимъ торопятся добиться той цѣли Гардинеръ, Тонстель и Стокслей. Двадцать другихъ еще лицъ возстаютъ противъ побѣжден-

наго, все за одинъ разъ, безъ милосердія. Въ этомъ пафосѣ подлости не было ни одного школяра, какъ сказалъ Жанъ-Жакъ монсиньеру де Бомонтъ, который бы не искалъ случая нанести ему последній толчокъ ногой.

— Наконецъ, воскликнулъ король, хочешь ты жить или умереть?

На этотъ язвительный, проникнутый злобой аргументъ, атлетъ выпрямился и съ высоты своего роста и гордости превратился уже въ мученика. Онъ смѣрилъ короля спокойнымъ взглядомъ человѣка, обрѣченнаго на апостольство и отвѣчалъ:

— Располагайте моимъ тѣломъ, душа же моя не въ вашей власти.

— Если такъ, ты умрешь презрѣнный еретикъ!

Всѣ присутствующіе содрогнулись отъ ужаса. Чтобы наказать за двойное преступленіе, ересь и оскорбленіе величества, рѣшили, по примѣру Калигулы, чтобъ великій преступникъ умиралъ сознательно, и потому хотѣли надъ нимъ измѣрить возможность человѣческаго терпѣнія. Огонь для сожженія его былъ направленъ такимъ образомъ, чтобъ обугливая колѣна и мягкія мѣста оставлять туловище неприкосновеннымъ, давая головѣ полную возможность прочувствовать всю остроту мукъ. Агонія, продолженная съ искуствомъ—достойнымъ лучшей цѣли, замѣдляла исходъ души изъ тѣла. Палачи, стоя въ бездѣйствіи, казалось, въ первый разъ жизни понимали, что можно быть тронутымъ посторонними страданіями и, не смѣя ослушаться приказаній судей, они, однако, теряли присутствіе духа продолжать мученія.

Стражи не могли выносить крика, стоновъ и конвульсій страдальца. Но жалость къ нему взяла верхъ, они приподняли изувѣченное туловище аллебардами и бросили въ пламя, всепожирающая сила котораго была благодѣяніемъ для осужденнаго, онъ молилъ о немъ небо.

На чемъ бы остановились эти злодѣйства? Кто могъ быть увѣреннымъ, что избѣгнетъ ихъ, даже супруга короля, не могла ручаться, какъ бы ни была любима, уважаема и достойна уваженія?

Екатерина въ поведеніи своемъ была крайне осмотри-

тельна, она окружала такими нѣжными и усидчивыми заботами своего мужа, страдавшаго жестокимъ недугомъ, что могла надѣяться быть неприкосновенной, но она ошибалась.

Разрушительные инстинкты Генриха VIII, какъ мы видѣли изъ всего предшествующаго, развились отъ злодѣйской рѣшимости его пролить кровь молодости и красоты. Анна Аскевъ, супруга однаго дня, пользуясь незапятнаннымъ именемъ, что было главнымъ ея преимуществомъ, увлеклась духомъ времени и высказывала въ разговорахъ свое мнѣніе противъ догмата пресуществленія, слова эти были переиначены, а въ нѣсколькихъ письмахъ ея, перехваченныхъ врагами, говорено было о доктринахъ подозрительнаго свойства. Неосмотрительность возраста и пола и другія облегчительныя причины послужили только къ высшему раздраженію противъ нея, тѣмъ болѣе, что знали ея дружескія отношенія съ многими придворными дамами и съ самой королевой.

Она была посажена въ тюрьму и Вріотеслей допрашивалъ ее. Эти хитрые инквизиторы не въ состояніи были добиться отъ нея именъ сообщниковъ (сообщниковъ молоденькой двадцатилѣтней женщины и въ такой пустой винѣ!) и продолжали допросъ. Мучитель получилъ приказаніе пустить въ ходъ пытки (притиснуть турникетъ), но отказавшись повиноваться далъ канцлеру урокъ человѣколюбія; послѣдній же, фанатически усердный, такъ сильно прижалъ винтъ машины, что несчастную полагали уже четвертованною. Вывихъ членовъ не позволялъ держаться на ногахъ, ее понесли на носилкахъ къ костру. Священникъ, дворянинъ и портной (найденные сообщники) послѣдовали ея участи. Когда они были прикованы къ столбу, имъ объявлено было помилованіе. Но глубокая душевная скорбь, энтузіазмъ къ собственной вѣрѣ, наконецъ восторженное участіе толпы, все обѣщало имъ мученическій вѣнецъ и заставляло ихъ отказаться отъ такого милосердія и предпочесть смерть. Пока зажигали огонь, они поддерживали другъ друга увѣщаніями и пѣніемъ псалмовъ.

Ходатайство королевы за своего друга, очень естественное съ человѣческой точки зрѣнія, было перетолковано, какъ соучастничество съ еретиками. Гардинеръ и Вріотеслей возбу-

дали злость своего повелителя, и ожесточали его противъ благородной супруги, ничего о томъ не подозрѣвавшей. Они внушили ему, что истинная вѣра компрометирована, и король, всегда порывистый, приказалъ немедленно взложить обвинительный актъ.

— Чтобъ извѣстно было всѣмъ, что я не потерплю никакого нарушенія истинной вѣры. Головы тѣхъ, кого высота положенія возвышаетъ надъ всѣми и освобождаетъ отъ всякаго людскаго ига, должны добровольно преклонятся передъ истинной вѣрой, если не хотятъ, чтобъ строгость закона насильно согнула ихъ. Согласіе королевы, заявленное ею, есть, по моему мнѣнію, клятвопреступленіе. Я требую, чтобъ она была приведена въ парламентъ. Слышите, Вріотеслей.

Канцлеръ на всякое дурное дѣло былъ крайне исполнителенъ. Онъ провелъ ночь въ составленіи своего предложенія и на разсвѣтѣ только кончилъ свою подлую работу. Около двѣнадцати часовъ, королевская чета прогуливалась въ своемъ паркѣ, какъ вдругъ Вріотеслей явился съ 40 полицейскими солдатами, чтобъ арестовать королеву.

Но надо объяснить, что случилось наканунѣ. Екатерина была предупреждена о заговорѣ противъ нея. Размысливъ хорошенько и, однако, не смѣя ни съ кѣмъ посовѣтоваться, потому что при этомъ дворѣ—надо было опасаться своей тѣни, она пошла къ своему мужу, взявъ на себя видъ полнѣйшей безпечности; выраженіе ея лица было, по обыкновенію, ясно, грація—спокойная и строго скромная. Она спросила о состояніи здоровья супруга съ той плѣнительной заботливостію, на какую только способны однѣ женщины, потомъ о средствахъ, предписанныхъ къ возстановленію его; хвалила докторовъ, преувеличивая дѣйствительность медикаментовъ, льстила его надеждѣ на скорѣйшее выздоровленіе, ссылаясь на неисчерпаемую его твердость и богатство жизненной силы. Затѣмъ перешла къ другимъ предметамъ, употребивъ весь свой умъ и вкрадчивую способность говорить; но всѣ преднамѣренныя проволочки вели только къ тому, чтобъ заставить короля перваго заговорить о серьезныхъ вопросахъ. Она была увѣрена, что добьется этого. Онъ, точно, не замедлилъ начать разговоръ на

желаемую тему, включая намеки на процессъ Анны Аскью, съ соболѣзнованіемъ выражаясь о томъ, что эта женщина нашла поддержку въ лицахъ выше всѣхъ поставленныхъ; потомъ, распространился объ опасности отношеній съ членами еретическихъ обществъ и, наконецъ, прямо вызвалъ королеву на объясненіе и спросилъ ее, что она думаетъ о догматѣ пресуществленія прибавивъ, что онъ весьма радъ случаю съ ней поговорить объ этомъ.

Но льву пришлось попасть въ сѣти голубя.

Тогда она, неопытная, скромная и покорная, проникнутая чувствомъ глубочайшаго почтенія къ королю, вѣрнѣйшему во всемъ ея путеводителю, торжественно клялась, что главной ея заботой было всегда согласоваться съ взглядами и мнѣніями супруга, который по своему генію и знаніямъ есть свѣтильникъ вѣры. Она говорила, что никогда не имѣла ни малѣйшаго сомнѣнія въ его непогрѣшимости; легкія пренія, вызванныя ею, заслуживаютъ извиненія, потому что происходятъ отъ желанія невинною хитростію вызвать уясняющія возраженія для большаго подкрѣпленія ея въ правилахъ ихъ общей вѣры. „Я никогда не понимала, говорила она, дерзкой борьбы королевы Сабо съ Саламономъ, ни притязаній на мужественность Филистрисы и ея амазонокъ, ни Сафо, — профанирующей языкъ поэтовъ, ни Клеменціи Изоръ, которая, позабывъ женскую скромность, публично раздавала адептамъ веселой науки фіалки, шиповникъ, ноготки золотые и серебряные амаранты. Еслибъ судьба не дала мнѣ высшаго положенія надъ всѣми, я выбрала бы участь римской матроны и какъ она убѣгала бъ свѣтскаго блеска, довольствуясь скромнымъ счастіе Гинекея, не имѣла бы другихъ радостей, какъ тѣхъ, что дозволилъ бы мнѣ имѣть супругъ; гордилась бы его успѣхами и его славой и благодарила бъ Бога за отраженіе этой славы на меня.

— Ради Пресвятой Дѣвы! Екатерина, мое дорогое сердце, воскликнулъ король, обнимая супругу въ сердечномъ изліяніи, ты говоришь, какъ Златоустъ. На твоихъ плечахъ одинаково хорошо была бы мантія Кембриджа, какъ и королевская. Я счастливъ видѣть въ тебѣ идеи, согласныя съ моими. Ты мо-

жену, болѣе чѣмъ когда нибудь, расчитывать на мою нѣжность и покровительство.

Неуместное появленіе Вріотеслея застало ихъ на этомъ разговорѣ.

Можно себѣ представить до чего онъ былъ пораженъ, когда Генрихъ бросился на него, какъ разъяренный быкъ, пораженный осыпая его бранью, выгналъ его, какъ лакея, запретивъ навсегда являться къ нему на глаза.

Бѣднякъ убѣжалъ, весь дрожа, въ ушахъ у него былъ погребальный звонъ всѣхъ лондонскихъ колоколовъ.

Другое испытаніе было впереди для королевы.

Судьба Анны Клèвъ послѣ развода была извѣстна. Съ этой эпохи она жила въ совершенномъ забвеніи у всѣхъ; лицъ, посѣщавшихъ ее было очень мало. Но вдругъ она оставила свое уединеніе, начала требовать, чтобъ званіе ея считалось равнымъ званію принцессъ Маріи и Елизаветы. Тѣнь вышедшая изъ Вестминстерскихъ склеповъ не произвела бы большаго удивленія, чѣмъ подобное воскресеніе. Удивленіе это еще болѣе усилилось, когда король, по исполненіи долга вѣжливости, становился съ каждымъ днемъ къ ней внимательнѣе. Какое открытое и обширное поле для заключеній, надеждъ и опасеній при такихъ неожиданныхъ обстоятельствахъ! Въ минуты откровенности и безразсуднаго увлеченія, надъ которыми дряхлость его также мало брала верхъ, какъ прежде молодость, онъ упрекалъ себя въ первомъ рѣшеніи. Онъ находилъ, что ошибался, говоря, что Гольбейнъ слишкомъ польстилъ ей и сожалѣлъ, зачѣмъ уничтожилъ тотъ драгоцѣнный портретъ.— Она знала теперь превосходно англійскій языкъ, и произношеніе ея было прекрасно. Умъ ея, развившись отъ пристальнаго и усерднаго изученія наукъ, уничтожилъ германскую флегму. Наконецъ покорность внушила уваженіе.

Анна Клèвъ не безъ тайнаго удовольствія смотрѣла на неожиданное возвращеніе къ себѣ чувствъ короля, умъ ея, подстрекаемый счастіемъ, возвышалъ ея прелести, до того неизвѣстныя.

Благоразумная Екатерина долго не замѣчала этого соперничества. Первое, что возбудило ея подозрѣніе—былъ разго-

деръ, слышанный ею отрывками, гдѣ слово «королева», ясно произнесенное, упоминалось нѣсколько разъ. Любопытство подстрекнуло ее узнать, отчего такъ часто говорилось о ней; канцлеръ былъ принужденъ отвѣтить, что рѣчь шла о королевѣ Аннѣ Клевъ. Король привыкалъ въ разговорахъ употреблять слово «королева», не называя Анны или Екатерины, предоставляя догадливости или случаю распознать о комъ онъ говоритъ, что приводило часто въ смущеніе того, къ кому онъ удостоивалъ обратиться съ разговоромъ.

Любопытное зрѣлище представляли эти двѣ женщины, начинавшія кокетничать, когда другія перестаютъ уже этимъ заниматься. Казалось, что онѣ въ первый разъ, въ тридцать лѣтъ, спросили себя, хороши онѣ или нѣтъ и, снѣдаемыя желаніемъ быть какъ можно лучше, оспаривали другъ у друга это первенство: одна, чтобъ сохранить за собой право настоящаго положенія, — другая, чтобъ возвратить утраченныя ею *права*. Каждая изъ нихъ находила основательными свои притязанія: Екатерина, опираясь на обладаніе короной, а Анна на несправедливое похищеніе этой короны. Обѣ онѣ были поглощены многосложностію ощущеній, оживившихъ въ нихъ, подобно Пигмаліону, отъ дуновенія любви.

Но для утомившагося жизнію султана какая радость терзать два сердца! Умирающій, онъ чувствовалъ, что жизнь къ нему возвращалась, когда послѣ чистыхъ, святыхъ супружескихъ отношеній, онъ отдавался волненіямъ не совсѣмъ позволительнаго свойства. Для придворныхъ какое недоумѣніе! Какъ угодить капризамъ короля? Какъ сохранить равновѣсіе на почвѣ подземнаго вулкана?

* *
*

Но одинъ интересный процессъ далъ другой оборотъ теологическимъ спорамъ, — онъ навелъ страхъ на высшую аристократію и взволновалъ всю Англію.

Герцогъ Норфолькъ былъ значительною личностію. Онъ былъ древняго рода Мовбрей, потомки котораго перероднились съ Тюдорами; жена его, дочь герцога Букингема, принадлежала къ роду Плантагенетовъ; ея двѣ племянницы были ко-

родными, а дочь была замужемъ за герцогомъ Ричмондъ, побочнымъ сыномъ короля. Во всей аристократіи не было знатнѣе происхожденія и болѣе сильныхъ связей. Ему приписывали честь Флодденскаго дня. Въ Гиннегатѣ его копье встрѣтилось съ копьемъ Тремуйля и Крека. Будучи лордомъ-лейтенантомъ Ирландіи, онъ укротилъ страшный мятежъ Онеля. Поклонники восхваляли его высадку въ Бретани, его побѣду въ Пикардіи, смятеніе, распространенное его войскомъ до самаго Парижа, его прекрасное убѣжище, гдѣ онъ скрылся отъ герцога Вандомскаго, превосходныя силы котораго не могли его застичь, наконецъ, его замѣчательныя стратегическія движенія, записанныя въ военныхъ лѣтописяхъ. Самыя важныя государственныя обязанности возлагались на него постоянно, а поземельныя его владѣнія увеличивались вслѣдствіе получаемыхъ имъ наслѣдствъ и царскихъ милостей. Кромѣ того природа щедро наградила его наружными преимуществами; высокій, стройный станъ и вся наружность обличала въ немъ человѣка, рожденнаго повелѣвать.

Въ эту эпоху не одинъ примѣръ былъ, что вассалы пренебрегали королями. Генрихъ VIII, не надѣясь поставить на ноги своего сына, страшился слишкомъ большаго могущества лицъ, почерпающихъ всегда свою силу во время несовершеннолѣтія наслѣдника. Что же лично касается герцога, то надо сказать, что свое присоединеніе къ англиканской вѣрѣ онъ признавалъ скорѣе наружнымъ, чѣмъ истиннымъ.

Его партизаны, раздѣляя съ нимъ убѣжденія, напоминали о побѣдѣ его надъ католиками въ 1537 г. и о 70 человѣкахъ, безъ процесса осужденныхъ на смерть; но мнѣніе публики рѣдко ошибочно, оно утверждало, что этотъ кровавый подвигъ былъ дѣйствіемъ его тщеславія, а не убѣжденій вѣры. Въ людяхъ съ сильнымъ характеромъ проявленіе крайнихъ мѣръ происходитъ часто отъ совершенно противоположнаго направленія. Можетъ быть онъ и съ намѣреніемъ давалъ уразумѣть свои взгляды, приготовляясь, какъ въ послѣдствіи его внукъ, къ безразсудно-рискованнымъ поступкамъ? Прозорливые умы смотрѣли на него какъ на знамя католической партіи, и будущее оправдало ихъ мнѣніе. Нѣсколько лѣтъ спустя,

онъ былъ изъ тѣхъ, которые подвинули бракъ королевы Маріи съ Филиппомъ II, уничтожили нѣсколько попытокъ къ возмущенію со стороны реформистовъ, между прочимъ и движеніе Томаса Віата, преслѣдовали протестантовъ,—и шпагой и даромъ слова и всѣмъ своимъ вліяніемъ служили Риму. Но вредъ, приносимый его поступками, этимъ не ограничился.

У герцога былъ сынъ, графъ Сюррей, превосходившій всѣхъ своихъ товарищей въ верховой ѣздѣ и въ военныхъ упражненіяхъ. Одинаково искусный, какъ въ дѣлахъ войны, такъ и политикѣ, свѣтской вѣжливости и храбрости, онъ изучалъ искусства и мало встрѣчалъ въ этомъ соперниковъ. Вдаваясь до излишества въ волокитство и романтизмъ, онъ предлагалъ отстаивать первенство дамы сердца своимъ копьемъ на турнирахъ, въ пѣніи называлъ ее Геральдиной, и на рыцарскомъ своемъ конѣ носилъ ея цвѣта. Этотъ молодой герцегъ смотрѣлъ на жизнь, какъ человѣкъ, презирающій препятствія; онъ слишкомъ стоялъ далеко отъ трона, чтобъ имѣть возможность безъ преступленія достигнуть его, и слишкомъ близко, чтобъ не покушаться на него. Его отношенія къ кардиналу Полюсу вмѣнены были ему въ преступленіе. Его равнодушіе ко всѣмъ женщинамъ, исключая одной, объ имени которой онъ также тщательно умалчивалъ, насколько враги его провозглашали это имя, и гербъ Эдуарда Исповѣдника (щитъ раздѣленный на четыре части) наводили на мысль, что какая нибудь принцесса была дамой его сердца. „Геральдина никто другая, какъ старшая дочь короля, говорили шопотомъ его друзья, а люди, желавшіе погубить его, громко разглашали подобное предположеніе.

Во всемъ этомъ было достаточно мотивовъ, чтобъ возбудить немилости короля, не знавшаго границъ ни въ любви, ни въ ненависти. Разъ убѣдившись въ опасности для своей династіи отъ этого дома, онъ рѣшилъ уничтожить его.

Отецъ съ сыномъ были схвачены, лишены званія и заключены въ башню за двойное преступленіе — преданность къ папизму и государственную измѣну. Палата общинъ, въ качествѣ судебнаго учрежденія, индиферентно относилась какъ къ арестамъ, такъ и къ облегченію участи подсудимыхъ, не

теріи даже времени взвѣсить доказательства и степень виновности въ фактахъ, указанныхъ ей короной. Изъ угодливости она унижалась въ лицѣ Сюррея, котораго званіе депутата призвело къ судебной скамьѣ. Король, узнавъ о смертномъ приговорѣ, съ ироніей произнесъ древнюю поговорку: «тотъ кто любитъ боговъ, умираетъ рано».

Отецъ явился въ Верхнюю Палату, гдѣ онъ былъ членомъ. Двѣ женщины изъ мщенія донесли на него: герцогиня—супруга и любовница Елизавета Голландъ; одна за то, что бросилъ ее, другая—за свое униженіе.

Лорды, не смотря на усиленные приказы изъ Витъ-Галля, затягивали процессъ; неизвѣстно, что было причиной,—необходимость ли соблюденій юридическихъ формальностей, отвращеніе ли къ жестокости, совѣсть ли, не дозволявшая имъ нанести собственной же своей рукой ударъ перству, а себя лишить безопасности на будущее время; вѣроятнѣе,—что всё это вмѣстѣ. Короля взбѣсили промедленія. Онъ приказалъ представить обвиненнаго въ Палату Общинъ, гдѣ безъ опасенія, конечно, присудили бы отца, какъ былъ присужденъ сынъ, къ смертной казни.

Норфолькъ попробовалъ было смягчить своего государя письмомъ; онъ въ немъ напоминалъ свои заслуги, возбудившія немилость, и свой родъ, всегда безъ интереса преданный коронѣ, далѣе намекалъ на связи, напоминаніе о которыхъ для него могло быть роковымъ. На просьбу не послѣдовало отвѣта. Онъ написалъ другую, гдѣ, слушая вѣроломныхъ совѣтниковъ, онъ сдѣлалъ нѣкоторыя признанія. Такой безразсудный поступокъ не обезоружилъ, конечно, монарха, онъ вызвалъ въ немъ скорѣе опасенія, чѣмъ раскаяніе, и побудилъ его послать къ присяжнымъ эту грамоту, заключающую въ себѣ несомнѣнную виновность Норфолька, и тѣмъ вынудилъ ихъ къ утвердительному приговору.

Генрихъ VIII, во время этаго процесса, самъ боролся съ волей Высшаго Судіи, всегда видящаго сердца и всѣ тайныя помышленія и который одинаково съ другими призоветъ къ своему суду и королей. Приближеніе смерти обыкновенно смиряетъ людей, но его оно еще болѣе ожесточило. Этотъ

полумертвецъ, прикованный физическими страданіями къ одру, забывалъ ихъ, вполнѣ отдаваясь чувству мести; его мысль была далеко отъ обращенія къ Богу, хотя онъ стоялъ ужъ въ предверіи гроба; онъ не жалѣлъ ничего кромѣ возможности продолжать дѣлать вредъ. Приговоръ присяжныхъ Нижней Палаты оживилъ его умирающую физіономію; онъ безотлагательно приказалъ приступить къ приготовленіямъ къ казни, назначенной на слѣдующій день. Это было его послѣднимъ словомъ. Къ счастію для другихъ, почти тутъ же началась у него агонія. Герцогъ былъ спасенъ, но тѣмъ не менѣе оставался въ заключеніи во все продолженіе царствованія Эдуарда VI.

Вокругъ смертнаго одра толпились доктора,—ихъ наука и знаненія оказались ничтожными, они обратились къ эмпиризму и чародѣйству; двѣ королевы, робкія и ревнующія другихъ женщинъ, огорченныхъ въ свою очередь лишиться возможности властвовать въ будущемъ; придворные, домогавшіеся послѣдней улыбки; министры, разговаривавшіе о государственныхъ дѣлахъ; фанатики, хлопотавшіе о религіозной строгости; интриганы высшаго и низшаго полета; прелаты скорбѣвшіе, что раскаяніе не носѣтило эту очерствѣлую душу. Всѣ еще льстили, но никто не посмѣлъ намекнуть умирающему о предстоящей скорой кончинѣ, опасаясь чтобъ новый законъ не вмѣнилъ предсказаніе о смерти государя въ преступленіе противъ величества. Эта кончина была отраженіемъ послѣднихъ минутъ императоровъ языческаго Рима.

Таковъ былъ конецъ этой драмы. Божественное правосудіе, въ продолженіе 40 лѣтъ терпѣло ея нечистыя, мрачныя и кровавыя перепетіи.

наполовину, они справлялись на счетъ станицы, съ обязанностію выслуживать въ полку все употребленное на нихъ; другія же станицы — а такихъ еще очень много — и теперь пользуются своими довольствіями по старому обычаю, но потребность раздѣла сознана и въ нихъ, такъ что есть надежда, гибельный обычай пользоваться землею своевольно скоро будетъ у насъ совершенно искорененъ. Въ нашей станицѣ земля (120 тыс. десят.) дѣлится между гражданами уже во второй разъ. Въ первый разъ она была раздѣлена въ 1865 году на 6-лѣтній срокъ. Въ нынѣшнемъ году срокъ этотъ кончился и граждане наши опредѣлили: раздѣлить землю вновь на 17 лѣтъ; каждому поселку дать надѣлъ по числу мужескаго пола, считая на каждаго по 15 десятинъ удобной земли. Поселки должны надѣлить 15-ю десятинами всякаго съ 17-лѣтняго возраста; малолѣтнимъ же, не достигшимъ 17 лѣтъ, земли не давать, а оставить ее при поселкѣ въ особомъ столбѣ и пользоваться на ней всему поселку: пасти скотину, косить сѣно, можно часть и распахивать, и самое лучшее употребленіе, какое можно сдѣлать изъ этой земли — это сѣять на ней общественный хлѣбъ для засыпки въ станичный хлѣбный магазинъ. Поселокъ могъ бы и сѣять его и убирать. Когда же кто изъ малолѣтнихъ достигнетъ 17 лѣтняго возраста, то его надѣлять 15-ю десятинами изъ этого запаса. Земля умершихъ и вдовъ, вышедшихъ въ замужество, должна оставаться при поселкѣ, чтобы ею надѣлять тѣхъ лицъ, которыя перейдутъ въ него на жительство изъ другихъ поселковъ. Вдовамъ бездѣтнымъ дать половину пая, вдовамъ, до 3-хъ дѣтей, полный пай, а вдовамъ, имѣющимъ 4-хъ и болѣе дѣтей, — два пая. Сиротамъ тоже: одному, двоимъ и троимъ — одинъ пай, четверымъ и болѣе, — два пая. Изъ общественной земли отдѣлить три тысячи десятинъ для пастьбы конно-плодоваго табуна. Если послѣ надѣла всѣхъ гражданъ 15-десятинами, останется свободная земля, то она должна поступить въ общественное распоряженіе. Если этотъ раздѣлъ будетъ обществу почему либо неугоденъ, то 17-ти лѣтній срокъ сократится на 10 лѣтъ. По прошествіи срока быть новому раздѣлу.

Опредѣливъ все такимъ образомъ, граждане наши пріискали

землемѣра и подрядили его разделить юртъ между поселками на участки. Платить ему условились по 1 коп. съ каждой десятины. Деньги эти должны быть взысканы съ каждаго паеваго. Для присутствованія при нарѣзкѣ назначено было отъ всей станицы четыре депутата и, кромѣ того, отъ каждаго поселка по два понятыхъ. Они должны были разводить границы, опредѣлять удобность и неудобность земли и наблюдать, чтобы раздѣлъ производился правильно и беспристрастно. При нарѣзкѣ надѣла въ поселкахъ, не обходилось безъ споровъ и несогласій между ними. Главною причиною этихъ споровъ и несогласій было то, что у насъ населеніе расположено неравномѣрно по юрту: въ однихъ мѣстахъ оно густо, а въ другихъ рѣдко. Вслѣдствіе этого станица и многіе изъ поселковъ получаютъ землю въ двухъ мѣстахъ: тутъ же при мѣстахъ жительства и гдѣ нибудь на незаселенномъ краю юрта, верстъ за 40 или 50.

Такъ какъ этою землею, за отдаленностію ея, пользоваться очень неудобно, то каждое изъ поселеній и старается или не получить ее совсѣмъ, или и получивъ, но какъ можно меньше. Справедливость требовала уравнять всѣхъ, но этого сдѣлать не было никакой возможности и въ одному поселенію прирѣзывалось больше земли, а къ другому меньше. Только около одной четверти поселковъ нашихъ получили при жительствѣ отъ 8 до 12 десятинъ на душу, а остальные отъ 7 до 8 десятинъ даны имъ въ другихъ отдаленныхъ отъ жительства земель.

Если въ мѣстности, отрѣзываемой какому либо поселку, находилась неудобная земля: песокъ, солонцы, яры, или сибирки, то поселокъ объявлялъ объ этомъ избраннымъ отъ станицы депутатамъ. Они осматривали ее, опредѣляли степень ея неудобности и потомъ предлагали поселку принять ее въ половину или треть, т. е. каждую десятину за половину десятины или за треть. Если поселокъ соглашался принять ее на такихъ условіяхъ, то ему ее отрѣзывали, если же нѣтъ, то ее вырѣзывали отдѣльнымъ участкомъ. Такихъ участковъ неудобной земли теперь у насъ нѣсколько десятковъ, заключающихъ въ себѣ тысячъ 14 десятинъ. Большею частію это си-

лучше леса. Граждане наши хотятъ эту неудобную землю тоже дѣлить на паи. На каждый пай придется двѣ десятины съ лишнимъ. На что они будутъ употреблять эту землю — неизвѣстно.

Поселки, получивъ надѣлы свои, распоряжаются ими теперь различно. Одни дѣлятъ ихъ на три части, изъ которыхъ одна называется *столбомъ* для малолѣтнихъ (изъ него, какъ выше сказано, должны быть надѣлены малолѣтніе по достиженіи ими 17-ти лѣтняго возраста), другая обращается подъ [illegible] и называется *боемъ*, а третья дѣлится между совершеннолѣтними паевыми. Этой послѣдней при поселкѣ бываетъ отъ 5 до 10 десятинъ на каждую душу. Другіе же поселки дѣлятъ участки только на двѣ части: одну подъ попасъ скота, бой, а другую для раздѣла поровну на каждаго паеваго; при чемъ даютъ и малолѣтнимъ гдѣ половину пая, а гдѣ и полный. Это крайне соблазняетъ всѣхъ имѣющихъ малолѣтнихъ паевыхъ въ тѣхъ поселкахъ, гдѣ на малолѣтнихъ отдѣляютъ особый столбъ; они требуютъ, чтобы и у нихъ столба этого не было, а былъ бы онъ раздѣленъ и даны были бы паи малолѣтнимъ; но всѣ, не имѣющіе дѣтей, этому противятся, и поэтому во многихъ поселковыхъ обществахъ идутъ теперь большіе споры. Такъ какъ въ иной семьѣ бываетъ иногда совершеннолѣтній только одинъ паевой, а не совершеннолѣтнихъ пять или шесть, которые всѣ должны довольствоваться однимъ пайкомъ совершеннолѣтняго, что для нихъ можетъ быть очень стѣснительно, то станичные наши правители, обсудивъ это, вознамѣрились было на станичномъ сходѣ постановить: всѣхъ малолѣтнихъ надѣлить по четыре десятины, остальныя 11 десятинъ отдѣлить въ особый столбъ. Туда же должны причисляться въ концѣ каждаго года и паи всѣхъ умершихъ. Изъ этого столба время отъ времени добавлять по 11 десятинъ малолѣтнимъ, которые достигнутъ 17-ти лѣтняго возраста, а также и надѣлять 4-мя десятинами всѣхъ, кто родился вновь. Такъ хотѣли установить правители, но на сходѣ между гражданами оказался большой разладъ: одни кричали, что дать малолѣтнимъ по 4 десятины, а другіе не давать, а все отдѣлить особымъ столбомъ. Вслѣдствіе этого

приговорено каждому поселку сдѣлать какъ угодно: хочетъ онъ, даетъ на малолѣтниковъ, а не хочетъ — не даетъ.

Каждый изъ гражданъ нащихъ, получая свой пай, дѣлается полнымъ его господиномъ и употребляетъ его по усмотрѣнію: одинъ обрабатываетъ самъ, другой отдаетъ въ наемъ, третій отдаетъ съ извѣстной *борозды* или такъ, напримѣръ, что нанявшій у него землю, пользуется ею, какъ хочетъ, а ему сѣетъ и убираетъ десятину или около этого какого либо хлѣба. Богатые земледѣльцы, которые до раздѣла земли занимались земледѣліемъ въ большихъ размѣрахъ, имѣютъ возможность также и теперь вести дѣло. Охотниковъ продавать свои паи у насъ очень много, и они скупаютъ ихъ сколько угодно. Нѣкоторые изъ нихъ скупили паи на весь срокъ раздѣла заблаговременно до раздѣла еще, и имъ ихъ нарѣзали отдѣльнымъ участкомъ.

За надѣломъ всѣхъ гражданъ 15-ти десятинными паями, у насъ осталось еще нѣсколько сотенъ удобной земли. Граждане приговорили отдавать ее въ аренду и деньги употреблять на общественныя нужды.

Г. Тимощенковъ жалуется на эгоизмъ казаковъ. Подобныя сѣтованія понятны въ устахъ общинника, желающаго болѣе правильнаго распредѣленія хозяйственныхъ выгодъ между членами своей общины и пишущаго подъ впечатлѣніемъ борьбы партій. Но въ доказательство слабаго развитія эгоистическихъ чувствъ даже въ современномъ казачествѣ можно указать на совершенное отсутствіе мысли о раздѣлѣ общинной земли на подворные участки, между тѣмъ какъ для богатыхъ станичниковъ такой раздѣлъ былъ бы несомнѣнно выгоденъ. И это понятно. Исторія представляла слишкомъ неблагопріятныя условія для развитія этихъ чувствъ. Частная поземельная собственность была введена здѣсь правительствомъ лишь въ прошломъ столѣтіи, когда чиновникамъ были выдѣлены въ наслѣдственное владѣніе участки земли, размѣры которыхъ обусловливались служебнымъ положеніемъ ихъ владѣльцевъ.

Что касается до отношеній къ постороннимъ, чужимъ людямъ, то онѣ отличается враждебностью. Это объясняется ихъ исторіей. Отношенія казаковъ къ сосѣднимъ государствамъ и народамъ съ самаго ранняго времени по необходимости должны

были быть неприкосновенны. Съ азовцами они вели почти безпрерывную войну и мирились лишь для выкупа или обмѣна плѣнныхъ. Война со временемъ сдѣлалась для нихъ главнѣйшимъ источникомъ средствъ существованія. Велась она съ такою же жестокостью, какъ и всѣ войны въ ту пору. Но захваченныхъ на поискахъ плѣнныхъ умерщвляли, однакожъ, только въ тѣхъ случаяхъ, если не было возможности помѣстить ихъ на лодкахъ. Плѣнныхъ, пойманныхъ на островѣ, гдѣ стоялъ Черкаскъ, непремѣнно убивали. Существовали, впрочемъ, нѣкоторые обычаи, которые уважались свято враждующими даже во время самой свирѣпой войны и умѣряли ея жестокость. Казаки заготовляли для своихъ стадъ на зиму сѣно, которое они оставляли среди луговъ; было условлено ни въ какомъ случаѣ не жечь этого сѣна, и ни Крымцы, ни Азовцы, ни Ногайцы дѣйствительно не уничтожали его, тѣмъ болѣе, что казаки угрожали въ противномъ случаѣ около Азова все разорить. При разрывѣ мира съ Дону посылалась въ Азовъ размирная грамота. Послѣ такого объявленія воинственныя дѣйствія могли быть открыты только по истеченіи трехъ дней. Постоянная война не мѣшала также казакамъ имѣть друзей между Азовцами, подобно тому какъ еще въ недавнее время казаки на Кавказѣ имѣли кунаковъ между враждующими съ ними горцами. Калмыки, прикочевавшіе въ Задонскія степи около 1650 года, напротивъ, не только не уважали никакихъ обычаевъ во время войны, но и въ мирную пору хватали казаковъ, жгли ихъ сѣно, угоняли стада и нерѣдко разоряли самые городки; и за это тѣ мстили имъ съ величайшею жестокостью: поймавъ однажды нѣсколько знатныхъ калмыковъ, казаки привязали ихъ къ хвосту лошадей и растаскали близъ Черкаска въ присутствіи калмыцкихъ пословъ, предлагавшихъ выкупа за каждаго плѣннаго по 200 и 300 лошадей.

Вообще въ сношеніяхъ съ посторонними людьми, приходившими къ нимъ на время, казаки отличались недовѣріемъ и подозрительностью. Послы, пріѣзжавшіе изъ Москвы и изъ Константинополя, всегда окружались конвоемъ, чтобы тѣ не могли узнать чего либо о дѣйствительномъ положеніи казаковъ. Даже запорожцевъ, постоянныхъ сподвижниковъ дон-

скихъ казаковъ, приходившихъ на Донъ почти ежегодно, они хотя и окружали почетомъ, но не пускали въ Черкасскъ въ большомъ числѣ, считая ихъ людьми непостоянными и склонными къ измѣнѣ.

Но сравнительно съ запорожскимъ «товариществомъ» донское казачество отличалось все-таки меньшею замкнутостью. Въ запорожское «товарищество», правда, какъ и въ среду донского казачества, вступалъ свободно всякій желающій, но во 1-хъ, онъ долженъ былъ быть необходимо православной вѣры; во 2-хъ, дать обѣтъ безбрачія, и въ 3-хъ, выдержать нѣкоторое испытаніе въ выносливости. Женщинъ запорожцы не допускали въ Сѣчь совсѣмъ, хотя бы то была мать или жена. Никакихъ подобныхъ ограниченій на Дону не существовало. Такая замкнутость запорожцевъ объясняется постоянной необходимостью быть готовыми къ бою, изъ чего вытекала также и большая власть кошевыхъ и куренныхъ атамановъ сравнительно съ властью соотвѣтствующихъ начальниковъ на Дону.

XI.

Колонизаціонное движеніе русскаго народа въ Поволжье, первоначально заселенное финскими народами, началось въ самый ранній періодъ русской исторіи. Первыми поселенцами сѣвернаго Поволжья были новгородцы и «едва-ли имена финскихъ инородцевъ, призвавшихъ Варяговъ, не обозначаютъ славянскихъ колонистовъ» (Бестужевъ-Рюминъ, О колонизаціи великорусскаго племени. Журн. М. Н. Пр. 1867, гл. 134). Сюда также должны были приходить переселенцы изъ Южной Россіи, спасаясь въ поволжскихъ лѣсахъ отъ частыхъ опустошеній половцевъ и разорительныхъ междоусобныхъ войнъ князей, сопровождавшихся перекочевкой князей изъ однихъ волостей въ другія. Лѣтопись прославляетъ Юрія Долгорукова, какъ создателя городовъ Поволжской Руси, но несомнѣнно, что когда князья пришли на Волгу, здѣсь было уже русское и довольно густое населеніе. Народная память сохранила имена своихъ героевъ, которые проѣзжаютъ чрезъ лѣса

Муромскіе, черезъ грязи Брянскія, прокладываютъ пути, рубятъ лѣса, мостятъ мосты. «Нѣтъ, не князьямъ принадлежитъ почин въ заселеніи славянскимъ племенемъ нашего сѣверо-востока, говоритъ г. Бестужевъ-Рюминъ; это дѣло народное и началось очень давно; князья помогали этому дѣлу, продолжали его, рубили города, то есть, очень часто укрѣпляли уже существующія поселенія, ставили слободы на своихъ земляхъ и такія же слободы ставили и ихъ дружинники; въ эти слободы сходились сбродные люди, гулящіе по московски, когда всякій былъ приписанъ нести службу или тягло, бродники по старому". Лѣтопись сообщая болѣе и менѣе точныя свѣдѣнія о жизни князей, лишь иногда бросаетъ какую нибудь обмолвку о великой колонизаціонной дѣятельности народа, когда встрѣчался какой либо выдающійся случай. Одинъ изъ такихъ случаевъ представляетъ основаніе Новгородскими ушкуйниками въ 1174 году Вятской общины, существовавшей независимо отъ Москвы до Ивана III. Гораздо внимательнѣе слѣдила лѣтопись за дѣятельностью князей. Въ 1076 году верхнее Поволжье, подъ названіемъ Ростовской земли, переходитъ отъ Новгорода и становится волостью пятаго сына Ярослава—Всеволода Переяславскаго. Самъ Ярославъ въ началѣ XI вѣка построилъ здѣсь городъ Ярославль. Повидимому появленіе князей встрѣчено было не особенно дружелюбно здѣшнимъ населеніемъ, тѣмъ болѣе что они несли съ собою христіанскую вѣру, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые туземцы Ростовской области и даже „языка Славянскаго" ушли и поселились въ Болгаріи, гдѣ они „кочевное житіе татарское, вѣры бессерменскія изволиша" (Корсаковъ, Меря, примѣч. 63). Въ XIII столѣтіи основаны города Кострома, Юрьевецъ, Нижній Новгородъ (въ 1221 г.) и друг. Большая часть этихъ городовъ основывалась при сліяніи рѣкъ и имѣли назначеніемъ, главнымъ образомъ, служить для защиты отъ нападеній непріятелей: Новгородцевъ, Болгаръ.

Нашествіе татаръ и утвержденіе ихъ власти въ Поволжьѣ и надъ Русью надолго остановили колонизаціонное движеніе русскаго народа на востокъ по Волгѣ. Монастырь, основанный Макаріемъ въ началѣ XV вѣка на лѣвомъ берегу Волги, противъ устья рѣки Сундовака, подвергся вмѣстѣ съ жилищами

поселившихся вблизи него, крестьянъ къ полнѣйшему разоренію отъ Казанскихъ татаръ. Но колонизація правой нагорной стороны, до впаденія Суры, по всей вѣроятности, продолжалась безостановочно (Перетятковичъ, Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ). Въ началѣ XV вѣка на рѣкѣ Сундоважѣ уже существовало Лысково съ московскимъ намѣстникомъ. Василіемъ III для защиты отъ вторженій казанцевъ былъ основанъ при впаденіи Суры въ Волгу Васильсурскъ.

Съ покореніемъ Казани въ половинѣ XVI вѣка колонизація Поволжья значительно усиливается. Въ видахъ поддержанія порядка въ новозавоеванной области и подавленія постоянныхъ возстаній народовъ, входившихъ въ составъ казанскаго царства, въ XVI вѣкѣ были выстроены въ разныхъ мѣстахъ Поволжья нѣсколько укрѣпленныхъ городовъ: Свіяжскъ, основанный еще въ 1551 предъ покореніемъ Казани, Чебоксары, Кокшайскъ, Лаишевъ (въ 1557 г.), Тетюши и др.

Съ цѣлью обезпеченія служилыхъ людей и духовенства были розданы имъ земли въ помѣстья и вотчины. Распредѣленіе земель между служилыми людьми въ 1557 г. было произведено послѣ того, какъ „казанское дѣло въ конечное смиреніе пришло".

Для привлеченія населенія на эти земли прибѣгали къ тѣмъ же мѣрамъ, что и въ остальной Россіи: правительство предоставляло владѣльцамъ извѣстныя привилегіи, которыми тѣ въ свою очередь старались привлечь на свою землю крестьянъ. Еще отъ XV вѣка (1476 г.) до насъ дошла одна грамота, въ силу которой Покровскому монастырю было предоставлено углицкимъ княземъ „собирати слободу на сей (правой) сторонѣ Волги", при чемъ слобожане, привлеченные изъ другихъ княжествъ, были освобождены отъ податей на 20 лѣтъ, а «безвытные» на 10 лѣтъ (Перетятковичъ, стр. 115). Колонизація собственно Казанской области значительно облегчалась еще тѣмъ, что здѣсь поселенцамъ не приходилось очищать почву отъ лѣсовъ, какъ на сѣверѣ, а садиться по многочисленнымъ пустымъ селамъ, оставшимся послѣ туземцевъ, частью истребленныхъ, частью бѣжавшихъ во время опустошительныхъ войнъ Ивана IV.

По писцовымъ книгамъ Свіяжскаго и Казанскаго уѣздовъ

(1565—67 г.) видно, однакожъ, что не смотря на всѣ эти выгоды русское населеніе шло не охотно въ Казанскую область, гдѣ оно попадало неизбѣжно въ тѣже условія, что и въ остальной Россіи. Въ Свіяжскомъ уѣздѣ въ 1565—67 за всѣми помѣщиками числилось всего 485 дворовъ, изъ которыхъ 34 двора (слободскія) не занимались земледѣліемъ, а въ Казанскомъ всего 50 дворовъ. Кромѣ того на земляхъ духовенства числилось въ первомъ уѣздѣ 83 двора крестьянскихъ и 27 дворовъ не пашенныхъ, а во второмъ 158 крестьянскихъ дворовъ. Недостатокъ населенія старались устранить тѣмъ, что поселяли плѣнныхъ: въ Лаишевскомъ посадѣ поселено было 150 „жалованныхъ полониковъ", которымъ отвели около города Лаишева на каждаго по 4 четверти пашни и 14 копенъ сѣна (Перетятковичъ, 251—253). Надо замѣтить еще что въ числѣ этихъ жителей были и туземцы, хотя большая часть ихъ, судя по именамъ, были русскіе.

Послѣ Іоанна Грознаго московское правительство продолжаетъ строить города въ нагорной и луговой сторонахъ Волги (Цывильскъ, Уржумъ и Царевококшайскъ) устраиваетъ сторожки для наблюденія за движеніями непріятелей (Ногаевъ). Народонаселеніе, хотя медленно, все таки увеличивается, причемъ переселенцы или присоединяются къ прежде основаннымъ поселкамъ или основываютъ новые починки и деревни. Очень можетъ быть, что колонизація шла впереди царскихъ сторожей; по крайней мѣрѣ, по преданію, уже въ царствованіе Іоанна Грознаго стали появляться поселки въ нынѣшнемъ Сенгилеевскомъ уѣздѣ, гдѣ ни городковъ, ни даже сторожевыхъ пунктовъ въ ту пору быть не могло еще. Особенно энергично принялось московское правительство за постройку городовъ послѣ того, какъ на Волгѣ стали усиливаться грабежи и разбои казаковъ, отъ которыхъ много терпѣли не только торговые караваны, но и послы. Еще при Іоаннѣ Грозномъ нападеніемъ на суда прославился Иванъ Кольцо. Главнѣйшими пунктами, гдѣ сосредоточивались преимущественно волжскіе казаки, подъ которыми слѣдуетъ разумѣть здѣсь не только выходцевъ съ Дона, но вообще бѣглецовъ изъ московскаго государства — была мѣстность вблизи нынѣшняго Царицына

(Переволока) и Самарская Лука. Русскій посолъ Семенъ Мальцовъ, возвращавшійся отъ ногайцевъ и захваченный въ плѣнъ турками, въ концѣ царствованія Іоанна IV (1569 г.) говоритъ „о двухъ казачьяхъ городкахъ на Волгѣ" (Городскія поселенія Россійской имперіи IV, 452 стр.).

Самарская Лука, наполненная довольно высокими горами, покрытыми густыми лѣсами и изобилующими естественными пещерами, представляла для казаковъ надежный и безопасный пріютъ, гдѣ они весьма удобно могли скрываться отъ преслѣдованій и всего лучше наблюдать за проходящими по рѣкѣ караванами. Небольшая рѣка Уса, пересѣкающая Самарскую луку по направленію съ юга на сѣверъ, давала имъ возможность предупреждать караваны, шедшіе по Волгѣ. Замѣтивъ съ вершинъ утесовъ появленіе ихъ, они на своихъ легкихъ челнахъ переплывали по Усѣ, переволакивались затѣмъ на Волгу и врасплохъ нападали на суда, которыми иногда и овладѣвали. Мѣстные жители и теперь еще указываютъ не мало становищъ, на которыхъ, по преданію, располагались въ былое время шайки различныхъ атамановъ, гулявшихъ по Волгѣ; между прочимъ въ нынѣшнихъ селеніяхъ Ермаковкѣ и Кольцовкѣ, находящихся на Самарской лукѣ, признаютъ мѣста, гдѣ нѣкогда жилъ знаменитый Ермакъ Тимофеевичъ и его товарищъ Иванъ Кольцо (Перетятковичъ, стр. 313). Для уничтоженія казацкихъ разбоевъ, а также въ видахъ защиты отъ вторженій Ногайцевъ, на преданность которыхъ нельзя было разсчитывать, весною 1586 года былъ устроенъ при впаденіи рѣки Самары въ Волгу городъ Самара. Съ послѣднею цѣлью въ то же время былъ выстроенъ еще городъ Уфа на рѣкѣ Бѣлой. Вслѣдъ за Самарой построены были на Волгѣ Царицынъ и Саратовъ. Точныхъ свѣдѣній о времени ихъ основанія нѣтъ, но по нѣкоторымъ даннымъ можно предположить что Царицынъ выстроенъ въ 1589 г. Въ 1648 г. былъ основанъ Симбирскъ, а въ 1683 г. Сызрань.

Съ устройствомъ городовъ движеніе населенія по Волгѣ и торговля, оживившаяся послѣ присоединенія Астрахани въ 1553 г., должны были усилиться. Но заселеніе этой мѣстности земледѣльцами собственно началось только послѣ введе-

нія древлецерковной практики и отношеніемъ къ расколу; но есть, въ періодѣ, выходящій изъ круга нашихъ изслѣдованій. Скажемъ только, что населеніе это совершилось не по правительственной иниціативѣ, а преимущественно бѣглыми. Правительство не только не поощряло колонизаціи края, а напротивъ, старалось всѣми мѣрами прекратить и, позднѣе, затруднило вольное переселенцевъ въ степь. Прибавимъ еще, что поземельныя отношенія поселенцевъ развивались въ той же послѣдовательности, какъ и во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ, колонизація которыхъ совершалась свободно отъ внѣшнихъ вліяній. Сперва установилась здѣсь волостная община съ захватнымъ способомъ пользованія, а съ увеличеніемъ населенія ее замѣнило общинное землевладѣніе съ передѣлами. (Обзоръ дѣйствій Департамента сельскаго хозяйства съ 1844—58, ч. III, стр. 56 и др.; Яковъ Соловьевъ, о поземельномъ владѣніи въ Россіи. Отеч. Зап. 1858 г., т. 116).

XII.

Около 1577 года Грозный выслалъ противъ „воровскихъ казаковъ," разбойничавшихъ на Волгѣ, ратныхъ людей. Разбитыя ими ватаги казаковъ бросились въ разныя стороны: однѣ къ Камѣ и Чусовой, другія—къ Тереку, третьи къ Яику, небольшая часть осталась на Волгѣ. Впрочемъ, поселеніе казаковъ на Яикѣ произошло лишь спустя три года послѣ описаннаго происшествія, около 1580 года *). Спасаясь отъ преслѣдованія царскихъ ратныхъ людей, казаки долго укрывались въ густыхъ камышахъ устьевъ рѣки Яика. Для того, чтобы подвинуться далѣе вверхъ по теченію этой рѣки, имъ предстояло разрушить столицу Ногайцевъ, Сарайчикъ, лежавшій въ 60 верстахъ выше впаденія Яика въ море. Но нападеніе на сильный и многолюдный Сарайчикъ могли они предпринять лишь послѣ того, какъ къ нимъ присоединились новые толпы выходцевъ. Этимъ объясняется бездѣйствіе казаковъ между

*) Левшинъ, Историческое и статистическое обозрѣніе Уральскихъ казаковъ. Рябининъ, Уральское казачье войско.

1577 годомъ, когда они бѣжали съ Волги, и 1580, когда по словамъ ногайскаго хана Уруса, обратившагося съ жалобой къ Грозному, „приходили государевы казаки его людей и Сарайчикъ воевали и сожгли“. Затѣмъ казаки направились вверхъ по Яику и поселились при устьѣ рѣки Рубежной, на урочищѣ Орѣховомъ, верстахъ въ 40 или 50 выше нынѣшняго Уральска. Паллась въ 1769 году нашелъ еще слѣды окоповъ и землянокъ, принадлежавшихъ по разсказамъ жителей прежнему городку.

Окруженные татарскимъ населеніемъ съ одной стороны, съ другой — принужденные постоянно ожидать нападеній царскихъ войскъ, сосредоточенныхъ въ Казани, Астрахани и вновь построенныхъ городахъ, яицкіе казаки скоро рѣшились признать надъ собою власть московскаго правительства, что не мѣшало имъ, впрочемъ, по прежнему грабить царскихъ пословъ. Правительство должно было по необходимости вслѣдствіе своей слабости и въ виду отдаленнаго положенія казаковъ относиться снисходительно къ ихъ винамъ; къ тому же, они были защитниками границъ государства.

Какъ велико было число первыхъ постоянныхъ поселенцевъ, остается неизвѣстнымъ, но, кажется, оно было незначительно. Въ челобитной поданной 16 іюля 1767 года депутаты яицкаго войска между прочимъ говорили, что: „въ прошломъ и давнихъ годахъ прадѣды и дѣды ихъ пришли и заселились по Яику рѣкѣ, вольные люди собравшись, русскіе съ Дону и изъ иныхъ городовъ, а татары изъ Крыму и Кубани и изъ другихъ магометанскихъ народовъ, *человѣкъ съ сорокъ*, которому ихъ заселенію, или паче же на Яикъ рѣку приходу, нынѣ будетъ гораздо болѣе двухсотъ лѣтъ“ (Рябининъ, стр. 7). Кромѣ донскихъ казаковъ, кубанскихъ татаръ въ отдаленный яицкій городокъ стали стекаться толпами крестьяне, спасавшіеся отъ крѣпостнаго права и раскола. Въ 1734 году оказалось при переписи 3,196 казаковъ. Въ 1801 году было здѣсь 14,618 челов. мужескаго пола и 14,970 женскаго; въ 1850 — 64,761 челов. об. пола; въ 1862 г. — 82 тысячи; въ настоящее время — 113 тысячъ. По мѣрѣ увеличенія населенія расширялась и территорія. Такъ какъ въ первое время

яицкаго жило преимущественно продуктами рыболовства, что естественно заставляло селиться вдоль по Уралу. Селенія для этого располагались на правой сторонѣ рѣки, вдоль по узкой береговой низменной полосѣ, въ направленіи къ сѣверу. Эта мѣстность представляла больше удобствъ для жизни, чѣмъ всѣ остальныя: почва здѣсь черноземная, покрытая лѣсомъ и въ изобиліи производящая кормовыя травы; береговая полоса, кромѣ того, лежала вблизи многорыбной рѣки, была изрѣзана множествомъ ериковъ, озеръ и старицъ. Для небольшаго числа первыхъ поселенцевъ здѣсь было болѣе чѣмъ достаточно сѣнокосовъ, пастбищъ, лѣсу для построекъ и рыбы. Въ началѣ XVIII вѣка около яицкаго городка были основаны казачьи Рубежная, Чуваскій, Кирсановъ и др. Въ 1743 г. правительство пріостановило разселеніе въ указанномъ направленіи. Для огражденія киргизскихъ набѣговъ оно задумало поселить яицкихъ казаковъ по нижнему теченію Яика въ безплодной, покрытой солончаками и притомъ почти безлѣсной степи. Первыми пунктами новой нижне-яицкой линіи были два казачьи городка: одинъ въ 120, другой въ 80 верстахъ выше Гурьева. Здѣсь были поселены 1000 человѣкъ линейной стражи съ ихъ семействами, причемъ дозволено было разселяться только до Гурьева. Когда же нижняя линія пополнилась (въ 1801 году на ней было 6 т. чел.), то колонизація верхней хлѣбопашенной полосы, теперь не сдерживаемая никакими препятствіями, снова приняла широкіе размѣры. Къ 1857 году въ сѣверной полосѣ, до Уральска, считалось уже болѣе 45 тысячъ, въ Уральскѣ около 11 т., на нижней же и внутренней линіяхъ, составляющихъ больше половины войсковыхъ земель, мало менѣе 21 т., считая въ томъ числѣ и Гурьевскихъ жителей. «Такимъ образомъ, замѣчаетъ Рябининъ, въ теченіи 56 лѣтъ здѣсь населеніе увеличилось только въ 3½ раза, тогда какъ при разселеніи согласномъ съ выгодами и потребностями народа (въ сѣверной части) оно увеличилось болѣе чѣмъ въ 6 разъ».

Движеніе отъ береговъ рѣки внутрь страны вызвано было: во 1-хъ, развитіемъ другихъ отраслей хозяйства, кромѣ рыболовства, во 2-хъ, необходимостью оградить казацкія земли

отъ [illegible] и [illegible]: со стороны русскаго населенія, владѣнія котораго начинались тотчасъ же за Сыртомъ.

Съ возрастаніемъ населенія одно рыболовство не могло уже прокормить всѣхъ жителей и часть ихъ, по необходимости, должна была обратиться къ хлѣбопашеству и скотоводству, а притомъ оказалось необходимымъ заводить на самыхъ мѣстахъ пашни отдѣльные заимки и хутора.

Необходимость охранять занятыя земли заставила казаковъ устраивать внутреннія линіи. До начала настоящаго столѣтія, когда казаки обязаны были селиться по низовьямъ Урала, внутри области никакихъ поселеній не было. По обширнымъ степямъ между Волгой и Яикомъ кочевали татары, башкиры и калмыки, къ которымъ потомъ понемногу стали приходить и русскіе поселенцы, селившіеся на казенныхъ пустопорожнихъ земляхъ. Не имѣя никакого понятія о правѣ собственности, населеніе это, какъ кочевое, такъ и осѣдлое, захватывало всякія земли, мало заботясь о дозволеніи ихъ владѣльцевъ. Первое же столкновеніе казаковъ съ поселенцами и еще болѣе генеральное межеваніе, предпринятое по просьбѣ ихъ самихъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, обнаружило страшную путаницу въ претензіяхъ на владѣніе многими мѣстами территоріи, которую казаки считали своей. Отсюда начались запутанныя тяжбы изъ-за границъ на сушѣ и морѣ, которыя не окончены еще и до настоящаго времени *).

Что касается до внѣшней исторіи Уральскихъ казаковъ, то она довольно однообразна и, подобно исторіи Донскихъ казаковъ, состоитъ изъ набѣговъ, между которыми, по народнымъ преданіямъ, былъ особенно замѣчателенъ набѣгъ шайки Нечая

*) Казаки основываютъ свои права на Уральскую область на грамотѣ, данной ихъ холокамъ Михаиломъ Федоровичемъ послѣ 1613 года, которой имъ предоставлялось право на владѣніе рѣкою Яикомъ, «съ сущими при ней рѣки и притоки и со всѣми угодьями, отъ вершинъ той рѣки и до устья, съ дозволеніемъ набираться на житье вольными людьми». Но грамота эта сгорѣла еще въ началѣ прошлаго столѣтія, и когда она была выдана, предки казаковъ, по словамъ теперешнихъ ихъ потомковъ, упомнить не могли. Впрочемъ много данныхъ, указанныхъ Рябининымъ въ его книгѣ, подтверждаютъ существованіе грамоты, хотя de facto Яицкіе казаки никогда не владѣли Яикомъ «отъ вершинъ до устья».

на Хиву въ XVII столѣтіи (Рычковъ, Топографія Оренбургская, часть 2, стр. 73—78), въ стычкѣ съ окружающими татарами, разорившими однажды ихъ городокъ, вмѣсто котораго на другомъ уже мѣстѣ казаки выстроили Яицкъ, теперешній Уральскъ, въ дѣятельнаго участія въ бунтахъ смутнаго времени, Разинскомъ и особенно Пугачевскомъ, пока, наконецъ, они не были включены въ составъ войскъ, какъ иррегулярная кавалерія.

Внутренняя исторія края *) «распадается, по замѣчанію Рябинина, на двѣ части: на исторію народа и исторію правительственныхъ учрежденій, какъ и въ большей части земель русскихъ. Связь между ними только внѣшняя. Правительство преслѣдуетъ свои цѣли, народъ продолжаетъ жить своею жизнью. Какъ болѣе слабое народное начало должно было подчиняться государственному и дѣйствительно подчинилось, уступая силѣ, но сохранило внутри полное отрицаніе, полный разрывъ съ нимъ. Три столѣтія прошли въ безпрерывной борьбѣ то явной, то скрытной, ознаменовавшейся съ обѣихъ сторонъ крайними взглядами и крайними мѣрами, и только конецъ 1774 года можно принять за рѣшительный переломъ борьбы. Послѣ Пугачевщины государственное начало получаетъ огромное развитіе и силу, народное же бѣднѣетъ и заключается въ себѣ (стр. 1 и 2). Сообразно съ развитіемъ этой борьбы исторія казачества сама собой раздѣляется на три періода: въ первый періодъ (1557—1680) уральское казачество представляло вольную общину съ народнымъ самоуправленіемъ, неподчинявшуюся никакимъ принудительнымъ законамъ; во второмъ, начинающемся съ конца XVII столѣтія (1680—1775), казаки были подчинены правительственному контролю, сосредоточивавшемуся сначала въ казанскомъ приказѣ, а потомъ, съ 1719 г., въ военной коллегіи. Съ 1723 года войсковые атаманы утверждаются правительствомъ. Явилось чиновничество, которое съ перваго же раза заявило себя взяточничествомъ и всевозможными нарушеніями народныхъ правъ. Началась ожесточенная борьба партій консервативной (Логиновской), отстаивав-

*) Здѣсь мы имѣемъ въ виду собственно землю Уральскаго войска безъ Илецкаго и Сакмарскаго округовъ.

шей прежнія формы жизни, свою старую вѣру, и чиновническое (Меркульевской). Въ третьемъ періодѣ уральское казачество преобразовывается въ военно пограничное поселеніе и иррегулярную ковалерію; вводится обязательная военная служба, народное собраніе уступаетъ мѣсто войсковой канцеляріи. Преобразованія не коснулись лишь поземельныхъ отношеній, которыя остаются въ своихъ основаніяхъ такими же, какими были триста лѣтъ назадъ.

Общественно-экономическое устройство уральскихъ казаковъ въ самостоятельный періодъ ихъ исторіи было тоже, какое мы видѣли на Дону. Въ основѣ его лежала свобода, равенство и отрицаніе принудительной власти. Всѣ общественные вопросы рѣшались въ кругахъ, происходившихъ обыкновенно на площади или у атаманскаго дома (впослѣдствіи у войсковой избы и приказа). Народъ созывался въ это собраніе колокольнымъ звономъ. Порядокъ обсужденія дѣлъ въ нихъ отличался крайнею простотою. Письменнаго производства не существовало. Собравшимся казакамъ разъяснялось обсуждавшееся дѣло и затѣмъ предлагалось извѣстное рѣшеніе его съ вопросами: *любо-ль* или *не-любо*? Отвѣты толпы отмѣняли или утверждали это рѣшеніе; войсковой атаманъ и его помощники эсаулы были лишь исполнителями народной воли. „Право суда и расправы принадлежало также народу и приговоры произносились всѣмъ войскомъ, при чемъ по самому смыслу казачества, нелюбившаго стѣснять разгула своихъ страстей, преступленіями считались только тѣ поступки, которые наносили вредъ или самой общинѣ или кому нибудь изъ ея членовъ, напр. за измѣну, трусость, воровство, убійство, полагалась смерть; но совершенныя внѣ общины, надъ лицами посторонними, они не считались преступленіями и не влекли за собою наказанія. Внѣ дома и общины дѣятельность казака проявлялась въ грабежахъ, разбояхъ, набѣгахъ и всякаго рода насиліяхъ, въ томъ, однимъ словомъ, что выражалось тогда общепринятымъ терминомъ „промысломъ“.

Примѣръ казаковъ доказываетъ между прочимъ, что эта вражда къ чужому, постороннему человѣку вовсе не продуктъ родоваго быта.

Семейная жизнь казаковъ не отличалась ни въ чемъ существенномъ отъ такой же жизни во всей Россіи. У Рычкова, впрочемъ, записано преданіе, будто въ первое время,—до атамана Гугни,—казаки убивали дѣвочекъ и вообще отвергали семейную жизнь, но разсказъ этотъ, по мнѣнію Левшина и Рябинина, мало заслуживаетъ вѣры, хотя аналогичное этому явленіе мы встрѣчаемъ у многихъ народовъ.

Освобожденные отъ необходимости добывать тяжелой работой средства къ существованію, казаки до послѣдняго времени относились съ презрѣніемъ ко всякому постоянному труду. «Молодые люди, писалъ назадъ тому 100 лѣтъ объ уральцахъ Палласъ, всегда препровождаютъ дни въ забавахъ, и многіе казаки вдались въ праздность и пьянство. Женскій полъ также любитъ увеселенія и кажется имѣетъ склонность къ щегольству и любви». (Путешествіе по Россіи, часть I, стр. 417). Отношенія мужа къ женѣ въ настоящее время отличаются суровостью, доходящей въ иныхъ случаяхъ до варварской жестокости; по всей вѣроятности, такими онѣ были и раньше.

По недостатку данныхъ, намъ приходится ограничиться этими немногими чертами древнихъ соціальныхъ отношеній уральскихъ казаковъ.

Поземельныя отношенія, напротивъ, благодаря тому обстоятельству, что формы владѣнія и пользованія землей остаются неизмѣнными до настоящаго времени, мы имѣемъ возможность возстановить во всей ихъ полнотѣ.

Главнѣйшимъ почти исключительнымъ промысломъ уральскихъ казаковъ было и остается до сихъ поръ рыболовство. Привязанность къ этому промыслу поддерживалась не только его выгодностью сравнительно съ затратою труда, но и внѣшними обстоятельствами, ставившими казаковъ впродолженіи 200 слишкомъ лѣтъ лицомъ къ лицу съ ордами кочевыхъ азіатскихъ племенъ, постоянно стремившихся занять земли между Яикомъ и Волгой. Непрерывная борьба принуждала казаковъ быть постоянно наготовѣ и заботиться лишь о настоящемъ днѣ. При такихъ условіяхъ рыболовство было наиболѣе удобнымъ занятіемъ.—Рыбы было вездѣ въ изобиліи. Въ то время Уралъ шелъ въ море, развѣтвляясь на множество рукавовъ, протоковъ и за-

водей, тихихъ, густо заросшихъ камышомъ и представлявшихъ, вслѣдствіе того, удобные притоны для рыбы, вплывавшей въ рѣку изъ моря раннею весною и лѣтомъ. Близость приволжскихъ городовъ обезпечивала постоянный и хорошій сбытъ.

Скотоводство, какъ самостоятельная часть хозяйства развилась на Уралѣ недавно, но какъ побочный промыселъ, оно явилось одновременно съ колонизаціей Урала: лошадь была неразлучнымъ спутникомъ казака. Выгоды, получаемыя сосѣдними кочевыми народами отъ скотоводства, должны были возбудить въ казакахъ охоту къ обзаведенію домашнимъ скотомъ, а потомъ и къ разведенію табуновъ, которые могли круглый годъ ходить на подножномъ корму по общинной землѣ. Въ настоящее время скотоводство составляетъ весьма важную статью войсковаго хозяйства.

Хлѣбопашество появилось въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, но и теперь еще находится на низкой степени развитія.

Съ развитіемъ этихъ двухъ послѣднихъ отраслей хозяйства, когда нѣкоторые казаки стали захватывать обширныя пространства земли для пастьбы (нажировки) скота и затруднять другимъ возможность заниматься земледѣліемъ, явилась потребность ограничить въ нѣкоторой степени свободу пользованія землей. Въ этомъ, впрочемъ, только и заключается измѣненіе въ поземельныхъ отношеніяхъ казаковъ сравнительно съ прежнимъ временемъ. Всѣ же существенныя особенности ихъ и въ настоящее время тѣже, что и въ первую эпоху уральской исторіи.

Вся земля находилась въ общемъ и нераздѣльномъ пользованіи всѣхъ жителей занятой территоріи. Способы пользованія различными видами угодій были весьма разнообразны.

Мы постараемся возможно подробнѣе разсмотрѣть эти отношенія, такъ какъ, располагая весьма богатыми данными, мы имѣемъ здѣсь случай узнать всѣ особенности древнерусской формы поземельныхъ отношеній, названной нами волостной общиной.

Безъ всякаго сомнѣнія казаки принесли эту форму изъ Россіи, гдѣ она въ XVI вѣкѣ еще была распространена, осо-

бенно въ Новгородской области. Но на Уралѣ нераздѣльное пользованіе получило дальнѣйшее развитіе вслѣдствіе благопріятныхъ естественныхъ условій.

Въ первое время, какъ мы сказали, казаки занимались рыболовствомъ. Рыбный промыселъ и въ настоящее время составляетъ главнѣйшій источникъ ихъ благосостоянія. Раздѣлить рѣку на участки между станицами представляется совершенно невозможнымъ, не лишая всѣхъ жителей Урала, за исключеніемъ поселившихся у устьевъ рѣки, возможности жить рыболовствомъ.

Дѣло въ томъ, что рыба, подчиняясь естественному закону, весною направляется многочисленными, быстро слѣдующими другъ за другомъ косяками изъ моря въ Уралъ для метанія икры. Если бы рѣка была раздѣлена на участки постанично, то станицы, лежащія ближе къ устьямъ Урала и на прибрежьи Каспійскаго моря, главномъ рыбномъ бассейнѣ, оказались бы единственными обладательницами общаго богатства. Кромѣ того, для того чтобы достигнуть возможно полнаго вылова рыбы, казаки на всемъ пространствѣ рѣки должны производить ловлю по возможности въ одно время; въ противномъ случаѣ, при продолжительномъ періодѣ вылова, значительная часть рыбы можетъ снова возвратиться въ море за предѣлы области.

Желаніе избѣгнуть такихъ послѣдствій вызвало общее весеннее рыболовство, въ которомъ одновременно участвуетъ все населеніе Урала, и различныя мѣры для охраненія тишины.

Распредѣленіе такихъ угодій на станичные участки „также невозможно какъ по тѣсной связи поземельнаго пользованія съ рыбнымъ промысломъ, который въ такомъ случаѣ былъ бы парализованъ, такъ и по географическому положенію и мѣстнымъ климатическимъ условіямъ, вслѣдствіе коихъ незначительная часть войсковыхъ земель, и то только въ сѣверной полосѣ войска, удобна для хлѣбопашества; между тѣмъ какъ южная часть несравненно обширнѣйшая, но безводная и совершенно неудобная для воздѣлыванія по солонцеватому грунту, служитъ убѣжищемъ почти для всего войсковаго скотоводства во время суровыхъ зимъ. Обѣ эти мѣстности, такъ сказать,

дополняютъ одна другую. Каждая представляетъ въ данное время свои удобства, составляющія общую нераздѣльную принадлежность всего населенія войска".

„Распредѣленіе земельныхъ угодій на станичные надѣлы также представляется невозможнымъ, и угодья эти составляютъ общую нераздѣльную принадлежность всего населенія войска. По причинѣ плохаго качества войсковыхъ земель, удобныхъ для распашки, дороговизны рабочихъ рукъ, часто повторяющихся неурожаевъ отъ засухъ, и въ видахъ развитія хлѣбопахатнаго хозяйства, войсковымъ обывателямъ предоставляется производить распашку земель подъ хлѣбъ, овощи, овесъ и пр., въ томъ числѣ десятинъ, какое каждый изъ нихъ по состоянію своему распахать можетъ; при чемъ наблюдается только, чтобы распашка не производилась въ сотовариществѣ съ лицами не войсковаго сословія, или изъ части засѣяннаго хлѣба въ мѣстахъ луговыхъ, засѣянныхъ или засаженныхъ лѣсомъ и запущенныхъ подъ лѣсъ, а также въ мѣстахъ, назначенныхъ для выгоновъ"... (Сообщеніе въ государственный совѣтъ изъ главнаго управленія иррегулярныхъ войскъ 31 октября 1875 г. Посниковъ, Общинное землевладѣніе, II, стр. 64). Въ первое время этихъ ограниченій, составляющихъ необходимое слѣдствіе возрастанія населенія, не существовало: каждый могъ пахать землю въ томъ количествѣ, какое находилъ нужнымъ, и на любомъ мѣстѣ незанятой общинной земли.

Впрочемъ, при меньшемъ развитіи общинныхъ наклонностей, всѣ эти природныя препятствія не удержали бы колонистовъ отъ раздѣла на землю не только на станичные, но и на подворные участки.

Переходя къ разсмотрѣнію способовъ пользованія каждымъ видомъ угодій отдѣльно, мы начнемъ съ рыболовства, какъ перваго по времени и главнаго промысла казаковъ.

Одни рыболовства, какъ напримѣръ, весеннее производятся сообща всѣмъ казачествомъ, другія же, преимущественно осеннія и зимнія, ведутся каждымъ отдѣльно, или же болѣе или менѣе значительными партіями и съ соблюденіемъ из-

вѣстныхъ правилъ, такъ какъ при безпорядочномъ ловѣ рыба могла бы быть распугана.

На первыхъ общихъ рыболовствахъ наблюдаютъ: во 1-хъ, чтобы отдѣльныя лица преждевременнымъ ловомъ не помѣшали входу рыбы въ Уралъ; во 2-хъ, чтобы каждый изъ желающихъ участвовать могъ во время приготовиться къ предстоящему рыболовству и записавшись въ одномъ мѣстѣ не могъ бы въ тоже время участвовать въ ловлѣ на другомъ, посредствомъ ли наемныхъ работниковъ или чрезъ довѣренныхъ и, наконецъ, въ 3-хъ, чтобы никто изъ отдѣльныхъ лицъ, начавши ловлю раньше другихъ или съ лучшими сравнительно съ остальными орудіями, не воспользовался лишними выгодами.

Для осуществленія этихъ требованій ежегодно точно назначается срокъ начала и окончанія лова, издаются правила относительно рода орудій лова, движенія по рѣкѣ и т. д. Надзоръ за исполненіемъ этихъ правилъ, возлагается на рыболовныхъ атамановъ, которые прежде избирались самими казаками, а теперь назначаются войсковою канцеляріею.

Особенные смотрители слѣдятъ, чтобы никто не ловилъ въ запрещенное время и наблюдаютъ за движеніемъ рыбы и мѣстами наибольшаго скопленія ея (ятовями). Прежде это дѣлалось опытными рыболовами.

По времени года рыболовства располагаются такимъ образомъ. Съ вскрытіемъ льда начинается весеннее рыболовство: на морѣ—курхай, на рѣкѣ—севрюжья плавня—и на Черхальскомъ морцѣ. Въ началѣ іюня всякій ловъ прекращается до 15 августа, когда начинаются осенніе ловы на морѣ и въ рѣкахъ (осенній курхай, осенняя плавня, осенніе неводные ловы, осенніе побочные ловы). Въ ноябрѣ осенняя ловля оканчивается и наступаетъ снова перерывъ, продолжительность котораго зависитъ отъ времени замерзанія Урала. Послѣ того какъ ледъ укрѣпится, начинается ловля баграми въ прорубяхъ (багреніе), неводами подъ льдомъ (зимнее неводное), зимнее рыболовство въ Черхальскомъ морцѣ, въ обоихъ Узеняхъ, и ловля особенными сѣтями (аханами), на морѣ (аханное рыболовство).

Багренье и неводное рыболовство оканчиваются въ половинѣ января, черхальское и по узенямъ—1-го марта. Наконецъ, впродолженіи всей зимы съ ноября, по окончаніи осенней плавни, до послѣднихъ чиселъ марта производится по Уралу свободный ловъ рыбы.

Перечисленныя рыболовства явились на Уралѣ не въ одно время. Сначала, когда казаковъ было не много и они сосредоточивались въ Уральскѣ и его окрестностяхъ, существовали только рѣчныя рыболовства. Потомъ, когда на нижнемъ теченіи Урала былъ поселенъ правительствомъ драгунскій полкъ и устроенъ казенный учугъ и укрѣпленіе (сначала Устьяицкій городокъ, потомъ Гурьевъ) казаки, чтобы не лишиться рыбы, спустились внизъ по рѣкѣ, построили здѣсь для охраны границы двѣ крѣпости и завели рыболовлю въ устьяхъ рѣки и на прилегающей части моря: весеннее курхайское и зимнее аханное. Организація рыболовствъ весьма различна. Особенности ея находятся въ зависимости отъ орудій производства, времени возникновенія рыболовствъ и другихъ условій. Позднѣе явившіяся рыболовства отличаются отъ раннихъ менѣе равномѣрнымъ распредѣленіемъ выгоды промысла и большими ограниченіями свободы участвующихъ въ немъ.

Но вообще въ этомъ отношеніи всѣ рыболовства можно раздѣлить на четыре группы: плавныя, неводныя, багренье и рыболовства съ плавными сѣтями.

Плавныхъ рыболовствъ два: весенняя севрюжья плавня и осенняя. Первая производится на всемъ пространствѣ Урала— отъ Уральска до моря—на протяженіи 500 верстъ при участіи 6000 слишкомъ человѣкъ. Въ видахъ правильности лова, Уралъ раздѣленъ на нѣсколько частей,—рубежей,—границы которыхъ точно опредѣлены. Въ первый день вылавливается первый участокъ, во второй вся масса рыбачущихъ передвигается на слѣдующій рубежъ и т. д. На пространствѣ рубежа каждый можетъ выбирать любое мѣсто для ловли. Но будары должны быть установлены на избранныхъ мѣстахъ до начала лова, которое обыкновенно опредѣляется восходомъ солнца и о которомъ оповѣщается выстрѣломъ изъ пушки. Съ выстрѣ-

ломъ всѣ будары, стоящія до того времени въ линію на Самарскомъ берегу, вталкиваются сидящими на нихъ гребцами далѣе въ рѣку, причемъ каждый спѣшитъ занять намѣченное имъ мѣсто. Ровно въ часъ (прежде въ два) выстрѣломъ изъ пушки дается знать прекратить ловлю, послѣ чего бударки немедленно вытаскиваются на берегъ, и ихъ владѣльцы въ этотъ день уже не могутъ болѣе ловить, чтобы не лишить возможности получить долю въ добычѣ рыбачущимъ сзади или по какимъ либо причинамъ опоздавшихъ на общій ловъ. Установленіемъ такого порядка имѣли въ виду достигнуть наивозможнѣйшаго уравненія шансовъ.

Въ прежнее время надзоромъ за порядкомъ лова завѣдывали выборные атаманы, теперь онъ поручается лицамъ, назначаемымъ войсковою канцеляріею. Сущность обычныхъ правилъ, впрочемъ, осталась таже, хотя назначеніе срока ловли, опредѣляемаго канцеляріей, въ прежнее время, при участіи въ обсужденіи дѣла всѣхъ казаковъ, могло быть гораздоболѣе сообразовано съ условіями жизни рыбы и обстоятельствами самихъ казаковъ. Въ настоящее время ежегодно издается войсковымъ хозяйственнымъ правленіемъ, такъ называемое, „прочетное предписаніе" относительно порядка севрюжьяго рыболовства. [1])

---

[1]) Приведемъ для образца прочетное предписаніе 1872 г. «Хозяйственное правленіе журналомъ на 29 февраля положило:

1) Чтобы казаки, по примѣру прошлаго года, не ожидая вскрытія Урала отъ льда, выѣхали на севрюжье рыболовство 27-го марта и слѣдовали до того форпоста, гдѣ представится возможность и болѣе выгодъ спустить будары на Уралъ, по вскрытіи на немъ льда, но никакъ не выше Кругловскаго форпоста, дабы на ходу не могло застигнуть ихъ половодье. Рыболовство начать съ общаго согласія рыболововъ и производить по установленнымъ рубежамъ слѣдующимъ порядкомъ: на пути слѣдованія плавать только одинъ день съ восхода солнца до 1-го часа по полудни, на каждомъ рубежѣ, а потомъ въ слѣдующій день другой рубежъ также до полудня. Если на уборку наловленной рыбы на какомъ либо рубежѣ нужно будетъ остаться на другой день, то это разрѣшается; но ловить рыбу въ этотъ день воспрещается, дабы дать проходъ для казаковъ рыболовствующимъ выше рубежа. Находящіеся выше рубежа казаки, не ближе какъ однимъ форпостомъ выше отъ рубежа, т. е. за одни «промежки», могутъ рыбачить съ восхода до заката солнца. Такимъ порядкомъ слѣдо-

Одновременно съ севрюжьей плавней въ Уралѣ производится курхайское рыболовство на Каспійскомъ морѣ. Для уравненія

вать до Гурьева, гдѣ, согласно заявленія одѣланнаго въ прошломъ году въ присутствіи хозяйственнаго правленія и во время самаго рыболовства начальникамъ онаго казаками, рыболовствующими вверху отъ рубежныхъ, если такое заявленіе повторится и во время нынѣшняго рыболовства большинствомъ сихъ заднихъ рыболововъ,—избрать указываемое ими мѣсто рубежа, выше Гурьева и ниже мѣстности, т. назыв., «дворянской сармы», на бывшемъ рубежѣ осенняго неводнаго рыболовства остановиться и, смотря по ходу рыбы изъ моря, продолжать ловъ рыбы чрезъ день на одномъ мѣстѣ, но отнюдь не каждодневно.

Потомъ, судя по времени и состоянію погоды, какъ признаютъ удобнымъ промышленники, дозволяется имъ выѣзжать на прибрежье моря. Здѣсь какъ въ устьяхъ и противъ устьевъ Урала, такъ въ ильменяхъ, заливахъ, прорanахъ и вообще въ мѣстахъ по берегу моря севрюжинникъ могутъ ловить рыбу порядкомъ прежнимъ, т. е., гдѣ кто какими снастями пожелаетъ, кромѣ крючьевъ и распорныхъ неводовъ, но никакъ не далѣе перваго числа іюня. Съ наступленіемъ этого числа рыболовство прекращается, а море и Уралъ должны быть свободны для выхода рыбы въ плавенныя и багренныя мѣста. Во время севрюжнаго рыболовства, дозволяется по всей линіи желающимъ казакамъ рыбачить въ Уралѣ позади войска (севрюжниковъ) прежнимъ порядкомъ, положенной мѣры сѣтьми, но при этомъ отнюдь не употреблять обметовъ, неводовъ и погоняевъ.

2) Курхайскимъ промышленникамъ дозволяется выѣзжать на прибрежье моря для рыболовства вмѣстѣ съ севрюжниками, но рыбачить здѣсь не иначе какъ въ бударкахъ и съ такимъ числомъ сѣтей, какъ севрюжники.

3) Дозволить желающимъ казакамъ, какъ только съ открытіемъ весны представится возможность ловить чорную рыбу по всѣмъ старицамъ и заливамъ по обѣ стороны Урала, начиная отъ Уральска и до Гурьева городка включительно, а также въ рр. Баксаѣ, Чорной и Сарочинскѣ; но рыбачить собственно въ Уралѣ, впереди севрюжниковъ, воспрещается подъ отвѣтственностью строгаго взысканія по законамъ, какъ за потаенное рыболовство. Наблюденія за неприкосновенностью Урала впереди севрюжниковъ полагается на станичныхъ и форпостныхъ начальниковъ, кои обязаны, во все это время, лично сами, или чрезъ особо командированныхъ урядниковъ, дѣлать разъѣзды днемъ и въ особенности ночью; точно также должны дѣлать разъѣзды и послѣ въ указанныхъ каждому районахъ. Главнѣйшая отвѣтственность за всякое послабленіе возлагается на станичныхъ начальниковъ; а потому они должны объявить на сходкахъ казакамъ, чтобы они не подъѣзжали къ Уралу съ рыболовными снастями до прихода севрюжниковъ; въ случаѣ появленія кого либо изъ нихъ, отнюдь не допускать таковыхъ къ рыболовству и задерживать если это окажется нужнымъ, конфискуя у нихъ снасти и составляя извѣстнымъ

выгодъ, курхайскимъ промышленникамъ дозволяется ловить на бударахъ и такимъ же числомъ сѣтей, какъ и севрюжники. Совершенно на иныхъ основаніяхъ ведется осенняя плавня.

порядкомъ, протоколы, или производя дознанія, которыя предварительно представлять въ хозяйственное правленіе.

Переѣзды чрезъ Уралъ со снастями для рыболовства въ «чорныхъ водахъ» на за-уральской сторонѣ дозволяется казакамъ дѣлать подъ самыми форпостами, подъ надзоромъ смотрителей водъ (полфесовщиковъ).

4) Желающіе рыбачить по Уралу, старицамъ и заливамъ, отъ Уральска до Яманхалинскаго форпоста, могутъ производить рыболовство, какъ только проплывутъ севрюжники и какъ только представится къ тому возможность; при чемъ въ теченіи 14 дней (исключ. праздниковъ) дозволяется употреблять невода, какъ это и было уже объявлено; по окончаніи же этого срока рыболовство въ Уралѣ продолжать собственно только одними плавными сѣтьми, а обметовъ и неводовъ уже не употреблять.

5) Чтобы дать случай севрюжникамъ окончить рыболовство въ Уралѣ до его разлива, предоставить праздникъ Пасху праздновать только въ первые 3 дня, а послѣдніе дни рыбачить; но если бы казаки пожелали праздновать всю Пасху, то это дозволить, но только тогда, когда по спросу начальникамъ севрюжьяго рыболовства изъявитъ на это согласіе большинство рыболовствующихъ казаковъ, и тогда на это время рыболовство прекращается; когда же большинство будетъ за противное, то прекращается рыболовство только на первые 3 дня; затѣмъ остальные могутъ праздновать всю Пасху и должны слѣдовать «съ бойкомъ» по рубежамъ, согласно данной начальникамъ инструкціи.

6) Начальникамъ севрюжьяго рыболовства и писарю, въ вознагражденіе трудовъ, предоставить дѣлать въ свою пользу на каждомъ рубежѣ, по окончаніи общаго лова, по расплаванному мѣсту, отнюдь не болѣе, какъ первымъ двоимъ по 15 плавковъ каждому, а послѣднему по 3 плавка въ 1 разъ, безъ протяжки времени, и чтобы положенные плавни сдѣланы были безъ малѣйшаго промедленія, т. е., тотчасъ по окончаніи казаками лова рыбы или повѣстки подъ опасеніемъ, за отступленіе строжайшаго взысканія; причемъ вмѣнить начальникамъ рыболовства въ обязанность ни подъ какимъ предлогомъ, по окончаніи срочныхъ часовъ, назначенныхъ къ общему лову на рубежѣ, не дѣлать плавковъ въ видѣ «пробы», вообще же соблюдать общій строгій порядокъ въ плавнѣ, какъ на рубежѣ, такъ и внѣ онаго.

7) Начальникомъ севрюжьяго рыболовства назначается войсковой старшина и сотникъ.

Хозяйственное управленіе предписываетъ станичнымъ начальникамъ объявить это прочетное предписаніе жителямъ на сходкахъ въ вѣдомствѣ каждаго.

Осенью рыба располагается по ятовямъ, мѣста которыхъ напередъ извѣстны. Чтобы предупредить уходъ рыбы, ятови предварительно запираются переставами. Въ видахъ возможно полнаго уравненія шансовъ, ловля начинается съ удара, по командѣ. Когда бударки уже въ водѣ, рыболовный атаманъ отводитъ ихъ на нѣкоторое разстояніе отъ ятови гурьбою, не позволяя никому выплывать впередъ своей лодки и затѣмъ отплываетъ въ сторону, послѣ чего сейчасъ же начинается гонка. Всякій старается гресть изъ всѣхъ силъ. Бывали случаи, говоритъ Данилевскій, что здоровые, сильные и привычные къ работѣ казаки загребались до обморока. Цѣль каждаго достигнуть прежде другихъ ятови, чтобы успѣть вычерпать изъ нея какъ можно больше рыбы до прихода остальныхъ. Выловивши одну ятовь, казаки также въ перегонку направляются къ другой, дѣлая, такимъ образомъ, по техническому выраженію «второй ударъ». Чрезъ день назначаются «дневки»,— отдыхъ, во время котораго казаки продаютъ свою добычу идущимъ вслѣдъ за ловцами промышленникамъ. Неравномѣрность количества рыбы въ разныхъ ятовяхъ уравновѣшивается соотвѣтственнымъ увеличеніемъ или уменьшеніемъ числа рыбаковъ, что достигается взаимнымъ соглашеніемъ. Работниковъ изъ постороннихъ не допускаютъ, изъ казаковъ ихъ не можетъ явиться, такъ какъ каждый изъ нихъ участвуетъ въ ловлѣ на равныхъ правахъ съ другими. Подобный же порядокъ ловли существуетъ на сѣверѣ Россіи (Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ россіи, гл. XI). и въ другихъ мѣстностяхъ.

Багренье, напротивъ, составляетъ исключительную принадлежность уральскаго края. Это едвали не самое древнее рыболовство. Покрайней мѣрѣ, порядокъ, какимъ оно производится, могъ возникнуть только при чрезвычайномъ обиліи рыбы. Въ настоящее время порядокъ этотъ невыгоденъ и удерживается лишь по привычкѣ. Подобно плавнямъ багренье производится по рубежамъ и раздѣляется на большое и малое. Въ концѣ декабря или началѣ января назначается атаманомъ день, въ который съ опредѣленныхъ мѣстъ должна начаться ловля баграми. Наканунѣ лова къ этимъ мѣстамъ собираются

всѣ служащіе казаки, въ числѣ 7000 и болѣе человѣкъ, каждый съ длиннымъ, иногда саженъ въ 10, багромъ и пешней. На берегу у каждаго есть лошадь и сани подъ присмотромъ кого либо изъ семьи для перевозки рыбы. Предъ началомъ ловли, казаки становятся на берегу, каждый на выбранномъ имъ мѣстѣ. До знака никто не можетъ ступить на рѣку. Но лишь только раздается выстрѣлъ, всѣ бросаются на ледъ, каждый старается какъ можно скорѣе пробить прорубь, и все пространство ятови—около версты длины и 50 саженъ ширины—въ нѣсколько минутъ принимаетъ видъ рѣшета. Рыбу подцѣпляютъ баграми. Разбагривши одну ятовь и перенеся пойманную рыбу на сани, отправляются на слѣдующую, и такъ до конца рубежа. Для уравновѣшиванія шансовъ при такомъ способѣ ловли, при которомъ физическая сила и случайность даютъ большія преимущества, а также съ цѣлію взаимной помощи при ловлѣ крупной рыбы (бѣлуги или осетра) багренщики организуются въ артели, отъ 6 до 15 человѣкъ каждая, члены которыхъ дѣлятъ между собою добычу, большею частью, поровну.

Заведенное съ самыхъ первыхъ дней колонизаціи Урала, устроенное на справедливыхъ началахъ и доступное всѣмъ, благодаря дешевизнѣ требуемыхъ орудій (багра и пешни),—багренье до настоящаго времени составляетъ наиболѣе любимый промыселъ казаковъ.

Чѣмъ позднѣе возникало то или другое рыболовство и чѣмъ сложнѣе и дороже орудія, необходимыя для производства, тѣмъ его организація болѣе уклоняется отъ общинной. Причина этого заключается въ общихъ условіяхъ, препятствовавшихъ общинному началу прогрессировать въ равной степени съ развитіемъ потребностей. Орудія производства въ русской общинѣ всѣхъ типовъ составляютъ индивидуальную собственность,—тоже самое и на Уралѣ. Это открыло доступъ капиталистическому элементу, хотя его проявленія неизбѣжно ограничиваются извѣстными предѣлами, установленными обычаемъ. Типическимъ примѣромъ смѣшанной организаціи можетъ служить осеннее неводное рыболовство. Невода для него преобрѣтаются казаками или отдѣльно или артелями на опредѣ-

ленныхъ обычаемъ условіяхъ. Отдѣльные владѣльцы неводовъ отдаютъ ихъ въ пользованіе также на основаніи установленныхъ правилъ. Всѣ неводныя артели (въ 6 человѣкъ каждая) распредѣляются по пескамъ (мѣста, представляющія удобства для вытаскиванія невода на берегъ). Такихъ песковъ, имѣющихъ каждый особое названіе, на пространствѣ осенняго неводнаго лова насчитывается болѣе 20. Чтобы успѣть закинуть свой неводъ какъ можно большее число разъ, каждая артель торопитъ свою предшественницу, и начальникъ рыболовства слѣдитъ за безостановочнымъ ходомъ неводовъ, подвергая штрафу виновныхъ въ умышленно-медленной тягѣ. На третьи сутки дѣлается отдыхъ для дѣлежа и посола рыбы, послѣ чего посредствомъ жребія измѣняется порядокъ артелей для тяги. Такой перемѣной стараются достигнуть возможно полнаго уравненія шансовъ улова. Къ мѣсту болѣе уловистому приписывается и болѣе артелей, такъ что каждой приходится тянуть здѣсь рѣже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Рыба, вытянутая артелью, принадлежитъ исключительно ей, и распредѣляется между приписанными къ артели такимъ образомъ, что каждый изъ участвующихъ, будутъ ли то казаки или иногородние, получаютъ по паю. Хозяинъ невода, если онъ участвуетъ въ ловлѣ, что бываетъ почти всегда, получаетъ также пай, и, кромѣ того 5 паевъ на неводъ. Въ противоположность багренью, здѣсь даются большія доли участвующимъ въ ловлѣ офицерамъ. При личномъ участіи оберъ-офицеры получаютъ 2 пая, штабъ-офицеры 3; иногородные работники, нанимаемые ими въ большемъ противъ остальныхъ казаковъ числѣ, берутъ также больше паевъ, чѣмъ другіе.

На зимнемъ неводномъ ловѣ рыбачущіе соединяются въ пять группъ, по числу пяти участковъ, на которые раздѣляется районъ ловли. Приписанные къ одному участку группируются въ неводныя артели. Во всѣхъ участкахъ, тяга производится одновременно, такъ какъ эти участки занимаютъ пространство въ нѣсколько верстъ. Способъ распредѣленія добычи имѣетъ цѣлью достигнуть полнаго равенства. Въ предупрежденіе ухода рыбы каждый изъ пяти участковъ заграждается на верхней и нижней границахъ переставами, такъ что

ловъ производится какъ бы въ сажалкѣ, въ которую изъ другихъ участковъ рыбы не можетъ зайти. Понятно, что артель, получившая невыгодное мѣсто, была бы въ проигрышѣ сравнительно съ другими. Въ предупрежденіе такого неравенства, уловъ всѣхъ неводовъ складывается въ общія кучи, называемыя *урсами*, которыя затѣмъ и распредѣляются поровну. Впрочемъ, и здѣсь начальники пользуются привилегіей: они получаютъ, безъ различія чина, по 2 пая. Въ виду большей дороговизны зимнихъ неводовъ и большей возможности для нихъ подвергнуться порчѣ отъ кочекъ на днѣ, хозяинъ невода получаетъ здѣсь не 5 паевъ, какъ на предыдущемъ рыболовствѣ, а 6. Число рыбачущихъ однимъ неводомъ ограничено и не можетъ превышать 14 человѣкъ. Очень можетъ быть, что такимъ ограниченіемъ старались предупредить введеніе слишкомъ большихъ и дорогихъ неводовъ, при которыхъ выгоды, распредѣляющіяся теперь между многими владѣльцами неводовъ, доставались бы лишь немногимъ и даже одному.

На тѣхъ же началахъ организовали казаки ловлю и во всѣхъ другихъ бассейнахъ своей области, если только эта ловля представляетъ выгоды.

Въ Черхальскомъ морцѣ ловля производится съ 4-хъ пунктовъ, на которые казаки сходятся изъ разныхъ краевъ партіями не менѣе 10 человѣкъ въ каждой. Чрезъ Уралъ всѣ они переправляются въ извѣстный день. Зимній черхальскій ловъ отличается употребленіемъ при немъ большихъ неводовъ, достигающихъ при пятисаженной ширинѣ до $2^1/_2$ верстъ длины. Невода закидываются съ средины озера, верстахъ въ 7 отъ берега, къ которому тянутъ ихъ лошадьми при помощи ворота. Чтобы уравнять выгоды, участвующіе „измѣряютъ веревками мѣста вокругъ озера, противъ которыхъ ледъ гладокъ, и всѣ эти удобныя мѣста дѣлятъ такъ, чтобы на каждыя 100 саженъ совокупной длины всѣхъ неводовъ приходилось по участку равной длины, послѣ чего мечутъ жеребій о мѣстахъ для каждаго невода“ (Данилевскій, Уральское рыбное хозяйство). На одинаковую длину невода приходится всегда равное число ловцовъ.

Невода отдаются ихъ владѣльцами въ пользованіе арен-

дямъ на такихъ условіяхъ, что на каждыя 100 саженъ хозяинъ получаетъ 6 паевъ, такъ что, наприм., владѣлецъ невода въ 1,600 саженъ (самый большой неводъ въ 1852 г.) могъ получать, не участвуя въ работѣ, въ 80 разъ больше, чѣмъ всякій другой казакъ.

При ловахъ въ заморныхъ старицахъ ¹), изъ которыхъ однѣ находятся въ общемъ пользованіи цѣлаго войска, другія принадлежатъ отдѣльнымъ форпостамъ, лицо, взявшее на себя трудъ запирать старицу, въ вознагражденіе или получаетъ опредѣленное по взаимному соглашенію число паевъ или предъ замыканіемъ старицы собираетъ извѣстную сумму пропорціонально количеству паевъ, получаемыхъ каждымъ, такъ что, напр., владѣльцы неводовъ и офицеры платятъ больше другихъ. Хозяевамъ неводовъ даютъ по 5-ти паевъ, но чтобы сократить количество хозяйскихъ паевъ, принято не допускать на каждой старицѣ болѣе 4-хъ неводовъ.

Въ мелкихъ рѣкахъ и озерахъ ловъ вполнѣ свободенъ: каждый можетъ ловить сколько и когда хочетъ.

Можно, такимъ образомъ, согласиться съ Данилевскимъ, что возможно равномѣрное пользованіе выгодами промысла для всѣхъ казаковъ составляетъ характеристическую черту уральскихъ рыболовствъ. Равномѣрность эта достигается различнымъ способомъ сообразно съ условіями рыбной ловли. Привиллегіи ранга и капитала ограничены весьма тѣсными предѣлами.

Но въ нѣкоторыхъ изъ этихъ рыболовствъ, напримѣръ въ Черхальскомъ, уже замѣтно уклоненіе отъ общинной системы распредѣленія. Уклоненія эти еще значительнѣе въ морскихъ рыболовствахъ: аханномъ, курхайскомъ и прибрежномъ. Интересы большинства здѣсь принесены въ жертву немногимъ богачамъ. Рыболовства эти были установлены въ 1816 году войсковымъ начальствомъ по ходатайству нѣсколькихъ богатыхъ и чиновныхъ лицъ, не смотря на общій протестъ остальныхъ казаковъ, такъ какъ морскія рыболовства препятствуютъ входу рыбы въ

¹) Водовмѣстилища, имѣющія въ отличіе отъ рукавовъ лишь одно соединеніе съ Ураломъ и запираемыя съ началомъ убыванія воды.

рѣку, а пользоваться ими по дороговизнѣ имѣютъ возможность только богатые.

Разсмотрѣніе морскихъ рыболовствъ, неизвѣстныхъ въ періодъ самостоятельнаго существованія Уральскаго казачества и установленныхъ безъ его участія, выходитъ изъ предѣловъ нашей задачи.

Вторымъ по важности промысломъ Уральскихъ казаковъ было и есть скотоводство. Пользованіе сѣнокосами и пастбищемъ организовано было совершенно на тѣхъ же началахъ свободы и равенства, какъ и пользованіе водами для рыбной ловли. Эта организація остается неизмѣнной, и въ настоящее время представляется въ такомъ видѣ. Всѣ сѣнокосныя мѣста состоятъ въ вольномъ общемъ и нераздѣльномъ пользованіи, но въ однихъ мѣстахъ,—по рѣкѣ Уралу и вообще богатымъ травою лугамъ,—эта свобода ограничена извѣстными обычными правилами, въ другихъ же—по залежамъ, степямъ и вообще удаленнымъ мѣстамъ — пользованіе неподчинено никакимъ ограниченіямъ. Въ первыхъ мѣстностяхъ сѣнокосъ производится всѣмъ войскомъ въ одно время и въ извѣстный срокъ, заранѣе опредѣляемый чрезъ прочетныя предписанія войсковымъ правленіемъ, раньше котораго никто не можетъ выходить на косьбу подъ опасеніемъ лишиться права на участіе въ сѣнокосѣ; наемные рабочіе или совсѣмъ не допускаются здѣсь или число ихъ ограничено по степенямъ званій [1]). Въ мѣстностяхъ вольнаго сѣнокоса каждый можетъ косить, гдѣ и сколько хочетъ.

Общее войсковое сѣнокошеніе производится три раза.

Около 10 мая начинается ковыльное сѣнокошеніе. Число рабочихъ для него не опредѣляется и зависитъ отъ личнаго усмотрѣнія каждаго. Передача правъ на ковыльное сѣнокошеніе постороннимъ, подобно передачѣ другихъ древнихъ правъ на пользованіе угодьями, строго запрещается подъ угрозой штрафа.

---

1) Служилымъ командамъ: пожарной, подводной, которыя не могутъ отлучаться отъ мѣста службы, а также киргизамъ отводится извѣстное пространство луговъ, но въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ.

Второе сѣнокошеніе, извѣстно подъ именемъ обволечнаго, начинается также въ опредѣленный день и производится по всѣмъ мѣстамъ, не входящимъ ни въ ковыльный, ни въ общій валовой сѣнокосъ. Здѣсь позволяется имѣть рабочихъ изъ иногородныхъ, но въ первые 6 дней въ ограниченномъ числѣ — отъ 2 до 10 соотвѣтственно рангамъ.

Третье сѣнокошеніе, называемое валовымъ, производится по созрѣваніи луговыхъ травъ, на протяженіи р. Урала отъ илецкихъ дачъ до Кожехаровской редавки и по рр. Деркулу и Иртеку. Число рабочихъ опредѣляется на тѣхъ же основаніяхъ, что и при обволькѣ, но въ первые три дня, если сѣна уродилось мало, казаки обязаны косить лично.

Чтобы дать понятіе о самомъ порядкѣ сѣнокошенія приводимъ описаніе его въ одной мѣстности области, (Уральскія войсковыя вѣдомости, 1872, № 23). Не смотря на полный просторъ, открывающійся свободнымъ дѣйствіямъ каждаго, на отсутствіе всякаго надзора за косцами и, быть можетъ, именно вслѣдствіе отсутствія внѣшняго контроля, косьба производится въ порядкѣ и съ соблюденіемъ требованій справедливости. «Накануне назначеннаго дня всѣ казаки съ своими рабочими, съ орудіями промысла и съ провизіей выѣзжаютъ въ луга, высматриваютъ доброкачественную траву, окидывая взглядомъ пространство гдѣ намѣреваются остановиться косить, чтобы узнать, на сколько дней достанетъ покосить травы (главная забота, чтобы достало на первый день). Потомъ каждый смотритъ на своихъ сосѣдей, соображая насколько близко или далеко отъ него расположились эти сосѣди, кто они и какое число у каждаго изъ нихъ рабочихъ (рядовому казаку полагается имѣть не болѣе 2 работниковъ, уряднику — 3, оберъ-офицеру — 4, маіору, подполковнику — 8, полковнику — 12, генералу — 15). Выбравши мѣстность, казакъ ставитъ свою телѣгу, раскидываетъ бѣлый пологъ, — защиту отъ назойливыхъ комаровъ. Это означаетъ его *станъ*. Во время сѣнокоса вы увидите на необозримомъ пространствѣ раскиданныя бѣлыя точки, какъ нѣкогда печенѣжскія вѣжи, съ тою разницей, что эти бѣлыя станы разсыпаны рѣдко, на порядочномъ разстояніи другъ отъ друга. Представьте при этомъ, что подобныя же точки разсы-

паны на протяженіи 700 верстъ по лѣвой сторонѣ Урала. Наканунѣ дня сѣнокоса, еще далеко до заката солнца уже всѣ расположены станами; засвѣтло всѣ поужинаютъ, чтобы послѣ небольшаго отдыха, приняться за работу. Представьте тишину ночи, прерываемую крикомъ ночной совы и храпомъ сладко поѣвшихъ и еще слаще заснувшихъ рабочихъ. Повидимому все спокойно, но въ дѣйствительности всѣ казаки-хозяева, лежащіе въ пологахъ, находятся въ сильномъ волненіи. Ни одинъ казакъ не спитъ въ эти часы: каждый думаетъ, какъ бы не прозѣвать, какъ бы его не обкосилъ сосѣдъ: до сна ли тутъ? Съ напряженнымъ вниманіемъ вслушивается каждый въ ночную тишину... Вдругъ чуткій слухъ казаковъ поражается отдаленнымъ, измѣнническимъ шорохомъ косы о траву... Всѣ вскакиваютъ, какъ бѣшеные, толкаютъ рабочихъ, и въ одну минуту всѣ на ногахъ, за работой. И идетъ гулъ въ темнотѣ, будто земля стонетъ.

Казакъ-хозяинъ, въ какомъ бы возбужденномъ состояніи онъ ни находился, не теряетъ сообразительности стратега: онъ отряжаетъ одного работника въ одну сторону, другаго въ другую, указываетъ имъ направленіе, по которому слѣдуетъ вести прокосъ, а самъ бѣжитъ въ третью сторону, чтобы также провести завѣтную межу острой косой. Если казакъ успѣлъ ограничить прокосами со всѣхъ сторонъ квадратъ или неправильный многоугольникъ, все равно,—онъ доволенъ: онъ очертился магическимъ кругомъ, за который не переступитъ къ нему ни одинъ жадный сосѣдъ; тогда, обмежеванное сильной рукой, пространство дѣлается его неотъемлемой собственностью; тогда онъ коситъ какъ у себя дома, а не какъ на общественной землѣ.

Но бываютъ и промахи. Если казакъ почему либо замѣшкался, то смѣтливый сосѣдъ обкоситъ его. Напримѣръ, если прозѣвавшій предполагаетъ выкосить межу въ видѣ буквы П, то сосѣдъ можетъ поставить ему въ предполагаемомъ П букву Л, а то, пожалуй, ухитриться вырѣзать и букву М. Тогда затѣвается споръ, ссора, а иногда и драка. Но такъ какъ каждая минута времени для спорщиковъ дорога, то хозяйственный разсчетъ заставляетъ прекратить ссору, и враги

расходятся для продолженія косьбы. Прозѣвавшій казакъ изъ своего H не смѣетъ, однакожъ, исключить сосѣдской M; еслибы первый, вслѣдствіе темноти ночи, и сдѣлалъ неумышленное покушеніе на выкройку послѣдняго, то но утру это разберется и опредѣлится съ математической точностью. Вотъ это-то и называется *обкосить*.

Если въ урожайный годъ травы густы и обильны, пространства травеня обширны, слѣдовательно, всякому мѣста довольно, то обкашиванія не бываетъ *); но когда при скудной травѣ станы тѣснятся на небольшомъ разстояніи, тогда азартъ переступаетъ границы: обкашиваніе идетъ всеобщее. По темнотѣ ночи и торопливости въ работѣ, путаница обкосныхъ линій выходитъ ни на что не похожа. Какъ только солнце порядочно взойдетъ и рабочіе пойдутъ завтракать, хозяева сходятся разбирать путаницу ночной лукавой работы. Не всякій охотникъ можетъ по слѣдовымъ петлямъ выслѣдить зайца, но всякій казакъ можетъ разобрать кто, что́ и гдѣ скосилъ, по паденію прокосной травы, по едва замѣтнымъ чертамъ неизбѣжно остающейся травы отъ взмаха косы и пр. Не смотря на это приглашаются эксперты изъ казаковъ, не заинтересованныхъ въ дѣлежѣ скошенной травы. Они-то, разсмотрѣвъ сѣнокосные гіероглифы, рѣшаютъ споръ своимъ окончательнымъ приговоромъ, на который апеляціи не бываетъ, потому что приговоренные и сами хорошо знаютъ правильность разбирательства. Послѣ этого у спорщиковъ вражды какъ не бывало, и при огребаніи сѣна ни одной травинки не будетъ присвоено изъ за чужихъ межей».

При валовомъ сѣнокосѣ выбираются депутаты на мѣстѣ, предъ началомъ покоса, въ каждомъ селеніи отъ 3 до 4-хъ. На обязанности ихъ лежитъ наблюденіе за соблюденіемъ обычныхъ правилъ и прекращеніе злоупотребленій.

Малолѣткамъ, старикамъ и больнымъ предоставляется посылать за себя рабочихъ.

---

*) Около Уральска вслѣдствіе относительной недостаточности покосовъ обкашиваніе обыкновеннѣе, чѣмъ въ другихъ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ области.

Что касается до пастбищъ, то часть ихъ отведена въ отдѣльное пользованіе селеній, другая же,—гораздо большая—находится въ вольномъ и нераздѣльномъ пользованіи всей общины.

Способы пользованія общими войсковыми пастбищами носятъ на себѣ слѣды борьбы двухъ началъ: равенства и привилегіи. Скотоводство получило значительное развитіе лишь въ недавнее время, съ возрастаніемъ спроса на его продукты (сало), когда распоряженіе угодьями стало зависѣть отъ войсковаго правленія, находившагося подъ вліяніемъ чиновныхъ и богатыхъ казаковъ. Казаки эти незамедлили захватить въ свои руки новый промыселъ, обѣщавшій при даровомъ пользованіи общинными пастбищами громадный доходъ. Не имѣя возможности захватить въ свое исключительное пользованіе пастбища de jure, они послѣ долгихъ споровъ достигли этого de facto.

Въ настоящее время всѣмъ казакамъ дозволяется имѣть на войсковой землѣ *безпошлинно* лишь опредѣленное число головъ, за излишній же скотъ берется пошлина, называемая акцизомъ, въ пользу войска. Размѣры этой пошлины измѣнялись нѣсколько разъ и были предметомъ постоянныхъ споровъ между массою населенія, занимающеюся мелкою скотопромышленностью, съ одной стороны, и крупными торговцами скота, къ числу которыхъ принадлежали и нѣкоторые войсковые чиновники, съ другой. Въ послѣднее время остановились на слѣдующей нормѣ: лица войсковаго сословія, безъ платежа акциза, могутъ имѣть на войсковыхъ земляхъ: штабъ-офицеры—1,500 барановъ и 210 штукъ рогатаго скота, оберъ-офицеры—1,000 штукъ перваго и 210 втораго, простые казаки и малолѣтки, несущіе повинности, по 500 барановъ и 70 штукъ рогатаго скота. За каждую голову сверхъ этого количества берется акцизъ (10 коп. съ штуки рогатаго скота и 4 к. съ барана въ зимнее время и столько же въ лѣтнее, если табуны будутъ допущены на сѣверныя хлѣбопахатныя полосы). За лошадей пошлины не берется. Передача права на безденежное довольствіе опредѣленнаго каждому количество скота безусловно запрещена. Пастьба скота допускается въ любой

мѣстности средней и южной полосъ, за исключеніемъ хлѣбопахатныхъ и сѣнокосныхъ мѣстъ, выгоновъ вокругъ селеній и скотопрогонныхъ дорогъ; но допускъ скотопромышленниковъ въ хлѣбопахатную (сѣверную) полосу во время лѣта зависитъ отъ усмотрѣнія войсковой канцеляріи, такъ какъ бываютъ годы, когда, вслѣдствіе неурожая травы на лугахъ, необходимо оберегать степи для сѣнокоса. Въ случаѣ потравы хлѣба потерпѣвшимъ выдается вознагражденіе изъ особой суммы, составляющейся изъ акциза съ скотопромышленниковъ за право пастьбы въ хлѣбопахатной полосѣ.

Строго вникая въ духъ этихъ постановленій, говоритъ г. Рябининъ, нельзя сказать, чтобы права общиннаго пользованія были уравновѣшены ими въ одинаковой степени между всѣми и чтобы они не допускали злоупотребленій. „Въ самомъ дѣлѣ возможна ли конкурренція между крупными и мелкими скотопромышленниками? Если налагаемый акцизъ на излишнее количество скота, обязательный для всѣхъ и снимаетъ до нѣкоторой степени обвиненіе въ покровительствѣ богатымъ торговцамъ, то онъ, по самой ничтожности своей, не представляетъ никакихъ обеспеченій мелкимъ торговцамъ для дальнѣйшаго развитія своей торговли. Въ этомъ можно убѣдиться наглядно. Положимъ, что самый богатый изъ промышленниковъ имѣетъ сверхъ положеннаго 25 т. барановъ и 8 т. штукъ рогатаго скота; по закону онъ платитъ за нихъ не болѣе 1,800 р. акциза,—сумма для него нисколько не стѣснительная, потому что наемъ сгонныхъ мѣстъ или степей въ сосѣднихъ уѣздахъ обошелся бы ему дороже и ни въ какомъ случаѣ не дешевле; а между тѣмъ, содержа свой скотъ на войсковыхъ земляхъ подъ рукою, онъ безостановочно ведетъ свои операціи оптомъ, стѣсняетъ мелкихъ скотопромышленниковъ, повышаетъ и понижаетъ цѣны на ихъ товаръ почти по произволу. Допускъ въ хлѣбную полосу въ лѣтнее время въ особенности выгоденъ для богатыхъ скотопромышленниковъ, во первыхъ потому, что кормовыя травы здѣсь несравненно лучше, а слѣдовательно скотъ скорѣе нагуливается, бываетъ жирнѣе и сбывается выгоднѣе; во вторыхъ, въ этой мѣстности нѣтъ казаковъ скотопромышленниковъ, а

мелкій торговецъ скотомъ на нижней и средней дистанціи не погонитъ сюда скота, по неимѣнію средствъ на наемъ лишнихъ пастуховъ, на взносъ денегъ въ обезпечивающій капиталъ и пр. Такимъ образомъ, на дѣлѣ богатые скотопромышленники остаются полными хозяевами этихъ мѣстъ".

Запрещеніе передавать право на безденежное содержаніе скота, въ сущности, не болѣе какъ фраза, такъ какъ законъ можно всегда обойти. Кто можетъ доказать, что скотъ, записанный на имя какого нибудь казака или малолѣтняго сироты, или вдовы-казачки принадлежитъ не имъ, а родственнику ихъ, какому нибудь богатому скотопромышленнику? Вѣдь на это нѣтъ никакихъ юридическихъ доказательствъ. А между тѣмъ незаконное пользованіе общественнымъ достояніемъ лишаетъ общество значительнаго дохода.

Земледѣліе въ Уральской области развилось съ 30 годовъ нынѣшняго столѣтія [1]), когда явилась возможность сбывать хлѣбъ въ Самару и когда переселенцы изъ внутреннихъ губерній въ сосѣдній Бузулуцкій уѣздъ стали наниматься въ работники къ казакамъ. Прежде всего стали заводить его чиновники и зажиточные казаки. Но и въ настоящее время распахивается незначительная часть всей годной къ обработкѣ земли (40 тыс. десят. изъ 550 тыс.). Однакожъ, въ виду быстраго истощенія рыболовства, земледѣліе въ скоромъ времени должно сдѣлаться господствующимъ занятіемъ. Этимъ объясняется та горячность, съ которою обсуждаются въ настоящее время на Уралѣ различныя предположенія относительно болѣе равномѣрнаго пользованія землею для хлѣбопашества (напр., проектъ Жигалина). Пользованіе пахатной землей въ прежнее время было совершенно свободно отъ какихъ либо ограниченій: „владѣніе землями общее, писалъ Левшинъ въ 1820 — 21 г., кто гдѣ пожелаетъ, тотъ тамъ и пашетъ сколько ему угодно". Но когда „открылась Самара" и богатые казаки стали засѣвать въ бо̀льшихъ противъ прежняго размѣрахъ, особенно на сѣверѣ области, обнаружилась необходимость ограничить зах-

---

[1]) Въ незначительныхъ размѣрахъ земледѣліемъ занимались уже въ началѣ XVIII столѣтія (Рябининъ, стр. 238).

ваты извѣстными предѣлами (въ 1843). Но это постановленіе на первое время никѣмъ не соблюдалось. Менѣе зажиточные казаки, распахивающіе отъ одной до трехъ десятинъ, жаловались и жалуются, что сильные хлѣбопашцы стѣсняютъ ихъ, выпахивая ближайшіе къ селеніямъ участки, которыми и впослѣдствіи они первые же пользуются, какъ только залежи, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отдыха, вновь дѣлаются способными къ обработкѣ". Вслѣдствіе этого бѣдные казаки — хлѣбопашцы должны отъѣзжать далеко отъ своихъ жилищъ, оставляя ближайшія мѣста богатымъ.

Затрудненія увеличивались еще тѣмъ, что казаки, выбирая по возможности лучшія мѣста, вспахивали землю безъ всякаго порядка лоскутьями и клиньями, такъ что хлѣбъ подвергался при пригонѣ табуновъ потравамъ скота, вслѣдствіе чего возникали столкновенія скотопрогонщиковъ съ хлѣбопашцами, жалобы, ссоры и даже драки.

Съ цѣлію устранить эти неудобства комитетомъ, составленнымъ для этой цѣли, была приняты слѣдующія мѣры. Вся пахатная земля выше Уральска и по обѣ стороны отъ него по рѣкѣ Уралу и по Деркульево-Чижинской линіи раздѣлена была въ 1859 г. на 3 полосы. Въ одной, собственно пахатной, положено было распахивать казаку не болѣе 20, оберъ-офицеру 30 и штабъ-офицеру 40 десят. казенной мѣры (2400 кв. саж.). Во второй полосѣ дозволялось хлѣбопашцамъ пахатной полосы распахивать въ замѣнъ оставленной по причинѣ истощенія почвы равное количество земли, но съ тѣмъ, чтобы въ годъ это количество никакъ не превышало $^1/_3$ нормы, опредѣленной для каждаго чина. Всѣ земли, оставшіяся за выдѣломъ этихъ двухъ полосъ, образовали вольную полосу. Здѣсь всякій кому было тѣсно въ первыхъ двухъ полосахъ могъ пахать сколько угодно. Эта же полоса назначена была для пастьбы скота. Вскорѣ опытъ показалъ, что эти постановленія комитета выгодны лишь для богатыхъ, получившихъ возможность распахиванія огромныя пространства въ такъ называемой вольной полосѣ и, напротивъ, весьма стѣснительны для бѣдныхъ, которые принуждены были распахивать отдаленныя и худшія земли, притомъ въ ограниченномъ количествѣ. Въ виду такого ре-

зультата, въ 1862 г. раздѣленіе на полосы было отмѣнено и дозволено пахать гдѣ угодно штабъ офицеру 50 десятинъ, оберъ-офицеру — 35, казаку — 25, малолѣткамъ, несущимъ повинности—10 д. каждому. Распашка производится слѣдующимъ образомъ: въ 1-й годъ всякій казакъ распахиваетъ опредѣленное количество десятинъ, гдѣ найдетъ удобнымъ; во второй и слѣдующіе годы онъ можетъ поднимать нови или стараго залога только половину этого количества, запахивая остальную половину на прежде вспаханной землѣ. Распахиваемая полоса принадлежитъ казаку, пока онъ ее обрабатываетъ; чрезъ годъ, по прекращеніи распашки, участокъ поступаетъ въ общее пользованіе.

Судя по заявленіямъ, появляющимся въ печати, [1]) стремленіе ограничить свободу распашки сдѣлалось общимъ и, по всей вѣроятности, на Уралѣ скоро придутъ къ мысли раздѣла земель между поселками, съ передѣломъ на равные паи. Зачатки этой системы уже существуютъ и теперь. Если одновременно одну и туже землю пожелаютъ распахивать нѣсколько лицъ, то споръ разрѣшается или жребіемъ или же дѣлежемъ на равныя доли.

Но всякое предложеніе о раздачѣ общественныхъ земель въ частную собственность возбуждаетъ общій протестъ. Выборные отъ селеній, собираемые съ 1862 г. для обсужденія хозяйственныхъ дѣлъ, заявляли не разъ, что общинное пользованіе землей должно быть оставлено «на прежнемъ существованіи его издревле».

Пользованіе лѣсомъ, покрывающимъ всего 0,8° поверхности земли уральскаго войска, ограничено точными правилами. Вообще рубка дозволяется только для обстройки дворовъ. Чтобы дать понятіе о строгости правилъ, которыми оберегаются общинныя лѣса, приведемъ распоряженіе войсковаго хозяйственнаго правленія отъ 28 іюля 1872 г.

„По примѣру прошлыхъ лѣтъ, говорится тамъ, дабы дать жителямъ возможность заблаговременно до выхода на плавенное рыболовство запастись талами и кольями для постройки

---

1) Уральскія войсковыя вѣдомости 1867 г., № 32 и въ другихъ мѣстахъ.

и поправки надворнаго строенія, войсковое хозяйственное правленіе полагаетъ: 1) на крайне необходимую поправку надворнаго строенія и на обстройку новаго двора необходимо нуждающимся бѣднымъ войсковымъ обывателямъ отпускать талы и малокатовыя колья, по удостовѣреніи таковыхъ нуждъ ближайшимъ начальствомъ, а въ Уральскѣ уральскимъ полицмейстеромъ; 2) отпускъ таловъ и кольевъ, выдачу билетовъ и указаніе мѣста рубки возложить въ Уральскѣ на завѣдывающаго лѣсами чиновника особыхъ порученій, въ другихъ мѣстахъ войска—на станичныхъ начальниковъ (которые обязаны доставить первому отчеты); 3) наблюденіе за правильностью рубки и надлежащимъ употребленіемъ таловъ и кольевъ, именно на обстройку и поправку дворовъ, а не на топливо, возложить непосредственно на мѣстную власть, въ ближайшемъ вѣдѣніи которой состоятъ лѣса и на полѣсовщиковъ, съ тѣмъ что если допущена будетъ рубка лѣса произвольная, то въ такихъ случаяхъ составлять объ этихъ порубкахъ протоколы, согласно 1136—1144 ст. уст. уг. судопр. 20 н. 1864 г., а равно опись и оцѣнку, и доставить оные въ сіе правленіе, а самый лѣсъ конфисковать до особаго о немъ распоряженія; 4) о настоящемъ разрѣшеніи жителямъ объявить: въ Уральскѣ чрезъ прочтеніе сего постановленія на рынкѣ и. д. экзекутора, а въ прочихъ мѣстахъ — чрезъ прочетныя предписанія (Уральскія вѣдомости 1872, № 32).

Пользованіе усадебными землями также ограничено: онѣ не могутъ быть отчуждаемы. Вообще, община распоряжается усадьбами такъ же самостоятельно, какъ и другими видами угодій Иногда въ интересахъ общины сносились весьма многолюдныя селенія. Вначалѣ прошлаго столѣтія въ луговыхъ и лѣсныхъ мѣстахъ долины Урала по обѣимъ сторонамъ его были основаны хутора. Впослѣдствіи ихъ существованіе тамъ было признано вреднымъ, такъ какъ казачество лишалось лучшихъ луговыхъ и лѣсныхъ мѣстъ, занятыхъ этими поселками, и они сначала были перенесены всѣ на правую сторону Урала, а въ 1840 г. — на кряжъ внутрь. Луга же и лѣса снова вошли въ составъ войсковыхъ нераздѣльныхъ угодій.

Не смотря на всѣ эти ограниченія, на различныя неудоб-

ства нераздѣльнаго пользованія, казаки продолжаютъ крѣпко держаться самаго принципа общины, стараясь лишь приспособляться къ новымъ условіямъ, и безусловно отвергаютъ всякіе проэкты, направленные къ уничтоженію древней формы землепользованія, ради сохраненія которой они бѣжали въ далекія степи и которая и настоящее время даетъ имъ „всѣ средства къ обезпеченію народнаго продовольствія, призрѣнія, къ охраненію народнаго здравія, содержанію управленія и вообще къ благоустройству войсковыхъ селеній“ (Уральскія вѣдомости 1867, № 9; 1872, № 40).

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что экономическій бытъ крестьянства въ Московскомъ государствѣ предъ введеніемъ крѣпостнаго права находился въ переходномъ состояніи въ худшей степени. Причины упадка народнаго благосостоянія заключались не въ свойствахъ природы, представлявшихъ, напротивъ, самыя благопріятныя условія для экономическаго развитія, также не въ физическихъ и умственныхъ качествахъ народа, доказавшаго свою предпріимчивость и трудолюбіе успѣшной колонизаціей громадной страны, а исключительно въ условіяхъ государственнаго быта. Упадокъ этотъ начался съ того времени, когда, съ развитіемъ помѣстной и податной системъ, русскій крестьянинъ былъ превращенъ въ тяглую единицу. Свободное развитіе народа на общинныхъ началахъ, сдѣлалось, вслѣдствіе наложеніе тягла, невозможнымъ и народу приходилось поступиться своими вѣковыми обычаями. Но отказаться отъ самыхъ коренныхъ основъ своего міровоззрѣнія онъ, очевидно, не могъ безъ борьбы. Впродолженіе всего изслѣдуемаго періода крестьянство стремится различными способами уклониться отъ подчиненія все возрастающимъ требованіямъ государства. Тягло падало на него преимущественно чрезъ землю, и крестьяне или отказываются отъ нее совершенно, или берутъ меньшіе участки, или—въ громадномъ большинствѣ случаевъ — переходятъ съ однихъ

земель на другія, гоняясь за льготами, хотя бы и временными. Болѣе предпріимчивыя личности начинаютъ выходить за предѣлы государства. Съ цѣлью обезпечить исправное отбываніе тягла, правительство прикрѣпляетъ крестьянство сначала къ землѣ, а затѣмъ къ личности помѣщика. Усиливающійся экономическій гнетъ и ограниченіе личныхъ правъ крестьянъ вызываетъ побѣги за рубежъ, которыя постепенно достигаютъ огромныхъ размѣровъ. Бѣглецы колонизуютъ юговосточныя степени отъ Дона до Урала, устроивая свой бытъ на излюбленныхъ началахъ вольной общины. Продолжая усиливать мѣры взысканія за побѣги, правительство, вмѣстѣ съ тѣмъ, стремится подчинить своему вліянію и выбѣжавшихъ изъ предѣловъ московскаго государства. Покореніе Казани и Астрахани дало ему возможность покрыть сторожами и городами большую часть юговосточныхъ окраинъ и поставить казачество въ зависимость отъ Москвы. Результатъ этотъ достигнутъ былъ послѣ долгихъ усилій и самостоятельное существованіе казачества прекращается только въ XVIII вѣкѣ. Съ этой поры оно входитъ снова въ составъ тяглой массы, хотя и на болѣе выгодныхъ условіяхъ сравнительно съ остальнымъ населеніемъ.

Библіографическій указатель.

Паденіе Рима и Византіи. Очерки общественной патологіи С. Шашкова. Журналъ «Дѣло» №№ 5 и 6 1878 г.

Дѣло идетъ о болѣзни въ обширномъ смыслѣ слова, о болѣзни обществъ, даже цѣлыхъ сильныхъ, могучихъ государствъ. Завѣдываетъ этимъ особый департаментъ, особый отдѣлъ философско-эмпирической науки. Отдѣлъ этотъ снабженъ ярлыкомъ съ надписью: *общественная патологія.*

Въ наше время «Дарвинизмъ« получилъ громадное развитіе. Сдѣлавшіяся классическими выраженія „борьба за существованіе" и „подборъ" съ его различными подраздѣленіями, царятъ уже почти во всѣхъ областяхъ знанія. *Ф. Ф. Гельвальдъ* примѣнилъ теорію Дарвина къ исторіи человѣческой культуры. *Э. Геккель* написалъ весьма даровитую „исторію творенія" (Schöpfüngsgeschichte), съ Дарвиновской точки зрѣнія; въ недавнее время *Фр. Кирхнеръ* сдѣлалъ попытку примирить и соединить монадологическое ученіе Лейбница съ Дарвинизмомъ. Цѣль этихъ неутомимыхъ усилій состоитъ въ распространеніи Дарвиновой теоріи, для объясненія явленій не только матеріальнаго, но и моральнаго міра и доказать такимъ образомъ *единство* того и другаго міровъ. И вотъ почему Дарвиновъ методъ изслѣдованія и вся вообще система относящихся сюда однородныхъ воззрѣній, какъ нельзя

болѣе подходитъ подъ философскій терминъ *монизмъ*. По этому воззрѣнію, во всемъ мірѣ, во всей исторіи человѣчества, существуетъ одна и таже «борьба за существованіе», „подборъ" и тѣсно соединенное съ этимъ подборомъ „вырожденіе тѣхъ расъ", которымъ, по строгому и неизбѣжному закону, суждено исчезнуть съ исторической арены. Въ мірѣ животныхъ, напримѣръ, лучше и совершеннѣе организованные индивидуумы одной и той же породы *легче* выдерживаютъ упорную борьбу за существованіе, чѣмъ недѣлимыя той же породы, слабо организованныя, некрасивыя, глупыя. Благодаря этому процессу, измѣняются или трансмутируются и самыя породы; однѣ изъ нихъ совершенствуются, выступаютъ на первый планъ, другія отступаютъ на задній планъ, стушовываются, погибаютъ. Если примѣнить этотъ законъ къ исторіи человѣчества вообще, то, при внимательномъ разсмотрѣніи, не трудно замѣтить, что и здѣсь, въ существѣ дѣла, совершается то же явленіе. Народы выступаютъ на сцену исторіи, но, испробовавъ здѣсь свои силы и оказавшись въ культурномъ отношеніи немощными, вытѣсняются другими, болѣе способными къ культурѣ, народами Разница только въ томъ, что въ исторіи человѣчества и въ этотъ постоянный процессъ входитъ множество другихъ явленій; процессъ осложняется. Моральный міръ несравненно шире матеріальнаго. Въ области этики процессъ вытѣсненія всего отжившаго и немощнаго по отношеніи къ мощному, полному силъ, живому, издавна выражался формулою: „вина новаго не вливаютъ въ мѣхи старые". Это изреченіе евангельское, и его обыкновенно примѣняли къ борьбѣ устарѣвшаго римскаго міра съ свѣжимъ и мощнымъ германскимъ элементомъ. Выраженіе это всегда было общепонятнымъ. Вино—это общечеловѣческая культура, которую *не всѣ* народы одинаково способны носить. Какъ въ животномъ царствѣ, по прошествіи извѣстнаго періода времени, совершается перерожденіе, или, выражаясь новымъ терминомъ, трансмутація отжившихъ свою жизнь породъ и побѣда ихъ болѣе сильными и кипящими молодью, свѣжею жизнью породами животныхъ, снабженными могучею организаціей,— такъ и въ человѣчествѣ даже и способнѣйшіе къ мощной

культурѣ народы, но уже изжившіе ее, подвергаются неизбѣжному процессу трансмутаціи, перерожденія,—ослабѣваютъ, бываютъ побѣждаемы, наконецъ погибаютъ, уступая мѣсто другимъ. Былъ могучій, сдѣлавшій громадныя услуги общечеловѣческой культурѣ, Римъ. Онъ погибъ,—хотя не вдругъ. Византія еще жила его силами, истощая его могучіе соки, пока не погибла сама. Нигдѣ въ исторіи человѣчества этотъ процессъ трансмутаціи и ослабленія когда-то мощныхъ силъ не видѣнъ съ такою рельефностью, какъ на примѣрахъ Греціи, Рима и Византіи. Культура самаго Рима была слишкомъ мощна, духовная организація великаго народа слишкомъ живуча, чтобы уступить сразу мѣсто другимъ сильнымъ народамъ въ роковой борьбѣ „за существованіе". Продолжительная агонія умирающаго Рима раздѣляется поэтому на два огромные отдѣла: на исторію *Рима* и исторію *Византіи*, или восточнаго Рима. Для общаго изученія исторіи, такое дѣленіе представляется не вполнѣ цѣлесообразнымъ, потому что такъ называемое «паденіе» западной Римской имперіи въ 476 г. не измѣнило ни политическихъ, ни внутреннихъ отношеній. Существовала одна Римская имперія, умиравшая въ продолжительной агоніи. Центръ имперіи, по случайнымъ причинамъ, изъ Рима перешелъ въ Византію.

Съ точки зрѣнія характеристики самого патологическаго процесса, отдѣленіе Рима отъ Византіи имѣетъ, однако, громадно-важное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, болѣзнь Великаго Рима въ блестящій періодъ его культуры—совсѣмъ не та, какою сдѣлалась потомъ болѣзнь Византіи. Болѣзнь послѣдней развивается и съ бо́льшею прогрессивностью, и съ бо́льшею силою поражаетъ общественный организмъ. Римъ, хотя, по общему мнѣнію, и былъ пораженъ жестокими симптомами разъѣдающей болѣзни въ періодъ Цезарей, но все-таки онъ былъ великъ и возбуждалъ уваженіе боровшихся съ нимъ варваровъ. „Борьба за существованіе" принимала со стороны Рима колоссальный, величественный характеръ. Являлись великіе характеры, цѣльныя историческія фигуры, оставившія навсегда въ исторіи неизгладимое впечатлѣніе, какъ будто онѣ выдѣланы были изъ мѣди и мрамора. Напримѣръ, уже въ

періодъ наиболѣе безнадежныхъ симптомовъ римской государственной жизни, послѣ какого-нибудь изверга Коммода, дѣлается цезаремъ великій Пертинаксъ, этотъ истый сынъ великаго народа, человѣкъ, въ которомъ воплотился остатокъ лучшихъ римскихъ соковъ. Сравнивая подобный же процессъ въ Византіи, мы не находимъ цѣльныхъ историческихъ фигуръ и безусловно великихъ характеровъ. Лучшіе императоры и всѣ лучшіе люди Византіи—это какіе то странные недоноски. Императоръ Ираклій, напримѣръ, и великъ и ничтоженъ, въ одно и то же время. Исторія этого замѣчательнаго императора полна странностей и непонятнаго смѣшенія геройскаго величія съ византійскимъ малодушіемъ и суевѣріемъ. Юстиніанъ, съ его аскетическими добродѣтелями, съ его ненавистью къ философіи, этому отверженному остатку язычества, не способенъ возбудить въ насъ никакой симпатіи. Останавливаешься, затѣмъ, передъ великолѣпною фигурой Велизарія, и недоумѣваешь: что это такое? Смѣшеніе наивной довѣрчивости ребенка—и неустрашимости и блестящихъ талантовъ воина; овечье смиреніе тамъ, гдѣ всякій истый римлянинъ лучшей эпохи и лучшей пробы показалъ бы себя. Словомъ: въ Византіи процессъ разложенія — быстрѣе, болѣзнь глубже, серьезнѣе, борьба за существованіе со стороны вырождающейся расы гораздо безнадежнѣе, чѣмъ въ Римѣ до-Византійскаго періода. Вотъ почему для желающихъ слѣдить, съ помощію Дарвинова метода, за разлагающимся и умирающимъ государствомъ, Византія представляетъ наилучшій образецъ. Если уже задаться цѣлями изученія общественной патологіи, то этого образца не надо лучше. Византія—это всецѣло объятый болѣзнью организмъ. Непреложность закона «вырожденія» изжившей свою жизнь когда-то могучей расы является здѣсь во всей силѣ. Намъ кажется, поэтому, что г. Шашкову, изучающему въ исторіи патологическіе процессы, можно бы ограничиться Византіей. До Рима, какъ мы увидимъ ниже, онъ немножко недоросъ, и ему требуется нѣсколько болѣе основательное научное подготовленіе.

Впрочемъ — спасибо за хорошую мысль и добрую цѣль...

Статья г. Шашкова, во всякомъ случаѣ, есть самый освѣжающій оазисъ въ пустынѣ нашей скучной журналистики.

Г. Шашковъ сдѣлалъ попытку провѣрки на исторіи Рима и Византіи закона борьбы за существованіе и всѣхъ вытекающихъ изъ него послѣдствій. Къ этому Дарвиновскому закону г. Шашковъ страстно привязанъ—это сейчасъ видно: ибо только страстный любовникъ рѣшится писать подобную статью съ крайне незначительными средствами и крайне бѣднымъ научнымъ подготовленіемъ. Какъ и слѣдовало ожидать, Византія г. Шашкову удалась гораздо лучше, чѣмъ Римъ. Обострившійся процессъ болѣзни, при страшной безнадежности организма, при истощеніи всѣхъ его лучшихъ соковъ, очерченъ г. Шашковымъ рельефно, (это въ іюньской книжкѣ «Дѣла»). Но нельзя назвать удавшеюся 1-ю часть статьи (въ майской книжкѣ «Дѣла»). Здѣсь авторъ вводитъ своего читателя «въ свою удушливую клинику, въ которой онъ показываетъ свои незатѣйливые инструменты. При этомъ онъ путается, краснѣетъ, робѣетъ, но нисколько не извиняется (въ чемъ да проститъ его Богъ).

Идея «общественной патологіи» — идея далеко не новая; она существовала и прежде, хотя подъ другимъ именемъ. Всякая серьезная критика въ исторіи, называющая вещи ихъ собственными именами, даетъ уже идею общественной патологіи, — потому что сама-то исторія есть большею частію разсказъ о человѣческихъ бѣдствіяхъ, „мартирологія народовъ". Въ исторіяхъ, писавшихся прежде, примѣрно въ началѣ и срединѣ прошлаго вѣка, было больше риторики, чѣмъ дѣла; восхвалялось въ нихъ фиктивное благополучіе народовъ и разные „геройскіе подвиги". Можно безошибочно сказать, что родоначальникомъ исторіи, мужественно показывающей на общій позоръ человѣческіе недуги и страшныя разъѣдающія язвы, былъ великій англійскій историкъ Гиббонъ. Имя этого автора стоитъ у г. Шашкова *первымъ* въ перечисленіи его вспомогательныхъ источниковъ, и это обстоятельство даетъ намъ поводъ сказать нѣсколько словъ о Гиббонѣ и его великомъ произведеніи. Первый томъ исторіи Гиббона („History of the Decline and Fall of the Roman Empire") вышелъ въ Англіи въ 1776 г., слѣдовательно

уже во время полнаго развитія знаменитаго скептицизма и критицизма XVIII вѣка. Въ Англіи въ полномъ цвѣтѣ развитія стояли тогда историки Юмъ и Робертсонъ. Трудно представить тотъ шумный энтузіазмъ, съ которымъ былъ встрѣченъ первый томъ Гиббоновой исторіи. Онъ сдѣлался настольною книгою не только во всѣхъ англійскихъ салонахъ, но и на скромномъ столѣ каждаго грамотнаго буржуа. Что-то могущественно-освѣжающее почувствовали всѣ, прочитавъ этотъ томъ. Юмъ и Робертсонъ выразили Гиббону свой энтузіазмъ и привѣтствовали въ его начинаніи новую эру исторіографіи. Остальные томы всѣ вышли въ свѣтъ, въ періодъ 1776—1787 годовъ. Вся тайна этого успѣха заключалась именно въ безпощадной критикѣ фактовъ, касавшихся такъ-называемаго „паденія“ Римско-Византійской имперіи, и затѣмъ, въ неподражаемо-мастерскомъ художественномъ изложеніи. Изъязвленный трупъ былъ вскрытъ ножемъ великаго хирурга, и этотъ хирургъ еще подробно объяснилъ, что вотъ тогда-то и тогда-то нанесена была язва, при такихъ условіяхъ и потому-то. Что прежде казалось здоровымъ, нормальнымъ—то оказалось больнымъ и негоднымъ. Традиціи бывшаго фиктивнаго величія были потрясены и уничтожены. Гиббонъ, указывая ничтожество и фальшивость, никогда не смѣется открыто, какъ смѣется Вольтеръ. Но величавый, важный эпическій тонъ его разсказа уничтожаетъ гораздо хуже всякаго Вольтеровскаго сарказма. Нѣтъ плачевнѣе состоянія больнаго, когда онъ увѣренъ, что онъ здоровъ, и нѣтъ плачевнѣе состоянія сумасшедшаго, воображающаго себя въ здравомъ умѣ. Но тяжесть впечатлѣнія при этомъ усиливается, если психіатръ говоритъ больному: „хорошо, я вѣрю и признаю, что ты здоровъ, но я все-таки внимательно тебя изслѣдую“. И горемыка-больной вѣритъ искренности словъ психіатра! Точно такъ и Гиббонъ обращается съ патологическими фактами и личностями исторіи, не придавая имъ настоящихъ ихъ эпитетовъ, а какъ будто воспѣвая ихъ въ своей эпопеѣ. Но читателю, прочитавшему внимательно трудъ Гиббона, какъ въ чистомъ зеркалѣ, само собою, представляется ничтожество всего ничтожнаго и величіе всего истинно-великаго. Читатель почувствуетъ, что многое уничтожено и осмѣяно,

что во многое, во что онъ до сихъ поръ вѣрилъ, уже навсегда утратилась вѣра. . Тайна подобной страшной, скрытой ироніи умерла вмѣстѣ съ Гиббономъ. Но великое твореніе этого автора осталось; глубоко поучительно оно до сихъ поръ, и остается настольною книгою для каждаго, занимающагося исторіей. Внѣшній механизмъ, при помощи котораго построено зданіе Гиббоновой исторіи, отчасти понятенъ. Это—многосторонность изслѣдованія, привлеченіе къ дѣлу всего, что можетъ обрисовать фигуру изображаемаго предмета, лица, или же общую картину событія. Ни археологическія частности, ни мелочи разныхъ полузабытыхъ сказаній—ни что не пренебрегается, хотя все употребляется съ строгимъ разсчетомъ. Событія и лица проходятъ предъ трибуналомъ историка, какъ живыя. Тиранны, убійцы, мятежники—до того поразительно живы, что вы какъ будто видите даже пятна крови на ихъ одеждахъ и чувствуете «запахъ крови», какъ выражается Эсхилъ въ своихъ трагедіяхъ. Всѣмъ цитуемымъ классическимъ и неклассическимъ писателямъ историкъ задаетъ множество перекрестныхъ вопросовъ, намѣренно запутываетъ ихъ въ противорѣчія, одного свидѣтеля противополагаетъ другому, другаго третьему, пока наконецъ, въ общемъ итогѣ, не окажется истина или ложь,—что для историка представляется повидимому безразличнымъ; повидимому, даже никакихъ любимыхъ идей у него нѣтъ, а вся цѣль его—раскрыть истину, хотя бы и печальную...

Въ то время, когда Гиббонъ писалъ свою исторію, еще не существовало и въ поминѣ терминовъ «борьба за существованіе», «подборъ» «общественная патологія», не было въ поминѣ и трансмутаціонной теоріи, которой суждено сдѣлать такой шагъ въ наше время; существовала еще вѣра въ постоянство и неизмѣняемость видовъ. Тогда цѣнили произведеніе англійскаго историка только за его художественность, образцовую обработку источниковъ и свойственный тому вѣку скептическій духъ и скрытую иронію. Этотъ взглядъ современниковъ выразился въ двухъ стихахъ, посвященныхъ Гиббону лордомъ Байрономъ:

«Sapping a solemn creed with Solemn Sneer
The Lord of Irony, that master-spell».

Но въ наше время Гиббоново творенiе представляется какъ будто написаннымъ нарочно для облегченiя историкамъ Дарвиновскаго пошиба. Руководясь Гиббономъ, имъ уже относительно не трудно объяснить явленiя древней Римской и Византiйской исторiи простыми и постоянными законами. Гиббонъ не зналъ, повторяемъ, выраженiй: „трансмутацiя", „подборъ" „борьба за существованiе", (хотя терминъ „вырожденiе" онъ употреблялъ), но онъ отлично понималъ значенiе этихъ будто бы новыхъ понятiй.

Основная мысль творенiя великаго историка именно и состоитъ въ томъ, что Римъ палъ отъ своей собственной тяжести. Устарѣлый организмъ римскаго государства не могъ переварить и уподобить себѣ новые, принятые въ себя, элементы. Византiя—это только жалкiй выродокъ римской умирающей мощи; она интересна только какъ окончательный процессъ разложенiя. Г. Шашковъ приравнялъ Римъ къ Византiи, и оттого вышла у него натяжка и разладица, но отдѣлъ о Византiи представляетъ лучшую и удачнѣйшую часть его статьи.

„Римъ г. Шашкова" мы, значитъ, оставимъ въ сторонѣ, такъ какъ согласиться съ авторомъ въ основной мысли рѣшительно невозможно. Византiя—другое дѣло.

Не смотря на то, что перiодъ Римско-Византiйской исторiи, до завоеванiя Царяграда турками, громаденъ (онъ продолжался 1,058 лѣтъ, съ 305—1453 г.) съ точки зрѣнiя патологическаго процесса, прогрессивнаго вырожденiя и истощенiя живыхъ силъ,—этотъ перiодъ весьма простъ и удобопонятенъ. Тяжело, конечно, слѣдить за этой страшной, медленной смертью, за проявленiямъ дикаго варварства и суевѣрiя съ одной стороны и рабскаго подчиненiя этому варварству съ другой. Но все-таки это крайне печальное зрѣлище представляетъ много поучительнаго. На каждомъ шагу вы убѣждаетесь здѣсь въ непреложности закона вырожденiя расы, которая изжила свою жизнь и которой суждено погибнуть подъ наплывомъ иныхъ силъ. Даже повидимому лучшiя и благороднѣйшiя проявленiя византiйской дѣятельности, (напримѣръ, получившая огромную оживленность, юриспруденцiя при Юстинiанѣ) были запятнаны варварскимъ грабительствомъ и взяточничествомъ.

Важнѣйшая юридическая школа процвѣтала въ Беритѣ (на финикійскомъ берегу) и кончившіе въ ней 5-тилѣтній курсъ юристы всегда уже разсчитывали на быстрое обогащеніе; ибо, при всеобщемъ развращеніи, крючкотворныхъ дѣлъ было страшно много; преступленій совершалось много и была масса процессовъ. При судѣ префекта занималось обыкновенно 150 адвокатовъ. Двое изъ нихъ выбирались ежегодно для веденія казенныхъ дѣлъ, съ платою имъ по 60 фунт. золотомъ. Государственными важнѣйшими должностями завладѣли эвнухи. Они представляли собою самый отвратительный видъ тиранніи и деспотизма, когда-либо существовавшій въ мірѣ. Введеніе въ Римской имперіи эвнуховъ относится еще ко времени Діоклетіана, (въ III вѣкѣ, когда персидская роскошь впервые окружила тронъ Римскаго императора). Одинъ изъ грабителей-эвнуховъ, Евтропій, временщичество котораго относится къ 395—399 гг., подобно ростовщику, сортировалъ провинціи имперіи на всемъ пространствѣ отъ горъ Гемуса до Тигра. Различная стоимость Понта, Галатіи, Лидіи была опредѣлена въ точности. За Ликію было назначено нѣсколько тысячъ, за богатую Фригію стояла высшая цѣна...

Къ числу отъявленныхъ грабителей-министровъ императора Юстиніана принадлежитъ Іоаннъ Каппадокійскій. Свѣденія объ этомъ крайне безнравственномъ, но, въ тоже время, и громадно-даровитомъ человѣкѣ, мы почерпаемъ, какъ и большую часть свѣденій Юстиніанова періода, изъ историка Прокопія. Іоаннъ Каппадокійскій занималъ важный постъ преторіанскаго префекта на Востокѣ, былъ безграмотенъ до того, что едва-могъ подписать свое имя, но за то умѣлъ всегда давать самые умные и изобрѣтательные совѣты и помогалъ выпутываться изъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Глубокая развращенность его сердца равнялась силѣ и проницательности его ума. Его подозрѣвали въ чародѣйствѣ и языческомъ суевѣріи, онъ былъ нечувствителенъ и недоступенъ для страха передъ Богомъ, не боялся также и людей. Его счастье, по мѣткому выраженію Гиббона, было основано „на смерти цѣлыхъ тысячъ, на нищетѣ цѣлыхъ милліоновъ, на развалинахъ городовъ и на опустошеніи провинцій“. Едва

только забрежжится утро и до самаго обѣда, министръ Юстиніана неутомимо работалъ, чтобы обогатить себя и своего повелителя на счетъ римскаго міра. Остальную же часть дня (послѣ обѣда) онъ проводилъ въ чувственныхъ и самыхъ грязныхъ удовольствіяхъ.

Власть императора зависѣла главнымъ образомъ отъ войска; слѣдовательно, кромѣ громаднаго вліянія эвнуховъ, продолжался еще и военный деспотизмъ. Непосредственная охрана императора довѣрялась лейбъ-гвардіи изъ 3,500 человѣкъ, преимущественно армянъ. Войска же состояли главнымъ образомъ изъ варваровъ. Отвратительныя казни, на которыхъ лежитъ печать ужаснаго варварства, совершаются во весь длинный періодъ Византійской исторіи. Кастрація, растаптываніе ногами, ослѣпленіе, выдергиваніе и выжиганіе глазъ, отрѣзываніе носовъ, ушей, губъ, сожиганіе живыми въ баняхъ, разрубливаніе на куски, выжиганіе у дѣвицъ грудей раскаленнымъ желѣзомъ, вырываніе тѣхъ же грудей тисками и пр. принадлежатъ къ казнямъ весьма обыкновеннымъ. Весьма картинно и интересно г. Шашковъ передаетъ событія при Юстиніанѣ, эпизоды съ женою и сыномъ Велизарія, заимствуя, конечно, все это цѣликомъ изъ Гиббона. Въ высшей степени характеристичныя для Византіи событія при Андроникѣ старшемъ переданы недурно. Но у Гиббона тѣже событія изображены съ мастерствомъ, представляющимъ верхъ совершенства. Позорная и суевѣрная трусливость Андроника характеризована Гиббономъ слѣдующими мѣткими словами: «Онъ боялся пламени войны съ какими-нибудь турками столько же, сколько—пламени геенскаго». Также точно мастерски изображена у Гиббона характерная исторія съ каррикатурою на императора и патріарха. Въ разсказѣ же г. Шашкова эта исторія представляется не совсѣмъ ясною. Съ живостью и большимъ интересомъ разсказанъ также у г. Шашкова эпизодъ о борьбѣ партій въ циркѣ, *Зеленыхъ* и *Голубыхъ*, и бунтъ, извѣстный подъ именемъ «Ники», при Юстиніанѣ, а также охарактеризованы отвратительныя безумства Михаила III. Въ XIII вѣкѣ на развалинахъ Византійской имперіи уже возникли отдѣльныя имперіи: Никейская и Требизондская. Аѳины тоже

сдѣлались отдѣльнымъ государствомъ. Подъ конецъ Византійской жизни, передъ финаломъ борьбы за существованіе, по вполнѣ справедливому замѣчанію г. Шашкова, «сыновья и внуки великихъ отцовъ вырождались въ слабыя, жалкія или же звѣроподобныя существа».

Да, общій характеръ Византійскаго вырожденія представляется болѣе безотраднымъ, чѣмъ вырожденіе Рима при Цезаряхъ.

Свѣточъ философскаго мышленія совсѣмъ погасъ въ Византіи уже со временъ Юстиніана, и въ безотрадной тьмѣ цѣлые вѣка совершалась смерть колоссальнаго тѣла. Съ мучительной медленностью холодѣлъ членъ за членомъ. Въ Римѣ, при Цезаряхъ, даже среди разврата, лучшіе люди согрѣвали свои сердца идеалами стоической философіи и, въ случаѣ крайности, мужественно и спокойно умирали. У Византіи и это послѣднее утѣшеніе было отнято. Вліяніе христіанства также не улучшило общественнаго положенія, хотя внѣшній блескъ и формальное благочестіе, вовсе не согласное съ духомъ Христова ученія, существовали. Юстиніанъ построилъ великолѣпнѣйшій изъ христіанскихъ храмовъ; но при Юстиніанѣ же послѣдніе гонимые языческіе философы Исидоръ, Дамосцій и Симплицій въ 529 г. отправились изъ Византіи въ Персію, ко двору Хозроя; но и тамъ они встрѣтили полнѣйшее азіатское изувѣрство и невѣжество. Тогда совершилось одно изъ трагическихъ и самыхъ трогательныхъ явленій въ мірѣ. Послѣдніе поклонники языческаго любомудрія рѣшились возвратиться домой, что бы, по крайней мѣрѣ, умереть на родной землѣ. Въ этомъ грустномъ, послѣднемъ утѣшеніи имъ, конечно, не было отказано, и съ тѣхъ поръ начинается для Византіи длинный періодъ суевѣрія и всяческихъ пороковъ.

О неоспоримыхъ достоинствахъ статьи г. Шашкова и, въ особенности, о прекрасной цѣли его статьи нечего и говорить... Но... да позволитъ почтенный авторъ сказать кое-что о недостаткахъ его статьи, какъ они представляются постороннему читателю. Первая выдающаяся слабая сторона статьи г. Шашкова—это игнорированіе философской стороны дѣла и почти полнѣйшее отсутствіе освѣщенія предмета съ этой стороны.

Правда, г. Шашковъ упоминаетъ о неопиѳагорейцахъ и эпикурейцахъ, но только бѣгло и, кажется, больше для декораціи, чѣмъ для дѣла. Аристотель у г. Шашкова цитованъ небрежно, по рутинному пріему, по которому обыкновенно взваливаютъ на Стагирскаго философа непонятное обвиненіе по поводу института рабства и подчиненія женщинъ, какъ будто, кромѣ Аристотеля, объ институтѣ рабства и положеніи въ древнемъ мірѣ женщинъ намъ уже ни откуда болѣе не извѣстно. Затѣмъ, совсѣмъ игнорирована стоическая философія и ея громадное значеніе для Рима, ея вліяніе на убѣжденія лучшихъ изъ римлянъ и на ихъ практическую дѣятельность. Какъ будто ничего этого не существовало, и какъ будто порицаніе распущенности римскаго общества, высказанное лучшими изъ римлянъ, высказывалось не съ точки зрѣнія того идеала, какой представляла стоическая философія, и какъ будто тѣ отрадныя явленія, которыя, такъ сказать, перегораживали собою быстрое прогрессивное вырожденіе римскаго народа, не были обязаны своимъ происхожденіемъ стоической философіи. Всего рельефнѣе, разумѣется, это вліяніе стоицизма на нравственность видно на философѣ-императорѣ Маркѣ Авреліѣ. Но и всѣ лучшіе изъ римлянъ были „лучшими" именно благодаря согрѣвавшему ихъ стоическому идеалу. Уже равнодушіе къ жизни (ἀπάθεια), сдѣлавшееся у римлянъ какимъ-то догматомъ, показываетъ, какимъ господствующимъ вліяніемъ на практикѣ пользовался у нихъ стоицизмъ. Это безразличіе къ страданіямъ и радостямъ, эта апатейя, закалявшая характеры, помогала римлянамъ съ мужествомъ и гордымъ достоинствомъ умирать, если тираннія Цезарей поставляла ихъ въ безвыходное положеніе. Иной изъ нихъ разрѣзываетъ себѣ вены, другой закалывается кинжаломъ, но всѣ умираютъ съ достоинствомъ и твердостью. Важно то, что стоицизмъ обыкновенно не раздроблялъ добродѣтели на части, какъ раздробляемъ, напримѣръ, мы, рисуясь лоскутьями нашей добродѣтели, а смотрѣлъ на нее, какъ на нѣчто *цѣлое, нераздѣлимое*, часть котораго не мыслима въ отдѣльности и, какъ часть, не имѣетъ уже никакой цѣны. Отъ этого проистекали и важныя послѣдствія для образованія такихъ великихъ, цѣль-

ныхъ нравственныхъ характеровъ римлянъ,—характеровъ, которые, при общемъ развращеніи, уже просто поразительны. Или *добрый* или *злой*, или *честный* или *безчестный*—средины у стоиковъ не было, или, если она существовала, то называлась ἀδιάφορον, т. е. ни то ни сё, и клеймилась безпощаднымъ презрѣніемъ, не только стоиками ex-professo, но и всѣми лучшими изъ римлянъ. При такомъ воззрѣніи уже, конечно, не была возможна никакая сдѣлка съ совѣстью. До какой степени послужила такая стоическая доблесть римлянъ временъ Цезаря тормазомъ для быстраго прогрессивнаго вырожденія? Голословно говорить объ этомъ утвердительно или отрицательно, конечно, трудно. Надо доказать то и другое. И вотъ въ этомъ, намъ кажется, состоитъ одна изъ важнѣйшихъ задачъ для изслѣдователей процесса вырожденія римскаго общества,—съ точки зрѣнія дарвинизма, какъ философской системы. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ назвать патологическими явленіями только одну поверхностную сторону фактовъ. Нахватать же цитатъ и выдержекъ изъ древнихъ писателей, и нахватать безъ критическаго сравненія ихъ между собою, и потомъ безъ церемоніи начать показывать общую картину разъѣдавшаго Римъ недуга—всего этого еще крайне, крайне недостаточно. Слова „подборъ и вырожденіе" вовсе не такъ просты, чтобы употреблять ихъ при бѣгломъ обзорѣ массы явленій, можетъ быть, разнородныхъ по своей причинѣ и источнику. Поверхностная сторона этихъ фактовъ всѣмъ извѣстна. Вѣдь кто же не знаетъ вопіющаго разврата римлянъ въ эпоху Цезарей и разврата самихъ Цезарей? Кто не знаетъ, что это повело Римъ къ гибели?. Это уже общая фраза, прожужжавшая всѣмъ намъ уши еще на школьныхъ скамьяхъ. Но вопросъ въ томъ: какъ именно происходилъ этотъ процессъ? Какъ нарисовать его настоящую картину? Вы говорите о рабствѣ и аристократіи и о безднѣ, раздѣлявшей ихъ въ Римскомъ обществѣ. Покажите же: какъ развилось рабство въ Греціи, какую форму *тамъ* имѣла аристократія, какая бездна раздѣляла *тамъ* рабовъ отъ владѣльцевъ, и затѣмъ—какія видоизмѣненія претерпѣли эти явленія въ Римѣ, не вліяло-ли тутъ какое либо господствующее фи-

лософское направленіе? А то:—вырвать у Аристотеля нѣсколько фразъ о рабствѣ и женщинахъ, игнорировать вліяніе Платоновой философіи на политическій и общественный бытъ древности, перескочить затѣмъ въ Римъ и начать разсказывать о цезаряхъ по приставленнымъ ко лбу каждаго ярлыкамъ: *вотъ это тотъ-то, сдѣлалъ то-то, погубилъ людей столько-то*, раздать имъ небрежно баллы по поведенію и назвать это громкимъ именемъ „Очерковъ общественной патологіи" въ древнемъ мірѣ. Это уже—какъ будто и не серьезная статья, хотя бы она была украшена самымъ моднымъ заголовкомъ.,,

Пусть бы, впрочемъ, авторъ съ простодушіемъ спеціалиста, увѣреннаго, что кромѣ спеціальности онъ ничего знать не обязанъ, преслѣдовалъ «опошленный подборъ», искалъ бы и находилъ его во всѣхъ разсказываемыхъ фактахъ и событіяхъ. Такъ этого не видно. Напротивъ, видно стараніе обнять дѣло глубоко и широко,—но стараніе такъ и осталось безуспѣшнымъ. Явленія естественнаго подбора приводятся г. Шашковымъ чуть-ли не на одной *63 стран.* (іюньская книжка) и это очень жаль, потому что, казалось бы, слѣдовало похлопотать больше отыскать примѣровъ, отыскать во что-бы-то ни стало. На 63 стран. говорится: „Міръ былъ населенъ *расою пигмеевъ, когда мощные гиганты сѣвера ворвались въ него и начали улучшать эту захудалую породу*". (Вотъ это къ дѣлу!) но потомъ (стр. 65) „варвары, на сколько они смѣшивались съ римлянами, начали вырождаться сами, *усвоивали себѣ всѣ пороки* (слушайте!) и только тѣ изъ нихъ, которые оставались болѣе или менѣе чужды римской цивилизаціи, не подвергались этой порчѣ..." Это бы и хорошо! Вотъ, если бы послѣдовательно выдержать такъ всю статью, отъ начала до конца, она была бы и хорошая, и самая модная статья. Но послѣ удачнаго мѣста говорится вдругъ о христіанахъ и вообще о людскихъ бѣдствіяхъ, и въ частности о бѣдствіяхъ церкви въ V вѣкѣ, то есть о томъ, о чемъ можно найдти въ любомъ, хотя бы самомъ плохомъ, учебникѣ церковной исторіи. При чемъ тутъ Дарвиновскія воззрѣнія и „подборъ"—рѣшить трудно. Положимъ, сказанія о всѣхъ этихъ бѣдствіяхъ не преувеличены разными плаксивыми Іереміями—

но откуда мы знаемъ, что они не преувеличены? Берется вдругъ въ свидѣтели Сальвіанъ, этотъ Іеремія V вѣка, которому можно вѣрить только съ большою осторожностью. Положимъ, Сальвіанъ рисуетъ предъ нами поразительныя картины народныхъ бѣдствій и опустошенія цѣлыхъ странъ, положимъ, V вѣкъ былъ ужасный, и именно отличался подобнымъ характеромъ... Но все-таки принимать безъ критики простодушныя сказанія — не научно. Извѣстно, что и наши отечественные простодушные плаксы постоянно преувеличивали дѣйствительный размѣръ бѣдствій. Григорій Турскій заслуживаетъ большаго довѣрія, но и его сказанія было бы слишкомъ уже простодушно принимать безъ критики. Отвращеніе, замѣчаемое въ разныхъ авторахъ, къ критикѣ и осторожности, и увѣренность въ непогрѣшимости разъ на всегда принятаго взгляда происходятъ отъ различныхъ причинъ; но чаще всего отъ самомнѣнія и самоуслажденія. На развратный Римъ мы смотримъ обыкновенно свысока. Онъ былъ, при Цезаряхъ, донельзя гнилымъ и негоднымъ, точно такъ, какъ прежніе наши славянофилы утверждали, что весь Европейскій Западъ безнадежно гніетъ. Во всякой нашей книгѣ или статьѣ, посвященной древне-римской исторіи, обыкновенно уже само собою подразумѣвается извѣстное мотто: «благодареніе богамъ, что мы несравненно лучше нашихъ предшественниковъ», т. е., понимая дѣло въ обширномъ смыслѣ, мы несравненно лучше всѣхъ древнихъ народовъ. Это фарисейство далеко не безвредно для науки (настоящей, а не фиктивной). Изслѣдованіе древняго міра, древняго Рима и, въ частности, нѣкоторыхъ слишкомъ уже заклейменныхъ историческихъ личностей, далеко не покончено и не сдано въ архивъ. Что даже о „Римѣ при Цезаряхъ", о развратѣ котораго рутинёры не перестаютъ жужжать намъ въ уши, можно сказать вещи самыя противоположныя, (и сказать на основаніи тѣхъ же писателей, съ голоса которыхъ берутся самыя тяжкія обвиненія для «Рима цезарей») что все это возможно—доказываетъ существованіе особой исторической школы, считающей эпоху Цезарей кульминаціонною точкою римскаго развитія. Съ этой же точки зрѣнія несправедливо затоптанъ въ грязь, напримѣръ, Цезарь Тиверій; съ

этой же точки зрѣнія, представляется не совсѣмъ раціональнымъ и основательнымъ безусловно вѣрить Тациту, ярому стороннику униженной аристократической партіи, этому защитнику интересовъ «римскаго юнкерства,» какъ выражается о Тацитѣ А. Штаръ...

Если принять строгую критику за правило, то, по внимательномъ изслѣдованіи, множество свидѣтельствъ древнихъ авторовъ получатъ для насъ, быть можетъ, совсѣмъ иной смыслъ и дадутъ совершенно иное освѣщеніе фактовъ. Но уже навѣрное можно сказать, что строгая критика всегда разрушитъ множество предвзятыхъ мнѣній.

Напримѣръ, какъ свидѣтелей римскаго безнадежнаго разврата г. Шашковъ призываетъ Катона, Сенеку, Цицерона; на свидѣтельства ихъ г. Шашковъ опирается, какъ на каменную стѣну. Конечно, и у Катона, и у Сенеки, и у Цицерона то и дѣло встрѣчаются крайне горькія и желчныя жалобы на современный имъ порядокъ вещей. Но вѣдь эти жалобы могли просто вытекать изъ ихъ философскихъ стоическихъ воззрѣній, т. е. строго-стоическихъ у Катона и Сенеки, а у Цицерона, пожалуй—если хотите—эклектическихъ. А вслѣдствіе этихъ воззрѣній уже самая обыкновенная, а вовсе даже не страстная (какая, напримѣръ, существуетъ у нашихъ современниковъ, часто не знающихъ ни какого различія между казеннымъ или общественнымъ сундукомъ и собственнымъ карманомъ) привязанность къ „земнымъ благамъ“ клеймилась презрѣніемъ и безусловнымъ осужденіемъ, какъ ἀδιάφορον, недостойное человѣческой природы и крайне постыдное. Думаете-ли вы, что Цицеронъ произнесъ бы менѣе громовую и страстную рѣчь, если бы въ его время продѣлали свои кунстштюки гг. Овсянниковъ, Горвицъ и Коганъ, Юханцевъ и т. д., чѣмъ его извѣстная рѣчь противъ Верреса? Нисколько. Напротивъ, рѣчь знаменитаго эклектика-философа и оратора кипѣла бы вѣроятно бо́льшимъ презрѣніемъ къ преступленію и большею скорбью за поруганный долгъ и достоинство человѣка! Да и чѣмъ отличаются грабежи Верреса отъ грабежей Овсянниковскихъ и Юханцевскихъ?—Только одною формою, соотвѣтствующею духу того и другаго времени, да еще развѣ тѣмъ, что одни

Храмы были „языческіе", а другіе „христіанскіе"!.. Думаете-ли вы, наконецъ, что Римъ, въ которомъ еще жила великая идея и великія преданія древней республики,—*больше* вырождался, чѣмъ мы сами, въ нашемъ современномъ состояніи?... Вы, далѣе, съ увѣренностью приводите извѣстное мотто изъ поэта Горація, гдѣ онъ, повидимому, ясно и прямо говоритъ объ общей порчѣ римскихъ нравовъ и быстро увеличивающемся вырожденіи современныхъ поколѣній. Но прямой смыслъ Горація, этого утонченнаго аристократа (по образованію и развитію, конечно, а не по рожденію) понять не особенно легко. Въ Гораціи еще жива была идея величія древней Римской республики, ея простыхъ, величавыхъ и нравомѣрныхъ учрежденій; онъ самъ сражался за ея существованіе, онъ могъ еще, совершенно искренно и положа руку на сердце, произнесть свои глубоко-вдохновенныя слова:

«Alme Sol, possis nihil urbe Roma
Visere majus!» *).

(О державное солнце! Ты ничего не можешь видѣть величественнѣе Рима!").

По этому-то все противоположное древней простотѣ учрежденій могло показаться Горацію невыносимымъ и безотраднымъ и самыя поколѣнія, удаляющіяся отъ первобытныхъ нравовъ, безнадежно и быстро вырождающимися. При томъ часто высказываемая Гораціемъ любовь къ природѣ и сельской жизни можетъ убѣдить васъ, что и въ немъ, единовременно съ Пирроновскимъ скептицизмомъ, жилъ стоическій идеалъ „простоты" и онъ могъ только съ точки зрѣнія этого идеала смотрѣть на такъ называемое „вырожденіе". Вообще нѣтъ ничего комичнѣе, какъ принимать въ прямомъ и буквальномъ смыслѣ то, что можетъ имѣть два или даже нѣсколько смысловъ, т. е., другими словами, обходиться безъ самобытной критики и смотрѣть съ высока на извѣстное явленіе только потому, что другіе на это смотрѣли съ высока. При изслѣдованіи древней исторіи, смотря по тому, какую сто-

*) Carm. Seculare II.

рону предмета будетъ исчерпывать ваша критика, однакожъ и тѣми же свидѣтельствами древнихъ писателей можно доказать извѣстную вещь. Другой же изслѣдователь докажетъ вещь противоположную. Для васъ, напримѣръ, Тиверій представляется „жестокимъ, трусливымъ и развратнымъ тираномъ“, а для извѣстнаго ученаго Адольфа Штара, конечно не уступающаго вамъ въ проницательности и знаніи древнихъ источниковъ, Тиверій далеко не представляется такимъ—а человѣкомъ, не лишеннымъ величія и благородства характера и, главное, одареннымъ тою добродѣтелью, которая никакъ не подходитъ подъ шаблонъ господствующаго порока въ процессѣ „Римскаго вырожденія“, а именно: бережливостью государственныхъ суммъ, отвращеніемъ къ мотовству и замѣчательною государственною прозорливостью. Правъ-ли г. Штаръ, можно попробовать провѣрить внимательнымъ чтеніемъ Светонія, весьма ясно представившаго психологическую возможность перерожденія великодушной и благородной натуры въ невыносимаго тирана. Страшное прошедшее молодости Тиверія, произведенное надъ нимъ возмутительное моральное насиліе, по простымъ психологическимъ законамъ неизбѣжно должно было переродить его въ тирана, и уже конечно, на основаніи того же Светонія, нѣтъ никакой возможности приравнивать Тиверія къ Калигулѣ, Каракаллѣ, Эліогабалу, Коммоду, и даже къ артисту-Нерону. Но въ Тиверіи есть и другая замѣчательная черта, на которую слѣдовало бы обратить особое вниманіе, именно съ принятой авторомъ точки зрѣнія. Здѣсь видна наслѣдственная родовая черта въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ одного и того же рода. Это—демоническая гордость и презрѣніе ко всему окружающему, презрѣніе къ религіознымъ традиціямъ и обрядамъ. Эта черта, сама по себѣ страшная и вредная, привлекала, однако, къ себѣ симпатію всѣхъ даровитыхъ деспотовъ, напримѣръ Наполеона I, утверждавшаго, что Тацитъ былъ несправедливъ къ Тиверію. Эта черта существовала и въ предкахъ Тиверія, членахъ аристократическаго рода Клавдіевъ, изъ которыхъ Светоній упоминаетъ Клавдія Пульхера и двухъ матронъ. Изъ нихъ начальствовавшіи флотомъ Клавдіи Пульхеръ выра-

заль гордое презрѣніе къ религіознымъ ауспиціямъ и бросилъ священныхъ пѣтуховъ, не хотѣвшихъ при совершеніи ауспицій ѣсть корма, въ море, произнеся характеристическія слова: „пусть же они (пѣтухи) пьютъ воду, если не хотятъ ѣсть“ (ut biberent quando esse nollent. Suet., Tiber. p. 87) и затѣмъ Пульхеръ началъ морскую битву, но былъ разбитъ. Сенатъ требовалъ, чтобы въ такомъ критическомъ положеніи онъ назначилъ диктатора. Но гордый патрицій и тутъ выразилъ презрительную насмѣшку надъ бѣдствіемъ своего отечества; онъ назначилъ на чрезвычайный постъ своего проводника (viator) вольноотпущенника Глиція, конечно не обладавшаго никакими способностями. Затѣмъ Светоній же упоминаетъ объ одной благородной матронѣ, тоже изъ рода Клавдіевъ, жившей уже по смерти Пульхера. Эта аристократка, проѣзжая однажды на колесницѣ по городу, была окружена густою толпой народа и, въ негодованіи на такую тѣсноту, какъ выражается Светоній, palam optaverat, ut frater suus Pulcher revivesceret atque iterum classem amitteret, quo minor turba Romae foret [1]) г. Шашковъ (въ первой части своей статьи, въ майской книжкѣ) сдѣлалъ изъ этого весьма важнаго мѣста довольно смѣшную передѣлку, которая, кстати замѣтить, заставляетъ насъ сильно усомниться въ строгой вѣрности и остальныхъ цитатъ, приводимыхъ авторомъ. По г. Шашкову выходитъ, что упоминаемая Светоніемъ дама во-первыхъ шла (а не ѣхала) по площади (хотя у Светонія ясно и прямо говорится: *aegre procedente carpento*), во вторыхъ, говорила, въ раздраженіи, о какомъ-то *кровопусканіи*, о которомъ у Светонія не говорится ни слова. Изъ этого мы вправѣ заключить, что г. Шашковъ совсѣмъ не читалъ тѣхъ классическихъ авторовъ, которыхъ цитируетъ, а сдѣлалъ изъ нихъ выдержки, какъ Богъ послалъ или какъ сохранила ему память, или по переводамъ гг. въ родѣ Клеванова, навязавшаго Цицерону въ одной изъ превосходныхъ его рѣчей наше мужицкое «что-то это не... того»... или «какъ

[1]) Т. е: «Открыто пожелала, чтобы братъ ея Пульхеръ ожилъ снова и снова потерялъ флотъ, чтобы только народа было въ Римѣ меньше». Это—высокомѣрное поруганіе и презрѣніе достоинства народа и желаніе бѣдствій отечеству, а вовсе не угроза какимъ-то „кровопусканіемъ“.

этакъ... того». Но только можно ли такъ писать серьезныя статьи!.. А рассматриваемое мѣсто очень важно именно по отношенію къ самому характеру статьи г. Шашкова. Светоній здѣсь ясно, прямо и обстоятельно говоритъ о наслѣдственной чертѣ рода Клавдіевъ, переходившей отъ одного члена рода къ другому. Неужели лучше ни на чемъ не основанная натяжка и Богъ знаетъ откуда взятая характеристика такой важной личности, какъ Тиверій, чѣмъ истина, добытая внимательнымъ чтеніемъ столь важнаго мѣста? Если бы г. Шашковъ прочиталъ Светоніеву біографію Тиверія, то онъ не сказалъ бы голословно, что Тиверій „былъ только жестокимъ, трусливымъ, сумашедшимъ и бѣшенымъ тираномъ“, а сдѣлалъ бы, можетъ быть, интересную характеристику: какъ въ періодъ вырожденія элементъ порчи беретъ перевѣсъ даже въ натурѣ сильной и благородной. Вообще на рѣзкіе и жесткіе эпитеты г. Шашковъ ужасно щедръ. Положимъ, для общаго вывода о патологическомъ состояніи Рима временъ Цезарей это и не особенно важно. Въ итогѣ все-таки Римъ будетъ безнадежно развращенъ и свирѣпъ, баллы въ поведеніи, стало быть, абсолютно не можетъ быть ни какого. Но все-таки, ради метода, ради точности, намъ нуженъ непрерывный рядъ доказательствъ всѣхъ важнѣйшихъ частныхъ фактовъ. Иначе что же это за очеркъ общественной патологіи въ древнемъ мірѣ и гдѣ научность и серьезность подобнаго очерка?

Можно, ради спѣшности, и не провѣрять свѣдѣній по первоначальнымъ источникамъ, если есть подъ руками добросовѣстный и точный авторъ, въ родѣ Гиббона. Г. Шашковъ, дѣйствительно, говоря о Византіи, добрую половину выписалъ изъ Гиббона, и поступилъ благоразумно. Можно прямо скомпилировать, выписать, если съ своей головой опасаешься прорваться. Но, какъ мы сейчасъ увидимъ, у г. Шашкова есть довольно забавные промахи въ нѣкоторыхъ описаніяхъ, каковыя описанія онъ, очевидно, тоже цѣликомъ взялъ изъ Гиббона. Вотъ одно изъ этихъ мѣстъ. Совершается торжественный тріумфальный въѣздъ императора Авреліана въ Римъ. Въ числѣ ведомыхъ за побѣдною колесницею плѣнныхъ идутъ царица Зеновія и императоръ Тетрикъ (по-

[illegible] Шашковъ [illegible]). [illegible] и [illegible] его, говоритъ г. Шашковъ, были одѣты въ туники, [illegible] и гальскія штаны шафраннаго цвѣта. У Гиббона шафранный цвѣтъ относится вовсе не къ штанамъ, а къ туникѣ (Gallic trousers, a saffron tunic and a robe of purple. Вотъ какъ стоитъ у Гиббона). Но вотъ и другая странность. Г. Шашковъ говоритъ, что колесница Авреліана была запряжена *4-мя слонами*. У Гиббона стоитъ: «или 4-мя оленями или 4-мя слонами» *). Но у Гиббона сейчасъ же слѣдуетъ здѣсь выноска, гдѣ говорится: «вѣроятно, — оленями, потому что слонъ изображенъ на монетахъ Авреліана, какъ знакъ или символъ его побѣды на Востокѣ». Затѣмъ, какъ извѣстно, что на медаляхъ очень часто изображались подобные символы, и болѣе аккуратные историки всегда остерегались ихъ смѣшивать съ безспорными, реальными, доказанными фактами. Иначе,— идя по этому пути, можно принять за фактъ, что, напримѣръ, у Александра Македонскаго были на головѣ бараньи рога, такъ какъ царь этотъ на монетахъ, медаляхъ и гробницѣ былъ изображаемъ обыкновенно съ бараньими рогами и т. д.

Ничего, впрочемъ, не имѣя противъ этихъ невинныхъ заблужденій, мы упомянули объ нихъ, чтобы указать на нѣкоторую необстоятельность г. Шашкова и на спѣшность его при работѣ... Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, мы опасаемся одного обстоятельства: что если такія невинныя заблужденія у автора, при точной провѣркѣ, нужно будетъ считать *сотнями*!... На грѣхъ мастера нѣтъ. Указанные сейчасъ промахи замѣтили мы только случайно, мимоходомъ...

Кстати здѣсь сказать, въ дополненіе ко всему сказанному выше, что какъ бы ни были сухи и неудобоваримы латинскія цитаты и выдержки, какъ ни утомляютъ они читателя, привыкшаго къ «легкому» чтенію, но въ данномъ случаѣ латинскимъ выдержкамъ слѣдовало бы дать предпочтеніе. А то,— положимъ даже, что цитуемыя выдержки перевелъ самъ г. Шашковъ, положимъ онъ перевелъ ихъ совершенно вѣрно; но все-таки было бы лучше читать выдержки въ ихъ настоя-

---

*) Either by four stags, or by four elephants,

щемъ оригинальномъ текстѣ (съ переводомъ, конечно, для незнающихъ по латинѣ). А то вѣдь, напримѣръ, читатель встрѣтитъ какую либо неточность въ цитатѣ, неточность въ выраженіи, упущеніе какого либо оттѣнка мысли у древняго писателя; сейчасъ же у этого читателя и явится невольный вопросъ. Да точно не мудрствуетъ ли лукаво г. Шишковъ? подумаетъ онъ, не навязываетъ ли онъ древнимъ писателямъ свои собственныя измышленія и мудрованія? Что такое предположеніе небезосновательно—мы уже видѣли выше.

Наконецъ, нужно еще сказать, что г. Шишковъ, не обставляетъ приводимыхъ выдержекъ цифровыми указаніями, и этимъ, такъ сказать, слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность въ ихъ вѣрности или невѣрности.

ПРОГРАММА

„ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛІОТЕКИ"

заключаетъ въ себѣ два отдѣла: беллетристическій и научный, въ составъ которыхъ войдутъ оригинальные и переводные романы, повѣсти, разсказы, очерки и мемуары, преимущественно историческаго содержанія, оригинальныя и переводныя историческія сочиненія, изслѣдованія, монографіи, матеріалы, историко-юридическія, этнографическія, топографическія статьи и библіографическій указатель съ краткимъ разборомъ выходящихъ книгъ историческаго содержанія, какъ у насъ, такъ и за границей. Сюда же войдутъ статьи, посвященныя трудамъ по археологіи.

„ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА“

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕМѢСЯЧНО КНИГАМИ ОТЪ 10—15 ЛИСТОВЪ.

Цѣна годовому изданію **6** руб. **50** коп., съ пересылкой и доставкой 8 руб.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ Редакціи журнала (Больш. Садовая домъ 121 кв. 12) и въ книжномъ магазинѣ **Черкесова** и **К°**, Невскій просп. противъ Публичной Библіотеки д. № 54.

Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться: въ Петербургъ въ редакцію журнала **„Историческая Библіотека“** (Больш. Садовая домъ 121, кв. 12).

1. Редакція отвѣчаетъ за доставку журнала подписавшимся только въ мѣстахъ, означенныхъ въ объявленіи.

2. Редакція проситъ гг. подписчиковъ точно обозначать свое имя, отчество и фамилію, а также и то почтовое учрежденіе, куда долженъ быть журналъ адресованъ; иначе редакція не отвѣчаетъ за правильную доставку.

3. Подписчики, желающіе перемѣнить адресъ, благоволятъ своевременно увѣдомить о новомъ мѣстѣ жительства, съ обозначеніемъ прежняго, при чемъ за всякую перемѣну уплачивается 50 коп.

4. Желающіе доставить свои произведенія въ Редакцію должны обозначать свой адресъ и подробныя условія, безъ обозначенія послѣднихъ, редакція не будетъ считать себя обязанною входить съ авторомъ въ какіе-либо расчеты.

Редакторъ-издатель **П. В. Полежаевъ.**

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛІОТЕКА

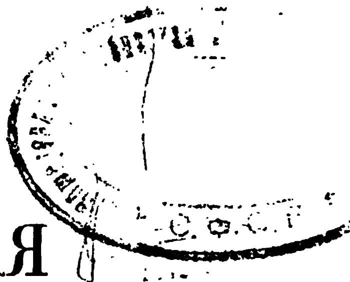
УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

1878.

№ 10.—Октябрь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Ф. Сущинскаго.
Екатерининскій каналъ, 168.
1878

СОДЕРЖАНІЕ № 10-го.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

1878.

№ 10.—Октябрь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Ф. Сущинскаго.
Екатерининскій каналъ 168.
1878

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19 Сентября 1878 г.

Свадьба въ Римскомъ Карфагенѣ.

224 г. по Р. Х.

Motto: «Christianos ad leones»!

Да позволено будетъ намъ сегодня заглянуть въ храмъ красоты и юности, туда, гдѣ высокія колонны обвиты роскошными вьющимися растеніями, гдѣ мраморные дельфины выбрасываютъ тонкія струи воды изъ своихъ открытыхъ пастей, и рѣзвыя ласточки мочатъ въ водоемѣ свои крылья.

Каведіумъ съ царящимъ въ немъ таинственнымъ полумракомъ открытъ сегодня для насъ. Но только надо входить тише, ибо слышащіеся оттуда голоса и веселый смѣхъ обличаютъ присутствіе молодыхъ дѣвушекъ; подобно беззаботно пасущимся сернамъ, онѣ предаются здѣсь своимъ невиннымъ восторгамъ.

Хозяйка дома Семпронія, дочь эдила Плавта, сидитъ на качеляхъ, которыя подвѣшены между двумя колоннами. Передъ ней на мраморномъ полу лежатъ веретено и прялка; но работа сегодня что-то нейдетъ ей на умъ. Двѣ служанки тихо покачиваютъ качели, а Семпронія, отбросивъ назадъ голову съ полузакрытыми глазами, вся отдалась своимъ сладкимъ грезамъ и не замѣчаетъ, какъ прохладный вѣтерокъ шаловливо играетъ ея черными локонами.

Сегодня, какъ обыкновенно, собрались къ ней подруги вмѣстѣ прясть, и жужжанье ихъ веретенъ слышится изъ открытыхъ дверей дома. Прялки заткнуты у дѣвушекъ за пояса и нѣжные пальчики осторожно тянутъ волокна изъ разщемленныхъ камышевыхъ палочекъ и крутятъ ихъ въ нитки. День уже клонится къ вечеру; крыша имплювіума отбрасываетъ отъ себя длинную тѣнь, и молодыя дѣ-

вушки собрались всѣ въ кучку. Запасъ новостей дня и семейныхъ анекдотовъ исчерпанъ, и рѣчи смолкли. Спрыгнувъ съ качелей, Семпронія входитъ въ кругъ дѣвушекъ.

— Знаете-ли, милыя подруги, весело обращается она къ нимъ,—вѣдь у насъ сегодня майскія иды; давайте, погадаемъ на хлопокъ, которой изъ насъ быть невѣстой.

— Да, да! отвѣчаютъ подруги, охотно одобряя ея мысль, клянемся Юноной: майская невѣста должна быть выбрана.

Поднятый легкимъ дуновеніемъ, хлопокъ взлетаетъ къ верху и покачивается надъ головами дѣвушекъ. Всѣ, затаивъ дыханіе, наклоняются къ землѣ и внимательно слѣдятъ за хлопкомъ, который, поднявшись надъ гребнемъ имплювіума, какъ бы выбираетъ и высматриваетъ съ верху, и потомъ, покачиваясь изъ стороны въ сторону, медленно опускается на голову Семпроніи.

Испуганная дѣвушка быстро приподнимается и хочетъ убѣжать, но подруги удерживаютъ ее;—блѣдную и дрожащую осыпаютъ ее привѣтствіями и поздравленіями. Онѣ составляютъ хороводъ вокругъ Семпроніи и украшаютъ свѣжимъ миртовымъ вѣнкомъ ея роскошные черные волосы. Обѣими руками старается она освободиться, но напрасно!

Дѣвушки поднимаютъ майскую невѣсту на руки и вносятъ ее въ покои дома, наскоро убранные лентами и цвѣтами.

Въ темницахъ цирка.

— Замолчите-ли вы, наконецъ, проклятое звѣрье, въ гнѣвѣ кричитъ Прудентъ, смотритель за звѣриными клѣтками карфагенскаго цирка, приподнимаясь съ своего жесткаго ложа,—ни на минуту не дадите вы покоя. И доставши изъ угла желѣзную палку, онъ подходитъ къ клѣткамъ и, просунувъ ее сквозь рѣшетку, наноситъ уда-

ры свирѣпымъ львамъ и пантерамъ, которые рыча и щелкая зубами, забиваются въ самые дальніе углы клѣтокъ,—ударяетъ мимоходомъ по головѣ медвѣдя и опрокидываетъ ведро воды на голову дикаго быка.—Чего вамъ еще надо? у васъ есть теперь что жрать,—ворчитъ онъ и опять укладывается на свою жесткую постель.

Слабый свѣтъ колеблется въ глубинѣ сводовъ—это свѣтитъ пучекъ зажженной лучины въ рукахъ невольника, который, идя передъ своимъ господиномъ, освѣщаетъ ему дорогу. А господинъ его никто иной, какъ римскій намѣстникъ Карфагена, проконсулъ Галерій. Осторожно слѣдуетъ онъ за рабомъ и часто остонавливается испуганный своею собственною тѣнью, которая покрываетъ весь сводъ. Боязливо подходитъ онъ къ рѣшеткамъ клѣтокъ, въ которыхъ, какъ свѣчи, горятъ глаза ихъ свирѣпыхъ обитателей. Животныя рычатъ при его приближеніи, бьютъ хвостами по каменному полу и открываютъ свои широкія пасти, обнаруживая ряды острыхъ зубовъ. Проголодавшіеся медвѣди, просунувъ сквозь рѣшетку свои лапы, какъ будто молятъ о состраданіи. Повинуясь приказанію проконсула, надсмотрщикъ моритъ ихъ голодомъ, и вотъ уже двое сутокъ не давали имъ пищи. Галерій старательно подбираетъ полы своей тоги, какъ бы боясь, чтобы не вцѣпились въ нихъ острыя когти звѣрей, и, какъ бы опасаясь ихъ мести за лишеніе пищи, робко жмется къ стѣнѣ и скорѣе проходитъ дальше. Слѣдующая дверь отпирается при приближеніи проконсула, онъ беретъ у невольника факелъ и входитъ въ нее.

Помѣщеніе, въ которое онъ вошелъ, тѣсно и темно; воздухъ тяжелъ и удушливъ; въ одномъ углу мигая коптитъ лампа, въ другомъ—стоитъ горшокъ съ пищей и кружка съ протухлой водой. Грязь густымъ слоемъ покрываетъ полъ и стѣны темницы. По срединѣ стоитъ на колѣняхъ женщина съ распущенными волосами и склоненной на грудь головой; въ сложенныхъ на груди рукахъ она держитъ небольшой крестъ; ея одежда промокла отъ слезъ, руки опухли и налились кровью

отъ стягивающихъ ихъ веревокъ, дыханіе ея порывисто. Галерій дотронулся до ея обнаженнаго плеча и проговорилъ:

— Вивія Перпетуя! подними свои глаза. Это я, проконсулъ Галерій. Въ послѣдній разъ прихожу я, чтобы предложить тебѣ свободу и счастье. Оставь эту тюрьму, возлюбленная! Ты будешь жить въ пурпурѣ и шелку; только не отвергай моей горячей любви! Отрекись отъ христіанскаго Бога, обратись къ богамъ твоихъ отцовъ и принеси имъ жертвы, чтобы отвратить ихъ гнѣвъ, который ты навлекла на себя своимъ безуміемъ. Слѣдуй за мною и ты возвратишься къ жизни!

Вивія открыла свои глаза и, устремивъ ихъ на проконсула, быстро проговорила:

— Иди отъ меня прочь, соблазнитель! Ни клятвы, ни угрозы твои не заставятъ меня отрѣчься отъ моего Бога: къ нему одному обращена моя душа. Видишь этотъ крестъ въ моихъ рукахъ? ты думаешь—я уступлю это сокровище за твое золото? Нѣтъ! оставь свои старанія. Ни свободу, ни пурпуръ, ни жизнь даже не возьму я за свою вѣру. И мое тѣло и моя душа принадлежатъ Богу! Иди отъ меня! А я, когда буду ждать своей очереди, привязанная къ позорному столбу, возвѣщу о Немъ карфагенянамъ и громко во всеуслышаніе стану называть себя христіанкой.

— Когда такъ, то трепещи, несчастная! Слышишь ли ты этотъ ревъ звѣрей, которые будутъ рвать на куски твое тѣло, слышишь ли эти крики толпы, стекающейся сюда со всѣхъ сторонъ посмотрѣть на смерть твою и твоихъ братьевъ? Увидимъ спасетъ ли тебя Богъ, котораго ты избрала себѣ въ защитники. Я хочу раздавить своими ногами грудь христіанки, которая, отрѣкшись отъ своей старой вѣры и издѣваясь надъ ней, поселяетъ въ стѣнахъ Карфагена разладъ и неповиновеніе. Вивія Перпетуя! я хочу твоей крови, потому что я тщетно добивался твоей любви!

Проконсулъ вышелъ и за нимъ заперлась дверь. Въ

какомъ-то лихорадочномъ напряженіи проходитъ онъ рядъ галлерей и коридоровъ и направляется по пустыннымъ городскимъ улицамъ къ жилищу эдила.

Хозяинъ почтительно встрѣчаетъ его на порогѣ своего дома.

— Я пришолъ къ тебѣ, Маркъ Плавтъ,—обращается къ нему проконсулъ,—просить руки твоей дочери, Семпроніи. Но у меня нѣтъ теперь ни времени, ни охоты говорить съ ней самому. Передай уже ты ей о моемъ выборѣ; черезъ два дня мы будемъ праздновать свадьбу. Слышишь-ли ты, Плавтъ?

Вручивъ старику обручальное кольцо, онъ уходитъ также быстро, какъ пришолъ. Озадаченный и изумленный стоитъ эдилъ нѣсколько времени у двери своего дома, глядя вслѣдъ высокому гостю. Онъ никогда не слыхалъ, чтобъ свадьбы праздновались такъ просто и съ такою поспѣшностью. Но пусть судитъ объ этомъ каждый, какъ умѣетъ. Отказать же проконсулу въ рукѣ дочери было-бы неблагоразумно,—такъ размышляетъ онъ про себя и, покачивая головой, отправляется въ женское отдѣленіе дома.

На слѣдующее утро.

— Проконсулъ Галерій, завтра будетъ праздновать свою свадьбу съ Семпроніей, дочерью эдила Марка Плавта,—такъ возглашаютъ глашатые на перекресткахъ улицъ.

Невольники, повара, торговки и домохозяйки сходятся и толкуютъ объ этой новости, которая всѣмъ имъ кажется очень невѣроятной.

— Такъ скоро! да возможно-ли это? и почему именно выборъ палъ на нее? разсуждаютъ матери.

— Какое счастье и честь для такой молодой дѣвушки сдѣлаться супругой проконсула и нашей общей госпожей!—съ завистью говорятъ дочери.

— Клянемся Юноной, подозрительно перешептываются между собою старухи,—она сглазила его!

Однако всѣхъ радуетъ, что по случаю этой свадьбы будетъ устроено даровое угощеніе для народа и еще более,—что на другой день послѣ свадебнаго торжества въ честь новобрачныхъ на аренѣ цирка будетъ происходить травля христіанъ дикими звѣрями. Галерій хочетъ устроить для народа зрѣлище, какъ то дѣлалось обыкновенно въ Римѣ.

— Пусть женится проконсулъ на комъ и когда ему угодно. Кому до этого дѣло! Только бы высылалъ намъ побольше меду, вина, мяса;—такъ разсуждаетъ простой народъ.

На рынкѣ цѣны на съѣстные припасы быстро возвышаются; яйца, зелень, рыба и всякая живность стала гораздо дороже, а къ дичи и не приступайся.

— Другой такой свадьбы не скоро дождешься; надо пользоваться случаемъ—разсуждаютъ торговцы.

— Эй! Баллій, куда такъ скоро? окликаютъ торговки быстро идущаго мимо ихъ домоправителя проконсула,—ты гоняешься въ перегонышки съ Фебомъ или у тебя болятъ зубы?

Баллій скрывается въ одномъ изъ переулковъ. У самой городской стѣны находится обширный дворъ, окруженный валомъ; на этотъ дворъ входитъ Баллій. Сегодня только что прибылъ корабль съ невольниками *). На катастѣ—деревянныхъ подмосткахъ съ выкрашенными въ

*) Обычаи невольничьяго рынка тогда были такіе же, какъ и теперь. Подмостки, на которыхъ выставлялись несчастные, назывались catasta. Торговцы невольниками назывались mangones или venaliciarii. На нихъ всѣ смотрѣли съ презрѣніемъ. Они обязаны были между прочимъ вѣшать на шею рабамъ дощечки съ обозначеніями недостатковъ послѣднихъ. Тѣ невольники, которые покупались безъ гарантіи, стояли съ покрытыми головами. Вѣнокъ указывалъ на военноплѣннаго, а если ноги невольника были обмазаны гипсомъ, то это значило, что онъ привезенъ изъ-за моря. Въ то время особенно охотно покупались военноплѣнные. Названіе servus слуга оттого и происходитъ, что плѣнные были „сохраняемы“ (conservati) для невольничей службы. Рабы, уже происходившіе отъ несвободныхъ родителей, назывались vernae. Знатные держали рабовъ цѣлыми сотнями. Стоилъ невольникъ въ то время отъ 2240 до 8000 сестерціевъ.

бѣлую краску подставками выставлены на продажу обнаженные люди, принадлежащіе всевозможнымъ націямъ: бѣлые, смуглые и совсѣмъ черные; высокіе и низенькіе; молодые и старые. На шеяхъ у нихъ висятъ дощечки съ обозначеніемъ имени, возраста и происхожденія. Тутъ мы видимъ сирійцевъ, нубійцевъ, мизійцевъ, каппадокійцевъ, грековъ—и обученыхъ и грубыхъ полудикихъ людей; покупатели могутъ выбирать по желанію. Продавцы громко выхваливаютъ свой товаръ. Подстрекаемые ударами кнутовъ несчастные должны подпрыгивать и изгибаться всѣмъ тѣломъ, чтобы показать покупателямъ свою ловкость и здоровое тѣлосложеніе. Хозяева грубо разжимаютъ имъ челюсти, чтобы показать зубы. Многіе изъ невольниковъ, въ особенности греки, благодаря ихъ искустнымъ рукамъ, покупаются на расхватъ и за очень большую цѣну. Баллію его господинъ, проконсулъ, поручилъ купить невольниковъ для новаго хозяйственнаго обзаведенія. Съ видомъ знатока осматриваетъ онъ выставленный товаръ, однихъ ощупываетъ съ ногъ до головы, другимъ осматриваетъ зубы, третьихъ испытываетъ въ познаніяхъ,—переходитъ къ другой катастѣ, если на первой неудовлетворены его требованія,—и условливается съ продавцами о цѣнѣ.

— Баллій, Баллій! кричатъ ему они, лучшаго атріензиса не найдешь въ цѣломъ рынкѣ! къ тому же до невѣроятія дешевъ: всего полторы тысячи динаріевъ!

— Этотъ молодецъ—слышитъ онъ съ другой стороны, пишетъ четкимъ, хорошимъ почеркомъ и будетъ очень полезенъ, какъ либрарій.

— Баллій, милѣйшій мой! кричитъ ему третій—клянусь Юпитеромъ, ты ищешь по напрасну, только у меня найдешь хорошій товаръ. Мои молодцы здоровы, какъ рыба, эти два великана будутъ хорошими привратниками, а этотъ лекторъ можетъ читать двѣ ночи сряду, не отдыхая. Какъ ты находишь ихъ?

— Кому нужно карликовъ и шутовъ? есть рѣдкіе экземпляры.

На катастѣ этого торговца стоятъ уродливые человѣческія фигуры, съ тупымъ выраженіемъ лицъ и толстыми безобразными головами: ихъ назначеніе развлекать знатныхъ людей своимъ тупоуміемъ.

Баллій наконецъ закупилъ свой товаръ и погналъ передъ собой, какъ стадо барановъ вновь пріобрѣтенныхъ невольниковъ. Дома новыхъ слугъ сначала заставили вымыться въ банѣ, затѣмъ одѣли въ пестрыя цвѣтныя туники и приставили каждаго къ дѣлу.

Въ атріумъ жениха входитъ его старуха — мать и слабымъ дрожащимъ отъ старости голосомъ заботливо отдаетъ приказанія двумъ служанкамъ, которыя занимаются устройствомъ и установкой красивой постели для новобрачныхъ. Посреди комнаты стоитъ отороченная по краямъ золотомъ и поддерживаемая грифами брачная постель, перетянутая крѣпкими скрещивающимися тесмами, поддерживающими матрацъ, на которомъ лежатъ мягкія изъ шерстянаго хлопка подушки, старательно взбитыя и расправленныя служанками. Паллій, съ вытканными по немъ символическими фигурами, служитъ одѣяломъ; старуха тщательно расправляетъ его своими сухощавыми руками, не оставляя ни одной складочки, потомъ сдуваетъ пыль, насѣвшую на шелковыя подушки, лежащія въ изголовьѣ, поправляетъ пурпуровый финикійскій пологъ и останавливается, въ раздумьи глядя на брачное ложе. Слезинка выпала изъ ея тусклыхъ старческихъ глазъ. Теперь она вспомнила о старомъ давно минувшемъ времени, когда она сама съ вѣнкомъ на головѣ и лентами въ косахъ въ первый разъ вступила подъ руку съ своимъ женихомъ въ брачный покой. Его убранство не было тогда такъ роскошно, какъ сегодня, ни пурпуроваго одѣяла, ни шелковыхъ подушекъ не было тогда; не было и позолоченныхъ креселъ въ ея скромной комнаткѣ; но все же счастливо прожила она съ своимъ супругомъ, пока его не похитила у ней неумолимая смерть.

Концомъ своей паллы обтираетъ она на глазахъ слезы и

дрожащею рукою подливаетъ свѣжаго масла въ лампу, ставитъ вокругъ кровати изображенія Премы, Пертунды, Пріапа и Субига. Осмотрѣвъ комнату и убѣдившись, что никто за ней не подсматриваетъ, поспѣшно кладетъ подъ матрацъ клочекъ овечьей шкуры,—это дѣлается для того, чтобы бракъ былъ плодовитѣе — и вздохнувъ выходитъ изъ комнаты.

— Сегодня вышло хорошо,—бормочетъ она, идя изъ комнаты—а въ мое время все же было лучше.

Невѣста.

Рядъ маленькихъ комнатъ окружаетъ кавед̣іумъ Семпроніи. Его крытые ходы украшены сегодня въ честь хозяйки-невѣсты гирляндами и цвѣтами. Волнистая желтоватая занавѣсь закрываетъ входъ въ комнату невѣсты. Теплый, солнечный лугъ проникаетъ черезъ открытую кровлю, — тотъ же лучъ, который освѣщаетъ политыя съ особенной сегодня заботливостью цвѣточныя грядки, окружающія небольшой постоянно бьющій фонтанъ. Домъ нынче особенно оживленъ. Служанки суетятся вокругъ невѣсты и бѣгаютъ то за тѣмъ, то за другимъ по комнатамъ. Невольницы приносятъ для своей госпожи платье и другія принадлежности туалета: невѣста сейчасъ возвратилась изъ купальни, и «гардеробщица» (ornatrix) съ своими помощницами вошла одѣвать ее.

Воздухъ маленькой, богато украшенной комнаты пропитанъ благовоніемъ; молодая хозяйка въ легкой, небрежно накинутой на ея плечи одеждѣ только что вошла туда. Въ комнатѣ царитъ пріятный полусвѣтъ и тишина, нарушаемая лишь плескомъ воды въ мраморномъ водоемѣ да жужжаньемъ ночной бабочки, забившейся въ складки занавѣса. Въ одномъ изъ угловъ лежатъ рядомъ прялка, веретено и incunculae *), куклы, сдѣланныя изъ глины

*) Incunculae—куколки изъ глины и слоновой кости; ихъ найдено очень много въ дѣтскихъ могилахъ въ Сициліи. Въ день свадьбы онѣ вмѣстѣ съ другими игрушками приносились въ жертву пенатамъ.

и слоновой кости вмѣстѣ съ маленькими астрагалами: ими дѣвушка играла еще вчера, но сегодня они будутъ уже принесены въ жертву пенатамъ. На небольшихъ круглыхъ столикахъ съ позолоченными ножками лежатъ различныя принадлежности туалета. Изъ богато украшеннаго ящичка вынута заключавшаяся въ немъ благовонная мазь. Въ порядкѣ стоятъ, одинъ возлѣ другаго, флакончики съ драгоцѣннымъ оливковымъ масломъ, шафрановой, фіалковой водой, и ослинымъ молокомъ, которымъ умываютъ лицо, такъ какъ оно придаетъ кожѣ необыкновенную бѣлизну и свѣжесть. Румяна, краска для бровей и зубной порошокъ изъ Пренесте наполняютъ алебастровыя баночки, вокругъ которыхъ лежатъ кисточки, гребенки, иголки, щеточки изъ барсучьихъ волосъ.

Семпронія сѣла въ свою лектику. Ея черные волосы, еще влажныя послѣ купанья, падаютъ кольцами на обнаженныя плечи; ея маленькія граціозныя ножки покоятся на шкурѣ пантеры; невольница обтираетъ ихъ простыней изъ тонкаго полотна и надѣваетъ на нихъ маленькія кожаныя сандаліи; свѣтло-желтыя ленты обвиты вокругъ пальцевъ; аграфъ изъ оникса украшаетъ перевивку.

Слоновымъ гребнемъ старательно расчесываетъ служанка распущенные волосы своей госпожи. Искустной рукой выбираетъ она различныя масла и мази, растираетъ ихъ на ладони и намазываетъ волосы. Затѣмъ заплетаетъ ихъ въ три косы, связываетъ вмѣстѣ желтой шерстяной тесемкой. Головной уборъ украшается вѣнкомъ изъ свѣжихъ цвѣтовъ, которые невѣста должна была нарвать себѣ сама.

Богато украшенный нарядъ Семпроніи ослѣпляетъ глаза. Своими маленькими пальчиками разбираетъ невѣста различныя золотыя вещицы, жемчугъ, и драгоцѣнные камни, присланные ей сегодня утромъ въ подарокъ отъ жениха. То одинъ, то другой ящикъ беретъ она въ руки, любуясь на свои подарки. Ея прекрасные дѣтски-невинные глазки горятъ отъ удовольствія при видѣ до-

рогихъ колецъ и серегъ, которыя она, то надѣваетъ, то снимаетъ и съ дѣтскимъ нетерпѣніемъ продолжаетъ за этой забавой свой туалетъ, который сейчасъ будетъ оконченъ.

Золотая сѣтка уже покрываетъ ея волосы; брови и рѣсницы слегка подкрашены, блѣдныя щеки покрыты румянами. Уже надѣто свадебное покрывало *); Семпронія встаетъ съ своего мѣста, и двѣ служанки набрасываютъ на нее бѣлую региллу **). Всѣ складки на одеждѣ старательно сглаживаются. Шерстянымъ поясомъ *съ геркулесовымъ узломъ* перетягивается ея станъ. Тяжелыя жемчужныя серьги украшаютъ уши, дорогія кольца надѣты на руки. Блистая красотой и роскошью наряда, выходитъ невѣста, опираясь на руку служанки изъ своей маленькой комнаты, съ грустью прощаясь съ этимъ мѣстомъ, съ которымъ связано для нея столько воспоминаній о счастливой порѣ дѣтства. Съ пенатами родительскаго дома идетъ она къ стаду, со слезами на глазахъ сыплетъ въ пылающую жаровню жертвенныя зерна и бросаетъ послѣдній прощальный взглядъ на ласточекъ и воркующихъ голубей, которые сидя на кровлѣ имплювіума, печально ждутъ въ послѣдній разъ корма,—вспоминаетъ съ сердечной благодарностью о своихъ вѣрныхъ служанкахъ, со слезами окружающихъ ее теперь, и съ глубокимъ вздохомъ сказавъ «прости» всему, что было ей такъ дорого до сей поры, черезъ таблинумъ быстро идетъ въ атріумъ, гдѣ родственницы и подруги давно съ нетерпѣніемъ ожидаютъ ее.

---

*) Свадебное покрывало, *flameum*, накидывалось на голову невѣсты—что называлось *nubere* или *obnubere*. Flameum—это былъ родъ продолговъ-таго шерстянаго платка, который, наброшенный на голову, прикрывала отчасти лобъ и щеки и падалъ на плечи; лицо оставалось незакрытымъ. Жолтый—былъ цвѣтъ любви у древнихъ. Жолтаго цвѣта были діадема невѣсты, башмаки, flameum, матрацъ, постель и даже платье ея служанки.

**) Выйдя за мужъ, дѣвушка надѣвала такъ называемую *toga recta* вмѣсто прежней — *toga pretexta*. Toga recta или иначе regilla поддтягивалась шерстянымъ кушакомъ, который завязывался въ геркулесовъ узелъ (nodus Gerculeus), чѣмъ невѣста будто-бы охранялась отъ глазу и порчи.

На узкихъ городскихъ улицахъ, по которымъ должна проходить свадебная процессія, съ ранняго утра толпится народъ. Полгорода сегодня на ногахъ и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ процессіи. Ремесленники оставили свои мастерскія, торговцы—свои лавки, женщины и дѣти покинули свои жилища. Всѣ спѣшатъ къ дому эдила, чтобы посмотрѣть на богатую свадьбу, вѣсть о которой еще вчера распространилась по городу. Мостовая у дома невѣсты посыпана опилками и шафраномъ; двери украшены вѣнками и бантами; дымятся мѣдные треножники, наполненные смолистыми стружками и репейникомъ, имѣющимъ символическое значеніе. Гремятъ рога букцинаторовъ; въ толпѣ начинается давка; всѣ лѣзутъ впередъ: Галерій, намѣстникъ края и теперь женихъ, появляется, окруженный толпою кліентовъ и слугъ, и почтительно привѣтствуемый народомъ, вступаетъ на порогъ дома невѣсты. Отароченная пурпуромъ тога окутываетъ его крѣпкую и статную фигуру; вѣнокъ изъ розъ украшаетъ его курчавую голову.

Взоръ его суровъ и мраченъ; уста судорожно сжаты. Въ передней комнатѣ дома эдила возвышается жертвенникъ. Пронуба *) подводитъ дрожащую невѣсту къ жениху и соединяетъ ихъ руки. Подъ ножомъ жреца падаетъ жертвенная овца, идетъ паръ отъ только что вырѣзанныхъ внутренностей, и среди молитвъ къ Церерѣ и Юнонѣ начинаются ауспиціи; **) по расположенію внутренностей животнаго и по полету выпущеннаго сокола, гадатели открываютъ благопріятныя предзнаменованія. Шкура животнаго разстилается вдоль сидѣнья, и на нее усаживаются женихъ и невѣста.

---

*) Pronuba—сваха; подведя невѣсту къ жениху, она соединяла ихъ руки; отсюда выраженіе—in manum convenire.

**) Ауспиціи происходили въ домѣ невѣсты; самымъ удобнымъ для нихъ считался aegithus—порода соколовъ. Гаруспиціи производились надъ внутренностями животныхъ; при этомъ если внутренности были чисты, безъ пятенъ, то ихъ приносили въ жертву. Ауспиціальныя божества суть: Церера, Теллусъ, Марсъ Пикумнъ и Пилюмнъ и наконецъ Юнона Пронуба.

Семпронія, невѣста, сыплетъ ладонъ въ золотую жертвенную чашу и закутавъ голову покрываломъ, вспрыскиваетъ жертвенникъ молокомъ и виномъ. Раздается звукъ флейтъ; мальчикъ зажигаетъ горящей лучиной огонь подъ лежащимъ на алтарѣ жертвеннымъ животнымъ, между тѣмъ женихъ и невѣста читаютъ обычныя молитвы Теллусу и Марсу Пилумну, пославшимъ имъ благопріятныя предзнаменованія, и предшествуемыя фламиномъ съ водой и огнемъ въ рукахъ обходятъ вокругъ алтаря. Въ это время мальчикъ приноситъ чашку съ хлѣбными зернами и фруктами; ихъ высыпаютъ въ огонь. Церемонія приближается къ концу. Свадебные пирожки раздѣляются между гостями и прислугой; всѣ присутствующіе садятся за столъ.

Пиръ кончился; солнце клонится къ закату; отъ дома падаетъ длинная тѣнь, и на востокѣ зажглась уже яркая вечерная звѣзда. *) Молодую невѣсту выводятъ изъ дома и стоящая у дому толпа привѣтствуетъ ее шумными криками; зажгли факелы; повсюду замѣтно оживленное движеніе, народъ всталъ густыми рядами по обѣимъ сторонамъ улицы; кровли, лѣстницы и столбы заняты любопытными; каждый пробирается поближе, чтобы лучше разсмотрѣть невѣсту и ея богатую свиту. Все стихло, всѣ напряженно вытянули шеи: Камиллъ съ свадебнымъ факеломъ въ рукахъ показался на порогѣ дома, и начались фесценины; за нимъ вышли одѣтые въ роскошные костюмы музыканты. А вотъ и невѣста. Какъ блѣдна она! Какъ дрожитъ у ней вѣнокъ въ рукахъ, какъ трепещетъ она при крикахъ толпы! Что это? она плачетъ?.. Бѣдное дитя, силой похищенное изъ подъ родительскаго крова и отданное въ руки человѣку, котораго до сихъ поръ не знало. Какая жестокая участь! Опираясь на плечи слугъ, Семпронія скорѣе перепархиваетъ, чѣмъ пе-

*) Съ появленіемъ вечерней звѣзды совершалось *domum deductio* водвореніе невѣсты въ домѣ жениха. Невѣста передъ тѣмъ однако же убѣгала къ матери, откуда должны были ее уводить какъ бы насильно.

реступаетъ порогъ дома, сказавъ родительскому очагу «прости» на всегда.

Женихъ, идя возлѣ нея, слѣдуя обычаю, разбрасываетъ на всѣ стороны орѣхи и мелкую монету; толпа съ жадностью бросается на подачку. За невѣстой несутъ ея веретено, прялку и изображеніе брачныхъ божествъ: Югатина, Домидука и Мантурны. Пять молодыхъ женщинъ съ факелами въ рукахъ окружаютъ брачную чету. Къ процессіи присоединяется густая толпа народа, который, громко призывая Таласа бога плодородія, сопровождаетъ ее до самаго дома жениха.

Майскія иды,—какой несчастливый день *) для свадьбы! Не удивительно, что боги послали дурныя предзнаменованія. Принесенныя сегодня въ жертву животныя были безъ крови. Послы, пришедшіе съ юга, разсказываютъ, что въ прошедшую ночь на поля налетѣли цѣлыя тучи жучковъ и истребили весь хлѣбъ. Заблудившіеся путники слышали какіе-то странные звуки и голоса изъ разщелинъ скалъ, а мѣдная статуя Астарты издавала сегодня звонъ—что всегда бываетъ предвѣстіемъ войны или какого-нибудь общественнаго бѣдствія. Такіе толки идутъ въ народѣ.

Проконсулъ мрачно смотритъ въ землю, не осмѣливаясь приподнять глазъ, ноги его дрожатъ, руки судорожно сжаты, какъ-то машинально, безсознательно идетъ онъ вслѣдъ за невѣстой.

На поворотѣ въ одну улицу черезъ толпу пробирается, расталкивая обѣими руками народъ, какая-то женщина: это Юбея, безумная. Жалкіе лохмотья прикрываютъ ея тѣло; длинные вьющіеся волосы обрамляютъ ея когда-то прекрасное лицо, на которое болѣзнь и нищета положили теперь неизгладимую печать. А между тѣмъ она происходитъ изъ древняго рода Сохотъ-Бенотъ, и внука владѣтельнаго князя!

---

*) Неблагопріятнымъ временемъ считались: весь май и первая половина іюня; затѣмъ праздники—фераліи, паренталіи, лемуріи, а также календы, ноны и иды каждаго мѣсяца.

Въ рукахъ она держитъ пучекъ тростнику, старательно обмотанный тряпками. Ея взоръ остановился на процессіи, и вдругъ съ оглушительнымъ, дикимъ воплемъ бросается она, подобно тигрицѣ, на жениха.

— Ты мой, несчастный! кричитъ она, подступая къ проконсулу,—я купила тебя цѣной своей чести еще тогда, когда мы охотились за львами на черныхъ Сигесскихъ скалахъ. Ты клялся мнѣ въ любви и вѣрности и однако-же, когда я впослѣдствіе больная и безъ куска хлѣба, валялась у твоего порога, ты съ презрѣніемъ оттолкнулъ меня. Въ волнахъ Баргада утопила я своего ребенка—плодъ нашей любви, когда у меня высохла грудь и мнѣ нечѣмъ было кормить его. Но рѣка выбросила вонъ свою добычу, и смотри сюда, Галерій, — узнаешь-ли ты свое произведеніе?

Юбея бросаетъ къ ногамъ проконсула пучекъ камышу, который держала въ рукахъ.

— Здѣсь, измѣнникъ, твой ребенокъ, и теперь вступая въ новое супружество, возьми его себѣ! Галерій сжалъ себѣ губы такъ сильно, что кровь полилась изъ нихъ; дрожа всѣмъ тѣломъ и едва держась на ногахъ, онъ опирается на плечи невольника; но вотъ раздается звукъ роговъ, и онъ снова овладѣлъ собой.

— Возьмите ее, кричитъ онъ;—устами этой женщины говоритъ безуміе, я не знаю ее.

Оглушенная ударомъ по головѣ, Юбея упала безъ чувствъ къ ногамъ зрителей.

Процессія достигла рынка. На южной сторонѣ его возвышаются черныя стѣны амфитеатра, высокіе столбы и своды поддерживаютъ массивную постройку. На гребнѣ стѣнъ, освѣщенномъ лучами заходящаго солнца, расположилась на ночлегъ цѣлая стая вороновъ. При приближеніи процессіи спугнутыя птицы поднимаются и всей стаей съ карканьемъ летятъ надъ головами идущаго за процессіей народа.

Галерій поднялъ глаза и содрогнулся при видѣ арены; кровь у него застыла въ жилахъ; подъ этими мрачными

сводами томится женщина, которую онъ любилъ и которую однако-же долженъ былъ осудить на смерть. «Вивія»!—чудится ему—каркаютъ вороны «Вивія»! слышится ему какъ будто изъ-подъ земли. Онъ закрываетъ тогой свое мертвенно-блѣдное лицо, онъ не видитъ почвы подъ ногами, не можетъ самъ идти, черезъ площадь его почти несутъ на рукахъ.

Глаза Семпроніи покраснѣли отъ слезъ, которыя по мѣрѣ ея удаленія отъ родительскаго дома текутъ все сильнѣе и сильнѣе. На перекресткѣ четырехъ улицъ невѣста останавливается и, слѣдуя обычаю, бросаетъ въ жертву «дорожнымъ богамъ» серебряную монету. Вдругъ надъ самымъ ухомъ слышитъ она знакомый голосъ: «Смѣлѣе, Семпронія, смѣлѣе!». Семпронія подняла глаза, радостный крикъ вырвался изъ ея устъ: передъ ней стояла Михея, ея кормилица; она не побоялась дальнаго пути изъ Сикки, чтобы посмотрѣть еще разъ на свою питомицу—и твердой поступью идетъ уже дѣвушка къ дому жениха.

Наступила ночь. Загорѣлись факелы, бросая вдоль улицы яркія полосы свѣта; слышатся громкіе крики ликующей толпы: процессія достигла дома проконсула. Повинуясь обычаю, передъ дверью своего дома женихъ останавливается и громко спрашиваетъ невѣсту:

— Кто ты, желающая вступить въ мое жилище?

Семпронія отвѣчаетъ:

— Гдѣ ты хозяинъ, тамъ я хозяйка *).

Затѣмъ волчьимъ жиромъ вымазываетъ она дверь, черезъ которую должна войти, и перевязываетъ шерстяной повязкой косяки. Это означало, что она отдаетъ домъ подъ покровительство ларовъ. Она входитъ въ домъ; въ передней комнатѣ ее окропляютъ священной водой и пронуба отводитъ ее въ слабо освѣщенный брачный покой. Двери дома запираются. Родственники удалились одинъ за другимъ, поручая новобрачную покровительству пенатовъ.

---

*) «Ubi tu Gajus, ibi ego Gája»—обычная на этотъ случай формула.

На рынкѣ.

— Кто идетъ съ нами смотрѣть акробатовъ—спрашиваютъ другъ друга дѣти, и цѣлая толпа ихъ заворачиваетъ въ ближайшую улицу, которая ведетъ на рынокъ. Яркій свѣтъ отъ горящихъ посреди площади огней и отъ лампъ, просвѣчивающихъ сквозь открытыя двери лавокъ и кабаковъ, освѣщаетъ пеструю толпу народа, возвращающуюся со свадебной процессіи.

Въ харчевняхъ и мясныхъ лавкахъ идетъ сегодня бойкая торговля, ибо каждый, кому посчастливилось получить на свадьбѣ подачку, идетъ съѣсть чего нибудь горячаго. Кровяная колбаса, сало и копченое мясо съ медовыми пирожками раскупаются въ большемъ количествѣ. Медъ и вино скоро оказываютъ свое дѣйствіе, и на площади становится все оживленнѣе и шумнѣе.

Деревянныя подмостки съ разстянутыми надъ ними канатами, на которыхъ показываютъ свое искуство смуглые, одѣтые въ короткія туники акробаты, осаждены любопытными. Тутъ же развлекаютъ толпу атлеты, подбрасывая въ воздухъ различныя тяжести, — фигляры прыгаютъ въ узкіе обручи, молодыя дѣвушки ходятъ на рукахъ и изгибаются въ кольцо, получая мелкую мѣдную монету за свое искуство. Не мало привлекаетъ любопытныхъ и балаганъ мансветарія, наполненный рѣдкими экземплярами животныхъ изъ пустынь и рѣкъ Африки: еле живыми змѣями и крокодилами, общипаными, голодными страусами, ручными обезъянами и газелями. Ярко освѣщенныя деревянныя лавченки биткомъ набиты покупателями; у входа въ нихъ разложены для приманки различные рѣдкіе предметы: грубо выдѣланныя изъ дерева изображенія боговъ, окрашенныя въ голубой, красный и желтый цвѣтъ; Діана съ каричневымъ лицомъ и густо нарумяненными щеками, Меркурій, Фортуна и Юнона, подвѣшенные наниткахъ и предназначаемые для ношенія у пояса, различныя до-

машнія божества въ деревянныхъ футлярахъ и ящикахъ; Миневра и Веста въ дорогихъ нарядахъ, и все это страшно дешево, по словамъ торговцевъ; далѣе, Nimbi — мѣдные вѣнки, предназначаемые защищать головы боговъ отъ птицъ и летучихъ мышей; кольца съ изображеніемъ Астарты; амулеты изъ дерева и кости, за ними карикатурныя маски, скелеты змѣй и ящерицъ, предохраняющіе будто-бы отъ злаго глаза; и наконецъ выдѣланные изъ глины египетскіе идолы съ стеклянными и жемчужными глазами; съ любопытствомъ расматриваетъ ихъ толпа, но къ сожалѣнію кошельки у всѣхъ уже давно пусты: деньги всѣ ушли на лакомства, и для боговъ не оставалось ни одного асса.

Не хотите-ли посмотрѣть на кулачные бои? если желаете видѣть эту дикую забаву, то пойдемте въ эту толпу, только берегите карманъ, потому что здѣсь много искусныхъ «карманныхъ мастеровъ,» да остерегайтесь гнусныхъ «жрицъ Венеры,» которыя подъ арками арены открыто предаются своему постыдному пороку.

Въ толпѣ вдругъ начинается оживленное движеніе. Слышится крикъ: христіане, христіане! Быстро пустѣютъ кабаки и лавки. Всѣ стремятся туда, откуда слышатся эти крики. Идутъ окруженные стражей двое какихъ-то людей, осыпаемые насмѣшками и бранью толпы. Это христіане — Сатуръ и Фелицита; они отказались повиноваться эдикту императора и не хотѣли принести жертву богамъ. Осужденные на разстерзаніе дикими звѣрями, они идутъ теперь, изъ темницы арены. «Ко львамъ, ко львамъ ихъ» слышится со всѣхъ сторонъ. Слѣдующая за ними толпа все растетъ и растетъ. Достигнувъ амфитеатра, народъ взбирается на лѣстницу, чтобы лучше разсмотрѣть несчастныя жертвы; двигающіяся въ вечернемъ полумракѣ вдоль лѣстницы человѣческія фигуры съ тускло мерцающими то тутъ, то тамъ факелами походятъ на привидѣнія.

Наступила ночъ. Взошелъ мѣсяцъ. Облитыя его свѣтомъ, стѣны мрачнаго зданія отбросили длинную тѣнь.

До утра еще долго, но верхнія галлерея арены уже наполнена народомъ. Сегоднешнюю ночь въ Карфагенѣ никто не спитъ. До сна-ли тутъ, когда завтра зрѣлище и даровое угощеніе! Къ насмѣшкамъ и крикамъ народа присоединяется шумъ и крики вновь приходящихъ. Толпа растетъ съ каждымъ часомъ, и пробуждающійся день застаетъ всѣхъ жителей Карфагена и его окресностей на мраморныхъ ступенькахъ амфитеатра. Съ первыми лучами солнца изъ тысячи глотокъ вырывается крикъ:

Christianos ad leones!

Быстро наполняются и ложи средняго и высшаго сословія. На носилкахъ появляется знать, женщины и дѣвушки; сановники и всадники. Торговцы приходятъ со свѣжими съѣстными припасами и разставляютъ свои столики подъ сводами арены. Лучи знойнаго африканскаго солнца падаютъ отвѣсно на головы зрителей. Вѣтеръ несетъ съ пустынь раскаленный песокъ, который дождемъ падаетъ на зрителей, цѣлые рои мухъ буквально облѣпляютъ ихъ. Сидящіе на верхнихъ галлереяхъ отъ страшнаго зноя распахиваютъ платье, женщины растегиваютъ пояса; туники сброшены съ плечъ. Многіе растянувшись на брюхѣ вдоль гребня стѣны, по цѣлымъ часамъ смотрятъ въ ту сторону, откуда долженъ появиться проконсулъ, лишь съ приходомъ котораго начнется зрѣлище.

Но напрасно это волненіе, напрасны эти нетерпѣливые крики. Карфагеняне должны еще подождать. Галерій въ это время сидитъ за завтракомъ, а Семпронія только что возвратилась изъ купаленъ, и теперь занята своимъ туалетомъ. Между тѣмъ какъ служанки завиваютъ ей волосы, подкрашиваютъ брови и рѣсницы, она лакомится различными сластями, медомъ и пирожками. Вдругъ, бросивъ случайно взглядъ въ зеркало, она вскрикиваетъ гнѣвно:

— Праведные боги! Бедзабета! ты завиваешь мнѣ волосы такъ, какъ будто бы я сегодня хочу нарядиться фуріей и выйдти на подмостки сцены. Клянусь Юноной— вмѣсто розоваго масла ты сегодня мнѣ смазала волосы коричневымъ! Что съ тобой, несчастная? ты сегодня точно не въ своемъ умѣ.

Невольница, падая къ ногамъ своей госпожи, отвѣчаетъ:

— Какъ мнѣ не разстроиться въ мысляхъ, какъ мнѣ не болѣть сердцемъ? Видя тебя въ этихъ пышныхъ нарядахъ, тебя, сіяющую красотою юности, супругу нашего высокаго господина, я подумала, для чего облеклась ты сегодня въ эти богатыя одежды? лишь для того, чтобы идти смотрѣть, какъ дикіе звѣри будутъ терзать несчастныхъ христіанъ, украсила ты діадемой свои прекрасные волосы и надѣла на себя драгоцѣнные наряды! чтобы понравиться кровожадной толпѣ, ты должна превратить въ закаленую сталь свое сердце!

Ахъ, госпожа! Еслибъ я была на твоемъ мѣстѣ, супругой проконсула, была также прекрасна и молода, какъ ты, то съ удовольствіемъ пожертвовала бы своею жизнію, чтобы спасти несчастныхъ, заключенныхъ въ темницы вмѣстѣ съ убійцами и святотатцами и долженствующихъ сегодня служить кровавой забавой для карфагенянъ. Я припала бы съ мольбой къ груди супруга и употребила бы и слезы, и всѣ доступныя мнѣ средства, чтобы смягчить его сердце. Прости, госпожа, великодушно свою рабу, осмѣливающуюся спросить тебя: что сдѣлали христіане тебѣ и твоему супругу? И не долженъ ли ихъ Богъ, за котораго они такъ охотно идутъ на смерть, быть выше другихъ боговъ?!

— Безабета! да въ умѣ ли ты? Я должна просить за этихъ христіанъ, которые смѣются надъ нашими богами, отвергаютъ вѣру нашихъ отцевъ и смущаютъ народъ? Въ Карфагенѣ я не переродилась, въ моихъ жи-

лахъ все же течетъ римская кровь. Если мой супругъ хочетъ на глазахъ карфагенянъ на праздничномъ зрѣлищѣ примѣрно и поучительно наказать преступниковъ, то не прямой ли долгъ жены быть первой и главной свидѣтельницей его гнѣва? Сами боги будутъ радоваться наказанію христіанъ, а Семпронія—ты говоришь—должна чувствовать къ нимъ состраданіе? Подай мнѣ поскорѣе поясъ и пряжки; мой благородный супругъ уже слишкомъ долго ожидаетъ меня. Слуги, мои носилки! скорѣе! Семпронія не хочетъ придти на праздникъ послѣдней!

Зрѣлище.

Городскія улицы убраны по праздничному; дома обвѣшаны лентами и вѣнками; мостовая усыпана листьями и травой.

Въ воздухѣ слышится чириканье сверчковъ; птицъ не видать: онѣ попрятались въ тѣнь; только голуби полощутся въ водоемѣ бассейна. Жара невыносимая... Но вотъ со стѣны арены раздался крикъ:

— Они идутъ!

И новая жизнь разлилась по жиламъ утомленныхъ долгимъ ожиданіемъ зрителей. Безконечные привѣтственные возгласы слышатся при появленіи проконсула, его молодой супруги и ихъ свиты. Семпронія, вчера еще скромная никому неизвѣстная двѣнадцатилѣтняя дѣвушка, занимаетъ сегодня почетное мѣсто между знатнѣйшими дамами города. Глаза всѣхъ устремлены на нее.

— Какъ прекрасна она! перешептываются зрители, любуясь ею, и со всѣхъ сторонъ ей слышатся похвалы, ибо даже зависть въ безсиліи умолкаетъ при видѣ такого прелестнаго созданія. Завитые спереди волосы чуть-чуть прикрываютъ ея лобъ, падая изъ подъ золотой діадемы роскошными прядями на ослѣпительно-бѣлыя

плечи. Веселый лепетъ заставляетъ ее открыть слегка ротъ и показать свои жемчужные зубки. Длинныя рѣсницы дѣлаютъ взглядъ ея прекрасныхъ глазъ еще глубже, а многочисленныя складки ея одежды не въ состояніи скрыть полноты ея пышныхъ формъ.

Галерій неподвиженъ, углубившись въ свои подушки. Подъ его ногами, въ глубинѣ арены, ждетъ своей участи осужденная имъ на смерть Вивія, жертва его отвергнутой страсти; а рядомъ съ нимъ другая, новая жертва Семпронія. Проконсулъ судорожно сжимаетъ складки своей тоги. Разгоряченная кровь сильно бьетъ ему въ виски, у него все точно кружится передъ глазами. Онъ почти не обращаетъ вниманія на зрѣлище, которое по звуку роговъ началось внизу на аренѣ.

Метатели диска, скороходы и фехтовальщики стараются превзойти другъ друга въ быстротѣ и искусствѣ. Полуобнаженные кулачные бойцы, со связанными на затылкѣ волосами въ пучокъ и намазаннымъ масломъ тѣломъ, осыпаютъ другъ друга жестокими ударами. Стрѣлки и пращники бросаютъ въ цѣль камни и стрѣлы, фехтовальщики стараются, каждый, поразить ловкимъ ударомъ противника, подставляя подъ ударъ и свою незащищенную грудь. Свиститъ петля ликвеарія, показывающаго свое искуство *душить*. Ловкость и терпѣніе, быстрота и вѣрность взгляда поразительны... Кому недостаетъ физической силы, тотъ восполняетъ этотъ недостатокъ хитростью и искуствомъ владѣть оружіемъ. Градомъ сыплются удары, звѣнитъ желѣзо, ударяясь о гладкую поверхность щита. Какъ левъ защищается великанъ—атлетъ отъ нападающихъ на него гладіаторовъ. Копья свистятъ въ воздухѣ и скрещиваются на лету. Пораженный на смертъ, боецъ лежитъ въ предсмертныхъ мукахъ на пескѣ, еще нѣсколько минутъ передъ тѣмъ мечтавшій о побѣдной пальмѣ. Носящіяся надъ ареной, облака пыли прикрываютъ раненныхъ и умирающихъ... Дикіе вопли, стоны и крики побѣдителей наполняютъ воздухъ. Но карфагенскій народъ мало интересуется этимъ зрѣли-

щемъ: состязанія въ бѣгѣ, кулачный бой, поединки гладіаторовъ—не новость; все это слишкомъ обыкновенно и давно пріѣлось. Да и крови мало, она течетъ тутъ лишь по капелькамъ. Зрители преспокойно ѣдятъ огурцы, грызутъ орѣхи и забавляются швыряньемъ другъ въ друга скорлупами. Трубачи и флейтщики не въ состояніи больше играть на своихъ инструментахъ; отъ жары у нихъ пересохло горло, и навѣрное поднялся-бы шумъ и крики, если-бы въ это время не выпустили на арену шесть дикихъ быковъ. Высоко подбрасываютъ они песокъ копытами, ища работы своимъ рогамъ. Пришедшіе въ ярость отъ уколовъ копьями и размахиванья пестрыми лентами, звѣри устремляются на *тавроцентовъ*, которые, уклоняясь отъ ударовъ ихъ рогъ, вступаютъ съ ними въ продолжительную, опасную игру. Толпа теперь съ интересомъ слѣдитъ за новымъ зрѣлищемъ; зрители начинаютъ биться объ закладъ, то за одного, то за другаго изъ животныхъ, которыя, покрытыя пѣной и потомъ, то остонавливаются, выжидая врага, то съ ревомъ скачками преслѣдуютъ его. Одинъ изъ бойцовъ уже пронзенный острыми рогами звѣря, валяется притоптанный къ песку; вскорѣ за нимъ падаетъ и другой, пригвожденный быстрымъ ударомъ къ стѣнѣ арены. Битва началась жаркая.

По приказанію проконсула въ толпу зрителей бросаютъ хлѣбъ и мясо; изъ-за обладанія имъ въ народѣ начинается настоящая схватка, кажется будто мѣсто состязанія снизу переносится теперь на верхъ. Плоскіе сухіе хлѣбы служатъ импровизованнымъ бойцамъ прекрасными метательными снарядами. Всѣ оживились; прежней скуки, какъ не бывало.

Въ эту минуту вдругъ пропищалъ сверху чей то женскій голосъ;

— Христіанъ ко львамъ!

— Да, да! радостно подхватили въ толпѣ,—къ чему-же мы и пришли? Прочь все другое! христіанъ намъ давайте, христіанъ!

Тысячи голосовъ вторили этимъ крикамъ и точно ураганъ пронеслись они надъ амфитеатромъ, какъ эхо повторяясь и перекатываясь на разные тоны.

А тамъ внизу подъ землей нетерпѣливо снуются по своимъ клѣткамъ голодные звѣри; по временамъ останавливаются и прислушиваются къ шуму извнѣ и опять, рыча и широко раскрывая свои пасти, начинаютъ ходить взадъ и впередъ. Такихъ страшныхъ животныхъ, кажется, никогда еще не видалъ Карфагенъ.

Наконецъ загремѣли рога; въ толпѣ раздались громкіе крики восторга, дрогнулъ воздухъ, оглашенный ревомъ львовъ и пантеръ; волоса на ихъ гривахъ стоятъ дыбомъ, глаза горятъ... Заскрипѣли выдвинутые засовы, и животныя исполинскими скачками устремились на ожидающій ихъ на аренѣ кровавой пиръ.

По срединѣ арены привязаны къ столбамъ несчастные христіане, Вивія, Сатуръ и Филицита; въ рукахъ у нихъ деревянные кресты. Животныя, очутившись въ новой обстоновкѣ, при видѣ неистово шумящей толпы сначала испугались и боязливо жмутся къ стѣнѣ арены. Но венаторы слегка ранятъ дикаго быка, и животное внезапно бросается па Вивію, въ одно мгновеніе пронзаетъ несчастную рогами и тащитъ за собою вмѣстѣ со столбомъ, къ которому она привязала, по всей аренѣ, преслѣдуемое одною изъ пантеръ, оспаривающей у него добычу.

Вивія уже бездыханна: быкъ насквозь пронзилъ ей грудь, и животныя изливаютъ теперь надъ ея безжизненнымъ тѣломъ свою ярость. Сатуръ истекаетъ кровью въ страшныхъ объятьяхъ медвѣдя... Фелицита одна стоитъ невредима, устремивъ къ небу свои прекрасные глаза. Даже дикіе звѣри словно боятся исторгнуть жизнь у этого непорочнаго юнаго созданья. Животныя дѣлаютъ круги вокругъ столба, къ которому она привазана, не приближаясь къ ней. Но ненасытная кровожадная толпа, чуждая всякаго состраданія, уже кричитъ:

— Покончить съ вѣдьмой, она заколдовала себя, этотъ крестъ у ней въ рукахъ—талисманъ! Прудентъ, смотритель за звѣрями, наноситъ ей давно желанный ударъ, и она падаетъ бездыханная: чары исчезли...

Кончилась кровавая потѣха. Женщины и дѣвушки спѣшатъ уйти, въ нихъ пробудилось наконецъ чувство отвращенія. Маленькія дѣти плачутъ и рученками закрываютъ свои личики. Зрѣлище стоновится невыносимо отвратительнымъ

Вдругъ слышатся въ воздухѣ какіе то странные звуки: жужжанье и глухой шумъ, напоминающій гулъ отдаленной грозы и бряцанье оружія. Потемнѣли солнечные лучи, всѣ присутствующіе въ страхѣ взглянули на верхъ, и тысячи голосовъ уже кричатъ съ верхнихъ галлерей:

— Саранча, саранча! *) Не успѣлъ еще смолкнуть въ воздухѣ этотъ крикъ, какъ цѣлыя тучи насѣкомыхъ, пригнанныхъ бурей сюда съ юга, были уже надъ самымъ амфитеатромъ и, ударясь о стѣны зданія, цѣлыми миліонами падали на зрителей. Стало темно какъ ночью, а рои насѣкомыхъ все увеличивались и увеличивались. Саранча буквально осыпала и лѣстницу арены и публику, забираясь подъ платье и въ волосы; песокъ былъ покрытъ ими густымъ слоемъ. Народъ въ страхѣ прячется подъ сводами, но насѣкомыя проникли уже и туда. Не осталось ни одного свободнаго мѣстѣчка. Зеленоватая слизь отъ надавленной саранчи, обклеивая ноги, затрудняетъ ходьбу.

Проконсулъ Галерій давно уже у себя дома сидитъ въ кружкѣ приближенныхъ лицъ, заливая виномъ недающія ему покоя тяжелыя мысли. Но напрасно! вино не помогаетъ ему забыться: три женскихъ образа

*) Саранча—это самый страшный бичъ жаркихъ странъ. Въ Африкѣ, Индіи и Аравіи она по временамъ появляется такими массами, что при полетѣ буквально затемняетъ солнце, а опускаясь на землю, покрываетъ ее густымъ слоемъ на нѣсколько верстъ.

Юбея, Вивія и Семпронія не выходятъ у него изъ головы. Вино — чудится ему — пахнетъ теплой кровью, въ музыкѣ онъ слышитъ ревъ звѣрей и какъ бы преслѣдуемый фуріями бѣжитъ съ громкимъ крикомъ въ свою спальну, чтобы забыть во снѣ и весь міръ и себя самого.

Язычникъ и христіанка.

Проконсулъ лежитъ полуодѣтый, размѣтавшись на постели. Правая рука его плетью свѣсилась на полъ. Грудь порывисто дышетъ, тяжелыя мрачныя грезы мучатъ Галерія. По временамъ онъ просыпается и поднимаетъ руки, какъ бы желая отогнать отъ себя призракъ...

— Вивія Перпетуя! невнятно бормочетъ его отяготѣвшій языкъ. Зачѣмъ ты стоишь вся въ крови передо мной? Иди къ пантерамъ и львамъ, ты принадлежишь уже Орку. Боги отомщены, умилостивлены... Такъ говоритъ онъ, открывъ на минуту глаза, и вѣки его снова слипаются, голова тяжело падаетъ на подушки. Изъ-за занавѣски показалась женская фигура; подойдя къ постели спящаго, женщина нѣжно положила ему руки на разгоряченный лобъ и тихо проговорила:

— Галерій, вставай, дорогой мой.

— Кто зоветъ меня опять? что тамъ? Да, да! вѣдьма не боится пантеръ, и львы кружатъ вокругъ нея... Не держите больше звѣрей. Я приду сейчасъ.

Семпронія беретъ за руку своего супруга.

— Галерій, другъ мой, взгляни на меня! возлѣ тебя твоя вѣрная жена.

— Что хочешь ты? или опять несешь мнѣ мертвецовъ? Гдѣ была Семпронія? почему она не пришла раздѣлить со мною веселаго пира? Семпронія становится на колѣни передъ постелью мужа и говоритъ:

— Истерзанные трупы людей и животныхъ и окровавленныя одежды валялись по песку арены. Еще не придя въ себя отъ ужаснаго зрѣлища, я пошла изъ нашей ложи, опираясь на руку своей вѣрной служанки. Въ одномъ изъ темныхъ ходовъ, я упала отъ истощенія, и все у меня потемнѣло передъ глазами. Когда я очнулась, вокругъ меня уже никого не было, но скоро я услышала вблизи какіе то голоса и взглянула сквозь рѣшотку на арену: толпа женщинъ и дѣтей подбирала на аренѣ окровавленные остатки истерзанныхъ христіанъ и бережно обвивала ихъ тонкимъ полотномъ, какъ какія нибудь сокровища; затѣмъ, взявъ съ собой свою дорогую ношу, вся толпа удалилась.

Мнѣ сильно хотѣлось узнать, кто были эти странные люди и я, никѣмъ незамѣченная, отправилась за ними по городскимъ улицамъ. Послѣ недолгаго пути мы достигли Бирсы и вышли въ поле. Затѣмъ наша дорога шла все къ югу среди густаго колючаго кустарника и черныхъ скалъ. Передъ нами скоро открылась прекрасно защищенная пещера: по срединѣ ея лежалъ большой камень, а на немъ возвышался деревянный крестъ, къ которому была прикрѣплена человѣческая фигура съ терновымъ вѣнкомъ на головѣ. Тусклый свѣтъ лампы освѣщалъ мокрыя стѣны пещеры и толпу колѣнопреклоненныхъ людей. Сѣдой старикъ въ длинной широкой одеждѣ, вѣроятно священникъ, совершалъ какой то непонятный для меня таинственный обрядъ. Мертвенные останки убитыхъ онъ сложилъ въ урны и сосуды и поставилъ у подножія креста. Пещера огласилась величественнымъ пѣніемъ, которое потрясало мою душу. Больше не могло быть сомнѣній, я попала въ христіанскій храмъ!

При видѣ этихъ людей, Галерій, которые, какъ какой-нибудь праздникъ торжествовали смерть своихъ братьевъ и даже, какъ будто, завидовали имъ, въ мою душу закралась безотчетная грусть и раскаяніе. Подчиняясь какому то неиспытанному мною до того времени чувству, я упала

на колѣни; мнѣ казалось, будто спала завѣса съ моихъ глазъ, крестъ бросалъ отъ себя чудные лучи свѣта, которые озаряли все мое внутреннее существо и разгоняли мракъ сомнѣнія въ моей душѣ.

Какъ великъ долженъ быть Богъ, думалось мнѣ, которому поклоняются эти люди! Не въ силахъ больше совладать съ своимъ сердцемъ, я приблизилась къ толпѣ молящихся и громко воскликнула:

— Возьмите и меня въ свою среду, ибо у васъ я выучилась любить и прощать! Почтенный старецъ взглянулъ на меня и громко проговорилъ:

— Язычница, отъ сердца ли говоришь ты это? Не привлекло ли тебя къ намъ корыстное желаніе предать насъ въ руки враговъ нашихъ? Богъ, во имя котораго собрались мы здѣсь, не есть Богъ, сдѣланный изъ камня или мѣди,—онъ Богъ любви и утѣшенія, который укрѣпляетъ наши сердца въ борьбѣ съ нашими гонителями, и имя котораго мы радостно призываемъ въ бою съ дикими звѣрями и въ часъ смерти.

Затѣмъ старецъ возложилъ мнѣ на голову руки и продолжалъ:

— Если хочешь ты, женщина, присоединиться къ намъ, то отрекись отъ своихъ боговъ и громко исповѣдуй имя Искупителя, изображеніе котораго ты видишь на этомъ крестѣ.

Онъ окропилъ мою голову освященной водой.

— Беата будетъ твое имя, и съ этихъ поръ во имя Распятаго ты будешь называться христіанкой.

— Галерій, мой милый супругъ! я стою здѣсь передъ тобой уже окрещенной, христіанкой. Умоляю тебя не преслѣдовать моихъ братьевъ или бросить и меня также въ темницу, гдѣ я буду служить имъ примѣромъ, ибо я научилась уже вѣровать!

Проконсулъ вскочилъ съ своего ложа, какъ ошеломленный:

— Жена! ужели въ своемъ умѣ говоришь ты это, ужели твоими устами гласитъ истина?

— Я христіанка, Галерій *).

Какъ ягненокъ отъ тигра, отскочила Семпронія отъ своего мужа: съ дикимъ взоромъ, съ пѣною у рта онъ хватается за свой мечъ, хочетъ приблизиться и поразить ее, но ноги отказываются ему служить.

— Что ты дѣлаешь, Галерій! въ ужасѣ воскликнула молодая женщина.—Галерій, опомнись!

Но было уже поздно: брошенный сильной рукою мечъ просвистѣлъ въ воздухѣ, и несчастная Семпронія, пораженная, упала на землю юной мученицей за свою новую вѣру.

При видѣ крови проконсулъ какъ бы отрезвился и... волосы стали у него дыбомъ.

— Семпронія, что сдѣлалъ я съ тобой! Семпронія, Семпронія! встань, встань-же! Такъ восклицалъ онъ въ отчаяніи, обнимая обѣими руками и прижимая къ себѣ ея уже холодѣющій трупъ.

— Она умерла! вырвался у него вопль, отъ котораго весь домъ поднялся на ноги... а онъ, какъ-бы преслѣдуемый цѣлымъ сонмомъ фурій, выбѣжалъ вонъ и пустился по городскимъ улицамъ, не зная самъ зачѣмъ, къ морскому берегу.

Тамъ, гдѣ громоздятся другъ на дружку крутыя скалы, и высоко вздымаются, разбиваясь о нихъ, пѣнящіяся волны, онъ опустился въ безсиліи на прибрежный камень. Вдругъ схватываютъ его сзади двѣ руки:

— А! ты пришелъ наконецъ,—раздается у него надъ ухомъ женскій голосъ,—но уже поздно, поздно!

Проконсулъ поднялъ глаза. Мѣсяцъ освѣтилъ блѣдное лицо женщины.

— Ты здѣсь, Юбея!—отозвался онъ не своимъ голосомъ.

---

*) Ужасныя зрѣлища и мученія, которымъ подвергали христіанъ, не противодѣйствовали, а содѣйствовали распространенію христіанства. Мѣсто замученныхъ заступали новые исповѣдники вѣры, и христіанская община росла и крѣпла на почвѣ, пропитанной кровью ея членовъ.

— Слишкомъ поздно пришелъ ты, Галерій! слишкомъ поздно! Въ волны Баргада бросила я нашего ребенка. Смотри, какъ поглощаютъ онѣ его. Спаси его, Галерій, нѣтъ!.. онъ ужъ на днѣ.

Съ нечеловѣческой силой влечетъ сумасшедшая обезсиленнаго, полуживаго отъ страха проконсула за собою на край обрыва.

— Галерій! наше дитя! Всемогущіе боги! Но... это были ея послѣднія слова, ибо надтреснувшая скала не выдержала ихъ тяжести и рухнула, увлекая ихъ обоихъ въ водяную пропасть, и сильнѣе клокочетъ и пѣнится бездна, словно радуясь добычѣ...

БРАТЬЯ ОРЛОВЫ.

(Отрывокъ изъ историческаго романа).

I.

Зима, морозъ трескучій, полночь, но свѣтло какъ днемъ!...

Вдали отъ жилья, среди густаго лѣса, укрываясь среди чащи, гдѣ торчатъ, топырятся и переплетаются голые сучья и вѣтки, обсыпанные серебристымъ снѣгомъ, стоитъ человѣкъ.

Среди глуши и дичи лѣса, среди тиши ночной, ярко облитой луннымъ свѣтомъ, такъ, что лиловатая тѣнь пятномъ лѣжитъ за нимъ на сугробѣ—онъ одинъ здѣсь—шевелится, дышетъ, живетъ... Все окрестъ него—мертвецъ нѣмой и бездыханный, окутанный и увитый бѣлымъ саваномъ.

Морозъ все убилъ, и все зарыли будто кованныя и закаленныя снѣговыя глыбы.

Круглый мѣсяцъ сіяетъ среди яснаго, синеватаго неба и только изрѣдка укрываютъ его, низко и быстро летящіе, округлыя и крѣпкія облака. Будто клубы дыма, облака налетаютъ на мѣсяцъ, желтѣютъ на мгновенье, слегка застилаютъ его, но тотчасъ же снова, прорѣзавъ ихъ, онъ будто самъ стремительно вылетаетъ изъ за желтой облачной паутины и будто взмахомъ шибко уносится прочь — въ ширь и синеву ночную. И каждый разъ

сѣрая тѣнь, легкая и мгновенная,—будто призракъ, безмолвно и безслѣдно несущійся надъ землей,—мелькнетъ, скользнувъ по бѣлымъ глыбамъ снѣговъ, и изчезнетъ, умчася въ невѣдомый путь...

А ясный мѣсяцъ въ небѣ, холодно веселый, будто тоже льдистый, равнодушно глядя сюда съ великой заоблачной шири, только и находитъ, что голую, черную, шероховатую чащу лѣсную, да бѣлыя глыбы. И все здѣсь серебристо, лучисто и мертво... Только синіе и пунцовые огоньки и искры вспыхиваютъ, сверкаютъ и меркнутъ, будто бѣгаютъ, играютъ по стволамъ, вѣтвямъ и сугробамъ.

Незнакомецъ стоитъ на опушкѣ, полуукрытый сосной, а предъ нимъ маленькая прогалина лѣсная, и бѣла она... Бѣла и чиста, какъ только можетъ быть бѣла снѣжная полянка, среди дремучаго бора, по которой нога человѣка не ступала еще ни разу съ начала зимы. Ни пятнышка, ни соринки, ни единой точки темной. Ясная и гладкая, какъ бы сахарная глыба снѣгу, вся усыпана искрами и алмазами и серебрится въ лучахъ мѣсяца; а утонетъ онъ на мгновенье въ облакахъ, то синевой отливать начнетъ глубокій сугробъ.

Человѣкъ этотъ—охотникъ, близь него на подачу руки стоятъ у ствола маленькой сосенки короткій мушкетонъ и длинная толстая рогатина о двухъ стальныхъ зубцахъ. Но охотникъ забылъ про оружіе и, прислонясь спиной къ большому обледенѣлому дубу, онъ откачнулся назадъ, засунулъ руки въ карманы мѣховаго кафтана, закинулъ голову въ мѣховой шапкѣ назадъ и все задумчивое лицо его въ лучахъ мѣсяца. Высокій ростомъ, плотный, могучій въ плечахъ, удалый по лицу и взору, онъ, или забылъ, зачѣмъ стоитъ въ полночь среди дикаго лѣса, иль просто усыпило его — дѣло привычное, иль просто скучно стало, потому что давно ужъ онъ здѣсь. Во всей фигурѣ его есть что то осанистое и гордое, что то простое и важное и въ лицѣ и въ позѣ, и даже въ одеждѣ. Молодое обритое лице безъ усовъ и бороды, краси-

вый профиль чистаго лица, большіе темные глаза, задумчиво слѣдящіе за игрой мѣсяца съ облаками—все говоритъ, что это не простой охотникъ,—звѣроловъ изъ за куска хлѣба.

Тишь полночная не нарушается уже давно ни единымъ звукомъ, и не мудрено было задуматься ему и заглядѣться на небо. Долго стоялъ онъ такъ, не двигаясь и опрокинувъ голову, но наконецъ шевельнулся, тихо опустилъ голову, опустилъ глаза на серебристую полянку и вымолвилъ шопотомъ:

— Эхъ, моя бы воля...

Онъ вздохнулъ, зашевелился, передвинулъ ногами на утоптанномъ имъ снѣгу и сталъ озираться.

Оглядѣлъ онъ полянку, голую сѣть стволовъ ее окаймлявшую, потомъ глянулъ около себя на оружіе, но казалось не вполнѣ еще сознавалъ окружающаго. Мысль его была еще слишкомъ далеко, и еще не вернулась сюда, въ глушь, гдѣ топырится кругомъ этотъ обмерзлый лѣсъ, гдѣ этотъ морозъ трещитъ, и гдѣ стоятъ, прислоненные къ обледенѣлой корѣ, рогатина и мушкетонъ, для любимой забавы, для боя, одинъ на одинъ — съ страшнымъ и сильнымъ, но всегда побѣждаемымъ врагомъ.

Однако онъ взялъ машинально сильной большой рукой тяжелую рогатину, откачнулся отъ дерева и оперся на нее... ради перемѣны положенья и отдыха тѣла.

Полупрерванная, движеньемъ его, мысль снова овладѣла имъ.

— Да, моя бы воля! вдругъ вслухъ сказалъ онъ, и его собственныя слова разбудили и его самого и окрестъ молчащій лѣсъ.

Вдали раздался едва слышно какой то звукъ. Не то хрустнуло что то, не то звякнуло. И послѣ одинокаго робкаго звука, снова воцарилось тоже затишье, тотъ же застой... Только и жизни, что въ облакахъ, а на землѣ все замерло, все недвижно.

— Чтожь однако... Тоска какая... Да и морозно!

Нынѣ, должно быть, не задача отъ Нѣмцева глазу, пробормоталъ онъ едва слышно и повелъ плечами.

Онъ начиналъ чувствовать, что сильный морозъ сталъ наконецъ пробираться и подъ его мѣховой кафтанъ, опоясанный ремнемъ съ серебряными насѣчками. У ремня торчалъ большой турецкій пистолетъ и висѣлъ длинный кривой кинжалъ. Но однако охотникъ тотчасъ же снова поднялъ голову и лицемъ къ мѣсяцу снова забылъ про морозъ, лѣсъ и свою затѣю.

Видно не легко отвязаться ему отъ тѣхъ мыслей, что наплывали, бились, роились и не укладываясь въ головѣ его, бѣжали и смѣнялись другими. Одна только изъ нихъ постоянно будто рѣзала остальныя, пропускала ихъ всѣ, а сама оставалась въ головѣ, точь въ точь какъ вотъ этотъ мѣсяцъ пропускаетъ мимо себя встрѣчныя причудливыя кучки облаковъ и рѣжетъ ихъ... Они бѣгутъ прочь, дальше, невѣдомо куда, по далекой синевѣ и исчезаютъ въ полночномъ небѣ, а мѣсяцъ хоть будто и плыветъ, а все тутъ на мѣстѣ и снова свѣтитъ и снова сіяетъ.... И мысль эта тоже, какъ мѣсяцъ въ небѣ, давно ясно и несмѣняемо воцарилась въ головѣ его.

Мысль эту неотвязную онъ и выразилъ вслухъ, словно въ отвѣтъ на все остальное, что наплывало въ молодую голову и смущало ее образами и картинами, которыя одна ярче другой, одна заманчивѣе другой, — были всѣ вполнѣ чужды всему окружающему. Чужды и окрестному дикому лѣсу, и его вооруженью и той затѣѣ, которая привела его сюда—мерзнуть терпѣливо на морозѣ и, озираясь, прислушиваться ко всякому шороху или звуку, ко всему, что можетъ ожить вдругъ, среди этой нѣмоты ночной, среди глубокихъ снѣговъ и помертвѣлой чащи.

Раздался шорохъ среди чащи направо отъ полянки, и охотникъ привычнымъ глазомъ быстро и зорко окинулъ оружіе за поясомъ, крѣпче обхватилъ рогатину и сталъ глядѣть пристальнѣе въ чащу. Что-то хрустнуло звучнѣе и ближе, и шорохъ приближался... Охотникъ двинулся слегка изъ подъ дерева и сталъ на краю опушки

весь освѣщенный луной. Въ ту же минуту на противоположной сторонѣ тоже появилась фигура человѣка и раздался голосъ.

— Эй! Не медвѣдь. Смотри, не пальни!

— А я ужъ было думалъ и онъ! отозвался этотъ.

Появившійся на опушкѣ былъ тоже охотникъ и будто двойникъ перваго. Такого-же могучаго роста, такой-же плечистый и молодецъ съ виду.

И охотники-богатыри, увязая въ снѣгу по колѣна, сошлись на ясной полянкѣ. Оба были одинаково одѣты и вооружены, только у втораго не было рогатины. Богатыри эти были братья Орловы; первый Григорій, вновь подошедшій—Алексѣй.

II.

— Что Алеханушка? Видно чухонецъ то во снѣ видѣлъ мишку... Должно медвѣдей тутъ и не бывало никогда съ тѣхъ поръ, что мы цѣлую семейку объ Рождество ухлопали.

— Не можетъ статься, Гриша, отозвался младшій братъ.—Ихъ тутъ на сто лѣтъ хватитъ и лосей и медвѣдей, и всякаго звѣрья. Просто незадача. Говорилъ я сглазитъ насъ этотъ проклятый Нѣмецъ. Знамое дѣло! Молодцы ѣдутъ на охоту, а онъ пути желаетъ да удачи... Ну и сглазилъ окаянный голштинецъ.

— Видишь ли, по ихнему изъ вѣжливости такъ слѣдъ. Да это и вздоръ... Глазъ-то, вымолвилъ Григорій Орловъ.

— Вздоръ... Толкуй. У тебя все вздоръ теперь, какъ за границей побывалъ. Это россійская примѣта—самая вѣрная.

Братья помолчали. Алексѣй снова заговорилъ.

— А меня такъ морозъ сталъ одолѣвать съ тоски. Пора-бы ужъ въ Красный. Поужинаемъ, да и домой. Ей богу! Мало-ль что!.. Можетъ даже нужда въ насъ случится. Да и морозина тоже чертовскій, всю ночь не выстоишь. Какъ, Гриша, на твой разсудокъ?

— Обидно съ пустыми руками.

— Нашихъ-то не слыхать. Словно померли всѣ... Надо думать, они за версту уползли. Если и поднимутъ мишку, не намъ достанется. Пойдемъ-ко къ лошадямъ. А?..

— Пойдемъ, коли хочешь, равнодушно отозвался Григорій.

— У меня по истинѣ и не то на умѣ. Не такъ, какъ бывало прежде. Какія теперь забавы, да охоты... тише сказалъ Алексѣй Орловъ.

— Да. Нынѣ не такой медвѣдь изъ Нѣмеціи пожаловалъ вдругъ, да на шею сѣлъ! весело разсмѣялся вдругъ старшій братъ, потрясая могучими плечами и звонко раздался его смѣхъ богатырскій среди серебристой чащи.

Нѣсколько снѣжинокъ отъ смѣху и отъ движенья его посыпались съ ближайшей сосенки и засверкали при беззвучномъ паденьи.

— Тише... Чего горланишь...

— Въ лѣсу-то? Господь съ тобой, Алеханушка.

— Въ лѣсу? При Бироновѣ, сказывалъ родитель, опёнки изъ лѣсу бѣгали доносить про все, что толковалось въ чащѣ.

— А тутъ теперь и опёнокъ нѣту. Зима! шутилъ Григорій Орловъ.

— Береженаго Богъ бережетъ. Да, времена нынѣ пришли. Два мѣсяца, какъ померла Елизавета Петровна, а что ужь воды утекло... А все этотъ прынцъ. Все онъ. Государь тутъ ей-ей ни причемъ. Не пріѣзжай онъ...

— Да этотъ прынцъ Жоржъ не то, что вонъ лѣсной Михаилъ Иванычъ Ведмедевъ, тише вымолвилъ братъ. Этотъ не насъ однихъ сомнетъ своими порядками.

— Насъ?.. Какъ бы всю гвардію не помялъ, отозвался Алексѣй. Да что гвардія! Все можетъ поломать и вверхъ ногами вывернуть. А мы будемъ смотрѣть, да моргать! Да! Какъ то странно и желчно выговорилъ онъ. Мы будемъ въ кустахъ сидѣть, да ворчать, да шишь показывать за версту. И не робость помѣхой дѣлу.

А стыдъ сказать, что... Лѣнь! Да, лѣнь... Все какъ то чрезъ пень колоду валимъ. Погодите, да обождите, да отдохните... Да эдакъ вотъ два мѣсяца и годимъ. Устанемъ отъ сидѣнья — на охоту... А то за бабьемъ ухаживать... И какъ право не наскучитъ. Все бабы да бабы, да все разныя. Что ни недѣля, новая зазнобушка. Чудно, право. Да и тому ли теперь на умѣ быть.

Алексѣй замолчалъ и будто слегка пріунылъ.

Григорій заговорилъ первый послѣ минутнаго молчанія и голосъ его зазвучалъ какъ то нѣжнѣе, будто онъ винился. Упрекъ брата прямо относился къ нему, и онъ мысленно сознался въ правотѣ его.

— Чтожъ Алеханушка. Я не отпираюсь. Правда твоя. Да вѣдь это съ тоски. А начните, поведите дѣло по еройски. И все я брошу. И охоту, и вино и картежъ... А барынь то вашихъ я и безъ того порѣшилъ бросить. Ну ихъ...

— Толкуй! усмѣхнулся недовѣрчиво Алексѣй. Бросишь? Ты? Да тебѣ безъ нихъ дня не прожить. Ты съ колыбелки бабій угодникъ уродился.

— Угодникъ? Никогда я имъ не бывалъ. А по пословицѣ: на ловца и звѣрь бѣжитъ. Я только не зѣваю. А искать, я не ищу.

— И почему бы это такъ? веселѣе заговорилъ Алексѣй. Я зачастую вотъ думалъ. Вѣдь не краше же ты другихъ нашихъ молодцевъ. А ни за кѣмъ изъ нихъ наши козырихи такъ не бѣгаютъ. И чѣмъ ты берешь. Наговоръ что-ли какой вѣдаешь? У нѣмца что ли за границей купилъ приворотъ какой?

— Наговоръ? На кофейную гущу на тощакъ дую. Угольки по водѣ пускаю да причитываю, разсмѣялся Григорій. Нѣтъ, братъ. Мое колдовство простое, да не въ домекъ вашимъ молодцамъ, хоть они и прытче меня. А нѣтъ проще дѣла.

— Что же? Приворотъ что-ль какой изъ травъ заморскихъ.

— Мой приворотъ тотъ, что у меня любовное дѣло — мертвое дѣло!

— Мертвое?

— Да, мертвое. Такое дѣло, что про него я одинъ знаю, да она одна знаетъ. А это нынѣ въ Петербурхѣ для всякой молодицы чужой жены и довольно. Когда дѣло какое ни есть — мертвое, такъ тутъ все одно, что есть оно, что нѣтъ его.

— А Куракина? Всему Питеру, братъ, вѣдомо, что ты изъ за нее чуть не по трубѣ водосточной лазилъ, да по крышѣ.

— Это одно дѣло съ оглаской и было. И то потому, что она сама того хотѣла, на всю столицу нашумѣть. Ея воля была. За то полсотни было такихъ, объ коихъ ты, братъ, родной мой, никогда и въ умѣ ничего не держалъ. Да что, Алеханушка!.. Коли къ слову пришлось! Григорій Орловъ оживился и глаза его блеснули ярче. Можетъ и теперь вотъ... Можетъ со мною теперь такое приключается, такое на душѣ легло, что кабы ты вѣдалъ, такъ ахнулъ бы... Какое тутъ ахнулъ? Заоралъ бы благимъ матомъ на весь вотъ этотъ лѣсъ.

— Въ прынцессу что-ль какую влюбился? разсмѣялся Алексѣй. Ихъ теперь съ принцемъ Жоржомъ много пріѣхало изъ Голштиніи.

— Нѣтъ. Что мнѣ твои принцессы. Невидаль!

— Не ври.

— Зачѣмъ. Мы здѣсь не въ трактирѣ, грустно вымолвилъ Григорій. Да и не ради похвальбы я рѣчь завелъ. А ради тяжести душевной... Вотъ ужь недѣлю камнемъ лежитъ оно у меня на душѣ.

— Кто жь такая твоя новая ворожея. Такой и нѣтъ въ столицѣ. Русскихъ принцессъ у насъ въ Питерѣ теперь нѣту! весело говорилъ Алексѣй, но вдругъ, глянувъ въ лице брата, запнулся и прибавилъ взволнованнымъ голосомъ. Гриша! Балагуришь? Во снѣ видѣлъ...

Григорій Орловъ махнулъ рукой и прошепталъ.

— Охъ нѣтъ, въ яви, братъ. А и радъ бы въ ину пору, чтобъ мнѣ та явь сномъ обернулась!

Алексѣй Орловъ схватилъ брата за руку и замеръ въ движеніи.

— Гриша, да Господь же съ тобой... шепнулъ онъ, почти задохнувшись.

— Алеханушка, я не говорилъ... А коли ты самъ по догадкѣ дошелъ, то молчи.

— Молчать... Я... Что ты Гриша! Да тутъ Іуда промолчитъ, а я тебѣ братъ... Ты самъ то... Самъ молчи. Себѣ самому въ горницѣ не сказывай... Гриша... Зачѣмъ... Вѣдь это нашему дѣлу только помѣха! И какъ это все. Ахъ Гриша... Вѣдь это смертью пахнетъ.

— Любовь, что пьянство, Алеханушка! Себя не помнишь... Да и сердце нешто спрашивается. А что смертью пахнетъ, мнѣ всегда любо было, воскликнулъ Григорій Орловъ чуть не на весь лѣсъ. Чудны вы! погляжу я. Ты вотъ въ трактиръ ломишься, гдѣ Шванвичъ со всей своей компаніей буянитъ и гдѣ тебя могутъ кіемъ или кулакомъ убить зря... На войнѣ, въ битвѣ, на пушки, да на завалы лѣзешь, гдѣ тебя самый лядащій нѣмецъ можетъ изъ пистоли уложить какъ муху... Ночью опять бываетъ, проселкомъ гдѣ ѣдешь, зная, что весь тотъ путь грабители заставили и того гляди ухлопаютъ изъ за забора или изъ за пня... Ну? А вѣдь не робѣешь, лѣзёшь на смерть!.. А тутъ, въ любовномъ дѣлѣ трусить, объ опаскѣ думать... Тутъ, когда, бываетъ, тебя ждетъ твоя... твоя... Ужь не знаю, какъ и назвать то. Вся то жизнь твоя и душа то твоя тамъ будто осталась съ вечера да опять поджидаетъ... Такъ тутъ, видишь-ли, раздумывай да опаску соблюдай... Что ты братъ! Тебя знать еще ни одна не ждала. Смертью, говоритъ, пахнетъ. Тогда то и любо братъ, какъ въ ночь то вы втроемъ на свиданіи: ты, она, да смерть за плечами....

Алексѣй Орловъ стоялъ, понурившись и не шевелясь, и уныло глядѣлъ въ чащу лѣсную.

— Что? Не по твоему... Ахъ, братъ, право, тѣмъ жизнь и мила, что смерть есть!

— Охъ, Гриша, Гриша...

— Чего?..

— Охъ Гриша... Что ты мнѣ сказалъ. Вѣдь за это хоть прямо на площади голову снимай.

Григорій Орловъ выпрямился.

— Голову! За что! Любовь никому не обида! А еслибъ и такъ. Пускай!.. Ты, Алеханушка, знать еще не любливалъ никого, какъ я теперь. Голову, говоришь? Да десять, сто ихъ снимай. Тыщу... Голову! Да я самъ себѣ, коли нужно, оторву свою обѣими руками да брошу ей въ ноги. На, молъ! Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады!!

Григорій смолкъ и, сдвинувъ шапку на затылокъ, проводилъ рукой по горячему лбу. Алексѣй тихо поднялъ голову и задумчиво глядѣлъ на круглый мѣсяцъ, сіявшій въ небѣ.

III.

Чрезъ нѣсколько минутъ молчанья Григорій Орловъ хотѣлъ снова заговорить, но младшій братъ вдругъ поднялъ на него руку и сталъ прислушиваться. Оба вдругъ притаили дыханіе. Особый шорохъ послышался не вдалекѣ отъ нихъ; что то хрустнуло и зашуршало, потомъ все смолкло... Потомъ опять хрустнуло что то... Другихъ охотниковъ, кромѣ нихъ, вблизи быть не могло.

Братья поняли, переглянулись и усмѣхнулись. Страсть къ любимой забавѣ сказалась съ разу. И все было забыто. Оба лица за мгновенье унылыя — просвѣтлѣли.

— Мишенька! почти нѣжно и страстно шепнулъ Григорій Орловъ.

— Твое счастье! На тебя вышелъ, отозвался братъ, тоже шепотомъ.

Шорохъ близился и наконецъ шагахъ въ сорока отъ нихъ показалось за прогалиной, на противуположной

опушкѣ, что то круглое, темное, и странно двигалось оно, будто катилось клубомъ по снѣгу.

Алексѣй Орловъ быстро досталъ изъ за спины мушкетонъ.

— Палить? шепнулъ онъ вопросительно брату. Я на тебя поднять... а не бить.

— Да, пугни! Нѣтъ, бей по лапамъ. А то на двухъ пожалуй не выйдетъ.

Раздался выстрѣлъ. Животное рявкнуло и повернуло было въ чащу, но Алексѣй Орловъ крикнулъ, затопалъ и, доставъ пистолетъ, выпалилъ снова на удачу.

Медвѣдь, матерый, темнорыжій и огромный вернулъ на охотниковъ. Поднявшись въ тѣни, среди голыхъ стволовъ, онъ зашагалъ на заднихъ лапахъ, и вышелъ на свѣтъ, отчетливо рисуясь на освѣщенной луной прогалинѣ. Длинная синяя тѣнь легла предъ нимъ на сугробѣ и двигалась вмѣстѣ съ нимъ на охотниковъ.

Григорій Орловъ, готовый на бой, будто преобразился, будто выросъ еще на аршинъ. И отъ него не малая тѣнь шевелилась на хрустящемъ снѣгу. Ухвативъ рогатину на перевѣсъ, онъ шагнулъ широко на медвѣдя и крикнулъ весело.

— О-го-го, Миша, здорово. Вишь ты какой почтенный! Стоитъ погрѣться съ тобой.

Медвѣдь, испуганный выстрѣлами и криками двухъ враговъ, злобно сопѣлъ и несъ себя высоко на ногахъ.

Орловъ шагнулъ еще ближе къ самому животному и привычной рукой, размашисто ткнувъ въ него рогатиной, глубоко всадилъ лезвее. Медвѣдь дико заревѣлъ.

— Разъ! весело крикнулъ сзади Алексѣй и прибавилъ крѣпкую шутку, отъ которой братъ разсмѣялся, но дикій ревъ на весь лѣсъ заглушилъ и слова и смѣхъ.

Медвѣдь ударилъ лапами по рогатинѣ, вонзенной въ его животъ и обхватилъ ее. Оружіе дрогнуло отъ этихъ ударовъ въ рукахъ охотника; Григорій быстро вырвалъ лезвее и тутъ же снова вонзилъ. Кровь, дымясь, хлѣстнула изъ раны на серебристый снѣгъ.

— Два! Мишенька! крикнулъ онъ весело, чуть не на весь лѣсъ. Ой! шибко бьетъ разбойникъ. Придержи, Алеханушка.

Оба брата съ одушевленными лицами уперли толстую и длинную рогатину въ землю и держали. Медвѣдь все ревѣлъ, все болѣе налѣзалъ на лезвее, рвавшее его внутренности, топталъ подъ собой окровавленный снѣгъ и, уже хрипливо завывая, слабѣе билъ по рогатинѣ, напрасно стараясь достать удалыхъ враговъ. Паръ легкими клубами валилъ отъ него и, дымкой вился на морозѣ вокругъ мохнатой шкуры...

— Сядь, миша, сядь! весело крикнулъ Григорій.

— Полно хлопотать то, садись родимый, прибавилъ и Алексѣй.

Животное, ослабѣвшее наконецъ отъ потери крови, осунулось и слегка опустилось, поджимая заднія лапы. Только дикій ревъ оглашалъ лѣсъ.

— Валить? сказалъ Алексѣй, придерживавшій рогатину.

— Чего? не слыхать. Ишь орётъ...

— Валить, говорю. Не встанетъ небось...

— Рано. Ну, да въ двоемъ то, осилимъ. Не здоровѣе же онъ—Шванвича! крикнулъ Григорій.

Оба брата при этомъ имени громко расхохотались. Медвѣдь съ испуга приподнялся снова отъ дружнаго взрыва смѣха, но осунулся опять и совсѣмъ сѣлъ. Братья вырвали изъ снѣга свой конецъ рогатины уперлись въ нее оба и съ усильемъ повалили животное навзничь. Медвѣдь уже слабо барахтался среди окрашеннаго сугроба и затѣмъ, не смотря на вырванную рогатину,—не поднялся.

Григорій Орловъ досталъ длинный кинжалъ изъ за пояса, быстрымъ движеньемъ нагнулся надъ животнымъ и, размашисто вонзивъ въ него весь кинжалъ, распоролъ горло. Медвѣдь зашипѣлъ какъ то и, зарывая горячую морду въ снѣгъ, только судорожно подергалъ задними лапами и распластался во всю свою длину.

— Ладно, миша. Такъ то лучше,.. весело сказалъ

Григорій. Погрѣлись однако знатно, обратился онъ къ брату и, снявъ мѣховую шапку, обтеръ себѣ лобъ.

— Да, силенъ былъ покойникъ Михаилъ Ивановичъ.

— Будь одинъ съ нимъ, пришлось-бы палить. Достался бы мишка не инако, какъ на нѣмецкій ладъ. А толи дѣло эдакъ... Погрѣться. Ишь вѣдь здоровенный!.. нагнулся Григорій надъ медвѣдемъ.

— Пожалуй даже посильнѣе Шванвича, усмѣхнулся Алексѣй.

— Того мы вдвоемъ легче одолѣваемъ.

Братья разсмѣялись.

— Ну, теперь надо звать Ласунскаго и своихъ чухонъ.

— Врядъ дозовемся. Коли на зовъ горластаго мишки не прибѣжали, стало такъ далеко, что и не докличешься.

Алексѣй Орловъ досталъ изъ за спины охотничій рогъ и сталъ трубить. Потомъ прислушался.

Все было тихо, и не только отвѣтнаго звука другой трубы, ни шелеста, ни шороха не слышно было кругомъ среди морознаго затишья и застоя.

— Вотъ что, братъ, нечего даромъ то за музыкой время терять, сказалъ онъ. Возмись. Впрегемся мы въ мишку какъ парой въ дышлѣ, да за заднія лапы и потащимъ къ лошадямъ. Тутъ болѣе версты не будетъ.

И два богатыря, ухвативъ разпластавшуюся лохматую махину, легко потащили ее, бодро шагая рядомъ.

Кровавый слѣдъ багровой лентой вился за ними по серебру снѣговъ.

— Эхъ, кабы намъ, братецъ, дѣла наши всѣ также вотъ лихо вершить, какъ на охотѣ. Кабы съумѣть управиться также споро, какъ мы вотъ съ мишками управляемся, заговорилъ Григорій Орловъ на ходу.

— Тамъ не сила, а разсудокъ да смѣкалка дѣло вершатъ... А главное и первое всему начало—согласье.. отозвался Алексѣй.

— Я все тутъ стоялъ въ лѣсу... Ждалъ вотъ этого.

А прозѣвалъ бы непремѣнно, потому что все въ головѣ у меня Лейбъ-Компанцы прыгали... Вотъ кабы эдакъ то!.. Въ одну ночь... Безъ шуму, безъ драки... безъ убивства своего брата офицера какого иль солдата.

— Вишь чего захотѣлъ! Нешто можно. Статочное ли это дѣло? Вѣдь тутъ не тетушка Леопольдовна да шестимѣсячный младенецъ на престолѣ... Да оба нѣмцы... Да и охраны никакой...

— А нынѣ то ктожь? Все то же.

— То же, да не то. Тѣже щи, да съ говядинкой. Голштинское то войско глядѣть что ли будетъ. Да что голштинцы!.. Вотъ свои измайловцы да семеновцы по сю пору никакимъ голосомъ не откликаются. Э—эхъ! Все это... сновидѣнья одни наши! вздохнулъ Алексѣй Орловъ.

— На мой толкъ, Алеханушка, прежде всего рогатиной намъ хохлацкой заручиться. Тогда все, какъ по маслу пойдетъ.

— Какой рогатиной?!

— Хохлацкой. Въ ней вся сила! смѣялся, шагая Григорій.

— Что ты приплетаешь. Какая хохлацкая рогатина?

— А гетманъ! Графъ Кирила Григорьевичъ.

Алексѣй Орловъ усмѣхнулся и тряхнулъ головой.

— Мудрено. Къ Разумовскимъ и воротъ не найдешь; не знаешь съ какой стороны и подъѣхать къ нимъ. Они оба доки—мягко стлать.

— Говорю—пустите меня!

— Пустите? Рано. Что зря въ петлю лѣзть! отвѣчалъ серьезно младшій братъ. Они по первому слову велятъ тебя арестовать и поѣдутъ къ государю. Намъ, за тобой вслѣдъ, и пересчитаютъ всѣмъ головы. Да и зачѣмъ. Мы еще и не знаемъ сами, съ какого конца взяться.

— Гетманъ не таковъ человѣкъ, чтобъ доносить. Да и хитеръ. Онъ, поди, давно носомъ чуетъ—чего вся гвардія желаетъ.

— Вся гвардія. Вся ли, Гриша? Кабы вся то желала, такъ мы съ тобой не болтали бы зря, а дѣло дѣлали.

— Ну, а не въ примѣръ мудренѣе, говорю, начать, коли гетмана не достанешь себѣ.

— Начинать то, Гриша, покуда нечего, а то и безъ него обойдемся. Что тутъ гетманъ. А тяжелъ ведь проклятый. Руки обламаешь объ него!

— Гетманъ то? Да. Лѣнивъ на подъемъ; какъ всѣ они,—сказываютъ,—хохлы.

— Вотъ этотъ гетманъ тяжелъ, говорю! разсмѣялся Алексѣй Орловъ и бросилъ лапу животнаго.

Братья остановились отдохнуть и молча стали надъ медвѣдемъ.

— А вотъ что, Гриша, выговорилъ вдругъ Алексѣй. Веселый и бодрый голосъ его понизился и звучалъ иначе. Ты подумалъ ли о томъ, братецъ, что нынѣ постъ идетъ. Не за горами и страстная да говѣнье. Какъ же теперь быть, если священникъ на духу, что либо такое къ нашему дѣлу подходящее спроситъ вдругъ.

— Не спроситъ, не бось.

— Не спроситъ? Ты всегда такъ. Ну, а спроситъ, говорю?

— Да съ чего жъ?

— А хоть съ того вотъ, что ужь мѣсяцъ цѣлый, то и дѣло у насъ спрашиваетъ всякъ, что у тебя на дому за сходбища, да что мы поздно засиживаемся за полночь. Пить не пьемъ и спать не идемъ.

Григорій Орловъ глянулъ на брата и молчалъ.

— А лгутъ, Гриша, на исповѣди только перекрести изъ татарвы.

— Вѣстимо. Но и открыться на духу, Алеханушка, хоть бы малость—избави Богъ. Не можно. Попъ изъ за камилавки — изъ мухи слона сдѣлаетъ и въ набатъ ударитъ.

— Вотъ то то и есть! Я вотъ эдакъ и думаю все, какъ быть, тихо выговорилъ Алексѣй.

И два молодца богатыря задумались, стоя надъ мертвымъ мишкой. Огромное лохматое животное, сраженное въ пятиминутной борьбѣ—было для нихъ дѣло привычное и заурядное, надъ которымъ думать не приходилось. А говѣть или нѣтъ, лгать на духу или нѣтъ?—это былъ вопросъ далеко не заурядный. Было о чемъ молодецкія головы поломать.

— Чтожъ? Отложи говѣть до времени, вымолвилъ наконецъ Григорій Орловъ. Богъ проститъ.

— А ты, Гриша? съ изумленіемъ воскликнулъ братъ.

— Вѣстимо тоже... Я, ты знаешь, завсегда за тобой. Какъ ты... А попадемся въ чемъ послѣ, такъ въ Пелымѣ ужь и отговѣемъ, усмѣхнулся онъ. И времени-то тамъ у насъ, Алеханушка, много будетъ, Богу-то молиться. Молись себѣ да молись. Никто не помѣшаетъ. Хоть Четью-Минею тамъ на память себѣ вычитывай.

— Гдѣ?

— А въ Пелымѣ-то иль въ Соловкахъ.

Алексѣй Орловъ, въ свою очередь, весело разсмѣялся, но тотчасъ стихъ и, раздумывая, вздохнулъ.

— Такъ стало не говѣть? сказалъ онъ наконецъ, какъ-бы рѣшаясь.

— Не говѣть... Что-жъ, Богъ проститъ.

— Ну, ладно... Берись-ко.

Братья снова ухватили медвѣдя за заднія лапы и снова легко поволокли лохматую махину по сугробамъ... Широкое темно-багровое пятно осталось на мѣстѣ, гдѣ лежалъ медвѣдь и снова узкій кровавый слѣдъ ложился по ихъ слѣдамъ на лѣсныхъ сугробахъ!..

IV.

Послѣ получаса ходьбы Орловы вышли изъ лѣсу на опушку, гдѣ, близъ шалаша, стояли двѣ тройки, привязанныя къ деревьямъ и нетерпѣливо двигались на мѣ-

стѣ, позвякивая бубенчиками. Кучера спали въ шалашѣ и голосисто храпѣли, увернувшись въ рогожи.

Алексѣй Орловъ, растолкавъ людей, разбранилъ ихъ за то, что полузамерзшія лошади были брошены безъ надзору.

Оба кучера стали класть медвѣдя въ большіе сани, но не могли поднять его настолько, чтобъ перетащить чрезъ откосы въ дно саней. Лошади оглядывались, храпѣли, а ближайшая пристяжная ужъ фыркнула разъ и, поджимаясь, собиралась ударить...

Орловы велѣли одному изъ кучеровъ садиться, другому держать тройку и, легко взмахнувъ медвѣдя, бросили его въ сани и затѣмъ усѣлись тоже.

Приказавъ другимъ санямъ дожидаться капитана Ласунскаго, который съ двумя крестьянами и съ проводникомъ чухонцемъ еще остался въ лѣсу—они двинулись съ своей добычей...

— Скажи Михайлѣ Ефимовичу, весело приказалъ младшій Орловъ, что мы вотъ лапу его тески изжаримъ для него подъ соусомъ въ Кабачкѣ. Чтобы скорѣе ѣхалъ. А если они еще долго провозятся въ лѣсу, то чтобъ не заѣзжали въ Красный, а ѣхали прямо въ городъ... Мы тамъ долго не засидимся. Ну, пошелъ!..

Лошади, прозябшія на морозѣ, охотно взяли съ мѣста вскачь. Отвязанный колокольчикъ звонко залился среди снѣжной равнины и скоро тройка исчезла изъ глазъ кучера, оставшагося съ другими санями ждать капитана Ласунскаго, пріятеля Орловыхъ.

Алексѣй Орловъ всю дорогу покрикивалъ на лошадей, наконецъ, недовольный ѣздой кучера, перелѣзъ на облучекъ и забралъ самъ возжи.

— Гляди, ротозѣй! Это что? Коренникъ шлепаетъ въ хомутѣ. Пристяжные то и дѣло что рвутъ да отдаютъ. Эхъ ты, Маланья — пеки аладьи... Почуявъ-ли другую руку, или по натянутымъ возжамъ прошла искра какая въ коней, но они дружно и ровно подхватили сани и лихо помчались.

— Мнѣ-бы въ ямщикахъ быть, Гриша, крикнулъ Алексѣй Орловъ, обернувшись къ брату съ облучка. Какая смерть стоять на ученьи ротномъ, а тутъ гляди... Сани-то самые живыми кажутъ!.. Вся тройка-то съ санями точно звѣрь какой трехъ-головый катится по снѣгу. Въ книгѣ Апокалипсисѣ такой-то вотъ нарисованъ...

Тройка неслась во весь опоръ по гладкой однообразно-бѣлой равнинѣ, окаймленной лѣсами; морозный воздухъ рѣзалъ лица и мелкимъ сухимъ снѣгомъ, какъ пескомъ, швыряло изъ подъ пристяжныхъ и закидывало Григорья Орлова и шкуру медвѣдя, лежавшаго въ его ногахъ. Голова, отвиснувшая съ тусклымъ глазомъ, съ кровью у оскаленныхъ зубовъ, да одна лапа съ острыми когтями—торчали изъ саней. Григорій наступилъ ногой на лохматую спину животнаго и пристально глядѣлъ на него, почти не слушая брата. Ему пришло на умъ.

— Куда дѣвалось теперь то, что ревѣло на весь лѣсъ подъ рогатиной; куда дѣвалась эта сила, что налегала на него, когда онъ сдерживалъ этого Мишку. Былъ страшный звѣрь, а теперь лежитъ шуба какая-то. А гдѣ же *то*... что было въ этой шкурѣ часъ назадъ?

— Еслибъ я былъ богатъ, продолжалъ брату кричать съ облучка Алексѣй, оборачиваясь и не глядя почти на несущуюся вихремъ тройку,—богатъ, вотъ какъ графъ Разумовскій, я бы не сталъ служить, а уѣхалъ бы въ вотчину, да завелъ бы сотни, тысячи коней и все каталъ бы на нихъ. А что теперь при нынѣшнемъ государѣ въ столицѣ? Утромъ ученье на ротномъ дворѣ; въ полдень ученье на полковомъ дворѣ, а тамъ сейчасъ ученье и смотръ на плацѣ, а вечеромъ артикулъ прусскій, экзерциціи. На дому еще обучайся у нѣмца какого... Ты выучилъ какъ къ ногѣ спускать, чтобъ тыръ-тыръ-то этотъ выходилъ... Гриша! Ты не слушаешь?

— Вотъ погоди, не такъ еще учить начнуть. Доконаютъ совсѣмъ! отозвался Григорій.

— А что?

— Новый учитель пріѣдетъ на дняхъ изъ Берлина

отъ Фридриха. Любимецъ его, слышь. Государь его выписалъ. Ему даже цѣлый флигель, говорятъ, готовится въ Рамбовѣ. Сначала онъ государевыхъ голштинцевъ обучитъ, а потомъ за насъ примется.

— Кто жь такой?

— Офицеръ Фридриховскій, звать Котцау. Онъ изъ лучшихъ тамошнихъ фехтмейстеровъ.

— Какъ? какъ?!

— Фехтмейстеръ.

— Это чтожь такое?

— Мастеръ, значитъ, на эспантонахъ драться и вообще на счетъ холоднаго оружія собаку съѣлъ. Какъ пріѣдетъ, такъ ему чинъ бригадира и дадутъ.

— Ну вотъ еще!

— Отчего же не дать? Золотаря да брильянтщика изъ жидовъ—Позье, сдѣлали бригадиромъ. Спасибо скажи, что еще не командуетъ вашей какой ротой—преображенцевъ.

— А ты насъ не хай! цалмейстеръ! шутливо крикнулъ Алексѣй.

Братья замолчали.

Григорій Орловъ, задумавшись, глядѣлъ на медвѣдя, щуря глаза отъ снѣжной пыли и комковъ, что били и сыпались чрезъ крылья саней. Алексѣй, повернувшись къ лошадямъ, передергивалъ и подхлестывалъ пристяжныхъ, а потомъ сталъ снова учить кучера, показывая и разсказывая.

Вскорѣ снова пошелъ густой боръ; высокія ели и сосны, обсыпанныя снѣгомъ, стояли какъ въ шапкахъ. Внизу чернѣлись въ полусумракѣ толстые стволы, макушки же ярко рисовались на чистомъ небѣ и блестѣли. Луна съ боку смотрѣла чрезъ нихъ на тройку и деревья будто проходили подъ ней, мимо несущихся саней. Чрезъ полчаса тройка была уже въ виду трехъ избъ, стоявшихъ одиноко среди лѣса. Не вдалекѣ, отдѣльно отъ нихъ, виднѣлся большой двухъ этажный домъ съ дворомъ, обнесенный тыномъ. Это былъ прежде простой

кабакъ, постепенно превратившійся въ большой постоялый дворъ. Онъ стоялъ почти на полъ пути изъ Петербурга въ Петергофъ. Здѣсь останавливались всегда проѣзжіе, ради отдыха лошадей. Здѣсь же братья Орловы отдыхали всегда, послѣ своихъ медвѣжьихъ охотъ. Этотъ постоялый дворъ остался со старымъ прозвищемъ: *Красный Кабачекъ.*

V.

Слишкомъ восемьдесятъ лѣтъ назадъ, въ то время, когда по указу молодаго царя Петра Алексѣевича, властолюбивая Софія была схвачена въ Кремлѣ и отвезена въ Дѣвичій монастырь, — въ селѣ Преображенскомъ, мимо 18-ти лѣтняго Петра, шли тихо, рядами, бунтовщики стрѣльцы, неся въ послѣдній разъ на плечахъ своихъ свои буйныя головы; затѣмъ на глазахъ его, кто волей, а кто неволей клали они эти головы подъ топоры работавшихъ палачей. Въ одномъ изъ проходившихъ рядовъ орлиный взоръ царственнаго юноши случайно упалъ на очень высокую, осанистую и богатырскую фигуру сѣдаго старика съ окладистой, серебряной бородой.

Онъ мѣрнымъ, степеннымъ, боярскимъ шагомъ безтрепетно выступалъ впередъ, среди другихъ осужденныхъ, робко шагавшихъ къ мѣсту казни и среди другихъ лицъ, запуганныхъ и искаженныхъ страхомъ наставшаго смертнаго часа, его лице глядѣло бодро, воодушевленно и почти торжественно. Будто не въ послѣдній разъ и не подъ топоръ несъ онъ свою посѣдѣлую голову, красивую и умную... а будто въ праздникъ большой отъ обѣдни шелъ, или въ крестномъ ходу, за святыми иконами...

Царь остановилъ старика и, вызвавъ изъ рядовъ, спросилъ какъ звать.

— Стрѣлецкій старшина, Иванъ Ивановъ сынъ Орловъ!

— Не срамное ли дѣло, старый дѣдъ, съ экими бѣ-

лыми волосами крамольничать... Да еще кичишься, страха не имѣшь; выступаешь, гляди, соколомъ, будто на пиръ.

Старикъ упалъ въ ноги царю.

— Срамъ великъ, а грѣхъ еще того велій! воскликнулъ онъ. Не кичуся я, царское твое величество, и иду радостно на смерть лютую не ради озорства. Утѣшаюся, что смертью воровскою получу грѣхамъ прощеніе и душу спасу. Укажи, царь, всѣмъ намъ ворамъ государскимъ безъ милости головы посѣчь. Не будетъ спокоя въ государствѣ, пока одна голова стрѣлецкая на плечахъ останется. Ни единой-то, единешенькой, не повели оставить... Попомни мое слово стариково!

Но царь молодой задержалъ старика стрѣльца разспросами о прошлыхъ крамолахъ и бунтахъ. А ряды осужденныхъ все шли, да шли мимо... и головы клали. И всѣ прошли подъ ту бесѣду. И всѣ головы скатились съ плечь, обогряя землю. И не кончилась еще бесѣда царя съ старшиной крамольниковъ, какъ пришли доложить, что все справлено какъ указалъ юный царь, только вотъ за «эвтимъ дѣдомъ» дѣло стало...

— Иду! иду! заспѣшилъ Орловъ.

— Нѣтъ, врешь, дѣдъ, сказалъ царь. Семеро одного не ждутъ. Изъ за тебя однаго не приходится сызнова начинать судъ да расправу. Коли опоздалъ, такъ оставайся съ головой.

И изъ всѣхъ осужденныхъ головъ, за свои умные отвѣты, осталась на плечахъ одна голова старшины Ивана Орлова.

Сынъ его, Григорій Иванычъ, участникъ во всѣхъ войнахъ великаго императора, даровавшаго отцу его жизнь, отплатилъ тою же монетою, не жалѣя своей головы въ битвахъ, какъ не жалѣлъ ее Иванъ Орловъ, неся на плаху. За то, когда онъ былъ уже генералъ-маіоромъ, великій государь собственноручно надѣлъ на него свой портретъ. А не много было такъ жалованныхъ.

Григорій Иванычъ всюду и всегда первый въ битвахъ и никогда нигдѣ не побѣжденный и никогда нигдѣ

не полоненный—вдругъ заплатилъ дань искушеніямъ мірскимъ. Уже имѣя полъ ста лѣтъ на плечахъ и чуть не полъ ста ранъ въ могучемъ тѣлѣ, былъ онъ въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ безъ войны завоеванъ, сраженъ къ ногамъ побѣдителя и полоненъ на вѣки. Сразило воина-генерала, какъ въ сказкѣ сказывается: не царь салтанъ, не шведъ басурманъ, а царевна-красота; не мечь булатный, не копье острое,—а очи съ поволокой, уста-вишенья да за-поясъ коса русая!

Григорій Иванычь былъ полоненъ безъ боя въ Москвѣ бѣлокаменной, 15-ти лѣтней дочерью стольника царскаго Ивана Зиновьева. И тутъ въ Москвѣ женился онъ и зажилъ. Прижили мужъ съ женой пять сыновъ и послѣ долгой мирной жизни близь Никитскихъ воротъ скончались оба и нынѣ лежатъ тамъ же рядкомъ, въ церкви Егорья что на Всполье...

Сыны стали служить родинѣ, какъ училъ ихъ служить своими разсказами о себѣ Григорій Иванычъ. Старшій изъ братьевъ Иванъ Григорьевичъ Орловъ одинъ остался въ Москвѣ и, схоронивъ отца, заступилъ его мѣсто въ любви и почтеніи остальныхъ братьевъ.

Второй, Григорій Григорьевичъ былъ отправленъ еще отцемъ въ Петербургъ въ Сухопутный Кадетскій корпусъ и, выйдя изъ него, полетѣлъ на поля германскія, гдѣ шла упорная и славная борьба.

Двадцатилѣтній Орловъ не замѣдлилъ отличиться и послѣ кровопролитной битвы при Цорндорфѣ сталъ всѣмъ извѣстенъ отъ генерала до солдата. Онъ попалъ въ тотъ отрядъ, который неразумѣніемъ начальства былъ заведенъ подъ пылъ и дымъ отъ обѣихъ армій и, не узнанный своими, полегъ отъ огня и своихъ и чужихъ. Раненный не разъ и опасно — Орловъ до конца битвы стоялъ впереди своихъ гренадеръ. И всѣ они стояли безъ дѣла и ни одинъ не побѣжалъ и многіе полегли. Послѣ трудной компаніи 1758 года, русская армія отправилась на роздыхъ въ Кенигсбергъ и тамъ началось веселье, не прекращавшееся всю зиму. Побѣдители мужей герман-

скихъ объявили теперь войну женамъ германскимъ и на этомъ полѣ битвы равно не посрамились. Григорій Орловъ былъ первымъ и въ этой войнѣ.

Кенигсбергъ изображалъ тогда полу-русскій городъ. Русское начальство не жалѣло рублей на увеселенья и торжества, да и рубли-то эти чеканились хоть и на мѣстѣ, нѣмцами, но съ изображеніемъ Россійской Монархини Елизаветы.

Чрезъ годъ послѣ своихъ воинскихъ подвиговъ и любовныхъ, Григорій Орловъ вернулся въ Петербургъ. Взятый тогда въ плѣнъ графъ Шверинъ, любимый адъютантъ короля Фридриха, былъ вытребованъ императрицей въ столицу, а съ нимъ вмѣстѣ долженъ былъ отправиться, приставленный къ нему поручикъ Орловъ.

Въ Петербургѣ Орловъ увидѣлъ братьевъ, служившихъ въ гвардіи, преображенца Алексѣя, семеновца Ѳедора и юношу—кадета Владиміра. Онъ вскорѣ сошелся ближе съ братомъ Алексѣемъ и вскорѣ былъ, не замѣтно для обоихъ, подъ вліяньемъ энергической и предпріимчевой натуры младшаго брата. Получивъ отъ брата Ивана, безвыѣздно жившаго въ Москвѣ, свою часть отцовскаго наслѣдства, неразлучные Григорій и Алексѣй весело принялись сыпать деньгами, не думая о завтрашнемъ днѣ. Скоро удаль, дерзость и молодечество, неслыханная физическая сила, и наконецъ развеселое «безпросыпное пированіе обоихъ господъ Орловыхъ» вошло въ поговорку.

Послѣдній парнишка на улицѣ, трактирный половой или извощикъ, или разнощикъ Адмиралтейскаго Проспекта и Большой Морской—знали въ лицо Григорія и Алексѣя Григорьевичей, знали за щедро и часто перепадавшіе гроши, знали за какую нибудь здоровую затрещину или тукманку, полученную по башкѣ, не въ урочный часъ подвернувшейся имъ подъ руку, въ часъ беззавѣтнаго разгула, буйныхъ шалостей и тѣхъ потѣшныхъ затѣй, отъ которыхъ смертью пахнетъ.

Дерзкіе шалуны были у всѣхъ на виду, ибо дворъ и лучшее общество Петербурга давно пріуныли и боялись

веселиться, какъ бывало, вслѣдствіе болѣзни государыни Елизаветы Петровны, которая все болѣе и чаще хворала. Баловъ почти не было, маскарады, столь любимые прежде государыней, прекратились, позорищъ и торжествъ уличныхъ тоже не видали. Даже народъ скучалъ и всѣ ждали конца и восшествія на престолъ молодаго государя. Всѣ ждали, но всѣ боялись. Давно уже не было царя на Руси! И бояринъ—сановникъ, и царедворецъ, и гвардейцы,—бригадиръ ли, сержантъ ли, рядовой ли—и купцы, и послѣдній казачекъ въ дворнѣ боярина,—всѣ привыкли видѣть на престолѣ русскомъ манарховъ—женщинъ и какъ то свыклись съ тѣмъ, чтобы Русью правили хоть по виду женскія руки, женское и сердце.

Отъ наслѣдника престола и будущаго государя можно было ожидать много новаго, много перемѣнъ и много такого, что помнили люди пережившіе Миниховы и Бироновы времена, но о чемъ молодежь только слыхала въ дѣтствѣ. Для нынѣшнихъ молодцовъ гвардейцевъ россказни ихъ мамокъ о зломъ сѣромъ волкѣ, унесшемъ на край свѣта царевну Милку и разсказы ихъ отцовъ объ Биронѣ слились какъ-то вмѣстѣ, во что-то таинственное, зловѣщее и ненавистное. А тутъ вдругъ стали поговаривать, что съ новымъ государемъ—опять масляная придетъ нѣмцамъ, притихнувшимъ было за Елизаветино время.

Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины государыни и восшествія на престолъ новаго императора, слава о подвигахъ всякаго рода Григорія Орлова дошла до дворца и наконецъ до покоевъ великой княгини.

VI.

При звукѣ колокольцевъ около постоялаго двора, въ домѣ засвѣтились и задвигались огоньки и, когда сани остановились у крыльца, человѣка четыре вышли на встрѣчу. Впереди всѣхъ былъ маленькій, старый человѣчекъ, одѣтый въ кафтанъ съ нашивками и галунами.

— Абрамъ! Небось все простыло! выговорилъ Григорій Орловъ, вылѣзая изъ саней.

— Что вы, Григорій Григорьевичъ, все горячее, разпрогорячее, отвѣчалъ Абрамъ, старикъ-лакей, бывшій еще дядькой обоихъ офицеровъ.

Абрамъ отодралъ за ухо убитаго медвѣдя, нисколько не удивляясь обычному трофею барина и обратился къ другому младшему барину, сидѣвшему на облучкѣ.

— А ты опять въ кучерахъ! Экъ охота въ эдакій холодъ ручки морозить. Небось, поди, скрючило всего морозомъ-то... Ишь вѣдь зашвыряло-то какъ! Небось всю дорогу въ скокъ да присковъ.

— Ахъ ты, хрычъ старый! весело отозвался Алексѣй Орловъ, отряхиваясь отъ снѣга. Тебя скрючило вишь, такъ ты думаешь, и всѣхъ крючитъ.

— Ну, ну, мнѣ-то седьмой десятокъ идетъ, а тебѣ то два съ хвостикомъ махонькимъ... А всежъ таки не правда твоя. Меня не скрючило. А ты доживи-ко вотъ до моихъ годовъ, такъ совсѣмъ стрючкомъ будешь.

Сани съ медвѣдемъ между тѣмъ отъѣхали и стали подъ навѣсъ.

Григорій Орловъ былъ уже въ сѣняхъ, Алексѣй, перебраниваясь и шутя съ старикомъ, вошелъ за нимъ.

Въ маленькой горницѣ былъ накрытъ столъ и среди бѣлой скатерти и посуды тускло свѣтила нагорѣвшая сальная свѣча. Тепло, и запахъ щей, доходившій изъ сосѣдней горницы, пріятно охватилъ пріѣзжихъ, простоявшихъ на морозѣ нѣсколько часовъ.

— Ну, поживѣй, Абрамъ. Проголодались мы,—приказалъ Григорій.

— Живо, живо, старая крыса! шутливо добавилъ и Алексѣй.

— Все готово-съ! Ключикъ пожалуйте отъ погребца. Онъ у васъ остался. А то-бъ ужъ давно все на столѣ было.

— Онъ у тебя, Алеша... Ахъ, нѣтъ, тутъ!..

Григорій Орловъ досталъ ключи изъ кармана и, бросивъ ихъ на столъ, сѣлъ на лавку.

Старикъ отперъ дорожный погребецъ, купленный въ Кенигсбергѣ, въ видѣ красиваго сундучка, и сталъ доставать оттуда приборы; потомъ очистивъ отъ мелочей верхнюю часть сундучка, вынулъ за ушки большую посеребренную суповую мису съ крышкой и началъ изъ нее выкладывать такіе же металическія тарелки. Вынимая тарелку за тарелкой и дойдя до двухъ мисъ, которыя вкладывались одна въ другую, помѣщаясь такимъ образомъ въ большой суповой мискѣ съ ушками, — Абрамъ началъ качать головой и бормотать.

Алексѣй Орловъ стоялъ, подпершись руками въ бока, середи горницы за спиной Абрама и молча мотнувъ брату головой на старика, подмигнулъ. Григорій, полулежа на лавкѣ, поглядѣлъ на лакея.

— Что? Сервизъ? вымолвилъ онъ и усмѣхнулся.

Абрамъ обернулся на это слово заморское и морщинистое лицо его сьежилось въ добродушно-хитрую улыбку.

— А то нѣтъ! воскликнулъ онъ. Сто лѣтъ буду перебирать и въ толкъ не возьму! Нѣтъ! Какова бестія!

И Абрамъ ткнулъ пальцемъ въ погребецъ.

— Что бы ему разложить все въ сундучкѣ рядышкомъ! Нѣтъ, вишь, анафема, что придумалъ. Одно въ одно. Соберешь со стола кучу, а уложишь, и нѣтъ ничего! Одна миска! Сто лѣтъ, говорю, буду выкладывать и эту бестію нѣмца поминать... Уложить рядышкомъ какой вѣдь ящикъ бы надо... саженный. Такъ нѣтъ же! Онъ, анафема, вишь... одно въ одно... Прямая бестія, плутъ.

— Ну, Абраша, вотъ что... Соловья баснями не кормятъ. Давай скорѣе... терпѣливо, но угрюмо сказалъ Григорій Орловъ.

— За̀разъ, пане! За̀разъ! отозвался Абра̀мъ, почти не обращая вниманія. Какъ были мы съ вами въ Вильнѣ, помню я тоже, эдакую штуку одинъ жидъ продавалъ.

— Ты болты болтать! закричалъ вдругъ Алексѣй Орловъ громовымъ голосомъ. Постой, болтушка̀! И живо подхвативъ старика за ногу и за руку, онъ поднялъ его, какъ перышко, на воздухъ, надъ головой своей.

— Ай!! Ай!! Убьешь! Ей Богу убьешь, баринъ! Золотой! заоралъ старикъ. Обѣщался никогда этого не дѣлать. Стыдно! Григорій Григорьичъ, не прикажите. И старикъ, боязливо поглядывая съ верху на богатыря-барина и на полъ, кричалъ на весь домъ.

— Расшибу объ полъ въ дребезги!.. крикнулъ Алексѣй и держалъ старика высоко надъ головой. Такъ какъ горница была низенькая, то онъ наконецъ приперъ старика къ балясинамъ потолка.

— Гриша, пощекочи его...

— Батюшка! Баринъ! Ради Создате... Ай—ай!

— Пусти его, Алёша. Ей Богу, ѣсть хочется.

Алексѣй спустилъ бережно старика и поставилъ на̀ полъ, но едва Абрамъ былъ на ногахъ, онъ нагнулся и началъ щипать его за икры.

— Бери сервизъ!.. Живо.., защекочу... Болтушка старая!

Абрамъ увертывался вправо и влѣво, хрипливо хихикалъ и вскрикивалъ, поджимаясь для защиты икръ. Наконецъ онъ наскоро ухватилъ мисы и тарелки и, поневолѣ пятясь отъ барина задомъ напередъ, кой-какъ пролѣзъ въ двери, но разронялъ приборы на порогѣ.

— Ты въ самомъ дѣлѣ ему руки не сверни какъ-нибудь... сказалъ Григорій, когда старикъ скрылся.

— Вотъ? Я вѣдь бережно... Зачѣмъ Абрашу калѣчить. Вѣдь онъ насъ на рукахъ махонькими таскалъ.

— Кости-то у него старыя... Не даромъ полтавскій герой... Не долго и изувѣчить, замѣтилъ Григорій.

Чрезъ минутъ пять Абрамъ появился съ подносомъ. Изъ большой мисы дымилась похлебка, изъ другой торчалъ хвостъ рыбы, въ третьей маленькой мискѣ были печеныя яблоки. Абрамъ, уже не боясь затѣйника-барина съ ужиномъ въ рукахъ, разставилъ все на столѣ, подалъ тарелки и приборы и, отойдя въ сторону съ салфеткой на рукѣ, сказалъ торжественно.

— Пожалуйте... Хлѣбъ-соль, на здоровье.

Братья перекрестились и весело принялись за ужинъ.

— Вы кушайте, а я буду вамъ сказывать... что тутъ было съ часъ мѣста тому.

— Ну теперь болтай, Абрашка, сколько хочешь, весело сказалъ Алексѣй Орловъ. Ты сказывай, а мы будемъ тебя не слушать.

— Анъ вотъ и будешь... поддразнилъ его старикъ, поджимаясь и вытягивая шею впередъ.

— Анъ не буду! гримасой и голосомъ удивительно вѣрно передразнилъ его Алексѣй.

— Анъ будешь... Да еще обѣими ухами будешь слушать и кушать перестанешь отъ любопытствія того, что я сказывать буду...

— Ну, ну, говори!

— То-то вотъ... Говори теперь... Да я не тебѣ и говорить хотѣлъ! И презанимательная произшествія, Григорій Григорьевичъ, обратился Абрамъ серьезно къ своему барину.

Вообще Абрамъ хотя любилъ равно всѣхъ своихъ господъ, и маленькаго кадета Владиміра Григорьевича, и озарника, вѣчнаго спорщика и насмѣшника Алексѣя, но уважалъ только Ивана Григорьевича Орлова, старшаго изъ братьевъ, и потомъ боготворилъ своего барина Григорія Григорьевича, съ которымъ совсѣмъ не разставался уже за послѣдніе двѣнадцать лѣтъ ни въ Россіи, ни заграницей.

— Съ часъ тому мѣста, баринъ, сижу я съ содер-

жателемъ Дегтеревымъ. Хозяйка-то стало быть готовить вотъ на счетъ кушаньевъ вамъ поужинать. А мы двое сидимъ, да беседуемъ. Онъ меня про нѣмцеву землю спрашиваетъ, про Кониэберъ городъ и про прусскаго... энтого... Ну, про Хредлиха, что нѣмцы королемъ своимъ считаютъ, благо у него длиненъ носъ, до Коломны доросъ, а все поди на глазахъ торчитъ.

Братья Орлова невольно усмѣхнулись тому, что называли «старой Абрашкиной пѣсенкой». Абрамъ не любилъ нѣмцевъ. Проживъ между ними четыре года въ Кенигсбергѣ, онъ еще пуще ихъ не взлюбилъ, но короля Фридриха почему то особенно ненавидѣлъ отъ глубины души, и за что явилась эта ненависть въ добромъ старикѣ, онъ самъ не зналъ. Въ Абрамѣ какъ будто что то оскорблялось и негодовало, когда ему говорили, что Фридрихъ-король!.. монархъ. Такой же вотъ царь нѣмецкій, какъ Петръ Алексѣевичъ былъ русскимъ царемъ. Абрамъ злобно ухмылялся, трясъ головой и не могъ никакъ переварить этого; если же бесѣда объ Фридрихѣ затягивалась и ему доказывали неопровержимо, что Фридрихъ царь прусскій, какъ и быть должно... да еще пожалуй Великій потомъ назовется... то Абрамъ, не находя опроверженій, принимался ругаться, называя своего собесѣдника—бусурманомъ и измѣнникомъ.

— Ну, ну, Фридриха ты, братъ, не тронь, сказалъ Алексѣй Орловъ. Знаешь нынѣ времена не тѣ. Это при Лизаветѣ Петровнѣ съ рукъ сходило, а теперь ты, Абраша, это брось. Скоро вотъ мы замиримся съ Хредлихомъ съ твоимъ и какъ ты его ругать, тебя и вѣлятъ головой ему выдать. Онъ тебя и казнитъ на сѣнной площади въ Берлинѣ.

— Казнитъ, сердито отозвался Абрамъ.

— Да. Сначала это отдерутъ кнутьями нѣмецкими, а тамъ клейма поставятъ и тоже съ нѣмецкими литерами, а тамъ ужь и голову пожалуй долой.

— Коротки руки — литеры мнѣ нѣмецкія ставить...

— Дай ему, Алеша, сказывать, вмѣшался Григорій.

— А ты языкъ-то свой попридержи, Алексѣй Григорьевичъ, жуй себѣ, да молчи. Ну-съ, вотъ и бесѣдуемъ мы съ Дегтеревымъ. Вдругъ, слышимъ бухъ въ двери кто-то. Меня съ лавки ажно свернуло, такъ скотина шибко ударилъ съ размаха. Точно разбойникъ какой. Ужь я его ругалъ, ругалъ потомъ за перепугъ.

— Да кто такой... спросилъ Алексѣй.

— А ты кушай, да молчи... Ну вотъ, Григорій Григорьевичъ, отворилъ Дегтеревъ дверь... лѣзетъ дьяволъ, звенитъ шпорьями, кнутъ въ рукѣ, верхомъ пріѣхалъ. Морда вся красная, замерзъ бестія. Глянулъ я... Вижу онъ, какъ и быть должно. Всѣ они эдакіе, прости Господи, дьяволы.

— Такъ-таки самъ дьяволъ? Что ты Абраша?!. шутливо воскликнулъ Алексѣй Орловъ.

— Постъ нонѣ. Великій постъ Господень идетъ, Алексѣй Григорьевичъ! Грѣхъ это — его поминать! Укоризненно заговорилъ Абрамъ.

— Самъ ты два раза помянулъ дьявола, Абраша.

— Я не поминалъ. Поклеповъ не взводи. Я нѣмца ругалъ, а не его поминалъ. Ну вотъ слушайте. Вошелъ и кричитъ....

— Да кто такой, Абрамъ? Ты же вѣдь не сказалъ, замѣтилъ Григорій Орловъ.

— А голштинецъ.

— Голштинецъ?

— Да. Солдатъ изъ потѣшныхъ, изъ Аранбовскихъ. Вы слушайте, Григорій Григорьевичъ, что будетъ-то.... Хочу, говоритъ, я комнату занять. Эту самую вотъ. Для моего ротмейстера, кой будетъ сейчасъ за мной. Мы говоримъ: обожди, не спѣши. Горница занята и ужинъ тамъ накрытъ моимъ господамъ. — Мой, говоритъ, ротместеръ государевъ.

— По каковски же онъ говоритъ-то?

— Что по своему, а что и по нашему. Понять все можно. Русскій хлѣбъ ѣдятъ ужь давно, грамоту нашу пора выучить. Мнѣ, говорю ему, плевать на твоего рот-

местера. Мои господа, говорю, московскіе столбовые дворяне; батюшка, родитель ихъ, говорю, генералъ... Да. Вотъ что, голштинецъ ты мой! А ты, говорю, обогрѣйся въ людской, да и ступай съ Богомъ... откуда пришелъ. Онъ на это кричать, буянить... Подавай ему горницу и готовь тоже закусить для его ротместера. Спросилъ Дегтеревъ: кто таковъ твой начальникъ? Говоритъ ему: имя я самъ не знаю. Ну, а коли ты и званья своему барину, говорю я ему, не вѣдаешъ, то стало вѣрно прощелыга какой. И Дегтеревъ говоритъ: господина твоего ротместера я не знаю, а вотъ его господа завсегда у меня ночлегомъ бываютъ съ охоты. И теперь, говоритъ, тоже горница занята для нихъ. А я, говоритъ, господъ его не промѣняю на голштинца. Пословица нынѣ сказываться стала: отъ голштинца не жди гостинца. Вотъ что!...

— Ну чтожь, понялъ онъ пословицу-то?

— Понялъ должно, буянить началъ... а потомъ сѣлъ, отогрѣлся и говоритъ: погодите, вотъ ужотко, подъѣдетъ ротместеръ, всѣхъ васъ и вашихъ *геровъ официровъ* кнутомъ отстегаетъ. Ей Богу, такъ и говоритъ! Меня со зла чуть не разорвало.... Сидитъ бестія да пужаетъ... Посидитъ, посидитъ да и начнетъ опять пужать... Погодите вотъ на часъ, подъѣдетъ вотъ мой-то.... Дастъ вамъ...

— Ну чтожъ тотъ—подъѣхалъ? спросилъ Алексѣй Орловъ.

— То то не подъѣхалъ еще.

— Ну, а солдатъ?

— И теперь тутъ. Ждетъ его. И все вѣдь пужаетъ. Ей Богу. Сидитъ это, ноги у печи грѣетъ и пужаетъ. Пресмѣлый! Ну и какъ быть должно, изъ себя—рыжій и съ бѣльмомъ на носу.

— На глазу то ись.... Абраша?

— Нѣтъ на носу, Алексѣй Григорьевичъ. И все-то споришь. Ты не видалъ его, а я видѣлъ. Такъ знать ты и не можешь гдѣ. А учить тебѣ меня,—не рука... Врать я—въ жисть не вралъ.

— Да на носу, Абраша, бѣльмы не бываютъ. Не путай!..

— У нѣмца?! Много ты знаешь! И не такое еще можетъ быть. Хуже еще можетъ быть. Ты за границу не ѣздилъ, а мы тамъ жили съ Григорьемъ Григорьевичемъ. Да что съ тобой слова тратить... И Абрамъ сердито вышелъ вонъ, хлопнувъ за собой дверью.

— Озлилъ таки Абрашку! разсмѣялся весело Алексѣй Орловъ.

VII.

Чрезъ четверть часа послышался около постоялаго двора звонъ жиденькихъ чухонскихъ бубенцевъ, безъ колокольчика, а затѣмъ кто-то громко и рѣзко кликнулъ на дворъ хозяина.

— А вѣдь это онъ, пожалуй. Ротмейстеръ этотъ. То не наши, сказалъ Алексѣй.

— Позовемъ его съ нами поужинать, отозвался Григорій Орловъ. Я давно уже по нѣмецки не говорилъ. Поболтаю.

— Всѣ эти голштинцы, превеликаго самомнѣнья, отозвался Алексѣй.

— Ничего. Ради потѣхи по шерсткѣ его буду гладить. Объ прусскомъ артикулѣ пущуся бесѣдовать.

— Что жь. Пожалуй. Вмѣстѣ дѣтей не крестить. Поужинаемъ и разъѣдемся... Скажи ему, какъ Разумовскій, Алексѣй Григорьевичъ, сказалъ какому то нахалу. Тотъ напрашивался все: можно ли мнѣ къ вамъ на балъ. Онъ и отвѣтилъ: что жь, наплевать—милости просимъ!...

Въ эту минуту въ сѣняхъ раздался крикъ и кто-то грохнулся объ землю. Затѣмъ раздался визгливый и яростный крикъ Абрама.

— Меня свои господа вотъ ужь тридцать лѣтъ не бивали. Вотъ что-съ.

Алексѣй Орловъ бросился на крикъ лакея, но дверь

распахнулась и Абрамъ влетѣлъ съ окровавленнымъ носомъ.

— Глядите что! завопилъ старикъ. Нешто онъ смѣетъ чужаго холопа бить.

— Dûm! Wo sind diese Leute? кричалъ голосъ въ сѣнцахъ.

— А-а! Вотъ оно какое дѣло! выговорилъ Григорій протяжно и поднялся изъ за стола. Вывернувъ высоко вверхъ локоть правой руки, онъ гладилъ себя ладонью этой руки по верхней губѣ. Неровное дыханье сильно подымало его грудь.

Алексѣй Орловъ быстро обернулся къ брату. Этотъ жестъ и хорошо знакомая ему интонація голоса брата, говорившая о вспыхнувшемъ гнѣвѣ, заставила его схватить брата за руку...

— Гриша. Не стоитъ того. Стыдно! Господь съ тобой.

Григорій Орловъ стоялъ, не шевелясь, за столомъ.

На порогѣ показалась высокая и плотная полуосвѣщенная фигура голштинскаго офицера въ ботфортахъ, куцомъ и узкомъ мундирѣ съ разшивками на груди. Прежде всего бросились въ глаза его толстыя губы и крошечныя глазки подъ лохматыми рыжими бровями. На прибывшемъ была накинута медвѣжья шуба, на головѣ круглая фуражка съ мѣховымъ околышемъ и съ зеленымъ козырькомъ.

— Какъ вы смѣете бить моего человѣка, крикнулъ изъ за стола Григорій Орловъ по нѣмецки.

Алексѣй, не понимавшій ни слова изъ того, что говорилъ братъ—прибавилъ тихо.

— Не стоитъ связываться, Гриша. Уступимъ уголъ горницы. Все таки офицеръ...

Прибывшій ротмейстеръ въ своей шубѣ едва пролѣзъ въ дверь и увидя двѣ богатырскія фигуры двухъ братьевъ, сказалъ по нѣмецки нѣсколько мягче, но все таки важно и внушительно.

— Я, какъ видите, офицеръ войска его величества. Ѣду изъ Ораніенбаума къ его высочеству принцу Георгу

по важному дѣлу... Я желаю поужинать и отдохнуть. Очистите мнѣ сейчасъ эту горницу.

— Чортъ съ нимъ, шепнулъ Алексѣй брату, позвать его поужинать съ нами. Абрашкинъ носъ склѣимъ, не купленный! разсмѣялся онъ добродушно и весело.

Ротмейстеръ, очевидно не понимавшій ни слова по русски, принялъ вдругъ смѣхъ этотъ на свой счетъ и сморщивъ брови на Алексѣя, важно закинулъ голову.

— Хотите ужинать съ нами, сказалъ Григорій Орловъ уже мягко, но улыбаясь гримасамъ брата по поводу старика Абрама, мочившаго носъ водой въ углу горницы.

— Спасибо. Danke sehr! презрительно отвѣчалъ вдругъ обидѣвшійся нѣмецъ. Я этого не ѣмъ! И онъ мотнулъ головой на столъ. Это хорошо для васъ, русскихъ.

— Ну, такъ эта комната и столъ заняты нами! грубо и рѣзко вымолвилъ Григорій Орловъ, садясь снова. Хотите, такъ займите вонъ уголъ и ѣшьте тамъ свою колбасу. Только живѣе кончайте и уѣзжайте, потому что меня отъ колбаснаго запаха тошнитъ.

— Что? Аль онъ заупрямился, спросилъ Алексѣй, ничего не понимавшій. Мы вѣдь не въ мундирахъ, Гриша. Онъ можетъ думаетъ: купцы проѣзжіе.

— Наше общество васъ не унизитъ. Мы тоже офицеры войскъ его величества! объяснилъ Григорій.

— Русскаго войска!

— Ну, да, русскаго. Мы не въ мундирахъ, потому что заѣхали сейчасъ съ охоты.

Нѣмцу очевидно показалось послѣднее заявленіе Орлова сомнительнымъ.

— Эти двое дюжихъ парня врядъ—офицеры. Скорѣе два русскихъ бюргера! подумалъ ротмейстеръ, приглядываясь къ обоимъ и затѣмъ вдругъ крикнулъ въ дверь... Явились два рейтара голштинскаго войска.

— Уберите все это вонъ. Приказалъ онъ по нѣмецки, показывая на столъ. И вы тоже—вонъ. Fort..! Fort.

— Ruhig! Кто тронетъ этотъ столъ, тому я расшибу голову объ стѣну, крикнулъ Григорій по нѣмецки.

Рейтары остановились у дверей.

Хозяинъ Дегтеревъ показался смущенный за ними.

Офицеръ грубо захохоталъ въ отвѣтъ на угрозу и сбросилъ шубу и шапку. Затѣмъ подойдя къ столу и взявъ первую попавшуюся подъ руку миску съ рыбой, шлепнулъ ее на полъ, и взялся уже было за другую. Алексѣй и Абрамъ ахнули. Григорій Орловъ выскочилъ изъ за стола и однимъ ударомъ кулака опрокинулъ ротмейстера навзничь на его же шубу.

— Ко мнѣ! Ко мнѣ! Бей ихъ! закричалъ ротмейстеръ по нѣмецки.

Рейтары бросились было на Григорія, но одинъ изъ нихъ попалъ подъ руку Алексѣя Орлова и, сбитый съ ногъ, отлетѣлъ на стараго Абрама, котораго своимъ паденьемъ сшибъ тоже съ ногъ. Рейтаръ этотъ такъ застоналъ, что товарищъ его быстро отступилъ самъ.

Въ минуту Алексѣй вышвырнулъ обоихъ солдатъ изъ горницы и заперъ дверь на щеколду.

Между тѣмъ Григорій Орловъ уже ухватилъ толстаго ротмейстера за шиворотъ и, сѣвъ на него верхомъ, тащилъ его за шею и подъѣзжалъ на немъ къ самому столу. Голштинецъ, побагровѣвъ отъ напрасныхъ усилій, отчаянно барахтался и хрипѣлъ.

— Алеша! Держи свинью! Гни! крикнулъ Григорій, слезая съ ротмейстера. Передавъ его въ руки брата, онъ взялъ со стола большую миску и, опрокинувъ ее на голову ротмейстера, обварилъ его остатками горячей похлебки, а затѣмъ надѣлъ опорожненную миску ему на голову.

Вся голова офицера ушла въ нее. Григорій съ большимъ усиліемъ, сопя и кряхтя, бережно согнулъ на головѣ голштинца мѣдную мису и сдвинувъ края на щеки подогнулъ ушки подъ его жирнымъ подбородкомъ, лишь слегка поранивъ ухо и помявъ шею. Затѣмъ онъ велѣлъ брату выпустить ротмейстера изъ подъ себя и, оттолкнувъ его въ уголъ, крикнулъ, злобно смѣясь:

— Вотъ вамъ новая голштинская каска! А имя мое—Орловъ.

Офицеръ совершенно обезумѣлъ отъ всего совершеннаго вдругъ надъ нимъ и, качаясь какъ пьяный, отодвинулся и сѣлъ на лавку. Онъ притихъ съ разу и съ телячьимъ взоромъ глядѣлъ на братьевъ изъ подъ миски. Руки его поднялись было безсознательно разогнуть ушки на подбородкѣ и снять мису, но тронувъ ихъ, онъ и пробовать не сталъ. Онъ обомлѣлъ отъ изумленья, смутно понявъ, что случилось что то невозможное, даже не мыслимое.

Миска, плотно обхвативъ затылокъ и темя, торчала надъ лбомъ въ видѣ чепца, а загнутые широкіе ушки держали ее и не позволяли не только снять съ головы, но даже чуть-чуть сдвинуть.

Чтобъ разогнуть миску нужна была таже сверхъестественная сила, которая надѣла ее. Голштинецъ сидѣлъ недвижно и ошалѣлымъ взоромъ глядѣлъ на одѣвавшихся на скоро враговъ.

— Гутъ? А? Гутъ что-ли? смѣялся, одѣваясь Алексѣй.

Абрамъ быстро и злобно собиралъ посуду въ погребецъ, изрѣдка косясь на главную мису, не достававшую теперь въ приборѣ. Увы! Она неожиданно получила совершенно новое назначеніе.

Братья вышли въ сѣни. Рейтары вѣжливо пропустили силачей. Чрезъ нѣсколько минутъ Орловы уже скакали въ саняхъ по дорогѣ въ Петербургъ.

— Скверно! Погорячился ты! Скверно! повторялъ Алексѣй брату. Имя то онъ неслыхалъ, но по мискѣ узнаютъ, кто такіе съ нимъ пошутили. Теперь не слѣдъ было гнѣва государя на себя обращать. Ты знаешь, какъ онъ за голштинцевъ своихъ обижается всегда.

Абрамъ, сидѣвшій бокомъ на облучкѣ около кучера, бормоталъ себѣ что то подъ носъ и махалъ руками по воздуху отчаянно и злобно. Наконецъ онъ обернулся къ господамъ и сказалъ внѣ себя отъ ярости.

— Отдуть бы здорово! Такъ!! Слѣдъ!! Чтобъ помнилъ

бестія. Такъ нѣтъ! Добро свое зря портить. Финты — фанты показывать!

— Да на мисѣ то вырѣзаны еще большія литеры! *глаголь* и *онъ*! прибавилъ Алексѣй.

— Не будьте въ сумленіи, язвительно отозвался Абрамъ. И безъ литеръ узнается кто такое колѣно отмочилъ. Нешто всякій можетъ! воскликнулъ онъ вдругъ. Вашъ покойный родитель да вы, господа, его дѣтки! Кабы даже и не ваша посудина была, такъ всякій, глянувъ на его башку, скажетъ, что работа господъ Орловыхъ.

Оба брата вдругъ громко фыркнули и такъ расхохотались на это замѣчанье, что даже пристяжные рванули шибче. Абрамъ сердито махнулъ рукой и, отвернувшись лицомъ къ лошадямъ, обидчиво молчалъ вплоть до Петербурга.

Между тѣмъ ротмейстеръ, оставшись на постояломъ дворѣ въ той же горницѣ, позвалъ солдатъ, заперся и возился напрасно съ своей новой каской. Онъ пришелъ въ себя окончательно и понялъ весь ужасъ своего положенья, когда Орловы уже уѣхали, иначе онъ готовъ бы былъ просить хоть изъ милости снять съ него миску. Напрасно оба рейтара его возились надъ нимъ, и уцѣпившись за края и ушки мисы съ двухъ разныхъ сторонъ, тащили ихъ изъ всей силы въ разныя стороны. Ушки не подались ни на волосъ изъ подъ толстаго подбородка офицера. Кромѣ того одинъ изъ рейтаровъ былъ гораздо сильнѣе товарища и при этой операціи, не смотря на свое уваженіе къ Негг'у ротмейстеру, ежеминутно стаскивалъ его съ лавки на себя, и валилъ на него слабосильнаго товарища. При этомъ доставалось пуще всего головѣ ротмейстера и отъ боли кровь приливала къ его толстой шеѣ. Онъ сталъ бояться апоплексіи.

Приходилось ѣхать къ мѣднику или слесарю распиливать свою новую каску... Но какъ ѣхать! По морозу! Отчаянье голштинца взяло, однако, верхъ надъ самолюбіемъ и онъ, выпросивъ тулупъ у Дегтярева, велѣлъ себѣ закутать имъ голову поверхъ миски... Рейтары его

обвязали наглухо, вывели подъ руки и посадили въ санки. Ротмейстеръ рѣшился въ этомъ видѣ ѣхать прямо къ принцу Георгу, дядѣ государя, жаловаться на неизвѣстныхъ озарниковъ и требовать примѣрнаго наказанія.

Дегтяревъ, разумѣется, не сказалъ ему имени силачей, отзываясь незнаніемъ, а самъ офицеръ не запомнилъ русскую вскользь слышанную фамилію. Когда ротмейстеръ чудовищемъ съ огромной головой отъѣхалъ отъ постоялаго двора, Дегтяревъ, уже не сдерживая хохота, вернулся въ горницу, гдѣ жена подтирала полъ и прибирала остатки растоптанной рыбы.

— Ай да Григорій Григорьевичъ! Вотъ эдакъ-то бы ихъ всѣхъ Рамбовскихъ. Они нашего брата поѣдомъ ѣдятъ. Не хуже Бироновыхъ языковъ. Спасибо хоть этого поучили маленечко... А лихо! Ай, лихо! Ха, ха, ха!

Дегтяревъ сѣлъ на лавку и началъ хохотать, придерживая животъ руками. Вскорѣ на его громовый хохотъ собрались всѣ батраки отъ мала до велика со всего двора и слушали разсказъ хозяина.

— Горнадеры-то его... Ха, ха, ха. Одинъ въ эвту сторону на себя тянетъ, а тотъ къ себѣ тащитъ, да оба мычатъ, а ноги-то у нихъ по мокрому полу ѣдутъ!.. А ротместеръ-то глаза пучитъ, изъ-подъ миски-то... Ха, ха, ха! Охъ, батюшки! Животъ подвело. О-о-охъ! Животъ...

Батраки, глядя на хохотавшаго хозяина и представивъ себѣ постепенно все происшедшее сейчасъ въ горницѣ, начали тоже громко хохотать.

— Этотъ сюда тащитъ... А энтотъ туда... А ноги-то... ѣдутъ... ноги то—по полу ѣдутъ!.. Снова принимались повторять нѣсколько голосовъ послѣ каждой паузы смѣха, будто стараясь вполнѣ разъяснить другъ другу всю штуку. И надолго всѣ снова заливались здоровымъ хохотомъ, гремѣвшимъ на весь Красный Кабакъ.

VIII.

У воротъ большаго дома Адмиралтейской площади, стоящаго между покатымъ берегомъ рѣки Невы и Галерной улицей, ходитъ часовой и отъ сильнаго мороза, то и дѣло топочетъ ногами по ухоженному имъ снѣгу, ярко облитому луннымъ свѣтомъ. Здѣсь въ большихъ хоромахъ помѣщается прибывшій недавно въ Петербургъ принцъ Голштинскій Георгъ-Людвигъ. Хотя уже четвертый часъ ночи, но въ двухъ окнахъ нижняго этажа виденъ свѣтъ... Горница эта съ освѣщенными окнами—прихожая и въ ней на ларяхъ сидятъ два рядовые преображенца. Они часовые, но, спокойно положивъ ружья около себя, сидятъ, пользуясь тѣмъ, что весь домъ спитъ глубокимъ сномъ; даже двое дежурныхъ холоповъ, растянувшись также на ларяхъ, спятъ непробудно, опрокинувъ лохматыя головы, раскрывъ рты и богатырски похрапывая на всю прихожую и парадную лѣстницу. Рядовые эти молодые люди, красивые, чисто одѣтые и щеголеватые съ виду. Обоимъ лѣтъ по двадцати и оба свѣтлорусые. Одинъ изъ нихъ съ лица постарше, плотнѣе, съ полнымъ круглымъ лицемъ и свѣтло-синими глазами разсказываетъ товарищу длинную, давно начатую исторію. Это рядовой преображенецъ—Державинъ.

Другой, слегка худощавый, но стройный и высокій, съ живымъ, но совершенно юнымъ, почти дѣтскимъ лицомъ, съ красивымъ орлинымъ носомъ и большими, блестящими, темноголубыми глазами. Даже въ горницѣ полуосвѣщенной дрожащимъ свѣтомъ нагорѣвшей свѣчи, глаза его блестятъ особенно ярко и придаютъ бѣлому, даже черезъ-чуръ блѣдно—матовому лицу какую то особенную прелесть, живость и почти отвагу. Лицо это съ разу поражаетъ красотой, хотя отчасти женственной. Онъ старается внимательно слушать товарища, но зачастую зѣваетъ и на его лицѣ видно сильное утомленіе;

видно, что сонъ давно одолѣваетъ его на часахъ. Это тоже рядовой, Шепелевъ.

Державинъ кончалъ уже свой разсказъ о томъ, какъ недавно пріѣхалъ въ Петербургъ и нечаянно попалъ въ преображенцы.

— Такъ стало быть мы оба съ вами новички, выговорилъ наконецъ Шепелевъ. А я думалъ, что вы уже давно на службѣ.

— Какъ видите, всего безъ году недѣля. А вы?

— Я на масляницѣ пріѣхалъ. Навѣдался прямо съ письмомъ отъ матушки, къ родственнику Петру Иванычу Шувалову и узналъ, что онъ уже на томъ свѣтѣ... Да, пріѣзжай я пораньше, когда государыня была жива и онъ живъ, то не мыкался бы какъ теперь. Это не служба теперь—а работа арестантская.

— Да, вымолвилъ Державинъ вздохнувъ, ужь нынѣ служба стала, государь мой, не забава, какъ прежде была. Вы вотъ жалуетесь, что на часахъ ночь отбыть надо... Это еще давай Господи. А вотъ я, такъ радъ этому, ноги успокоить. А то во сто кратъ хуже, какъ пошлютъ на вѣсти къ кому. Вотъ у фельдмаршала Трубецкаго, помилуй Богъ. Домочадцы его, хоть кого въ гробъ уложатъ посылками. То сдѣлай, туда сходи, въ лавочку добеги, къ тетушкѣ какой дойди, который часъ сбѣгай—узнай, разнощика догони—вороти... Просто бѣда. А то еще хуже, какъ съ вечера дадутъ повѣстки разносить по офицерамъ... Одинъ живетъ на Пескахъ, знаете, деревнишка, другой на Васильевскомъ острову, третьяго чортъ угналъ въ Коломну, ради собственнаго дома, либо ради жизни на хлѣбахъ у родственника... Такъ, знаете, какъ бываетъ: выйдешь съ повѣстками до ужина въ сумерки, самое позднее ужъ часовъ въ шесть, а вернешься въ казармы да заснешь часа въ два по полуночи. А въ семь вставай на ротный сбой, да ученье, а тамъ пошлютъ снѣгъ разгребать у дворца, канавы у Фонтанки чистить или на морозѣ поставятъ на часы; да забудутъ смѣну прислать...

— Какъ забудутъ?

— Да такъ! Нарочно. Меня вотъ теперь нашъ ротный командиръ ни за что поѣдомъ ѣстъ. Онъ меня единожды 12 часовъ проморилъ на часахъ во дворѣ у графа Кирилы Григорьевича.

— Кто такой?

— Графъ Кирило Григорьевичъ! Гетманъ. Ну, Разумовскій. Нешто не знаете? «Всея Хохландіи повелитель»... зовется онъ у насъ... Теперь вотъ обоимъ братьямъ тѣсновато стало при дворѣ, кажется, скоро поѣдутъ глядѣть, гдѣ солнце встаетъ.

— А гдѣ это? вдругъ спросилъ Шепелевъ съ любопытствомъ.

— Солнце то встаетъ? А въ Сибири. Это такъ сказывается. Да... Такъ вотъ, объ чемъ бишь я говорилъ. Да объ гоньбѣ то нашей. Пуще всего въ Чухонскій Ямъ носить повѣстки. Тутъ при выходѣ изъ города, гдѣ овражина и мостикъ, всегда бѣды. Одного измайловца до нага раздѣли да избили до полусмерти.

— Грабители?

— Да. Говорятъ, будто вотъ изъ ихнихъ... И Державинъ мотнулъ головой на внутреннія комнаты. Два голштинскихъ будто бы солдата, изъ Арамбова.

— Вотъ какъ?

— Да это пустое. Нынѣ, что ни случись, сейчасъ валятъ на голштинцевъ, какъ у насъ въ Казани все на татаръ, что ни случись, сваливаютъ. Надо думать разбойники простые. Ихъ въ Чухонскомъ Яму любимое сидѣніе съ дубьемъ.

— Что вы! Ахъ батюшки! Вотъ я радъ, что вы меня предувѣдомили! воскликнулъ Шепелевъ. Я туда часто хожу. У меня тамъ... И молодой малый запнулся...

— Зазнобушка!

— Охъ, нѣтъ! То есть да... То есть видите ли, тамъ живетъ семейство одно, княжны Тюфякины.

— Ну вотъ! Князь Тюфякинъ. Да, я ему то и носилъ прежде повѣстки. Нынѣ онъ ужь придворный.

— Ну да, конечно. Онъ же вѣдь прежде преображенецъ былъ и недавно только въ голштинцы попалъ. Я женихомъ считаюсь его сестры...

— Хорошее дѣло. Чрезъ него и вы чиновъ нахватаете. Да и какъ живо! Но какъ же это вы съ масляницы здѣсь, а ужь въ женихахъ?

— Ахъ, нѣтъ. Это еще моя матушка съ ихъ батюшкой порѣшили давно. Мы сосѣди по вотчинамъ и родственники тоже. Теперь, вотъ какъ меня произведутъ въ офицеры, я и женюсь. Такъ завѣщалъ родитель ихъ покойный. Но одинъ Шепелевъ былъ женатъ уже на одной Тюфякиной и она приходилась золовкой что ли моей теткѣ родной. А невѣста моя хоть и отъ втораго брака, но можетъ быть это все таки сочтется родствомъ.

— Какое жь это родство! разсмѣялся Державинъ. Вмѣстѣ на морозѣ въ Миколы мерзли. Любитесь, небось, шибко... Небось дѣвица красавица и умница.

— Изъ себя ничего... Только я эдакихъ не жалую. Дѣвица должна быть смиренно-мудрая. Такъ вѣдь! А эта, на счетъ ума и другихъ прелестей — столичная дѣвица! Молодецъ на всѣ руки. Ужь очень даже шустра и словоохотлива. Она и родилась здѣсь. Батюшка мой покойникъ и матушка тоже заглазно мнѣ ее опредѣлили въ жены. Ну да это дѣло... Это еще увидится. Я отбоярюсь. Мнѣ съ княземъ Глѣбомъ уже больно шибко не охота родниться.

— А что же? Онъ нынѣ въ силѣ. Голштинецъ, хоть и русскій.

— Не хорошій человѣкъ. Я ужь порѣшилъ отбояриться отъ его сестрицы.

И молодой малый тряхнулъ головой и усмѣхнулся, съ напускной дѣтской важностью. Онъ какъ ребенокъ хвасталъ предъ новымъ знакомымъ своей самостоятельностью относительно вопроса о женитьбѣ.

— Вы одни у матушки?

— Одинъ какъ перстъ.

— И вотчины, и все иждивеніе будетъ ваше.

— Да, но... Шепелевъ снова запнулся въ нерѣшительности: сказать или нѣтъ? И какъ всегда совѣстливость его и прямота взяла верхъ.—Нечему переходить то... продолжалъ онъ. У матушки имѣніе хотя и есть... но покойникъ родитель ей оставилъ такой чрезмѣрный должище, что заплатить его не хватитъ никакихъ вотчинъ. Еслибъ и весь уѣздъ былъ нашей вотчиной, такъ не хватило бы.

— И въ этомъ мы съ вами ровны. У меня тоже не много. Но все таки вы не живете въ казармахъ! прибавилъ Державинъ.

— Я у дяди Квасова, на хлѣбахъ...

— Господинъ Квасовъ—гренадерской роты нашей. Знаю его за добрѣющей души человѣка... Ну-съ я не такъ счастливъ. Живу съ. солдатами. Плачу за себя пять рублѣй въ мѣсяцъ одному унтеру Волкову и съ нимъ вмѣстѣ въ одной горницѣ и живу за перегородкой. Тяжело. Придешь иной разъ домой, уходившись въ разсылкахъ или съ вѣстей или послѣ ученья, хочешь заснуть,— а тутъ ребятишки орутъ, бабы ихъ межъ собой ругаются, а то и въ драку полѣзутъ. А мужья ихъ мирить да разнимать—помеломъ, бревномъ, либо и кочергой. А начальство ни въ грошъ не ставятъ, кричи не кричи. Помню вотъ какъ-то ночью просыпаюсь, шумъ, гамъ въ казармѣ, а меня съ кровати кто-то тянетъ за одѣяло, да молится пусти его на постель. По казармѣ ходятъ, орутъ, ищутъ. Очнулся я совсѣмъ, смотрю нашъ же флигельманъ Морозовъ.

— Ты что? спрашиваю.—Убить хотятъ. Дежурный офицеръ отлучился на вечеринку. Не выдавайте имъ меня. Защитите родной до утрова, а то убьютъ съ пьяну. Удрать не могу—ворота стерегутъ. Спасите. Васъ, какъ барскаго роду, не посмѣютъ тронуть.—Да какъ же мнѣ, говорю, тебя спасти?—Пустите, говоритъ, лечь на вашу кроватку подъ одѣяло. А сами уйдите куда нибудь. Что жь дѣлать-то. Пустилъ, а самъ всталъ и пробрался тихонько

на улицу. Всю ночь они проискали его—убить, а моей кровати не трогаютъ... Это говорятъ, нашъ барчукъ спитъ. Такъ онъ до зари зарывшись въ мое одѣяло и пролежалъ, покуда офицеръ не вернулся и не унялъ пьяныхъ. А вѣдь флигельманъ насъ же и обучаетъ и стало быть такое же начальство—что и офицеръ. Да-съ, повиновенія у насъ мало. Буяны все да озарники. Съ жиру бѣсятся.

— Отчего жь они буянили-то, съ пьяну?

— Да. Первое дѣло у насъ новый путало завелся, господинъ Орловъ. Слыхали я чаю, два брата, силачи эдакіе. Другой-то братъ, старшій, артиллеріи цалмейстеръ... Не знаете?

— Нѣтъ.

— Что это вы ничего не знаете. Я вотъ и недавно прибылъ, а все знаю.

— Ну вотъ этотъ Орловъ—во истину путало—зачастую угощаетъ виномъ свою роту. Такъ, зря, видно денегъ дѣвать некуда. Вотъ они въ тѣ поры и напились. А какъ флигельманъ Морозовъ больно доѣхалъ ихъ ученьемъ, то они съ пьяну и полѣзли. Да сказываютъ и Орловъ за что-то золъ на Морозова и ихъ наускивалъ на него. Выйдетъ молъ шумъ, другого назначутъ флигельмана. А эдакое ему зачѣмъ-то на-руку. Двуличневый это народъ оба брата.

— Орловы?

— Да-съ. Деньги тратятъ большіе. А состоянія большаго у нихъ нѣтъ. Всякій вечеръ у нихъ сборища офицеровъ. Крикъ, гамъ, затѣи шальныя. А вѣдь квартира то ихъ на видномъ мѣстѣ, не далече и до самаго дворца. Былъ ужь, говорятъ, разъ приказъ имъ отъ принца держать себя скромнѣе. И ничего не помогло. Говорили будто даже одинъ изъ нихъ, нашъ же офицеръ Пассекъ, отвѣчалъ: у васъ де тамъ пиво пьютъ, а мы матушку сивуху тянемъ, такъ мы другъ дружкѣ не помѣха.

— Однако дервость какая? Что жь на это принцъ отвѣтилъ?..

— Ну, до принца-то оно, положимъ, врядъ дошло. Кто жь эдакое пойдетъ передавать. Самъ ногъ не унесешь... Что это такое!?... вдругъ прибавилъ Державинъ, прерывая бесѣду и оборачиваясь въ окно.

— Будто подъѣхали... Слышите, полозья скрыпятъ по снѣгу. Оба рядовые прислушались и подъ здоровый храпъ, спящихъ на ларяхъ холоповъ, съ трудомъ разслышали шумъ полозьевъ и звукъ бубенцевъ. Они глянули въ окно и среди яркой бѣлой улицы, освѣщенной какъ днемъ, увидѣли сани парой съ кучеромъ-чухонцемъ, а въ саняхъ что-то огромное, странное. За санями ѣхали двое солдатъ.

— Рейтары! воскликнулъ Державинъ. Голштинцы!

— Ночью? Что жь бы это значило?

— Привезли въ саняхъ что-то. Да нѣтъ! Это живой человѣкъ, самъ встаетъ. Что за притча! Пойдемте на крыльце...

Часовые взяли ружья съ ларя и вышли.

IX.

Чудовище, выползшее изъ саней при помощи рейтаровъ, былъ конечно, добравшійся кой-какъ въ городъ, несчастный ротмейстеръ. Солдаты ввели его подъ руки на крыльце и стали вводить на лѣстницу.

Но часовые были уже внизу и, загородивъ лѣстницу, остановили и опросили прибывшихъ.

— Къ его высочеству! загудѣло что-то по нѣмецки изъ подъ тулупа, наверченнаго надъ медвѣжьей шубой, тамъ, гдѣ предполагалась голова.

Часовые однако не рѣшались пропускать.

— Кто вы? Мы ночью не имѣемъ приказа впускать кого либо по мимо офицеровъ вашихъ, сказалъ Державинъ также по нѣмецки.

Офицеръ раскутался при помощи рейтаровъ. Молодые люди сначала остолбенѣли отъ удивленья при видѣ

чего-то блеснувшаго и не сразу разглядѣли, что именно блеститъ на головѣ пріѣзжаго. Первое движенье Державина было гнать всѣхъ троихъ вонъ. Онъ вспомнилъ вдругъ о разныхъ глупыхъ шалостяхъ, которыя позволяли себѣ разные гвардейцы съ принцемъ Жоржемъ и которыя все учащались за послѣднее время, вслѣдствіе его доброты и безнаказанности со стороны начальства. Принявъ теперь вновь прибывшихъ за переодѣтыхъ балагуровъ, онъ быстро сообщилъ свою догадку Шепелеву. И оба часовые, отступивъ вверхъ лѣстницы, стали на порогѣ самыхъ дверей съ твердымъ намѣреньемъ не пропускать ряженыхъ озарниковъ.

— Не бось тоже изъ отчаянной компаніи господъ Орловыхъ! подумалъ Державинъ. Изъ за нихъ проклятыхъ самъ въ отвѣтъ попадешь.

Между тѣмъ тоже поднявшійся офицеръ порывался рѣшительно войти въ двери и лицо его было вовсе не забавно, голосъ вовсе не шутливъ. Къ тому же и офицеръ и солдаты были очевидно не поддѣльные нѣмцы.

— Я ротмейстеръ голштинскаго войска, сказалъ офицеръ на чистомъ нѣмецкомъ языкѣ. Прикажите сейчасъ вызвать камердинера его высочества Михеля. Сію минуту...

— Послушайте! замѣтилъ на половину понявшій Шепелевъ, онъ не пьянъ ли? У него вѣдь на головѣ что-то диковинное! А мундиръ—ничего! Являться въ такомъ видѣ къ принцу и голштинцу нельзя позволить. Онъ хоть и не ряженый, но дѣло то все таки не ладно. Опросите его толкомъ, въ чемъ дѣло.

Державинъ объяснилъ пріѣзжему тоже подозрѣнье по нѣмецки, спрашивая, что за причина его головнаго убора. Ротмейстеръ настойчиво, силой пролѣзъ въ переднюю мимо юныхъ часовыхъ, рѣзко заявилъ, что это не ихъ дѣло, и что объясненье всего — тайна, которая касается одного принца.

Разбудивъ храпѣвшаго лакея, часовые поневолѣ велѣли ему идти будить главнаго принцева камердинера

Михеля. Парень, по имени Өома, съ просонья чуть не принялъ прибывшаго офицера за самаго чорта и, перекрестившись, попятился за ларь.

— Ну, ну небось. Иди будить... сказалъ Державинъ. Ротмейстеръ, молча и угрюмо, сѣлъ на лавку около окна... Серебряная миска ярко блестѣла и переливалась въ два свѣта, и въ лучахъ свѣчи и въ лунномъ свѣтѣ, падавшемъ въ обледенѣлое окно.

Рейтары почтительно стали у дверей около часовыхъ...

Державинъ и Шепелевъ, очнувшись отъ перваго удивленья и понявъ, что пріѣзжему не до шутокъ, переглядывались, вусая себѣ губы, и едва сдерживались отъ невольнаго смѣха.

Вышелъ наконецъ позѣвывая сонный Михель и, вытаращивъ заспанные глаза, уперся, не подходя близко къ офицеру. Этотъ всталъ и приблизился, Михель охнулъ и ругнулся по нѣмецки, затѣмъ возопилъ хрипливо.

— Gott! Вы ли это господинъ Котцау... Was hat man...

Но офицеръ его перебилъ.

— Уведите меня къ себѣ. Я вамъ все объясню. Теперь, обратился онъ къ рейтарамъ, ступайте домой. Скажите, что я остался у его высочества. Тамъ, у себя, никому ни слова. Какъ сказано! Слышите!

Рейтары вышли и уѣхали. Часовые остались въ прихожей и Шепелевъ, упавъ на ларь, началъ хохотать, закрывая ротъ руками, чтобъ не огласить хохотомъ спавшій домъ. Державинъ тоже смѣялся весело...

— Что же это такое? сказалъ наконецъ Шепелевъ.

— А вотъ на утро встанетъ принцъ! объяснится машкарадъ этотъ. Можетъ, это новый шлемъ такой голштинцамъ данъ. Не даромъ сказывали, что къ святой всѣмъ полкамъ гвардіи перемѣна мундировъ будетъ.

— Кострюля, какъ быть должно! замѣтилъ зѣвая Өома, снова укладываясь на ларѣ и не обращая вниманія на двухъ солдатъ часовыхъ. Вотъ завтра принцъ нашъ перейметъ, себѣ тоже такую надѣнетъ.

— Это же почему? спросилъ Шепелевъ, переставая смѣяться и удивленный отчасти той грубостью, съ какой парень отзывался о принцѣ, въ домѣ котораго служилъ.

— Почему! Этотъ нѣмецъ нашего каждодневно учитъ на... какъ бишь, шпатонахъ что ли? Ну вотъ, на эдакихъ на длинныхъ тесакахъ что ли.

— Какой нѣмецъ?

— А этотъ вотъ самый, что въ кастрюлю-то нарядился. Онъ у нашего вотъ третій день бываетъ и обучаетъ его по военному, тотъ глядитъ да перенимаетъ. Что тотъ ни сдѣлаетъ, а принцъ за нимъ тоже. Ногами такъ топочатъ оба по горницѣ, что страсть! Ну, стало выходитъ теперь этотъ кострюлю вздѣлъ, и нашъ стало быть завтрево ужь цѣлый чугунъ нацѣпитъ... А то и намъ всѣмъ, дворнѣ, по горшку изъ подъ каши надѣнутъ. Это вѣрно! О-ох-хо-хо.

— Хорошо вамъ тутъ жить аль дурно? спросилъ Державинъ, догадавшись по нахальному тону лакея, что онъ недоволенъ житьемъ своимъ.

— Намъ-то?.. Хорошо! лѣниво выговорилъ Ѳома, поварачиваясь на ларѣ на бокъ, къ нимъ спиной. Ужъ такъ это хорошо! мычалъ онъ уже въ стѣну. Такъ то-ись, хорошо! Что поди еще лучше вашего.

— А что?

— Нѣмцы? Что? Отъ голштинца не жди...

— Не жди гостинца. Слыхалъ я это...

Въ ту же минуту въ домѣ зашумѣли и заходили. Послышался чей-то голосъ, потомъ другой, говорившіе по нѣмецки.

— А вѣдь вѣрно разбудили принца. Стало быть дѣло то важное выходитъ, замѣтилъ Шепелевъ, и оба юные часовые прислушались.

Къ нимъ по коридору шелъ кто-то, звѣня шпорами. Они стали на мѣста, схвативъ съ ларя положенные ружья.

— Эту ночь видно не посидишь! усмѣхнулся Шепелевъ.

Въ прихожую вышелъ офицеръ тоже въ мундирѣ голштинскаго войска и обратился къ ближайшему Шепелеву на довольно правильномъ русскомъ языкѣ, но съ иностраннымъ акцентомъ. Это былъ адъютантъ принца Фленсбургъ, родомъ изъ Шлезвига, служившій у принца въ качествѣ переводчика. Принявъ Шепелева за простаго солдата, онъ приказалъ ему немедленно разыскать мѣдника, слесаря или кого бы то нибыло, съ подпилкомъ и съ разными инструментами.

— Понимаешь зачѣмъ? Видѣлъ? кратко выговорилъ онъ.

— Офицера въ кострюлѣ то-ись?.. отозвался Шепелевъ.

— Да. Ты городъ знаешь небось наизусть. А?.. знаешь? Найди же скорѣе и приведи сюда.

— Я города совсѣмъ не знаю! отозвался Шепелевъ. Я недавно пріѣхалъ, а ночью...

— Русскій солдатъ по всему! рѣзко сказалъ Фленсбургъ, какъ бы себѣ самому. Вмѣсто скораго исполненія приказа офицера—болтовня. Ну не знаешь города—такъ поди узнай, а чтобы чрезъ полъ-часа слѣсарь былъ здѣсь! начальственнымъ голосомъ прибавилъ онъ. Но постепенно вглядываясь въ изящную фигуру и красивое лицо Шепелева, онъ прибавилъ мягче:—изъ дворянъ что ли?

— Да-съ.

— Ну, пожалуста, будьте такъ добры, сдѣлайте это для принца. Тутъ несчастіе... Глупая дерзость. Надо скорѣе помочь... Это не обязанность часоваго, но этихъ животныхъ послать нельзя! показалъ Фленсбургъ на сладко уже храпящаго Ѳому. Пойдетъ, провалится и ничего не найдетъ до утра. Пожалуйста. Его высочество приказалъ...

— Съ удовольствіемъ, отозвался Шепелевъ. Но я не ручаюсь, что найду ночью слѣсаря, не зная города.

— Надо найти! Я вамъ передаю наконецъ приказъ его высочества, государь мой! уже нетерпѣливо вымолвилъ Фленсбуръ.

— Постараюсь, сухо отозвался Шепелевъ. Сдѣлаю, что могу.

— Надѣюсь... усмѣхнулся Фленсбургъ презрительно.

X.

Шепелевъ, ворча себѣ подъ носъ, вышелъ изъ дома и отправился на поиски. Фленсбургъ, разбудивъ принца, тоже выѣхалъ изъ дому верхомъ.

Принцъ Георгъ Лудвигъ Голштинскій былъ родной дядя государя, извѣстный болѣе Петербургу подъ именемъ принца Жоржа. Такъ звали его всѣ; даже солдаты и народъ. Онъ пріѣхалъ въ Россію съ своимъ семействомъ, приглашенный Петромъ Ѳедоровичемъ, вскорѣ по восшествіи его на престолъ.

Государь не на столько любилъ и уважалъ дядю въ дѣйствительности, на сколько старался это выказывать и особенно заботился объ оказаніи ему всевозможныхъ внѣшнихъ почестей и знаковъ отличія. Во всякомъ случаѣ принцъ былъ единственный близкій родственникъ государя.

Вскорѣ по пріѣздѣ принца указано было его именовать «императорскимъ высочествомъ». Посламъ иностранныхъ дворовъ было предложено офиціально дѣлать принцу первый визитъ и вообще во всѣхъ церемоніалахъ и торжествахъ—онъ занялъ первое мѣсто. Кромѣ того, принцъ былъ сдѣланъ, какъ шефомъ голштинскаго войска, такъ и начальникомъ всей гвардіи.

Въ Петербургѣ безъ всякой причины и безъ всякаго повода принца сразу не взлюбили, какъ гвардія, такъ и общество.

— Къ намъ важничать и наживаться пріѣхали, говорилось всюду про принца и его семейство. Небось у себя-то въ таратайкѣ на базаръ ѣздилъ, а тутъ цугомъ въ восемь коней поѣхалъ.

Принцъ былъ человѣкъ старообразный на видъ, но

еще почти молодой лѣтами; ему было 43 года. Онъ былъ не дальняго ума, человѣкъ добрый, довольно образованный, но очень вялый и лѣнивый по характеру и по привычкамъ, нажитымъ у себя на родной сторонѣ. Съ пріѣздомъ въ Россію онъ сталъ вдругъ дѣятеленъ.

Принцъ Жоржъ пріобрѣлъ сразу, къ собственному своему удивленію, нѣкоторое вліяніе надъ своимъ царственнымъ племянникомъ, что было однако не трудно. Прежде всего онъ собирался избрать предметомъ своихъ заботъ, совѣтовъ и реформъ исключительно петербургскую гвардію.

Вмѣстѣ съ тѣмъ по пріѣздѣ въ Россію иныя мысли и честолюбивыя замыслы стали обуревать принца Жоржа. Онъ уже назывался штатгальтеромъ Голштиніи, но сталъ мечтать и надѣяться съ помощью русскихъ войскъ и съ согласія своего покровителя короля Фридриха сдѣлаться герцогомъ курляндскимъ.

Со времени паденія и ссылки Бирона мѣсто это было долго вакантно, затѣмъ его занялъ польскій королевичъ противъ воли Россіи и конечно сидѣлъ не очень твердо. Поэтому не было ни единаго князька нѣмецкаго, который бы не стремился въ то время и не хлопоталъ предъ русскимъ правительствомъ о томъ, чтобы попасть въ курляндскіе герцоги. Теперь государь Петръ Ѳедоровичъ положительно обѣщалъ дядѣ Курляндію, хотя бы пришлось воевать съ Польшей и съ Саксоніей и возвращаемый изъ ссылки Биронъ долженъ былъ отказаться формально отъ своихъ правъ въ пользу принца.

Принцъ Жоржъ и его семейство не говорило, конечно, по русски ни слова... Но это было и не нужно... Въ эти дни, наоборотъ, русскимъ, желавшимъ выйдти въ люди, приходилось садиться съ указкой за нѣмецкую грамоту и учиться мороковать на языкѣ своихъ недавнихъ враговъ за все царствованіе, еще живой въ памяти, Елизаветы.

И дѣйствительно, многіе изъ гвардіи и изъ общества засѣли вдругъ усердно за нѣмецкій языкъ, бывшій долго

и еще не такъ давно въ большой модѣ въ Россіи и въ общемъ употребленіи, но за время Елизаветы попавшій въ опалу, вмѣстѣ съ Бирономъ и Минихомъ. Теперь же, когда Минихъ уже возвращенный изъ ссылки, былъ при дворѣ, а герцогъ Биронъ ожидался также всякій день въ столицу—нѣмецкій языкъ снова съ ними вмѣстѣ ворочался какъ бы изъ нравственной ссылки. Старики повторяли зады и припоминали, что знавали за время царствованія Анны Іоанновны, а молодежь вновь садилась за мудреную грамоту. Всѣ вернувшіеся изъ русской арміи, дѣйствовавшей противъ Пруссіи и теперь отдыхавшей благодаря перемирію,—имѣли огромное преимущество по службѣ въ томъ, что понимали и могли говорить на языкѣ принца Жоржа. За то всѣ отличившіеся въ этой компаніи и извѣстные своей нелюбовью къ Фридриху и пруссакамъ — какъ бы ни говорили по-нѣмецки—были гонимы и притѣсняемы или прямо попадали въ опалу.

Принцъ Жоржъ почти не зналъ своего племянника, русскаго государя, такъ какъ Петръ Ѳеодоровичъ былъ увезенъ въ Россію еще ребенкомъ. Россію и Петербургъ принцъ зналъ еще менѣе, понималъ и судилъ все съ своей, или вѣрнѣе сказать, съ Фридриховской точки зрѣнія. За это время не только такіе недалекіе люди, какъ принцъ Жоржъ, но болѣе крѣпкія головы Германіи, въ области политики, жили умомъ короля Прусскаго, будущаго «Великаго» въ исторіи.

Между тѣмъ обстоятельства навязывали принцу при молодомъ государѣ племянникѣ, отличавшемся непостоянствомъ и неровностью характера—довольно видную роль и широкую дѣятельность. Государь любилъ выслушивать мнѣнія и совѣты дяди обо всемъ. И принцу волей неволей приходилось во чтобы то ни стало добывать себѣ свои мнѣнія и совѣты и имѣть ихъ на готовѣ! Положеніе было мудреное.

XI.

Когда Шепелевъ уже часовъ въ шесть утра вернулся въ домъ принца съ слесаремъ, вооруженнымъ инструментами, то Державинъ былъ уже смѣненъ и на часахъ стояли незнакомые ему рядовые семеновскаго полка. Онъ велѣлъ первому попавшемуся человѣку доложить объ слесарѣ, а самъ, захвативъ свое ружье, собрался домой.

Лакей вернулся и, пропустивъ мастероваго, вскорѣ выскочилъ снова изъ дворца и догналъ на площади вышедшаго уже Шепелева.

— Эй, батюшка. Васъ! Васъ надо! кричалъ онъ догоняя. Вы тутъ ночью караулили-то?

— Я. А что?

— Пожалуйте. Васъ спрашиваютъ. Самъ, значитъ, его высочество, требуетъ въ покои.

Шепелевъ въ изумленьи глядѣлъ на лакея.

— Вѣрно-ли? Не путаешъ-ли ты...

— Какъ можно! Сказано мнѣ васъ позвать. Да ужъ и по ихнему я разумѣть сталъ малость. Говорили по своему про ночнаго часоваго т. е. про васъ и послали меня васъ *шикнуть*.

Шепелевъ пошелъ за человѣкомъ. Снявъ верхнее платье, онъ вошелъ въ корридоръ, затѣмъ прошелъ большую залу, выходившую окнами на Неву, и наконецъ столовую, въ противоположномъ концѣ которой виднѣлась дверь подъ тяжелыми драпри и около нее стоялъ уже слесарь, приведенный имъ.

— Дверь эта при звукѣ его шаговъ отворилась и на порогѣ показалась таже фигура того же камердинера Михеля, видѣннаго имъ въ передней.

Едва Шепелевъ робко переступилъ порогъ и вошелъ въ горницу, Михель указалъ ему почтительно по направленію къ горѣвшему камину и выговорилъ по русски, сильно присвистывая.

— Фотъ ефо высошестфо шелаетъ съ фасъ кофорить.

Шепелевъ, слегка смущаясь, быстро оглядѣлъ небольшой кабинетъ, заставленный всякой мебелью, столами и шкафами съ книгами и съ посудой и съ оружіемъ. У горѣвшаго камина сидѣла въ креслѣ и грѣла ноги въ туфляхъ маленькая фигура въ шелковомъ темномъ шлафрокѣ и въ черной бархатной ермолкѣ; въ углу у окна, согнувшись и опершись локтями на колѣна и положивъ щеки на руки, сидѣлъ недвижимо несчастный ротмейстеръ все въ той же мискѣ. У дверей за спиной Шепелева, переминаясь съ ноги на ногу, остановился впущенный слесарь.

Шепелевъ былъ сильно озадаченъ и смущенъ, не зная что будетъ и вытянулся, ожидая, что скажетъ принцъ.

Принцъ оглядѣлъ его и быстро вымолвилъ по нѣмецки.

— Вы изъ дворянъ, какъ сказалъ мнѣ Фленсбургъ, и говорите хорошо по-нѣмецки.

Шепелевъ смутился еще болѣе и, заикаясь, вымолвилъ съ отвратительнымъ нѣмецкимъ выговоромъ.

— Ихъ? Зеръ венихъ, Ире Кайзерлихе...

И молодой человѣкъ вдругъ смолкъ, не зная какъ по-нѣмецки: высочество. Маэстетъ—нельзя сказать, подумалъ онъ про себя.

— Вы, однако, разговаривали съ моимъ адъютантомъ и съ господиномъ ротмейстеромъ, когда онъ пріѣхалъ, замѣтилъ принцъ, опуская на рѣшетку камина поднятую къ огню правую ногу и приводя лѣвую въ тоже положеніе, подошвой къ теплу.

— Это не тотъ, глухо отозвался ротмейстеръ, обращаясь къ принцу.

Шепелевъ понялъ слова голштинца и хотѣлъ сказать тоже:

— Это былъ не я, но пролепеталъ едва слышно:

— Дасъ варъ нихтъ михтъ!

Послѣднее слово явилось уже отъ большаго смущенія.

— Jesus! тихо выговорилъ себѣ подъ носъ принцъ.

И онъ повторилъ, глядя въ огонь и будто соображая: *нихтъ михтъ*!!..

Затѣмъ онъ повернулъ голову къ ротмейстеру и сказалъ громче: mein lieber Котцау, лучше подождать возвращенія Фленсбурга. Съ переводчикомъ, говорящимъ: нихтъ михтъ—мы ничего не сдѣлаемъ.

Ротмейстеръ промычалъ что-то въ отвѣтъ, не двигаясь, и только вздохнулъ.

Шепелевъ между тѣмъ избавился отъ перваго смущенія и услыхавъ слова принца, понялъ, что его позвали для какого-то порученія. Онъ заговорилъ смѣлѣе, но стараясь выговаривать какъ можно почтительнѣе.

— Васъ вольтъ Ире Кайзерлихе... и, пробурчавъ что-то, онъ снова запнулся на концѣ этой фразы и снова подумалъ: Экая обида! И какъ это *высочество-то* по ихнему.

— Hoheit! шепнулъ ему догадавшійся Михель.

— Что-съ! отозвался Шепелевъ.

— Hoheit... повторилъ Михель вразумительно.

— Heute? повторилъ молодой человѣкъ. Да-съ. Конечно. Я съ удовольствіемъ... Сегодня-же... Только, чтб сдѣлать-то.

Нѣмецъ скорчилъ такую гримасу, какъ еслибъ ему на ногу наступили и отошелъ отъ юноши со вздохомъ, а принцъ сталъ объяснять по-нѣмецки медленно и мѣрно, что ему нуженъ переводчикъ при работѣ «вотъ этого болвана», показалъ онъ на одутловатую и пучеглазую рожу слесаря, глядѣвшаго на принца, на все и на всѣхъ какъ-бы съ перепугу.

Онъ стоялъ у дверей, какъ деревянный, и только глаза его двигались дико съ губъ одного говорившаго на губы другого.

— Мошетъ ви все такое съ нѣмески на русски... снова нетерпѣливо вмѣшался Михель, обращаясь къ Шепелеву, но тоже запнулся тотчасъ и прибавилъ какъ-бы себѣ самому übersetzen...

— Ихъ? Зеръ венихъ! отвѣчалъ Шепелевъ, поймавъ

по счастію знакомое нѣмецкое слово. Да что собственно желательно его высочеству? прибавилъ онъ Михелю по русски.

— Фотъ это... Такъ!.. показалъ Михель рукой на Котцау и затѣмъ сталъ двигать рукой по воздуху..

— Распилить кастрюлечку? спросилъ Шепелевъ, стараясь выражаться какъ можно почтительнѣе.

— Was?! отозвался Михель.

— Распилить, говорю, надо. И Шепелевъ тоже задвигалъ рукой по воздуху.

Принцъ согласился, сказалъ: Ia, ia! и потомъ еще что-то очень вразумительно и медленно, но Шепелевъ разобралъ только одно слово: etwas.

Наступило минутное молчаніе.

— Was etwas? уже робѣя прошепталъ Шепелевъ, чувствуя что вопросъ не вѣжливъ.

— O, mein Gott? воскликнулъ принцъ и обѣими руками шлепнулъ себѣ по колѣнамъ.

— Ти... мошно.., это... такъ! вступилъ ужь Михель въ непосредственныя сношенья съ самимъ мастеровымъ и дѣлая по воздуху тотъ же жестъ пиленія.

— Распилить? хрипло заговорилъ слесарь. Отчего-же-съ. Позвольте... Это мы можемъ.

И слесарь двинулся смѣло къ Котцау.

— Ты голову не повредишь имъ? вступился Шепелевъ.

— Зачѣмъ голову повреждать! Помилуйте. Развѣ что подпилкомъ какъ зацѣпитъ; а мнѣ зачѣмъ...

— То-то подпилкомъ зацѣпить?

— Коли чугунъ плотно сидитъ, то знамо дѣло запилишь по головѣ. А то зачѣмъ... Слесарь двинулся къ ротмейстеру и прибавилъ. Позвольте-ко ваше...

И слесарь запнулся, не зная какъ величать этого барина, что приходилось пилить.

Котцау приподнялъ голову и мрачно, но терпѣливо глянулъ на всѣхъ.

Слесарь оглядѣлъ миску и голову со всѣхъ сторонъ и пробурчалъ:

- Ишь вѣдь какъ вздѣта. Диковина...

И онъ сталъ пробовать просто снять ее руками.

Котцау разсердился, отдернулъ голову и заговорилъ что-то.

— Такъ нельзя! Дуракъ! шепнулъ Шепелевъ.

— Диковина!.. Вотъ что ваше благородье! воскликнулъ вдругъ слесарь, какъ будто придумавъ что-то.

— Ну? Ну?.. Was? раздались два голоса Шепелева и Михеля.

— Надо пилить! Эдакъ руками не сымешь.

— Безъ тебя, болванъ, знаютъ, что не сымешь! шепотомъ, но злобно вымолвилъ Шепелевъ. Такъ пили, лѣшій!

Слесарь взялъ съ пола большущій подпилокъ правой рукой, какъ-то откашлянулъ и повелъ плечами, но едва онъ ухватилъ миску за край лѣвой рукой и поставилъ подпилокъ—какъ принцъ и Михель воспротивились. Имъ вдругъ показалось (да и Шепелеву тоже) что этотъ слесарь въ два маха распилитъ по поламъ не только миску, но и самаго ротмейстера.

— Ну, ну... воскликнулъ принцъ по русски и прибавилъ по нѣмецки... Не надо. Подождемъ Фленсбурга. Безъ него всегда все глупо выходитъ.

— Да-съ. Лучше подождать, сказалъ Михель.

И принцъ уже недовольнымъ голосомъ заговорилъ что-то, обращаясь къ Котцау, а затѣмъ прибавилъ Михелю, мотнувъ головой къ дверямъ. Къ чорту все это... Уведи ихъ... и подавай намъ кофе.

И повернувъ совсѣмъ голову къ Шепелеву, принцъ сдѣлалъ ручкой и вымолвилъ добродушно, но насмѣшливо:

— Lebe wohl, Herr Nichtmicht. Прощайтъ. Шпасибо.

Шепелевъ выходя, снова бросилъ украдкой взглядъ въ уголъ, гдѣ свѣтилась серебряная миска и внутренно усмѣхнулся, но уже какъ-то иначе.

Случилось нѣчто трудно объяснимое.

Когда молодой человѣкъ входилъ къ принцу, онъ былъ смущенъ, но вносилъ съ собой хорошее чувство

почтенія и готовности услужить его высочеству; теперь же — странное дѣло, идя за Михелемъ по корридору и сопровождаемый слесаремъ — онъ досадливо думалъ про себя.

— Всѣхъ бы васъ такъ нарядилъ!!

— Ваше благородье, послышался за его спиной шепотъ слесаря. Должно этто онъ не самъ ее вздѣлъ? Ась? Кабы самъ то — ись, то онъ бы и сымать тоже умѣлъ.

— А! Ну, тебя... злобно отозвался молодой человѣкъ, срывая досаду на мастеровомъ.

Шепелевъ, выйдя отъ принца, шагалъ чрезъ безлюдную адмиралтейскую площадь сумрачный, обиженный и озлобленный и направился домой въ ротныя казармы преображенскаго полка.

Чѣмъ именно оскорбили его у принца Жоржа онъ объяснить себѣ не могъ. Ни принцъ, ни Михель ничего обиднаго ему не сказали и не сдѣлали. Его позвали быть переводчикомъ по ошибкѣ, потому вѣроятно соображенью, что Державинъ хорошо говорилъ съ офицеромъ по нѣмецки. Онъ отвѣчалъ смущаясь *нихтъ михтъ*. Принцъ только усмѣхнулся, только съ едва замѣтнымъ оттѣнкомъ пренебреженья тихо повторилъ нѣсколько разъ эти слова и потомъ добродушно назвалъ его прощаясь: *геромъ нихтмихтомъ*.

— Ну что-жь такое! бурчалъ Шепелевъ. Ну и сказалъ михтъ, вмѣсто михъ. А ты нешто не сказалъ: празшайтъ. Что? Развѣ мнѣ присяга велитъ знать всѣ языки земные и твой — нѣмецкій хриплюнъ!! Вотъ тебѣ бы, Жоржу, слѣдъ былъ за нашъ хлѣбъ знать нашу грамоту.

XII.

Чрезъ часа два послѣ ухода Шепелева къ дворцу принца подъѣхалъ Фленсбургъ и, поспѣшно поднявшись по лѣстницѣ, быстро прошелъ въ кабинетъ. Онъ нашелъ принца и ротмейстера за завтракомъ. Котцау немного

повеселѣлъ (привыкъ должно быть) и съ увлеченіемъ что-то разсказывая, часто поминалъ кёнига Фридриха, Пруссію и Берлинъ.

— А! воскликнулъ принцъ при появленьи адъютанта. Was giebt es neues, mein liebster?

Разговоръ продолжался по нѣмецки.

— Я былъ правъ, Hoheit. Я навелъ справки. Это все тотъ же цалмейстеръ Орловъ. Онъ съ братомъ заѣхалъ съ охоты и встрѣтилъ господина Котцау въ Красномъ Кабачкѣ.

— Shön! Wunderbar! Отлично. Очень радъ. Очень радъ. Вотъ и случай... весело воскликнулъ принцъ, потирая руки. И вставъ, онъ началъ бодро ходить по горницѣ.

Котцау съ удивленьемъ взглянулъ на принца. Радость эта ему очевидно не нравилась. Ему было не легче отъ того обстоятельства, что Орловъ, а не кто либо другой нарядилъ его такъ.

— Что же изволите мнѣ приказать, Hoheit.

— Ничего, мой любезный Фленсбургъ. Ничего. Я дождусь десяти часовъ. Теперь восемь. И поѣду къ государю. А въ полдень господинъ Котцау будетъ бригадиромъ ради удовлетворенья за обиду. А господа Орловы поѣдутъ далеко, очень далеко... За это я ручаюсь. Я еще третьяго дня докладывалъ объ нихъ государю. И не разъ даже докладывалъ. Пора! Пора!

— Но теперь, Hoheit, развѣ вы не прикажете мнѣ обоихъ сейчасъ арестовать, спросилъ холодно Фленсбургъ.

Принцъ остановился, пересталъ улыбаться, какъ-то заботливо подобралъ тонкія губы, и наконецъ повелъ плечами.

— Я полагаю, что ваше высочество, какъ прямой начальникъ всей гвардіи, можете сами безъ доклада государю распорядиться арестомъ двухъ простыхъ офицеровъ, которые буянятъ всю зиму и безобразно оскорбили г. Котцау, иностранца, вновь прибывшаго въ Россію,

фехтмейстера, который пользуется наконецъ личнымъ расположеньемъ короля.

— Да, да... Конечно... нерѣшительно заговорилъ принцъ. Я доложу его величеству. Я все это доложу, Генрихъ. Именно, какъ вы говорите. Принцъ называлъ любимца его именемъ только въ минуты ласки.

Фленсбургъ повернулся, отошелъ къ окну и молча, но нетерпѣливо сталъ барабанить по стеклу пальцами. Толстогубый Котцау вопросительно выглядывалъ изъ подъ миски на обоихъ. При всей своей тупости, онъ замѣтилъ, что Фленсбургъ болѣе, нежели правая рука принца.

Наступило молчаніе.

Принцъ Жоржъ, пройдясь по комнатѣ, заговорилъ первый.

— Какъ ваше мнѣніе, Фленсбургъ? Скажите. Вы знаете, я очень, очень цѣню ваше мнѣніе. Вы лучше меня знаете *здѣсь все*. Принцъ налегъ на послѣднія слова.

— Ваше высочество хорошо сдѣлаете, холодно заговорилъ Фленсбургъ обернувшись и подходя, если прикажете мнѣ вашей властью и вашимъ именемъ тотчасъ арестовать двухъ буяновъ. А затѣмъ, ваше высочество хорошо сдѣлаете, если свезете г. Котцау въ этомъ видѣ къ государю.

— Какъ? воскликнулъ принцъ

— О-о? протянулъ и Котцау, которому показалось это предложеніе чортъ знаетъ какой глупостью.

— Да, въ этомъ видѣ. Тогда все обойдется отлично. А иначе ничего не будетъ. Ни-че-го!! сказалъ Фленсбургъ.

— Почему же?

— Ахъ, ваше высочество, точно вы не знаете!!

Принцъ подумалъ, вздохнулъ и выговорилъ:

— А если они вамъ не будутъ повиноваться?

— Только этого бы не доставало, громко и желчно разсмѣялся Фленсбургъ. Да скоро мы и этого дождемся. Нынче меня ослушаются, а завтра и васъ самаго, а послѣ завтра и....

— Ну ступайте. Какъ бы вспыхнувъ, вымолвилъ

принцъ. Арестуйте и пріѣзжайте... сказать... Какъ все было.

Фленсбургъ быстро вышелъ, будто боясь, чтобы принцъ не перемѣнилъ рѣшенія; встрѣтивъ въ передней Михеля, онъ сталъ ему скоро, но подробно приказывать и объяснять все касающееся предполагаемой поѣздки принца во дворецъ, вмѣстѣ съ Котцау.

За нимъ раздался въ это время уже не первый разъ чей-то голосъ.

— Ваше благородіе....

Но офицеръ не обратилъ вниманія и продолжалъ говорить и приказывать, уговаривая Михеля употребить все свое вліяніе на принца и на ротмейстера. Потомъ онъ пошелъ быстро къ дверямъ своей комнаты.

Кто-то бросился за нимъ по корридору.

— Ваше благородье! раздался за нимъ снова тотъ же жалостливый голосъ. Фленсбургъ нетерпѣливо обернулся.

— Чего тамъ?

— Ваше благородье, окажите божескую милость. Ослобоните.

— Чего?...

— Ослобоните... Наше дѣло такое. За утро что̀ дѣловъ упустишь. Работникъ у меня дома. Одному не управиться. А здѣсь токмо сборы все одни.

— Да чего тебѣ надо.

— Будьте милостивы, ослобоните. А самая работа, совсѣмъ вамъ неподходящая. И головку повредить тоже можно. А вы дозвольте, я вашему благородью вашескаго укажу... нѣмца Мыльнера. Тутъ на Морской живетъ. Онъ это единымъ то-ись мигомъ распилитъ. Мастеръ на это! Ей Богу. А намъ гдѣ же. И головку тоже — помилуй Богъ.

— Ты слесарь, что часовой привелъ ночью....

— Точно такъ-съ.

— Такъ пошелъ къ чорту. Такъ бы и говорилъ. Не нужно. Убирайся домой.

И Флёнсбургъ вошелъ къ себѣ, чтобы переодѣться и въ полной формѣ отправиться на пріятное для него поручение: арестъ Орловыхъ.

— И слава тебѣ Господи! весело шепталъ между тѣмъ слесарь.

Собравъ свой инструментъ съ ларя въ полу тулупа, онъ шмыгнулъ изъ дворца и бѣгомъ пустился по улицѣ.

Добѣжавъ до угла набережной Невы, онъ вдругъ наткнулся на кума.

— Эвося! Вахромей! Откуда? воскликнулъ слесарь и сталъ живо и весело разсказывать все видѣнное за утро.

— А чуденъ народъ. Ей Богу. Я вблизь то къ нимъ давно не лазалъ, закончилъ онъ разсказъ. А какъ вздѣта, куманекъ! Ахтительно! Первый сортъ—вздѣта!

Кумъ Вахромей все слушалъ и молчалъ, да все моталъ головой.

— Да и не самъ, значитъ. Кабы самъ вздѣлъ, такъ за мной бы пилить не послали тады! объяснилъ заключительно слесарь.

— Д-да! заговорилъ наконецъ Вахромей. А я такъ полагаю, что самъ. Что мудренаго? Вѣдь нѣмцы! Надѣть-то надѣлъ, ради озорства, а снять-то и не можетъ. Д-да! И опять тоже... На-а-ро-децъ!? Нѣтъ, нашъ братъ православный, коли бы ужь вздѣлъ, такъ и снялъ бы самъ. Да! А этотъ, вишь, колѣно-то показывать взялси, да и не додѣлалъ.

— Сплоховалъ, значитъ... разсмѣялся слесарь.

— Сплоховалъ! Спло-хо-валъ! жалостливымъ голосомъ шутилъ Вахромей. Теперь вотъ не въ настоящемъ видѣ и ходи!..

— Въ другой разъ ужь показывать не станетъ...

— Ни-ни... Озолоти—не станетъ. Зачѣмъ ему показывать! Ученый теперь...

XV.

Въ тотъ же день, не спавши, часу въ девятомъ, Шепелевъ зѣвая мысленно ругаясь, натянулъ длинные форменные сапоги, напялилъ мундиръ свой изъ толстаго синяго сукна съ краснымъ подбоемъ на отвороченныхъ фалдахъ и вышелъ на ротный дворъ, гдѣ собиралась его рота на ученье.

Вскорѣ прибылъ ихъ маіоръ Воейковъ, который раздѣлилъ рядовыхъ на кучки, и каждая съ своимъ флигельманомъ занялась воинской экзерциціей, маршировкой и новыми пріемами съ ружьемъ и со шпагой, которые введены были съ мѣсяцъ назадъ, по примѣру голштинскаго потѣшнаго войска.

Шепелевъ встрѣтилъ въ одной изъ шеренгъ уже знакомое ему теперь лицо одного рядоваго, который весело кивнулъ ему головой и усмѣхнулся дружелюбно. Это былъ вчерашній ночной пріятель Державинъ.

Ученье, благодаря сильному морозу и тому, что маіоръ Воейковъ былъ чѣмъ-то озабоченъ и не въ духѣ, продолжалось очень не долго.

Шепелевъ какъ только могъ скорѣе отдѣлался отъ своего флигельмана, простаго сдаточнаго солдата, умнаго и ловкаго костромича, прошедшаго не русскую школу службы. Онъ былъ въ Ораніенбаумѣ въ голштинскомъ войскѣ и назначенъ былъ теперь учителемъ экзерциціи въ преображенскій полкъ.

Шепелевъ сталъ искать глазами своего пріятеля, но его уже не было. Тогда онъ пошелъ въ ту половину казармы, гдѣ могъ жить Державинъ, судя по его словамъ.

Казарма или, какъ говорилось, ротный дворъ — былъ большой домъ и являлъ странный видъ для непривычнаго глаза. Нѣчто среднее между фабрикой и богадѣльней.

Когда Шепелевъ вошелъ на большое грязное, общее крыльцо и вступилъ подъ своды корридора темнаго,

грязнаго и душнаго—то до его ушей долетѣлъ сплошной гулъ сотенъ голосовъ.

Солдаты жили здѣсь со своими семьями, женами, дѣтьми и иногда даже брали, по дозволенію потворствующихъ командировъ, къ себѣ на хлѣба и постороннихъ, за довольно выгодную плату. Такимъ образомъ являлись въ казармахъ старики и старухи, дряхлые, хворые, увѣчные, безъ роду и племени. Всѣ они приходились, на словахъ: тетками, дядями и родственниками солдатъ.

Маленькія загрязненныя горницы казармъ, раздѣленныя еще перегородками—казались не исходнымъ лабиринтомъ, гдѣ кишилъ, какъ муравейная куча, отъ мала до велика и отъ зари до зари—всякій людъ.

Шныряли взадъ и впередъ вереницы бабъ-солдатокъ, кто съ ведрами, кто съ кулькомъ, кто съ лоткомъ бѣлья. Ходили и сами рядовые, тычась изъ угла въ уголъ, ругаясь и крича, и не столько отъ гнѣва, сколько отъ тоски и праздности привязывались къ женамъ, другъ къ другу и перебранка скоро и часто переходила въ драку.

Тутъ же повсюду егозили, бѣгали и скакали сотни ребятишекъ, визжали и завывали грудные младенцы на рукахъ доморощенныхъ нянекъ отъ семи до десяти лѣтъ отъ роду, т. е. на рукахъ своихъ же сестренокъ, таскавшихъ ихъ по корридору.

Тутъ же шмыгала и птица, куры, пѣтухи, индѣйки, а съ внутренняго маленькаго двора или задворка неслось ржанье лошадей, мычанье коровъ и всякой домашней скотины, заведенной болѣе богатыми семьями.

Таковы были всѣ казармы или ротные дворы гвардейскихъ полковъ. Это былъ ротный дворъ двухъ гренадерскихъ ротъ. Другіе роты, и въ томъ числѣ бомбардирская, помѣщались въ другихъ концахъ города...

Шепелевъ едва могъ добиться, гдѣ живетъ рядовой Державинъ. Наконецъ одна толстая баба сама откликнулась, услыхавъ разспросы Шепелева.

— Это нашъ барчсновъ-то? Гаврила Романовичъ чтоль? спросила она фальцетомъ.

— Да, Державинъ.

— А вотъ я тебя провожу, родной мой.

И толстѣйшая баба съ тонкимъ дѣтскимъ голосомъ провела Шепелева чрезъ весь коридоръ, ввела по грязной и мокрой лѣстницѣ, съ хлебавшими и провалившимися спупеньками. Въ темныхъ сѣняхъ она показала ему на большую круглую щель, изъ которой падалъ ясный, бѣлый лучь свѣта и серебрянымъ пятномъ упирался въ полъ.

— Вотъ, родненькій мой. Туточка и Гаврилъ твой Романычъ. Тута первый семейникъ нашего унтера Волкова и есть. Тамъ и твой Романычъ кортомитъ.

И баба, пропустивъ Шепелева впередъ, стала спускаться, спѣша къ своему дѣлу.

Шепелевъ хотѣлъ отворить дверь, но не находилъ шаря рукой въ темнотѣ, ни крючка, ни щеколды, ни чего либо, за что могъ бы ухватиться.

Онъ постучалъ и сталъ ждать. Никто не шелъ, онъ хотѣлъ опять стукнуть, но услыхалъ вдругъ хотя вдалекѣ отъ двери голосъ Державина, который кричалъ нетерпѣливо.

— Ну потомъ! Потомъ!!.

Кто-то, очевидно женщина, отвѣчала что-то не слышное за запертою дверью.

Затѣмъ снова раздался громкій, убѣдительный голосъ Державина.

— Да я-то почему же знаю, голубушка! Ну сама ты посуди. Я то почему же знать могу... Глупая же ты баба! Право.

Шепелевъ началъ опять стучать въ дверь, но прислушавшись не идетъ ли кто отворять, услыхалъ только снова голосъ Державина, кричавшаго уже нетерпѣливо и сердито.

— А и я! А и ты! А и мы! А и онъ!... Нешто человѣкъ такъ говоритъ, это птица такъ кричитъ... Птица, птица, а не человѣкъ!...

Шепелевъ сталъ стучать кулакомъ.

— Тяни пальцемъ-то... За дыру-то потяни! раздался чей то басистый голосъ изъ за двери.

Шепелевъ просунулъ палецъ въ замасленные жирные края дыры и потянувъ, легко отворилъ дверь.

Предъ нимъ былъ снова небольшой коридоръ и все тѣже перегородки... Здѣсь было однако не много чище.

— Гдѣ тутъ комната Гаврилы Романыча.., спросилъ Шепелевъ, увидя чрезъ первую же отворенную дверь лежащаго на кровати унтера...

— Сюда, сюда... раздался голосъ Державина изъ за другой перегородки.

И молодой человѣкъ вышелъ къ гостю въ коротенькомъ нагольномъ тулупчикѣ. За ухомъ его торчало большое гусиное перо.

— Здравствуйте, Дмитрій Дмитричъ... Спасибо вамъ, что пришли, пожалуйте! И онъ ввелъ Шепелева къ себѣ.

— Какъ вы это пролезли въ мою харибду, въ мою камору или вѣрнѣе выразиться въ эту Гомору.

— Меня проводила баба. А то и со всѣмъ бы не добрался....

Въ маленькой горницѣ Державина, на маломъ саженномъ пространствѣ между двухъ перегородокъ стояла кровать, покрытая пестрымъ одѣяломъ, сшитымъ заботливой, терпѣливой рукой изъ сотни разноцвѣтныхъ клочковъ ситца; въ углу помѣщался маленькій столъ съ нѣсколькими вещицами, съ десяткомъ книжекъ и тетрадокъ, а посереди нихъ стеклянная баночка съ чернилами и блюдце съ пескомъ... Въ другомъ углу на полу стоялъ красный сундукъ, обитый оловянными вырѣзками и бляхами и расписанный лиловыми цвѣточками; на немъ лежали снятый мундиръ, шпага и шляпа рядоваго. У потолка надъ столомъ висѣла темная икона и торчала запыленная верба... Надъ кроватью пришпиленная булавками къ доскамъ перегородки висѣла, загибаясь углами, сѣрая большая картинка, изображавшая Императрицу Елизавету Петровну въ коронѣ и порфирѣ.

— Вотъ-съ занимаюсь... Письмо пришла просить на-

писать, сказалъ Державинъ, указывая на женщину лѣтъ сорока, которая собиралась уходить при появленьи Шепелева.

— Я изъ коридора слышалъ, какъ вы горячились...

— Я имъ часто такъ—къ сродственникамъ пишу... и всегда въ горячкѣ...

— Вы писанье-то оставьте у себя, Гаврилъ Романычъ! сказала женщина. Я ввечеру зайду.

— Да, да, ужъ ступай, Авдотья Ефимовна! Успѣется, не горитъ вѣдь! отвѣчалъ Державинъ.

— А то вы и сами безъ меня отпишите. А то у насъ стирка велика. Насилу къ Благовѣщенью управимся. Вы сами-то лучше, родимый.

— Какъ можно голубушка. Развѣ я могу знать, что тебѣ писать.

— И-и батюшка, а мнѣ-то, и гдѣ же знать!.. Вы грамотѣ обучены, такъ вамъ то лучше все извѣстно. Дѣло дворянское, а я хоть и хвардейская—а все тожъ баба, деревеньщина.

Державинъ заволновался и обратился къ Шепелеву, указывая на женщину.

— Вотъ, государь мой, вѣрите ли. Завсегда такъ то... Придетъ вотъ какая изъ нихъ: напиши письмо, свекрови ли тамъ, теткѣ ли, шурину какому... Сядешь это и скажешь: ну говори молъ, что писать... А она въ отвѣтъ: Не знаю, родненькій мой. Ты ужъ самъ... И не втолкуешь вѣдь ни за что—хоть тресни.

Шепелевъ разсмѣялся.

Женщина стояла въ дверяхъ и заговорила, слегка обижаясь.

— Что жь? Мы не навязываемся. Мой Савѣлъ Егорычъ за васъ на канавѣ вчера три часа отбылъ. Да на прошлой недѣлѣ тожъ дворъ у прынца мёлъ... За васъ же? Сами знаете.

— Я, голубушка, это знаю. Я не корю, пойми, а напротивъ того, спасибо говорю, потому мнѣ легче писать, чѣмъ дворы мести да канавы рыть... А я говорю

про то, что коли пришла ваша сестра письмо отписать, такъ сказывай — что?

— Мы люди не грамотные. Вы дворянскаго *празгвожденья*, такъ вамъ лучше.

— Да празгвожденья-то я будь хоть разпрокняжескаго, разпроархисвѣтлѣйшаго — а все жь таки я, голубушка, не могу святымъ духомъ знать, что тебѣ нужно твоей свекрови отписать. Пойми ты это, Авдотья Ефимовна.

И Державинъ даже ударилъ себя въ грудь въ порывѣ одушевленія.

— Что жь! мы не навязываемся, совсѣмъ обидѣлась вдругъ женщина. Хозяинъ мой сказываетъ... На канавѣ-то какъ шибко ухаживаютъ народъ-то... Вчера онъ въ вашъ, значитъ, чередъ это былъ, съ морозу то пришелъ, какъ изъ бани, рубаха мокрая на ёмъ да и спину-ту не разогнетъ... Вотъ что, баринъ мой хорошій!.. А писулю то писать не грамотному—какъ ни взопрей, не напишешь.— А вамъ оно что?. Тьфу, оно вамъ! Плевое дѣло! Сидите вотъ туточки,—да чирикаете по бумажкѣ... А на канавѣ...

— Ну, вотъ тутъ и разсуждай... махнулъ Державинъ рукой.

— Какъ вамъ будетъ угодно! Хошь и не пишите... Мы не навязываемся!

— Ну ладно, ладно! Авдотья Ефимовна. Не гнѣвайся. Приходи ввечеру-то все таки.

— Придемъ ужь, коли требуете... А ужъ если милость ваша будетъ—вы сами бы, говорю... Стирка насъ съѣла... Ну, просимъ прощенья.

Женщина вышла. Державинъ снова махнулъ рукой ей во слѣдъ.

— Порѣшеный народъ! сказалъ онъ. Коломъ не вдолбишь. Пиши я, изволите видѣть, ея свекрови въ Новгородъ, что самъ знаю...

— Да, бросьте! сказалъ Шепелевъ. Гоняйте ихъ вонъ, коли скучно.

— Нельзя, сударь. Я вамъ ужь сказывалъ про свое по-

ложенье... Видите, какъ живу. Вы жалуетесь вотъ на ротныя ученья, да на смотры. А мы вѣдь и тамъ мерзнемъ, да потомъ еще насъ по городу гоняютъ на работы. Слышали вонъ говорила она про мужа то, что пришелъ съ морозу мокрый... Ну-съ и я вотъ такъ то двѣ недѣли горе мыкалъ. А теперь мое одно спасенье за себя кого изъ солдатъ выставлять. У меня съ ними уговоръ: я буду женамъ писули да цыдули ихъ писать, а мужья за меня отбояривайся съ лопатой или съ метлой.

— Да, если эдакъ, то разумѣется...

— А то помилуйте, съ чего бы я сталъ время терять на такое водотолченье. Я и то, когда почитать вздумается книжку какую, ночь сижу. Свѣчу всю сожгу, да чтожь дѣлать. Нешто, будучи состоятельнѣе, пошелъ бы я въ бабьи письмоводители. Вы вотъ присядьте да послушайте, чѣмъ мы занимаемся. Сюда лучше, на сундукъ. А то стуло-то мое ненадежно.

Державинъ, стоя среди горницы, сталъ читать, взятый со стола исписанный листъ.

— Ну вотъ хоть тутъ. Объ государынѣ, покойной: Прислушайте: «Увѣдомились мы что и вы сестрица отъ Прокофія Нѣмого извѣстны, что и мы на нашъ вѣкъ несчастными въ горѣ сиротами остались. А и скончавшая себя государыня къ намъ милостьми и щедротами была. А что будетъ впредь намъ, того не вѣдаемъ. Коли въ войну не пойдемъ. Благодѣтель нашъ государь Петръ Ѳедорычъ гораздо шибко насъ не жалуетъ, а свои Ренбовскіе полки. И на прошлой масляной насъ осмотрѣлъ, все въ слѣдомости нашелъ. А мой Савёлъ Егорычъ про тоже сказывалъ и за оное отдранъ былъ. А про телка, что отписываете и рады бы мы все къ вамъ душой, да пути и холода велики — подохнуть можетъ. А и себя раззорите, а и намъ то не въ удовольствіе. А па ротномъ затѣсненье велико отъ людства и скотинки, болѣ и мѣстовъ нѣтъ. А у Прасковьюшки отѣлилась въ Миколы, на дворъ унтеръ выгналъ, сказывая, что грязнитъ очень. И все то изъ злобства его выходитъ, потому нравъ у

него свой. Потому случаю подохъ, что морозомъ его хватило зря... И не съѣли!.. А и я вамъ тожъ на капусткѣ благодарствую. А и вы, сестрица и братецъ, про свое житье бытье отпишите.

И Державинъ прибавилъ, смѣясь чрезъ листъ желтой бумаги, который держалъ передъ собой.

— Любопытно-съ? Только и есть что: А и я, а и онъ, а и вы...

— Да вы бы, Гаврила Романычъ, заговорилъ Шепелевъ, если ужь необходимость съ ними возиться опросили бы ее и написали съ разу. А эдакъ вѣдь, поди, дольше гораздо.

— Зачѣмъ же я, сударь мой, буду письмоводительствовать. Она говори, а я напишу. А эдакъ ужь я, выходитъ, въ перепискѣ съ бабьемъ всероссійскимъ окажусь самъ, коли стану сочинительствовать посланія къ нимъ.

Шепелевъ пробылъ съ часъ у своего новаго пріятеля. Державинъ передалъ ему что въ ротѣ извѣстно уже всѣмъ объ ряженомъ гольштинскомъ офицерѣ и что онъ, какъ очевидецъ, разсказалъ все капитану Пассеку, который очень интересовался всѣмъ случаемъ.

Шепелевъ въ свою очередь передалъ всѣ подробности своего визита къ принцу, не скрывъ отъ Державина. нихтъ михтъ...

Молодые люди весело хохотали. Державинъ предложилъ учить его всякій свободный вечеръ по нѣмецки.

— Нынѣ это—первое дѣло! сказалъ онъ. Знай офицеръ воинскій артикулъ, да моракуй по ихнему—и живо прямо въ фельдмаршалы попадетъ.

XVI.

Выйдя отъ Державина и проходя дворъ, Шепелевъ былъ вдругъ остановленъ среди двора капитаномъ своего

полка Пассекомъ. Этого офицера онъ только видалъ, но никогда не случалось ему съ нимъ разговаривать.

Шепелевъ зналъ, что это одинъ изъ лучшихъ и уважаемыхъ въ полку офицеровъ. Пассекъ же зналъ, что новый рядовой тоже изъ дворянъ и живетъ у вновь переведеннаго къ нему лейбъ-компанца Квасова, котораго онъ не взлюбилъ и съ которымъ онъ былъ въ холодныхъ отношеніяхъ. Случилось это вслѣдствіе чрезмѣрной строгости Квасова къ солдатамъ, которыхъ вообще офицеры, въ силу установившагося обычая или преданія въ этомъ первомъ и лучшемъ полку гвардіи—держали крайне свободно и даже чрезъ мѣру баловали всегда.

Старшій офицеръ полка, недавно произведенный государемъ въ подполковники, генералъ прокуроръ и фельдмаршалъ старый князь Никита Юрьевичъ Трубецкой подавалъ самъ примѣръ легкихъ взысканій за довольно иногда важные проступки. Вообще старшіе офицеры подавали примѣръ легкаго отношенья къ тому, что недавно, по примѣру Фридриха, стали называть заморскимъ словомъ и говорили: войнскій дисциплинъ. У русскаго человѣка въ родномъ языкѣ и слова такого не нашлось.

Пассекъ при видѣ Шепелева первый, противъ обыкновенья, издали поклонился ему и, быстро подойдя, заговорилъ неспокойнымъ голосомъ.

— Я очень радъ, что повстрѣчался съ вами, государь мой. Я шелъ къ вамъ съ просьбой. Вы были вчера ночью на часахъ у принца Жоржа.

— Точно такъ-съ.

— Правда ли, что я слышалъ отъ рядоваго Державина про явившагося въ ночь къ принцу офицера голштинскаго войска.

— Сущая правда.

— Въ кострюлѣ.

— Да-съ т. е. въ эдакой большой чашкѣ серебряной...

— А вы знаете его имя?

— Его назвалъ камердинеръ принца. Это капитанъ или ротмейстеръ Котцау.

— Такъ это точно! Такъ это истинно! съ волненіемъ выговорилъ Пассекъ, пытливо глядя въ лицо юноши. Котцау, фехтмейстеръ прусскій?

— Да-съ.

— Пріѣзжій недавно изъ Германіи?

— Ну, этого я доподлинно не могу вамъ...

— Но имя Котцау? прервалъ Пассекъ, видимо волнуясь. Вы хорошо помните? Это главное, что я желалъ бы знать.

— На счетъ этого я навѣрное могу вамъ доложить, потому что когда я былъ позванъ къ принцу въ кабинетъ, то онъ говоря съ нимъ...

— Какъ въ кабинетъ?!.. Такъ вы были у принца! Державинъ этого не сказалъ. Ради Создателя, разскажите мнѣ все...

Шепелевъ сталъ было разсказывать подробно, но Пассекъ въ волненіи перебилъ его и спросилъ:

— Пожелаете-ли вы услужить мнѣ и моимъ пріятелямъ Орловымъ... Это дѣло, сударь, важнѣе, чѣмъ вы полагаете.

— Все, что будетъ вамъ угодно приказывать мнѣ, отвѣчалъ Шепелевъ.

— Вы мнѣ сдѣлаете великую послугу, если согласитесь немедля ѣхать со мной къ Орловымъ и передать имъ самолично все, что вы знаете, все что было въ ночь. Тамъ мы васъ разспросимъ подробно обо всемъ...

Шепелевъ, слыхавшій уже про братьевъ Орловыхъ и про то, что у нихъ на квартирѣ вѣчное сборище всѣхъ шалуновъ и озарниковъ гвардіи, колебался, боясь выговора отъ дяди Квасова, за посѣщеніе такой отпѣтой компаніи. Но съ другой стороны, его самолюбію льстила мысль побывать въ обществѣ извѣстныхъ въ столицѣ щеголей-офицеровъ.

Бывать у Орловыхъ — значило быть на виду и, конечно, ни одинъ рядовой изъ дворянъ не бывалъ у нихъ.

— Орловы будутъ очень рады познакомиться съ вами. Они славные люди, сказалъ Пассекъ, видя, что Шепе-

левъ колеблется. Вы, наконецъ, можете и не ходить къ нимъ послѣ. Я васъ прошу теперь поѣхать, чтобы только передать имъ подробности дѣла очень для нихъ важнаго.

Шепелевъ мысленно махнулъ рукой на дядю Квасова. Онъ давно уже собирался доказать дядѣ на дѣлѣ свою самостоятельность и желаніе начать жить своимъ разумомъ. Онъ согласился и они поѣхали.

Чрезъ полчаса кучеръ Пассека остановился у большаго дома банкира Кнутсена, помѣщавшагося на самомъ углу Невскаго Проспекта и Большой Морской, рядомъ съ Зимнимъ дворцомъ, который выходилъ угломъ къ Полицейскому мосту.

Когда оба они входили по лѣстницѣ, то издали уже слышенъ былъ веселый гулъ голосовъ.

— Абрамъ! Всѣ господа дома? спросилъ Пассекъ показавшагося лакея.

— Всѣ-съ. Пожалуйте! сказалъ Абрамъ, снимая шубу съ гостя. И хорошее дѣло, что вы прибыли, Петръ Богданычъ! Безобразничанью помѣшаете.

— А что? усмѣхнулся Пассекъ.

— А вотъ войдите, увидите- Ноги ломать себѣ хочетъ Григорій Григорьевичъ. Да и махонькаго Владиміра-то Григорьевича изколѣчитъ. Ужь его-то бы не трогали. Теперь вотъ чрезъ полъ дюжины стульевъ выдумали прыгать. Мало вишь трехъ.

Пассекъ вмѣстѣ съ Шепелевымъ вошли въ большую горницу. Когда дверь отворилась, гулъ голосовъ цѣлаго десятка офицеровъ, хохотъ и споръ — все прекратилось съ разу отъ новаго незнакомаго лица рядоваго преображенца.

— А? Богданычъ! Здравствуй Пётра! Иди! Богдыханычъ! Здорово!.. И его тоже заставить надо!.. раздались голоса отовсюду.

Шепелевъ, нѣсколько смущаясь, озирался кругомъ, стараясь угадать хозяевъ, но Пассекъ тотчасъ познакомилъ его съ тремя .офицерами, головами выше всѣхъ

остальныхъ и назвалъ ему цалмейстера Григорія, преображенца Алексѣя и семеновца Θеодора.

Затѣмъ Пассекъ прибавилъ громче, какъ то налягая на слова.

— Господинъ Шепелевъ племянникъ нашего маіора Квасова и живетъ съ нимъ вмѣстѣ.

Шепелевъ замѣтилъ, что кой-кто изъ офицеровъ переглянулись, а нѣкоторые изъ нихъ, и въ томъ числѣ Алексѣй Орловъ, слегка нахмурились.

— Чѣмъ прикажете угощать, сударь, спросилъ Шепелева Григорій Орловъ, настоящій хозяинъ квартиры, указывая на столъ съ виномъ и закуской.

Пассекъ перебилъ его и, объяснивъ, что Шепелевъ явился по его личной просьбѣ, просилъ всѣхъ внимательно прислушать въ чемъ дѣло.

— Разскажите пожалуйста подробно все, что вы видѣли и знаете. Только зовите того офицеромъ, а фамиліи не называйте, сказалъ онъ Шепелеву.

Молодой человѣкъ сталъ разсказывать, смущаясь не много, такъ какъ всѣ офицеры окружили его, разглядывали его и внимательно слушали.

Тутъ были Измаиловцы: два брата Рославлевы и Ласунскій, Семеновцы: Θеодоръ Орловъ и Всеволожскій; Преображенцы: Барятинскій, Баскаковъ и Чертковъ и Конногвардейцы: Хитровъ и Пушкинъ. Самые старшіе изъ всѣхъ лѣтами маіоръ Рославлевъ и капитанъ Ласунскій стали ближе всѣхъ къ Шепелеву и прерывали его несвязный разсказъ вопросами...

Наконецъ Шепелевъ разсказывая дошелъ до того пункта, когда его потребовали къ принцу. Алексѣй Орловъ нетерпѣливо перебилъ его разсказъ и воскликнулъ, обращаясь къ Пассеку.

— Ну, чтожь тутъ любопытнаго?... Гриша и я! И хотѣли сами сегодня всѣмъ разсказать. Ласунскій даже ужь знаетъ. Ну, жаловаться пріѣхалъ. Ну и чортъ съ нимъ!

— А кто онъ такой? спросилъ Пассекъ.

— Ротмейстеръ какой-то голштинскій! сказалъ Григорій Орловъ.

— Фехтмейстеръ Котцау!! крикнулъ Пассекъ, какъ бы вдругъ разсердившись.

— Что?! Кто?! Какъ?! загудѣло десять голосовъ.

Алексѣй Орловъ, отошедшій было къ окну, молніей обернулся назадъ.

— Славно!! вскрикнулъ онъ во все горло и треснулъ въ ладоши. Славно!! Пріѣзжій фехтмейстеръ. Первый ему блинъ русскій, да комомъ.

— Фридриховскій Котцау? выговорилъ Григорій Орловъ, тихо и видимо смущаясь.

— Да вѣрно-ли это, сударь мой, допрашивали Шепелева Ласунскій и Ѳедоръ Орловъ. Вѣрно-ли вы помните фамилію...

Шепелевъ поручился за достовѣрность...

Веселыя лица постепенно нахмурились, и всѣ озабоченные окружили двухъ братьевъ, виновниковъ исторіи.

Григорій Орловъ слегка измѣнился въ лицѣ.

— Это очень дурно! выговорилъ Ласунскій.

— Я и сообразить съ разу не могу, что будетъ теперь, воскликнулъ Пассекъ. Онъ только что пріѣхалъ, представился государю, ужь получилъ отъ него чинъ русскаго маіора.

— Онъ пріѣхалъ отъ Фридриха! замѣтилъ кто-то.

— Государь за него не только тебя, Григорій Григорьевичъ, вѣлитъ судить, а и всѣмъ вамъ, да и намъ съ вами не сдобровать... сказалъ старшій Рославлевъ.

— Скорѣе рѣшайте! Что дѣлать?... Скорѣе! заговорило нѣсколько человѣкъ.

— Ты куда? воскликнулъ Пассекъ, увидя Алексѣя Орлова въ шляпѣ.

— Я? Къ Трубецкому!!

— Зачѣмъ?

— Я беру на себя одного! Буду просить Никиту Юрьевича поѣхать со мной замолвить словечко гетману,

а тотъ пусть отправится къ принцу и пожалуй къ самому государю. Нечего мѣшкать! А вы свое дѣлайте..

— Погоди!... Надо...

— Нечего годить... крикнулъ Алексѣй Орловъ уже въ дверяхъ. Держите совѣтъ и дѣлайте свое. А покуда вы тутъ будете турусы разводить—я побываю и у Трубецкаго, и у гетмана, и у тетушки... А вы-то чѣмъ болтать-то, ѣхали бы тоже сейчасъ къ княгинѣ Екатеринѣ Романовнѣ... прибавилъ онъ, обращаясь къ Пассеку и Ласунскому.

— Обожди, Алеша, дай сговориться путемъ. Трубецкой тебя по губамъ помажетъ токмо, сказалъ Өедоръ Орловъ.

— Помажетъ, такъ и я его мазну тоже, знаю чѣмъ. Ну, будьте здоровы, гутъ морхенъ! махнулъ рукой Алексѣй Орловъ и вышелъ.

Оставшіеся заспорили. Всякій предлагалъ свою немедленную мѣру. Кто-то предложилъ даже ѣхать мириться съ Котцау, хоть деньгами его закупить, если можно.

Шепелевъ замѣтилъ, что онъ стѣсняетъ совѣщающееся общество, что многіе шепчутся, отходя въ углы, къ окнамъ.

Наконецъ онъ увидѣлъ нечаянно, что самъ Пассекъ сдвинулъ брови и мотнулъ на него головой Өедору Орлову, когда тотъ громко посовѣтовалъ брату немедленно ѣхать просить заступничества у государыни.

Шепелевъ, отказавшись отъ закуски и чая, весело и любезно предложенныхъ хозяиномъ, холодно раскланялся со всѣми и собрался выходить.

Григорій Орловъ любезно провожалъ его словами:

— Милости прошу, государь мой, если будетъ когда по пути.

XVII.

Въ эту минуту, когда Шепелевъ хотѣлъ выходить, въ передней раздался ударъ хлопнутой двери, быстрые шаги,

затѣмъ и обѣ половинки дверей въ горницу тоже распахнулись съ громомъ, такъ что ключъ, выскочивъ изъ замка, зазвѣнѣлъ по полу.

На порогѣ появился Алексѣй Орловъ съ оживленнымъ лицемъ и слегка задохнувшись крикнулъ:

— Скорѣе... Идите! всѣ!

Офицеры повскакали съ мѣстъ и бросились къ нему.

— Что такое? Что? былъ общій вопросъ.

— Скорѣе, говорятъ, идите. Такое... Такое увидите, чего отъ роду не видали.

— Да что?

— Слышите барабанъ... Рота Измайловцевъ съ караула идетъ. А кто впереди? А?! За простаго капрала шагаетъ. Кто?!

— Ну! Ну!

— Графъ гетманъ! Самъ Кирилушка.

Всѣ офицеры бросились въ разсыпную по горницѣ хватать свои шляпы и шпаги.

— Да вретъ онъ все... Чего вы его слушаете! крикнулъ Пассекъ. Эка выдумалъ что!

— Ей Богу же. Ей Богу.

— Полно блажить, Алеша. Тутъ важное дѣло....

— Стану я тебѣ, чортова перечница, даромъ божиться да грѣшить постомъ! крикнулъ Алексѣй рѣшительно.

— Да не можетъ статься...Гетманъ вчера еще былъ обласканъ государемъ, а это-жь вѣдь хуже плюхи...

— Идите, говорятъ вамъ! Жалѣть послѣ будете! крикнулъ Алексѣй Орловъ и побѣжалъ внизъ.

Офицеры бросились за нимъ. Шепелевъ послѣдовалъ тоже.

Между тѣмъ барабанный бой приближался и въ виду высыпавшей на крыльцо молодежи изъ за угла Адмиралтейскаго проспекта показалась рота Измайловскаго полка.

Впереди двигалась, шагая въ тактъ барабаннаго боя, въ блестящемъ на солнцѣ мундирѣ, во всѣхъ орденахъ и лентѣ, высокая и худощавая фигура графа Кирила

Григорьевича Разумовскаго, гетмана Малороссіи, шефа и любимца всей гвардіи.

Густыя черныя брови его слегка сдвинулись, глаза были опущены въ землю и лицо немного блѣдно.

Онъ очевидно замѣчалъ останавливающійся по бокамъ народъ, столпившуюся кучку офицеровъ, изумленно и молчаливо взиравшихъ на него, но медленно, и гордо шагая передъ ротой середи улицы—поравнялся съ этой кучкой молодежи и прошелъ мимо, не поднявъ глазъ, упорно опущенныхъ въ землю.

На лицахъ солдатъ, равномѣрно шагавшихъ за гетманомъ, было замѣтно что-то особенное, не обыденное. Они будто не знали, какъ имъ смотрѣть на прохожихъ, переглядываться и смѣяться чудной оказіи, или смотрѣть тоже изъ подлобья, какъ гетманъ.

Рота завернула и скрылась за угломъ Большой Морской. За ней ѣхала большая красивая берлина, голубая съ позолотой, съ золотымъ гербомъ графовъ Разумовскихъ на темно-синемъ бархатномъ чехлѣ козелъ. Длинный цугъ красивыхъ и выхоленныхъ коней по два въ рядъ выступалъ лихо и горячась по скрыпучему морозу.

Глаза старика кучера на огромныхъ козлахъ говорили толпѣ то, чего не сказали опущенные глаза его барина. Берлина, качаясь на ремняхъ, тихо завернула за уголъ. Между тѣмъ прохожіе по всему пути останавливались и обернувшись, глазѣли, разиня рты. Питерцы хорошо знали гетмана и теперь имя Кирилъ Григорьевича было на всѣхъ устахъ, и всякій обращался къ сосѣду или вслухъ самъ къ себѣ съ вопросомъ:

— Что за притча?.. Гетманъ? Роту ведетъ?

— Что-жь это такое! вымолвилъ наконецъ и Григорій Орловъ въ кучкѣ офицеровъ.

— Указали... Ну и пошелъ! сказалъ кто то.

Въ эту минуту съ подъѣзда дворца вышелъ адъютантъ государя Перфильевъ и, сѣвъ на лошадь, рысью пустился къ Морской.

— Стой! Стой! Степанъ Васильевичъ, закричала вся кучка офицеровъ, бросаясь къ нему на середину улицы.

Онъ остановилъ лошадь. Офицеры, а за ними и народъ, окружили его.

— Что такое? Объясни, братецъ, притчу во языцѣхъ, сказалъ Григорій Орловъ.

— Государь приказалъ... А завтра ждите указъ всѣмъ оберъ-офицерамъ гвардіи быть въ строю и бывать на всѣхъ экзерциціяхъ и во всѣхъ караулахъ отъ послѣдняго сержанта до фельдмаршала.

— Что-о?! воскликнули всѣ въ разъ.

— Да! Ѣду въ Никитѣ Юрьичу съ указомъ привести сейчасъ на плацъ Преображенцевъ для смотра.

— Стараго филина. По дѣломъ! А гетмана жаль... сказалъ Ласунскій.

— Трубецкаго? Разумѣется не жаль!

— Да онъ съ тѣхъ поръ, что генералъ-прокуроръ, шпаги въ руки не бралъ! воскликнулъ кто-то.

— Вспомнитъ небось, какъ подъ ружье поставятъ! воскликнулъ смѣясь Перфильевъ.

— Вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ день! захохоталъ Алексѣй Орловъ. Фельдмаршалы да генералъ-прокуроры будутъ на плацахъ выверты прусскіе дѣлать.

— Вѣстимо! Коли укажутъ! сказалъ сухо Перфильевъ, отъѣзжая.

Въ кучкѣ офицеровъ наступило гробовое молчаніе... Нѣкоторые переглядывались.

— А видѣли лицо гетмана? Бѣлѣе скатерти! тихо сказалъ Пассекъ.

— Да. У него теперь на душѣ кипитъ.

Алексѣй Орловъ наклонился къ брату и шепнулъ ему на ухо.

— А гетманъ-то, *нашъ* теперь! А?!

— Пожалуй что и такъ! отвѣчалъ Григорій вслухъ.

Офицеры взглянули на обоихъ братьевъ и, тотчасъ понявъ въ чемъ дѣло, переглянулись между собой.

— Ну... Еще врядъ! сказалъ Ласунскій. Теперь золъ, а къ вечеру отходится... Хохлы не злопамятны.

— Что-жь? Если и всѣхъ такъ! замѣтилъ Пассекъ. И Трубецкаго и Шувалова и другихъ... Тутъ обиды ужь гетману не будетъ. Никитѣ Юрьевичу почти 70 лѣтъ отъ роду и онъ уже пять лѣтъ фельдмаршаломъ состоитъ...

— Ну, братцы, воскликнулъ Алексѣй Орловъ,—а теперь за свое дѣло, насъ выручать изъ бѣды.

Кучка пріятелей разошлась.

XVIII.

Чрезъ полчаса Фленсбургъ подъѣхалъ верхомъ къ квартирѣ цалмейстера Орлова и, оставивъ у крыльца двухъ, сопровождавшихъ его, солдатъ — кирасиръ, онъ слѣзъ съ лошади и вошелъ въ квартиру. Абрамъ встрѣтилъ его въ дверяхъ и веселое лицо его съ разу насупилось и даже озлобилось.

— Господинъ Орловъ дома? спросилъ Фленсбургъ строго.

По его голосу уже видно было, что онъ не въ гости пріѣхалъ.

— Нѣту! рѣзко отозвался Абрамъ, зная Фленсбурга въ лицо и уже догадываясь, что не за добромъ онъ появился въ квартирѣ барина. Проклятая миска, подумалъ Абрамъ.

— Вѣрно? переспросилъ недовѣрчиво Фленсбургъ.

— Чего же мнѣ врать! А то войдите. Пошукайте сами, коли не вѣрите. Владиміръ Григорьичъ дома.

— Ну... Все равно! Не тотъ, такъ другой. Мнѣ ихъ нужно обоихъ. Доложи, что я пріѣхалъ его арестовать, по приказанію его высочества... съ плохо скрытымъ удовольствіемъ выговорилъ офицеръ, и подумалъ: какъ бы заднимъ ходомъ не ушелъ! Фленсбургъ сбросилъ плащь въ прихожей и вошелъ въ комнаты, за нимъ слѣдомъ, злобно и хитро ухмыляясь вошелъ и Абрамъ. Старику

отъ досады хотѣлось хоть потѣшиться и позлить нѣмца—офицера.

— Владиміръ Григорьичъ! крикнулъ онъ изъ за спины офицера. Васъ требуютъ. Пожалуйте! Подъ арестъ ступайте!.. Эхъ жаль—мамка-то отлучилась до просвирни. А то и ее бы ужь съ нимъ захватили.

Въ комнаты вышелъ изъ противоположныхъ дверей мальчикъ кадетъ и съ изумленьемъ, а отчасти и съ боязнью взглянулъ на Фленсбурга. Мальчикъ знавалъ въ лицо, какъ и многіе, адъютанта принца и тоже, какъ многіе, безсознательно не любилъ его.

— Ну, я здѣсь подожду, а ты вызови господина Орлова, сказалъ Фленсбургъ Абраму.

— Какого вамъ еще? искустно притворился старикъ, будто изумляясь. Вотъ онъ самый — Владиміръ Григорьичъ... Мамка, говорю, жаль отлучилась до просвирни... Прикажете сбѣгать?

— Мнѣ нужно господина Орлова, сержанта Преображенскаго полка... Если нѣтъ дома цалмейстера... Понимаешь ты, старый хрычъ!

— Ихъ дома нѣтъ! Вы спрашивали Владиміра Григорьича. Вотъ онъ вамъ! Сами вы видно не знаете кого вамъ нужно.

Фленсбургъ отвернулся петерпѣливо отъ стараго слуги и обратился къ кадету.

— Когда ваши братья вернутся домой, вы имъ скажите, мой другъ, что адъютантъ принца пріѣзжалъ ихъ арестовать именемъ его высочества. Понимаете? По приказанію его высочества. Чтобы они не отлучались сегодня изъ дому. Я пріѣду опять! Понимаете?

Кадетъ Орловъ, смущенный извѣстіемъ, грустно и молча глядѣлъ въ лицо офицера.

— Вы меня хорошо поняли, мой другъ? мягче спросилъ Фленсбургъ.

— Чего тутъ не понять! вмѣшался злобно Абрамъ. Они не нѣмцы, по россійски знаютъ.

Фленсбургъ вышелъ озабоченный и уѣхалъ. Зная

нравы и совершенно своеобразную дисциплину всей гвардіи — онъ опасался, что предупрежденные братья Орловы что нибудь предпримутъ и затѣмъ отдѣлаются отъ ареста.

Едва офицеръ съ кирасирами исчезъ за угломъ и молодой кадетъ и старый слуга, быстро вышли изъ дому и пустились въ разныя стороны на поиски виновниковъ бѣды.

Послѣдніе слова Абрама молодому барину, скорѣе приказаніе, нежели совѣтъ, было сказано уже на улицѣ.

— Чтобы сюда и глазъ не казали! Хоть до втораго пришествія! На охотѣ да и шабашъ! А я прямехонько къ ней самой, къ нашей матушкѣ заступницѣ. Посмотримъ еще, чья возьметъ!!

Графъ Саліасъ.

Библіографическій указатель.

Въ VIII августовской книжкѣ «Русской Старины» помѣщена первая половина интересной статьи г. Пташицкаго „Лелевель какъ критикъ Карамзина". Въ этой статьѣ весьма хорошо обрисовываются наши литературные нравы 20—30-хъ годовъ текущаго вѣка, враждебные литературные лагери и направленія, „Карамзинисты" и, если можно такъ выразиться, „Булгаристы", по воззрѣніямъ на задачи и цѣли литературы родственные и кружку Сеньковскаго. Булгаринъ и его братія — представители самаго непривлекательнаго элемента въ исторіи нашей литературы — полицейства, сыщичества и, что всего грустнѣе, злорадства, относительно своей литературной собратіи, и даже лучшей и благороднѣйшей части этой собратіи. Карамзинъ, съ его, теперь уже конечно ненравящеюся намъ, сантиментальностью, все-таки есть представитель всего благороднаго, возвышеннаго и прогрессивнаго въ нашей литературѣ 20-хъ годовъ, и уже, конечно, къ Карамзинской школѣ (а ни какъ не къ Булгарину или Сеньковскому) должны были примкнуть лучшія литературныя творческія силы — Пушкинъ, Жуковскій, Батюшковъ. Непрерывная цѣпь этихъ талантовъ, примыкающая къ Карамзину, убѣждаетъ каждаго внимательнаго наблюдателя, что и исторія нашей русской литературы представляетъ нѣчто органическое, въ которомъ явленія необходимо вытекаютъ одно изъ другаго. Булгаринскій же элементъ въ нашей литературѣ представляется явле-

ніемъ отрицательнымъ, какимъ-то наростомъ, который могъ бы и не быть, и который, во всякомъ случаѣ, представляется нежелательнымъ. Дѣятельность Сеньковскаго, какъ оріенталиста, имѣетъ, конечно, большое значеніе для русской науки, но сама наша литература прекрасно могла бы обойдтись и безъ Сеньковскаго съ его толстымъ журналомъ („Библіотека для чтенія"), и органически необходимаго явленія въ исторіи нашей литературы дѣятельность Сеньковскаго нисколько не составляетъ. Въ разсматриваемой же нами статьѣ г. Пташицкаго г. Сеньковскій является въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ. Вмѣстѣ съ Булгаринымъ, онъ задался „увеселительною" мыслью „натравить" польскаго историка Лелевеля на Карамзина и его исторію. Эту недостойную наѣздническую роль и Булгаринъ и Сеньковскій играли съ совершенствомъ, достойнымъ лучшаго дѣла. Статья г. Пташицкаго представляетъ неопровержимый документъ для подтвержденія этой грустной истины. Но въ особенно отвратительномъ свѣтѣ представляется въ данномъ случаѣ Булгаринъ, издававшій въ 20-хъ годахъ журналъ „Сѣверный Архивъ" и хлопотавшій изо всѣхъ силъ о помѣщеніи въ этомъ журналѣ „критики" Лелевеля на „Исторію Россійскаго Государства" Карамзина (Критическія статьи Лелевеля помѣщались въ переводѣ съ польскаго на русскій языкъ). Да и профессоръ Сеньковскій, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Лелевелю, выразилъ постыдное для ученаго мужа злорадство, по поводу весьма понятнаго огорченія Карамзина и его „партіи" на статьи Лелевеля. Партія автора, (т. е. Карамзина), пишетъ къ Лелевелю Сеньковскій,—*бѣсится съ досады. Славный поэтъ Жуковскій даже плакалъ* (!!). Самъ авторъ такъ опечалился и пришелъ въ такое худое расположеніе духа, что *жена и дочь принуждены были выѣхать на время изъ дому*. Хотя они и бѣсятся, нечего на это обращать вниманія, такъ какъ это люди безъ всякой основательной науки" и т. д. Какъ вамъ это нравится? Ученаго профессора Сеньковскаго радуетъ (слышите ли?—*радуетъ*!) то обстоятельство, что поэтъ Жуковскій „даже плакалъ" и что „жена и дочь Карамзина принуждены были на время выѣхать изъ дому". Подобное злорадство и цинизмъ въ ученомъ мужѣ,

представляются намъ въ высшей степени возмутительными. Намъ становится понятною, поэтому, необыкновенная желчь критики Бѣлинскаго, когда ему приходилось говорить о Сеньковскомъ, Булгаринѣ и о подобной братіи. Злорадство и во всѣхъ сферахъ дѣятельности возмутительно, а въ литературѣ оно возмутительно тѣмъ болѣе. Изъ писемъ же Лелевеля, приведенныхъ въ статьѣ г. Пташицкаго, видно, что натура польскаго историка, во всякомъ случаѣ, болѣе благородная, чѣмъ натура его „земляковъ" (каковыми именуютъ себя въ письмахъ къ Лелевелю Булгаринъ и Сеньковскій) возмущается противъ навязываемой ему, во имя „землячества", и разныхъ наградъ и благодарностей, роли „ругателя Карамзина"! Даже болѣе: изъ писемъ же Лелевеля видно, что польскій историкъ преклоняется предъ величіемъ и громадностью труда Карамзина, хотя и не высказываетъ это въ прямой формѣ (уже вслѣдствіе понятной племенной непріязненности). Въ Карамзинѣ, сознается Лелевель,—„я тѣмъ болѣе нуждаюсь, чѣмъ болѣе осмѣливаюсь о немъ говорить". Въ другомъ же письмѣ Лелевель сознается, что уже слишкомъ *раздѣляетъ мнѣнія Карамзина* и дѣлается соучастникомъ нѣкоторыхъ его недостатковъ". Это чистосердечное сознаніе польскаго историка, не могло, однако, подѣйствовать на крючкотворскую и подъяческую натуру Булгарина. Послѣдній объяснилъ себѣ, что профессоръ Лобойко (профессоръ литературы при виленскомъ университетѣ) „наклонилъ Лелевеля къ похваламъ Карамзину". Господа, подобные Булгарину, никакъ не могутъ понять, что даже для немного болѣе честныхъ и высокихъ натуръ, чѣмъ ихъ собственная, представляется крайне невыносимымъ ругать и унижать то, что̀ высоко и прекрасно, и во всякомъ случаѣ требуетъ къ себѣ честнаго отношенія. Булгарину кто-то сказалъ, что Карамзинъ, приступая къ написанію своей исторіи, назвалъ Тацита и Ѳукидида *глупцами*, а грековъ и римлянъ *дикими людьми*. Булгаринъ возрадовался и возвеселился, найдя почву и предлогъ для своего «воинственнаго» похода противъ творенія Карамзина... А между тѣмъ, изъ писемъ же Лелевеля видно, что польскій историкъ долженъ былъ разжевать и въ ротъ положить редактору «Сѣвернаго Архива» школьное и элемен-

тарное понятіе о томъ, что такое «прагматическая исторія» и кто съ полнымъ правомъ можетъ быть названъ «прагматическимъ историкомъ». Понятно съ какимъ глубокимъ, хотя и скрытымъ, презрѣніемъ долженъ былъ относиться Лелевель къ подобнымъ рыцарямъ начавшихъ громкую и отважную, хотя и отвратительную, аттаку противъ Карамзинскаго труда... И чувство презрѣнія, дѣйствительно, у Лелевеля кое-гдѣ прорывается, хотя онъ, вообще, весьма тщательно и искусно скрываетъ его подъ маскою своего въ высшей степени оригинальнаго юмора. Возмущали ли самого Сеньковскаго невѣжество и невѣроятныя претензіи Булгарина— изъ статьи г. Пташицкаго не видно. Но въ одной выдержкѣ изъ письма Сеньковскаго къ Лелевелю ясно высказывается довольно ѣдкая насмѣшка надъ мизерными и недостойными побужденіями Булгарина. „Умоляю тебя, пишетъ Сеньковскій къ Лелевелю, поторопись съ рецензіей, такъ какъ я серьезно опасаюсь, чтобы Булгаринъ изъ безпокойства *«не пустилъ себѣ пулю въ лобъ»*... Карамзинисты торжествуютъ: говорятъ, *что или ты испугался, или пожалѣлъ о начатомъ*. Во имя твоей чести, чести Польши, Литвы, Мазовіи, чести насъ, живущихъ въ Петербургѣ, насъ твоихъ истинныхъ почитателей, друзей и земляковъ, во имя *редакторской чести, славы и кармана Булгарина*... умоляю тебя, поторопись, пришли продолженіе»... (т. е. критики на исторію Карамзина). Болѣе вѣской дружеской оплеухи Булгарину трудно было ожидать отъ руки Сеньковскаго!...

Въ «Русской Старинѣ» за августъ нужно еще отмѣтить «Записки солдата Назарова, въ иночествѣ Митрофана», (1792—1839 г.). Интересны записки своею простотой, отсутствіемъ витіеватости, свойственной многимъ русскимъ начетчикамъ. Затѣмъ, Назаровъ дѣлаетъ самого себя средоточіемъ разсказа, что́ очень важно, такъ какъ въ этомъ случаѣ искренность записокъ является неподдѣльною. Особенно занимательны тѣ мѣста записокъ, гдѣ Назаровъ говоритъ о битвахъ.

«Записки протоіерея Іоанна Виноградова» (1800—1836 г.) интересны въ томъ же смыслѣ, въ какомъ интересуютъ насъ всѣ записки этой категоріи—хорошо рисуютъ минувшее время,

о которомъ, хотя и свѣжо преданье, но въ сказанія объ немъ вѣрится уже не безъ труда. Рисуются тутъ люди минувшей формаціи и въ числѣ ихъ — неизбѣжный графъ Аракчеевъ!... Въ запискахъ Виноградова сообщено объ немъ нѣсколько новыхъ черть.

Не безъинтересны (въ смыслѣ въ первый разъ обнародываемыхъ фактовъ) и остальныя двѣ (обѣ переводныя) статьи «Старины»: «Дневникъ пастора Губера» и «Польское возстаніе въ 1831 г.».

«*Очерки и воспоминанія*» (Ссыльно-каторжные въ Охотскѣ) удерживаютъ и въ настоящей книжкѣ «Русской Старины» прежнюю живость и занимательность разсказа.

Изъ помѣщенныхъ въ VIII книжкѣ „Русск. Архива" статей, интересныхъ въ томъ смыслѣ, что обрисовываютъ намъ минувшій бытъ, неприхотливость, простоту отношеній и проч., принадлежатъ: «Похожденіе монаха Палладія Лаврова» съ его дневникомъ, „Черта къ жизнеописанію патріарха Никона" (Соловей въ Иверскомъ, монастырѣ), а также два письма извѣстнаго собирателя рукописей, Дубровскаго, къ А. Н. Оленину, съ присоединеніемъ записки объ этомъ собирателѣ и хранителѣ манускриптовъ. Статья „Похожденіе монаха Палладія" составляетъ извлеченіе изъ подлиннаго объ немъ дѣла. Дѣловой приказный языкъ Екатерининскаго времени сообщаетъ статьѣ еще больше интереса. Затѣмъ, и варварство нашего русскаго быта и отношеній въ столь еще недавно прошломъ— все это рисуется весьма рельэфно. Такъ напр., секундъ-маіоръ Толстой поретъ въ деревнѣ свою жену, нагую, кнутьями и намѣревается убить брата этой своей несчастной жены, да и пріѣхавъ въ городъ Толстой дѣлаетъ въ своей квартирѣ „великіе раздоры". Изъ всѣхъ заключающихся въ документѣ этомъ данныхъ можно заключить, что разныя проявленія нашего варварства и дикости нужно считать весьма обычными въ то время. Лавровъ, конечно, представляется дикимъ и безобразнымъ ханжею и пьяницей, который хотя, подъ конецъ жизни и оказывается „съумашедшимъ," но прежде, въ длинный періодъ своихъ дурачествъ, до постриженія въ мона-

шество и даже бывши уже монахомъ, былъ, какъ говорится, себѣ на умѣ.

Особый историческій (и въ смыслѣ исторіи вообще, и въ смыслѣ исторіи всеобщей литературы) интересъ пріобрѣтаетъ помѣщенная въ VIII книжкѣ „Русскаго Архива" статья г. Грота „Гриммъ и г-жа Эпине". Занимательная статья эта служитъ прелюдіей къ печатанію въ слѣдующихъ книжкахъ „Архива" большаго собранія писемъ Императрицы Екатерины II къ барону Гримму. Письма эти приготовлены къ изданію, въ французскихъ подлинникахъ „Императорскимъ Русскимъ Историческимъ обществомъ", учрежденнымъ въ Петербургѣ. Надо замѣтить, что значеніе Гримма въ исторіи литературы XVIII вѣка, представительницей которой была преимущественно Франція, съ Вольтеромъ, Руссо и энциклопедистами во главѣ, было огромное. Гриммъ былъ блестящій остроумецъ, безпощадно метавшій свои мѣткія саркастическія стрѣлы. Несмотря на нѣмецкое происхожденіе Гримма, соль его сарказмовъ—чисто французская. Болѣе лестнаго отзыва объ остроуміи Гримма нельзя было сдѣлать, чѣмъ какой былъ сдѣланъ объ этомъ предметѣ Вольтеромъ. Пробѣжавъ французскую брошюру Гримма, озаглавленную „Le petit prophète de Böhmischbroda," написанную въ самый разгаръ споровъ о музыкѣ партій le Coin du roi (сторонниковъ композитора Рамó) и „le Coin de la reine, (сторонниковъ итальянскихъ буффовъ), восхитившись смѣлостью и ѣдкостью брошюры, Вольтеръ воскикнулъ: De quoi s'avise donc ce Bohémien d'avóir plus d'esprit que nous?" (какъ осмѣлился этотъ богемецъ (цыганъ) перещеголять насъ (французовъ) остроуміемъ!) Здѣсь нужно еще замѣтить, что Русское Историческое Общество предприняло печатать собственно переписку нашей Великой Императрицы съ Гриммомъ, (переписка эта имѣетъ дружескій характеръ), а не ту знаменитую "Литературную корреспонденцію," которая упрочила европейскую славу Гримма. Но у насъ въ Россіи существуетъ экземпляръ и этой послѣдней корреспонденціи, хранящійся въ Московскомъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Къ статьямъ, предлагающимъ значительный историческій

матеріала, принадлежитъ и весьма интересное сообщеніе архимандрита Леонида, помѣщенное въ VIII книжкѣ „Рус. Арх.“, „Черта къ жизнеописанію патріарха Никона“ (Соловей въ Иверскомъ монастырѣ). Вотъ именно такія черты реальныя, не выдуманныя, ни сколько не прикрашенныя, и нужны для обрисовки исторической личности. Еще нѣсколько такихъ реальныхъ штриховъ—и будетъ готовъ настоящій портретъ патріарха Никона. Вообще о Никонѣ существуетъ невѣрное представленіе, какъ о реформаторѣ, поклонникѣ новизны (именно только на основаніи его ревностной дѣятельности по исправленію церковныхъ книгъ). Что Никонъ, собственно говоря, ненавидѣлъ западныя нововведенія и открещивался отъ нихъ всѣми силами—для доказательства этого приведены двѣ-три очень характеристичныхъ черты въ статьѣ г. Гиляревскаго. Никонъ готовъ былъ рвать на всѣхъ ненавистные ему «богопротивные» европейскіе костюмы, въ которыхъ возвращались русскіе изъ-за границы. Но въ книжномъ дѣлѣ Никонъ былъ реформаторомъ и исправлялъ церковныя книги, на основаніи греческихъ оригиналовъ, хранившихся напримѣръ въ Венеціанской библіотекѣ. Эти двѣ черты, если всмотрѣться внимательно въ характеръ Никона, — нисколько не противорѣчать одна другой. Знаменитый патріархъ былъ упрямъ, запальчивъ и самолюбивъ до чрезвычайности — и вотъ гдѣ разгадка противорѣчивыхъ чертъ его характера. Сообщаемая архимандритомъ Леонидомъ черта рисуетъ Никона со стороны его любознательности, тѣсно слитой съ его огромнымъ самолюбіемъ. И любопытство, и самолюбіе Никона сильно раздражены не вниманіемъ братіи Московскаго Иверскаго монастыря за чѣмъ ему, „великому господину“ (жившему въ своемъ Воскресенскомъ монастырѣ), не описали *подробно,* какимъ манеромъ залетѣлъ въ церковь соловей, и на „какой переводъ“ пѣлъ и т. д.

Подъ рубрикою „Русскія женщины-писательницы“ помѣщена въ „Древней и Новой Россіи“ біографія (по числу біографическихъ очерковъ это V) *А. І. Ишимовой* г. П. Быкова. Интересъ этого очерка таковъ, что статья охотно читается и перечитывается даже два-три раза. Кто не знаетъ маститую писательницу А. І. Ишимову? По ея Русской исторіи для дѣ-

той" училось на Руси уже несколько поколѣній обоего пола. Поэтому-то полная драматизма судьба этой необыкновенной женщины трогаетъ насъ за живое. Дѣтство, полное борьбы, лишеній, даже нищеты—и при этомъ необыкновенная настойчивость воли, непоколебимая вѣра и твердость—и все это въ томъ возрастѣ, когда женщина, особенно у насъ, чаще всего увлекается мишурой или же падаетъ въ борьбѣ съ препятствіями и невзгодами—вотъ что представляется и важнымъ, и въ высшей степени поучительнымъ въ біографіи г-жи Ишимовой. Мы не думаемъ, чтобы эта выдающаяся русская женщина была идеализирована въ очеркѣ г. Быкова; тутъ, собственно говоря, и идеализировать-то даже нечего, такъ какъ идеализація только исказила бы и испортила общую простую картину этой многотрудной и прекрасной жизни. Бываютъ случаи, когда дѣйствительность, по драматизму, нисколько не уступаетъ самому идеальному вымыслу. Намъ остается пожелать, чтобы подобныхъ біографій являлось у насъ какъ можно больше, въ виду огромнаго воспитательнаго значенія подобныхъ біографій, въ особенности для молодаго женскаго поколѣнія. Литографированный портретъ г. Ишимовой, приложенный къ статьѣ г. Быкова, весьма хорошъ и, какъ нельзя лучше, дополняетъ общее впечатлѣніе отъ прочитаннаго въ біографическомъ очеркѣ. Привлекательное сосредоточенно-мыслящее лицо, нѣсколько грустное, глубокое общее выраженіе — все говоритъ о богатой натурѣ изображенной удачными штрихами старушки. Прибавимъ, что А. І. Ишимовой теперь уже 73 года, а она еще продолжаетъ дѣлать посильные вклады въ дѣтскую нашу литературу.

«Аббатъ Жоржель въ Россіи 1799—1800», въ этой книжкѣ помѣщенная, статья г. Карновича, — хотя не представляетъ какихъ-либо важныхъ данныхъ о Россіи, въ разсматриваемый годъ, имѣетъ, однако, значеніе по добросовѣстности отзыва иностранца о всемъ видѣнномъ въ Россіи. Въ особенности же аббатъ Жоржель отдаетъ справедливость Суворову, не пытаясь «развѣнчивать» нашего великаго полководца, по примѣру другихъ иностранныхъ писателей.

Затѣмъ въ августовской же книжкѣ „Древней и Новой

Россія" помѣщена уже IV довольно обширная глава статьи г. *Н. Аристова* „Невольное и неохотное постриженіе въ монашество у нашихъ предковъ до начала XVII стол." По видимому г. Аристовъ задался мыслью написать обстоятельное изслѣдованіе этого предмета, отчасти основываясь на новѣйшихъ сборникахъ пѣсенъ (напрям. сборникъ г. *Прача*), на многихъ древнихъ русскихъ стихотвореніяхъ, памятникахъ старинной русской литературы, въ особенности же на актахъ историческихъ. Послѣдними наиболѣе пользуется г. Аристовъ. Привлечены къ дѣлу и другіе важные источники, напримѣръ „Рукоп. Соловецкой библіот.", „Акты юрид." и т. д. Все это прекрасно. Но, намъ кажется, въ статьѣ данъ слишкомъ большой объемъ такому предмету, какъ бродяжничество, пьянство и попрошайничество монаховъ на Руси въ XVII вѣкѣ. Этотъ предметъ представляется намъ довольно элементарнымъ и не требующимъ особенныхъ доказательствъ, какими вооруженъ съ ногъ до головы г. Аристовъ. Большой интересъ представляетъ здѣсь одно явленіе—именно: насильное постриженіе женъ своими мужьями, постепенно спускавшееся отъ высшихъ сферъ общества въ низшія. Это принадлежитъ къ общей безотрадной картинѣ соціальнаго быта старой Руси. Что при безотрадномъ состояніи общества въ древній періодъ Руси—должно было эксплоатироваться постриженіе въ монашество для цѣлей своекорыстныхъ и безнравственныхъ—это само-собою понятно. Было бы, напротивъ, весьма странно и непонятно, какимъ образомъ развратники и лѣнтяи не воспользовались бы учрежденіемъ монашества для своихъ цѣлей; было бы, затѣмъ, странно и непонятно, какимъ образомъ при затворничествѣ нашей древней женщины не произошло бы такихъ возмутительныхъ явленій, какъ мученія и увѣченья женъ мужьями, которые въ первый разъ видѣли своихъ подругъ жизни уже въ день свадьбы, когда брачная связь была уже существующимъ фактомъ. Вотъ съ этой именно стороны, со стороны обычаевъ совершать браки и со стороны супружескихъ отношеній, явленіе, на которомъ остановился г. Аристовъ, въ высшей степени приковываетъ вниманіе читателя. Русское монашество, само по себѣ, представ-

ляетъ тутъ значеніе весьма небольшое. Оно было только средствомъ, которымъ пользовались и не могли не пользоваться. При томъ, эксплоатированіе монашествомъ, тунеядство и распущенность, скрытыя подъ монашеской одеждой—явленіе совсѣмъ не новое. Оно имѣетъ себѣ аналогію и въ европейской монастырской жизни. Судьба монашескихъ общинъ всегда имѣла замѣчательное сходство. Сначала строгое соблюденіе обѣта посвященія себя Богу, соблюденіе аскетическаго идеала—потомъ, быстрое пониженіе общаго уровня въ достоинствѣ аскетическихъ подвиговъ и пренебреженіе самимъ идеаломъ. Какое изумительное самоотверженіе проявляла монашеская жизнь при самомъ ея учрежденіи!... Но уже въ VII вѣкѣ, на такъ называемомъ *пято-шестомъ* Трулльскомъ соборѣ, (бывшемъ въ 691 г.) однимъ изъ соборныхъ постановленій дѣлается строгое запрещеніе такъ назыв. „смѣшанныхъ" монастырей, въ которыхъ *мужчины жили вмѣстѣ* съ женщинами. До Трулльскаго собора подобнаго запрещенія не было, и мы вправѣ предположить, что совмѣстное житье мужчинъ и женщинъ въ монастыряхъ практиковалось, какъ вещь обычная, покуда эта распущенность не дошла уже весьма почтенныхъ размѣровъ, обратившихъ на себя вниманіе Трулльскаго собора. Быстрое паденіе достоинства аскетизма—явленіе весьма понятное. „Бороться съ плотью, умерщвлять ее", дѣло трудное и, что всего важнѣе, противное природѣ, которая, по мѣрѣ возрастающихъ угнетеній, все болѣе и болѣе предъявляетъ свои права. При первомъ появленіи христіанскаго монашества, борьба отшельниковъ со своею собственной природою привела въ ужасъ и негодованіе римлянъ, видѣвшихъ христіанскихъ подвижниковъ на о-вѣ Капраріи. Римскій поэтъ Рутилій Нумаціанъ называетъ этихъ монаховъ „rabiosi canes diaboli".

Что же отличнаго и самобытнаго представляетъ наше русское неудачное монашество XVII вѣка, столь не соотвѣтствовавшее идеалу св. Антонія и Ѳеодосія Кіево-печерскихъ?—Ничего, или почти ничего. Законы „невыдержки человѣка въ борьбѣ съ собственною плотью" одинаковы и для европейскаго періода (на Западѣ) и у насъ. Тѣ же ложно-юродствующіе

и мечущiеся изъ стороны въ сторону rabiosi canes diaboli, и здѣсь, и тамъ.

Словомъ: явленiя, подробно рисуемыя (на основанiи почтенныхъ и достовѣрныхъ источниковъ) г. Аристовымъ, интересны сами по себѣ, какъ явленiя, строго вытекавшiя изъ соцiальнаго порядка, а совсѣмъ не потому, что монашество и „постоянныя постриженiя" представляютъ собою нѣкоторый центръ, вокругъ котораго всѣ эти явленiя вращаются.

Гораздо болѣе занимательными представляются появляющiяся отъ времени до времени въ „Древн. и Новой Россiи" тѣ статьи, въ которыхъ читателю предлагается безыскусственный, необработанный, почти сырой матерiалъ. Въ VIII книжкѣ этого журнала есть одна подобная статья, озаглавливающаяся: «Къ исторiи противо-церковныхъ движенiй въ Тамбовской губернiи," составленная на основанiи документовъ архива Тамбовскаго губернскаго правленiя. Голая истина неподкрашенныхъ фактовъ, совершившихся въ относительно недавнее время (въ Тамбовской губернiи) производить сильное впечатлѣнiе на читателя. При томъ, читатель приходитъ къ мысли, что существуетъ какой-то постоянный, хотя еще далеко не выясненный, законъ, по которому извѣстной группѣ явленiй съ извѣстнымъ характеромъ суждено совершаться именно только въ извѣстныхъ предѣлахъ, на извѣстномъ пространствѣ нашей территорiи. Напримѣръ, противоцерковныя движенiя нашли для себя, повидимому, самую благопрiятную почву именно въ Тамбовской губернiи. Въ Тамбовской же губернiи были и есть старообрядцы разныхъ толковъ: хлысты, скопцы, субботники, молокане и духоборцы. Послѣднiе въ собственномъ смыслѣ тамбовскаго происхожденiя. Продѣлки извѣстнаго пройдохи, Ѳ. Самарина, показались бы намъ невѣроятными, если бы могли не вѣрить сообщенiямъ тамбовскихъ и владимiрскихъ присутственныхъ мѣстъ. Вообще, намъ кажется, журналы, имѣющiе цѣлью освѣщать отечественную старину, группируя и сохраняя ее для будущихъ историковъ въ смыслѣ матерiала,—дѣлаютъ огромныя заслуги, помѣщая безыскуственные, сами за себя говорящiе, документы. Собственно-литературно-этнографическо-географическiя статьи, въ

родѣ, напримѣръ, поѣздки на Кубенское озеро, мы можемъ прочитать и въ другихъ журналахъ—документы же должны составлять специальное пріобрѣтеніе и сообщеніе ихъ—особую специальную цѣль такихъ журналовъ, какъ „Древняя и Новая Россія," „Русскій Арх." и „Р. Старина".

Статья „Древнерусское Паломничество" г. *Гиляревскаго* трактуетъ о Русскихъ странствователяхъ во Святую Землю, начиная съ простодушнаго, проникнутаго благоговѣніемъ къ Іерусалимской Святынѣ инока Даніила до „скептиковъ" *Суханова* и *Лукьянова*, небрежнаго и суевѣрнаго *Полозова*, при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, и Василія Григоровича-Барскаго (уже въ 1-й половинѣ XVIII вѣка). Авторъ приписываетъ наше русское паломничество вліянію Византіи, и затѣмъ задается вопросомъ объ умственномъ кругозорѣ нашихъ паломниковъ. Что кругозоръ этотъ былъ крайне узокъ—для этого не требуется слишкомъ много доказательствъ. Достаточно нѣсколькихъ цитатъ изъ того, другого и третьяго паломника. Но странно, что авторъ дѣлаетъ щепетильное дѣленіе самыхъ посѣщеній Св. мѣстъ на двѣ категоріи, или, точнѣе, различаетъ два побужденія къ странствованіямъ въ Іерусалимъ: религіозное побужденіе и потребность любознательности ума. Нечего и говорить, что о любознательности ума въ паломникѣ, вѣрящемъ даже въ несгараемость бороды патріарха, и рѣчи быть не можетъ. Она была ничтожна до нуля, и напрасно объ ней упоминать. Любознательность есть нѣчто активное, стремящееся обнять и различить хотя какія-либо стороны предметовъ. Наши же древніе паломники, исключая Суханова и Лукьянова, относились ко всему пассивно, какъ дѣти, для которыхъ въ блескѣ разнообразныхъ красокъ не существуетъ никакого различенія. Затѣмъ, „Замѣтки и Новости", составляющія послѣдній отдѣлъ въ журналѣ „Древняя и Новая Россія", представляютъ въ августовской книжкѣ значительное число интересныхъ данныхъ, преимущественно объ археологической дѣятельности, проявляющейся въ послѣднее время въ Россіи. При этомъ вниманіе читателя особенно останавливается на неутомимой дѣятельности извѣстнаго археолога К. Н. Тихонравова, проектирующаго приступить къ изданію „Историко-

археологическихъ Сборниковъ", въ которыхъ, помимо актовъ, помѣщались бы подробныя и полныя описанія памятниковъ Владимірскаго края. Такимъ образомъ, дѣятельность г. Тихонравова обстоятельно и сосредоточенно направлена на опредѣленный пунктъ. Результаты изысканій, конечно, будутъ важны для исторіи, такъ какъ Владимірскій край богатъ историческими воспоминаніями и сохранившимися въ наличности памятниками.

Мы возвращаемся, затѣмъ, къ августовской книжкѣ „Русскаго Архива". Въ ней помѣщенъ интересный документъ „Попытка самозванства въ XIX вѣкѣ" (сообщенный г. Витевскимъ). Самозванцами въ XIX вѣкѣ оказались: какой-то смѣлый выходецъ въ Тамбовской губерніи, объявившій себя великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, вскорѣ послѣ его смерти; затѣмъ какая - то дама выдавала себя за княгиню Ловичъ (супругу великаго князя) тоже вскорѣ послѣ ея смерти. Но верьхомъ курьеза и невѣроятности (еслибы только это не было доказано документально) представляется фактъ, что отставной солдатъ Наумовъ, бывши „въ нетрезвомъ видѣ", выдалъ себя за покойнаго цесаревича. Правда, самозванство этого служиваго немедля-же было обличено, но самый фактъ наводитъ насъ на мысль, до какой степени даже и не пройдохи могли у насъ являться самозванцами, просто „подъ вліяніемъ бахуса". Нечего и говорить, что напримѣръ въ XVII вѣкѣ, при общемъ непроглядномъ суевѣріи народной массы, была удобная почва для самозванства. Любой выскочка могъ одурачить легковѣрныхъ... Не можемъ не упомянуть здѣсь отмѣчаемой г. Витевскимъ замѣчательной черты—это той, что цесаревичъ Константинъ Павловичъ и его супруга Ловичъ еще долго продолжали жить въ здѣшнемъ мірѣ, въ воображеніи народа... Надо добавить, что тоже досталось, напримѣръ, на долю Петра III и супруги цесаревича Алексѣя Петровича, Шарлотты. Наивному вѣрованію народа почему-то трудно было помириться съ мыслью о смерти этихъ личностей. Шарлотту фантазія народа перенесла даже въ Америку, за океанъ, и все-таки утверждали, что она жива... Эта черта, выдающаяся въ нашей народной психологіи, до того еще не выяснена,

что заставляетъ сильно задуматься; благодаря ей у насъ возможны были въ исторіи нашего народа столь многія поразительно-странныя явленія...

„Новыя подробности о молодой жизни А. Петров. Ермолова" (въ той же книжкѣ «Р. Архива») не столько представляютъ характеристику самого Ермолова, сколько ту тяжелую среду, въ которой приходилось вращаться русскимъ офицерамъ въ царствованіе Павла I, когда среди льстецовъ и прихлебателей было крайне опасно всякое проявленіе честнаго чувства.

Въ той же книжкѣ помѣщенная, записка о хранителѣ депо манускриптовъ, коллежскомъ совѣтникѣ Дубровскомъ, опять хорошо рисуетъ условія того времени, положеніе служащихъ лицъ и т. под. Дубровскому, во время его службы секретаремъ при нашей миссіи въ Парижѣ, удалось скупить, въ самомъ началѣ вспыхнувшей тогда революціи, за безцѣнокъ, много рукописей изъ извѣстныхъ въ то время парижскихъ библіотекъ. Рукописи эти, замѣчательныя и въ палеографическомъ, и въ художественномъ отношеніи, были уступлены Дубровскимъ въ Императорскую публичную библіотеку и послужили фундаментомъ обогащенія нашего книгохранилища. Вся суть сообщенія о Дубровскомъ и интересъ его состоитъ собственно въ канцелярскихъ хлопотахъ о содержаніи Дубровскаго и награжденіи за его заслуги.

Письмо, озаглавленное „Русская и англійская политика" (въ томъ же № „Р. Архива"), принадлежащее перу поэта В. А. Жуковскаго и адресованное къ князю Варшавскому графу Паскевичу-Эриванскому—составляетъ, конечно, главнѣйшій вкладъ въ августовскую книжку „Р. Архива". Записка эта была давно извѣстна русской публикѣ по отрывкамъ, такъ какъ цѣликомъ печатать ее было запрещено, хотя и трудно понять причину этого запрещенія. Письмо Жуковскаго написано еще въ 1849 г., но выраженные въ немъ взгляды на политику Англіи (замѣчаетъ редакція «Р. Архива»), такъ свѣжи, что, читая ее, испытываешь впечатлѣнія настоящей минуты. Къ этому мы должны прибавить, что статья написана съ тѣмъ глубокимъ чувствомъ, которое отличаетъ лучшія произведенія Жуковскаго. Сила чувства и составляетъ важнѣйшее достоин-

ство письма. Поэтъ нашъ негодуетъ на Англію и, въ частности, на тогдашняго англійскаго премьера Пальмерстона, называя его „злымъ геніемъ времени" и ставя неизмѣримо ниже его разныхъ континентальныхъ революціонеровъ, въ родѣ извѣстныхъ дѣятелей 1848 г. Геккера, Штруве, Генце. Жуковскій проникнутъ глубокимъ благоговѣніемъ къ громаднымъ духовнымъ силамъ Англіи; признаетъ, что въ Англіи народъ понимаетъ что такое законъ и законность, что христіанство тамъ не *опрокинуто безвѣріемъ* и дѣйствуетъ на всѣ состоянія,— что „Владычица морей" могла бы властнымъ „Quos ego!" (вотъ я васъ!) усмирить континентальныхъ революціонеровъ. Но рулемъ корабля Англіи управляетъ рука, недостойная чести и власти, рука Пальмерстона.. и т. д.

Словомъ: во всемъ письмѣ Жуковскаго представляется двойственность воззрѣнія, издавна свойственная нашимъ славянофиламъ, хотя у Жуковскаго это воззрѣніе имѣетъ свою самостоятельную форму. „Какъ бы было хорошо, если бы было *то*, однакоже является не то"... Съ одной стороны идеалъ, съ другой дѣйствительность — вотъ какъ, въ короткихъ словахъ, можно формулировать господствующее въ посланіи Жуковскаго раздвоеніе воззрѣнія. Но изъ самаго же посланія видно, что нашъ поэтъ былъ не совсѣмъ-то политикъ, а именно, такъ сказать, поэтъ въ политикѣ; онъ еще отчасти высказываетъ вѣру, что Англія исправится по его поэтическому идеалу. Ему не хочется вѣрить, что роль Англіи неизмѣнно будетъ состоять въ томъ, что она будетъ взаимно ссорить своихъ континентальныхъ собратій, чтобы извлечь выгоду для себя... А что же далѣе?.. спрашиваетъ патетически нашъ поэтъ. Да и далѣе будетъ тоже, и тоже... Всталъ бы идеальный старецъ изъ гроба и посмотрѣлъ бы,—что Англія дѣлаетъ теперь, 30 лѣтъ спустя, руками и устами Биконсфильда!... *Молохъ* Биконсфильда—уже совсѣмъ не тотъ Молохъ, которому служилъ Пальмерстонъ....

Въ послѣднихъ августовскихъ книжкахъ нашихъ журналовъ, поставившихъ своею спеціальною цѣлью изслѣдованіе отечественной старины (какъ „Русская Старина," „Русскій Архивъ," „Древн. и Новая Россія") лучшія статьи

даютъ освѣщеніе польской исторіи, или, точнѣе, отношеніямъ польской народности къ русской. Статьи: „Станиславъ Трембецкій“ проф. *Макушева* (въ „Древн. и Новой Россіи“), „Польское возстаніе 1831 г.;“ воспоминанія прелата *Буткевича* (въ „Русской Старинѣ“), Лелевель, какъ критикъ Карамзина „*Пташицкаго* (въ томъ же журналѣ и въ той же VIII книжкѣ) “Попытка самозванства въ XIX вѣкѣ“, сообщен. г. *Витевскимъ* (въ „Р. Архивѣ“). Всѣ эти статьи освѣщаютъ передъ нами весьма интересныя явленія и личности изъ польской исторіи. Г. Пташицкому (въ „Р. Старинѣ“) удалось набросать портреты польскихъ историковъ „Лелевеля и Нарушевича. Въ статьѣ профессора Макушева (въ „Древн. и Нов. Россіи“) не только опредѣленно очерченъ портретъ такой характеристической личности въ польской исторіи, какъ Трембецкій, но и мѣтко характеризованы другіе польскіе дѣятели, каковы: Красицкій, Нѣмцевичъ, Карпинскій, Венгерскій, Северинъ Ржевускій, Гугонъ Колонтай, Княжнинъ. Изъ нихъ Красицкій принадлежитъ къ числу великихъ, первоклассныхъ европейскихъ поэтовъ. Знакомство съ его произведеніями выяснило бы намъ множество явленій не только въ польской, но и во французской культурѣ XVIII вѣка, потому что та и другая культура въ упомянутомъ вѣкѣ тѣсно связаны. Но до какой степени жалки наши свѣденія объ этихъ важныхъ въ смыслѣ культуры явленіяхъ—доказывается тѣмъ фактомъ, что у насъ существуетъ всего—то *одно* руководство по исторіи славянскихъ литературъ (г. Спасовича) да и то, какъ указываетъ г. Макушевъ, страдаетъ весьма чувствительными недостатками въ смыслѣ безпристрастія; напримѣръ, Трембецкій почему-то изруганъ и очерненъ г. Спасовичемъ.

ПРОГРАММА

„ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛІОТЕКИ“

заключаетъ въ себѣ два отдѣла: беллетристическій и научный, въ составъ которыхъ войдутъ оригинальные и переводные романы, повѣсти, разсказы, очерки и мемуары, преимущественно историческаго содержанія, оригинальныя и переводныя историческія сочиненія, изслѣдованія, монографіи, матеріалы, историко-юридическія, этнографическія, топографическія статьи и библіографическій указатель съ краткимъ разборомъ выходящихъ книгъ историческаго содержанія, какъ у насъ, такъ и за границей. Сюда же войдутъ статьи, посвященныя трудамъ по археологіи.

„ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА"

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕМѢСЯЧНО КНИГАМИ ОТЪ 10—15 ЛИСТОВЪ.

Цѣна годовому изданію **6** руб. **50** коп., съ пересылкой и доставкой **8** руб.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ Редакціи журнала (Больш. Садовая домъ 121 кв. 12) и въ книжномъ магазинѣ **Черкесова** и **К°**, Невскій просп. противъ Публичной Библіотеки д. № 54.

Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться: въ Петербургъ въ редакцію журнала **„Историческая Библіотека"** (Больш. Садовая домъ 121, кв. 12).

1. Редакція отвѣчаетъ за доставку журнала подписавшимся только въ мѣстахъ, означенныхъ въ объявленіи.

2. Редакція проситъ гг. подписчиковъ точно обозначать свое имя, отчество и фамилію, а также и то почтовое учрежденіе, куда долженъ быть журналъ адресованъ; иначе редакція не отвѣчаетъ за правильную доставку.

3. Подписчики, желающіе перемѣнить адресъ, благоволятъ своевременно увѣдомить о новомъ мѣстѣ жительства, съ обозначеніемъ прежняго, при чемъ за всякую перемѣну уплачивается 50 коп.

4. Желающіе доставить свои произведенія въ Редакцію должны обозначать свой адресъ и подробныя условія, безъ обозначенія послѣднихъ, редакція не будетъ считать себя обязанною входить съ авторомъ въ какіе-либо расчеты.

Редакторъ-издатель **П. В. Полежаевъ.**

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛІОТЕКА

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

1878.

№ 11.—Ноябрь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Ф. Сущинскаго
([illegible])

[illegible]

141

СОДЕРЖАНІЕ № 11-го.

ИСТОРИЧЕСКАЯ

БИБЛІОТЕКА

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

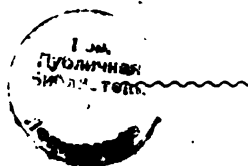
1878.

№ 11.—Ноябрь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Ф. Сущинскаго.
Екатерининскій каналъ 168.

1878

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18 Октября 1878 г.

РЫЦАРЬ или ДАМА.

ГЛАВА I.

Разсказъ нашъ начинается въ концѣ 50-го года прошлаго столѣтія, въ царствованіе короля Людовика XV, получившаго въ своей молодости, богатой надеждами, названіе многолюбимаго, оставленное за нимъ и впослѣдствіи. Впрочемъ въ дѣйствительности эта любовь народная выразилась только въ названіи. Людовикъ XV съ годами сдѣлался чрезвычайно апатиченъ и равнодушно относился къ управленію государствомъ. Но въ описываемое время дѣла шли еще не такъ дурно, какъ въ позднѣйшую эпоху, подготовившую революцію и гибель короля Людовика XVI. Тогда при дворѣ еще не имѣла вліянія капризная куртизанка, графиня Дюбарри, которая, овладѣвъ королемъ Людовикомъ XV, привела Францію къ такому униженію, отъ котораго высвободить и возстановить прежній блескъ не удалось позднѣе благородному, правдивому Людовику XVI и гордой, мужественной Маріи Антуанетѣ. Тогда правленіе находилось въ рукахъ маркизы Помпадуръ и ея умнаго, энергичнаго друга герцога Шуазеля, графа Стенвиля. Этотъ герцогъ—министръ и государственный секретарь, сначала управлялъ только иностранными дѣлами, но потомъ, съ

цѣлью твердой рукой уничтожить безпорядки, вкоренившіеся во французской арміи, взялъ на себя и управленіе военнымъ департаментомъ и флотомъ. Маркиза Помпадуръ была гораздо лучше портрета, дошедшаго до насъ, хотя дѣйствительно она не была чужда наклонностей и слабостей, свойственныхъ всѣмъ женщинамъ. Положеніе, занимаемое ею, какъ любовницы короля, при дворѣ часто ставило ее въ фальшивыя отношенія къ людямъ. Раздраженіе и огорченіе, которыя она испытывала вслѣдствіи своего положенія, заставляли ее дѣйствовать ошибочно, но преобладающимъ желаніемъ маркизы всетаки было сдѣлать Францію великой и могущественной. Она не ошибалась даже въ средствахъ, ведущихъ къ этой цѣли, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ ея умомъ, свѣтлымъ и проницательнымъ отъ природы, руководилъ ловкій придворный, герцогъ Шуазель. Маркиза даже сама проникалась свободными элементами національнаго духа и долгое время старалась руководить народнымъ движеніемъ, которое тогда только что начиналось; но или положеніе ея было слишкомъ неясно и ненадежно, или злоупотребленія администраціи слишкомъ глубоки, только и маркиза и герцогъ оказались не въ состояніи искоренить зла.

Улучшенія, введенныя Шуазелемъ, вскорѣ были отстранены графинею Дюбарри, свергнувшей министра и разрушившей всѣ порядки.

Парижъ того времени былъ средоточіемъ борьбы противуположныхъ партій, соединившихся позднѣе для революціи, и не походилъ на настоящій Парижъ, поражающій богатствомъ и великолѣпіемъ. Парижъ того времени лежалъ какъ-то въ тѣни, отодвинутый на задній планъ нерасположеніемъ Людовика XIV. Высокомѣрный Людовикъ XIV никакъ не могъ простить своей вѣрной и прекрасной резиденціи того, какъ однажды ночью принужденъ былъ бѣжать изъ стѣнъ города и укрываться отъ бунта и дворянъ, и простаго народа.

Въ то время весь блескъ королевскаго двора, состав-

лявшій символическое изображеніе солнца, заключался въ Версалѣ. Здѣсь было средоточіе монархической власти, золотыхъ залъ и блестящихъ галерей, куда стремилось все, гдѣ все великое и могущественное во Франціи стремилось отразить на себѣ лучи этого блестящаго свѣтила, служившаго образцомъ для всѣхъ дворовъ Европы.

Сильное дворянство было усмирено и оглушено праздничнымъ гуломъ, постояннымъ въ воздухѣ Версаля. Прежде это дворянство возставало противъ самого короля Людовика XIII, сильнаго и грознаго кардинала Ришелье, мягкаго, коварнаго Мазарини и не боялось эшафота, устроеннаго великимъ кардиналомъ даже для одного изъ Монморанси. Но теперь, какъ пестрыя стрекозы, кружились вокругъ трона, великіе государственные люди, выпрашивая привѣтливый взглядъ и милостивое слово короля или приглашеніе Людовика ѣхать, вмѣстѣ съ нимъ, въ Марли. Тѣ же дворяне, которые держались вдали отъ двора, непереваривавшіе любимой поговорки придворныхъ: après nous le déluge, тѣ дворяне жили уединенно въ своихъ провинціальныхъ замкахъ всѣми забытые, не принимая никакого участія въ управленіи государствомъ и войскомъ. Королю были извѣстны только люди, принадлежавшіе къ тѣсному версальскому кружку, а ничтожные и презираемые провинціальные дворяне показывались не болѣе какъ на минуту на порогѣ дворца его величества, а потомъ... потомъ съ крикомъ «Vive le roi» подставляли свою голову подъ топоръ гильотины. Люди низшаго сословія Парижа не были очарованы великолѣпіемъ Версаля, остававшагося для нихъ совершенно закрытымъ. Только изрѣдка имъ удавалось видѣть короля, проѣзжавшаго въ парадной одеждѣ въ соборъ Нотръ-Дамъ, съ благоговѣніемъ преклонить свои колѣна передъ алтаремъ; но за то часто они встрѣчали придворныхъ въ блестящихъ экипажахъ, несущихся въ сопровожденіи форрейторовъ по улицамъ Парижа. Придворные кавалеры и дамы пріѣзжали иногда изъ Версаля въ свои парижскіе отели отдохнуть,

или прослѣдить за какимъ нибудь интереснымъ приключенiемъ извѣстныхъ имъ героевъ.

Парижане никакъ не могли забыть того, что прежде король жилъ въ средѣ народа, и хотя ссорились съ нимъ иногда, но все таки всегда открывали ему свои нужды и желанія. Поэтому естественно, что этотъ чуткій народъ старался теперь всѣми средствами и при всякомъ удобномъ случаѣ отомстить королю за свое удаленіе отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ. Конечно онъ не могъ дѣйствовать съ мушкетомъ за плечомъ и шпагой въ рукахъ, такъ какъ у него не было руководителей, воинственныхъ принцевъ Бофоръ и Конти, тонкихъ дамъ, какъ были герцогиня Шеврезъ и M-lle де Монпансье, но, не смотря на это, парижане возставали противъ постановленій короля и парламента. Съ другой стороны возставали философы противъ всего государственнаго и общественнаго строя, были неутомимы въ сочиненіи ѣдкихъ куплетовъ, въ которыхъ не щадили самого короля и бросали стрѣлы въ маркизу Помпадуръ и герцога Шуазеля, хотя послѣдніе считались друзьями философовъ.

Въ это время общихъ волненій и безпорядковъ, не имѣвшихъ впрочемъ никакой опредѣленной цѣли, жилъ въ высокомъ старомъ домѣ, въ улицѣ Св. Отцевъ, одинъ молодой человѣкъ Карлъ Деонъ-де-Бомонтъ.

Отецъ его бѣдный, но знатный дворянинъ жилъ въ Бургундіи, во время мятежа, и умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, оставивъ въ наслѣдство сыну небольшое состояньице.

Молодой человѣкъ велъ жизнь тихую и уединенную, не знакомился ни съ сосѣдями и ни съ кѣмъ изъ обитателей стараго дома. Онъ занималъ три комнаты во второмъ этажѣ и довольствовался услугами старой дворничихи, носившей ему скромный обѣдъ отъ ближайшаго кухмистера. Шевалье де Бомонтъ жилъ одиноко на свѣтѣ; самой ближайшей родственницей его была кузина Луиза де Бомонтъ, бѣдная осиротѣлая дѣвушка,

жившая въ Версалѣ у своей тетки графини де Гимене. Эта знатная дама охотно взяла къ себѣ племянницу, послѣ смерти ея родителей. Деонъ де Бомонтъ владѣлъ обширными научными свѣдѣніями, съ которыми ему посчастливилось увеличить свое небольшое состояніе на родинѣ. Затѣмъ онъ пріѣхалъ попытать счастья въ Парижъ; его пылкой душѣ и развитому уму показалось не пріятнымъ уединеніе провинціи. И вотъ ужъ три года, какъ онъ живетъ въ столицѣ, занимаясь адвокатурой; но кліенты приходятъ не скоро и платятъ скупо неизвѣстному молодому адвокату, и какъ листья съ деревьевъ желтѣютъ и опадаютъ осенью, такъ разрушались съ каждымъ днемъ надежды и иллюзіи молодаго человѣка. Въ Парижѣ, этомъ лабиринтѣ всевозможныхъ интересовъ, трудно пробить дорогу человѣку неопытному, молодому и почти безъ средствъ; горе и отчаяніе охватили Деона де Бомонтъ.

Въ числѣ огорченій Деона не послѣднее мѣсто занималъ его малый ростъ. Ему казалось, что незначительная фигура, хотя въ своемъ родѣ довольно замѣчательная, много мѣшала къ достиженію его честолюбивыхъ стремленій. Обыкновенно человѣкъ старается отыскать причину своихъ несчастій,—Деонъ находилъ ее въ себѣ самомъ. Миньятюрная фигура молодаго человѣка отличалась гибкостью, стройностью, соразмѣрностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и такой женственностью, что каждый, увидѣвшій его первый разъ, могъ принять его за ребенка, или за переодѣтую женщину. Лицо выдѣлялось правильной красотой, а глубокіе и выразительные глаза смотрѣли умно и смѣло. Хотя ему было уже 26 лѣтъ, но на лицѣ его не находилось никакого признака мужскаго развитія, не было ни усовъ, ни бороды; голосъ— мягкій, звучный, чисто женскій. И это обстоятельство нерѣдко бывало поводомъ къ насмѣшкамъ или состраданію отъ незнакомыхъ съ острымъ умомъ Деона и силою его слова. Люди же, знавшіе Бомонта давно, не смѣялись надъ его недостаткомъ.

Онъ добровольно отказался отъ свѣта и не тратилъ

ужъ болѣе время на безполезные поиски по дѣламъ адвокатуры. Онъ занялся политикой, разсматривалъ текущіе вопросы, какъ государственные, такъ и политическіе, и издавалъ объ нихъ критическія брошюры. Сочиненія его отличались острымъ, насмѣшливымъ духомъ, бывшемъ тогда въ модѣ и исключительно нравившемся публикѣ.

Единственный домъ, гдѣ любилъ проводить вечера Бомонтъ, былъ домъ графа Рошфоръ, болѣзненнаго, но высоко образованнаго и умнаго старика. Графъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ еще съ отцомъ Бомонта, а теперь любилъ раздѣлять время съ развитымъ и остроумнымъ сыномъ. Графъ Рошфоръ уже въ очень преклонныхъ лѣтахъ женился на молодой, прекрасной и бѣдной дѣвушкѣ, носившей съ достоинствомъ знатное имя Рошфръ. Она питала дѣтскую привязанность къ своему мужу и неутомимо заботилась о немъ, хотя часто ея молодое и жаждавшее жизни сердце, страдало отъ капризовъ больнаго старика. Шевалье де Бомонтъ приносилъ графу новости, прочитывая вмѣтѣ съ нимъ куплеты и брошюры и разсуждая о политикѣ и придворной жизни. Веселое расположеніе духа молодой графини и ея остроумныя замѣчанія дѣлали ихъ разговоры оживленными. Такимъ образомъ эти вечера составляли неисчерпаемый источникъ наслажденія для старика. Между шевалье и графиней завязалась нѣжная дружба, причемъ Деонъ не переставалъ относиться къ ней съ рыцарскою почтительностью прежняго времени. Пылкій, почти отрѣкшійся отъ міра, Деонъ при этихъ ежедневныхъ свиданіяхъ конечно не могъ остаться равнодушнымъ къ молодой прекрасной женщинѣ, къ взгляду ея темныхъ, голубыхъ глазъ, блестѣвшихъ отъ внутренняго волненія и обращенныхъ на него во время чтенія или разговора. При встрѣчѣ этого взгляда, въ сердцѣ его возникали рззличныя чувства: то жажда признанія, то желаніе взаимности, то страстная любовь. Молодая женщина замѣчала любовь Бомонта и была

довольна его сдержанностью. Правда, сама она не испытывала къ нему такаго же взаимнаго чувства, но тѣмъ не менѣе изрѣдка награждала беззавѣтную привязанность взглядомъ, полнымъ сочувствія, или теплымъ пожатіемъ руки, приводившимъ Деона въ безпредѣльный восторгъ. Эта любовь составляла единственное счастіе Бомонта, и всѣ его возвышенныя стремленія и надежды были направлены къ этой цѣли.

Но вскорѣ и этотъ небольшой кружокъ постигло несчастіе, — старый графъ Рошфоръ скоропостижно умеръ; шевалье былъ искренно огорченъ смертью своего друга. Онъ помогалъ вдовѣ въ похоронныхъ распоряженіяхъ. Тихая надежда наполняла сердце Деона, когда онъ увидалъ свободною ту, которой давно отдано было его сердце, но рыцарское чувство не позволяло ему выразить ни однимъ взглядомъ свою надежду въ эти печальные дни. А между тѣмъ, теперь болѣе чѣмъ когда нибудь, имъ овладѣло желаніе привести въ исполненіе мечты, носившіяся до сихъ поръ только въ его воображеніи. Графиня наслѣдовала отъ своего мужа большое состояніе, старыя феодальныя владѣнія; это обстоятельство послужило еще большимъ препятствіемъ для Деона къ женитьбѣ, и онъ самъ не хотѣлъ осуществленія своей завѣтной мечты до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ независимаго и прочнаго положенія при дворѣ или на службѣ. Послѣ похоронъ стараго графа, Деонъ тотчасъ отдалился отъ прелестной вдовы, считая неприличнымъ свои посѣщенія въ такое время.

При прощаніи графиня протянула руку Деону и со слезами на глазахъ сказала: «Я понимаю ваше удаленіе, шевалье, но, прошу васъ, не оставляйте меня долго одну. Я буду слишкомъ одинока, продолжала она съ глубокимъ вздохомъ». Тонъ ея голоса, при этихъ словахъ, былъ сердеченъ и прямо влился въ душу Деона.

Полный страстной любви къ графинѣ, Деонъ упалъ на колѣни и, припавъ пылающими губами къ ея нѣжной рукѣ, вскричалъ:

— Еслибъ я слушалъ только своего сердца, графиня, я не оставилъ бы васъ ни на одну минуту, — но я скоро возвращусь, и тогда первымъ порывомъ моего сердца будетъ высказать вамъ все, что чувствую.

— Я жду васъ, отвѣчала графиня.

Въ сильномъ волненіи и съ растроганнымъ сердцемъ вышелъ Деонъ изъ дома графини, перебирая въ умѣ своемъ тысячу плановъ, какъ выхлопотать мѣсто и занять видное положеніе при дворѣ.

Прошло довольно времени въ безполезныхъ поискахъ и просьбахъ о мѣстѣ, какъ вдругъ счастіе, никогда не баловавшее Деона, улыбнулось ему. Въ одно прекрасное весеннее утро Деонъ совершенно неожиданно получилъ предложеніе явиться на аудіенцію къ герцогу Шуазель, пріѣхавшему изъ Версаля въ Парижъ. Это было четыре недѣли спустя послѣ смерти стараго графа Рошфоръ, и во все это время Деонъ не видалъ графини.

Герцогъ Шуазель обладалъ популярностью, которую многіе сановники и министры не могутъ пріобрѣсти, не смотря на всѣ свои старанія. Онъ велъ постоянную борьбу съ парламентомъ, за что его преслѣдовали язвительными куплетами и острыми каламбурами. Обыкновенно гордые и тщеславные государственные люди, нелюбимые народомъ, находятъ одобреніе въ партіи оппозиціонной правительству, но герцогъ Шуазель былъ напротивъ любимъ народомъ и имѣлъ большое значеніе среди его. Онъ женился на дочери богатаго изъ средняго сословія банкира Кразата, и жилъ съ женой согласно и счастливо. Женитьба на дочери банкира доставила Шуазелю большое состояніе, но это не мѣшало ихъ счастью: Парижане очень гордились такой свадьбой, были очень довольны, что такой знатный дворянинъ и царедворецъ велъ съ своей незнатной женой безупречную семейную жизнь въ этотъ вѣкъ безнравственности и расточительности.

Герцогъ жилъ, какъ гранъ-сеньёръ въ обширномъ значеніи этого слова, бросая золото щедрою рукою. Онъ былъ открытымъ врагомъ іезуитовъ, на которыхъ сосре-

доточивался гнѣвъ парижанъ. Іезуиты во многихъ случаяхъ оставались недовольными постановленіями правительства, но должны были подчиняться. Шуазель, ославивши вліяніе ордена на короля, подчинилъ его гражданскимъ и церковнымъ законамъ.

Въ лихорадочномъ волненіи входилъ шевалье въ отель герцога; у крыльца стояли запряженныя лошади, бившія отъ нетерпѣнія копытами землю. Сердце Бомонта сильно билось, когда онъ проходилъ мимо ряда придворныхъ и лакеевъ, стоявшихъ на лѣстницахъ и площадкахъ дворца и смотрѣвшихъ съ удивленіемъ, даже презрѣніемъ на скромнаго и бѣдно одѣтаго молодаго человѣка. Наконецъ, онъ вошелъ въ переднюю герцога; здѣсь лакей спросилъ его имя и сказалъ нѣсколько словъ придворному, стоявшему по близости. Послѣдній ввелъ Бомонта въ кабинетъ министра.

Герцогу Шуазелю было тогда подъ сорокъ лѣтъ. Онъ былъ высокаго роста, гибкаго и сильнаго тѣлосложенія. На немъ былъ костюмъ изъ голубаго бархата съ голубой лентой чрезъ плечо, на которой красовался орденъ Св. Духа, въ видѣ звѣзды съ изображеніемъ голубя. Черты лица Шуазеля были довольно грубы и придавали ему мужественный видъ; большіе глаза, окаймленные густыми бровями, смотрѣли гордо и повелительно, а бѣлокурые напудренные локоны парика, обрамляя высокій крутой лобъ, дѣлали лицо моложавѣе, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ. Шевалье робко, но съ достоинствомъ, вошелъ въ рабочій кабинетъ, украшенный картинами и позолотой, и низко поклонился министру. Гордое и аристократическое лицо Шуазеля внушило Бомонту, надобно сказать правду, нѣкоторый страхъ.

Герцогъ быстро оглядѣлъ вошедшаго своими большими, проницательными глазами, не привыкшими ни передъ кѣмъ опускаться. Казалось, герцогъ былъ удивленъ нѣжнымъ и дѣтскимъ личикомъ молодаго человѣка; насмѣшливая улыбка заиграла было на его губахъ, но ловкій придворный тотчасъ овладѣлъ собой, и когда Бомонтъ,

раскланявшись, поднялъ голову, то на лицѣ могущественнаго министра выражалось радушное привѣтствіе.

— Я читалъ ваши послѣднія брошюры, сказалъ герцогъ глубокимъ звучнымъ голосомъ, въ нихъ вы разсуждаете о политикѣ, и между прочимъ о положеніи, занимаемомъ Франціею по отношенію къ другимъ европейскимъ державамъ; ваши сочиненія отличаются острымъ умомъ и основательностью вашихъ познаній.

Кровь бросилась въ лицо молодому человѣку отъ радости слышать подобные отзывы изъ устъ такого высокопоставленнаго лица. Онъ очень смутился и безсвязно пробормоталъ:

— Господинъ герцогъ такъ добръ....

— Кромѣ остроты вашего ума и силы вашихъ познаній, продолжалъ герцогъ, мнѣ особенно нравится то, что ваши мнѣнія во многомъ согласны съ моими. Вы считаете союзъ съ Австріей вѣрнымъ средствомъ для Франціи возвратить, да, къ несчастью я долженъ сознаться, возвратить ея прежнее вліяніе, я тоже думаю...

— Да, господинъ герцогъ, возразилъ Шевалье, я увѣренъ, что этотъ союзъ совершенно необходимъ и что только тогда...

— Я познакомился уже съ вашими взглядами изъ брошюръ, прервалъ его герцогъ гордо и надменно, какъ свойственно первому сановнику. Впрочемъ онъ тотчасъ измѣнилъ свое обращеніе и болѣе мягкимъ тономъ продолжалъ: Я бы очень желалъ, чтобъ ваши убѣжденія согласовались съ моими. Вы умѣете такъ сильно и краснорѣчиво выражаться. Сила вашего таланта можетъ оказать несомнѣнную услугу правительству. Я представлю васъ государю и поговорю съ его величествомъ о вашихъ замѣчательныхъ способностяхъ. Черезъ нѣсколько дней вы получите отъ меня извѣстіе, тогда пріѣзжайте въ Версаль и явитесь прежде всего къ маркизѣ-де-Помпадуръ; съ ней я уже говорилъ о васъ, и она вполнѣ готова помогать мнѣ въ добромъ дѣлѣ составить карьеру талантливому молодому человѣку.

Герцогъ кивнулъ головою въ знакъ окончанія аудіенціи. Внѣ себя отъ восторга и съ гордо поднятой головой проходилъ шевалье мимо придворныхъ, стоявшихъ въ передней и низко кланявшихся Бомонту, вышедшему изъ кабинета министра.

Съ бьющимися висками и совершенно опеломленный отъ счастія, такъ долго и напрасно ожидаемаго, шелъ шевалье по улицѣ. Мимо его пронеслась коляска герцога и Шуазель, замѣтивъ его, привѣтливо кивнулъ головою. Поклонъ министра—многознаменательное явленіе; онъ тотчасъ былъ замѣченъ проходившими, и всѣ съ удивленіемъ стали оглядываться на бѣднаго адвоката, обратившаго на себя вниманіе министра.

Оправившись отъ перваго порыва радости, шевалье поѣхалъ къ графинѣ Рошфоръ; теперь, когда ему было обѣщано покровительство перваго министра, и когда будущее сулило такъ много счастія, онъ спѣшилъ увидѣться съ графиней, открыть ей свои надежды и насладиться такъ долго ожидаемымъ свиданіемъ.

На вопросъ молодаго человѣка: дома ли графиня, дворникъ отвѣчалъ, что уже двѣ недѣли, какъ графиня выѣхала изъ Парижа, и недавно отъ нея получено письмо изъ Версаля, послѣ чего къ ней отосланы были вещи и гардеробъ и что возвратившійся оттуда слуга получилъ приказаніе запереть на замокъ домъ графини, оставшейся жить, въ настоящее время, при дворѣ. Грустно отозвалось въ сердцѣ молодаго человѣка это извѣстіе, но скоро однако онъ снова повеселѣлъ. Чтожъ? вѣдь и ему предстоитъ блестящее будущее и служба при дворѣ, куда стремятся всѣ знатные молодые люди. Тамъ онъ ее увидитъ и, такимъ образомъ, за разъ будутъ удовлетворены и любовь и честолюбіе, игравшее не послѣднюю роль въ сердцѣ Деона.

Еще одна недѣля мучительнаго ожиданія. Онъ перебиралъ всѣ политическіе вопросы, разсмотрѣнные имъ въ послѣднихъ брошюрахъ и начиналъ ужъ сильно безпокоиться, какъ бы герцогъ совсѣмъ не позабылъ о немъ;

какъ вдругъ получилъ письмо отъ секретаря министра, съ приказаніемъ явиться въ Версаль къ маркизѣ де Помпадуръ, а отъ нея къ герцогу; послѣдній же представитъ его королю послѣ обѣдни во время большаго выхода.

Въ назначенный день рано по утру у подъѣзда стараго дома, въ улицѣ Св. Отцевъ, стояла извощичья карета съ наемнымъ лакеемъ. Въ это время шевалье де Бомонтъ оканчивалъ свой туалетъ, подъ надзоромъ старой служительницы, принимавшей большое участіе въ судьбѣ молодаго человѣка и теперь очень гордившейся отправленіемъ его во дворецъ.

Шевалье де Бомонту шелъ очень къ лицу нарядный, черный, шелковый костюмъ, съ бѣлокурыми, напудренными локонами и шпагою на правомъ боку. Но вотъ онъ подошелъ къ зеркалу, бросилъ послѣдній торжествующій взглядъ на себя, и лицо его снова померкло. Ему представилось, что и на новомъ пути его маленькая женственная фигурка и дѣтское личико послужатъ предметомъ насмѣшекъ блестящихъ придворныхъ кавалеровъ, или жалкаго сострадания, преслѣдующаго его всю жизнь.

Но теперь не время задумываться, необходимо было спѣшить на новый путь, открывавшійся предъ нимъ. Бомонтъ пожалъ еще разъ руку служанкѣ, смотрѣвшей на него съ особенною важностью, и сѣлъ въ экипажъ, который долженъ былъ везти его въ Версаль.

ГЛАВА II.

Въ то время, какъ Бомонтъ съ перемѣнными надеждами и опасеніями, приготовлялся къ аудіенціи министра, долженствовавшей имѣть вліяніе на всю его послѣдующую жизнь, въ Версалѣ все шло своимъ обычнымъ порядкомъ. Повидимому жизнь въ Версалѣ представляла свѣтлую, улыбающуюся картину, но въ сущности, подъ этою блестящею поверхностію скрывалась бездна разно-

образныхъ интригъ, страстей, зависти и людской ненависти.

При дворѣ существовали двѣ главныя партіи, постоянно враждебныя между собой: партія герцога Шуазеля съ маркизой де Помпадуръ и партія іезуитовъ. Къ первой партіи принадлежали молодые люди, надѣющіеся составить себѣ карьеру при дворѣ и молодыя веселыя дамы,— къ партіи іезуитовъ, или такъ называемыхъ «благочестивыхъ» принадлежали, большею частью, люди отжившіе, которымъ правительство отказало въ исполненіи ихъ желаній, преимущественно же пожилыя дамы, обратившіяся на путь добродѣтели, только потому, что наслажденія жизни потеряли для нихъ свою прелесть.

Эта партія, въ которой первую роль игралъ патеръ Линьеръ, духовникъ короля и членъ ордена Іисуса, выражала открыто свое негодованіе противъ маркизы де-Помпадуръ и употребляла всѣ возможныя средства напугать короля и людскимъ осужденіемъ и наказаніемъ Божіимъ. Но не смотря на всѣ старанія, они никакъ не могли поколебать вліянія ловкой, умной маркизы де-Помпадуръ и дѣйствующаго съ ней за одно герцога Шуазеля. Съ другой стороны и эти союзники не были въ состояніи подчинить раздражительную и суевѣрную натуру короля одному своему вліянію, заставить его отрѣшиться отъ наставленій патера Линьера. Столкновенія, возникавшія между этими партіями, оканчивались миромъ, такъ какъ никто не хотѣлъ уступить, а вмѣстѣ съ тѣмъ никто не одерживалъ и побѣды. Неудовольствія выражались только въ брошюрахъ и куплетахъ, въ которыхъ король не принималъ никакого участія и отдѣлывался глубокимъ молчаніемъ, обычнымъ его средствомъ всегда въ затруднительныхъ и неблагопріятныхъ обстоятельствахъ.

Теперь шла та же оживленная борьба; герцогъ Шуазель считалъ необходимымъ заключить союзъ съ Австріей. Маркиза, колебавшаяся сначала по этому поводу, впослѣдствіи подъ вліяніемъ сарказмовъ Фридриха

Великаго и лестнаго письма, въ которомъ гордая Марія Терезія называла ее своей кузиной, совершенно согласилась въ политическихъ убѣжденіяхъ съ Шуазелемъ, но король упорно молчалъ и не приходилъ ни къ какому рѣшенію.

Замедленіе короля зависѣло отъ патера Линьера, который не желалъ союза съ Австріей, не смотря на то, что члены ордена Іисуса, къ которому онъ принадлежалъ, были въ дружбѣ съ Австрійскимъ дворомъ. Патеръ Линьеръ дѣйствовалъ противъ союза изъ противодѣйствія планамъ Шуазеля, съ цѣлью поколебать вліяніе этого могущественнаго министра.

Въ то время, какъ Бомонтъ ѣхалъ представляться ко двору, всѣ жившіе въ Версалѣ находились въ напряженномъ состояніи. Приверженцы маркизы и Шауселя очень безпокоились: старый придворный, герцогъ Ришелье, классическій представитель интригъ того времени, которымъ онъ умѣлъ придавать рыцарскую форму, сталъ съ нѣкотораго времени удаляться отъ маркизы. Этотъ замѣчательный человѣкъ, не старившійся, какъ казалось, съ годами, умѣлъ, въ одно и тоже время, быть блестящимъ камергеромъ и маршаломъ, высказывать безумную храбрость солдата и льстить, унижаться, какъ послѣдній придворный. Ришелье собственно не принадлежалъ опредѣленно ни къ какой партіи, а поддерживалъ мнѣнія противуположныхъ партій съ тѣмъ, чтобы во всякомъ случаѣ воспользоваться плодами побѣды той или другой стороны. Къ числу самыхъ закоренѣлыхъ враговъ маркизы де-Помпадуръ и герцога Шуазеля принадлежала старая герцогиня де-Гимене,—тетка Луизы де-Бомонтъ, кузины Деона де-Бомонта. Молодая дѣвушка уже давно жила у своей тетки въ Версалѣ. Старые придворные, знавшіе герцогиню въ прежнее время, увѣряли, будто въ молодости она была столько же прекрасна, какъ и любезна, но теперь герцогиня могла служить образцомъ строгой добродѣтели. Она считалась другомъ патера Линьера и усердной посѣтительницей всѣхъ молитвенныхъ

бесѣдъ и собраній. Возносясь молитвами къ Богу, она съ полнѣйшимъ чистосердечіемъ молила небо ниспослать всевозможныя несчастія на голову маркизы де-Помпадуръ, и еслибъ хоть часть ея молитвъ была услышана, то бѣдную маркизу давно бы истребилъ огненный и сѣрный дождь, упавшій съ небесъ.

Герцогиня удалялась отъ двора, но все таки она не рѣшалась совершенно оставить Версаль,—средоточіе интересовъ и интригъ придворной жизни. Въ ея отелѣ, прежде всегда наполненномъ лучшимъ и веселымъ обществомъ, теперь царствовала глубокая тишина, и двери отворялись только для патера Линьера, других членовъ ордена и для старыхъ дамъ, согласныхъ въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ съ герцогиней де-Гимене.

Луиза де-Бомонтъ чувствовала себя очень несчастливой въ блестящемъ отелѣ своей тетки. Конечно разговоры этого скучнаго и однообразнаго общества не могли имѣть интереса для семнадцатилѣтней дѣвушки. Дѣтство свое она провела въ маленькомъ, скромномъ, но прелестномъ замкѣ, расположенномъ на солнечномъ берегу Гаронны, пользуясь полной свободой и радостями ребенка. Отецъ Луизы училъ ее молиться, когда ей было не болѣе двухъ лѣтъ, и съ какимъ восторгомъ повторяла крошка священныя слова, прислушиваясь къ звону колоколовъ сосѣдней церкви. И какъ не похожи были эти молитвы на молитвы ея тетки герцогини! Отъ этихъ послѣднихъ молитвъ грудь Луизы сжимается, необъяснимый страхъ наполняетъ сердце, и губы упорно отказываются вторить голосу тетки.

Луиза де-Бомонтъ была средняго роста, но замѣчательно хорошо сложена; весь станъ ея дышалъ граціей и нѣжностью, движенія—мягкостью и гибкостью, а лицо напоминало правильностью очертаній статую, выточенную изъ слоновой кости, тогда какъ большіе темные глаза, осѣненные длинными шелковистыми рѣсницами, бросали огненный южный взглядъ, нѣсколько умѣрявшійся выраженіемъ милаго лукавства. Темнокаштановые волосы

Луизы были покрыты легкимъ слоемъ пудры, наложеннымъ какъ будто для того, чтобъ сохранить подольше это драгоцѣнное украшеніе.

Въ описываемое утро Луиза де-Бомонтъ сидѣла одна въ гостиной своей тетки, занимаясь вышиваніемъ. Отъ времени до времени она оставляла работу на колѣняхъ и мечтала. Глаза ея попеременно то съ дѣтскимъ упрямствомъ, то съ тихою грустью, останавливались на гирляндахъ цвѣтовъ, обвивавшихъ статуи богинь, разставленныхъ по залѣ.

Вдругъ тяжелая шелковая портьера, приподнялась, и какой-то молодой человѣкъ робко заглянулъ въ комнату. На видъ этому юношѣ было не болѣе двадцати или двадцати двухъ лѣтъ. Онъ носилъ элегантную форму сѣрыхъ мушкетеровъ королевскаго корпуса, съ шпагою съ золотымъ эфесомъ на боку; на тонкихъ, гибкихъ рукахъ молодаго человѣка были надѣты длинные нарукавники снѣжной бѣлизны, шляпа съ бѣлымъ перомъ дополняла нарядъ юноши. Черты лица его были правильны, а дерзкое выраженіе верхней вздернутой губы умѣрялось глубокимъ задумчивымъ взглядомъ чудныхъ голубыхъ глазъ. Въ этихъ глазахъ соединялась робость ребенка съ своеволіемъ пажа и храбростью солдата. Вся фигура юноши проникалась очарованіемъ, которое всегда распространяетъ вокругъ себя молодость; голосъ и манеры показывали знатное происхожденіе и хорошее воспитаніе.

Молодой человѣкъ, заглядывавшій съ нетерпѣніемъ въ комнату и искренно обрадовавшійся увидѣть Луизу одну, былъ шевалье Гастонъ де-Орины, начальникъ сѣрыхъ мушкетеровъ королевскаго корпуса, тогда еще существовавшаго и позднѣе уничтоженнаго, не смотря на совѣты Фридриха Великаго, Лудовикомъ XVI. Этотъ несчастный король вполнѣ довѣрился національной гвардіи, предавшей его революціи.

Гастонъ—младшій сынъ бѣднаго, но знатнаго дворянина, соотечественникъ и товарищъ дѣтскихъ игръ Луизы

де-Вомонтъ. Семейство Ориньи находилось въ давнишнихъ традиціонныхъ отношеніяхъ съ домомъ герцогини, вслѣдствіе чего Гастонъ и принадлежалъ къ числу немногочисленныхъ знакомыхъ герцогини де-Гимене. Молодой и веселый офицеръ конечно не сталъ бы посѣщать скучныхъ и монотонныхъ собраній герцогини, еслибъ не встрѣчалъ тамъ подругу дѣтства, предметъ любви. Являясь въ солонъ герцогини, Гастонъ долженъ былъ притворяться благочестивымъ, обманывать старуху, принимавшую частые визиты юноши за явное доказательство его молитвеннаго настроенія. Это обстоятельство благопріятствовало молодымъ людямъ, улучавшимъ всегда нѣсколько минутъ для разговора наединѣ.

Увидѣвъ Луизу одну, Гастонъ поспѣшно вышелъ изъ за портьеры, опустившейся позади его, и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, сказалъ:

— Луиза, моя дорогая Луиза, вы одни,—какое счастіе!

Луиза, услышавъ шумъ шаговъ молодаго человѣка и звукъ его голоса, быстро вскочила съ мѣста и, протягивая обѣ руки Гастону, съ восхитительной улыбкой отвѣчала:

— Гастонъ, вы здѣсь? Какъ это вы пришли сюда въ такое время?

— Я не занятъ сегодня цѣлое утро,—возразилъ юноша, цѣлуя ея руку—и пришелъ сюда въ надеждѣ издали взглянуть на васъ. Счастливая звѣзда доставила мнѣ случай застать васъ одну, а намъ такъ рѣдко удается поговорить по душѣ!

— Герцогиня сейчасъ придетъ,—сказала Луиза, выдергивая свою руку изъ рукъ Гастона;—обѣдня ужъ кончилась и если тетка, вернувшись, найдетъ васъ здѣсь, она очень разсердится. Меня оставили дома въ наказаніе за то, что я была недовольно внимательна за ранней обѣдней и слишкомъ часто смотрѣла въ ту сторону, гдѣ стоялъ на колѣняхъ одинъ извѣстный мнѣ мушкетеръ...

Говоря это, Луиза бросила плутовской взглядъ на Гастона и вслѣдъ затѣмъ тотчасъ же опустила глазки.

— Какъ, вскричалъ Гастонъ, я виновникъ вашего наказанія! Позвольте же мнѣ раздѣлить его съ вами. Уединеніе вдвоемъ вѣрно не покажется намъ тяжолымъ.

Онъ подвелъ Луизу къ креслу, а самъ, принесъ изъ другой комнаты табуретъ, сѣлъ у ея ногъ.

— Я буду стараться подвергать васъ наказанію, какъ можно чаще, если вы только позволите мнѣ приходить каждый разъ къ вамъ, говорилъ Гастонъ, прижимаясь губами къ ручкѣ молодой дѣвушки.

— Вы все шутите, Гастонъ, сказала Луиза, а я очень боюсь; еслибъ моя тетка замѣтила хоть что нибудь, она запретила бы вамъ бывать здѣсь. Вы знаете, если я только посмотрю на молодаго человѣка, продолжала дѣвушка, такъ тетка считаетъ это за преступленіе. Я страшно боюсь, какъ бы она не узнала о нашей любви, и тогда...

— Что-жъ будетъ тогда? спросилъ Гастонъ, гладя руку Луизы.

— Ахъ, вскричала Луиза, пугливо осматриваясь кругомъ. Я никакъ не могу понять, зачѣмъ тетка такъ настаиваетъ на моемъ поступленіи въ монастырь. Прежде я объясняла это заботливостью о спасеніи моей души, но теперь я убѣдилась...

— Въ чемъ вы убѣдились? перебилъ нетерпѣливо Гастонъ, смотря съ испугомъ въ лицо молодой дѣвушки.

— Нѣсколько дней тому назадъ, продолжала Луиза, опуская глаза подъ взглядомъ молодаго человѣка, я сидѣла въ оранжереѣ за деревьями, а тетка моя гуляла въ рощѣ съ патеромъ Линьеромъ, къ которому она имѣетъ полное, неограниченное довѣріе...

— Ну и что-жъ? сказалъ Гастонъ, начиная сильно безпокоиться.

— Патеръ говорилъ строго съ моей теткой и требовалъ, чтобъ къ концу этого года я непремѣнно поступила въ монастырь св. Урсулы.

— Зачѣмъ это? спросилъ запальчиво Гастонъ.

— Насколько я могла понять изъ разговора, сказала

Луиза, тетка обѣщала предоставить свое состояніе послѣ смерти въ пользу ордена Іисуса. Патеръ боится, чтобъ я, какъ ближайшая родственница и наслѣдница тетки, выйдя за мужъ, не предъявила бы своихъ правъ на наслѣдство. Запрятавъ же меня въ монастырь, имъ будетъ очень легко завладѣть состояніемъ герцогини, которая надѣется пожертвованіемъ мірскихъ благъ купить себѣ царство небесное.

— О эти благочестивые патеры!—воскликнулъ Гастонъ съ ожесточеніемъ,—какъ они щедро расточаютъ свои заботы о спасеніи души за золото. А герцогиня тридцать лѣтъ тому назадъ сама думала иначе; но, моя дорогая Луиза, не безпокойтесь, прибавилъ весело Гастонъ, мнѣ кажется, часъ нашего счастія близокъ. Я не богатъ и вы не богаты, но мы постараемся устроить все такъ, чтобъ не разсчитывать на состояніе герцогини. Я нашелъ могущественное покровительство..,

— Покровительство? спросила удивленно Луиза.

— Вѣрнѣе сказать покровительницу, продолжалъ Гастонъ. Маркиза де Помпадуръ старается выразить при всякомъ удобномъ случаѣ свое расположеніе ко мнѣ; она даетъ мнѣ маленькія порученія и даже въ послѣдній разъ интересовалась моими планами насчетъ будущаго.

— Маркиза де Помпадуръ,—проговорила Луиза недовольнымъ тономъ.

— Ну да, маркиза, знаете ли вы покровительницу могущественнѣе ея?

— О ней такъ много говорятъ дурнаго,—замѣтила тихо Луиза,—герцогиня ежедневно молится, чтобъ кара небесная постигла маркизу. Она любовница короля,—прибавила Луиза, покраснѣвъ.

— Моя дорогая Луиза,—прервалъ ея Гастонъ, не будемъ всматриваться въ золотое облако, окружающее короля; искры, сверкающія оттуда, могутъ ослѣпить обыкновеннаго смертнаго и уничтожить всякаго, кто къ нимъ неосторожно приблизится. Что до меня касается, то я

очень радъ, что такая вліятельная придворная дама, какъ маркиза, выказала мнѣ расположеніе и даже позволила обращаться къ ней съ просьбою. При первомъ случаѣ я испрошу ходатайства маркизы о назначеніи меня начальникомъ какого нибудь полка въ провинціи. Тамъ, получая жалованье и маленькіе доходы съ имѣнія, мы можемъ устроиться, и тогда, моя дорогая Луиза, вы будете моей женой, если только согласитесь покинуть Версаль съ его блестящими залами и безчисленными галлереями. Говоря это, Гастонъ смотрѣлъ съ любовью въ глаза дѣвушки.

— Ахъ, я готова хоть сей часъ же уѣхать отсюда, вскричала Луиза съ дѣтскою наивностью; я чувствую себя здѣсь совершенно какъ птичка въ золотой клѣткѣ! И меня также занимали подобныя же мысли, добавила Луиза;—и я нашла себѣ могущественнаго покровителя, на котораго возлагаю большія надежды.

— Вы, покровителя? возразилъ Гастонъ,—и такого же вліятельнаго, какъ маркиза?

— Мой покровитель пользуется еще большимъ могуществомъ, сказала Луиза, краснѣя.—Король нѣсколько разъ говорилъ со мною и съ герцогиней, былъ какъ-то особенно любезенъ и милостивъ ко мнѣ..

— Король? спросилъ Гастонъ, задумчиво опуская глаза.

— Недавно я встрѣтила его въ галлереѣ разговаривающаго съ моей теткой, продолжала Луиза, и король сказалъ мнѣ, что если я имѣю какое нибудь желаніе, то должна обратиться къ нему. Какъ только я соберусь съ силами, я испрошу согласія его величества на нашъ бракъ.

— Моя дорогая Луиза, возразилъ Гастонъ въ смущеніи, конечно это очень счастливое обстоятельство, но не... Вы не должны придавать особеннаго значенія словамъ короля; его величество осаждаютъ со всѣхъ сторонъ различными просьбами, и потому онъ легко можетъ о васъ забыть. Предоставьте лучше все устроить мнѣ одному.

Луиза была очень удивлена, отчего сообщенное ею извѣстіе вызвало неудовольствія со стороны жениха. Но она не успѣла еще сказать ни слова, какъ портьера распахнулась и вошедшій лакей доложилъ о пріѣздѣ герцога Ришелье.

Герцогу было тогда уже за шестьдесятъ лѣтъ, но выраженіе его красиваго и вмѣстѣ съ тѣмъ хитраго и гордаго лица, гибкая и стройная фигура дѣлали герцога моложе своихъ лѣтъ. Онъ въ своей молодости постоянно интриговалъ, и даже противъ самого короля Людовика XIV, заключавшаго его два раза въ Бастилію, куда принцессы приносили герцогу горячіе пастеты и конфекты. Теперь герцогъ находился въ явной оппозиціи противъ правительства, а главнымъ образомъ противъ герцога Шуазеля, по милости котораго отнято было отъ Ришелье начальство надъ войскомъ за то, что, наскучивъ продолжительными военными дѣйствіями, Ришелье вмѣсто полнаго уничтоженія англо-ганноверскаго войска герцога Кумберландскаго, предпочелъ взять его на капитуляцію при монастырѣ Севенъ. Отозванный отъ войска, Ришелье желалъ получить постъ посланника въ Вѣнѣ, но правительство и въ этомъ отказало ему. Такимъ образомъ герцогъ долженъ былъ возвратиться въ Версаль, озлобленный на правительство, неумѣвшее оцѣнить его. Получивъ большія контрибуціи съ ганноверцевъ, герцогъ построилъ на одномъ изъ бульваровъ Парижа прекрасный, маленькій дворецъ, существующій и по настоящее время и извѣстный подъ именемъ Ганноверскаго Павильона. Теперь его употребляютъ только для промышленныхъ цѣлей, въ то же время Ришелье занимался въ немъ строгимъ анализомъ правительственныхъ указовъ и распоряженій, немилосердно ихъ критикуя и, не смотря на то, продолжая льстить королю, къ которому по воспоминаніямъ счастливыхъ лѣтъ юности имѣлъ нѣкоторую слабость.

При видѣ герцога, одѣтаго въ форму маршала Франціи съ голубой лентой Св. Духа чрезъ плечо и крестомъ Людовика на груди, Гастонъ всталъ съ мѣста и оста-

новился позади кресла Луизы. Ришелье бросилъ быстрый, проницательный взглядъ на молодаго офицера и покраснѣвшую дѣвушку. Затѣмъ, подходя къ креслу легкими, едва слышными шагами, онъ почтительно поклонился Луизѣ де-Бомонтъ.

— Я пришелъ узнать о здоровьѣ ея сіятельства герцогини, сказалъ Ришелье звучнымъ, но по привычкѣ придворнаго, пониженнымъ голосомъ. Такъ какъ мнѣ не посчастливилось застать дома герцогиню, то единственнымъ утѣшеніемъ для меня служитъ радость видѣть ея прелестную племянницу, продолжалъ герцогъ, любезно цѣлуя руку Луизы. Вы становитесь съ каждымъ днемъ все прелестнѣе! Вы—свѣжій, едва распустившійся бутонъ среди обветшалыхъ и полинялыхъ цвѣтовъ нашей придворной атмосферы.

— Герцогиня у обѣдни, отвѣчала съ смущеніемъ Луиза; я жду ея возвращенія каждую минуту.

— Мнѣ бы очень пріятно было остаться здѣсь, въ ожиданіи герцогини провести хотя нѣсколько минутъ въ вашемъ пріятномъ обществѣ, проговорилъ герцогъ. При этомъ онъ бросилъ надмѣнный и вопросительный взглядъ на Гастона де-Ориньи.

Луиза, замѣтивъ этотъ взглядъ, торопливо проговорила:

— Честь имѣю представить господину герцогу шевалье де-Ориньи, которому покровительствуетъ моя тетка герцогиня.

Ришелье кивнулъ слегка головою и смѣрилъ молодаго человѣка испытующимъ взглядомъ; Гастонъ отвѣчалъ герцогу глубокимъ поклономъ, а затѣмъ, наклонившись къ Луизѣ, сказалъ:

— Будьте такъ добры, m-lle, передать герцогинѣ мое глубочайшее почтеніе и сожалѣніе, что не засталъ дома ея сіятельства. Честь имѣю кланяться господину герцогу. Онъ поклонился съ достоинствомъ Ришелье и вышелъ.

— Я никогда не видалъ этого молодаго человѣка, сказалъ герцогъ. Бываетъ онъ часто у герцогини?

— Не очень часто, отвѣчала Луиза, еще не совсѣмъ оправившись отъ смущенія; служба отнимаетъ у него много времени; это другъ моего дѣтства; герцогиня его очень любитъ. Мы часто болтаемъ вмѣстѣ о нашемъ дѣтствѣ.

— Голосъ его звучитъ искренно и довѣрчиво въ разговорѣ съ вами, замѣтилъ герцогъ съ веселой и добродушной миной, которую онъ такъ хорошо умѣлъ принимать на себя. Вы должны остерегаться, можно подумать много дурнаго. Вы ужъ больше не дѣти...

— Ахъ, Боже мой! вскричала Луиза,—чтожъ можно тутъ думать дурнаго, если молодая дѣвушка разговариваетъ съ другомъ своей тетки и вспоминаетъ съ нимъ свое дѣтство.

— Конечно, очень похвально любить своихъ друзей, сказалъ Ришелье, смѣясь, но положеніе вещей измѣняется съ годами, m-lle, когда мальчики становятся взрослыми молодыми людьми и служатъ въ отрядѣ сѣрыхъ мушкетеровъ его величества. Дѣвушка въ вашемъ положеніи и съ вашей красотой должна забыть своихъ прежнихъ друзей и думать только о блескѣ и величіи, ожидающихъ ея въ будущемъ.

Луиза пугливо взглянула на герцога и, протягивая къ нему руку, прошептала съ глазами полными слезъ:

— Умоляю васъ, герцогъ, не говорите ничего моей теткѣ,—она запретитъ Гастону бывать здѣсь, а это будетъ для меня... для него, поправилась поспѣшно Луиза, большимъ горемъ.

— Не безпокойтесь ни о чемъ, милое дитя, сказалъ Ришелье, повидимому чистосердечно. Я не принадлежу къ числу нескромныхъ людей, а только позволилъ себѣ дать вамъ совѣтъ опытнаго человѣка. Довѣрьтесь мнѣ и будьте увѣрены, что подъ моимъ покровительствомъ вы всегда найдете истинное счастіе.

Сконфуженная дѣвушка не замѣтила довольнаго взгляда, брошеннаго на нее герцогомъ. Взглядъ этотъ прямо говорилъ объ удовольствіи держать въ рукахъ нити ея

тайны, и имѣть возможность запутать ее въ сѣти, если только это обстоятельство когда нибудь можетъ послужить къ достиженію задуманной имъ цѣли.

Лакей распахнулъ настежъ двери гостиной. Вошла герцогиня. Не смотря на то, что она стояла нѣсколько часовъ на колѣняхъ предъ алтаремъ, въ движеніяхъ ея не было замѣтно ни малѣйшей усталости; напротивъ, герцогиня казалась болѣе сильною и энергичною, чѣмъ когда нибудь. Правильныя, но поблекшія черты герцогини сохраняли слѣды прежней красоты. Напудренные волосы придавали особенный блескъ глазамъ, но взглядъ ея былъ недобрый, пронзительный, какъ будто герцогиня хотѣла проникнуть въ самыя затаенныя мысли того, съ кѣмъ говорила.

Одѣтая вся въ черномъ, герцогиня въ рукахъ держала, вѣнокъ изъ розъ и молитвенникъ. При входѣ въ комнату она была очень удивлена присутствіемъ герцога Ришелье, не принадлежавшаго къ числу ея обыкновенныхъ посѣтителей.

Герцогъ съ самымъ простодушнымъ видомъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу герцогини и, подойдя къ ней, почтительно поцѣловалъ ея руку, между тѣмъ какъ Луиза взяла изъ рукъ тетки мантилью и молитвенникъ.

— Я желалъ васъ видѣть, герцогиня, сказалъ Ришелье низко кланяясь, засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе и нѣсколько напомнить вамъ о себѣ.

Герцогиня приняла это привѣтствіе довольно холодно, и отвѣтивъ легкимъ наклоніемъ головы, тотчасъ же опустилась въ кресло.

— Поди въ твою комнату, мое дитя, сказала она Луизѣ, и почитай ту книгу, которую я дала тебѣ. Надѣюсь, твои мысли, немного разстроенныя вчера, теперь совершенно пришли въ порядокъ.

— Я засталъ m-elle Луизу, занятою благочестивыми мыслями о вѣчности и погруженною въ созерцаніе самого Бога, сказалъ герцогъ чистосердечнымъ

тономъ, бросивъ украдкой лукавый взглядъ на молодую дѣвушку, стоявшую позади тетки. Я счелъ за обязанность развлечь вашу племянницу, представивъ ей, что такая молодая дѣвушка, какъ она, не должна слишкомъ предаваться своимъ мыслямъ и чуждаться свѣта; она молода и успѣетъ еще примириться съ небомъ; вотъ такимъ старикамъ, какъ мы, т. е. какъ я, поправился герцогъ, замѣтивъ строгій взглядъ герцогини, пора думать о покаяніи.

Луиза покраснѣла и, удаляясь изъ комнаты, сдѣлала умоляющій жестъ герцогу.

— Молодая дѣвушка никогда не можетъ достаточно думать о небѣ, сказала глубокомысленно герцогиня. Молодость проходитъ такъ скоро...

— Это она знаетъ лучше тебя, подумалъ герцогъ, смотря вслѣдъ удалявшейся Луизѣ, и радуясь сдѣланному имъ открытію. Ришелье и герцогиня остались одни.

ГЛАВА III.

Ришелье выдвинулъ табуретъ, сѣлъ возлѣ герцогини и взялъ на себя мину благочестиваго сокрушенія.

— Вы были у обѣдни, герцогиня, сказалъ онъ, надѣюсь помолились также и за меня.

— Прошу не насмѣхаться, отвѣчала герцогиня строго и холодно. Я молюсь за тѣхъ, которые заблудились и желаютъ возвратиться на путь истинный, а принадлежите ли вы къ ихъ числу, объ этомъ вы сами должны знать лучше всѣхъ.

— Я нисколько не смѣюсь, герцогиня, замѣтилъ Ришелье со вздохомъ. Чѣмъ старше я становлюсь, тѣмъ болѣе я стараюсь попасть на настоящій путь, ведущій въ царство небесное, и отъ котораго я такъ долго уклонялся. Теперь ужъ во мнѣ нѣтъ легкомыслія, напротивъ, я только и думаю о государствѣ, о благѣ Франціи и

главнымъ образомъ о церкви, такъ какъ отъ нея зависитъ все.

Говоря это, онъ незамѣтно бросилъ хитрый взглядъ на герцогиню.

— Вы думаете о церкви? спросила герцогиня съ удивленіемъ и насмѣшкой.

— Да, герцогиня, я думаю о ней часто и серьезно, отвѣчалъ Ришелье. Въ настоящую минуту меня, главнымъ образомъ, занимаетъ мысль оказать услугу церкви и всей Франціи.

Герцогиня покачала головой и недовѣрчиво пожала плечами. Видно было, что она сомнѣвалась въ услугѣ, которую могъ оказать Франціи маршалъ—человѣкъ легкомысленный и скептикъ.

— Человѣкъ моего имени, продолжалъ спокойно Ришелье, наблюдая за герцогиней, не долженъ жить одними свѣтскими наслажденіями; послѣ долгаго размышленія я пришелъ къ тому убѣжденію, что Франція на пути къ погибели: внутри государства безвѣріе, распространенное въ обществѣ, ведетъ къ разрушенію; извнѣ государства наше могущество низко упало, благодаря Шуазелю.

— Шуазелю? спросила внимательно герцогиня,—что такое съ нимъ случилось?

— Этотъ Шуазель, продолжалъ Ришелье, креатура маркизы де-Помпадуръ.

— Которая была вашей пріятельницей, замѣтила съ ѣдкой насмѣшкой герцогиня, или, можетъ быть, вы до сихъ поръ въ дружбѣ съ нею.

— Нѣтъ, герцогиня, она была моей пріятельницей, но съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ какой голосъ она имѣетъ въ управленіи Франціею, я не могу быть ея другомъ. Я себя хорошо поставилъ въ отношеніи къ ней; я хотѣлъ командовать войсками, сохранить честь французскаго оружія и сдѣлалъ уже все, что было возможно для этого, но не забывайте, герцогиня, сказалъ герцогъ съ самодовольной миной, которую онъ такъ хорошо умѣлъ

принимать на себя во время спора,—я наслѣдникъ великаго кардинала, основавшаго величіе Франціи на могуществѣ церкви.

— Ну, что-же Шуазель? прервала нетерпѣливо графиня. Вы говорили о Шуазелѣ?

Герцогъ наклонился къ самому уху герцогини и прошепталъ:

— Шуазель долженъ быть свергнутъ.

— Вы говорите это серьёзно? спросила живо герцогиня, смотря своими проницательными глазами прямо въ лицо маршалу.

— Это моя первая забота въ настоящее время.

— Если вами руководятъ серьёзныя причины, замѣтила тономъ сомнѣнія герцогиня, а не мимолетныя прихоти, которыхъ также у васъ не мало, то тогда...

— Я всей душой этого желаю, заговорилъ герцогъ посвѣшно, опираясь на ручку кресла герцогини, такъ какъ—самъ хочу быть преемникомъ Шуазеля. Имя Ришелье слишкомъ знаменито, прибавилъ герцогъ, закидывая голову къ верху, оно можетъ спасти во второй разъ Францію и возвратить ей прежній блескъ и могущество.

— Въ такомъ случаѣ мы союзники, замѣтила герцогиня; хотя я никому не говорила о моихъ чувствахъ къ Шуазелю, но не менѣе того я чувствую къ нему глубокую ненависть за то, что онъ презираетъ церковь, покровительствуетъ философамъ и ведетъ Францію къ гибели.

Она протянула руку герцогу, которую тотъ прижалъ къ губамъ.

— Противъ нашего союза онъ не въ состояніи противустоять, сказалъ герцогъ съ легкимъ оттѣнкомъ насмѣшки, за насъ будетъ небо, а кто вступится за него?

— Вы все такой же, какъ и прежде, замѣтила съ неудовольствіемъ герцогиня, шутите о самыхъ серьёзныхъ вещахъ; я по крайней мѣрѣ считаю сверженіе Шуазеля важнымъ дѣломъ; уже многіе пытались сдѣлать это, но всѣ ихъ старанія оставались безуспѣшными.

— Никто не могъ освободиться отъ могущественнаго вліянія герцога, отвѣтилъ Ришелье; положеніе Шуазеля зависитъ отъ маркизы де Помпадуръ и до тѣхъ поръ, пока она будетъ любовницей короля, Шуазель останется всемогущимъ министромъ.

— Вамъ, знающему дворъ лучше меня, возразила герцогиня, должно быть извѣстно, что маркиза, какъ волшебница, опутала короля и что свергнуть ее рѣшительно невозможно.

— Не свергнуть, герцогиня, а замѣнить...

— Можно ли это? спросила герцогиня,—маркиза завладѣла и умомъ и сердцемъ короля, да и къ тому же, чтобы мы выиграли, еслибъ и нашли кого нибудь? Мы бы предоставили судьбу Франціи случаю, или капризу новой куртизанки и болѣе ничего.

— Не надо предоставлять игру случаю, отвѣтилъ герцогъ спокойно, не смутившись отъ взгляда герцогини, мы должны найти такую женщину, которая сумѣла бы расположить къ себѣ короля и пріобрѣсти вліяніе надъ нимъ. Мнѣ кажется, для этой цѣли нужно выбрать дѣвушку молодую, красивую, незнакомую съ интригами придворной жизни; тогда намъ будетъ легко подчинить ее нашей волѣ и руководить всѣми ея дѣйствіями.

Герцогиня слушала Ришелье съ блестящими отъ удовольствія глазами, но черезъ нѣсколько минутъ лицо ея приняло выраженіе благочестиваго размышленія и она сказала:

— Я не знаю будетъ ли согласоваться такой поступокъ съ религіей и совѣстью, я должна спросить объ этомъ моего духовника.

— Патера Линьера? быстро прервалъ ея Ришелье, который, казалось, все предвидѣлъ и ко всему приготовился. Благочестивый патеръ Линьеръ будетъ въ восторгѣ отъ нашего плана. Высокое и благородное стремленіе къ возвышенной цѣли оправдаетъ всѣ средства, какія бы мы не употребили!

— Но гдѣ найдемъ мы такую дѣвушку,—и если най-

демъ, то согласится ли она подчиниться нашему вліянію? сказала герцогиня, примирившись съ совѣстью.

— Въ настоящемъ случаѣ, герцогиня, заговорилъ Ришелье, подымая руки къ верху, само небо приходитъ намъ на помощь. Я отыскалъ такую женщину!

— Вы отыскали? гдѣ?

Ришелье осмотрѣлся кругомъ, потомъ, понизивъ голосъ до шопота, сказалъ на ухо герцогини:

— Дожидаясь васъ здѣсь, герцогиня, я имѣлъ случай любоваться чарующей красотой и восхитительной свѣжестью Луизы де Бомонтъ...

— Моя племянница? воскликнула герцогиня въ удивленіи,—это деревенское дитя, неопытное и совершенно несвѣдующее въ свѣтскихъ отношеніяхъ, какъ могли вы на нее расчитывать? Нѣтъ, это невозможно!

— Это такъ мало невозможно, герцогиня, отвѣчалъ Ришелье, замѣтивъ подъ видомъ удивленія внутреннее довольство герцогини, что его величество уже интересовался вашей племянницей и говорилъ о ней съ большимъ восхищеніемъ. Достаточно подложить маленькую искорку къ его легко воспламѣняющемуся сердцу и вспыхнетъ яркое пламя.

— Подложить эту искорку—мое дѣло.

Ришелье слѣдилъ за всѣми движеніями благочестивой и высоконравственной герцогини, дрожавшей отъ радостнаго волненія.

Помолчавъ немного, герцогиня сомнительнымъ тономъ сказала:

— Вы очень торопите меня, герцогъ, можетъ быть его величество только...

— Его величество, прервалъ ея Ришелье, былъ восхищенъ, очарованъ, остальное сдѣлается само собою.

— Но вы знаете, замѣтила герцогиня, какъ чистосердечна и наивна моя Луиза. Она совершенное дитя еще. И на ней вы основываете такіе серьёзные планы? Мнѣ кажется фундаментъ окажется ненадежнымъ.

— Чѣмъ независимѣе и свободнѣе духъ молодой дѣ-

вушки, продолжалъ неутомимый герцогъ, и чѣмъ больше ей чужды честолюбіе и интриги придворной жизни, тѣмъ меньше ей можетъ придти въ голову мысль играть какую нибудь роль при дворѣ. Если ей удастся завладѣть сердцемъ короля, то наше дѣло будетъ руководить ея умомъ и поступками.

Герцогиня встала съ мѣста, и раздумывая надъ словами герцога, начала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Ришелье тоже поднялся съ мѣста, и опершись на ручку кресла, слѣдилъ глазами за герцогиней.

— Вы меня очень удивили, герцогъ, сказала она наконецъ; весь вашъ разговоръ такая неожиданность для меня, что я до сихъ поръ не могу опомниться. Я забочусь о моей племянницѣ и я же должна ею пожертвовать.

— Пожертвовать,—да такую жертву сколько придворныхъ дамъ сочли бы за счастіе! Къ тому жъ, герцогиня, продолжалъ Ришелье, понижая голосъ, развѣ есть такая жертва, на которую трудно было бы согласиться ради блага Франціи и торжества церкви?

— Я предоставляю это дѣло вашему усмотрѣнію и вы будете отвѣчать за него передъ Богомъ. Мои помыслы чисты и я не сдѣлаю ни шагу, не посовѣтовавшись съ духовникомъ, такъ какъ моя племянница посвящена Богу и назначена къ поступленію въ монастырь.

— Патеръ Десмаретсъ, замѣтилъ Ришелье, совершенно основательно находитъ, что ваша племянница можетъ больше угодить Богу, оказавъ важную услугу государству, чѣмъ забившись въ монастырѣ. Что же касается до отвѣтственности, продолжалъ Ришелье веселымъ тономъ, то я охотно беру ее на себя, моя совѣсть отличается замѣчательной эластичностью и упругостью.

— Герцогъ, что вы говорите! сказала съ упрекомъ герцогиня.

— Къ несчастью я слишкомъ много грѣшилъ въ мою жизнь, сказалъ серьезно герцогъ, вспоминая мое прошлое, я прихожу къ тому убѣжденію, что однимъ грѣхомъ больше или меньше право все равно.

Итакъ ваша совѣсть останется чистою и безпорочною, герцогиня. Вы позволяете мнѣ дѣйствовать?

— Кающимся и возвратившимся на истинный путь многое простится, проговорила съ чувствомъ герцогиня. Но, герцогъ, прибавила она, снова оживляясь, вамъ будетъ не легко съ моей племянницей; у нея такія сумасбродныя, совершенно деревенскія понятія о придворной жизни. Конечно король—глава могущества, къ тому же ея сердце свободно.

«Объ этомъ я знаю лучше тебя», подумалъ Ришелье. «Къ счастію этого сѣраго мушкетера легко будетъ удалить».

— Вы такъ давно не показывались при дворѣ, продолжалъ герцогъ; сегодня послѣ совѣта будетъ большой выходъ изъ дворца короля въ церковь, пріѣзжайте туда съ вашей племянницей.

— Я ненавижу дворъ, отвѣтила герцогиня, съ тѣхъ поръ, какъ тамъ царствуетъ Шуазель.

— Скоро онъ исчезнетъ, воскликнулъ увѣренно Ришелье, а мы, герцогиня, мы будемъ господствовать при дворѣ! Прошу васъ, присутствуйте сегодня съ вашей племянницей при выходѣ короля изъ дворца, а объ остальномъ я позабочусь.

— Я должна буду видѣть тамъ эту ненавистную мнѣ маркизу и Шуазеля, замѣтила герцогиня съ отвращеніемъ...

— Всѣ они будутъ скоро нами свергнуты, сказалъ Ришелье, для блага Франціи и торжества церкви!

— Я буду на выходѣ, если мой духовникъ мнѣ позволитъ, сказала наконецъ рѣшительно герцогиня.

— Патеръ Десмаретсъ желаетъ видѣть ея сіятельство, доложилъ лакей, стоя въ дверяхъ гостиной.

— Онъ пришелъ, какъ разъ во время, замѣтилъ Ришелье, протягивая руку герцогини и подводя ее къ дверямъ внутреннихъ комнатъ. Теперь, герцогиня, я ухожу, заняться своимъ дѣломъ, а съ патеромъ посовѣтуюсь послѣ; онъ будетъ въ восхищеніи отъ моего плана, я въ

этомъ увѣренъ. Ришелье почтительно поцѣловалъ руку герцогини и вышелъ.

— Смотрите, герцогъ Шуазель, будьте осторожны, говорилъ Ришелье самъ съ собою торжествующимъ тономъ, я держу въ рукѣ карту, которая разобьетъ всю вашу игру. Вашъ союзъ съ Австріей могъ состояться только при поддержкѣ сильной руки Ришелье. Вы не хотѣли сдѣлать меня посланникомъ, — сдѣлаете министромъ.

Гордый, сіяющій, и съ легкостью юноши вскочилъ герцогъ въ свою позолоченую коляску и крикнулъ кучеру ѣхать во дворецъ короля.

Герцогиня вошла въ свой кабинетъ, въ которомъ, кромѣ роскошной мебели и разныхъ вещицъ, стоялъ деревянный аналой. Патеръ Десмаретсъ былъ однимъ изъ ревностныхъ членовъ общества, называвшихъ себя вѣрными слугами отечества и закоренѣлыми врагами министра и маркизы де-Помпадуръ.

Патеръ Десмаретсъ—молодой человѣкъ, высокаго роста и хорошо сложенный; лицо его было довольно красиво и производило пріятное впечатлѣніе, какъ на молодыхъ, такъ и на старыхъ придворныхъ дамъ. На губахъ его играла мягкая улыбка, а темные большіе глаза, большею частью опущенные въ землю, рѣдко прямо смотрѣли на кого-нибудь. Герцогиня, слишкомъ взволнованная, забыла состроить благочестивое и смиренное выраженіе при встрѣчѣ съ патеромъ, какъ это она дѣлала всегда.

Безъ дальнихъ околичностей разсказала она патеру свой разговоръ съ Ришелье, и потомъ спросила, можетъ ли она согласиться на предложеніе герцога, не принимая тяжелаго грѣха на свою совѣсть. Патеръ все время внимательно слушалъ герцогиню, скрестивъ бѣлыя и пухлыя руки на груди.

— Конечно, сказалъ онъ наконецъ, выждавъ окончанія рѣчи герцогини, по правиламъ обыкновенной морали можно назвать грѣхомъ то, что должна будетъ сдѣлать ваша племянница, но если отъ этого зависятъ счастіе нѣсколькихъ тысячъ людей, благо госу-

дарства и защита священныхъ правъ церкви, то тогда необходимо взглянуть на вашъ планъ съ высшей точки зрѣнія. Что можно считать за грѣхъ въ обыкновенныхъ условіяхъ жизни, то въ настоящемъ случаѣ будетъ великой заслугой. Никакое дѣло по существу не можетъ быть добрымъ или злымъ; все зависитъ отъ цѣли и намѣренія, съ которымъ мы совершаемъ извѣстный поступокъ. Если мы трудимся съ доброю цѣлью, то дѣло наше будетъ угодно Богу, еслибъ даже оно нѣсколько и противорѣчило правиламъ обыкновенной морали.

Герцогиня задумчиво наклонила голову.

— Но вы сами требовали, сказала она, чтобъ я отдала мою племянницу въ монастырь, такъ какъ только тогда она потеряла бы право на наслѣдство, и я могла бы вполнѣ посвятить свое имущество церкви. Заслуга—пожертвовать земными благами церкви, избавила бы меня отъ отвѣта за мои грѣхи передъ Богомъ.

— Не тревожьтесь, герцогиня, возразилъ убѣдительно патеръ, если ваша племянница будетъ стоять на ступеняхъ трона, то она будетъ владѣть сокровищами міра въ излишествѣ и будетъ считать ваше наслѣдство за ничто. Да наконецъ, еслибъ она и потребовала свою долю, то ваша заслуга, герцогиня, во всякомъ случаѣ не уменьшится; для Бога важно намѣреніе, а не исполненіе. Къ тому же я и мои братья будемъ постоянно возносить усердныя молитвы къ Богу, чтобъ онъ очистилъ вашу душу и успокоилъ ее въ селеніи праведныхъ.

Герцогиня облегчила свою душу глубокимъ вздохомъ.

— Хорошо, сказала она, если вы, такой просвѣщенный и достойный служитель церкви, совѣтуете мнѣ согласиться на предложеніе герцога, то я сдѣлаю свое дѣло и буду пламенно молить Бога укрѣпить меня, слабое орудіе, долженствующее послужить къ великой цѣли.

— А я, прибавилъ патеръ Десмаретсъ, поспѣшу къ моему достойному брату патеру Линьеру и сообщу ему что извѣстный планъ ужъ близокъ къ исполненію.

Съ этими словами онъ поднялъ руку благословить герцогиню, благоговѣйно склонившуюся передъ нимъ.

Молодая дѣвушка, участь которой рѣшалась этими политическими интриганами, не подозрѣвала своей гибели и сидѣла спокойно въ комнатѣ, мечтая о своемъ миломъ и перелистывая молитвенникъ, данный теткой.

Когда герцогиня вошла въ комнату и велѣла Луизѣ идти одѣваться къ большому выходу короля, сердце молодой дѣвушки радостно забилось. Она надѣялась увидѣть среди блестящей свиты своего друга и даже, если удастся, поговорить съ королемъ, испросить у его величества позволенія на бракъ съ Гастономъ.

Съ живымъ нетерпѣніемъ Луиза совершала свой парадный туалетъ. Задолго до того, какъ герцогиня приказала закладывать экипажъ, она была совсѣмъ готова и дожидалась тетку въ гостиной. Сердце ея сильно билось отъ надежды и радостнаго волненія.

ГЛАВА IV.

Маленькій шевалье де-Бомонтъ ѣхалъ потихоньку въ своей наемной каретѣ по дорогѣ въ Версаль. На встрѣчу ему неслись блестящіе экипажи, сопровождаемые шталмейстерами, и лица, выглядывавшія изъ оконъ каретъ съ удивленіемъ смотрѣли на бѣдно одѣтаго молодаго человѣка, ѣхавшаго по одной дорогѣ съ ними.

Но шевалье де Бомонтъ не замѣчалъ этихъ счастливцевъ, наполнявшихъ Версаль; его занимала одна мысль: сегодня откроются для него двери дворца, и онъ будетъ представленъ могущественной маркизѣ, первому министру, а можетъ быть и самому королю. Вѣдь такой чести удостоиваются не всѣ молодые люди, не смотря на всѣ ихъ усилія и таланты! Отъ впечатлѣнія, которое онъ произведетъ на этихъ лицъ, зависитъ его дальнѣйшая судьба. Онъ перебиралъ въ умѣ различныя фразы и составлялъ подходящіе отвѣты на вопросы маркизы и короля. Еслибъ

только король могъ видѣть тѣ мысли, которыя роились теперь въ головѣ молодаго человѣка, то онъ несомнѣнно призналъ бы его за великій талантъ и вывелъ бы на блестящую дорогу.

Мечты о будущности придали нѣкоторую увѣренность Бомонту и нѣсколько успокоили его. Но когда онъ остановился у парадняго подъѣзда и увидалъ роскошную лѣстницу, уставленную сверху до низу швейцарами и лакеями въ придворныхъ ливреяхъ, дрожь пробѣжала по тѣлу Бомонта, и онъ боязливо оглядѣлся кругомъ. Замѣтивъ, что всѣ служители смотрятъ на него съ высоты величія, сердце его забилось сильнѣе, чѣмъ въ парламентѣ, при первомъ вступленіи его въ качествѣ адвоката.

Мужество снова возвратилось къ молодому человѣку, когда онъ стоялъ у двери помѣщенія маркизы, около которой толпились нѣсколько придворныхъ, и когда одинъ изъ нихъ, низко поклонившись, сказалъ:

— Пожалуйте, маркиза васъ дожидается.

Гордо прошелъ шевалье мимо завистливыхъ царедворцевъ, толпившихся здѣсь, и въ сопровожденіи одного лакея вошелъ въ пріемную маркизы. Гостиная эта была наполнена красивыми и дорогими произведеніями искусства всѣхъ временъ и народовъ; всѣ вещи были подобраны съ такимъ вкусомъ, какъ можетъ сдѣлать только женщина изящная, владѣвшая сердцемъ неограниченнаго повелителя Франціи. Гостиная была пуста,—маркиза не выходила еще изъ уборной.

Шевалье де Бомонтъ былъ доволенъ остаться на нѣсколько минутъ одинъ, оправиться и повторить въ умѣ краснорѣчивыя и ловкія фразы, составленныя имъ для бесѣды съ маркизой. Вдругъ онъ увидалъ въ большомъ венеціанскомъ зеркалѣ, драпированномъ сверху дорогими матеріями, свой образъ—образъ слабенькаго, худенькаго мальчика съ дѣтскимъ личикомъ. Мужество и надежды его мгновенно исчезли, горькая усмѣшка скривила губы, съ нихъ сорвалось проклятіе на судьбу. Но недолго онъ

занимался своими неприглядными мыслями, дверь отворилась и послышался шелестъ шолковаго платья. Бомонтъ поспѣшно обернулся, думая увидѣть передъ собой маркизу, но испуганный и дрожащій онъ остался на мѣстѣ: передъ нимъ была не маркиза, а та женщина, которую онъ любилъ больше всего на свѣтѣ и къ которой стремился всѣми силами души. Это была графиня Рошфоръ.

Графиня была одѣта не такъ просто, какъ въ домѣ покойнаго мужа; она сняла трауръ,—при дворѣ не носили траура, если король этого не приказывалъ. Парчевое платье съ розовыми букетами плотно обхватывало ея стройную талію и крупными складками спускалось внизъ, высокій головной уборъ съ цвѣтами, драгоцѣнными камнями и перьями башней возвышался на головѣ и придавалъ особенный блескъ и безъ того живымъ и прелестнымъ глазамъ. Она была хороша, ослѣпительно хороша, какъ богиня молодости и любви.

Странно, но шевалье-де-Бомонтъ былъ непріятно пораженъ красотою графини. Такою она не представлялась ему въ мечтахъ, такъ прежде не блестѣли ея глаза! Онъ со вздохомъ обернулся къ зеркалу, гдѣ его фигура казалась еще болѣе ничтожной въ сравненіи съ этой чарующей красотой.

Насколько страстно онъ желалъ видѣть графиню, настолько ему было непріятно встрѣтить ее въ ту самую минуту, когда онъ ожидалъ исполненія своихъ надеждъ и честолюбивыхъ стремленій.

Шевалье-де-Бомонтъ совершенно растерялся и не говорилъ ни слова.

— Какъ! Вы здѣсь? вскричала графиня, не мало удивленная встрѣчею съ Бомонтомъ. Насмѣшливая улыбка заиграла на ея губахъ; къ счастію молодой человѣкъ ничего не замѣтилъ, иначе это обстоятельство еще болѣе усилило бы его смущеніе.

Бомонтъ съ рыцарскою вѣжливостью и глубокимъ чувствомъ поцѣловалъ протянутую ему руку графини.

— Какимъ образомъ вы, ученый, серьезный мыслитель очутились здѣсь въ салонѣ маркизы де-Помпадуръ?

— Еслибъ я сказалъ вамъ, графиня, что послѣдовалъ за вами и пріѣхалъ собственно видѣть васъ, замѣтилъ шевалье полу-шутя и полу-серьезно, — что бы вы мнѣ тогда отвѣтили?

— Не говорите этого, шевалье, отвѣтила графиня, я все равно вамъ никогда не повѣрила бы—вы... вы послѣдовали за женщиной,—продолжала она съ легкой насмѣшкой въ голосѣ, откидывая складки шлейфа и бросая искоса взглядъ въ зеркало, отражавшее фигуру Бомонта. Вы меня отыскивали! Такая мысль не приходила мнѣ въ голову! Еслибъ я была какой-нибудь рѣдкій манускриптъ или старый пергаментъ, ну тогда другое дѣло!

— Вы смѣетесь, графиня, сказалъ шевалье тономъ негодованія, тогда какъ вы должны были бы читать въ моихъ глазахъ.

— Я никогда не читаю ни выраженій въ глазахъ, ни записокъ, которыя мнѣ такъ часто пишутъ, отвѣчала смѣясь графиня.

Шевалье, краснѣя, опустилъ глаза въ землю.

— Отвѣчайте же мнѣ серьезно, зачѣмъ вы здѣсь? спросила еще разъ графиня.

— Герцогъ Шуазель милостиво отнесся ко мнѣ, отвѣчалъ Бомонтъ съ достоинствомъ,—онъ читалъ мои сочиненія и обѣщалъ меня представить королю. Маркиза пожелала меня видѣть прежде, чѣмъ я буду представленъ его величеству и приказала сегодня явиться къ ней. Вы видите, графиня, продолжалъ шевалье, бросивъ восторженный взглядъ на женщину, стоявшую передъ нимъ, что будущее мое начинаетъ свѣтлѣть, и что если только вы пожелаете раздѣлить со мною жизнь, то я въ состояніи буду предоставить вамъ блескъ и почести, которыхъ вы такъ жаждете. А вы, графиня, зачѣмъ оставили Парижъ и переѣхали сюда?

— Я пріѣхала въ Версаль, отвѣчала графиня, по приглашенію маркизы, написавшей мнѣ тотчасъ же, какъ я осталась вдовой. Она всѣми силами старается меня развлечь, и я должна вамъ сознаться—провожу время превосходно, наслаждаясь полной свободой, этимъ драгоцѣннымъ даромъ небесъ. Старыя и благочестивыя дамы конечно осуждаютъ меня за то, что я въ салонѣ маркизы пользуюсь свѣжей и веселой жизнью, а не молюсь вмѣстѣ съ ними и не призываю анафему на молодыхъ грѣшниковъ, главная вина которыхъ только и состоитъ въ молодости, тогда какъ тѣ стары. Но я смѣюсь надъ ними, оставляю ихъ молиться и грѣшить. Сбросивъ цѣпи, я не намѣрена налагать на себя *новыхъ*,—и она сдѣлала удареніе на послѣднемъ словѣ,—и даже ради васъ шевалье я не измѣню моего рѣшенія, прибавила она съ ироніей, хотя я знаю, что ваши цѣпи были бы легки, поэтичны, осыпаны цвѣтами и гирляндами, но все таки цѣпи и лишили бы меня полной свободы, которой я пользуюсь теперь. А ваше честолюбіе наконецъ пробудилось? Меня это радуетъ, замѣтила графиня, перемѣняя разговоръ.

— Пробудилось, графиня? да, честолюбіе было всегда главнымъ двигателемъ моихъ дѣйствій, преобладающей мечтой безсонной ночи! Конечно можетъ быть все это безплодно, точно также, какъ ничѣмъ не увѣнчаются мои надежды на любовь.

— Оставьте въ покоѣ любовь, шевалье, прервала его графиня, она дѣлаетъ людей слабыми и безсильными; я никогда не знала и не хочу знать любви.

— Развѣ вы совершенно забыли то время, графиня, когда вы меня такъ часто дарили сочувственнымъ взглядомъ или ласковымъ словомъ?

— Нѣтъ, шевалье, и графиня протянула ему руку, я до сихъ поръ сочувствую вашему счастію, вашимъ надеждамъ, я радуюсь, какъ только можно радоваться другу, родственнику, брату. Я очень хорошо помню тяжелую, уединенную жизнь съ мужемъ, жизнь, въ которой, какъ

я должна сознаться, самыя свѣтлыя и радостныя воспоминанія принадлежатъ только вамъ.

— О благодарю, благодарю, графиня! проговорилъ шевалье въ восхищеніи, цѣлуя руку молодой женщины.

— Но, Деонъ, продолжала графиня, отодвигаясь, я все таки не нахожу въ моемъ сердечномъ участіи къ вамъ ничего общаго съ любовью. Я готова хлопотать, даже принести жертву, чтобъ сдѣлать васъ счастливымъ, знаменитымъ, но любовь... Деонъ, нѣтъ, — ее нѣтъ въ моемъ сердцѣ. Мнѣ кажется, я никогда не испытаю этого чувства.

Шевалье грустно опустилъ голову.

— Можетъ быть я бы и узнала любовь, прдолжала графиня задумчиво, еслибъ я встрѣтила человѣка недюжиннаго, который держалъ бы въ своей сильной рукѣ власть, подчинилъ себѣ твердой волей всѣхъ этихъ придворныхъ марьонстокъ, передъ которымъ я должна была бы преклоняться боязливо и шептать: ты мой властелинъ! Но гдѣ жъ такой человѣкъ—въ этотъ вѣкъ золотой мишуры, пустаго блеска, лицемѣрія и ничтожества? Гордо и надменно кичатся придворные передъ нисшими до тѣхъ поръ, пока не явится кто нибудь изъ болѣе высшихъ,—тогда они начинаютъ кланяться и унижаться. А тотъ, передъ кѣмъ они кланяются, выше ихъ не умомъ или духомъ, а пустымъ титуломъ или глупымъ положеніемъ. Въ свою очередь и этотъ послѣдній также лицемѣритъ и низкопоклонничаетъ передъ главою правительства, передъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ женщины, всѣми ненавидимой, но которой тѣмъ не менѣе всѣ покланяются. Нѣтъ, при такихъ обстоятельствахъ, сердце мое не узнаетъ любви.

— Графиня, воскликнулъ шевалье, я чувствую въ себѣ мужество и твердую рѣшимость сдѣлаться такимъ человѣкомъ, какъ вы желаете. Обѣщайте только мнѣ въ награду вашу любовь и я достигну цѣли.

Графиня сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ и внимательно посмотрѣла въ глаза Деону.

— Вы, шевалье, хотите держать въ рукахъ власть?

вы — неопытное, боязливое дитя? Вы милое, прелестное созданье, но все таки дитя. Васъ просто раздавили бы колеса придворныхъ интригъ и козней. Оставайтесь лучше въ отдаленіи, назначеніе ваше быть ученымъ, а не властвовать надъ женщинами, добавила смѣясь графиня. Знаете, когда смотрю на ваше нѣжное лицо, вы мнѣ кажетесь переодѣтой женщиной.

Шевалье отвернулся отъ графини и, сердито топнувъ ногой, вскричалъ:

— О какъ вы злы, графиня! Вы были такъ милы, любезны и вдругъ такая насмѣшка. И все надъ тѣмъ же природнымъ недостаткомъ, отъ котораго я вѣчно принужденъ выносить презрѣніе мущинъ и насмѣшки женщинъ. Но, клянусь, я сумѣю доказать—что твердая воля и рѣшимость могутъ жить и въ слабомъ тѣлѣ!

— Тише, Деонъ, успокойтесь, сказала графиня, подходя къ испанскимъ ширмамъ и прислушиваясь къ шуму шаговъ, раздававшихся съ галлереи. Не волнуйтесь, думайте о будущемъ и приводите по немногу въ исполненіе вашъ планъ.

— Хорошо, графиня, отвѣчалъ Деонъ, вспыхнувъ отъ удовольствія. Вы увидите, на что способны рѣшительные люди.

Графиня поспѣшила уйти, а шевалье испуганно отступилъ назадъ: передъ нимъ стояла величественная маркиза де Помпадуръ.

ГЛАВА V.

Жанна-Антуанета маркиза де Помпадуръ, вышедшая замужъ за финансоваго откупщика Ленорманъ Детіоль, скоро покинувшая его и сдѣлавшаяся любовницей короля, была въ описываемое время 35 или 36 лѣтъ. Ея тонкій и гибкій станъ сохранилъ еще всю эластичность молодости. Черты лица правильны и красивы, а болѣзненная блѣдность замѣнялась легкимъ искуственнымъ румянцемъ; большіе каріе глаза, полные

жизни и ума, одинаково хорошо умѣли смотрѣть страстно и нѣжно, метать молніи гнѣва, замѣчать малѣйшіе оттѣнки въ обращеніи короля и бросать надмѣнные взгляды на смиренно кланявшихся придворныхъ. Соображаясь съ роскошью того времени, костюмъ маркизы казался очень простымъ. На ней было фіалковаго цвѣта шелковое платье, прекрасно облегавшее ея плечи и руки снѣжной бѣлизны и классической формы; на волосахъ не завитыхъ, но слегка напудренныхъ наброшенъ на испанскій манеръ черный кружевной платочекъ, и только нѣсколько брилліантовъ рѣдкой стоимости и поразительнаго блеска довершали ея туалетъ. Она имѣла видъ истинной принцессы, смотря на нее, становилось понятно честолюбіе маркизы возвысить Францію и сдѣлать ея великой и могущественной. Маркиза дѣятельно заботилась о своемъ образованіи; она обнаруживала рѣдкія способности и обширныя познанія въ музыкѣ и живописи.

Маркиза протянула руку графинѣ и, дѣлая видъ будто не замѣчаетъ шевалье, обратившись любезно къ молодой женщинѣ, сказала:

— Здравствуйте, графиня, вы становитесь съ каждымъ днемъ все красивѣе и моложе, какъ утренняя заря, съ тою только разницею, что ваша красота прочнѣе и безопасна отъ похищенія Титона.

— Владычество зари кратковременно, возразила графиня, вторя комплименту высокимъ тономъ; ея свѣтъ исчезаетъ, какъ только покажется блестящее свѣтило дня.

— Вы льстите, отвѣтила маркиза, но по моему мнѣнію краткое могущество и есть самое восхитительное. Утренняя заря заключаетъ въ своихъ розовыхъ сумеркахъ изобиліе надеждъ, богатство сновидѣній, между тѣмъ какъ солнце освѣщаетъ трудъ и дневныя заботы.

Маркиза вопросительно посмотрѣла на стоящаго поодаль скромнаго молодаго человѣка.

— Шевалье Деонъ де-Бомонтъ, маркиза, сказала графиня, другъ моего покойнаго супруга. Я его первый

разъ встрѣтила здѣсь и онъ мнѣ сказалъ, будто вы назначили ему аудіенцію сегодня, въ этотъ часъ.

Маркиза была немного удивлена словами графини, но тотчасъ же замѣтила:

— Ахъ, шевалье Деонъ, какъ я рада васъ видѣть. Шаузель такъ много говорилъ про васъ. Онъ въ восхищеніи отъ вашихъ брошюръ; герцогъ хотѣлъ представить васъ его величеству, помочь вамъ сдѣлать карьеру. Я также готова покровительствовать вашему таланту, такъ какъ способные люди дѣйствительно нужны Франціи. Съ этою цѣлью я непремѣнно желала съ вами познакомиться, докончила маркиза, любезно улыбнувшись.

— Маркиза слишкомъ добра,—я надѣюсь... пробормоталъ шевалье въ смущеніи.

— Герцогъ такъ много говорилъ мнѣ о вашей учености, объ остротѣ и вѣрности вашихъ политическихъ сужденій и я... я думала, что вы гораздо старше, замѣтила маркиза.

Шевалье вздрогнулъ, когда увидѣлъ какое впечатлѣніе произвела его маленькая нѣжная фигурка на эту женщину, отъ которой зависѣла вся его будущность. Онъ увидѣлъ, какъ губы графини складываются въ насмѣшливую улыбку, и краска гнѣва бросилась въ лицо молодому человѣку. Но этотъ гнѣвъ придалъ ему увѣренности и возвратилъ самообладаніе.

Твердымъ и грустнымъ голосомъ шевалье отвѣчалъ:

— Сила ума и духа, маркиза, не зависитъ отъ величины и объема тѣла,—иначе лучшихъ дипломатовъ приходилось бы отыскивать среди гренадеровъ полка его величества! Здѣсь, передъ вами, маркиза, продолжалъ шевалье, стоитъ человѣкъ, который на дѣлѣ можетъ доказать справедливость своего мнѣнія.

Маркиза, при запальчивомъ тонѣ неизвѣстнаго молодаго человѣка какъ будто оскорбилась, но при послѣднемъ его замѣчаніи она улыбнулась и, покачавъ головою, сказала:

— Вы совершенно справедливы, шевалье, простите

мнѣ мое неосторожное выраженіе. Вы такъ вѣрно преслѣдуете всѣ проявленія общественной жизни, что васъ можно назвать, какъ говорилъ мнѣ Шаузель, однимъ изъ замѣчательныхъ представителей новѣйшей философіи, волнующей въ настоящее время умы всѣхъ. Мнѣ также очень хотѣлось бы освободить отъ тягостнаго гнета нужды и бѣдности этого чудака Жанъ Жакъ Руссо, знаменитаго по тонкому уму и способностямъ. Я назначила ему явиться сегодня; останьтесь здѣсь, шевалье, и вы будете въ состояніи судить объ этомъ апостолѣ новаго ученія, также ли онъ хорошо говоритъ, какъ пишетъ.

Шевалье поклонился, а маркиза, преслѣдуя мысль, продолжала говорить въ полголоса:

— У меня два врага, угрожающіе правительству заговоромъ, главныя нити котораго находятся у меня въ рукахъ. Это духовенство, т. е. главнымъ образомъ іезуиты и философы; впрочемъ съ послѣдними я кажется скоро заключу миръ.

Шевалье удивленно посмотрѣлъ на маркизу.

— А другихъ, заговорила снова маркиза, я надѣюсь подчинить трону. Сама я стою на твердой почвѣ; — правда, Руссо и его приверженцы недоступны, — ну, да я сама съ нимъ поговорю.

— Жанъ Жакъ Руссо, воскликнула графиня, — это тотъ чудакъ, который въ своихъ сочиненіяхъ, удостоенныхъ награды, проповѣдуетъ новые взгляды на жизнь. Я буду въ восхищеніи его видѣть!

— Онъ списывалъ мнѣ ноты, отвѣчала маркиза и недавно присылалъ отдѣльные номера оперы своего сочиненія «Le devin du village». Опера эта написана оригинально и съ большимъ талантомъ. Жаль только, что его талантъ принужденъ постоянно бороться съ нуждами и лишеніями обыденной жизни. Я желала бы избавить его отъ нужды, желала бы отстранить отъ него препятствіе къ полному развитію его ума и способностей.

— Я боюсь, что вамъ это не удастся, маркиза, сказалъ почтительно шевалье.

— Не удастся? воскликнула надмѣннымъ тономъ

удивленная маркиза. Отчего? Считаете ли вы меня настолько бѣдной, не въ состояніи удовлетворить потребностямъ господина Руссо?

— Можетъ быть вы слишкомъ богаты для этого, маркиза, замѣтилъ шевалье;—но мнѣ кажется Руссо такимъ человѣкомъ, который вѣчно будетъ бороться съ нуждой, до тѣхъ поръ, пока или не выйдетъ изъ нея побѣдителемъ, или окончательно не надломить своихъ силъ.

— Мы посмотримъ, отвѣчала гордо маркиза и позвонила въ маленькій колокольчикъ, стоявшій на столикѣ.

— Позвать господина Руссо, приказала маркиза вошедшему лакею. Черезъ нѣсколько минутъ въ гостиную входилъ медленными шагами Руссо, возбудившій своими идеями сильное волненіе и страшный переворотъ въ обществѣ, несмотря на то, что большая часть его сужденій не была еще понята публикою.

На Руссо былъ надѣтъ костюмъ изъ сѣраго сукна, сѣрые шерстяные чулки и толстые башмаки, на которыхъ были ясные слѣды его путешествія пѣшкомъ. На головѣ былъ надѣтъ круглый парикъ измятый, и давно уже вышедшій изъ рукъ парикмахера.

Лицо его, блѣдное и болѣзненное, дурно выбритое, носило отпечатокъ смущенія и досады въ одно и тоже время. Излишняя выпуклость, слѣдствіе близорукости, отнимала отъ глазъ выраженіе духовной жизни; вся фигура вообще, не смотря на свою простоту, имѣла что-то оригинальное, производила на всѣхъ пріятное впечатлѣніе, однимъ словомъ одна изъ тѣхъ наружностей, которыя съ перваго раза располагаютъ къ себѣ сердца людей.

Философъ, казалось, не замѣчалъ любопытныхъ взглядовъ, обращенныхъ на него со всѣхъ сторонъ; онъ твердыми шагами проходилъ по комнатѣ, неся нотную тетрадь подъ мышкой. Дойдя до средины комнаты, онъ почтительно поклонился дамамъ и слегка кивнулъ головою шевалье.

Онъ заговорилъ сухимъ, педантическимъ голосомъ, въ поучительномъ тонѣ:

— Мнѣ приказано самому принести свою работу, вѣроятно для передачи какого нибудь замѣчанія на счетъ списыванія нотъ. Я пришелъ, принесъ работу и готовъ выслушать.

Онъ посмотрѣлъ вопросительно на обѣихъ дамъ.

Графиня отодвинулась назадъ, а маркиза, подходя на нѣсколько шаговъ, сказала:

— Я просила васъ придти сюда, Руссо, не для замѣчанія насчетъ списыванія нотъ; напротивъ, я нахожу такое пустое занятіе слишкомъ недостойнымъ васъ. Я желала познакомиться съ такимъ замѣчательнымъ писателемъ, который сдѣлался знаменитостью во всей образованной Франціи и увѣнчанъ наградами отъ академіи Дижонъ.

— Вы маркиза де-Помпадуръ? спросилъ Руссо, прерывая рѣчь маркизы.

— Да, я, отвѣчала маркиза; и вмѣстѣ съ тѣмъ одна изъ самыхъ усердныхъ почитательницъ вашихъ оригинальныхъ и замѣчательныхъ сочиненій.

— Я никакъ не думалъ, заговорилъ холодно Руссо, что вы занимаетесь подобнымъ чтеніемъ.—Вы назвали мои сочиненія замѣчательными и оригинальными? Печально слышать, какъ въ настоящее время, въ свѣтѣ, простую правду считаютъ за оригинальность. Главная задача моего сочиненія была—рѣшить способствуетъ ли развитіе искуствъ и наукъ къ очищенію нравовъ? Я разсмотрѣлъ этотъ вопросъ и нахожу, что науки и исскуства могутъ служить къ улучшенію нравовъ только въ такомъ случаѣ, если будутъ существовать добродѣтель и трудъ—основныя начала всякой нравственной жизни. Безъ этихъ началъ наука обратится въ обманчивую игру разума, а искуство—въ невольницу воображенія. Это такая истина, которой могутъ удивляться только люди, отвыкшіе совершенно работать и утратившіе всякую добродѣтель.

— Если это такъ, Руссо, возразила маркиза, то только

мужественный и умный человѣкъ въ наше время могъ высказать эту правду такъ ловко и мѣтко, какъ сдѣлали вы.

— Вотъ ваша нотная тетрадь, маркиза, сказалъ Руссо почти невѣжливо. Есть у васъ еще работа для меня? Онъ подалъ тетрадь маркизѣ.

Маркиза положила тетрадь на столъ и сказала:

— Нѣтъ, Руссо, я и то же могу простить себѣ за то, что употребила способности и время такого человѣка, какъ вы, на пустую работу, которую можетъ исполнить всякій обыкновенный писецъ.

— Я сожалѣю, маркиза, что у васъ нѣтъ болѣе работы для меня; списываніе для васъ могъ составляло значительную часть моего содержанія. Кажется я исполнилъ мою работу правильно, и съ большою тщательностію.

— Превосходно, безъ одной ошибки, отвѣчала маркиза, но какъ я уже сказала, этотъ трудъ недостоинъ васъ.

— Всякая работа достойна человѣка, если она доставляетъ ему средства къ пропитанію. Трудъ есть благородная цѣль нашего существованія,—онъ возвышаетъ насъ надъ тѣми праздно-шатающимися лѣнтяями, которые живутъ и наслаждаются благами міра, пользуясь трудами людей, работающихъ въ потѣ лица. Я очень сожалѣю, что долженъ потерять работу, но конечно вы свободны, маркиза, отдавать списывать ваши ноты, кому угодно. Прошу васъ, отдайте мнѣ должную плату, и я не буду долѣе безпокоить васъ моимъ присутствіемъ.

— Вы не поняли меня, Руссо, возразила милостиво маркиза,—я далека отъ мысли лишить васъ какого нибудь заработка, напротивъ, я всѣми силами стараюсь избавить васъ отъ всякихъ попеченій, чтобъ вы вполнѣ могли посвятить талантъ и время на радость и поученіе нашему свѣту. Ваши друзья прислали мнѣ недавно отрывки изъ вашей оперы «Le devin du village». Эта опера заключаетъ въ себѣ мѣста, которыя приводятъ меня въ

восхищеніе, — король также вамъ очень признателенъ за неё.

— Да, она говоритъ вашимъ вкусамъ, маркиза, и вкусамъ короля.

— Какое гордое слово, Руссо! вскричала оживленно графиня,—я не хочу васъ опровергать, но простите, — меня чрезвычайно удивляетъ, что вы такъ равнодушно относитесь, даже какъ будто отказываетесь отъ признательности короля.

— Я не отказываюсь отъ признательности короля, но только удивляюсь, почему правда кажется такою рѣдкостью теперь. Мое выраженіе не отличается гордостью, никто не долженъ гордиться силами и способностями, дарованными отъ природы. Но если я что нибудь создалъ, то самъ и могу судить, хорошо мое сочиненіе или дурно. Еслибъ моя опера не была хороша, я бы ея уничтожилъ. Та излишняя скромность, которая унижаетъ собственное произведеніе, называется ложью, а я не терплю лжи ни въ мысляхъ, ни въ словахъ, ни въ дѣйствіяхъ.

— Господинъ Руссо правъ, сказала маркиза. Умъ, создавшій великое и прекрасное, чуждъ излишней стыдливости. Но сознайтесь, продолжала маркиза съ легкой ироніей, что его величество имѣетъ изящный вкусъ, найдя ваше произведеніе превосходнымъ. Чтобъ избавить васъ отъ попеченій, мѣшающихъ развитію творческой силы вашего таланта, его величество назначилъ вамъ ежегодный пенсіонъ въ три тысячи ливровъ. Мнѣ же позвольте съ своей стороны заплатить вамъ за работу не по опредѣленной цѣнѣ, а по собственному желанію.

Она взяла со стола маленькую шкатулочку, украшенную золотыми инкруетаціями и дорогими камнями, и вынувъ оттуда кошелекъ, наполненный золотомъ, подала его философу.

Руссо спокойно и холодно отклонилъ отъ себя кошелекъ и заговорилъ, пожимая плечами:

— Маркиза, вы мнѣ даете въ тысячу разъ болѣе того, что слѣдуетъ мнѣ за списываніе нотъ. Какое право

имѣете вы отнимать эти деньги отъ бѣдныхъ нуждающихся въ хлѣбѣ, одѣяніи и кровѣ, и отдавать ихъ мнѣ.

Онъ взялъ золотую монету изъ кошелька и положилъ ея на столъ.

— Вотъ настоящая плата за мой трудъ, а если деньги въ кошелькѣ лишнія для васъ, то раздайте ихъ бѣднымъ, которые нуждаются въ необходимомъ. Такихъ вы найдете довольно.

Маркиза заговорила съ любезной улыбкой:

— Я думала, что вы горды, но все таки надѣялась, что человѣкъ, живущій самыми благородными и возвышенными свойствами человѣческой души, не откажется принять маленькую помощь отъ ревностной почитательницы его таланта. Теперь я вижу, что ошиблась, вы позволите только королю войти въ ваше положеніе и помочь вамъ въ матеріальномъ отношеніи.

— Я вамъ очень благодаренъ, маркиза, сказалъ Руссо покровительственнымъ тономъ, такъ какъ всякое доброе желаніе заслуживаетъ благодарности, но принять вашъ подарокъ я не могу. Я не хочу лишить многихъ бѣдныхъ возможности получать должное вознагражденіе за ихъ трудъ. Поблагодарите также короля, маркиза, и попросите его величество употребить назначенный мнѣ пенсіонъ на какое нибудь благотворительное учрежденіе для больныхъ и убогихъ, которые не въ состояніи сами работать, я же богатъ и независимъ: я самъ могу прокормить себя.

— Какъ, господинъ Руссо, вы отказываетесь отъ пенсіона, назначеннаго вамъ его величествомъ? замѣтила съ удивленіемъ маркиза.

— Я отказываюсь отъ этого пенсіона, отвѣчалъ Руссо, потому что не заслужилъ его тѣмъ, что дѣлалъ до сихъ поръ, и не надѣюсь заслужить моими послѣдующими трудами.

Маркиза бросила быстрый взглядъ на шевалье, который, опершись на ручку кресла, съ живымъ интересомъ

слѣдилъ за разговоромъ. Дѣйствительно было любопытное зрѣлище видѣть дурно одѣтаго человѣка, въ запыленныхъ грубыхъ башмакахъ среди роскошной и изящной обстановки гостиной, возлѣ женщины—красавицы, пользующейся не только всѣми благами міра, но и благосклонностію самаго короля. И вдругъ этотъ бѣдный человѣкъ рѣшительно отвергаетъ предложеніе знатной женщины, привыкшей къ общему поклоненію.

Казалось, въ блестящую атмосферу двора незамѣтно проникъ духъ народа терпѣливаго и нуждающагося, но вмѣстѣ съ тѣмъ гордаго и сильнаго. Обѣ дамы вздрогнули отъ невольнаго ужаса, охватившаго ихъ при появленіи этого незнакомаго духа, вѣяніе котораго впослѣдствіи часто замѣчалось въ этихъ позолоченныхъ залахъ.

Маркиза инстинктивно чувствовала настоятельную потребность покорить себѣ этотъ духъ. Она преодолѣла непріятное чувство, возбужденное въ ней рѣзкимъ отказомъ Руссо и заговорила серьезно, но съ такою изысканною вѣжливостью, какъ будто передъ ней стоялъ одинъ изъ первыхъ сановниковъ двора.

— Мнѣ кажется, что вы простираете вашу гордость слишкомъ далеко.—Развѣ это не обязанность короля возвышать все благородное, великое надъ низкимъ и посредственнымъ? Развѣ это не долгъ талантливыхъ и умныхъ людей придать своею ученостію блескъ и величіе трону ихъ родной страны? Вспомните какое прекрасное незабвенное общество сосредоточивалось вокругъ короля въ прошломъ столѣтіи. Общество это можно сравнить съ символическимъ изображеніемъ солнца, съ тою разницею, что окружающія свѣтила не только сами получали свѣтъ отъ главнаго свѣтила, но и давали его. И вотъ, я надѣялась, это была одна изъ пламенныхъ моихъ надеждъ, собрать у трона его величества таланты и умы настоящаго времени, чтобы они сообща съ могуществомъ возвратили Франціи прежніе блескъ и славу.

— Не надѣйтесь на это, маркиза, воскликнулъ Руссо. Теперь совершенно другое время; будущее идетъ не по слѣдамъ прошлаго столѣтія, но по новому пути, который ясно видѣнъ передъ моими глазами. Маркиза, таланты, окружавшіе престолъ Людовика XIV и принадлежавшіе къ его обществу, жили въ мірѣ воображенія, населенномъ образами ихъ фантазіи. Всѣ благородныя чувства и побужденія, воспѣваемыя этими писателями и пороки, ненавидимые ими, принадлежали къ области наслажденія и счастія, далеко преобладавшей въ прошломъ столѣтіи надъ бѣднымъ нуждающимся и терпѣливымъ народомъ. Тѣ писатели не проникали въ глубь человѣческой жизни и никогда не спускались въ темныя пропасти безплоднаго труда, лишенія, униженія и тупаго безнадежнаго горя. Что значитъ трагическое несчастіе какого нибудь героя, побитаго непріятетелемъ, среди грома пушекъ и оружія, между тѣмъ какъ его имя будетъ написано огненными буквами среди народа,—уморительныя страданія какого нибудь воображаемаго больнаго, или лицемѣрныя преслѣдованія тартюфа, въ сравненіи съ ужасными, тупыми и мучительными страданіями народа, который съ неизмѣннымъ равнодушіемъ тратитъ свои послѣднія силы въ трудахъ, въ тщетныхъ усиліяхъ хотя нѣсколько подняться и насладиться счастіемъ и беззаботностью, каторыми такъ неудержимо пользовались его предки. Бросьте взглядъ въ глубину этихъ бѣдствій, маркиза, и вы увидите, что только одинъ сонъ подаетъ несчастнымъ силу претерпѣвать страданія и что освободить его можетъ только смерть. Трагическіе образы героевъ и писателей прошлаго столѣтія окружены блестящимъ сіяніемъ. Ихъ страданія облагороживаютъ, укрѣпляютъ человѣческую душу и возвышаютъ ея безсмертіе до небеснаго величія, между тѣмъ какъ страданія приниженнаго и истомленнаго народа унижаютъ душу, уничтожаютъ умъ и гасятъ священное пламя, зажженое благодѣтельной природой въ сердцѣ каждаго человѣка. Тѣ люди, о которыхъ вы говорите,

маркиза, не знали народа, а если и видѣли его цѣпи, то старались ихъ озолотить и украсить цвѣтами, чтобы и бѣдствіе имѣло видъ благородный и красивый. Видъ красоты скрывалъ и измѣнялъ правду;—теперь же совсѣмъ другое, просвѣщенные умы нашего вѣка имѣютъ высшее назначеніе,—ихъ задача не озолотить и отгранить цѣпи народа, но совершенно ихъ порвать!

Въ волненіи отъ чувства и убѣжденія, Руссо началъ говорить все пламеннѣе и живѣе, глаза его заблестѣли, а слабый и недовѣрчивый взглядъ засвѣтился яркимъ огнемъ. Но когда онъ кончилъ, то фигура его приняла прежній оцѣпенѣлый видъ, онъ оглядѣлся кругомъ и, казалось, раскаявался, что говорилъ такъ много. Шевалье посмотрѣлъ испытующимъ взглядомъ на маркизу, которая, тронутая до глубины души, стояла, грустно опустивъ голову.

— Я надѣялась, господинъ Руссо, сказала она наконецъ, пріобрѣсти въ васъ друга, а теперь вижу, что должна васъ опасаться, какъ непримиримаго врага. Но остерегайтесь, господинъ Руссо, продолжала маркиза,— лейтенантъ полиціи короля не услышалъ бы вашихъ словъ. тогда вы можете попасть въ бастилію и ни я, и никто другой не въ состояніи будетъ освободить васъ изъ подъ ея темныхъ сводовъ.

Руссо, казалось, былъ поражонъ глубокимъ сочувствіемъ, звучащимъ въ словахъ маркизы, онъ подошелъ къ ней ближе и сказалъ голосомъ болѣе мягкимъ, нежели говорилъ до сихъ поръ:

— Вы будете считать меня непримиримымъ врагомъ, маркиза? Нѣтъ! Врагомъ вашимъ я не буду, потому что ни одинъ человѣкъ не долженъ быть врагомъ другому; природа создала всѣхъ насъ братьями и самая высокая добродѣтель заключается въ томъ, чтобъ забыть самаго себя изъ любви къ ближнему. Высокое евангельское ученіе прельщаетъ меня чистотою и справедливостью идей и праилъ. Этого ученія и я придерживаюсь. Я сожалѣю тѣхъ людей, ко-

торымъ правда остается закрытою и неизвѣстною, но я не враждую съ ними; моими врагами могутъ быть только тѣ, которые, узнавъ правду, сознательно ея отрицаютъ и не слушаютъ. Что же касается до начальника полиціи, то онъ, маркиза, не имѣетъ никакого повода угрожать мнѣ крѣпостью; я не проповѣдую ни кровавыхъ битвъ, ни возмущенія противъ государственнаго порядка, какъ можетъ быть многіе это заключаютъ изъ фальшиваго пониманія моихъ сужденій. Я хочу только сдѣлать людей свободными отъ тираніи господствующихъ классовъ и отъ ихъ собственныхъ страстей и пороковъ. Я хочу привести людей къ гордому сознанію своихъ правъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ смиренному исполненію обязанностей. Мои послѣдователи будутъ также проповѣдывать это ученіе, и вотъ, когда введены будутъ добродѣтель, любовь къ ближнимъ и трудъ—основныя начала общественной жизни, тогда конечно на землѣ не будетъ мѣста вооруженнымъ стражамъ и пышному трону, но это не значитъ, что престолъ будетъ поражонъ пламенемъ и залитъ кровью; нѣтъ, но тогда послѣдній изъ королей, съ радостными слезами на глазахъ, откроетъ свои объятія народу, потому что онъ будетъ всѣхъ считать себѣ равными братьями. Еслибъ полиція и вздумала заключить меня въ крѣпость, то я не боюсь, маркиза; меня можно сломить, но нельзя уничтожить духа, который наполняетъ мое сердце и скоро наполнитъ сердца всѣхъ людей, живущихъ на землѣ. Даже суровыя и грозныя стѣны бастиліи исчезнутъ передъ вѣяніемъ этого духа, какъ разлѣтаются столбы пыли отъ дуновенія вѣтра. И вдругъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь возвышаются мрачные своды темницы и слышится вопль заключенныхъ, веселый и счастливый народъ, украсивъ себя вѣнками и гирляндами, будетъ справлять свой торжественный праздникъ.

— Отчего, спросила маркиза, вы, проповѣдуя такое мирное и кроткое ученіе, не хотите пріютиться подъ за-

щитою трона короля? Развѣ вашъ духъ не высказывался бы свободнѣе и радостнѣе, еслибы вы, благодаря великодушію короля, были избавлены отъ ежедневныхъ заботъ о пропитаніи.

— Великодушіе короля, маркиза! возразилъ Руссо. Еслибъ это было на самомъ дѣлѣ великодушіе, то и тогда не пріятно быть обязаннымъ. Человѣкъ долженъ выказывать великодушіе только къ тѣмъ людямъ, которые не въ состояніи себѣ сами помочь, а я пока еще могу работать.

—Вы заставляете меня просить васъ о такихъ вещахъ, которыя всякій счелъ бы за счастіе имѣть, замѣтила маркиза. Я слышала, господинъ Руссо, продолжала она, бросая проницательный взглядъ на философа, что у васъ есть семья.

Руссо удивленно посмотрѣлъ на маркизу.

— Семьи въ настоящемъ значеніи слова у меня нѣтъ, отвѣчалъ Руссо; но я раздѣляю мой трудъ и удовольствіе съ однимъ существомъ, которое любитъ меня и одинаковыхъ со мною взглядовъ на жизнь.

—Но развѣ та, которую вы любите, не была бы счастливѣе, пользуясь нѣкоторыми удобствами въ жизни? спросила маркиза. И ваши дѣти.

—Моихъ дѣтей, маркиза, отвѣчалъ холодно Руссо, я отдаю въ воспитательный домъ и не забочусь объ ихъ будущности. Тамъ они получаютъ воспитаніе лучше, нежели какое я могъ имъ дать.

—Ужасно! воскликнула графиня Рошфоръ. Невозможно повѣрить, чтобъ такая жестокость соединялась съ благородными чувствами въ одномъ человѣкѣ!

—Жестокость? спросилъ Руссо, поворачиваясь къ графинѣ. А это вы назвали бы менѣе жестокимъ, когда бѣдные родители заставляютъ дѣтей претерпѣвать нужду и бѣдствія, а иногда даже умирать отъ голода, или когда богатые развращаютъ чистыя души дѣтей дурнымъ при-

мѣромъ и своею безпечностью. Нѣтъ, маркиза, я нахожу менѣе жестокимъ и порочнымъ отдавать дѣтей въ домъ призрѣнія, гдѣ они выростають, не зная привязанности къ родителямъ или родственникамъ и научаясь любить все человѣчество, какъ свою семью!

Маркиза, привыкшая къ всеобщей лести и поклоненію, стояла теперь въ нерѣшимости, размышляя какъ ей найти въ этомъ бѣдномъ и простомъ человѣкѣ дурныя стороны, на которыя она могла бы напасть.

Когда онъ кончилъ, маркиза заговорила мягкимъ, проникающимъ въ душу голосомъ.

— Еслибъ вы не были бѣдны, господинъ Руссо, и могли бы посвятить все ваше время безпрепятственно на развитіе вашего таланта и занялись бы исключительно вашими сочиненіями, то повѣрте та, которую вы любите, смотрѣла бы на васъ съ бо̀льшею гордостью, нежели теперь, когда ей приходится переносить вмѣстѣ съ вами нужну и голодъ. И тогда, продолжала маркиза, приближаясь къ Руссо, вы могли бы оставить дѣтей у себя, внушать имъ ваши мысли, чувства, желанія, влагать въ сердце вашего сына любимыя вами убѣжденія и постоянно слѣдить за его развитіемъ. Мало по малу вашъ сынъ подросталъ бы, и вы видѣли бы собственный портретъ въ молодомъ видѣ. Къ старости вы находили бы въ сынѣ подпору и утѣшеніе. Развѣ это счастіе недостойно добродѣтельнаго и благороднаго человѣка?

Руссо слушалъ маркизу съ большимъ волненіемъ. Потомъ онъ протянулъ руки и, опустивъ глаза въ землю, проговорилъ съ чувствомъ.

— О мой Богъ! Мой Богъ! Какъ была бы счастлива моя Тереза, какъ заблестѣли бы ея глаза и покрылись румянцемъ щеки!—А мои дѣти, какъ жаль бываетъ всегда ихъ отрывать отъ себя и не видать никогда яснаго взгляда ихъ невинныхъ глазъ. Имѣть сына, воспитаннаго въ моихъ правилахъ, который принадлежалъ бы мнѣ не только по плоти и крови, но и по духу, воспитанію!

Печальная улыбка появилась на губахъ Руссо и онъ,

устремивъ глаза въ пространство, какъ бы разсматривая какое нибудь видѣніе, едва слышно прошепталъ:

— А это было бы хорошо, очень хорошо!

Маркиза смотрѣла съ торжествомъ на колебаніе такаго твердаго и рѣшительнаго человѣка. Наконецъ приблизившись къ Руссо, маркиза взяла его за руку и голосомъ, полнымъ искренности и сочувствія, сказала:

—Не правда ли, господинъ Руссо, вы примите пенсіонъ, назначенный вамъ королемъ добровольно безъ всякихъ просьбъ.

Русо испугался, услышавъ тонъ ея голоса, потомъ погрузился въ размышленія, причемъ лицо его становилось все болѣе и болѣе мрачнымъ.

—А я такъ гордился моею силою, заговорилъ Руссо глухимъ голосомъ внутренняго страданія, между тѣмъ какъ взволнованная маркиза не спускала глазъ съ выразительнаго лица философа. Я думалъ, что суровая правда помогла мнѣ удалить отъ себя всѣ иллюзіи и болѣзненную слабость моей души, которая совращаетъ насъ съ истиннаго пути и мѣшаетъ исполненію нашихъ обязанностей. И вдругъ первое искушеніе и передо мной возстаетъ свѣтлая картина обманчиваго земнаго счастія. Теперь всѣ должны указывать на меня съ насмѣшкою и говорить: вотъ идетъ Жанъ Жакъ Руссо, который проповѣдуетъ добродѣтель, а самъ не въ силахъ слѣдовать своему ученію. Ради денегъ онъ продалъ свободу и отвергнулъ правду.

Руссо гордо выпрямился и громко заговорилъ:

—Нѣтъ, маркиза, нѣтъ, я не возьму денегъ, я останусь вѣренъ труду и свободѣ. Скажите королю, что онъ можетъ за свое залото купить полководцевъ и министровъ, но что всѣ его сокровища не въ состояніи подкупить Жанъ Жака Руссо! А это было бы такъ хорошо, бѣдная Тереза... мои дѣти.

Руссо началъ въ волненіи ходить по комнатѣ.

—Я не хочу, воскликнулъ онъ, поддаваться искуше-

нію; несчастный бѣги скорѣй, если ты такъ слабъ, что не можешь сладить съ собой! Будьте здоровы, маркиза, сказалъ Руссо, слегка поклонившись, затѣмъ, не оборачиваясь назадъ, вышелъ изъ комнаты.

ГЛАВА VI.

Когда Руссо вышелъ изъ гостиной, маркиза стояла погруженная въ глубокую задумчивость. Въ комнатѣ царило мертвое молчаніе. Бываютъ минуты, когда призраки прошедшихъ столѣтій будто возстаютъ изъ давно минувшаго времени и наполняютъ страхомъ души живущихъ на землѣ, теперь же напротивъ, казалось, будто пронеслись призраки будущаго и наложили мрачную тѣнь на приближающіеся дни.

— Какой ужасный человѣкъ! воскликнула наконецъ графиня Рошфоръ, сильно отряхивая головою, какъ будто хотѣла освободиться отъ тяготившаго ее проклятія. Я начала ужъ испытывать симпатію къ нему, такъ рѣчь его была благородна и честна, но я не понимаю, какъ изъ пустаго упрямства отказываться принять милость короля и присуждать этимъ свою подругу терпѣть нужду, дѣтей—жить въ воспитательномъ домѣ, безъ ласкъ отца и матери! Нѣтъ, если это называется добродѣтелью, которую онъ такъ краснорѣчиво проповѣдуетъ, такъ я не хочу быть добродѣтельною, я лучше останусь такой какъ есть, сохраняя сердце добрымъ и чувствительнымъ.

Маркиза подошла къ шевалье и сказала:

— Вы правы, шевалье, я была или слишкомъ бѣдна или слишкомъ богата побѣдить этого человѣка! Вы вѣроятно знали его прежде, прибавила она, какъ бы не желая и допустить возможности, чтобъ шевалье могъ лучше ея понять философа.

— Я его сегодня видѣлъ въ первый разъ, маркиза, скромно возразилъ шевалье, и очень вамъ благодаренъ за то, что вы доставили мнѣ случай познакомиться съ философомъ, но я знакомъ съ странностями Руссо изъ его сочиненій, которыя я подробно изучалъ.

— У него характеръ отшельника, замѣтила недовольно маркиза. Онъ будетъ вѣчно изолированъ отъ всего міра!

Тонкія, блѣдныя черты молодаго человѣка оживились и онъ, бросивъ пристальный взглядъ на маркизу, заговорилъ тономъ глубокаго убѣжденія:

— Я не думаю этого, маркиза, настанетъ время, и оно можетъ быть ужъ не слишкомъ далеко, когда духъ философа не будетъ казаться страннымъ никому, а напротивъ будетъ преобладающимъ, и не только среди народа, но и въ обществѣ и при дворѣ. Тогда всѣ будутъ послѣдователями ученія Руссо.

— Такъ по вашему стало быть дѣйствительно близко то время, когда послѣдній изъ королей сойдетъ съ трона и со слезами на глазахъ откроетъ объятія народу.

— Нѣтъ, этого я не говорю, маркиза, возразилъ шевалье серьозно, такое предположеніе—болѣе ничего, какъ фантазія богатаго воображенія философа, но можетъ случиться совсѣмъ другое.

— Стало быть вы утверждаете, что теперь король не другъ своего народа? замѣтила удивленнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ строгимъ тономъ маркиза.

— Клянусь Богомъ, что нѣтъ, маркиза, воскликнулъ шевалье! Я честный дворянинъ, готовъ пожертвовать жизнью и пролить кровь до послѣдней капли за его величество, но все таки скажу, развѣ король съ своей неприступной высоты принимаетъ какое нибудь участіе въ жизни и страданіяхъ народа? Совсѣмъ нѣтъ. Какая непроходимая пропасть между королемъ и народомъ! Привилигированныя сословія пользуются трудами народа, и это пользованіе не слишкомъ то благодѣтельно для ко-

роля и всей страны. Неужели вы не замѣчаете, маркиза, продолжалъ шевалье, все болѣе и болѣе воодушевляясь и совершенно позабывъ о мѣстѣ, гдѣ онъ находится, присутствіе во Франціи таинственной и страшной силы, распустившей изъ Рима свои сѣти по всему свѣту, той страшной силы, которая въ блестящее царствованіе покойнаго короля была отвергнута, а теперь, по милости незамкнутости правленія, снова подняла голову! Ужъ и въ настоящее время Франція поглощена происками ордена, который, назвавшись именемъ Іисуса; пускаетъ въ ходъ только хитрость и интриги.

Маркиза была тронута свободною, теплою искренностью и твердою увѣренностью молодаго человѣка.

— Я не расположена къ ордену, возразила маркиза такъ дружелюбно, какъ будто она говорила съ старымъ знакомымъ: во первыхъ я вижу стремленіе его къ владычеству, отчего недавно я должна была дать почувствовать ордену свое вліяніе, во вторыхъ, они не любятъ Шуавеля—моего друга; но все таки этотъ орденъ очень могуществен и лучше имѣть ихъ друзьями, нежели врагами. Мнѣ совѣтовали, продолжала маркиза съ ожесточеніемъ, выбрать духовника изъ среды членовъ ордена, я говорила уже объ этомъ съ превосходнымъ и достойнымъ патеромъ де-Сази.

— Ахъ, маркиза, быстро прервалъ шевалье съ жаромъ, схвативъ руку маркизы де-Помпадуръ! Если вы только это сдѣлаете, то Франція погибла и вы также— или вы должны будете сдѣлаться орудіемъ, лишеннымъ всякой свободы въ рукахъ святыхъ отцовъ!

Графиня Рошфортъ поднялась даже съ мѣста отъ удивленія.

— Какая рѣчь! Какое пылкое воодушевленіе! Такимъ шевалье я васъ никогда не видала, прошептала графиня.

Сама маркиза была поражена сильнымъ воодушевленіемъ робкаго молодаго человѣка; взглядъ ея съ удовольствіемъ покоился на его лицѣ. Вскорѣ шевалье опом-

нился и, выпустивъ руку маркизы, заговорилъ болѣе ровнымъ тономъ, но безъ всякаго смущенія:

— Маркиза, вы держите въ рукахъ судьбу великой и благородной націи,—позвольте мнѣ на время позабыть, что вы вліятельная личность, отъ расположенія духа которой зависитъ вся моя будущность и не запрещайте мнѣ говорить съ вами, какъ человѣкъ съ человѣкомъ.

— Говорите, шевалье,—сказала маркиза, опускаясь въ кресло.

— Всѣ умы Франціи стремятся къ свободѣ, заговорилъ шевалье голосомъ громкимъ, спокойнымъ, безъ остановки; это не значитъ, чтобъ они желали освободиться отъ власти короля, который составляетъ плоть и кровь націи, который раздѣляетъ вмѣстѣ съ народомъ радость и горе, величіе и униженіе, какъ голова не можетъ отдѣлиться отъ остальныхъ членовъ тѣла, но всѣ жаждутъ отвергнуть власть, проникнувшую къ намъ изъ Рима. Эта власть не признаетъ ни государственныхъ, ни народныхъ правъ, она дѣлитъ землю на провинціи и подчиняетъ ихъ исключительно своему произволу.

— Вы думаете, шевалье, спросила маркиза, что государство можетъ существовать безъ религіи, безъ церкви?

— Я этого не говорю, маркиза, возразилъ шевалье. Я вѣрующій христіанинъ и почитаю церковь, какъ наружную, необходимую и достойную почитанія форму божественнаго служенія, но развѣ такой могущественный и великій народъ, какъ мы, маркиза, не можетъ создать собственную церковь и въ ней молиться Богу, не отдавая ключь нашей церкви чужому священнику, равнодушно относящемуся къ счастію и величію Франціи, въ жилахъ котораго не течетъ ни капли французской крови! Вѣдь король не поручитъ начальства надъ своими арміями, составляющими сокровище его страны, какому нибудь чужому полководцу? Зачѣмъ же онъ допускаетъ чужаго священника изъ Рима соединяться съ смертельными врагами Франціи и держать въ рукахъ могущество страны? Вліяніе его та-

готѣетъ надъ народомъ, сковываетъ духъ его въ мрачныя, неразрывныя цѣпи, лишаетъ свободы и дѣлается такимъ образомъ судьею самой священной собственности его— совѣсти и вѣрованія! И гдѣ же господствуетъ этотъ чужестранецъ, врагъ Франціи, въ странѣ потомка Генриха IV..! Не посредствомъ епископовъ, или духовныхъ лицъ церкви, можетъ совершиться переворотъ, но черезъ васъ, маркиза. Вы принимаете живое участіе въ судьбѣ Франціи, съ вами примирится духъ и совѣсть народа, но вы связаны во всѣхъ проявленіяхъ общественной жизни, всюду проникающимъ, могуществомъ ордена Іисуса, который, какъ холодная змѣя обвиваетъ государство и церковь и держитъ ихъ въ подчиненіи Риму. Для чего? Для того, чтобы троекратно коронованный преемникъ смиреннаго апостола могъ бы распоряжаться произвольно государствами и играть ими, какъ фигурами на шахматной доскѣ.

Маркиза опустила голову и слушала шевалье съ большимъ вниманіемъ.

— Если это и такъ, шевалье, сказала маркиза, то что-жъ дѣлать? скажите, гдѣ найти средство къ измѣненію, улучшенію этого положенія?

— Тамъ, маркиза, гдѣ находятъ средства ко всему благому и великому, въ твердой рѣшимости, отважномъ самоотверженіи и гордомъ мужествѣ. Теперь свобода духа стѣснена обхватывающими, какъ желѣзными когтями, орудіями Римской власти. Но когда король очиститъ Францію отъ всѣхъ этихъ чужестранцевъ, даже родившихся на ея землѣ тогда народъ обратится къ своему королю и могущество свѣжаго національнаго духа будетъ служить самою надежною подпорою его трона, между тѣмъ какъ въ настоящее время этого народнаго могущества надо опасаться. Маркиза, продолжалъ послѣ небольшой паузы шевалье, отъ васъ зависитъ вложить въ сердце короля пламенное желаніе и твердое намѣреніе совершить извѣстное намъ дѣло,—посовѣтуйте его величеству произнести

сильное и рѣшительное слово, изгонявшее членовъ ордена Іисуса изъ предѣловъ страны, и вы возвратите народу свободу духа и совѣсти; остальное уже сдѣлается само собою. Весь народъ столпится у трона и король будетъ настоящимъ королемъ—отцомъ народа, а васъ Франція вѣчно будетъ благодарить за важную услугу.

Онъ замолчалъ и ожидалъ послѣдствія своей искренной и сильной рѣчи.

Маркиза поднялась съ мѣста и, приблизившись къ шевалье, сказала:

— Вы произнесли такія слова, шевалье, за которыя я должна вамъ открыть бастилію или, прибавила маркиза съ улыбкой, просить васъ быть моимъ другомъ. Борьба, которую вы отъ меня требуете, трудна и сопряжена со многими опасностями. Хотите принимать въ ней участіе, быть моимъ союзникомъ? Она ласково протянула руку шевалье.

— Въ этой борьбѣ, маркиза, воскликнулъ шевалье, крѣпко цалуя руку маркизы, къ вамъ присоединятся лучшіе люди Франціи. Располагайте мной!

— Такъ до свиданія, шевелье, сказала маркиза, въ часъ у короля! Кстати, продолжала она, стоя у входа во внутреннія комнаты, у меня сегодня маскированный балъ, на немъ будетъ и король; я надѣюсь и васъ также видѣть у себя. Это будетъ для васъ удобнымъ случаемъ наблюдать за придворными и хотя нѣсколько оклиматизироваться на той почвѣ, на которой вамъ придется дѣйствовать.

Отвѣтивъ кивкомъ головы на глубокій поклонъ молодаго человѣка, маркиза скрылась за тяжелой портьерой.

Шевалье робко оглядѣлся кругомъ, какъ бы пробудившись отъ сна.

Графиня подошла къ нему и сердечнымъ тономъ сказала:

— Я желаю вамъ счастія, шевалье, вы начали вашу придворную карьеру превосходно, и въ моемъ мнѣніи

вы уже и теперь стоите выше всѣхъ высокихъ сановниковъ и придворныхъ.

— Ахъ, графиня, воскликнулъ шевалье въ восхищеніи, вы дѣлаете меня счастливымъ, этотъ привѣтливый взглядъ, эти ласковыя слова... Чувство, переполнившее сердце шевалье, до такой степени волновало его, что отъ смущенія онъ не въ состояніи былъ говорить. Къ графинѣ снова возвратилось ея капризное настроеніе.

— А для маскированнаго бала, шевалье, сказала графиня, поддразнивая его, я предлагаю вамъ выбрать любой изъ моихъ костюмовъ. Обманъ будетъ полный и доставитъ вамъ случай проникнуть въ самыя затаенныя интриги двора.

Графиня поклонилась и, громко смѣясь, вышла изъ комнаты. Шевалье посмотрѣлъ ей вслѣдъ съ досадой и огорченіемъ. Но какъ то странно подѣйствовала на него насмѣшка любимой женщины; слова ея не поразили шевалье прямо въ сердце, какъ прежде. Въ разговорѣ съ маркизой онъ возвратилъ себѣ силу духа, мужество и надежду; все это превратило искру честолюбія, таившуюся въ сердцѣ, въ широкое пламя.

— Вы дѣйствительно остроумно придумали, графиня, сказалъ шевалье, въ свою очередь насмѣшливо улыбаясь, я хочу обратить шутку въ серьезное. Можетъ быть дѣйствительно я выиграю что нибудь, одѣвшись въ женскій костюмъ, который ко мнѣ очень идетъ. Переодѣванье мое поведетъ къ разнообразнымъ и интереснымъ интригамъ и покажетъ въ новомъ свѣтѣ придворную жизнь, гдѣ мнѣ также скоро придется вращаться.

Въ глубокомъ размышленіи, слѣдуя за своими мыслями, проходилъ шевалье по галлереѣ, не обращая никакого вниманія на придворныхъ кавалеровъ и прелестныхъ дамъ, гулявшихъ тутъ. Онъ вошелъ въ переднюю короля, въ ожиданіи пріѣзда герцога Шуазеля.

Его величество приготовлялось къ выходу изъ капеллы, гдѣ онъ слушалъ обѣдню. Множество придворныхъ толпилось во время выхода, потому что сюда имѣли право

являться даже тѣ, которымъ былъ запрещенъ входъ во внутреннія комнаты. Но бѣдный парламентскій адвокатъ не имѣлъ и этого права. Онъ тихонько помѣстился въ оконной нишѣ наблюдать за толпой. Мужество готово было снова его покинуть при взглядѣ на блестящій двигающійся потокъ, на поверхность котораго такъ трудно было проникнуть.

ГЛАВА VII.

Въ то утро, когда шевалье Деонъ де Бомонтъ отправился въ Версаль, гдѣ благодаря маркизѣ де Помпадуръ, имѣлъ съ перваго же раза большой успѣхъ, его величество Людовикъ XV, король французскій и наварскій, находился съ своимъ довѣреннымъ камердинеромъ въ комнатѣ, находящейся возлѣ пріемныхъ покоевъ, во дворцѣ, избранномъ еще Людовикомъ XIV для резиденціи короля. Хотя прежній придворный этикетъ еще существовалъ до сихъ поръ, но все таки Людовикъ XV, нелюбившій никакихъ представленій, сократилъ число аудіенцій и рѣдко допускалъ непосредственный разговоръ съ собою. При Людовикѣ XIV камергеры и придворные лакеи проводили цѣлое утро въ спальнѣ короля, занимаясь туалетомъ его величества, какъ какимъ нибудь государственнымъ дѣломъ, теперь же при Людовикѣ XV этотъ обычай былъ уничтоженъ и входъ въ спальню дозволялся только самымъ приблеженнымъ лицамъ.

Король только что отпустилъ послѣдняго камердинера и самъ отдыхалъ передъ обѣдней, такъ какъ по выходѣ изъ церкви онъ долженъ былъ принимать дворъ.

Людовику XV было тогда 48 лѣтъ; фигура его еще сохранила эластичность молодости и неподражаемое величіе короля. Продолговатое лицо Людовика съ правильными чертами могло бы назваться красивымъ, еслибы оно не выражало полнѣйшаго равнодушія. Его большіе

глаза, непривыкшіе опускаться ни передъ кѣмъ, смотрѣли гордо и величественно, но и въ нихъ замѣчалось также выраженіе нѣмаго безчувствія, изрѣдка только этотъ холодный взглядъ оживлялся молніей чувства, придававшей всему лицу какую-то особую прелесть и красоту.

Король одѣвался всегда тщательно и элегантно. На немъ было платье изъ голубаго бархата съ краснымъ воротникомъ, красными обшлагами и серебряными петличками по военной формѣ. Къ этому надо прибавить голубую ленту, перетянутую черезъ плечо съ звѣздой ордена Св. Духа на груди, возлѣ звѣзды висѣлъ крестъ Людовика, военный орденъ старой монархіи; шею обвивала красная лента съ маленькимъ золотымъ значкомъ, съ которымъ король никогда не разставался.

Король сидѣлъ на покойномъ рѣзномъ стулѣ, обитомъ свѣтло-зеленою шелковою матеріею, а возлѣ него па мраморномъ столикѣ съ бронзовыми львиными ножками стоялъ изящный, серебряный кофейный приборъ. Его величество съ большимъ вниманіемъ трудился надъ приготовленіемъ кофе. Изъ подъ таганчика виднѣлось пламя зажженнаго спирта, и король держалъ на готовѣ серебряную крышечку, чтобъ опустить ея именно въ тотъ моментъ, когда слѣдуетъ, на камфорку. Людовикъ XV воображалъ себя первымъ поваромъ въ Европѣ и считалъ приготовленіе кофе за главнѣйшій пунктъ въ кулинарномъ исскуствѣ. Онъ самъ варилъ себѣ по утрамъ кофе и занимался этимъ съ такимъ усердіемъ, что лицо его казалось болѣе оживленнымъ, нежели при какомъ нибудь другомъ занятіи.

Камердинеръ короля Лебель, одѣтый въ придворную ливрею, стоялъ нѣсколько шаговъ позади его величества и въ наклонномъ положеніи наблюдалъ за приготовленіемъ кофе. Черезъ плечо у него была перекинута салфетка, а въ рукахъ находился подносъ, на которомъ стояли чашка севрскаго фарфора и хрустальная сахарница, наполненная сахаромъ. Фигура Лебеля была вы-

тянутая, худая, а на лицѣ, съ маленькими бѣгающими глазками, открыто выражались глупость и упрямство.

Наконецъ шипящая влага поднялась, на поверхности показалось бѣловато-желтая пѣна, и запахъ левантинскаго напитка распространился по комнатѣ. Король поспѣшно потушилъ пламя и съ любопытствомъ слѣдилъ затѣмъ, какъ постепенно утихало шипѣніе. Неслышными шагами приблизился камердинеръ къ столику, налилъ чашку кофеемъ и поставилъ ея предъ королемъ; послѣдній медленно опустилъ въ чашку кусокъ сахара и, отпивъ первый глотокъ, уютно откинулся въ кресло. Но не смотря на оживляющій ароматъ любимаго королемъ напитка, черты его вскорѣ приняли обыкновенное усталое выраженіе, и его величество, вздохнувъ, заговорилъ тихимъ, подавленнымъ тономъ;

— Какъ я скучаю, Лебель! Сейчасъ только кончился пріемъ, и я принужденъ былъ снова видѣть эти личности, каждая черта и движеніе которыхъ мнѣ такъ хорошо знакомы. Вѣдь я отлично знаю, какъ они перешептываются между собой, какъ бросаютъ взгляды, полные зависти и ненависти на того, съ кѣмъ я подольше поговорю! Сейчасъ придетъ Шуазель и начнетъ говорить о политикѣ, тробующей войны и пролитія крови моихъ бѣдныхъ подданныхъ, которые не знаютъ и не въ состояніи понять за что они будутъ драться! Эта скучная, истомленная жизнь и вѣчное равнодушіе разслабляютъ духъ и тѣло!

— Ваше величество не отдадите ли приказаніе собраться на охоту? Поѣздка въ Марли можетъ быть...

— Марли, Тріанонъ, Тріанонъ, Марли повторилъ король, смѣясь, конечныя точки золотой клѣтки, въ которой я двигаюсь. И къ тому же сознаю, продолжалъ король съ грустью, что не все такъ дѣлается, какъ слѣдуетъ; мои финансы истощены, арміи будутъ разбиты, а какъ я могу этому помочь?

Лебель молча выслушалъ рѣчь короля, онъ уже привыкъ къ легкимъ припадкамъ грусти, случавшимся почти каждый день съ его величествомъ, и считалъ себѣ за пра-

вило проходить молчаніемъ важный и опасный разговоръ о политикѣ.

— Иногда, продолжалъ король, во мнѣ пробуждаются великія идеи, занимавшія моихъ предшественниковъ, — но увы! все такъ установлено и идетъ по предначертанной линіи, что мнѣ ничего не остается дѣлать, какъ оставить идти все по прежнему! Великій король, оставившій мнѣ престолъ, когда я былъ еще ребенкомъ, окружилъ свой тронъ пропорціональнымъ и неизмѣннымъ колесомъ этикета, среди котораго я вращаюсь, не имѣя достаточно силъ уничтожить установленный порядокъ въ кругу марьонетокъ вмѣсто людей! О я усталъ, ужасно усталъ!

Лебель продолжалъ стоять неподвижно въ отдаленіи за портьерой, скрывавшей его отъ взоровъ короля. Король опустошилъ чашку съ кофеемъ.

— Лебель, возьми это, сказалъ король, указывая на подносъ, — часъ докладовъ приближается, прибавилъ онъ со вздохомъ.

Камердинеръ поспѣшно взялъ подносъ съ стоявшимъ на немъ приборомъ, и тихими шагами, какъ тѣнь, вышелъ изъ комнаты.

Король всталъ съ мѣста и началъ ходить большими шагами взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Шуазель, сказалъ король, не таковъ, какъ всѣ остальные, — онъ дѣйствительно любитъ Францію и заботится о ея величіи, его мысли находятъ часто отголосокъ въ моемъ сердцѣ, — но онъ противникъ Риму, — хочетъ освободить Францію отъ вліянія церкви. Я вполнѣ понимаю Шуазеля и втайнѣ совершенно съ нимъ согласенъ, — но мой духовникъ доказываетъ мнѣ просто и ясно, что только бразды римской власти и могутъ удержать народъ отъ возмущенія противъ короля. Такимъ образомъ я не могу послѣдовать совѣту одного и угодить другому! Да къ тому, прибавилъ король, размышляя самъ съ собою, — я много грѣшилъ, всѣ люди грѣшатъ, и если церковь имѣетъ власть избавлять отъ вѣчныхъ страданій...

Смерть, вѣчность — эти страшныя слова оковываютъ меня, какъ желѣзомъ, своимъ холоднымъ дыханіемъ.

Король мрачно опустилъ голову на колѣни.

— Я всегда одинъ, продолжалъ король, я задыхаюсь въ этомъ уединеніи, какъ сухое дерево безъ цвѣту и листьевъ! Маркиза, она занимаетъ меня, ея общество доставляетъ мнѣ удовольствіе, но любитъ ли она меня на самомъ дѣлѣ? Стала ли бы маркиза меня любить, если бы я не былъ королемъ? О мой Богъ, воскликнулъ онъ тономъ горечи и отчаянія, пошли мнѣ человѣка, свободный духъ котораго и сильное мужественное слово раздѣляли бы мое королевское могущество. Мой предшественникъ имѣлъ министромъ Ришелье, пошли мнѣ другаго Ришелье!

— Герцогъ Ришелье, доложилъ лакей, стоявшій въ дверяхъ комнаты, и маршалъ, улыбаясь, съ глазами блестѣвшими отъ скрытой злобы и внутренняго волненія, приблизился съ глубокимъ поклономъ къ королю. Послѣдній, услышавъ, что имя, только что произнесенное имъ самимъ, было повторено лакеемъ, нѣсколько смутился и тотчасъ подумалъ:

— Неужели это голосъ судьбы? Возможно ли, чтобъ этотъ человѣкъ былъ для меня тѣмъ, чѣмъ былъ великій кардиналъ для моего предшественника?

Король наклонилъ слегка голову въ сторону герцога и, опустившись въ кресло, заговорилъ довольно ласковымъ тономъ:

— Здравствуй Ришелье! Я тебя сегодня еще не видалъ, ты пропустилъ часы моихъ утреннихъ представленій. Ужъ не хочешь ли ты сдѣлаться отшельникомъ или философомъ?

— Еще нѣтъ, ваше величество, отвѣчалъ Ришелье, смѣясь, я слишкомъ старъ для этого. Мое призваніе угождать королю и исполнять малѣйшія желанія его величества. Но что это? мнѣ кажется, сегодня ваше величество чѣмъ то разстроены, грустны. Смѣю спросить какое облако затмило ясный взоръ, отъ котораго Франція получаетъ свѣтъ и радость?

— Я скучаю, Ришелье, сказалъ король задумчиво, ужасно скучаю,—это и есть причина моей грусти! Развѣ для того быть королемъ, чтобъ влачить безотрадное, тяжелое существованіе? О въ такомъ случаѣ, я желалъ бы быть простымъ двoряниномъ, которому восходящее солнце открываетъ новыя надежды, а ночь наполняетъ сердце сладкимъ чувствомъ довольства, что долгъ исполненъ и работа окончена! Меня же постоянно окружаетъ сѣрый, холодный туманъ вѣчнаго равнодушія! Ришелье, неправда ли—то время, когда мы оба были молоды и ты былъ простымъ Фронсакомъ, а не маршаломъ и перомъ Франціи, было гораздо лучше? Тогда мы жили, надѣялись, мечтали, желали и стремились.

— И любили, ваше величество, прибавилъ Ришелье. Любовь заключаетъ въ себѣ надежды, мечты и стремленія; она даетъ жизни новую прелесть и наполняетъ сердце вмѣсто равнодушія, золотымъ свѣтомъ и пріятной теплотой.

— Да, да, Ришелье, вздохнулъ король, твоя правда, это любовь дѣлала насъ веселыми и бодрыми, но время это уже прошло, давно прошло и даже пепелъ совершенно погасъ, а если иногда и загорается, то все таки уже никогда не вспыхнетъ въ широкое, свѣтлое пламя, какъ въ былыя, блаженныя времена.

— Можетъ быть, ваше величество, сказалъ Ришелье, опираясь на ручку королевскаго стула, вы не нашли еще ту руку, которая должна зажечь пламя вашего сердца. Волшебный факелъ любви горитъ не во всякой рукѣ! Нѣсколько дней тому назадъ мнѣ показалось, что граціи слили все свое очарованіе въ одномъ существѣ, какъ будто именно для того, чтобы придать ему возможность наполнить новою жизнью сердце вашего величества и сдѣлать васъ такимъ счастливымъ, какъ вы были въ тѣ времена, когда я былъ еще Фронсакомъ, и король Франціи еще не зналъ скуки.

— Кого ты подразумѣваешь подъ этимъ существомъ,

Ришелье? спросилъ король, внимательно прислушиваясь къ словамъ маршала.

Молнія торжества блеснула изъ глазъ герцога и онъ, наклонившись къ уху короля, прошепталъ:

— Когда ваше величество говорили съ такимъ восхищеніемъ о дѣвицѣ де Бомонтъ, молодой племянницѣ старой графини Гимене, въ вашихъ глазахъ блестѣло то пламя, которое нѣкогда согрѣвало графиню де Малли, герцогиню Катеорукс, такое пламя не можетъ покрыться пепломъ и позвольте замѣтить, ваше величество, что въ вашей груди далеко не все еще обратилось въ пепелъ.

— Не правда ли, Ришелье, воскликнулъ радостно король, она прекрасна, эта маленькая Луиза...

— А онъ говоритъ уже «Луиза», замѣтилъ Ришелье про себя.

— Она такъ свѣжа и скромна, какъ лѣсной цвѣточекъ, продолжалъ король,—такъ не похожа на другихъ придворныхъ дамъ, что когда я услыхалъ чистый звукъ ея голоса, то на меня вдругъ повѣяло дыханіе юности, и какъ высохшему дереву трудно выносить на себѣ дѣйствіе палящаго солнечнаго луча, такъ и въ моемъ отяжелѣвшемъ мозгу больно отозвались воспоминанія о всѣхъ бутонахъ и цвѣтахъ, разцвѣтшихъ на моихъ глазахъ. Нѣтъ, это болѣе ничего, какъ сонъ, вздохнулъ король и въ изнеможеніи опустился въ кресло. Прошло то время, когда мечты обращались въ дѣйствительность и если мы еще въ состояніи любить, Ришелье, то насъ уже никто болѣе не полюбитъ.

— Извините, ваше величество, замѣтилъ Ришилье, я не могу не удивиться, услышавъ такія слова изъ устъ короля, благодѣтеля своей страны.

— Ты остаешься вѣчно юнымъ, Ришелье, сказалъ грустно король, но я старъ, очень старъ.

— M-lle Бомонтъ этого не находитъ, замѣтилъ сухимъ тономъ Ришелье.

— Ты ее видѣлъ? вскричалъ король, живо вскакивая

съ мѣста и обращая голову въ сторону герцога. Ты говорилъ съ нею обо мнѣ?

— Я старый другъ графини де Гимене, замѣтилъ Ришелье медленно и спокойно, бросая искоса насмѣшливые взгляды на короля. Я курю ѳеміамъ старымъ придворнымъ дамамъ, какъ нѣкогда египтяне поклонялись ядовитымъ змѣямъ. M-lle де Бомонтъ имѣетъ ко мнѣ большее довѣріе.

— И она говорила обо мнѣ? прервалъ его нетерпѣливо король.

— Я желалъ бы, ваше величество, чтобъ вы сами слышали въ какихъ пылкихъ и краснорѣчивыхъ словахъ этотъ боязливый ребенокъ выражался на счетъ васъ. Вы изволили назвать m-lle де Бомонтъ лѣснымъ цвѣткомъ, пожалуй, но только въ настоящемъ случаѣ лѣсной цвѣточекъ, выросшій въ тѣни деревьевъ, не утратилъ своей прелести и охотно откроетъ чашечку благотворному лучу солнца.

Король въ волненіи схватилъ руку Ришелье.

— Армандъ, разскажи мнѣ, разскажи скорѣй, что она говорила?

— Король Франціи, сказалъ Ришелье, полу-серьезно, полу-насмѣшливо, не привыкъ выслушивать подобныя слова черезъ посредство третьяго лица. Поговорите съ ней сами, ваше величество, и хотя это боязливый ребенокъ, и она можетъ быть боится собственнаго сердца и старается защититься отъ самой себя, но все таки я думаю, — она не будетъ въ состояніи противустоять вамъ, вашимъ пылкимъ взглядамъ и увлекательной рѣчи.

— Такъ ты думаешь, воскликнулъ король, дрожа отъ волненія, что она меня можетъ полюбить,—и онъ тяжело вздохнулъ,—какъ нѣкогда насъ любили. Я бы желалъ, чтобъ она меня полюбила не какъ короля, который въ состояніи ей дарить золото и брилліанты, но какъ человѣка.

— Я думаю, что она любитъ ваше величество, сказалъ Ришелье увѣренно, и что вамъ стоитъ только потру-

диться отдернуть покрывало, скрывающее сердце дѣвушки.

— Ахъ, Ришелье, я снова становлюсь молодымъ, жизнь пробуждается въ моей груди, мы снова будемъ надѣяться... желать. Ришелье, я зналъ, что ты мнѣ посовѣтуешь что нибудь хорошее! Но какъ я могу съ нею сблизиться? ея тетка герцогиня Гимене держится вдали отъ двора и показывается здѣсь только въ необходимыхъ случаяхъ.

— Герцогиня не любитъ маркизы и герцога Шуазеля, — вѣрныхъ слугъ вашего величества, продолжалъ Ришелье со вздохомъ. Еслибъ герцогиня не боялась встрѣтить ихъ при дворѣ, то она являлась бы сюда чаще. Герцогиня де-Гимене дружна съ патеромъ Линьеромъ, духовникомъ вашего величества, который также не любитъ маркизы и Шуазеля.

— Ришелье, Ришелье, сказалъ грустно король, ты говоришь о политикѣ, между тѣмъ, какъ мы рѣшились посвятить время мечтамъ о любви, розовое облако исчезаетъ и передо мной снова возстаетъ сѣрый туманъ.

— Избави Боже, ваше величество, воскликнулъ Ришелье, смѣясь, — я не думаю о политикѣ и напротивъ стараюсь держаться вдали отъ нея; я упомянулъ объ этихъ политическихъ обстоятельствахъ единственно потому, что несносная политика удаляетъ васъ отъ счастія.

— Такъ ты думаешь, Армандъ, что герцогиня... маленькая Луиза противъ маркизы...

— Ваше величество, началъ Ришелье равнодушнымъ тономъ, герцогиня возстаетъ, главнымъ образомъ, противъ политики, которой повелѣваетъ маркиза, а управляетъ Шуазель.

— Я повелѣваю политикой, вскричалъ король, гордо закидывая голову. Я — глава Франціи и могу поручить управленіе ея кому угодно, напримѣръ тебѣ, Ришелье. Какъ ты это находишь? Но все меня такъ мучитъ.

— Я совѣтую вашему величеству, отвѣчалъ Ришелье, забыть на время политику и не отгонять съ намѣреніемъ

золотаго облака, спустившагося надъ вашей головою. На большомъ выходѣ послѣ обѣдни будетъ присутствовать герцогиня съ племянницей.

— Онѣ будутъ, Ришелье, сказалъ король въ восхищеніи, и я ее увижу? Я такъ счастливъ, какъ давно не былъ,—я ужъ не скучаю больше.

Дверь отворилась и вошедшій лакей доложилъ о приходѣ патера Линьера.

Духовникъ, одѣтый въ простую черную форму ордена Іисуса, приближался тихими, размѣренными шагами къ королю. Остановившись въ нѣсколькихъ шагахъ отъ его величества, онъ поклонился низко, но съ достоинствомъ.

Патеру было на видъ лѣтъ пятьдесятъ; лицо его блѣдное, строгое и серьезное напоминало старые портреты заслуженныхъ генераловъ. Всѣ человѣческія страсти, отражавшіяся въ каждой чертѣ лица патера, были скованы сильною волею этого человѣка. Несмотря на смиренную осанку патера, глаза его блестѣли мужественно и повелительно, а бѣлый выпуклый лобъ, обрамленный короткими черными волосами, красиво выдѣлялся изъ всего лица и казался высѣченнымъ изъ мрамора. Поклонившись королю, патеръ привѣтствовалъ также Ришелье взглядомъ, заключавшимъ въ себѣ, какъ казалось, вопросъ. Герцогъ отвѣчалъ патеру легкимъ кивкомъ головы, какъ это дѣлаютъ обыкновенно въ знакъ согласія. Король простоялъ еще нѣсколько минутъ въ задумчивости, потомъ, какъ бы пробудившись отъ сна, сказалъ:

— Мой достойный отецъ, я только что разсказывалъ Ришелье о томъ, какъ я ужасно скучаю,—значитъ моя душа и совѣсть находятся въ хорошемъ состояніи, потому что скука есть усыпленіе души, а когда мы спимъ, то не можемъ грѣшить.

— Тонъ, которымъ вы говорите о спасеніи души, доказываетъ мнѣ, что напротивъ ваша душа и совѣсть опасно больны, да къ сожалѣнію я долженъ сказать, что это

иначе и быть не можетъ, прибавилъ патеръ спокойно и серьезно.

— Я же вамъ говорю, патеръ, что мнѣ не было времени грѣшить, такъ какъ я постоянно скучалъ.

— А развѣ не грѣхъ скучать королю Франціи? сказалъ патеръ строго и выразительно. Король не долженъ предоставлять заботы о величіи государства и благоденствіи своихъ подданныхъ въ чужія руки, тѣмъ болѣе въ руки тѣхъ людей, которые...

— Всегда одни и тѣже упреки, прервалъ его съ нетерпѣніемъ король, что сдѣлала вамъ маркиза, патеръ? Она усердная католичка и хочетъ примириться съ орденомъ,—она даже думаетъ выбрать себѣ въ духовники патера де-Сази.

— Первый шагъ къ спасенію, со стороны маркизы долженъ состоять въ удаленіи ея отъ двора, гдѣ она занимаетъ мѣсто, не принадлежащее ей ни по рожденію, ни по положенію въ свѣтѣ, во вторыхъ, маркиза должна разстаться навсегда съ вашимъ величествомъ.

— Я не понимаю, патеръ, за что вы нападаете на маркизу, сказалъ король.—Маркиза любитъ меня, она самый преданный и искренній мой другъ; вы знаете, что королева холодно отвергла мою любовь, не могу же я проводить всю жизнь въ одиночествѣ, не зная ни дружбы, ни любви!

— Церковь смягчаетъ и прощаетъ заблужденія сердца кающагося въ своихъ грѣхахъ и смиренно молящаго о прощеніи, какъ это и сдѣлала нѣкогда благочестивая герцогиня Лавальеръ, но маркиза не намѣрена каяться, она продолжаетъ гордо подымать голову передъ придворными и не довольствуется быть подругой сердца вашего величества, нѣтъ! она хочетъ управлять Франціей и подчинить духъ церкви философамъ. Мало того, маркиза покровительствуетъ Шуазелю, который противупоставляетъ гражданское могущество государства церковной власти. Вотъ это все ужасный грѣхъ и такъ какъ вы

принимаете въ немъ участіе, то я никогда не перестану увѣщевать ваше величество измѣнить вашъ образъ мыслей.

— Вы очень строги, патеръ! замѣтилъ король, выслушавъ молча рѣчь своего духовника. А еслибъ я нашелъ себѣ подругу, какъ была Лавальеръ во времена моего дѣда,—цвѣтокъ, украшавшій мою жизнь, наполнявшій блаженствомъ сердце и не принимавшій никакого участія въ политикѣ, были ли бы вы и тогда также строги ко мнѣ или дозволили бы моему сердцу наслаждаться тихимъ и спокойнымъ счастіемъ?

— На смиренно склоненныя головы церковь ниспосылаетъ благословеніе и прощеніе, сказалъ патеръ смягченнымъ тономъ,—проклинаетъ и наказуетъ только гордыхъ и самонадѣянныхъ.

— Ты слышишь, Ришелье? шепнулъ король маршалу.

— Я слышу, ваше величество, и радуюсь, что вы имѣете все:—счастіе, волненіе молодости и рѣшеніе церкви, отвѣчалъ Ришелье.

— Ваше величество изволили назвать меня слишкомъ строгимъ, продолжалъ патеръ,—я же напротивъ не такъ строгъ, какъ бы долженъ быть. Я оказываюсь болѣе слабымъ, нежели другія благочестивыя личности, преданныя вашему величеству; послѣднія глубоко возмущаются, видя, какъ властвуетъ маркиза, такъ несправедливо занявшая первое мѣсто при дворѣ и какъ она высокомѣрно относится къ древнему дворянству этой страны. Сегодня еще я слышалъ горькія жалобы одной благочестивой, старой дамы, глубоко мною уважаемой.

— Думаете ли вы, патеръ, что Франція будетъ лучше управляема, если старыя дамы вмѣшаются въ это дѣло? замѣтилъ король съ усмѣшкой.

— Герцогиня Гимене, продолжалъ спокойно патеръ, принадлежитъ къ одной изъ самыхъ знатныхъ дворянскихъ фамилій и родъ ея не одинъ разъ уже принималъ участіе въ судьбѣ Франціи, но и она теперь со слезами на глазахъ говоритъ о паденіи государства, потому что дѣй-

ствительно владычество маркизы и ея министра быстро ведутъ Францію по пути къ...

— Въ настоящее время я самъ управляю Франціей, вскричалъ король, прерывая рѣчь своего духовника и я назначаю министровъ! Объ томъ, что вы мнѣ сейчасъ сказали, я подумаю, замѣтилъ король, уже болѣе спокойнымъ тономъ.

— Герцогъ Шуазель, доложилъ лакей, отворяя двери кабинета.

ГЛАВА VIII.

Дойдя до кабинета короля, герцогъ Шуазель взялъ свой портфель у секретаря, проводившаго его до дверей и затѣмъ гордо и самоувѣренно вошелъ въ комнату. Онъ низко поклонился королю и сдѣлалъ видъ, будто не замѣчаетъ герцога Ришелье и патера Линьера. Людовикъ XV, казалось, былъ непріятно поражонъ появленіемъ министра;—онъ слегка кивнулъ ему головою и заговорилъ тономъ, въ которомъ ясно слышалась раздражительность:

— Ну, герцогъ, вы пришли снова говорить со мной о политикѣ, вѣчной моей непріятельницѣ. Позвольте мнѣ хоть сегодня свободнѣе вздохнуть и не отравляйте благоуханнаго воздуха вашими политическими идеями, сказалъ король.

— Я не отниму много времени у вашего величества, отвѣчалъ поспѣшно министръ. Король со вздохомъ опустился въ кресло, а затѣмъ, обратившись къ Шуазелю, сказалъ:

— Такъ начинайте, герцогъ! Прощай, Ришелье, ты непремѣнно долженъ присутствовать на большомъ выходѣ послѣ обѣдни, потому что мнѣ нужно съ тобой поговорить. Ришелье поцѣловалъ протянутую руку короля и вышелъ изъ комнаты.

Шуазель открылъ свой портфель и съ удивленіемъ

посмотрѣлъ на патера Линьера, продолжавшаго неподвижно стоять позади стула короля.

— Ну, герцогъ, я слушаю! нетерпѣливо воскликнулъ король. Шуазель бросилъ вопросительный взглядъ на патера.

— Патеръ Линьеръ—мой духовникъ, заговорилъ король, не глядя на герцога, и у меня нѣтъ отъ него тайнъ. Кто руководитъ моимъ сердцемъ и совѣстью, тотъ долженъ также знать мои мысли и желанія.

— Я не знаю будетъ ли угодно патеру принять такое же дѣятельное участіе въ благѣ и счастіи Франціи, какое онъ принимаетъ въ спасеніи души вашего величества, сказалъ Шуазель съ досадой.

— Мнѣ никогда не приходило въ голову отдѣлять счастіе короля отъ интересовъ его народа, отвѣчалъ холодно патеръ.

— Я васъ прошу, герцогъ, начнемъ,—мнѣ нѣкогда,—дворъ ужъ собрался, время пріема настаетъ, торопилъ король.

Герцогъ вынулъ бумагу изъ портфеля и заговорилъ:

— Я представляю вашему величеству проектъ австрійскаго трактата, условія котораго опредѣлены мною. Если ваше величество соизволите подписать договоръ, то рѣшеніе этого важнаго для Франціи дѣла послѣдуетъ немедленно.

Онъ протянулъ королю бумагу. Тотъ взялъ ее, пробѣжалъ глазами и затѣмъ, положивъ на столъ, спросилъ:

— А больше у васъ нѣтъ бумагъ, герцогъ?

— Остальныя дѣла не имѣютъ особенной важности, отвѣчалъ Шуазель. Ваше величество изволите подписать договоръ,—уже готовъ курьеръ отвести его въ Вѣну.

— Я сегодня очень взволнованъ, сказалъ король, у насъ мало времени, дворъ ждетъ. Я долженъ прочесть на досугѣ этотъ договоръ; теперь, Шуазель, оставте здѣсь листы или возьмите ихъ съ собою и принесите ихъ завтра, тогда мы еще разъ потолкуемъ.

Король вcталъ съ кресла и возвратилъ герцогу бумаги.

— Но, ваше величество,—это дѣло первой важности и я, какъ самый преданный подданный, долженъ замѣтить, что честь... Къ тому же курьеръ уже давно дожидается приказаній вашего величества.

— Курьеръ можетъ подождать, закричалъ король, закидывая вверхъ голову. Завтра, герцогъ, завтра мы еще разъ поговоримъ съ вами, теперь дворъ уже собрался и меня ждутъ.

— Развѣ дворъ не можетъ подождать, когда ваше величество заняты государственнымъ дѣломъ? спросилъ насмѣшливо Шуазель.

Патеръ Линьеръ, стоявшій до сихъ поръ въ сторонѣ, понялъ, что долженъ придти на помощь королю и потому сказалъ:

— Герцогъ, вы забываете, что его величество собирается идти къ обѣднѣ.

Шуазель съ удивленіемъ взглянулъ на патера.

— Я хлопочу насчетъ союза съ Австріей, отвѣчалъ герцогъ, этого желаютъ всѣ друзья достойнаго патера.

— Патеръ правъ, подхватилъ король, служеніе Богу должно стоять выше всѣхъ земныхъ обязанностей. Обѣдня началась и такъ до свиданія, Шуазель, до завтра!

Король позвонилъ въ колокольчикъ. Вошелъ камердинеръ Лебель. Открой двери, Лебель,—сюда долженъ войти дворъ. Я сейчасъ отправляюсь къ обѣдни, сказалъ король.

Лебель открылъ главныя двери и глазамъ присутствующихъ представилась цѣлая галлерея, наполненная придворными мужчинами и дамами. Тутъ было все, что есть самаго знатнаго и великаго во всей Франціи,—безчисленное количсетво звѣздъ, красныхъ и бѣлыхъ лентъ и бриллiантовъ. Въ ту минуту, когда блестящая толпа устремилась въ комнату короля, Гостонъ де Ориньи—начальникъ королевской стражи, одѣтый въ парадную форму, занялъ свое обычное мѣсто у входа.

Герцогъ Аіенъ, главный церемонимейстеръ и другъ юности короля, слѣдуя этикету, подалъ его величеству молитвенникъ. Герцогъ не принималъ никогда участія въ политическихъ интригахъ и вслѣдствіе этого пользовался постоянно одинаковымъ расположеніемъ короля, между тѣмъ какъ его товарищи часто подвергались немилости его величества, благодаря проискамъ Ришелье или собственной неосторожности.

Король махнулъ рукою герцогу, продолжая со вниманіемъ разсматривать всѣхъ проходящихъ.

Вскорѣ онъ, казалось, нашелъ то, чего искалъ. Король увидалъ, что герцогиня де Гимене и ея прелестная племянница разговариваютъ съ Ришелье. Герцогъ старался провести обѣихъ дамъ поближе къ королю и, не обращая вниманіе на неудовольствіе толпы, раздвигалъ всѣхъ стоящихъ, то отпуская невинныя шуточки, то бросая высокомѣрные взгляды.

— Благодарю, Аіенъ, благодарю, сказалъ король, взявъ молитвенникъ изъ рукъ церемонимейстера. Что можемъ мы предпринять сегодня? Какъ ты мнѣ посовѣтуешь провести время?

— Вчера, ваше величество, изволили охотиться, сегодня можетъ быть поѣздка въ Марли.

— Въ Марли, со вздохомъ повторилъ король, — вѣчное однообразіе, но впрочемъ, пожалуй, мы поѣдимъ въ Марли маленькимъ обществомъ, ты, Ришелье, герцогиня де Гимене.

Герцогъ де Аіенъ въ испугѣ отступилъ назадъ, услышавъ имя такой благочестивой дамы, удалявшейся отъ двора. Онъ думалъ, что не хорошо разслышалъ слова короля и потому переспросилъ: герцогиня де Гимене, ваше величество!

— Прелестная дама, повторилъ твердо король, — съ нами также поѣдетъ ея племянница, m-lle Бомонтъ.

Герцогъ де Аіенъ не могъ опомниться отъ удивленія.

— А госпожа маркиза? спросилъ онъ.

— Маркиза, сказалъ король, непріятно встревожен-

ный,—ея, кажется, нѣтъ здѣсь, продолжалъ онъ, осматриваясь кругомъ—маркиза вѣроятно нездорова.

— Госпожа маркиза здѣсь, ваше величество, отвѣчалъ герцогъ, указывая на шелковую портьеру, скрывавшую двери, ведущія въ покои пріятельницы короля. Въ эту самую минуту въ дверяхъ появилась маркиза съ сердитымъ лицомъ.

Король вздохнулъ, но все таки отвѣтилъ на низкій поклонъ маркизы. Потомъ, обратившись къ ней, холодно—вѣжливымъ тономъ замѣтилъ:

— Я думалъ, маркиза, что вы не такъ хорошо себя чувствуете, вы дѣйствительно должны очень беречь ваше здоровье.

— Ваше величество слишкомъ милостивы ко мнѣ, возразила маркиза, удивленная недовольнымъ тономъ короля. Я немного опоздала засвидѣтельствовать мое почтеніе вашему величеству. Затѣмъ, приблизившись къ королю, она подавленнымъ голосомъ сказала: сегодня я опять получила собраніе наглыхъ каррикатуръ, которыя мои враги не скупятся распространять повсюду, въ этихъ карррикатурахъ не пощадили вашего величества.

— Ахъ, это очень весело, замѣтилъ разсѣянно король. Маркиза, вы мнѣ покажите картинки.

— Главнымъ образомъ мое негодованіе возбуждаетъ то обстоятельство, что большая часть этихъ картинъ нарисована патеромъ изъ общества Іисуса, которому я такъ недавно предлагала руку примиренія.

— Я не знаю, маркиза, зачѣмъ вы примѣшиваете къ нашему пустому разговору имя благочестиваго патера. Мнѣ кажется, будто я слышу Шуазеля; послѣ, маркиза, вы мнѣ покажете картинки и мы съ вами поговоримъ, теперь же, передъ обѣдней оставимъ всѣ земные предметы въ покоѣ.

— Я имѣю въ виду предложить вашему величеству развлеченіе, сказала маркиза. У меня сегодня будетъ маскированный балъ и я надѣюсь, что вы не от-

кажитесь присутствовать на немъ. Вамъ будетъ очень весело наблюдать въ тайнѣ за придворными.

— Великолѣпно, маркиза! вскричалъ живо король, но тутъ онъ замялся,—а поѣздка въ Марли съ моей маленькой Луизой? прошепталъ онъ про себя. Впрочемъ маскированный балъ—еще болѣе благопріятный случай для знакомства,—я непремѣнно буду на вашемъ балу, маркиза, прибавилъ король вслухъ. — Я вамъ очень благодаренъ, маркиза, за то, что вы умѣете всегда придумать, что нибудь веселое и занимательное.

Король любезно поклонился маркизѣ и отошелъ къ герцогинѣ де Гимене, между тѣмъ, какъ маркиза подошла къ Шуазелю, стоявшему поодоль съ мрачнымъ и серьёзнымъ лицомъ.

— Я очень радъ, герцогиня, видѣть васъ снова при дворѣ, сказалъ король, обращаясь къ герцогинѣ де-Гимене. Меня всегда очень печалило ваше удаленіе отъ общества!

— Такой старой женщинѣ, какъ я, ваше величество, пора умереть для свѣта, а думать только о небѣ и вѣчной жизни, отвѣчала герцогиня.

— Вы такъ благочестивы герцогиня, что небо не можетъ отказать вамъ въ спасеніи; но когда имѣешь такую прелестную племянницу, какъ m-lle Луиза то грѣшно избѣгать общества. Не правда ли, m-lle Луиза? продолжалъ король, обращаясь къ молодой дѣвушкѣ, вы не особенно были благодарны вашей тетушкѣ за то, что она удалила васъ отъ двора и лишила, такимъ образомъ, всѣ сердца, бьющіяся любовью къ вамъ наслажденія любоваться вашимъ прелестнымъ личикомъ.

— Я выросла въ деревенскомъ уединеніи, ваше величество, а потому чувствую себя стѣсненной и чуждой при этомъ блестящемъ дворѣ, отвѣтила Луиза, опуская глаза въ землю.

— Вы чувствуете себя чуждой! воскликнулъ король, вы, которой предназначено быть царицей нашего общества! Ваша красота и пріятность заставляютъ преклоняться

передъ собой всѣ головы, начиная съ моей. Вамъ стоитъ только взглянуть и желаніе ваше будетъ исполнено,—поднять руку и никто не осмѣлится ослушаться вашего повелѣнія!

— Ваше величество изволите смѣяться надо мной, прошептала Луиза, какъ я могу...

— Я нисколько не смѣюсь и не шучу, отвѣтилъ король, а говорю правду, правду, которую ощущаю въ глубинѣ моего сердца. Ваша красота имѣетъ надо мной громадную власть, и я думаю, что повелительница короля можетъ быть госпожею при дворѣ.

Король подошелъ ближе къ дѣвушкѣ и старался заглянуть въ ея глаза, смиренно опущенные внизъ. Луиза приняла всѣ любезности короля за простое выраженіе высочайшей милости и рѣшилась воспользоваться расположеніемъ его величества, какъ говорила Гастону.

— Скажите же мнѣ что нибудь! воскликнулъ король, смотря на Луизу, все еще молчавшую. Нѣтъ ли у васъ какой нибудь заботы, желанія? Король Франціи въ состояніи сдѣлать все, что вы пожелаете. Прошу васъ вѣрьте въ мою дружбу и позвольте мнѣ высказать вамъ мои чувства.

—. Такой удобный случай просить о своемъ дѣлѣ ужъ не представится больше, подумала молодая дѣвушка,— вѣдь говорятъ же, что милость королей скоропроходяща. Она собрала все свое мужество и заговорила нетвердымъ голосомъ, поднявъ глаза прямо на короля:

— Такъ какъ ваше величество изволите быть милостивы ко мнѣ, то я рѣшаюсь высказаться передъ вами. Да, у меня есть одно желаніе въ сердцѣ.

— Вы дѣлаете меня счастливымъ, прервалъ ее король, говорите, говорите скорѣй, каждая минута неизвѣстности становится невыносимой для меня.

— Ваше величество, прошептала Луиза, задыхаясь отъ волненія, меня не привлекаютъ блескъ и роскошь придворной жизни, но я стремлюсь къ тихому, спокойному

счастью.... Я рѣшилась просить заступничества вашего величества передъ моей теткой, чтобъ мнѣ выйти замужъ.

Король въ испугѣ отступилъ назадъ.

— Выйти замужъ! восвликнулъ король, спускаясь съ высоты своей мечты. Ну, это вещь серьёзная, такая серьезная, что я даже не знаю, въ состояніи ли найти партію достойную васъ.

— Шевалье д'Ориньи, ваше величество, замѣтила Луиза, мужество которой постепенно возростало по мѣрѣ того, какъ она выговорила первое слово. Онъ — честный дворянинъ и по службѣ идетъ не хуже другихъ, — докончила она съ дѣтскою наивностью.

— Шевалье д'Ориньи? спросилъ король разсѣянно, еще не совсѣмъ оправившись отъ неожиданнаго оборота всего разговора.

— Шевалье д'Ориньи, офицеръ сѣрыхъ мушкетеровъ, ваше величество.

— Сѣрыхъ мушкетеровъ, машинально повторилъ король, — вы очень торопите меня, m-lle, продолжалъ онъ коротко и холодно, мы должны еще договорить, мнѣ надо объ этомъ подумать.

Король обернулся къ Ришелье, стоявшему въ отдаленіи и сдѣлалъ ему знакъ глазами, между тѣмъ, какъ Луиза была очень испугана быстрымъ измѣненіемъ тона короля и боязливо спрашивала сама себя, чѣмъ могла она навлечь гнѣвъ его величества?

Ришелье поспѣшилъ къ королю и спросилъ его шепотомъ:

— Что, ваше величество, довольны? Герцогиня здѣсь и вы кажется уже имѣли время говорить съ ея племянницей.

— Она прекраснѣе, чѣмъ прежде, сказалъ король, — маркизѣ пришла въ голову великолѣпная мысль устроить маскированный балъ, — тамъ я буду имѣть случай познакомиться съ Луизой и говорить съ нею наединѣ, но представь себѣ, Ришелье, продолжалъ король пониженнымъ голосомъ, она хочетъ выйти замужъ!

Не смотря на все самообладаніе Ришелье, въ голосѣ его звучало безпокойство, когда онъ спросилъ:

— Она сама вамъ это сказала?

— Она торжественно испрашивала у меня позволеніе на бракъ съ шевалье, шевалье... я забылъ его фамилію, онъ офицеръ сѣрыхъ мушкетеровъ.

— А, подумалъ Ришелье,—это тотъ самый молодой человѣкъ, котораго я видѣлъ сегодня! Ришелье немного смутился, вспомнивъ, какъ онъ убѣждалъ короля вѣрить въ любовь Луизы де Бомонтъ, но его обычная дерзость и находчивость вывели изъ затрудненія и на этотъ разъ.

— Это доброе и послушное дитя благоговѣйно хранитъ память о своихъ родителяхъ. Я помню, отецъ Луизы желалъ союза ея съ родственникомъ Ориньи, и вотъ молодая дѣвушка, противъ собственнаго сердца, спѣшитъ исполнить волю покойныхъ родителей.

— Ты думаешь? спросилъ король, чрезвычайно довольный объясненіями Ришелье, согласными съ его собственными надеждами и желаніями.

— Я увѣренъ въ этомъ, отвѣчалъ Ришелье твердо, на балу у маркизы, ваше величество, сами убѣдитесь въ справедливости моихъ словъ. Сѣраго мушкетера мы постараемся удалить отсюда.

— Но только не жестокимъ образомъ, замѣтилъ король. Я не хочу огорчать Луизу, даже и въ томъ случаѣ, если, какъ ты говоришь, она и не любитъ своего кузена. Не надо запирать его въ Бастилію.

— Она его не можетъ любить, такъ какъ сердце ея бьется единственно для вашего величества, продолжалъ Ришелье, пожимая плечами. Что же касается до Бастиліи, то ваше величество не были такъ разборчивы относительно меня.

— Развѣ можетъ быть какое нибудь сравненіе между тобою и бѣднымъ молодымъ человѣкомъ, возразилъ король,—его мы можемъ забыть въ крѣпости. Отошли его куда нибудь. Постой, прибавилъ король, осѣненный внезапно мыслью,—сегодня приставалъ ко мнѣ Шуазель съ

подписью австрійскаго договора... я пересмотрю еще разъ эту бумагу и дамъ рѣшеніе, а ты пошли молодаго человѣка курьеромъ въ Вѣну. Кардиналъ Фернисъ будетъ вести переговоры, а я останусь въ сторонѣ. Ты долженъ немедленно отправить въ путь молодаго человѣка.

Ришелье торжествовалъ. Дѣла шли еще лучше, чѣмъ онъ ожидалъ. Рычагъ иностранной политики самъ давался ему въ руки.

— Но что скажетъ Шуазель, ваше величество, замѣтилъ Ришелье, подумавъ съ минуту, какъ ему разсердить короля. Вѣдь это онъ заключилъ союзъ съ Австріей.

— Шуазель? подхватилъ горячо король. Развѣ смѣетъ противорѣчить моему рѣшенію Шуазель! Если онъ вздумаетъ не соглашаться со мной въ политикѣ, то я могу себѣ избрать въ министры другаго. Дѣлай, что я тебѣ говорю, Ришелье.

— Ваше величество, продолжалъ Ришелье, все еще сохраняя озабоченное выраженіе лица, кардиналъ Фернисъ, имѣя точныя инструкціи со стороны министра, не повѣритъ устному порученію курьера.

— Принеси мнѣ письменный приборъ, возразилъ нетерпѣливо король и положи его на столъ. Возвратившись отъ обѣдни я напишу нѣсколько словъ. Пожалуйста, ни слова объ этомъ больше.

Ришелье скромно отошелъ и на лицѣ его не выражалось той искренной радости, которую онъ испытывалъ въ эту минуту. Онъ держалъ въ рукахъ нити политической интриги; съ настоящаго времени Шуазель былъ устраненъ и Ришелье чувствовалъ себя его преемникомъ, а на мѣстѣ маркизы уже представлялъ маленькую Луизу. Онъ видѣлъ исполненіе самыхъ несбыточныхъ сновъ и честолюбивыхъ стремленій своей бурной жизни.

— Ты мнѣ скажешь, заговорилъ король, довольный завязкой интриги, видимо его занимавшей и шуткой, которую онъ намѣревался сыграть съ своимъ министромъ, оскорбившимъ его высокомѣрнымъ тономъ,—какую маску надѣнетъ Луиза, тогда я могъ бы безпрепятственно съ ней

говоритъ. Сказавъ это, король обратился къ придворнымъ мужчинамъ и дамамъ, стоявшимъ вдоль всего коридора. Всѣ они съ удивленіемъ переглядывались и перешептывались во время разговора короля съ неизвѣстной молодой дѣвушкой и только успокоились тогда, когда король заговорилъ съ Ришелье—однимъ изъ первыхъ сановниковъ двора. Общество разсыпалось въ комплиментахъ другъ передъ другомъ, что не мѣшало по выходѣ отсюда еще съ большимъ ожесточеніемъ, чѣмъ прежде, наклеветать другъ на друга. Его величество былъ сегодня въ особенно веселомъ расположеніи духа и вмѣсто того, чтобы послѣ общаго поклона отправиться къ обѣднѣ, какъ дѣлалъ всегда, онъ еще разъ обошелъ всѣхъ и привелъ въ восхищеніе все общество любезностью и находчивостью. Во все это время маркиза разговаривала съ Шуазелемъ, который разсказалъ ей о неожиданномъ отказѣ короля немедленно подписать австрійскій трактатъ.

— Онъ что-то задумалъ, продолжалъ Шуазель, указывая на короля, — будьте осторожны, маркиза, — посмотрите, Ришелье не въ силахъ скрыть злой радости, при взглядѣ на насъ, патеръ Линьеръ былъ сегодня неприступнѣе, чѣмъ когда либо.

— Неблагоразумнѣе ли помириться съ патеромъ и со всѣмъ обществомъ? замѣтила маркиза. Они—сильные и опасные враги.

— Маркиза, вы не должны выказывать никакой слабости, живо перебилъ герцогъ,—съ ними можно только заключить миръ цѣною собственнаго униженія и признанія ихъ власти надъ собою. Мы должны или тверде стоять на своемъ, или покориться. Я не позволю затоптать себя, гордо продолжалъ Шуазель,—лучше оставлю дворъ и предоставлю другимъ отвѣтственность за судьбу Франціи.

Маркиза въ смущеніи осматривалась кругомъ, казалось, она искала предлога порвать разговоръ съ Шуазелемъ.

— Сегодня я принимала у себя вашего протеже,— шевалье Деона, онъ владѣетъ живымъ умомъ, силою сло-

ва и очень мнѣ понравился, вотъ онъ, сказала маркиза, указывая на Деона, стоявшаго у входа въ галлерею и смотрѣвшаго на герцога.

Шуазель подозвалъ шевалье, а когда тотъ подошелъ, министръ заговорилъ съ нимъ привѣтливо. Маркиза обошла всѣхъ придворныхъ, заговаривая, то съ однимъ, то съ другимъ, встрѣчая вездѣ льстивые комплименты и низкіе поклоны. Гастонъ д'Ориньи съ безпокойствомъ слѣдилъ за продолжительнымъ разговоромъ короля съ Луизой, между тѣмъ, какъ Ришелье все время бесѣдовалъ съ герцогиней де Гимене, и, казалось, не замѣчалъ маркизы, передъ которой прежде выказывалъ такое глубокое уваженіе.

Маркиза обратилась съ нѣсколькими ласковыми словами къ юному мушкетеру, производившему на нее пріятное впечатлѣніе молодости и красоты.

— Скажите мнѣ ваши желанія, д'Ориньи, спрашивала маркиза,—молодой человѣкъ вашего имени и вашихъ способностей долженъ мечтать о лучшей участи, чѣмъ прозябать въ вѣчномъ холодѣ при дворѣ. Вамъ можетъ открыться блестящая карьера, и если только мое вниманіе, моя протекція могутъ быть вамъ полезны...

— Ахъ, маркиза, вы такъ милостивы ко мнѣ, воскликнулъ Гастонъ, и я рѣшаюсь просить васъ объ исполненіи моего перваго и главнѣйшаго желанія. Честолюбію нѣтъ мѣста въ моемъ сердцѣ, маркиза, оно всѣцѣло наполнено любовью.

— Развѣ любовь не можетъ соединяться съ честолюбіемъ? отвѣтила маркиза, ласково улыбаясь. Развѣ любящее сердце не должно идти по тому пути, который приведетъ его къ любимому существу.

— Идти по пути къ счастію, повторилъ Гастонъ удивленно,—да, вы правы, маркиза, любовь должна пробуждать честолюбіе и я чувствую въ моей груди это новое чувство. Да, я готовъ бороться, переносить всевозможныя лишенія, лишь бы только обладать ею!

— Господинъ Ориньи!... остановила смущенно маркиза.

— Я хочу имѣть въ вамъ полное довѣріе, маркиза, заговорилъ Гастонъ еще съ большимъ оживленіемъ,— зачѣмъ молчать, если откровенность можетъ сдѣлать меня счастливымъ...

— Я васъ прошу, Гастонъ, прошептала маркиза, боязливо озираясь,—здѣсь,—въ этой комнатѣ....

— Маркиза, продолжалъ Гастонъ, все болѣе и болѣе воспламеняясь, я люблю дѣвушку, у которой вкусы такіе же скромные, какъ и у меня,—если мнѣ дадутъ полкъ въ провинціи, то этого будетъ достаточно сдѣлать насъ счастливыми и независимыми. Маркиза, вамъ стоитъ только сказать слово королю и все будетъ исполнено. Прошу васъ, произнесите это благодѣтельное слово!

— А кого любите вы? спросила маркиза, сильно взволнованная.

— Мою кузину, m-lle де Бомонтъ, отвѣчалъ Гастонъ, бросая умоляющій взглядъ на маркизу,—племянницу герцогини де Гимене.

— А! m-lle де Бомонтъ—сказала маркиза взволнованнымъ голосомъ,—супружество дѣло очень серьёзное, д'Ориньи, и здѣсь не мѣсто говорить объ этомъ. Имѣйте терпѣніе, мы еще успѣемъ подумать и посовѣтоваться, какъ намъ поступить.

Сказавъ это, маркиза холодно отвернулась, а Ориньи въ изумленіи остолбенѣлъ на мѣстѣ.

Обойдя всѣхъ придворныхъ, король подошелъ къ маркизѣ.

— Герцогъ Аіенъ, наша поѣздка въ Марли отмѣняется по случаю маскированнаго бала, назначеннаго маркизой сегодня вечеромъ. Я не хочу пропустить этого праздника и желалъ бы, чтобъ весь дворъ присутствовалъ на немъ. Надѣюсь, герцогиня, что вы и ваша прелестная племянница не откажетесь также принять участіе въ нашемъ удовольствіи, прибавилъ любезно король, обращаясь къ герцогинѣ де Гимене.

— Я? ваше величество, бормотала герцогиня, и вслѣдъ за тѣмъ, обернувшись къ Ришелье, стоявшему возлѣ нея

прошептала: я на балу у маркизы? Нѣтъ, это невозможно!

— Вы не должны ни минуты колебаться, герцогиня, замѣтилъ король. Вы и такъ слишкомъ долго держали вашу прелестную племянницу въ уединеніи и лишали общество ея драгоцѣннаго присутствія. Прошу васъ, герцогиня, будьте сегодня на балу, тѣмъ болѣе, что маркиза...

— Ваше посѣщеніе будетъ большею честью для меня, сказала маркиза съ легкой ироніей въ голосѣ.

— Рѣшайтесь, герцогиня, прошепталъ Ришелье, кто непремѣнно хочетъ достигнуть цѣли, тотъ не долженъ быть слишкомъ разборчивъ въ средствахъ. Скоро мы свергнемъ эту заносчивую маркизу и власть будетъ въ нашихъ рукахъ.

— Если ваше величество настоятельно требуете этого, то я буду имѣть честь воспользоваться любезнымъ приглашеніемъ маркизы, отвѣчала герцогиня, даже не взглянувъ на маркизу.

Шуазель подошелъ къ королю и сказалъ:

— Я имѣлъ уже честь докладывать вашему величеству объ одномъ талантливомъ молодомъ человѣкѣ и просилъ позволенія представить его вашему величеству. Онъ отлично съумѣетъ примѣнить къ службѣ свои рѣдкія способности и обширныя познанія. Маркиза также очень интересуется шевалье Деономъ де Бомонтъ. Сказавъ это, Шуазель сдѣлалъ знакъ молодому человѣку, который приблизился, и съ сердцемъ сильно бьющимся отъ надежды и ожиданія, низко поклонился королю.

— Я очень радъ, герцогъ, замѣтилъ разсѣянно король, не переставая смотрѣть на Луизу, искавшую глазами Гастона. Вы говорите, талантливый молодой человѣкъ...

— Подающій большія надежды, ваше величество, прибавила маркиза.

— Очень хорошо, очень хорошо, отвѣчалъ король,

не отрывая глазъ отъ Луизы. Вы дадите ему какое нибудь мѣсто, герцогъ..

— Шевалье здѣсь, ваше величество, сказалъ громко Шуазель, рѣшившись во чтобы то ни стало обратить вниманіе короля на молодаго человѣка, который ужасно смутился, замѣтивъ, что взгляды всѣхъ придворныхъ обращены на него.

Король повернулъ наконецъ голову въ сторону шевалье, и, окинувъ небрежно взглядомъ молодаго человѣка, проговорилъ:

— Я очень радъ васъ видѣть, шевалье... повторите, я не расслышалъ, какъ назвалъ васъ герцогъ?

— Шевалье Деонъ де Бомонтъ, ваше величество, сказалъ дрожащимъ голосомъ молодой человѣкъ.

— Шевалье де Бомонтъ? переспросилъ король, удивленный услышать это имя. Не родственникъ ли вы,— онъ заикнулся, но тотчасъ же поправился, герцогини де Гимене?

— Герцогиня приходится родственницей одной линіи нашей фамиліи. Мы очень гордимся такимъ знатнымъ родствомъ.

— И совершенно правы, шевалье, подхватилъ живо король, герцогиня въ самомъ дѣлѣ почтенная и достойная дама.

Король окинулъ еще бѣглымъ взглядомъ молодаго человѣка.

— Вы еще молоды, очень молоды, сказалъ король, смотря на нѣжное лицо шевалье. Герцогъ, вы пріищите какое нибудь мѣсто для шевалье, продолжалъ король, обращаясь къ министру. Я увѣренъ имѣть въ немъ вѣрнаго и преданнаго слугу.

Король поклонился съ пріятной улыбкой всему двору и направился къ галлереѣ, которая вела въ церковь. Блестящіе мужчины и дамы представляли видъ павлиньяго хвоста, слѣдуя за королемъ по галлереѣ. Они увлекли за собой и бѣднаго Деона, ошеломленнаго такимъ неожиданнымъ пріемомъ короля.

ГЛАВА IX.

Печально прохаживался одиноко по галлереѣ Гастонъ, отдавшись различнымъ предположеніямъ о внезапной перемѣнѣ расположенія маркизы, которая прежде была такъ милостива къ нему. Не болѣе, какъ сегодня утромъ она прислала ему приглашеніе на маскированный балъ, что было большимъ отличіемъ для молодаго человѣка. И вдругъ теперь она такъ холодно приняла его просьбу, тогда какъ ей стоило только сказать нѣсколько словъ, и пламенное желаніе его было бы исполнено. Легкіе шаги и шелестъ шелковаго платья вывели Гастона изъ задумчивости.

Онъ поднялъ глаза и увидѣлъ Луизу, покраснѣвшую отъ волненія. Она боязливо оглядывалась вокругъ.

— Я улучила одну минуту поговорить съ вами, Гастонъ, герцогиня занята съ придворными, окружившими ее со всѣхъ сторонъ.—Король былъ такъ милостивъ къ ней и ко мнѣ,—и вотъ всѣ обратили на это большое вниманіе. Послушайте, Гастонъ, вы говорили съ маркизой,—вы спрашивали ее.....

Гастонъ грустно покачалъ головою.

— Мои надежды рушатся, Луиза, отвѣчалъ Гастонъ.— Моя просьба, кажется, оскорбила маркизу, и она холодно отвернулась отъ меня. Правда, маркиза сказала: я послѣ объ этомъ подумаю, но я ужъ знаю какое надо придавать значеніе этой глубокомысленной фразѣ знатныхъ людей.

— «Я объ этомъ подумаю» прошептала испуганно Луиза, какъ странно!—То же самое сказалъ мнѣ король.

— Король? воскликнулъ удивленно Гастонъ. Луиза, вы такъ долго говорили съ его величествомъ!

— Сначала король былъ очень любезенъ съ герцогиней и со мной, я даже удивлялась его необычно веселому и милостивому расположенію духа, но когда я

рѣшилась просить его согласія на нашъ бракъ, тогда король сдѣлался вдругъ молчаливъ, сдержанъ и единственными словами его были: «я объ этомъ подумаю!»

— Очемъ же тутъ думать? спросилъ Гастонъ, начиная сильно безпокоиться. Боже мой!—можетъ ли это быть! Луиза, что говорилъ вамъ еще король?

— Ничего такого, чему можно было бы придать какое-нибудь значеніе, онъ насказалъ тысячу любезностей и комплиментовъ герцогинѣ и мнѣ; но тише, кажется, идутъ сюда.

Дѣйствительно на галлерею вошелъ шевалье Деонъ де Бомонтъ, мрачный и задумчивый. Онъ замѣтилъ Гастона и Луизу, когда былъ ужъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ. Обращаясь къ молодымъ людямъ, онъ заговорилъ насмѣшливо и съ горькой улыбкой на губахъ:

— Прошу васъ, милая кузина, замолвите за меня словечко передъ герцогиней, этой почтенной и достойной дамой, пользующейся такимъ великимъ расположеніемъ его величества!

— Не смѣйтесь, кузенъ, я и безъ того много огорчена, отвѣчала грустно Луиза. Я бы охотно хлопотала за васъ,—затѣмъ она познакомила молодыхъ людей, назвавъ каждаго по имени.

— Я люблю m-lle Луизу и потому очень радъ познакомиться съ ея родственникомъ, проговорилъ откровенно Гостонъ, протягивая руку шевалье Деону.

— Вы такъ умны, прибавила Луиза, умѣете краснорѣчиво говорить,—можетъ быть ваше заступничество передъ моей теткой окажется дѣйствительнымъ.

— Мое заступничество! съ горечью сказалъ шевалье, еще бы! я такъ силенъ и имѣю такое вліяніе при дворѣ, конечно мое слово будетъ принято во вниманіе!

Не успѣла Луиза сказать ни слова, когда въ комнату вошла графиня Рошфортъ, бывшая до сихъ поръ въ покояхъ маркизы.

— Какъ, вы здѣсь еще? сказала насмѣшливо гра-

финя,—я думала, вы ужъ отличаетесь на новомъ вашемъ поприщѣ.

— У меня нѣтъ оружія отвѣчать вашей насмѣшкѣ, графиня, отозвался бѣдный шевалье тономъ горькаго разочарованія. Мнѣ ничего не остается, какъ терпѣливо выжидать, пока вы удостоите меня вашимъ вниманіемъ.

Графинѣ, казалось, доставляло невыразимое удовольствіе мучить молодаго человѣга.

— Подождите, шевалье, продолжала графиня,—вы еще такъ молоды, вамъ всегда найдется время прославить себя безсмертными подвигами!

Шевалье съ досадой отвернулся, между тѣмъ графиня продолжала:

— Но такъ какъ ваша слава относится къ далекому будущему, то совѣтую вамъ не пренебрегать моимъ совѣтомъ: если вы въ дѣятельности не будете имѣть успѣха, настойчиво и съ достоинствомъ, какъ мужчина, то употребите въ дѣло женскую хитрость, для которой васъ, какъ мнѣ кажется, и предназначила природа.

И графиня, сдѣлавъ глубокій реверансъ шевалье, съ ѣдкимъ смѣхомъ повернулась въ галлереѣ, которая вела въ помѣщеніе маркизы де Помпадуръ.

— Вы просите меня помочь вамъ? сказалъ шевалье, обращаясь къ Луизѣ,—вы имѣли теперь случай убѣдиться, какъ сильно мое могущество и какъ дѣйствительна была бы моя помощь!—Но я не позволю графинѣ преслѣдовать меня своими ядовитыми насмѣшками! воскликнулъ шевалье, гордо выпрямляясь и закидывая вверхъ голову. Никогда! Я съумѣю показать, что въ моей груди бьется мужское сердце и что въ характерѣ моемъ твердость и рѣшительность мужчины! Теперь же я хочу попробовать оружіе женской хитрости. Я вамъ помогу, Луиза, обѣщаю поговорить о вашемъ дѣлѣ съ герцогиней. Но вы также должны оказать мнѣ одолженіе.

— Говорите скорѣй, я сдѣлаю все, что вы пожелаете.

— Одолжите мнѣ на сегоднешній вечеръ ваше до-

мино, я хочу его надѣть на маскированный балъ маркизы.

— Домино для васъ? спросила удивленно Луиза. Вы хотите...

— Вы слышали, графиня нашла этотъ костюмъ подходящимъ для меня, отвѣчалъ шевалье съ горькой улыбкой. Я хочу послѣдовать ея совѣту и мнѣ кажется, что въ маскѣ мнѣ удобнѣе будетъ похлопотать о вашемъ дѣлѣ.

— Какая странная судьба! замѣтила Луиза, покачивая головкой,—но конечно я готова вамъ служить.

— Черезъ часъ я буду ужъ въ моемъ отелѣ и пришлю оттуда слугу къ вамъ за костюмомъ.

— А вы, Луиза, будете на балу у маркизы? спросилъ Гастонъ упавшимъ голосомъ. Король исключительно приглашалъ васъ и герцогиню, прибавилъ онъ, между тѣмъ какъ темное облако легло на его лобъ.

— Я должна туда пойти съ теткой, замѣтила простодушно Луиза,—да къ тому жъ, прибавила она съ восхитительной улыбкой на губкахъ, по моему маскарадъ превосходный случай поговорить на единѣ, совершенно незамѣтно для другихъ.

Темное облако слетѣло съ лица Гастона, когда онъ взглянулъ на улыбающееся личико любимой дѣвушки.

Онъ съ любовью поцѣловалъ руку Луизы и сказалъ:

— Я надѣну голубое домино съ бѣлыми перьями, а вы, Луиза, въ чемъ будете? Скажите, подъ какой маской я долженъ искать свое счастіе?

— У меня нѣтъ никакого нарядваго туалета, простодушно отвѣчала Луиза,—тоже голубое домино съ бѣлыми лентами,—но я должна бѣжать, поспѣшно прибавила она, испугавшись сама продолжительнаго разговора съ Гастономъ. Герцогиня меня можетъ хватиться, и что только выйдетъ тогда! Поклонившись стыдливо Гастону, Луиза выпорхнула изъ комнаты, какъ испуганная птичка.

На дорогѣ Луиза встрѣтила высокаго молодаго человѣка, одѣтаго въ одинаковый мундиръ съ Гастономъ.

Юноша подошелъ къ Гастону, и отдавши ему по военному честь, заговорилъ:

— Я пришелъ къ вамъ, господинъ д'Ориньи, съ приказаніемъ отъ герцога Ришелье явиться немедленно во дворецъ маршала, который хочетъ вамъ дать какое-то порученіе.

— А кто передалъ вамъ объ этомъ приказаніи, господинъ Камилларъ? спросилъ ошеломленный Гастонъ.

— Самъ господинъ маршалъ отъ имени короля.

— Отъ имени короля? Что жъ это можетъ быть?

— Вѣроятно ничего дурнаго, господинъ д'Ориньи, замѣтилъ посланный мушкетеръ. Герцогъ Ришелье былъ въ отличномъ расположеніи духа, когда говорилъ со мною; онъ какъ-то особенно любезно просилъ меня поторопить васъ. Дѣло идетъ о важномъ и почетномъ порученіи. Желаю вамъ счастія, господинъ д'Ориньи!

Но Гастона мало обрадовалъ приказъ герцога. Сегодня только онъ былъ наскоро представленъ Ришелье;—наконецъ, продолжительный разговоръ короля съ Луизой, неожиданное приглашеніе герцогини на маскированный балъ маркизы, все это вмѣстѣ наполнило сердце Гастона тупымъ и безотчетнымъ страхомъ, которому онъ не могъ дать яснаго и опредѣленнаго образа.

Несмотря на свое безпокойство, Гастонъ не сказалъ болѣе ни слова. Онъ молча пожалъ руку Камиллару, занявшему ужъ свой постъ у дверей короля, поклонился шевалье и вышелъ. Въ эту же минуту герцогъ Шуазель выходилъ изъ придворной капеллы, возвращаясь въ свой дворецъ.

Онъ замѣтилъ шевалье и сдѣлалъ ему знакъ подойти.

— Отчего вы такъ грустны? спросилъ герцогъ молодаго человѣка, грустное лицо котораго бросилось ему въ глаза. Цѣль ваша будетъ скоро достигнута. Король, кажется, ужъ распорядился принять васъ на службу.

— Король нашелъ меня такимъ юнымъ, что я сильно боюсь, какъ бы не пришло въ голову его величеству назначить меня въ должность пажа.

— Вы шутите, шевалье, но будьте спокойны, молодость такая ошибка, отъ которой мы освобождаемся всегда и даже очень быстро. Я вамъ непремѣнно предоставлю случай доказать, насколько ваше умственное развитіе выше физическаго. Мы живемъ теперь во времена жестокой борьбы и вы, шевалье, также должны принимать въ ней участіе.

— Благодарю васъ, герцогъ, отвѣчалъ шевалье, эластичная натура котораго тотчасъ смягчилась отъ дружескихъ словъ герцога.

— Когда я буду на мѣстѣ, вы укажите мнѣ вашихъ противниковъ, и я съумѣю имъ показать каковъ я ребенокъ.

— Противниковъ? повторилъ Шуазель. Да вонъ идетъ самый опасный изъ нихъ, ему я хочу еще дать памятный урокъ.

Шуазель указалъ на патера Линьера, который медленно съ сложенными руками и головою, опущенною на грудь, проходилъ по галлереѣ, направляясь въ комнату короля.

Патеръ едва кивнулъ головою герцогу и хотѣлъ пройти мимо него, какъ вдругъ Шуазель загородилъ ему дорогу и съ легкой ироніей сказалъ:

— Какими благочестивыми проектами заняты ваши мысли, достопочтенный патеръ? Или забота о благосостояніи государства, ввѣреннаго вашему покровительству, дѣлаетъ васъ такимъ задумчивымъ? продолжалъ Шуазель уже болѣе рѣзкимъ тономъ. Не полезнѣе ли было бы облегчить тяжесть вашей души передачей управленія свѣтскими дѣлами людямъ, предназначеннымъ исключительно для этой цѣли, тогда сами бы вы только заботились о чистотѣ души и совѣсти вѣрующихъ.

— Такъ стало быть по вашему, господинъ герцогъ, дѣло управленія государствомъ не зависитъ отъ состоянія души человѣка и отъ его совѣсти? спросилъ патеръ спокойно.

— Нѣтъ, я этого не говорю, отвѣчалъ Шуазель; ко-

нечно я долженъ слѣдовать той дорогѣ, которую укажетъ мнѣ совѣсть и которая ведетъ по моему мнѣнію къ счастію и благоденствію страны, но, не смотря на это, я не терплю посторонняго вліянія на мою совѣсть.

— Церковь одна должна руководить совѣстью человѣка, точно также, какъ одинъ Богъ управляетъ судьбами народовъ, отвѣчалъ патеръ, нисколько не волнуясь.

— Это совершенно справедливо, патеръ, отвѣчалъ Шуазель, уже разсердившись, но не всякій священникъ держитъ въ рукахъ непогрѣшимый приговоръ церкви и власть самаго Бога.

— А тѣмъ менѣе министръ, господинъ герцогъ! — Всякій священникъ проникнутъ духомъ истины, за него стоитъ церковь — домъ Божій, а она будетъ существовать вѣчно и покровительствовать своимъ служителямъ, между тѣмъ какъ могущество сильныхъ міра сего исчезнетъ отъ дуновенія времени, какъ разлетается пыль отъ вѣтра.

— Вы держитесь упорно вашего мнѣнія, возразилъ Шуазель, но вы и вашъ орденъ еще не составляетъ церкви. Для тѣхъ же, которые на самомъ дѣлѣ преданы Богу, могущество государства важнѣе авторитета патера Линьера!

Шуазель гордо выпрямился и, поднявъ голову, продолжалъ:

— Остерегитесь встать мнѣ на дорогѣ, господинъ патеръ, я злой противникъ и не остановлюсь ни передъ какими средствами. Вашъ орденъ осмѣливается возставать противъ законовъ и правъ государства, едва повинуется законамъ церкви и даже въ Римѣ начинаютъ чувствовать его вліяніе. Не распространяйте власть слишкомъ далеко, ужь и теперь народъ считаетъ за ничто отлученіе отъ церкви. Когда церковное проклятіе воспламенится свѣтомъ свободы и истины, тогда только всѣ народы будутъ благоговѣть передъ нимъ и считать это проклятіе справедливымъ возмездіемъ. Теперь же... повѣрьте мнѣ, когда духъ возрастающей свободы проявне-

сетъ надъ вами приговоръ осужденія, народъ не будетъ проливать слезъ, а напротивъ вздохнетъ свободно отъ радости и благодарности. Замѣтьте это хорошенько, патеръ, и не отваживайтесь встать мнѣ поперегъ дороги! Пойдемте, шевалье!

Шуазель быстро повернулся, не дожидаясь отвѣта, шевалье послѣдовалъ за нимъ.

Патеръ мрачно посмотрѣлъ имъ вслѣдъ.

— Поперегъ твоей дороги я конечно не встану, злобно произнесъ патеръ. Твой путь и безъ того вѣрно ведетъ тебя съ высоты могущества въ глубину пропасти и забвенія! Скорѣй, скорѣй надо обезсилить этого дерзкаго, осмѣлившагося объявить намъ войну.—А впрочемъ, пожалуй, онъ правъ, продолжалъ раздумывая патеръ, въ Римѣ не все идетъ, какъ слѣдуетъ. Между кардиналами замѣчаются опасныя стремленія, и можетъ случиться, что папа дѣйствительно захочетъ освободиться отъ нашего вліянія и будетъ слушаться нашихъ враговъ. Но, нѣтъ, мы главные властители Франціи и всѣ недоразумѣнія въ Римѣ должны исчезнуть, иначе самъ намѣстникъ Христа долженъ отдавать намъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ!

Въ галлерею вошелъ одинъ изъ пожилыхъ монаховъ ордена іезуитовъ. Это былъ патеръ де-Сази, рѣдко принимавшій участіе въ безконечныхъ спорахъ своего воинственнаго ордена. Ему было не болѣе 50 лѣтъ, но спина его старчески согбена, лицо умное, съ довольно правильными и мягкими чертами, а на вискахъ виднѣлись гладко приглаженные сѣдые волосы. Патеръ де-Сази составлялъ своимъ смиреннымъ видомъ совершенную противоположность съ патеромъ Линьеромъ.

— Я васъ искалъ, достойный собратъ, сказалъ вошедшій патеръ, я желаю сообщить вамъ хорошія новости.

Патеръ Линьеръ отошелъ на нѣсколько шаговъ отъ Камиллара, который продолжалъ спокойно стоять у дверей королевской комнаты, не обращая никакого вниманія на двухъ іезуитовъ.

— Говорите, мой собратъ, мы очень нуждаемся въ перемѣнѣ обстоятельствъ, такъ какъ въ послѣднее время намъ приходилось испытывать однѣ непріятности и видѣть, какъ наши враги съ каждымъ днемъ становятся все болѣе сильными и могущественными.

— Маркиза де-Помпадуръ выбрала меня своимъ духовникомъ, сказалъ патеръ де-Сави, она, прежняя покровительница нашихъ враговъ, представительница власти отдаетъ себя въ наши руки. Черезъ нее мы восторжествуемъ надъ всѣми нашими противниками. Я спѣшу къ ней поговорить...

— Остановитесь, мой братъ, прервалъ его патеръ Линьеръ, вы не пойдете къ маркизѣ и я радъ, что успѣлъ васъ во время предупредить. Вы должны сначала написать маркизѣ.

— Написать? объ чемъ же?

— Вы должны ей написать, что согласитесь принять на себя заботу о спасеніи ея души только въ такомъ случаѣ, если она возвратится къ своему мужу Этіоль и что только чрезъ это примиреніе она можетъ надѣяться заслужить прощеніе неба.

— Какая мысль, мой братъ! воскликнулъ патеръ де-Сави испуганно. Это значило бы смертельно оскорбить маркизу и предоставить ей полную свободу употребить все вліяніе въ пользу нашихъ враговъ.

— Ея могущество, ея вліяніе.... прервалъ его снова патеръ Линьеръ. Знайте, мой братъ, что вліяніе маркизы можетъ принести намъ только одинъ вредъ въ будущемъ. Черезъ нѣсколько дней маркиза — другъ Шуазеля и покровительница философовъ, удалится отъ нашего двора и обратится опять въ прахъ, изъ котораго ей удалось такъ высоко подняться.

— Я не могу надивиться, достойный братъ, такому странному перевороту всѣхъ обстоятельствъ! Но по всей вѣроятности вы справедливы.

— Совершенно справедливъ, возразилъ патеръ Ли-

ньеръ съ увѣренностью.—Маркиза исчезнетъ и съ ней вмѣстѣ будетъ свергнутъ и Шуазель.

— Шуазель? спросилъ, патеръ де-Сази недовѣрчиво. Какъ можете вы этого желать, достойный братъ, въ настоящее время? Вы знаете, какъ настоятельно требуютъ наши собратья въ Вѣнѣ заключенія союза съ Австріей, такъ какъ только съ помощью этого союза Австрія можетъ одержать побѣду надъ королемъ Пруссіи, безбожныя дѣйствія и насмѣшки котораго не щадятъ даже и св. отца въ Римѣ. Вы знаете также, что могущественныя придворныя партіи и даже большая часть населенія противъ нашего союза съ Австріей и что только маркиза и Шуазель раздѣляютъ наше мнѣніе и могутъ привести его въ исполненіе. Что скажутъ наши братья въ Римѣ и Вѣнѣ, если я вздумаю въ такую рѣшительную минуту оскорбить маркизу и низвергнуть Шуазеля. Извините меня, достойный братъ, но я не могу послѣдовать вашему совѣту, я долженъ сообразоваться съ мнѣніемъ нашихъ высшихъ.

— Я не думаю вамъ совѣтовать, возразилъ патеръ Линьеръ строго и холодно, но я отдаю вамъ приказанія и никакіе начальники въ мірѣ не могутъ освободить васъ отъ обѣта послушанія. Вотъ предписаніе генерала.

Онъ вынулъ изъ кармана бумагу и подалъ ее патеру де-Сази.

Послѣдній прочелъ написанное и съ поклономъ возвратилъ назадъ.

— Я буду повиноваться и писать маркизѣ, достойный братъ, сказалъ патеръ смиренно, но все таки я не понимаю.

— Пониманіе не есть непремѣнное условіе повиновенія, сказалъ патеръ Линьеръ съ достоинствомъ. Но такъ какъ я надѣюсь, что вы, патеръ, вѣрный и преданный служитель церкви, будете успѣшнѣе дѣйствовать, зная причину, руководящую нами, то я вамъ разскажу все подробно. Слушайте же внимательно.

— Я слушаю, достойный братъ, и буду вникать въ каждое слово.

— Наши братья въ Вѣнѣ, продолжалъ патеръ Линіеръ, видятъ только то, что находится теперь у насъ передъ глазами и желаютъ поскорѣй привести въ исполненіе тѣ событія, которыя могутъ возвысить наше могущество въ настоящее время; но они не обращаютъ никакого вниманія на предшествующія обстоятельства, находящіяся въ тѣсной связи съ будущимъ и бросающія ясный свѣтъ на всю послѣдующую судьбу. Они держатъ сторону Маріи Терезіи, этой благочестивой королевы, вполнѣ посвятившей себя церкви и стремятся какою бы то ни было цѣною доставить ей помощь Франціи, чтобы вывести свою королеву побѣдительницей изъ борьбы съ дерзкимъ королемъ прусскимъ; но они не думаютъ о томъ, что противъ королевы можетъ восстать ея сынъ Іосифъ, который будетъ несравненно болѣе опаснымъ и злымъ противникомъ, чѣмъ король Фридрихъ. Онъ съ большею ревностью стремится по пути къ нововведеніямъ, да и къ тому же, какъ католическій король, любимый своими подданными, онъ можетъ служить гибельнымъ примѣромъ для народа. Если мы поможемъ Австріи одержать побѣду и сдѣлаемъ Іосифа, этого друга философовъ, единовластнымъ правителемъ Германіи, духовенство которой и безъ того уже начинаетъ поднимать голову, то тогда наше могущество потерпитъ серьёзныя непріятности и мы едва будемъ въ состояніи удержать за собою власть. Нѣтъ, мой братъ, раздоръ между державами есть главный источникъ нашего могущества и мы можемъ только во время борьбы направлять ихъ по нашему усмотрѣнію.

— Но, достойный братъ, прервалъ его патеръ де-Сали, развѣ союзъ и побѣда католическаго государства не могутъ служить болѣе прочными основами нашего господства, чѣмъ постоянные раздоры, которые зависятъ отъ расположенія духа и въ сущности удаляютъ насъ отъ церкви.

— Въ вашихъ словахъ есть доля правды, мой братъ, сказалъ патеръ Линьеръ въ смущеніи, но вы сейчасъ увидите, что въ настоящемъ случаѣ они не примѣнимы. Нашъ орденъ образовался для того, чтобы уничтожить реформацію и протестантизмъ. Въ этой борьбѣ окрѣпло наше могущество и продолжительныя войны прошлаго столѣтія доставили намъ торжество видѣть протестантскихъ князей, вступающихъ въ союзъ съ кардиналомъ Ришелье и католической Франціей, или проще сказать, сдѣлали ихъ орудіями нашей воли. Только воюющая церковь могущественна, бдительна и единодушна, — она одна нуждается въ солдатахъ нашего ордена, составляющихъ сильную и пріученную къ порядку армію. Союзъ Франціи съ Австріей доставитъ, можетъ, быть католикамъ побѣду, но за то потомъ послѣдуетъ усыпленіе, въ Римѣ будутъ тяготиться этой арміей или найдутъ ее болѣе не нужной. Только высокимъ, просвѣщеннымъ умамъ доступенъ этотъ взглядъ и я благодаря моей власти могу вамъ сообщить свое мнѣніе, такъ какъ и вы, мой братъ, также призваны содѣйствовать намъ въ этомъ святомъ дѣлѣ. Подумайте хорошенько о всемъ сказанномъ мною и вы будете дѣйствовать, повинуясь не одному чувству долга, но также и живому радостному желанію достигнуть высшаго могущества, которое можетъ принадлежать на землѣ церкви.

Патеръ де-Сази возразилъ съ достоинствомъ:

— Я удивляюсь обширнымъ и высокимъ соображеніямъ моего достойнаго брата. Я буду стараться проникнуться тѣми же мыслями и считать ихъ путеводными звѣздами моей жизни. Повинуясь вашему приказанію, я напишу маркизѣ и перенесу съ терпѣніемъ порицаніе нашихъ начальниковъ.

— Вашими начальниками, мой братъ, руководитъ также невидимая высшая сила. Но скоро, повѣрьте, настанетъ то время, когда всѣ и непосвященные будутъ прославлять нашу мудрость. Маркиза и Шуазель скоро будутъ погружены въ бездну мрака и безсилія.

— И вы въ этомъ увѣрены, достойный братъ? спросилъ еще разъ патеръ де-Сази, не переставая сомнѣваться.

— Это также вѣрно, какъ солнце освѣщаетъ землю. Наши враги исчезнутъ, какъ исчезаютъ темныя облака съ горизонта, если мы только будемъ неутомимы въ борьбѣ и нашей дѣятельности! Мы должны невидимо управлять великими міра сего, князьями и королями, дѣйствуя постоянно въ духѣ основателя нашего ордена— ad maiorem Dei gloriam!

Патеръ Линьеръ гордо выпрямился и поднялъ руку въ подтвержденіе своихъ словъ, высказанныхъ изъ глубины души и съ полнымъ убѣжденіемъ.

— Ad maiorem Dei gloriam! повторилъ патеръ де-Сази тихимъ голосомъ, наклоняя голову и скрещивая руки на груди.

Громкіе голоса послышались изъ глубины галлереи. Это его величество возвращался отъ обѣдни въ сопровожденіи всего двора.

Ришелье, обладавшій въ высшей степени инстинктомъ царедворца, показался въ эту самую минуту изъ подъ шелковыхъ портьеръ и стоялъ ужъ у дверей комнаты короля, когда его величество проходилъ мимо.

Король поклонился двору и сдѣлалъ знакъ маршалу слѣдовать за собой во внутреннія комнаты. Цѣлая толпа блестящихъ царедворцевъ разсыпалась въ разныя стороны; всѣ чувствовали въ воздухѣ грозу, направленіе которой они теперь еще не могли угадать. Каждый спѣшилъ сообщить новости другому и заранѣе запастись покровительствомъ сильнѣйшаго и могущественнѣйшаго. Болѣе же дальновидные предпочли ожидать въ отдаленіи, пока разсѣется туманъ.

ГЛАВА X.

Между тѣмъ какъ придворные суетились, а неприглашенные завидовали счастливцамъ, получившимъ приглашеніе на маскированный балъ маркизы де-Помпадуръ, Шуазель въ тревожномъ безпокойствѣ возвращался въ свой отель. Не слѣдуя безпорядочной жизни всѣхъ придворныхъ, Шуазель продолжалъ жить счастливо съ своей женой, происходившей, какъ извѣстно уже, изъ средняго сословія. Послѣ жаркой борьбы на политической аренѣ, Шуазель радъ бывалъ отдохнуть у мирнаго семейнаго очага, какъ бываютъ рады удалиться въ освѣжающую тѣнь лѣса во время душнаго солнечнаго дня.

Герцогиня жена его, тогда еще молодая женщина, принадлежала къ числу тѣхъ кроткихъ и хорошихъ женщинъ, о которыхъ не говоритъ свѣтъ, но которыя главнымъ образомъ и составляютъ прелесть семейной жизни.

Она замѣтила мрачное расположеніе духа своего мужа, но такъ какъ ей часто случалось видѣть его такое настроеніе послѣ королевскихъ докладовъ, то она и въ этотъ разъ не придала этому обстоятельству особеннаго значенія. Герцогиня никогда не распрашивала его, но съ терпѣніемъ ждала, пока тотъ самъ передастъ ей свои неудовольствія, — тогда ея главной заботой было стараться развлечь его.

Герцогъ любилъ хорошо покушать и кухня его была одна изъ лучшихъ въ то время, когда всѣ чрезвычайно заботились о кулинарномъ искусствѣ. Но кромѣ изысканныхъ кушаній герцогъ любилъ еще за столомъ умную, пріятную бесѣду въ маленькомъ избранномъ обществѣ; герцогиня никогда не забывала, приглашать къ столу нѣсколько человѣкъ. Къ этому обществу принадлежали, большею частью, писатели и философы, которые, хотя принадлежали къ партіи оппозиціонной правительству, но тѣмъ не менѣе съ удовольствіемъ посѣщали домъ умнаго, высокообразованнаго и любезнаго герцога Шуазеля. Въ

этотъ разъ, какъ и всегда, герцогъ, поздоровавшись съ женой, прошелъ въ столовую и нашелъ гостей. Тутъ былъ нѣмецкій баронъ Гольбахъ, человѣкъ лѣтъ 35-ти, пріѣхавшій въ ранней молодости въ Парижъ и любившій этотъ городъ, какъ свою вторую родину. Мужественная фигура барона, румяное лицо и свѣтло-голубые глаза указывали на его нѣмецкое происхожденіе, между тѣмъ, какъ въ разговорѣ и манерахъ замѣчалась легкость и изящество парижанина. На лицѣ барона выражалась безпечность знатнаго и богатаго человѣка, домъ котораго служилъ сборнымъ пунктомъ всѣхъ поэтовъ и писателей Парижа; въ этихъ кружкахъ барона называли въ шутку «maître d'hotel de la philosophie». Кромѣ барона Гольбаха, въ гостиной сидѣлъ еще худенькій и по своему наружному виду не привлекательный Дидро; онъ былъ десятью годами старше барона, съ болѣзненнымъ и блѣднымъ лицомъ, съ саркастическимъ выраженіемъ и темными безпокойно сверкавшими глазами. Третьимъ гостемъ былъ Жанъ Леронъ Даламберъ, по возрасту занимавшій средину между первыми двумя. Онъ былъ высокаго роста и пріятной наружности; черты лица были правильныя, а глаза глубокіе и задумчивые. Благодаря своимъ математическимъ свѣдѣніямъ, онъ уже въ то время пользовался извѣстностью. Главнымъ образомъ, онъ обратилъ на себя вниманіе сочиненіями о испорченности іезуитскаго ученія, которое возставало противъ вліянія Рима на орденъ.

Герцогъ радушно встрѣтилъ гостей, но выраженіе лица его не измѣнилось и не изгладились морщины на лбу. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ прихода герцога, всѣ сѣли за прекрасно сервированный столъ. Но не смотря на блескъ и роскошь севрскаго фарфора и хрусталя, разставленныхъ на столѣ, не смотря на чудеса кулинарнаго искусства, въ видѣ различныхъ яствъ, не слышно было того веселаго беззаботнаго говора, который царствовалъ обыкновенно въ этотъ часъ въ столовой. Напрасно Даламберъ старался облечь свои глубокія

мысли въ изящныя формы, что ему такъ хорошо удавалось, напрасно Дидро бросалъ ѣдкія и острыя замѣтки, а баронъ Гольбахъ изощрялся въ разсказахъ веселыхъ и остроумныхъ анекдотовъ, Шуазель продолжалъ оставаться сосредоточеннымъ. Онъ отвѣчалъ односложно и живаго участія въ разговорѣ не принималъ. Какъ и прежде всѣ гости, не докончивъ десерта, перешли въ гостиную, куда камердинеръ герцога принесъ кофе, а герцогиня, усѣвшись на диванъ возлѣ камина, занялась вышиваньемъ. Она внимательно слѣдила за разговоромъ гостей и мужа и изрѣдка вставляя отъ себя какое нибудь удачное замѣчаніе, всегда впрочемъ въ границахъ сдержанности и женской скромности.

— Вы сегодня невеселы, герцогъ, сказалъ баронъ Гольбахъ, устанавливая пустую чашку на столикъ передъ диваномъ. Простите мою смѣлость, герцогъ, но я позволю себѣ замѣтить вамъ, что вѣрно что нибудь особенно важно тяготитъ вашъ умъ. Вы такъ хорошо умѣете разнообразить нашу бесѣду, а сегодня вы необыкновенно угрюмы. И о чемъ вамъ печалиться, герцогъ? Вы—всемогущій министръ и почти неограниченный правитель такой богатой страны, какъ Франція, вы обладаете сокровищемъ рѣдкимъ въ настоящее время — прекрасной женой, наконецъ, вамъ удалось пріобрѣсти еще большую рѣдкость, да проститъ мнѣ герцогиня подобное выраженіе, хорошаго повара, который только что доказалъ намъ свое искусство. Скажите мнѣ, герцогъ, чего вы можете еще желать?

— Баронъ совершенно справедливъ, подхватилъ Даламберъ, подходя къ герцогу. Судьба щедро осыпала васъ своими дарами. Вы составляете свѣтило на политическомъ горизонтѣ Франціи, отъ васъ зависитъ блескъ могущества и просвѣщенія этой страны, наконецъ, продолжалъ Даламберъ, низко кланяясь и бросая косвенный взглядъ на герцогиню, вы можете наслаждаться теплотою любви.

— Ваша дружба заставляетъ васъ льстить мнѣ, Да-

ламберъ, замѣтилъ Шуазель вздохнувъ. Любовь дѣйствительно наполняетъ мое сердце и дѣлаетъ меня до нѣкоторой степени счастливымъ, продолжалъ Шуазель искренно, цѣлуя руку герцогини, быть же двигателемъ просвѣщенія я не могу, хотя и желалъ бы распространить лучи его по всему свѣту; но часто на пути встрѣчаются непроходимыя тѣни, отъ которыхъ даже великое свѣтило дня прячетъ свой обликъ въ оболочку тумана. Вы говорите, будто отъ меня зависитъ блескъ могущества! У насъ только одно солнце во Франціи, а мы всѣ—планеты получающія свѣтъ отъ этого свѣтила, мы должны погружаться въ мракъ, когда оно повернется къ намъ темною стороною, и я вижу, какъ съ моей стороны начинаютъ сбираться облака!

— И отъ этого вы теряете мужество, герцогъ? воскликнулъ Дидро. Кто осмѣлится выступить противъ васъ, кто можетъ быть вамъ опаснымъ соперникомъ! Ваши враги — враги просвѣщенія, истины, всего образованнаго населенія Франціи. Выступите только впередъ и обратитесь къ духу мыслящаго, свободнаго французскаго народа, станьте во главѣ непобѣдимой французской арміи и вы будете первымъ лицомъ въ государствѣ и разорвете, какъ паутину, всѣ интриги, опутавшія теперь дворъ.

— Нѣтъ, это не такъ легко, Дидро, заговорилъ Шуазель грустнымъ и серьезнымъ тономъ. Вы ошибаетесь, вы знаете людей хуже меня. Если бы я сегодня свалился съ высоты, такъ повѣрьте, сегодня же появились бы въ газетахъ и журналахъ на мой счетъ ѣдкія эпиграммы и куплеты, и всѣ стали бы раболѣпствовать предъ новымъ правителемъ; ни одинъ голосъ не возвысился бы въ мою пользу! Въ случаѣ же, если бы я сталъ раздувать искры тлѣющаго огня въ широкое пламя, то вспыхнула бы революція, которая таится подъ поверхностью нашихъ дней. Революція же поглотитъ насъ: меня, васъ, Дидро, и всѣхъ!

— Вы смотрите очень мрачно на этотъ предметъ,

герцогъ, замѣтилъ баронъ Гольбахъ. Революціи не такъ легко вспыхнуть въ королевской Франціи, народъ возстаетъ не противъ престола короля, а противъ духовенства, которое хочетъ облечься въ багряницу сверхъ капуцинской одежды, и которое всегда было одинаково, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ! Нашему мужественному духу народа, въ стремленіи расщепать въ дребезги искуственныя созданія суевѣрія или религіи, принадлежитъ великое будущее. Вамъ герцогъ, какъ новому Прометею, слѣдуетъ зажечь факелъ божественнаго свѣта и просвѣщенія. Лицемѣрная жажда духовной власти порабощаетъ и теперь народный духъ ложью и страхомъ;—этимъ отличались и жрецы древнихъ языческихъ храмовъ Изиды и Озириса.

— Не хорошо съ вашей стороны такъ говорить, замѣтила кротко герцогиня, вы, баронъ, несправедливы, желая уничтожить религію и церковь со всѣми ея принадлежностями. Церковь древнѣе всевозможныхъ государствъ и правительствъ и, если вы хотите дѣлать преобразованія, то должны возставать противъ злоупотребленія священниковъ, ихъ властолюбія и лицемѣрія, но не противъ религіи и церкви. Религія—божественный зародышъ въ душѣ человѣка, она, какъ хлѣбное зерно, посаженное въ землю и пригрѣтое солнышкомъ, даетъ ростки,—церковь вѣрная садовница, которая оберегаетъ эти ростки, сохраняетъ ихъ и ухаживаетъ за ними. Вырвите религію изъ сердца человѣка и люди будутъ хуже хищныхъ животныхъ, свергните церковь и это искусное строеніе, которое вы называете государствомъ, послѣдуетъ за нею. Бойтесь нападать на религію и церковь, въ такомъ случаѣ мы всѣ,—женщины объявимъ вамъ войну, а мы составляемъ также сильную опору государства, прибавила герцогиня смѣясь, поднимая палецъ въ видѣ угрозы.

— Никто бы кажется охотнѣе меня не призналъ господства женщинъ въ странѣ, отвѣчалъ баронъ Гольбахъ. Я смиряюсь передъ религіей или божественнымъ

зародышемъ, какъ изволила выразиться герцогиня, но развѣ религія нуждается въ священникахъ или церквахъ? Развѣ самъ Создатель міра не устроилъ своего жилища на небѣ, не основалъ главныхъ алтарей на вершинахъ горъ и не распространилъеиміама въ видѣ разнообразнаго благоуханія тысячи различныхъ цвѣтовъ? Развѣ сами мы не можемъ быть священниками въ этомъ великомъ храмѣ божественнаго всемогущества? Для чего мы должны признавать жадную касту, отличительныя черты которой — корыстолюбіе и заносчивость?

Герцогъ покачалъ головой въ знакъ сомнѣнія.

— Баронъ, вы вдаетесь въ теоріи Жанъ-Жака Руссо, который отказался принять пенсію, назначенную ему маркизой. Берегитесь, баронъ Гольбахъ, эти теоріи опасны, вслѣдствіе своей холодной, поддѣльной сантиментальности. Эти теоріи не могутъ вести къ преобразованію, а къ разрушенію и, еслибы вамъ, послѣдователямъ Руссо, съ вашимъ аскетическимъ тщеславіемъ и надменной скромностью, пришлось бы когда нибудь властвовать въ государствѣ, то вы стали бы убивать людей и дѣлать чучелы изъ ихъ скелетовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ философствовали бы надъ сломаннымъ стебелечкомъ фіалки.

— Такимъ образомъ, герцогъ, возразилъ баронъ Гольбахъ, Руссо—апостолъ новаго ученія, священники-представители мрачнаго прошлаго. Слѣдовательно, будущее принадлежитъ великому мудрому сановнику, который съумѣетъ держать въ рукахъ и направлять обѣ эти силы, стараясь одну изъ нихъ подчинить законамъ государства, другую—очистить отъ безумнаго увлеченія, отыскать въ ней истину, беречь это сокровище и, по мѣрѣ возможности, развивать его.

— Какъ? Руссо отказался отъ пенсіи? воскликнулъ Дидро,—это пріятно. Значитъ онъ сохранилъ свою независимость, несмотря на соблазнительныя рѣчи маркизы.

Шуазель, погруженный въ свои мысли, не говорилъ ни слова.

— Вы правы, баронъ, сказалъ наконецъ герцогъ, не обращая вниманія на слова Дидро.

Отъ этихъ двухъ силъ зависитъ будущее міра,— онѣ составляютъ, какъ бы двухъ коней, черного и бѣлаго, впряженныхъ въ громадную колесницу міра. Но, какъ трудно справиться, не то что съ громадной колесницей, а даже съ ничтожной ладьей, т. е., съ самимъ собою! Чтобъ направить весь міръ по должному пути, надо быть богомъ солнца, — чѣмъ и былъ въ прежніе счастливые дни — король. Тотъ же, кто не съумѣетъ крѣпко держать въ рукахъ вожжи, погибнетъ, и въ своемъ страшномъ паденіи увлечетъ за собой въ пропасть весь міръ. Нѣтъ, для подобнаго подвига я не чувствую въ себѣ достаточно силъ, хоть русская царица и сдѣлала мнѣ честь назвать меня «кучеромъ Европы».

— Сила бога солнца, замѣтилъ Даламберъ серьезно, будетъ въ рукахъ того человѣка, который рѣшится обратить свѣтъ этого блестящаго свѣтила на все человѣчество,—кто не побоится, наконецъ, искать покровительства въ одномъ народѣ, и, протянувъ ему руку, какъ своему единственному союзнику, будетъ громить направо и налѣво крупные заговоры и мелкія интриги двора.

— Однако эти интриги настолько значительны, подхватилъ Шуазель, что если соединить всѣ ихъ нити, то образуется сѣть, способная запутать и самаго льва.

— Левъ долженъ имѣть мужество разорвать сѣть, отвѣчалъ Дидро, воодушевившись. Весь народъ придетъ ему на помощь.

— Мужество! воскликнулъ Шуазель съ блестящими глазами. Представьте лавину, готовую обрушиться на меня, или морскія волны, сильныя потопить корабль... и я все это вынесу безъ малѣйшаго страха, повторяя мою любимую поговорку: Si fractus illabatur orbis, impavidum ferient ruinae! Но развѣ могутъ помочь силы и живое мужество въ этой борьбѣ, гдѣ надобно дѣйствовать хитростью и неутомимымъ постоянствомъ, гдѣ нельзя подставить грудь открыто благородному врагу, а надо

стараться медленно и осторожно распутывать узлы подпольныхъ интригъ, сплетенныхъ врагами въ непроглядномъ мракѣ. Дидро, вы считаете маркизу, мою пріятельницу хуже, нежели она на самомъ дѣлѣ. Увѣряю васъ, что только черезъ нее я могу, хотя медленными и нетвердыми шагами приближаться къ моей цѣли. А моя цѣль такъ велика и такъ возвышенна! Я не хочу разрушать церкви и храмы, баронъ Гольбахъ, но я хочу соорудить Франціи ея собственную церковь, свободную отъ чуждаго вліянія римскаго могущества, которое совершенно равнодушно къ величію и благу моей родины. Я желалъ бы вырвать народъ изъ оковъ и возвратить снова къ его ремесламъ и полямъ собственнаго, дорогаго отечества,—но какъ могу я это сдѣлать, если у меня не хватаетъ силъ. Я нуждаюсь въ свѣтѣ и если ясный лучъ этого свѣта проникаетъ къ намъ чрезъ туманное стекло, развѣ отъ этого уменьшается значеніе свѣта? Если мы не въ состояніи замѣнить туманное стекло свѣтлымъ, должны ли въ такомъ случаѣ совершенно уничтожать потокъ свѣта? Философы могутъ строить планы въ неограниченныхъ сферахъ свободнаго мышленія, государственный же человѣкъ долженъ заключать свою цѣль въ строго размѣренное и опредѣленное пространство.

Деламберъ подошелъ ближе къ Шуазелю и заговорилъ съ нимъ, бросивъ открытый, свободный взглядъ на министра:

— Вы стремитесь къ свѣту, герцогъ, и вся Франція благодаритъ васъ за это, но извините меня, если я предложу откровенный вопросъ: неужели союзъ съ Австріей, при дворѣ которой господствуетъ римское вліяніе, можетъ вести къ свѣту? Зачѣмъ хотите вы вести борьбу въ пользу вѣнскаго кабинета съ благороднымъ королемъ прусскимъ, который философствуетъ на тронѣ, распространяетъ просвѣщеніе и свободу въ своемъ государствѣ и готовъ протянуть руку всѣмъ просвѣщеннымъ умамъ Европы?

— Я удивляюсь королю Фридриху, Даламберъ, от-

вѣчалъ Шуазель, ни мало не сердясь,—но я боюсь его, боюсь, какъ французъ. Какъ сынъ моей родины я желаю, чтобъ Франція стояла во главѣ всего міра по своему уму и могуществу,—но если духъ, воодушевляющій короля Пруссіи и его народъ, еще окрѣпнетъ и если ихъ острый мечъ откроетъ имъ новый путь, то скоро настанетъ время, когда Пруссія, надъ которой такъ недавно всѣ смѣялись и которая теперь уже занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ Европѣ, захочетъ собрать весь нѣмецкій народъ около себя. Тогда неспособное римское государство исчезнетъ и вмѣсто него образуется новый нѣмецкій народъ, руководимый побѣдоноснымъ духомъ Пруссіи. И это новое государство, основаніе которому уже положилъ король Фридрихъ, будетъ смертельнымъ врагомъ Франціи,—будетъ стремиться занять въ Европѣ мѣсто, принадлежащее намъ по праву. Я не могу заранѣе предвидѣть въ состояніи ли мы будемъ выдержать эту борьбу. Для этого-то мы должны противодѣйствовать нашему будущему врагу сначала. Побѣждая Пруссію теперь, мы убиваемъ ея будущее и ставимъ этихъ спящихъ великановъ въ безсиліе. Вы видите, Даламберъ, продолжалъ Шуазель, послѣ небольшой паузы, я никогда не живу со дня на день, но заглядываю далеко впередъ. Но, продолжалъ герцогъ печальнымъ тономъ, я вижу, что и вы, мой другъ не хотите понимать меня,—чего же я долженъ ждать отъ людей, которые, не зная меня, судятъ о моихъ дѣйствіяхъ.

— Очень трудно управлять большимъ государствомъ, герцогъ, возразилъ Даламберъ,—и главный правитель постоянно находится въ уединеніи на высотѣ своего могущества.

— Въ такомъ уединеніи, прервалъ его грустно Шуазель, что оно давитъ меня, какъ камнемъ и мнѣ часто приходитъ въ голову сбросить съ себя эту невыносимую тяжесть, отказаться отъ благъ міра и искать сочувствія, какъ частный человѣкъ.

Герцогиня подошла къ мужу и тихо взяла его руку.

— Отчего ты мнѣ не высказывалъ своего желанія ни-

когда въ этотъ вѣкъ борьбы, ненависти и неблагодарности, спросила она. Развѣ мы не связаны неразрывными узами? Зачѣмъ заставляешь меня искупать цѣлыми днями мучительнаго ожиданія и безпокойства тѣ счастливые часы, которые я провожу съ тобой? Уѣдемъ куда нибудь далеко, гдѣ мы можемъ жить сами по себѣ и гдѣ ты не видѣлъ бы измѣны на веселыхъ лицахъ своихъ друзей. Живя въ довольствѣ, какъ какой нибуть принцъ, ты сталъ бы помогать бѣднымъ, за что тебя бы искренно благодарили. А здѣсь, трудясь до изнеможенія и благодѣтельствуя каждому, ты видишь со стороны всѣхъ только черную неблагодарность, злобу. Господа, присоедините, пожалуйста, ваши голоса къ моей просьбѣ, продолжала герцогиня, обращаясь къ гостямъ. Вы живете постоянно въ духовномъ мірѣ и въ мірѣ науки, — помогите мнѣ перетянуть въ этотъ міръ и моего мужа, освободить его отъ оцѣпенѣлаго и одуряющаго духа двора и политики.

Шуазель заговорилъ мягкимъ голосомъ, обнимая жену:

— Твоя просьба, моя дорогая, не нуждается въ поддержкѣ постороннихъ лицъ. И безъ нихъ она проникаетъ прямо въ сердце, я болѣе чѣмъ когда нибудь теперь жажду покоя. Я ненавижу дворъ и всю эту обстановку.

— Не говорите такъ, герцогъ, воскликнулъ Даламберъ, вы не должны это говорить. Кто, какъ вы, держитъ въ рукахъ судьбу цѣлой націи и распоряжается будущимъ милліоновъ людей, счастіе которыхъ зависитъ отъ одного его слова, тотъ не имѣетъ ужъ права наслаждаться только мирнымъ семейнымъ счастіемъ, какъ какой нибудь буржуа. Не для того вы достигли вершины земнаго величія! Кто истинно заботится о томъ, чтобъ лучъ солнца проникъ въ среду народа, тотъ долженъ умѣть противустоять бурямъ и непогодѣ! Что будетъ съ Франціей, герцогъ, если вы насъ оставите?

— Богъ позаботится о Франціи, отвѣчала герцогиня, бросая умоляющій взглядъ на Даламбера, — а намъ ужъ позвольте пожить для себя.

Изъ масонскаго ритуала начала настоящаго столѣтія.

I. „Обрядъ принятія въ ученическую степень ордена свободныхъ каменьщиковъ“.

Масонство составляетъ, безспорно, одно изъ наиболѣе замѣчательныхъ явленій нашей новѣйшей исторіи. Будучи перенесено къ намъ съ запада, гдѣ особенно сильно развилось въ XVIII столѣтіи, какъ протестъ общества противъ философскаго либерализма и непомѣрнаго увлеченія французскимъ энциклопедизмомъ; какимъ характеризуется, главнымъ образомъ, это столѣтіе западной исторіи, и оставаясь все время чуждымъ русской народности, оно, тѣмъ не менѣе, широко раскинуло у насъ свои вѣтви, увлекало интеллигентныя слои общества, поглощало его лучшія силы, и, нѣтъ сомнѣнія, принесло значительную долю пользы нормальному ходу развитія русскаго общественнаго самосознанія, по крайней мѣрѣ въ первомъ періодѣ своей исторіи, въ эпоху дѣятельности Новикова, Лопухина, Гамалѣи, удержавъ или по крайней мѣрѣ парализовавъ до нѣкоторой степени напоръ „волтерьянства“.

Въ настоящее время масонство составляетъ уже фактъ прошлаго, достояніе исторіи, и не у насъ только, но и на западѣ, гдѣ отъ своеобразнаго теософскаго міровоззрѣнія и соединеннаго съ нимъ, строго оформленнаго въ ритуалахъ,

культа первоначальнаго масонства сохранились лишь отрывки и клочки, въ видѣ нѣкоторыхъ обрядовъ и эмблемъ. Оно и понятно. Въ настоящее время нѣтъ страны въ Европѣ, гдѣ правительственная дѣятельность характеризовалась бы тѣмъ одностороннимъ направленіемъ, при полномъ абсолютизмѣ власти, какое свойственно было той эпохѣ. Органически связанныя съ обществомъ и народомъ, правительства повсемѣстно нынѣ сами идутъ на встрѣчу общественнымъ и народнымъ нуждамъ, прислушиваются и къ народному голосу и къ общественному мнѣнію, и, обладая не однимъ внѣшнимъ, но и нравственнымъ авторитетомъ, имѣютъ полную возможность оказывать какъ самую широкую терпимость къ разнообразнымъ, вновь возникающимъ доктринамъ, не исключая даже такого ученія, какъ соціализмъ (который на западѣ, какъ извѣстно, до того признанъ, что имѣетъ своихъ представителей даже въ парламентахъ), такъ равно покровительство и защиту ученіямъ консервативнымъ, сдерживая и укрощая порывы терроризированія, къ которымъ новыя доктрины иногда бываютъ склонны. Тамъ, гдѣ государственныя и общественныя учрежденія, подъ эгидою верховной власти, развиваются и нарастаютъ органически, чрезъ взаимодѣйствіе начала народнаго духа и принциповъ общечеловѣческой цивилизаціи, въ уровень съ поступательнымъ движеніемъ народнаго и общественнаго самосознанія, какъ невозможенъ успѣхъ какихъ бы то ни было противогосударственныхъ — революціонныхъ движеній, такъ равно нѣтъ надобности элементамъ консервативнымъ, представителемъ которыхъ въ эпоху „волтерьянства" было масонство, формироваться въ какой бы то ни было таинственный замкнутый въ себя орденъ.

Русское масонство, не смотря на то, что о немъ у насъ въ литературѣ имѣется уже нѣсколько хорошихъ изслѣдованій (Ешевскаго, Лонгинова, Пыпина, А. Н. Попова и др.), доселѣ еще ждетъ своего Костомарова или Забѣлина. Въ произведеніяхъ названныхъ авторовъ оно изслѣдуется больше со стороны своей внѣшней исторіи, своего соціальнаго и общественнаго значенія, нежели со стороны своего содержанія. Въ Императорской публичной библіотекѣ въ С.-Петербургѣ и въ Румян-

цовскомъ музеумѣ въ Москвѣ хранятся, между тѣмъ, какъ извѣстно, замѣчательныя по полнотѣ коллекціи памятниковъ масонства, между прочимъ — масонскихъ ритуаловъ, въ которыхъ, совмѣстно съ образцами, излагается въ существенныхъ чертахъ и ученіе масоновъ, ихъ катихизмы; переписка, протоколы засѣданій масонскихъ ложъ и т. п., которые доселѣ еще никѣмъ не были изслѣдуемы въ указанномъ направленіи.

Въ виду такого положенія дѣла, мы сочли не безполезнымъ для болѣе близкаго знакомства съ русскимъ масонствомъ предложить здѣсь „не мудрствуя лукаво", объективное изложеніе содержанія одного изъ масонскихъ ритуаловъ, имѣющагося въ нашемъ распоряженіи, останавливаясь преимущественно на болѣе выдающихся и болѣе характеристичныхъ подробностяхъ ритуала, каковы рѣчи брата-ритора, наставленія и правила великаго мастера и т. п. Мы затрудняемся съ точностію опредѣлить, въ какой изъ извѣстныхъ масонскихъ ложъ въ Россіи практиковался этотъ ритуалъ и къ какой фамиліи памятниковъ этого рода принадлежитъ онъ; одно для насъ несомнѣнно, что онъ не русскаго происхожденія, а переведенъ лишь на русскій языкъ, конечно съ нѣмецкаго, на что отчасти указываетъ и языкъ перевода, носящій слѣды барбаризмовъ (въ родѣ: *Габаонъ* вмѣсто *Гаваонъ* — названіе ханаанскаго города, покореннаго Іисусомъ Навиномъ). Мы думаемъ, что если не переводъ, то редакція ритуала въ русскомъ переводѣ принадлежитъ извѣстному Лопухину, такъ какъ въ составъ его входитъ цѣликомъ между прочимъ „катихизисъ свободныхъ каменьщиковъ", помѣщенный въ запискахъ Лопухина (напечатанныхъ нѣкогда — въ 1863 году—въ Чтеніяхъ Московскаго общества исторіи и древностей покойнымъ О. М. Бодянскимъ и изданныхъ также отдѣльно) и несомнѣнно принадлежащій его перу.—Кстати замѣтимъ, что авторъ извѣстнаго романа-хроники „Война и Миръ", графъ Н. Толстой, разсказывая о вступленіи одного изъ дѣйствующихъ лицъ романа, Пьера Безухаго, въ ложу Поздѣева, обрядъ принятія въ ложу описываетъ до тождества сходно съ тѣмъ, какъ онъ изображается въ нашемъ экземплярѣ ритуала. Въ печатной нашей литературѣ не существуетъ матеріала, которымъ бы онъ могъ

въ этомъ случаѣ воспользоваться, и мы хотимъ думать, что высоко-даровитый романистъ воспользовался именно настоящимъ ритуаломъ, экземпляры котораго, если составленіе его принадлежитъ дѣйствительно Лопухину, имѣются по всей вѣроятности, въ немаломъ количествѣ у старажиловъ Москвы и въ тамошнемъ музеѣ.

Каждая масонская ложа, какъ извѣстно, подъ предсѣдательствомъ великаго мастера, состояла изъ трояваго рода членовъ, образовавшихъ три „степени“: низшая — учениковъ, средняя — товарищей и высшая—мастеровъ. Соотвѣтственно этому дѣленію и масонскій ритуалъ обыкновенно состоитъ изъ трехъ главъ, въ которыхъ излагаются отдѣльно обряды, принадлежащіе каждой степени и та доля масонскаго ученія, на знакомство съ которою имѣли право члены каждой степени.

СТЕПЕНЬ ПЕРВАЯ.

Обрядъ принятія въ ученическую степень свободнаго каменьщичества.

Мѣстомъ совершенія обряда принятія служитъ „темная храмина“, особеннымъ образомъ убранная: она должна изображать погребъ со сводомъ въ родѣ того, въ какомъ поставляются иногда, до погребенія, покойники. Стѣны храмины должны быть обиты чернымъ; по срединѣ въ ней стоитъ столъ, покрытый чернымъ же покрываломъ. На столѣ лежитъ человѣческій черепъ, въ отверстіе котораго вставляется зажженная лампада. На этомъ же столѣ поставленъ открытый гробъ, наполненный человѣческими костями, а подлѣ него—библія, раскрытая на первой главѣ евангелія отъ Іоанна. Кромѣ того въ храминѣ находились: „алтарь“, жертвенникъ (у восточной стѣны храмины, противъ входа въ нее) и коверъ, на которомъ становился, во время совершенія обряда, великій мастеръ—

помѣщавшійся между алтаремъ и жертвенникомъ. На алтарѣ— три свѣчи, три же свѣчи у того мѣста, гдѣ находится коверъ, и кромѣ того люстра, въ формѣ звѣзды, съ шестью свѣчами. Предъ открытіемъ камеры великій мастеръ и всѣ чиновники ложи (или офицеры, какъ они называются въ ритуалѣ) облачались въ присвоенныя ихъ званіямъ одежды и эмблематическія украшенія, прочіе члены ложи размѣщались въ камерѣ безъ опредѣленнаго порядка, гдѣ кому хотѣлось, и зажигалась одна свѣча, изъ стоящихъ на алтарѣ. Затѣмъ слѣдовало открытіе камеры. Великій мастеръ ударялъ одинъ разъ молоткомъ, эмблемою своей власти, при этомъ всѣ занимали свои опредѣленныя мѣста, положивъ правую руку на грудь, а ноги держа особеннымъ образомъ какъ-то въ уголъ. Когда водворялась общая тишина, великій мастеръ обращался къ „брату первому надзирателю“ съ вопросомъ: братъ первый надзиратель, который часъ? Первый надзиратель передавалъ этотъ вопросъ второму надзирателю. Тотъ отвѣчалъ: ровно двѣнадцать. Отвѣтъ этотъ братъ первый надзиратель передавалъ великому мастеру. Тогда великій мастеръ снова спрашиваетъ: братъ первый надзиратель, какая первая должность истиннаго свободнаго каменьщика, а особливо брата втораго надзирателя? Осмотрѣть, порядочно ли закрыта храмина, былъ отвѣтъ. Почтенный братъ, исполни свою обязанность, говорилъ великій мастеръ.

Братъ первый надзиратель или, вмѣсто него, второй надзиратель отправлялся для осмотра дверей камеры. Оставшіеся въ это время пѣли слѣдующую пѣсню (или другую какую приличнѣйшую, и одобренную начальствомъ ложи):

От нас злодѣи удаляйтесь,
Которы ближняго тѣснятъ;
Во храмѣ нашемъ не являйтесь,
Которы правду не хранятъ:
Тѣснитъ кто ближнихъ завсегда,
Тому затворенъ путь сюда.
Во двери крѣпко растворенны
Премудрые вступаютъ къ намъ:
Единой честью провожденны,
Невинность ихъ ведетъ въ нашъ храмъ.

Когда изъ храма вонъ градутъ,
Съ собою скромность понесутъ.
Оставьте гордость и богатство,
Оставьте пышность и чины,
Они устроятъ вамъ препятство,
Имъ двери въ храмъ затворены.
Здѣсь то едино веселитъ,
Что добродѣтель намъ сулитъ.

Братъ надзиратель между тѣмъ, возвращался и доносилъ великому мастеру, что онъ осматривалъ ложу и нашелъ ее „порядочно закрытою, такъ что непросвѣщенные приближаться къ намъ и проникнуть таинствъ нашихъ не могутъ.“ „Внѣшнему стражу“ вмѣстѣ съ тѣмъ давалось приказаніе никого изъ тѣхъ, кто пришелъ бы въ ложу уже по ея открытіи и послѣ того, какъ въ ней начались „работы“ не впускать въ ложу до того времени, пока „дѣйствуемая часть“ окончится. Затѣмъ вносился въ камеру дотолѣ отсутствовавшій коверъ великаго мастера и полагался на свое мѣсто, а братъ обрядоначальникъ получалъ отъ великаго мастера приказаніе возжечь отъ свѣчи, находящейся на алтарѣ, „тотъ свѣтъ, который съ послѣдняго нашего собранія загашенъ былъ,“ причемъ зажигались сначала три свѣчи около ковра, потомъ— свѣчи на звѣздѣ. Затѣмъ „собиратели милостыни“ распростирали коверъ, на который и становился великій мастеръ. Между нимъ и братомъ надзирателемъ происходилъ слѣдующій обмѣнъ вопрооовъ и отвѣтовъ.

В. Братъ надзиратель, который теперь часъ? (При этомъ вопросѣ, сопровождаемомъ великимъ мастеромъ троекратнымъ ударомъ молотка, всѣ становились въ позу, извѣстную подъ названіемъ „ученическаго тайнаго знака“).

О. Теперь полдень.

В. Гдѣ мѣсто великаго мастера?

О. На востокѣ.

В, Для чего такъ?

О. Какъ солнце начинаетъ дневное теченіе свое съ востока, такъ и высокопочтенный мастеръ долженъ быть на востокѣ, дабы ложу освѣщать, ею управлять, и братіямъ свободнымъ каменьщикамъ распредѣлять работу.

В. Гдѣ мѣсто братій надзирателей?

О. На западѣ: чтобы повиноваться достопочтенному мастеру.

В. М. „Когда такъ, то объявите братіямъ, что я намѣренъ открыть ложу (*сіе исполняется*). Братія помогите мнѣ открыть ложу." При этомъ великій мастеръ дѣлаетъ своимъ молоткомъ дважды ученическій знакъ; затѣмъ кладетъ на приготовленую подушку уголь, на него—раскрытую библію, а на библію — отверстый циркуль. Затѣмъ зажигаетъ остальныя свѣчи на алтарѣ, обнажаетъ мечи и полагаетъ ихъ крестообразно съ ножнами на библію. Въ это время братья надзиратели и обрядоначальникъ также обнажаютъ шпаги и собиратели милостыни берутъ въ руки свои жезлы. Великій мастеръ трижды ударяетъ молоткомъ и повелѣваетъ брату первому надзирателю объявить, что камера открыта; и когда это исполнено, то спрашиваетъ который теперь часъ, и получаетъ въ отвѣтъ: „самый полдень". Затѣмъ читаетъ слѣдующую молитву. „Да прострется надъ нами благодать всевышняго архитектора и да благословитъ онъ сегоднишнее собраніе наше. Да въ согласіи и братолюбіи начнутся, въ порядкѣ продолжатся и счастливо окончатся работы наши! Аминь!" „Любезные братія, говоритъ онъ затѣмъ, обращаясь къ собравшимся: ложа теперь со всѣмъ открыта и я изъявляю вамъ мое почтеніе чрезъ три раза трижды." Всѣми при этомъ дѣлается троекратное рукоплесканіе, послѣ чего великій мастеръ „облегчаетъ ложу"—садится самъ и позволяетъ сдѣлать тоже самое и братіи.

Между тѣмъ ищущій принятія въ ложу, приведенный въ нее часа за два до ея открытія своимъ поручителемъ, членомъ ложи, сидитъ одинъ съ завязанными глазами въ особой темной комнатѣ, размышляя о предстоящемъ своемъ избраніи, и въ ожиданіи условнаго знака—сильнаго удара въ дверь комнаты—когда онъ можетъ снять повязку съ своихъ глазъ, что, впрочемъ, происходитъ очень скоро, не больше, какъ черезъ, пять минутъ по выходѣ изъ его комнаты брата—поручителя, который въ продолженіе этихъ пяти минутъ стоитъ за дверьми.

Затѣмъ еще до открытія ложи входитъ къ нему братъ-риторъ, особое должностное лицо въ ложѣ, на обязанности котораго лежитъ, между прочимъ, приготовлять ищущаго ко вступленію въ ложу. На первый разъ братъ-риторъ ведетъ съ нимъ предварительную бесѣду, касательно цѣли ордена. Примѣрно онъ спрашиваетъ ищущаго: 1) съ какимъ онъ намѣреніемъ вступаетъ въ орденъ? 2) что побудило его къ сему предпріятію? Такъ какъ ищущіе обыкновенно на эти вопросы отвѣчаютъ, что они желаютъ чрезъ орденъ снискать путь къ добродѣтели или премудрости или просвѣщенію, и т. п., то далѣе братъ-риторъ спрашиваетъ: 3) не имѣетъ ли уже ищущій какого-либо понятія или предположенія о тѣхъ средствахъ, которыми думаетъ онъ въ нашемъ каменьщичествѣ достигнуть своей цѣли; 4) какое понятіе имѣетъ онъ о каменьщичествѣ, 5) если цѣль его есть исканіе добродѣтели, то не можетъ-ли онъ найти путь къ оной чрезъ религію и гражданскіе законы? 6) слѣдовалъ-ли онъ имъ? 7) если онъ ищетъ премудрости и просвѣщенія, то въ чемъ ихъ пологаетъ? Испытавъ такимъ образомъ мысли и сердце ищущаго, братъ-риторъ объясняетъ ему, что орденъ, принимая къ себѣ въ члены лицъ по свободному ихъ соизволенію, хочетъ, чтобы и его рѣшеніе вступить въ ложу было свободно и при этомъ дѣлаетъ краткое начертаніе цѣли ордена, слѣдующее:

„1. Главнѣйшая цѣль, а купно и основаніе ордена, на которомъ онъ утвержденъ, и котораго никакая человѣческая сила не можетъ низвергнуть, есть сказаніе и преданіе потомству нѣкотораго важнаго таинства отъ самыхъ древнихъ вѣковъ и даже отъ перваго человѣка до насъ дошедшаго, отъ котораго таинства можетъ быть судьба цѣлаго человѣческаго рода зависитъ, доколѣ Богъ благоволитъ ко благу человѣчества открыть оное всему міру, но какъ сіе таинство такого свойства, что никтó не можетъ его знать и имъ пользоваться, если долговременнымъ и прилѣжнымъ очищеніемъ самого себя не пріуготовленъ, то не всякъ можетъ надѣяться скоро пріобрѣсти его. Орденъ нашъ можно уподобить благоустроенному воинству, гдѣ всякъ, по мѣрѣ усердія и ревности, восходитъ къ высшимъ чинамъ. Начальники вѣдаютъ расположеніе и тайну войны, но нижніе

чины и простые воины обязаны токмо повиноваться и не могутъ знать сего таинства. Для сего въ орденѣ нашемъ число хранителей таинства всегда было ограничено."

„2. И такъ мы имѣемъ вторую цѣль, которая состоитъ въ томъ, чтобы пріуготовлять нашихъ членовъ, сколько возможно, исправлять ихъ сердце, очищать и просвѣщать ихъ разумъ тѣми средствами, которыя намъ преданіемъ открыты, отъ мужей, потрудившихся въ исканіи сего таинства: однако самое стремленіе ихъ уже приноситъ имъ великую пользу, приближая ихъ къ совершенству."

„3. Очищая и исправляя нашихъ членовъ, мы стараемся въ третьихъ исправлять и весь родъ человѣческій, предлагая ему въ членахъ нашихъ примѣры благочестія и добродѣтели, сей убѣдительный способъ наученія: ибо примѣръ сильнѣе всѣхъ увѣщаній дѣйствуетъ въ сердцѣ человѣческомъ,—стараться всѣми силами противоборствовать злу, царствующему въ мірѣ.

„Сіи суть главнѣйшія цѣли нашего общества; если вы найдете въ нихъ и вашу цѣль, вы съ пользою вступите въ нашъ орденъ."

Затѣмъ, посовѣтовавъ ищущему размыслить о предложенныхъ цѣляхъ и испытать свое сердцѣ, одобряетъ ли оно или отвергаетъ его предпріятіе,—братъ-риторъ снова оставляетъ его одного, до того времени, когда его позовутъ въ собраніе ложи для совершенія самаго обряда принятія.

По открытіи ложи братъ-риторъ снова отправляется къ ищущему и бесѣдуетъ съ нимъ „по особому, данному ему предписанію." Здѣсь предлежитъ ритору важнѣйшій подвигъ, замѣчается въ ритуалѣ: ибо сей первый шагъ на всегда утверждаетъ судьбу ищущаго въ свободномъ каменьщичествѣ. Риторъ имѣетъ здѣсь обширное поле къ обработыванію, какого бы свойства не была сія земля: сухая-ли, да стремится смягчить ее слезами раскаянія, болотная-ли, да осушитъ ее, возжегши огнь любви небесныя; дикая-ли и заросшая—да очиститъ ее отсѣченіемъ всѣхъ заблужденій, невѣрья и предразсудковъ: словомъ, да воздѣлаетъ онъ сію проклятую землю такъ, чтобы напослѣдокъ могла она произрастать райскіе

цвѣты. Сего ради риторъ да поучается всегда и нелѣностно отъ начальника своего. Чѣмъ болѣе и чѣмъ прилежнѣе будетъ онъ разсуждать о своей должности, тѣмъ болѣе будетъ радоваться о важномъ званіи своемъ."

Прибывши къ ищущему, братъ-риторъ спрашиваетъ его: размышлялъ-ли онъ объ объясненныхъ уже ему цѣляхъ общества, нашелъ-ли ихъ полезными и согласенъ-ли вступить въ орденъ. Когда ищущій дастъ на это утвердительный отвѣтъ, братъ риторъ предлагаетъ ему изложеніе дальнѣйшихъ обязанностей каждаго члена ордена. Обязанности эти или добродѣтели суть слѣдующія: 1) *Скромность*. „По существу главнаго нашего намѣренія, мы имѣемъ нужду скрывать наши тайности, то есть наши обряды, образъ управленія и проч. Не говорю я о таинствахъ, ибо оныхъ никто не можетъ никому открыть: они, яко таинства, тайно сообщаемы бываютъ отъ того, кто имѣетъ и власть и силу сообщать оныя. Вы должны обѣщать намъ соблюдать скромность, какъ словами, такъ и дѣломъ во всемъ томъ, что хотя мало касается до нашего общества. Если совниманіемъ разберемъ мы сію добродѣтель, то увидимъ, что скромность въ нашей жизни сохраняетъ насъ иногда отъ великихъ бѣдъ и несчастій. Нескромность-же часто имѣетъ ужаснѣйшія слѣдствія, нежели всякій другой порокъ. 2) *Повиновеніе*. Общество наше, не имѣя гражданскихъ правъ, наказаніями или другими какими насильственными средствами приводить своихъ членовъ въ повиновеніе, требуетъ добровольнаго согласія на оное отъ всякаго, вступающаго члена. Никакое общество не можетъ стоять безъ подчиненности, тѣмъ паче наше, разсѣянное по всему лицу земли, имѣетъ нужду въ строгомъ наблюденіи правилъ подчиненности. 3) *Добронравіе*. Наша цѣль есть исправлять самихъ себя, а своимъ примѣромъ и прочихъ, внѣ нашего общества находящихся, приводить къ познанію добродѣтели. Слѣдственно всякій нашъ членъ обязанъ строго соблюдать всѣ правила честности, правды и благопристойности. Нашъ орденъ есть средняя линія между религіею и гражданскимъ закономъ. Тотъ, кто съ нами соединится, обязанъ всѣ должности, налагаемыя на него духовною и свѣт-

свою властію, исполнять во всей точности, а не по одной наружности. 4) *Любовь къ человѣчеству, а паче къ братіи.* Любовь къ человѣчеству, а паче къ братіямъ есть столбъ не токмо нашего общества, но и самой религіи. Она подобна животворному бальзаму, разливающему въ душѣ человѣческой силу, крѣпость и сладкое успокоеніе. Она дѣлаетъ насъ любезными Богу и людямъ. Человѣкъ, котораго всѣ помышленія и дѣянія имѣютъ душею своею сію изящнѣйшую добродѣтель, бываетъ мужественъ въ своихъ предпріятіяхъ, твердъ въ исполненіи оныхъ. Грозный видъ тирана, муки и всѣ злосчастія не колеблютъ его душу. Вы должны стараться возрождать и усиливать въ душѣ вашей сіе благородное чувствованіе и учинить его основаніемъ всѣхъ вашихъ дѣяній. 5) *Постоянность и мужество.* Тотъ только прямо добродѣтеленъ, кто непрестанно, во всѣхъ дѣйствіяхъ старается противиться злу. Тотъ только можетъ надѣяться достигнуть своей цѣли, кто при началѣ своего предпріятія рѣшился преодолѣть всѣ затрудненія, препятствія, скуку. Если сердце ваше одобряетъ ваше предпріятіе вступить въ наше общество, то вы должны съ сей минуты рѣшиться переносить всѣ безпокойства, съ какими сопряженъ путь къ добродѣтели, не совращаться съ онаго никакими соблазнами и огорченіями, никакими обманчивыми и лестными видами. Вооружитесь мужествомъ, ибо безъ него никто да не льстится проникнуть таинства нашего ордена. 6) *Щедрость и безкорыстіе.* Сія добродѣтель есть драгоцѣнное украшеніе нашего ордена, каждаго брата и каждаго частнаго человѣка. Она есть первый знакъ благородной и высокой души. Низкая и подлая душа только внимаетъ безчувственно вопль несчастнаго, угнетаемаго убожествомъ, или хотя и даетъ ему нѣкоторую помощь, но только изъ тщеславія, для похвалы и съ внутреннимъ нехотѣніемъ. Но да отличится истинная щедрость, происходящая изъ благороднаго побужденія человѣколюбія, отъ расточительности, которая часто подобна бываетъ щедрости, хотя источникъ ея есть нѣкоторая лѣность, вѣтренность и безразсудность. 7) *Любовь къ смерти.* Непрестанное о смерти размышленіе учиняетъ насъ неустрашимыми, укрѣпляетъ нашъ духъ къ понесенію

всѣхъ трудностей, огорченій, препятствій, бѣдъ, опасностей, кои могутъ встрѣтиться на пути добродѣтели. Старайтесь частымъ помышленіемъ о смерти довесть себя до того, чтобы не казалась она вамъ болѣе страшнымъ врагомъ, но другомъ, который освобождаетъ отъ бѣдственной сей жизни въ трудахъ добродѣтели томившуюся вашу душу, для введенія ея въ мѣсто награды и успокоенія.

Послѣ преподанія этихъ правилъ, въ бесѣдѣ брата ритора съ ищущимъ слѣдовалъ нѣкоторый перерывъ. Ищущему предоставлялось снова сообразить сказанное ему и еще разъ обдумать свое намѣреніе вступить въ орденъ. Затѣмъ братъ риторъ возобновлялъ свои наставленія. Во время второй своей бесѣды съ ищущимъ, удостовѣрясь въ твердой рѣшимости его вступить въ орденъ, онъ велъ къ нему рѣчь о *іероглифическомъ языкѣ* масоновъ.

„Орденъ нашъ, говорилъ онъ, ученіе свое преподаетъ не словами только, но и иными средствами, которые на истиннаго искателя мудрости и добродѣтели дѣйствуютъ, можетъ быть, сильнѣе, нежели словесное только объясненіе. Сія храмина убранствомъ своимъ, которое вы видите, уже должна была изъяснить вашему сердцу, ежели оно искренно, болѣе, нежели слова. Вы увидите, можетъ быть, при дальнѣйшемъ вашемъ принятіи, подобный сему образъ изъясненія. Орденъ нашъ подражаетъ древнимъ обществамъ, которые открывали ученіе свое іероглифами. Когда вы съ откровеннымъ сердцемъ и съ должнымъ уваженіемъ къ великости той цѣли, для коей вы желаете быть приняты, будете взирать на все то, что съ вами происходить будетъ, то, можетъ быть, вы не тѣ отъ насъ выйдете, каковы пришли". Если ищущій не знаетъ, что такое іероглифы, то братъ риторъ объясняетъ ему, что „іероглифъ есть назнаменованіе какой нибудь неподверженной нашимъ чувствамъ вещи чрезъ представленіе вещи, подверженной чувствамъ, которая содержитъ въ себѣ качества, подобныя изобразуемой. И такъ для познанія изобразуемой вещи и ея качествъ надлежитъ познать всѣ свойства вещи изобразуемой". Затѣмъ братъ риторъ „приступаетъ къ опытамъ" надъ ищущимъ. Въ знакъ своего чистосердечія послѣдній

долженъ открыть главное свое пристрастіе, въ знакъ щедрости—отложить всѣ драгоцѣнности, какія при немъ имѣются, въ знакъ повиновенія—снять съ себя верхнее платье, позволить себѣ завязать глаза, лѣвая часть груди должна быть обнажена, а также—правое колѣно; башмакъ на лѣвой ногѣ—замѣненъ туфлей, наконецъ отъ ищущаго отбираются всѣ вещи изъ металла. Послѣ этого братъ риторъ еще разъ представляетъ на нѣкоторое время ищущаго самому себѣ: „блаженъ тотъ, говоритъ онъ, кто имѣетъ случай, удалясь отъ мірскихъ суетъ, и наложа цѣпи на свои чувства, возбуждающія волненіе страстей, обратиться на самого себя и искать источника своего блаженства въ источникѣ своей жизни—сердцѣ".

Чрезъ нѣсколько времени возвратившись къ ищущему, братъ риторъ еще разъ—въ послѣдній—спрашиваетъ его о твердости намѣренія вступить въ орденъ, совѣтуетъ ему „оставить за дверьми храма нашего всѣ предубѣжденія о своемъ знаніи, дарованіяхъ, очистить свое сердце для принятія нашего ученія, которое одно можетъ наставить его правильно видѣть, слышать и чувствовать". Затѣмъ братъ риторъ ведетъ ищущаго къ дверямъ ложи, приставивъ къ груди его заостренную шпагу и держа его за руку. При этомъ старается сдѣлать путь ищущаго труднымъ, говоря: такъ труденъ путь къ добродѣтели, и пр. „Такъ мы странствуемъ въ жизни; прошедшее для насъ темно, будущее—неизвѣстно. Мы не знаемъ, откуда, что и куда мы: знаемъ только настоящее". „Шпага, приставленная къ груди вашей, можетъ вонзиться въ нее, если вы сдѣлаете одинъ ложный шагъ, ибо вы не видите теперь пути, по которому идете, и препинаній, на немъ лежащихъ. Васъ ведетъ рука, коей вы однако не видите. Если вы оставлены ею будете, погибель ваша неизбѣжна. Такъ страсти и слабости наши, затмѣвая внутренній свѣтъ, ведутъ насъ въ ослѣпленіи по неизвѣстнымъ намъ путямъ, и если-бы невидимая рука не путеводствовала насъ, мы давно погибли-бъ. Ищите познать сего путеводителя. Старайтесь отрясти мглу страстей, увидѣть ее очами умными: тогда обрящете мудрость. Ибо мудрость есть очищеніе отъ страстей и познаніе внутренняго свѣта".

Этимъ оканчивается приготовленіе ищущаго къ вступленію въ ложу и затѣмъ слѣдуетъ самый обрядъ принятія, весьма сложный, состоящій изъ семи отдѣльныхъ дѣйствій.

По открытіи ложи секретарь читаетъ „всеобщія учрежденія“ масонства: 1) желающій быть членомъ ордена, и имѣющій годы, не можетъ быть принятъ, если за мѣсяцъ не будетъ представленъ ложѣ и надлежащимъ образомъ выбалотированъ; впрочемъ начальники ложи чрезъ особое повелѣніе великаго мастера могутъ сократить сей срокъ. 2) Не имѣющій законной свободы не можетъ быть принятъ въ общество, развѣ — въ служащія братіи. 3) Несовершенно преданный той вѣрѣ, въ которой родился, не повинующійся своему государю и отечеству и не соблюдающій благонравія не можетъ быть принятъ. 4) Ищущій долженъ клясться, что подвергаетъ себя всѣмъ уставамъ и обязательствамъ, которые ему въ свое время открыты и истолкованы будутъ. 5) Кто противъ священныхъ поученій и вообще противъ христіанской вѣры что говорить или писать будетъ, тотъ долженъ быть исключенъ навсегда изъ ордена; развѣ въ полномъ собраніи отъ буесловія своего клятвенно отречется и безразсудныя свои сочиненія въ раскаяніи уничтожитъ 6) Истинный каменьщикъ долженъ съ чистосердечною ревностію почитать и любить Всемогущаго Строителя вселенной и исполнять должности, касающіяся до божества съ такою твердостію, которую никакая пустая корысть и никакое суевѣріе, упрямствомъ подкрѣпленное, поколебать не можетъ: ибо истинное постоянство утверждаетъ его навсегда въ томъ исповѣданіи вѣры, которое онъ исполнять обязался съ младенчества. 7) Знатнѣйшія должности кромѣ упомянутыхъ: а) искренняя любовь ко всѣмъ людямъ, а особливо къ брату чужестранцу; б) Честное поведеніе безо всякой укоризны, в) непримиримая брань съ врагами добродѣтели; г) истинное намѣреніе возстановить духовный храмъ Соломона чрезъ три раза трижды (?) д) искреннее храненіе всеобщихъ каменьщическихъ законовъ и обыкновеній. 8. Единодушіе есть знатнѣйшее правило каменьщическаго ордена. Искренность должна

царствовать въ немъ. Каменьщическое слово и обѣщаніе между нами священными почитаются и до нынѣ нарушаемы не были; посему слова и обѣщанія каменьщика предпочитаются обѣщаніямъ всякаго другого, ибо каменьщикъ долженъ быть увѣренъ о важности изрѣкаемаго имъ слова и никогда нарушить онаго не можетъ. 9. Свободный каменьщикъ, узнавъ злой умыселъ, противъ Государя и правительства предпріемлемый, и надежными доказательствами совершенно въ томъ увѣрясь, долженъ тотчасъ донести о томъ мастеру ложи, который о томъ неукоснительно доноситъ своему начальству. Если же дѣло не терпитъ времени, то мастеръ ложи увѣдомляетъ о томъ самое правительство. 10. Братъ, не имѣющій случая донести о томъ мастеру ложи, самъ доноситъ Государю, если онъ въ томъ же городѣ, словесно, а въ отсутствіи — письменно. 11. Каменьщики-ученики должны, когда имѣютъ случай быть одни съ своими мастерами, прилежать къ тому, чтобы принадлежащія имъ вещи и дѣла лучше узнавать; причемъ должны имѣть предосторожность, чтобы не были подслушаны кѣмъ изъ постороннихъ. 12. Ученикъ долженъ быть совершенно наученъ въ своей работѣ: безъ того не можетъ быть возводимъ на дальнѣйшую степень.

По прочтеніи этихъ постановленій, секретарь читаетъ протоколъ предъидущаго собранія—затѣмъ братъ риторъ посылается для приготовленія ищущаго, а великій мастеръ въ это время читаетъ собранію приличную рѣчь или поученіе или катихизируетъ.

Исполнивши свою обязанность, братъ риторъ возвращается съ ищущимъ и, подойдя къ дверямъ камеры, даетъ знать о своемъ приходѣ кашлемъ. Великій мастеръ дѣлаетъ крѣпкій ударъ, при которомъ всѣ встаютъ и становятся вокругъ ковра. Братъ стражъ ударяетъ кулакомъ въ дверь, то же дѣлаетъ братъ поручитель и кромѣ того стучитъ по каменьщически. Братья надзиратели повторяютъ эти удары и доносятъ великому мастеру, что стучатъ по каменщически. Послѣдній трижды ударяетъ молоткомъ и спрашиваетъ: кто тамъ? На отвѣтъ: ищущій, который желаетъ быть принятъ въ свободные каменьщики, великій мастеръ спрашиваетъ достоинъ ли ищущій, и

на отвѣтъ поручителя, что онъ отвѣчаетъ за ищущаго своею головою, велитъ вопросить послѣдняго о его имени, отчествѣ, фамиліи, званіи, законѣ, чинѣ, отъ чего имѣетъ пропитаніе, не состоитъ ли членомъ какого-нибудь общества, явнаго или тайнаго, имѣетъ ли истинную ревность къ исправленію себя, не суетное ли любопытство побуждаетъ его вступить въ орденъ и т. п. Затѣмъ, когда на отвѣтъ великаго мастера слѣдуетъ ли принять ищущаго, всѣ присутствующіе даютъ посредствомъ тайнаго знака свое согласіе, дверь ложи закрывается, введшій ищущаго беретъ отъ него свою руку и шпагу и толкаетъ его съ осторожностью впередъ къ надзирателямъ, говоря: я предаю тебя судьбѣ твоей. Братья надзиратели ставятъ его между собою. Въ ложѣ наблюдается тишина и глубокое молчаніе.

Затѣмъ начинается обрядъ принятія «съ ищущимъ, яко съ страждущимъ». Великій мастеръ предлагаетъ ему тѣ же вопросы, которые дѣлаемы ему были братомъ риторомъ и по утвердительномъ отвѣтѣ на нихъ, велитъ секретарю внести «сіе происшествіе въ лѣтописи ордена», и, нѣсколько помолчавъ, ударяетъ молоткомъ и обращается къ ищущему съ такою рѣчью. «Ваши, государь мой, мужественные поступки, а при томъ основанное на добромъ объ васъ понятія, послушаніе ваше во всемъ, чтó уже было и что еще будетъ съ вами, удостовѣряютъ насъ, что ни свойственное женамъ любопытство, ни дѣтское странныхъ вещей воображеніе, ниже чье-либо убѣжденіе есть виною вашего дѣйствія, но паче вашею добродѣтелью подкрѣпленное побужденіе къ тому, чтобы соединиться съ нами, чтобы быть сочленомъ такого общества, которое знаменито и извѣстно по добродѣтели, дружбѣ, вѣрности и честности привлекаетъ васъ сюда; а потому спрашиваю васъ, да словомъ человѣка скажете, согласны ли вы во всемъ предаться намъ и по тѣмъ законамъ, коимъ мы повинуемся, согласны ли быть приняты въ свободное каменьщичество? Или размысливъ, желаете возвратиться вспять?—Если вы, государь мой, могли иногда возмнить или еще и теперь опасаетесь размышляя, нѣтъ ли чего между нами противнаго Богу, вѣрѣ и узаконеніямъ правительства, установленіямъ общества или благонравію и праводушію гражданина, то я увѣряю васъ моимъ и

всея ложи словомъ, что сего и подобнаго тому между нами нѣтъ и не бывало... И такъ да исполнится, государь мой, хотѣніе ваше. Но знайте, что бодрость, мужество, осторожность и равнодушіе отвращаютъ опасность, а робость и колеблемость при мысляхъ не твердыхъ и разсѣянныхъ, часто дѣлаютъ человѣка сожалѣнія достойнымъ и несчастною жертвою». Спросивъ у присутствующихъ о согласіи ихъ на принятіе новаго члена и получивъ утвердительный отвѣтъ, великій мастеръ велитъ брату второму надзирателю заставить ищущаго «путешествовать по каменьщически». Надзиратель обводитъ ищущаго кругомъ ложи, позади присутствующихъ и при этомъ говоритъ: «примѣтили ли вы, что вы обошли теперь со мной кругъ? Безконечное есть также кругъ, описываемый всемогуществомъ изъ средоточія, которое есть первоначальный свѣтъ. Научися нынѣ, что къ сему свѣту можно приблизиться токмо мудростью и добродѣтелью. Се теперь вступаешь ты на стезю, ведущую къ сей мудрости и добродѣтели; да не уклонятся стопы твои отъ сего пути, да не будутъ онѣ удержаны посторонними предметами. Хотя различныя препятствія, однако самыя опасности дѣлаютъ героя, достойнаго увѣнчанія лаврами. Тѣмъ сладостнѣе покой для ратоборца, когда онъ при достиженіи цѣли, воззря на перенесенныя трудности, самъ себѣ можетъ сказать: я полагалъ стопы мои на тернія, прошелъ пропасти, преодолѣлъ стремнистыя высоты и каменистыя крутизны; но слабая искра, блеснувшая во мнѣ при первомъ шагѣ путешествія, возгорѣлась свѣтильникомъ, приведшимъ меня къ моей цѣли».

По окончаніи перваго «путешествія» надзиратель беретъ у ищущаго свою шпагу и велитъ поклониться великому мастеру. Братъ первый надзиратель ударяетъ молоткомъ по шпагѣ. Великій мастеръ также ударяетъ своимъ молоткомъ сперва дважды, потомъ еще однажды, и спрашиваетъ: «Кто тамъ?» — «Ищущій». — «В. М.». Онъ еще не на благомъ пути: заставить его еще разъ путешествовать.

При второмъ путешествіи братъ надзиратель говоритъ ищущему: «Человѣческой слабости свойственно заблуждаться, но по узнаніи неправды оставаться въ заблужденіи произ-

вольно есть уже неизвиняемое буйство. Если стопы твои совратились когда-нибудь съ праваго пути, если ты водимъ будучи пустымъ блескомъ, возгорающихся въ видѣ огня гнилыхъ паровъ, сбился съ пути истины, то слѣдуй нынѣ руководству предостерегающаго тебя друга и не возбрани паки поставить тебя на пути, съ котораго уклонили тебя страсти или соблазны. Для огражденія смертныхъ отъ слабости Предвѣчный строитель міра сотворилъ въ человѣкѣ нѣкоторое святое стремленіе къ дружбѣ. Да не отторгнетъ когда-либо рука твоя сея подпоры отъ себя и да не будетъ слухъ твой загражденъ отъ ея предостереженій. Когда же обрѣтешь ты паки предварѣченную тебѣ стезю, то да будетъ вождями тебѣ дружескій совѣтъ и старшій тебя опытъ. Тогда сугубо напряги стези твои и будь увѣренъ, что конечно достигнешь цѣли, какую предполагаетъ себѣ мудрый и добродѣтельный мужъ».

По окончаніи втораго «путешествія» второй надзиратель ударяетъ по плечу кандидата, а первый надзиратель—молоткомъ по шпагѣ, послѣ чего великій мастеръ снова спрашиваетъ: кто тамъ, и получивъ отвѣтъ, объявляетъ, что сей «страждущій» еще не на правомъ пути, хотя и есть надежда, что онъ вступитъ на оный, для чего слѣдуетъ ему еще разъ «путешествовать». При этомъ третьемъ путешествіи братъ риторъ обращается къ «страждущему» съ такою рѣчью. «Слабому нашему зрѣнію часто кажется конецъ теченія въ неизмѣримой отъ насъ отдаленности, чему причиною или облежащій насъ мракъ, или излишній блескъ, ослѣпляющій очи. Но истинный герой преодолѣваетъ и сіе путешествіе... Тотъ, кто соверша бо́льшую половину своего теченія, обращается вспять, кто, преодолѣвъ величайшія опасности, страшится малыхъ и оставляетъ сраженіе—тотъ ничего не сдѣлалъ. Но кто подвизается до конца, кто въ благородномъ своемъ стремленіи къ полученію лавра лучше гибнетъ на сраженіи, нежели съ робостію бѣжитъ изъ онаго: таковой увѣренъ въ своей побѣдѣ. Да не устрашаютъ убо и тебя встрѣчающіяся съ тобою препятствія, но паче къ поставляемой тебѣ цѣли гряди мужественно, съ бодрымъ духомъ, оживляющимъ истиннаго каменьщика».

Дѣлаются обыкновенные удары молоткомъ и новый вопросъ великаго мастера: кто тамъ, на который братъ надзиратель отвѣчаетъ: «достойный требующій, который нашелъ путь къ добродѣтели». «Се, наконецъ, стоитъ онъ на истинномъ пути, говоритъ великій мастеръ. Желаю я, да во всю жизнь свою не перестанетъ онъ по немъ идти: тогда мы всѣ вкупѣ возрадуемся». «Вы уже близко свѣта, государь мой, обращается затѣмъ великій мастеръ къ ищущему: не ослабѣвайте, вступите къ намъ и соединитесь съ нами ненарушимою клятвою. Но да будетъ твердость спутницею языка вашего и да возсіяетъ чрезъ то и обнажится предъ нами непорочная святость ваша».

Затѣмъ по распоряженію великаго мастера, съ согласія всего собранія, братья надзиратели подводятъ ищущаго къ алтарю. Прежде чѣмъ ищущій произнесетъ свою клятву, риторъ говоритъ ему привѣтствіе. «Государь мой! оказанная вами твердость въ преодолѣніи препятствій, случившихся на вашихъ путешествіяхъ, увѣряютъ насъ, что вы совсѣмъ презрѣли несправедливыя предразсужденія невѣжества. Въ награжденіе такого постоянства, вы подведены къ жертвеннику и должны вступить съ нами въ такія обязательства, коихъ истинные каменьщики нарушить не могутъ. И дабы съ вашей стороны мы были обезопашены, должны вы теперь наиторжественнѣйше дать клятву предъ престоломъ молчаливости, предъ стопами правосудія и предъ Великимъ Строителемъ вселенныя, что будете не нарушимо сохранять въ сердцѣ вашемъ таинства свободнаго каменьщичества и совершенно себя подвергнете законамъ нашего ордена. Готовы ли вы къ сему? Ежели готовы, то совершайте вашу работу съ твердостію духа, съ размышленіемъ и уваженіемъ и повторяйте явственно клятву которую нашъ мастеръ повелитъ вамъ дать. Помните, что Строитель всего міра, по вездѣсущности своей и всезнанію, размѣряетъ, свидѣтельствуетъ и слышитъ вашу клятву».

Послѣ этой рѣчи, братья надзиратели ставятъ ищущаго обнаженнымъ колѣномъ на подушку предъ алтаремъ, великій мастеръ беретъ у ищущаго правую руку, кладетъ ее распростертою на библію и говоритъ: вѣрите ли вы, что книга

эта—св. Писаніе и Евангеліе?... Потомъ «требующему» даютъ въ лѣвую руку раскрытый циркуль и одну ножку его приставляютъ къ обнаженной лѣвой груди его. Затѣмъ братъ секретарь читаетъ по слову, слѣдующую клятву, которую ищущій повторяетъ. «Я, №, №., клянусь предъ всемогущимъ Строителемъ вселенныя, и предъ симъ высокопочтеннымъ собраніемъ, въ томъ, чтобы всѣми моими силами стремиться къ сохраненію непоколебимой вѣрности къ Богу, закону, правительству, отечеству и къ сему высокопочтеннѣйшему братству; чтобы любить ихъ всѣмъ сердцемъ и помогать ближнимъ моими всѣми силами. Я обѣщаю по всѣмъ силамъ моимъ стараться быть во всѣхъ моихъ дѣяніяхъ предусмотрительнымъ и мудрымъ, въ дѣйствіяхъ моихъ осторожнымъ, въ словахъ—умѣреннымъ, въ должностяхъ моихъ праведнымъ, въ предпріятіяхъ—чистымъ, въ сужденіи—честнымъ, въ образѣ моего обхожденія—человѣколюбивымъ, благороднымъ, добросердечнымъ и преисполненнымъ любви ко всѣмъ человѣкамъ, а наипаче къ моимъ братіямъ. Я обѣщаюсь быть послушнымъ начальникамъ моимъ во всемъ, что мнѣ для блага ордена, къ которому я обязанъ во всю жизнь сохранять вѣрность, повелѣно будетъ. Обѣщаюсь быть осторожнымъ, искреннимъ, умалчивать обо всемъ, что мнѣ повѣрено будетъ, и ничего такого не дѣлать и не предпринимать, чтó могло бы открыть оное; въ случаѣ же малѣйшаго нарушенія сего моего обязательства, подвергаю себя, чтобы голова моя была мнѣ отсѣчена, сердце, языкъ и внутренности вырваны, тѣло мое сожжено, и прахъ его разсѣянъ по воздуху. Да поможетъ мнѣ въ семъ Господь Богъ и его милосердіе. Аминь».

По окончаніи клятвы, великій мастеръ говоритъ: «Боже, помоги клянущемуся!» И затѣмъ обращаясь къ ищущему, прибавляетъ: «Не забывайте никогда, что свободно, непринужденно и по добромъ размышленіи дали клятву, связующую васъ съ нами, и что уже никакая власть не можетъ освободить васъ отъ исполненія оныя».

Затѣмъ требующій отводится на свое мѣсто, и по распоряженію великаго мастера, къ языку его прикладывается «печать соломонова, печать скромности».

Но этимъ обрядъ принятія въ ложу далеко еще не оканчивается. Слѣдуетъ за тѣмъ «открытіе свѣта ищущему», «сопряженіе его съ орденомъ», «облаченіе его по орденски».

Великій мастеръ спрашиваетъ, дозволяютъ ли братья узрѣть требующему свѣтъ, сіянія котораго не могъ онъ отъ самаго своего рожденія до сей блаженной минуты употреблять въ свою пользу. Первый надзиратель „именемъ всѣхъ здѣсь присутствующихъ и всѣхъ по земному шару разсѣянныхъ братій" заявляетъ, что ищущій достоинъ свѣта, для пріобрѣтенія коего употребилъ прилежность и труды". Затѣмъ свѣчи въ ложѣ погашаются, кромѣ одной, стоящей на алтарѣ, чаша съ виннымъ спиртомъ (Spiritus vini) зажигается и поставляется на постаментъ предъ алтаремъ. Надзиратели поднимаютъ нѣсколько повязку съ глазъ пріемлемаго, братья устремляютъ на него концы шпагъ, послѣдній членъ ложи, принятый въ нее предъ тѣмъ, стоитъ въ окровавленной одеждѣ. Великій мастеръ обращается къ пріемлемому съ такою рѣчью: «Всѣ сіи мечи, государь мой, которыхъ остріе противъ васъ устремлено, нынѣ и всегда готовы поборствовать по васъ, въ какой бы вы странѣ ни были, до тѣхъ поръ, пока вы будете стараться исполнять всѣ должности и добродѣтели, свойственныя свободнымъ каменьщикамъ; но внемлите при томъ и сему, что сіи же самые мечи извлекутся и устремятся метательною десницею противъ васъ, если вы клятву свою и подобающую молчаливость нарушите; надлежитъ вамъ вѣдать, что мы и всѣ разсѣянные по вселенной братья, ставъ нынѣ искренними вашими друзьями, при малѣйшемъ вашемъ вѣроломствѣ, при нарушеніи вами клятвы и союза, будемъ вамъ лютѣйшими врагами и гонителями. Ополчимся мы тогда жесточайшимъ противъ васъ мщеніемъ и исполнимъ месть, напомянувъ вамъ, что вы сами предъ всемогущимъ Зиждителемъ міра клялися, и премѣнивъ обѣтъ свой въ вѣроломство, заслужили себѣ казнь. Но я уповаю, что сіи мечи, на защищеніе и оборону братьевъ нашихъ опредѣленные, не обагрятся никогда кровію недостойныхъ каменьщиковъ. Въ такомъ упованіи преклонимъ мы ихъ къ полу храма сего и не хотимъ далѣе лишать васъ преимущества увидѣть полный свѣтъ". После этого повязка снова

опускается на глаза, свѣчи въ ложѣ снова зажигаются всѣ, чаша со спиртомъ относится въ сторону. Затѣмъ повязка снимается съ глазъ ищущаго и „обыкновеннымъ образомъ дѣлается предъ пріемлемымъ крестообразное пламя, при чемъ братья восклицаютъ: Sic transit glaria mundi! „Сіе пламя, говоритъ при этомъ великій мастеръ, научаетъ васъ, что всякая слава и высокость земли преходитъ, яко дымъ сей“.

По нѣкоторомъ молчаніи, продолжаетъ: „когда вы такъ далеко уже дошли, что ни во власти вашей премѣниться или съ честію и безопасностію оставить насъ, то долженъ я сказать вамъ, что есть еще нѣчто, что образу мыслей вашихъ, а паче сердцу вашему величайшее почтеніе пріобрѣсти удобно. Подвигнутый собственною волею и мужественнымъ намѣреніемъ, запечатлѣйте клятву свою смѣшеніемъ крови вашея съ кровію братій нашихъ: тогда окончаемъ и совершимъ мы немедленно принятіе ваше въ свободные каменьщики и яко брата нашего облобызаемъ“. При этомъ великій мастеръ, какъ-бы не нарочно, взираетъ на послѣдне-принятаго и спрашиваетъ: каковъ онъ, если требующій взглянетъ туда же, то великій мастеръ говоритъ ему: не будьте любопытны, государь мой! Затѣмъ посвящаемый подводится снова къ жертвеннику, становится на правое колѣно, правая рука его полагается на библію, въ лѣвую онъ беретъ циркуль, одинъ конецъ котораго приставляется къ его лѣвой груди. Великій мастеръ велитъ поручителю „посадить извлеченнаго и имѣть о немъ попеченіе“ и подать чашу съ кровію. Затѣмъ торжественно произноситъ: „силою власти моей и сана, мною отправляемаго (ударяетъ молоткомъ одинъ разъ), силою благоволенія и согласія всѣхъ здѣсь присутствующихъ и по всей землѣ разсѣянныхъ братій (новый ударъ молоткомъ), пріемлю васъ въ свободные каменьщики ученикомъ и братомъ (новый ударъ молоткомъ). Братія надзиратели, поднимите и повергните новаго брата къ вратамъ храма“. Избранный отводится на указанное мѣсто „но не спиною, и не по ковру“, и поставляется между надзирателями, имѣя ноги свои какъ-то „угломъ“. Затѣмъ по приказанію великаго мастера, сопровожденному сперва двумя а потомъ еще однимъ ударомъ, секретарь читаетъ за-

писанное имъ въ лѣтописи ордена только что совершившееся принятіе. Всѣ присутствующіе, по распоряженію великаго мастера, влагаютъ свои шпаги въ ножны, а братъ поручитель приводитъ новопринятаго, для облаченія его въ массонскія одежды, къ жертвеннику, гдѣ его ожидаетъ братъ обрядоначальникъ, который подаетъ ему одну за другою массонскія облаченія, при чемъ великій мастеръ говоритъ: любезный братъ новопринятый! Прими сей орденскій нашъ *запонъ*, который бѣлизною своею, прочностію и крѣпостію, ибо онъ сдѣланъ изъ кожи, всегда станетъ напоминать тебѣ искренность, постоянство, и чистосердечіе нашего братства, дабы и ты о сихъ свойствахъ толико рачилъ, чтобы можно было изъ дѣяній твоихъ ощутительно примѣчать, колико ты усердія, доброхотства и твердости къ тому прилагаешь. Желаю, чтобы носилъ ты сей запонъ яко достойный нашъ братъ и никогда не опятналъ бы какимъ либо порокомъ".—„Прими сіи первыя мужескія бѣлыя перчатки и храни ихъ на всегда; онѣ послужатъ во свидѣтельство твоего принатія, и если нѣкогда мастера твои разсудятъ за благо подать тебѣ достаточное объ нихъ объясненіе, то тогда и дальнѣйшее объ нихъ поученіе воспріимешь".—„Сіи другія перчатки носи всегда въ братскихъ нашихъ собраніяхъ въ ложѣ".—„И сіи женскія перчатки тебѣ опредѣлены, дабы ты отдалъ ихъ той женщинѣ, которую паче всѣхъ почитаешь. Симъ даромъ увѣришь о непорочности твоего сердца ту, которую избралъ себѣ въ законную каменьщицу, но соблюди, да не носятъ рукавицъ сихъ и да не укропаются ими руки нечистыя".—„Наконецъ, прійми сію невыясненную лопатку въ воспоминаніе того, съ коликою прилежностію ты употреблять ее долженъ. Сія лопатка въ разсужденіи необходимыя въ ней надобности, имѣетъ великую свою цѣну, и для того повѣшена она на сей ремень, да къ совершенію здѣсь производимыхъ работъ, какія и на тебя назначаемы будутъ, тѣмъ удобнѣе сохранена быть могла. Ты сравнительнымъ образомъ возможешь весьма полезныя исправити сокровищемъ симъ работы, когда потщиться сердце человѣческое отъ нашествія пороковъ очистить и оградить, и погрѣшности ближняго снисходительно заглаживать».

Затѣмъ, братъ риторъ объясняетъ новопринятому значеніе начертаній, находящихся на коврѣ. «Рама, заключающая въ себѣ всѣ сіи сокровенныя фигуры, ограничиваетъ наши тайности на семъ единомъ мѣстѣ. Великій Строитель міра не опредѣлилъ намъ быть въ обществѣ заключенными и неизвѣстными; но когда насиліе, хитрость и злость преодолѣли, то чистосердечіе стало погрѣшностію, молчаливость—добродѣтелію, и соединеніе противъ насилія необходимостію, что мы сими заключающими рамами изобразить намѣрены. Четыре страны свѣта, на коврѣ обозначенныя, во всѣхъ частяхъ міра разсѣянныхъ нашихъ братій знаменуютъ. Бахрама и мозаическій полъ взятъ изъ Соломонова храма: въ немъ находилась драгоцѣнная бахрама, которую употребляли на задергиваніе завѣсы предъ святая святыхъ; тамъ же былъ прекраснѣйшій мозаическій полъ. Просвѣщенный разумъ и истинныя правила равномѣрно украшаютъ жизненный храмъ человѣка и священное мѣсто—человѣческое сердце. *Блистающая звѣзда* можетъ имѣть сравненіе съ священнымъ огнемъ, который всегда горѣлъ въ соломоновомъ храмѣ; такъ и свѣтъ ума долженъ всегда освѣщать всѣ дѣянія твои. *Солнце, луна и звѣзды* напоминаютъ, что ты долженъ бдѣть надъ своими дѣйствіями и просить помощи повелѣвшаго въ Гаваонѣ солнцу и лунѣ остановиться, когда Навинъ гналъ враговъ своихъ. *Прямоугольникъ, отвѣсъ, перпендикуляръ и циркуль* суть орудія, необходимыя для строителя. Памятуй, что Совершенный Великій Мастеръ далеко распростертымъ циркулемъ своимъ размѣряетъ и розыскиваетъ твою работу. Сего ради и ты размѣряй дѣйствія свои циркулемъ разума; располагай поступки свои по чертѣ и углу совѣсти, полагай основаніе по отвѣсу опыта, сооружай зданіе свое по перпендикуляру красоты. Сего ради служатъ сіи орудія знаками чести: первый—Великаго мастера, слѣдующіе — обоихъ надзирателей, циркуль всѣмъ братіямъ вообще, во образѣ воспоминанія. *Молотокъ* въ рукахъ Великаго Мастера есть такое орудіе, которое весьма малымъ трудомъ и безъ шума все собраніе побуждаетъ къ истинѣ и вниманію. *Лопатка* напоминаетъ всѣмъ каменьщикамъ, чтобы они со всякимъ попеченіемъ сравнивали его разсѣлины и от-

верстіе сердца, отвращали и заглаживали произведенныя вновь высокомѣріе гнѣвомъ, отчаяніемъ, слабостію и пороками, заглаждали погрѣшности ближняго и братій своихъ и сердце свое столь чистымъ содѣлывали, чтобы братъ не опасался показывать сердце свое другому брату. *Камень дикій* можетъ быть очищенъ, обсѣченъ. Поступай и ты также съ своими склонностями. Для воспоминанія сей должности остается сей дикій камень тебѣ и всѣмъ ученикамъ предметомъ. *Кубическій камень* получилъ образованіе свое по углу и служитъ товарищамъ къ тому, чтобы они орудія свои имъ изощряли. *Чертежная доска* принадлежитъ нашимъ мастерамъ, которые дѣлаютъ на ней свои начертанія; ибо искусный строитель не начинаетъ работы до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаетъ справедливаго чертежа и разумнаго расположенія. *Столпъ*—тотъ, у котораго ученики получали свою плату; слово, первая буква котораго означена на немъ, ученическое слово, а самый столпъ есть изображеніе лѣваго столпа въ соломоновомъ храмѣ. *Три* окна — одно на востокѣ, второе на западѣ, третье на югѣ, означаютъ три великія свѣтила, чрезъ которыя каждый свободный каменьщикъ начальникомъ своимъ препровождается къ истинѣ. Любезный братъ! сіи суть знанія свободнаго каменьщика-ученика. Старайся теперь пріобрѣтать свойства свободнаго каменьщика-ученика. Будь трудолюбивъ, откровененъ, стремись къ постоянной честности, любви братской и благородному желанію успѣвать въ познаніяхъ нашихъ. Симъ сократишь себѣ путь и приблизишься великими шагами къ твоей цѣли, гдѣ ожидаетъ тебя истинная награда, состоящая въ изъясненіи всѣхъ іероглифовъ и аллегорій, тебѣ предложенныхъ,—награда, въ которой никогда истинный и вѣрный каменьщикъ не имѣлъ недостатка».

Затѣмъ, новопринятаго обучаетъ братъ-надзиратель «знакусловамъ и прикосновенію его степени», безъ объясненія, пока ихъ значенія. Представъ предъ великаго мастера, новопринятый показываетъ ему достаточное знаніе сихъ вещей, послѣ чего, при троекратномъ ударѣ молоткомъ, великій мастеръ сажаетъ его подлѣ себя справа, и читаетъ ему нижеслѣдующія девять статей устава свободнаго каменьщичества.

«О ты, ученію мудрости новопосвященный, чадо добродѣтели и дружбы, внемли прилежно гласу нашему. Да раскроется душа твоя для принятія велѣній истины. Мы тебѣ покажемъ путь, ведущій къ счастливой жизни. Мы тебя научимъ угождать Творцу твоему и разрѣшить съ бодростію и успѣхомъ всѣ способы, провидѣніемъ тебѣ ввѣренныя, дабы сдѣлать тебя полезнымъ сочеловѣкомъ и дабы вкусилъ ты сладости благотворенія.»

I.

Храни благоговѣніе къ Существу, исполненному величества, дѣйствіемъ воли своея сотворившему вселенную и сохраняющему ее непрерывнымъ своимъ дѣйствіемъ. Повергни себя предъ словомъ воплощеннымъ и благословляй провидѣніе, произведшее тебя въ міръ сей между христіанами. Исповѣдуй божескій законъ сей на всякомъ мѣстѣ и исполняй всѣ нравственныя должности, въ немъ предложенныя. Во всѣхъ твоихъ дѣяніяхъ являй просвѣщенное благочестіе безъ лицемѣрія и лжесвятости или фанатизма.

II.

Воспоминай непрестанно, что человѣкъ есть совершеннѣйшее твореніе, потому что его одушевляетъ смаъ Богъ дуновеніемъ своимъ. Проникни въ безсмертное естество души твоей и отдѣляй рачительно оное небесное и неизмѣняемое начало отъ чуждыхъ смышленій.

III.

Первая клятва твоя принадлежитъ Богу, вторая — государю, яко образу его на землѣ. Чти правителей государства; люби отечество; исполняй со всякою точностію всѣ обязанности добраго гражданина и мни, что онѣ освящены произвольными каменьщика обѣтами и, что наруша оные, ты къ слабости придашь лицемѣріе и клятвопреступство.

IV.

Происшедшій отъ единаго корня, люби нѣжно всѣхъ, имѣющихъ такіе же составы, такія же нужды и безсмертную душу, какъ и ты. Вселенная есть отечество каменьщика и для него изъ принадлежащаго человѣку нѣтъ ничего чуждаго. Чти сообщество каменьщическое, разсѣянное по всѣмъ странамъ, гдѣ разумъ и просвѣщеніе проникли, и иди въ храмы наши приносить жертву святому человѣчеству.

V.

Богъ, могущій въ самомъ себѣ доволенъ быти, благоволилъ себя сообщить человѣкамъ. Приближа себя къ сему безпредѣльному образцу, проливая на ближняго весь тукъ посильнаго твоего блага. Все, что разумъ человѣческій благого можетъ достигнуть, подлежитъ твоей дѣятельности. Дѣятельное и повсемѣстное благотвореніе да будетъ основаніемъ твоихъ поступковъ. Предупреди вопль бѣдности; по крайней мѣрѣ не будь никогда къ нему нечувствителенъ. Убѣгай скупости и тщеславія. Не ищи награды за добро въ плескахъ толпы народной, но ищи ее въ глубинѣ твоего сердца, и въ то самое время, когда ты не можешь сдѣлать толико счастливымъ, колико бы хотѣлъ. Взирай на священный благотворенія узелъ, насъ связующій, и содѣйствуй по всей возможности твоей полезнымъ нашимъ установленіямъ.

VI.

Будь ласковъ и услужливъ. Возжигай во всѣхъ сердцахъ огнь добродѣтели. Пріемли участіе въ благополучіи ближняго твоего, и да не возмутитъ никогда зависть чистаго сего наслажденія. Прощай врагу твоему; не мсти ему, развѣ только дѣланіемъ ему добра. Исполнивъ такимъ образомъ единую изъ высочайшихъ заповѣдей религіи, ты обрѣтешь слѣды древняго твоего величества.

VII.

Испытуй сокровенные изгибы сердца твоего. Душа твоя есть дикій камень, который ты долженъ очистить. Принеси Божеству въ жертву исправленныя побужденія и покорныя страсти. Бди и молися. Да будутъ нравы твои непорочны и чисты; душа твоя—пряма, права и смиренна. Бойся горькихъ плодовъ гордости, погубившей человѣка. Изучай іероглифы нашего ордена: они кроютъ въ себѣ великія и удовлетворяющія истины, и ты чрезъ размышленіе объ оныхъ сдѣлаешься лучшимъ.

VIII.

Всякій каменьщикъ, какого бы христіанскаго исповѣданія, какой бы страны и состоянія ни былъ, есть твой братъ и имѣетъ право на твою помощь. Уважай законныя степени общества: въ храмахъ нашихъ мы не знаемъ никакихъ, кромѣ той, которая есть между добродѣтелію и порокомъ. Берегись вводить какую-либо свѣтскую отмѣну, могущую нарушить равенство, и не стыдись предъ посторонними людьми честнаго человѣка, котораго ты лобызалъ какъ брата между нами. Лети на помощь къ нему, наставь заблуждающаго, подыми упадающаго, и не питай никогда злобы или вражды на брата. Разгони вскорѣ воздымающееся облако сіе. Единое токмо согласіе можетъ довершить работы наши.

IX.

Наконецъ, исполни со всякою точностію обязательства, которыя ты сдѣлалъ, какъ каменьщикъ. Почитай твоихъ начальниковъ. Повинуйся имъ; они говорятъ именемъ законовъ. Да не выдетъ никогда изъ памяти твоей данная тобою клятва хранить таинства наши. Если ты дерзнешь нарушить оную, то сердце твое всегда тебя укорять будетъ, и всѣ каменьщики тебя презрятъ».

Прочитавъ эти правила, великій мастеръ говоритъ: «почтенный братъ поручитель! Тебѣ поручается сей новопринятый братъ, научи его всему тому, что нужно для его свѣдѣнія и исполненія его должностей; а тебѣ, новопринятый братъ, по-

велѣваю, именемъ начальниковъ нашихъ, повиноваться сему мастеру, коему ты поручаешься.

Этимъ оканчивался обрядъ принятія въ ученическую степень свободнаго каменьщичества. Слѣдовало закрытіе ложи. Великій мастеръ спрашиваетъ: не имѣетъ-ли кто изъ присутствующихъ предложить собранію чего-либо, относящагося къ благосостоянію ложи; къ какимъ добродѣтелямъ долженъ прилежать свободный каменьщикъ (отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ отъ лица ложи второй надзиратель:—къ смиренію, скрытности, осторожности и прилежанію); «исполнили-ли мы сіи добродѣтели («мы смиренны были, ибо работали, отвѣчаетъ братъ второй надзиратель, — скрытны, ибо ни одинъ непросвѣщенный не могъ приближаться къ нашимъ работамъ, мы осторожны были, ибо входъ къ намъ запретили»). «Намъ остается, продолжаетъ великій мастеръ, исполнить послѣднюю нашу должность». Братъ-собиратель милостыни обходитъ собраніе и собранное вручаетъ казначею, который, сосчитавъ сборъ, докладываетъ о количествѣ его великому мастеру, а тотъ велитъ записать въ протоколъ. Затѣмъ, слѣдуетъ обычный обмѣнъ вопросовъ и отвѣтовъ между великимъ мастеромъ и первымъ надзирателемъ,—который мы видѣли въ началѣ: который теперь часъ? Гдѣ мѣсто великаго мастера, мѣсто брата—надзирателя и пр. Великій Мастеръ поручаетъ обрядо-начальнику убрать и сохранить коверъ и погасить всѣ свѣчи, кромѣ одной изъ стоящихъ на алтарѣ, приглашаетъ всѣхъ приблизиться къ жертвеннику «и составить обыкновенную связующую насъ цѣпь» и затѣмъ, читаетъ въ слухъ молитву: «благословеніе небесъ да снидетъ на насъ и на всѣхъ истинныхъ каменьщиковъ, и да украситъ и обновитъ насъ всѣми нравственными и общественными добродѣтелями», — братья говорятъ: аминь. Любезные братья! благодарю васъ за сегодняшнюю работу вашу и прошу впредь продолжать вашу ревность, заключаетъ великій мастеръ. Въ отвѣтъ на это раздаются троекратныя рукоплесканія; чиновники ложи слагаютъ свои знаки, великій мастеръ ударяетъ одинъ разъ молоткомъ и—ложа совершенно закрыта.

Ник. Барсовъ.

Вопросъ о децентрализаціи во Франціи во второй половинѣ XVIII вѣка.

Франція до сихъ поръ остается классическою страною централизаціи. До сихъ поръ тамъ есть много поклонниковъ этой формы государственнаго устройства; есть между ними и такіе, которые, не смотря на доводы Токвилля, не перестають считать централизацію прекраснымъ наслѣдіемъ 89 года. Они не могутъ отвергать существованія централизаціи до революціи; но учрежденія 1800 года, говорятъ они, такъ много отличаются отъ учрежденій старой Франціи своею систематическою выработкою и методичностью, что ничто не мѣшаетъ считать ихъ совершенно новыми, ничто не мѣшаетъ отрицать тѣсную связь между ними и централизаціей до революціоннаго періода. Такіе голоса не принадлежатъ ученымъ поклонникамъ централизаціи; кромѣ того, они очень рѣдки, такъ что имъ не слѣдуетъ придавать особеннаго значенія въ научномъ вопросѣ. Существованіе такихъ голосовъ еще въ настоящее время само по себѣ составляетъ однако фактъ, свидѣтельствующій о той силѣ, съ которою укоренилась централизація во Франціи.

На самомъ дѣлѣ учрежденія старой Франціи до такой степени по существу своему похожи на новыя, что это сходство возбуждаетъ сильное удивленіе. Если вы обратите вниманіе на городскую жизнь, которая отличалась такою самостоятель-

ностью въ средніе вѣка, которая дѣлала даже попытки подчинить своему вліянію государственную жизнь, то вы увидите въ XVIII вѣкѣ только жалкіе остатки этой прежней жизни, сохранившіе отъ прежнихъ силы и величія лишь одни названія. Вы увидите въ городахъ высшихъ муниципальныхъ чиновниковъ, которые составляютъ такъ называемый corps de ville. Они покупаютъ свою должность, и въ такомъ случаѣ послѣдняя бываетъ пожизненною. Если же городъ купилъ у короля за свой счетъ всѣ установленныя продажныя должности, тогда онъ выбираетъ самъ муниципальныхъ чиновниковъ на срокъ. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ ни самостоятельность, ни размѣры власти этихъ officiers municipaux (таково было ихъ названіе) не становились больше. Вѣдая городское хозяйство, они вполнѣ зависѣли отъ королевскаго совѣта, который распоряжался ими черезъ посредство интенданта.

Другое городское учрежденіе носило довольно пышное названіе: assemblée génerale. Когда-то это было дѣйствительно общее собраніе, представлявшее собою законодательную власть въ городѣ, но XVIII вѣкъ увидѣлъ только его развалину. Составъ его измѣнился, въ немъ нѣтъ болѣе бѣдныхъ людей города; рабочіе въ тѣсномъ смыслѣ изгнаны изъ этого собранія. Тамъ остались только мастера, да и то болѣе богатые, такъ что собраніе получило олигархическій характеръ. Сами мастера перестали являться въ него непосредственно, а стали посылать своихъ представителей. На сколько тѣсенъ кругъ дѣятельности assemblée génerale и избираемыхъ имъ городскихъ чиновниковъ, видно изъ того, что городъ безъ разрѣшенія королевскаго совѣта не можетъ ни установить octroi, ни собирать налоги, ни продать, ни отдать въ аренду городскія имущества, ни начать искъ, ни даже распорядиться излишкомъ своихъ доходовъ надъ расходами. Всѣ общественныя сооруженія исполняются по планамъ и смѣтамъ, утвержденнымъ королевскимъ совѣтомъ. Торги на нихъ производятся обыкновенно у интенданта или субделегата, а работы производятся подъ наблюденіемъ казеннаго инженера или архитектора (Токвилль). Очевидно, что даже въ вопросахъ чисто

хозяйственныхъ городскія власти не имѣли самостоятельнаго голоса.

Перейдемъ въ деревню. Тамъ мы встрѣчаемся съ двумя чиновниками, сборщикомъ податей (collecteur) и синдикомъ (syndic), которые когда-то были представителями общины, а въ XVIII вѣкѣ стали послушными орудіями интенданта, хотя и остались выборными. Первый собиралъ подати и сдавалъ ихъ интенданту, или кому онъ прикажетъ, второй служилъ органомъ администраціи во всемъ, что касалось поддержки порядка, производства общественныхъ работъ и примѣненія законовъ. Прежде высшая власть въ общинѣ принадлежала общинному собранію. Феодалъ наблюдалъ за нимъ, издавалъ свои распоряженія; но былъ кругъ дѣятельности, въ которомъ общинное собраніе было самостоятельно (Распоряженіе общинной собственностью). Въ XVIII вѣкѣ отъ этой сѣдой старины остались только одни формы. Сходка собиралась по звуку церковнаго колокола. Приходили всѣ и богатые, и бѣдные. Всякій могъ высказать свое мнѣніе, а нотаріусъ записывалъ въ протоколъ вырывавшіяся фразы.

Эта демократическая форма прикрывала однако самое жалкое содержаніе. Собраться могла сходка лишь съ разрѣшенія администраціи, постановлять что либо она не могла, исключая того, чтобы просить начальство о томъ-то и о томъ-то. Она не могла распоряжаться общиннымъ имуществомъ, не могла рѣшить произвести какую либо постройку на общинный счетъ, хотя-бы то была починка крыши деревенской церкви, не смѣла распорядиться остатками общинныхъ суммъ послѣ выполненія всѣхъ бюджетныхъ расходовъ. На все требовалось позволеніе начальства, и не ближайшаго, а самаго королевскаго совѣта. Общинныя власти были жалкими пѣшками, которыми помыкалъ послѣдній субделегатъ (въ родѣ нашего становаго) по своему произволу. «Я велѣлъ посадить подъ арестъ, пишетъ одинъ интендантъ въ 1750, нѣсколькихъ именитыхъ членовъ тѣхъ общинъ, которые ворчали, и заставилъ эти общины заплатить путевые расходы конныхъ полицейскихъ стражниковъ cavaliers de la maréchaussée). Этимъ средствомъ онѣ живо были обузданы». Подобныя мѣропріятія практиковались въ

деревняхъ тѣмъ легче, что тамъ не существовало никакихъ гарантій личной неприкосновенности.

Ни города, ни деревни не были изъяты изъ подъ надзора всевидящаго ока центральнаго правительства. Оно не только слѣдило за всѣмъ, оно рѣшало все и за всѣхъ. Оно рѣшало, сколько черепицы купить для починки деревенской крыши, оно опредѣляло, сколько употребить денегъ на починку несчастнаго мостика чрезъ какую нибудь несчастную речёнку, оно входило во всѣ мелочи областнаго хозяйства и управленія. Для провинціи contrôleur général des finances былъ все. И дѣйствительно, этотъ министръ, носившій скромное названіе „общаго контролера финансовъ" сосредоточивалъ у себя, кромѣ управленія финансами, дѣла, относящіяся теперь къ министерствамъ внутреннихъ дѣлъ и торговли и къ министерству путей сообщенія.

Ему подчинены были интенданты, соотвѣтствующіе нашимъ губернаторамъ. Они выросли постепенно и изъ простыхъ чиновниковъ, завѣдывавшихъ раскладкою податей, стали полновластными хозяевами французской провинціи. Вмѣстѣ съ расширеніемъ ихъ власти измѣнилось и ихъ названіе. Скромное названіе commissaire départi исчезло, и на мѣсто его явилось названіе intendant. Кругъ дѣятельности этого чиновника былъ очень обширенъ. Раскладка и сборъ податей, всѣ споры, возникающіе отсюда, полиція, полицейскій судъ, постройка дорогъ, транспортировка войскъ и ихъ тяжестей, всѣ общественныя работы, продовольствіе населенія, особенно въ случаѣ голода, санитарныя дѣла, наконецъ сборъ рекрутъ, вотъ тѣ разнообразныя функціи, которыя требовали отъ интенданта большаго запаса знаній и огромной энергіи. Всѣ дѣла рѣшались имъ безапелляціонно, хотя всякое дѣло, непредусмотрѣнное министерскими распоряженіями, и восходило къ генералъ-контролеру, а отъ него въ королевскій совѣтъ; но фактически оно рѣшалось почти всегда согласно съ мнѣніемъ интенданта, которое онъ посылалъ при своемъ представленіи. Съ другой стороны отъ него вполнѣ зависило не давать ходу кокому либо дѣлу.

Читатель видитъ, какъ обширна власть интенданта по от-

ношенію къ населенію généralité (названіе области, управляемой интендантомъ); но она лишена всякой инціативы. По собственному почину, безъ разрѣшенія высшаго правительства, онъ ничего не могъ сдѣлать. Много нужно было энергіи и настойчивости со стороны интенданта, чтобы поторопить такое разрѣшеніе: правительство было завалено дѣлами провинцій. Но за то достаточно было самомалѣйшей апатіи съ его стороны,—не говоримъ о дурной волѣ,—чтобы задержать всякое развитіе провинціальной жизни. Не сдѣлалъ представленія, или сдѣлалъ, но приложилъ къ нему неблагопріятное мнѣніе, и дѣлу конецъ.

На интендантѣ мы не можемъ остановиться, спускаясь къ мелочамъ областной жизни. За нимъ слѣдуетъ его непосредственный помощникъ субделегатъ (subdélégué). Это даже не чиновникъ, состоящій на государственной службѣ, а служащій по найму, призываемый и увольняемый интендантомъ по его собственному произволу. Между тѣмъ онъ представляетъ въ кантонѣ то, что инденданть въ généralité. Онъ единственный представитель власти, первая инстанція, съ которой начинается административное дѣло, и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдняя инстанція, которую проходитъ постановленіе высшаго правительства раньше, чѣмъ оно будетъ сообщено заинтересованнымъ лицамъ. Всѣ общинныя власти должны были заискивать у субделегата, такъ какъ онъ былъ ихъ ближайшимъ и всесильнымъ начальникомъ. Субделегатъ ничего не могъ предъ интендантомъ; но за то тѣмъ могущественнѣе онъ былъ предъ деревенскимъ старостою и даже всею деревенскою сходкою. Къ нему поступали ихъ униженныя просьбы, отъ него въ значительной степени зависило ихъ дальнѣйшее движеніе. Отъ него зависила судьба обывателей въ полицейско судебномъ отношеніи. Сколько зла онъ могъ сдѣлать обывателю! Взыскать *по нечаянности* лишнія подати, арестовать кого нибудь по *недоразумѣнію* въ самую горячую пору, выслать на починку дороги далеко отъ деревни и продержать безъ толку лишнее время, все это могъ сдѣлать субделегатъ, не теряя даже своей репутаціи исполнительнаго чиновника. Всего этого конечно достаточно, чтобы мѣстное населеніе дрожало

передъ нимъ. А это вѣдь требовалось отъ тогдашней администраціи. Тотъ изъ интендантовъ и былъ на хорошемъ счету, который выставлялъ свою область обладающею большою платежною способностью. Въ томъ же положеніи стоялъ и субделегатъ относительно интенданта, съ тою только разницею, что ему завѣдуя непосредственно сборомъ податей, приходилось, во чтобы то ни стало, стараться объ оправданіи своихъ бюджетныхъ предвидѣній.

Нѣтъ надобности разъяснять, что при описанномъ нами порядкѣ управленія, благополучіе Франціи всецѣло покоилось на мудрости и добросовѣстности извѣстнаго числа чиновниковъ. Еще въ началѣ XVIII вѣка умные люди замѣчали эту характерную черту французскаго государственнаго устройства. Ло говорилъ по этому поводу: „Я никогда не повѣрилъ бы тому, что я видѣлъ собственными глазами, когда я былъ генералъ-контролеромъ финансовъ. Подумайте только, что это королевство Франція управляется 30 интендантами! Вы не имѣете ни парламента, ни сословныхъ собраній (états), ни губернаторовъ. Отъ 30 maîtres des requêtes [1]), посланныхъ въ правинціи въ качествѣ приказчиковъ (commissaux provinces) зависитъ счастье и несчастье провинцій, ихъ благосостояніе или бѣдность." [2]) Ло былъ иностранецъ, онъ поэтому легче схватилъ самую суть французской администраціи. Слѣдуетъ однако добавить, что эти интенданты и ихъ помощники были сильнѣе въ дѣлѣ зла, чѣмъ добра. И это происходило главнымъ образомъ не по той причинѣ, что между ними было больше дурныхъ, чѣмъ хорошихъ людей, а вслѣдствіе сущности ихъ положенія. Нужно было очень много энергіи, чтобы добиться разрѣшенія какаго либо областнаго вопроса. Стоитъ просмотрѣть документы, относящіеся къ пребыванію Тюрго въ качествѣ интенданта въ Лиможѣ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Это относится даже къ такимъ вопросамъ, которые не касались непосредственно фискальныхъ инте-

[1]) Молодые совѣтники въ парламентѣ и въ королевскомъ совѣтѣ. Изъ нихъ обыкновенно назначались интенданты.

[2]) Toqueville. L'ancien regime p. 54.

ресовъ центра. Если же дѣло касалось вопроса денежнаго, если требовалось ассигнованіе новой суммы на производство расхода въ провинціи (а много ли дѣлъ, которыя не связаны съ расходами?), тогда препятствія становились непреодолимыми. Даже во время голода въ Лиможѣ, Тюрго успѣвалъ выхлопотать лишь половину тѣхъ ссудъ, которыя ему были нужны. Онъ тратилъ свои деньги, чтобы противодѣйствовать злу.

Было бы неразумно расчитывать, что всѣ, или даже большинство администраторовъ отличаются выдающеюся энергіей въ дѣлѣ общественнаго блага. По обыкновенному ходу вещей такіе люди составляютъ меньшинство и весьма незначительное. Большинство же, это обыкновенные люди, которые не вытащатъ платка изъ кармана. Про администраторовъ же французскихъ и этого сказать нельзя. Такіе компетентные современники, какъ Мирабо-отецъ, отзываются объ нихъ, какъ о волкахъ хищникахъ, которые грабятъ провинціи. По отзывамъ современниковъ хорошіе люди между интендантами составляли ничтожное исключеніе. И это вовсе не случайность. На такое мѣсто, гдѣ нужно употреблять особенныя усилія, чтобы дѣлать добро, гдѣ, между тѣмъ, личность лишена самостоятельности и независимости, пойдетъ или человѣкъ, обладающій особеннымъ стремленіемъ къ общественному благу и большою силою воли, или же человѣкъ, которому дѣваться некуда. Если же это мѣсто доходное, то на него полѣзутъ люди, преслѣдующіе карманные интересы. Людей первой категоріи перечтешь по пальцамъ; люди второй категоріи будутъ всегда осилены въ соискательствѣ людьми послѣдней. Что же удивительнаго, что при деспотизмѣ и централизаціи, царившихъ въ французскомъ государствѣ, большинство администраторовъ хорошо управляли только собственными карманами?

При существованіи въ государствѣ представительнаго правленія невыгоды централизаціи значительно смягчаются, но не исчезаютъ вовсе. При этомъ порядкѣ государственныхъ отношеній администраторы, начиная съ министра и кончая становымъ приставомъ, чувствуютъ, что они находятся подъ контролемъ общественнаго мнѣнія. Провинціальный администраторъ знаетъ, что крайнія безобразія могутъ вызвать запросъ

въ палатѣ, да и министръ не захочетъ усложнять своего положенія сохраненіемъ зазорнаго администратора. Вслѣдствіе этого во Франціи послѣреволюціонной не встрѣчаются *въ той же мѣрѣ* преступленія администраторовъ стараго порядка [1]. Но все же произволъ префектовъ очень великъ и масса мелкихъ злоупотребленій остается внѣ преслѣдованія со стороны общества. Личный составъ администраціи представляетъ сонмище покорныхъ слугъ министровъ, которое смѣняется при перемѣнѣ господъ. Событія прошлаго года могутъ служить лучшею иллюстраціею нашей мысли.

Во второй половинѣ XVIII вѣка однако не представляли себѣ ясно и отдѣльно дурныя слѣдствія деспотіи и централизаціи. Одни смѣшивались съ другими и предполагалось, что введеніе парламентаризма излечитъ всѣ неудачи государственной жизни. Созерцаніе Англіи, которое вообще дало сильный толчокъ развитію общественной мысли во Франціи, соблазняло приходить къ такому заключенію. Въ Англіи видѣли парламентъ, видѣли развитіе общественной свободы; одно связывали съ другимъ причинною связью, не подмѣчая третьяго фактора, а именно, развитія самоуправленія англійскихъ общинъ и графствъ. Какъ бы то ни было, однако, какъ только этотъ взглядъ на значеніе парламентаризма сдѣлался господствующимъ, всякое явленіе политической жизни стало оцѣниваться на основаніи того, приближало ли оно страну къ уничтоженію деспотіи или удаляло отъ него. По этой мѣркѣ стали оцѣниваться проекты провинціальныхъ представительныхъ собраній. На нихъ смотрѣли, какъ на первый шагъ къ парламентаризму и лишь не многіе подозрѣвали ихъ истинное значеніе.

Первымъ толчкомъ къ практическому развитію муниципальнаго вопроса послужилъ проектъ, составленный Тюрго и представленный имъ Людовику XVI. Проектъ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе; но онъ былъ извѣстенъ публикѣ и

---

[1]) Не слѣдуетъ забывать, что измѣнившіяся общественныя отношенія съузили поприще безобразій администраторовъ. Уже одно введеніе равенства, упраздненіе привилегій уничтожило много поводовъ для произвола и насилій.

послужилъ для нея лишнимъ возбудителемъ. Кромѣ того, онъ не остался безъ вліянія на послѣдующія дѣйствія правительства. Проектъ этотъ, озаглавленный „Memoire au Roi sur les municipalités, sur la hiérarchie qu'on pourrait établir entre elles et sur les services que le gouvernement en pourrait tirer", составленъ въ 1775 году [1]) и если не былъ написанъ самимъ Тюрго, то во всякомъ случаѣ онъ его редижировалъ и конечно сущность проекта принадлежала ему. Для своей цѣли мы считаемъ совершенно достаточнымъ остановиться только на сущности его.

Для того, чтобы порѣшить вопросъ о необходимости муниципальныхъ собраній, вовсе нѣтъ никакой надобности, говоритъ Тюрго, обращаться къ прошедшему и смотрѣть, существовали ли они при нашихъ предкахъ, время которыхъ мы сами же называемъ періодомъ варварства и невѣжества. Напротивъ, для того, чтобы оцѣнить пользу или безполезность государственнаго учрежденія, слѣдуетъ только хорошо понимать права и интересы людей. Права людей, соединенныхъ въ общество, зиждятся не на ихъ исторіи, а на ихъ природѣ. Очевидно, слѣдовательно, что для рѣшенія вопроса о пользѣ муниципальныхъ собраній нужно знать положеніе, нужды и способности народа и знать все это въ довольно большой подробности. Сообразно со всѣмъ этимъ надо дать народу извѣстныя формы отношеній, дать извѣстную организацію. Изслѣдованіе послѣдней и составляетъ предметъ настоящаго мемуара.

Самое главное зло нашего народа, говоритъ Тюрго, заключается въ томъ, что у него нѣтъ никакой конституціи, которая бы допускала отдѣльныя личности къ общественной дѣятельности, предоставляя имъ извѣстную долю самостоятельности. Отсюда происходитъ съ одной стороны то, что *всѣ постоянно ждутъ приказовъ и безъ приказа не позаботятся даже о себѣ*, а съ другой стороны мы видимъ отсутствіе всякихъ общественныхъ интересовъ; существуютъ исключительно частные интересы. Отсюда вытекаетъ необходимо

[1]) Oeuvres de Turgot. Ed. Guillaumin t. II. p. 502. (notice).

отсутствіе патріотизма, а также отрицательное отношеніе ко всякому государственному бремени, ко всякой государственной обязанности. Нельзя не обратить вниманія точно также и на то, что это зло происходитъ отъ отсутствія общественнаго образованія, которое бы сдѣлало человѣка гражданиномъ, которое бы дало ему возможность составить себѣ понятіе объ общественныхъ отношеніяхъ, съ заключающимися въ нихъ правами и обязанностями. Такимъ образомъ слѣдуетъ заботиться объ устройствѣ учрежденій, которыя должны вызвать къ жизни общественные интересы, и съ другой стороны слѣдуетъ обратить вниманіе на народное образованіе.

Но нѣтъ необходимости дожидаться результатовъ народнаго образованія, чтобы привлечь населеніе къ общественному дѣлу, чтобы заинтересовать его государственными отношеніями. Этого можно достигнуть посредствомъ политическихъ учрежденій, которыя будутъ обнимать собою все населеніе государства, начиная съ жителей деревни.

Для того чтобы устроить сельское самоуправленіе, нѣтъ надобности создавать какія либо новыя административныя единицы, потому что церковь уже создала таковыя въ формѣ приходовъ.

Итакъ приходъ будетъ самою мелкою единицею деревенскаго самоуправленія. Предметы, подлежащіе вѣдѣнію управленія деревни будутъ: 1) распредѣленіе податей, 2) веденіе публичныхъ работъ и постройка проселочныхъ дорогъ, необходимыхъ спеціально для деревни, 3) призрѣніе бѣдныхъ и 4) сношенія съ другими общинами, сношенія съ высшими общественными учрежденіями по поводу предпріятій, принадлежащихъ цѣлому округу. Таковы довольно несложныя дѣла, которыя будутъ вѣдаться въ приходско-сельскихъ управленіяхъ; но вотъ вопросъ, каковы должны быть элементы, которые будутъ вліять на сельскія дѣла? Мы высказываемся за то, продолжаетъ авторъ мемуара, чтобы только тѣ лица имѣли право участвовать въ общественныхъ дѣлахъ, которыя владѣютъ участкомъ земли въ данномъ приходѣ. Тѣ лица, которыя не владѣютъ землею въ данномъ приходѣ, не могутъ считаться осѣдлыми относительно послѣдняго, а поэтому едвали будетъ

полезно допустить ихъ къ участію въ общественномъ управленіи. Мы также не считаемъ возможнымъ допускать въ равной степени къ участію въ послѣднемъ и всѣхъ тѣхъ, которые владѣютъ землею, потому что не всѣ землевладѣльцы живутъ доходами съ своихъ земель; участки ихъ часто бываютъ такъ малы, что не даютъ имъ средствъ содержать свою семью поземельными доходами, и они должны прибѣгать къ посороннимъ промысламъ. По этому мы считаемъ возможнымъ предоставить право голоса въ общественномъ управленіи лишь такимъ землевладѣльцамъ, участки которыхъ достаточны для содержанія семьи, иначе говоря, даютъ 600 ливровъ чистаго дохода, или цѣнность 30 сетье хлѣба [1]). Владѣльцы такого дохода пользуются правомъ непосредственнаго участія въ общественномъ управленіи, имѣя одинъ голосъ. Мы говоримъ одинъ голосъ, потому что во 1) считаемъ невозможнымъ устранить отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ тѣхъ лицъ, которыя владѣютъ доходами меньшими, чѣмъ 600 ливровъ. Эти лица должны соединяться вмѣстѣ и выбирать отъ себя представителя въ сельское собраніе. Выборъ въ этомъ случаѣ производится такимъ образомъ, что единицею, голосомъ считается 50 франковъ, такъ что человѣкъ, имѣющій 300 франковъ пользуется шестью голосами при выборѣ представителя; во 2) мы считаемъ возможнымъ и справедливымъ предоставить большее участіе въ общественныхъ дѣлахъ тѣмъ лицамъ, которыя владѣютъ доходами большими, чѣмъ 600 ливровъ, такъ что владѣлецъ 1,200 ливровъ поземельнаго дохода можетъ имѣть два голоса и т. д. Мы думаемъ, что при такомъ устройствѣ сельскія собранія не будутъ многочисленны, а это представляетъ въ нашихъ глазахъ залогъ болѣе раціональнаго веденія дѣла.

Результатомъ учрежденія такихъ собраній должно быть болѣе справедливое распредѣленіе податей, скорѣйшее и лучшее устройство путей сообщенія и приведеніе въ извѣстность народнаго поземельнаго дохода. Тутъ встрѣчается только одно

---

[1]) Setier — мѣра сыпучихъ тѣлъ, неодинаковая во всѣхъ провинціяхъ. Въ Парижѣ она равнялась 240 фунтамъ.

затрудненіе, а именно, какое отношеніе къ этимъ собраніямъ будутъ имѣть привиллегированные классы, изъ которыхъ дворянство избавлено отъ платежа taille а духовенство къ тому же отъ платежа capitation и vingtiemes. Нельзя не признать того, что всѣ эти изъятія отъ податей есть нарушеніе принципа справедливости и что въ концѣ концовъ эта несправедливость должна быть уничтожена. Нельзя не признать и того, что эти изъятія отъ прямыхъ податей повлекли за собою учрежденіе многочисленныхъ и разнообразныхъ налоговъ на производство и потребленіе, налоговъ, которые какъ напр. налогъ на производство мяса, падаютъ въ значительной степени на имущество привиллегированныхъ классовъ, которые владѣютъ напр. $^{1}/_{5}$ всѣхъ луговъ государства; но нельзя не согласиться съ тѣмъ, что полное участіе поземельныхъ владѣльцевъ изъ дворянства и духовенства въ дѣлахъ сельскихъ собраній едва ли было бы раціонально. Намъ кажется, что покамѣстъ дворянство не должно имѣть голоса въ тѣхъ собраніяхъ, въ которыхъ будетъ обсуждаться распредѣленіе taille, а духовенство, кромѣ того, не должно участвовать въ тѣхъ собраніяхъ, въ которыхъ будетъ обсуждаться распредѣленіе capitation и vingtièmes. Такимъ образомъ мы раздѣляемъ сельскія собранія на три категоріи: 1) на такія, въ которыхъ обсуждается распредѣленіе податей, лежащихъ только на среднемъ классѣ; во 2) на такія, гдѣ обсуждается распредѣленіе податей, платимыхъ и дворянствомъ; въ 3) большія собранія, въ которыхъ обсуждаются дѣла, касающіяся всѣхъ поземельныхъ владѣльцевъ прихода. Сельское собраніе избираетъ трехъ чиновниковъ срокомъ на одинъ годъ, которыхъ оно, однако, можетъ переизбрать по окончаніи срока службы. Эти чиновники будутъ: синдикъ или мэръ, или президентъ собранія, секретарь и депутатъ, назначенный представителемъ въ окружное собраніе (assemlée d'élection).

Прежде, чѣмъ мы приступимъ къ изложенію устройства послѣдняго, мы остановимся сначала на организаціи городскаго управленія. Большая часть городовъ Франціи обладаетъ уже организованнымъ такъ или иначе управленіемъ; но оно настолько неудовлетворительно, что еслибы даже и не была

признана необходимость организаціи общаго земскаго управленія, то и тогда реформа городскаго управленія была бы дѣломъ первой необходимости. Предполагая же общее устройство земскаго самоуправленія, мы и подавно не можемъ оставить городскіе муниципалитеты въ ихъ настоящемъ видѣ.

Городское управленіе должно быть организовано изъ лицъ, которыхъ можно считать крѣпкими городу, а таковыми мы считаемъ только домовладѣльцевъ, такъ какъ другіе обыватели могутъ легко перенести свои занятія и свои капиталы въ другое мѣсто. Мы допускаемъ, однако, къ участію въ городскомъ управленіи не на основаніи оцѣнки доходовъ домовъ, ни даже не на основаніи стоимости самихъ домовъ, потому что капиталъ, затраченный на постройку дома, нельзя считать производительнымъ,—домъ есть убыточное удобство,—мы допускаемъ къ участію въ городскомъ управленіи на основаніи стоимости земли, занятой домами. Цензъ въ городѣ мы ставимъ болѣе высокій, но который вполнѣ соотвѣтственъ деревенскому цензу. Полный голосъ будетъ принадлежать владѣльцу земли подъ домами, которая будетъ оцѣнена въ 15,000 фр. Такихъ домовладѣльцевъ въ самомъ Парижѣ не наберется и ста, а тѣмъ болѣе въ другихъ городахъ. Остальные домовладѣльцы, также какъ и въ деревняхъ, могутъ сообща составлять голоса и такимъ образомъ черезъ своего депутата участвовать въ городскомъ управленіи. Въ маленькихъ городахъ, состоящихъ изъ одного прихода, собранія могутъ непосредственно управлять городскими дѣлами, но они могутъ выбирать и чиновниковъ, вполнѣ отвѣтственныхъ предъ собраніемъ.

Въ большихъ городахъ выборъ муниципальныхъ чиновниковъ положительно необходимъ. Они могутъ быть выбираемы по приходамъ или непосредственно, или же черезъ посредство выборныхъ. Въ очень большихъ городахъ необходимо сохранить за королевскою властію вліяніе на выборы муниципальныхъ чиновниковъ, что можно достигнуть посредствомъ сохраненія за королемъ права ихъ утвержденія, или же предоставленія ему права выбора ихъ изъ числа представленныхъ кандидатовъ. Организованные такимъ образомъ города посылаютъ представителей въ окружное собраніе.

Вторымъ разрядомъ муниципальныхъ собраній будутъ окружныя собранія (assemblée des éléctions ou des arrondissements); задача ихъ быть посредствующимъ звеномъ между общинными и провинціальнымъ собраніями. Оставить только одни послѣднія, сдѣлать ихъ непосредственно слѣдующими за собраніями городовъ и деревень было-бы неудобно въ томъ отношеніи, что въ такомъ случаѣ эти собранія были бы слишкомъ многочисленны и имъ подвѣдомственно было-бы много такихъ дѣлъ, которыя съ большимъ удобствомъ могли-бы быть разрѣшаемы окружными собраніями. Послѣднія составляются изъ депутатовъ городскихъ и деревенскихъ собраній по одному отъ каждаго. Главнымъ городамъ провинцій можетъ быть предоставлено имѣть двухъ депутатовъ, а Парижу четырехъ; но это увеличеніе числа депутатовъ только удовлетворитъ стремленію большихъ городовъ быть первыми, но едва-ли въ сущности будетъ полезно. Составившееся такимъ образомъ окружное собраніе выбираетъ себѣ предсѣдателя и секретаря. Эти чиновники, избираемые на годъ, должны служить постоянными органами собранія. Кромѣ того, въ послѣднемъ своемъ засѣданіи собраніе выбираетъ депутата для участія въ провинціальномъ собраніи. Окружное собраніе имѣетъ двѣ сессіи въ году, изъ которыхъ каждая продолжается отъ 8 до 10 дней. Депутаты въ продолженіе этого времени, а также и своей поѣздки, получаютъ жалованье отъ приславшихъ ихъ собраній. Окружныя собранія занимаются распредѣленіемъ контингента налоговъ между деревенскими и городскими общинами, разрѣшаютъ вопросы о постройкѣ дорогъ и вообще о предпріятіи какихъ-либо работъ въ округѣ, заботятся о скорѣйшемъ доставленіи помощи тѣмъ изъ общинъ, которыя подверглись какимъ-либо бѣдствіямъ, и, наконецъ, разрѣшаютъ споры, могущіе возникнуть въ какой-либо общинѣ. Пререканія эти легко могутъ возникнуть въ томъ случаѣ, когда богатый членъ собранія, владѣющій $^{3}/_{5}$ голосовъ, вздумаетъ составлять единоличное большинство и настаивать на предлагаемыхъ мѣрахъ. Пререканія такого рода необходимо должны быть разрѣшаемы окончательно въ окружномъ собраніи.

Провинціальныя собранія составляются изъ депутатовъ отъ каждаго окружнаго собранія, которыхъ будетъ, вѣроятно, не болѣе 30 въ каждой провинціи. Провинціальныя собранія имѣютъ въ году двѣ сессіи, изъ которыхъ въ первой они занимаются распредѣленіемъ по разрядамъ, находящихся въ провинціи, округовъ и общинъ, разрѣшаютъ вопросы объ общественныхъ сооруженіяхъ, предпринимаемыхъ во всей провинціи, вступаютъ по этому поводу въ сношенія съ другими провинціями и общимъ собраніемъ, обращаются къ общему собранію (всего королевства) въ случаѣ какихъ либо бѣдствій, постигшихъ провинцію, и, наконецъ, выбираютъ депутата въ общее собраніе. Первая сессія провинціальныхъ собраній продолжается двѣ недѣли, вторая сессія открывается по окончаніи сессіи общаго собранія, и въ продолженіе ея собраніе занимается распредѣленіемъ между округами контингента податей, приходящихся на провинцію. Кромѣ того, тутъ же разрѣшаются тѣ вопросы, по которымъ провинціальное собраніе входило въ сношеніе съ общимъ собраніемъ. Сессія можетъ продолжаться 8 дней. Продолжая ее долѣе, депутаты не получаютъ уже жалованья отъ своихъ избирателей за остальное время. За первую сессію они получаютъ жалованье за двѣ недѣли.

Большое муниципальное собраніе, или королевское муниципальное собраніе, или общее муниципальное собраніе королевства будетъ состоять изъ депутатовъ отъ провинціальныхъ собраній по одному отъ каждаго. Кромѣ того каждый депутатъ можетъ имѣть помощника, который замѣняетъ его въ случаѣ его болѣзни и помогаетъ ему въ его работахъ. Каждое изъ этихъ лицъ получаетъ содержаніе, первый 1000 экю на шесть недѣль, а второй 1000 франковъ.

Король можетъ лично или черезъ своего министра открыть собраніе и сообщить ему нужды государственнаго казначейства, или вообще хозяйственныя нужды государства. Затѣмъ обсужденіе всѣхъ вопросовъ, подлежащихъ вѣдѣнію собранія, должно оставаться совершенно свободнымъ. Министры могутъ участвовать въ собраніи и пользоваться правомъ голоса. Дѣла, которыми занимается общее собраніе, въ сущности тѣже самыя

которыя подлежатъ вѣдѣнію провинціальныхъ собраній. Главный предметъ конечно составитъ распредѣленіе всей суммы податей, необходимыхъ для государственныхъ расходовъ, между отдѣльными провинціями. Другія занятія общаго собранія королевства будутъ заключаться въ обсужденіи проэктовъ улучшенія и устройства путей сообщенія, имѣющихъ государственное значеніе, а также проэктовъ другихъ общественныхъ построекъ, имѣющихъ таковой же характеръ. Общее собраніе разрѣшаетъ также и вопросы объ оказаніи помощи той или другой изъ пострадавшихъ провинцій. Всѣ эти вопросы легко могутъ быть рѣзрѣшены впродолженіи шести недѣль, назначенныхъ для сессіи общаго собранія королевства.

Таково устройство предполагаемыхъ муниципальныхъ собраній. Къ этому проэкту, говоритъ Тюрго, не лишне прибавить нѣсколько замѣчаній относительно выбора депутатовъ въ провинціальныя и въ общее собраніе, а также о порядкѣ и времени открытія отдѣльныхъ собраній.

При выборѣ депутатовъ въ провинціальныя собранія очень легко могутъ встрѣтиться затрудненія такого свойства, что не окажется человѣка, обладающаго достаточнымъ досугомъ для выполненія означеннаго порученія. Для устраненія подобнаго препятствія мы считаемъ возможнымъ выборъ депутата не непремѣнно изъ членовъ собранія, а изъ лицъ постороннихъ, которыхъ собраніе найдетъ способными выполнить обязанность его депутата въ провинціальномъ собраніи. Тоже самое можно допустить и относительно выборовъ депутатовъ этихъ послѣднихъ собраній безъ того, чтобы это представляло какія либо серьезныя неудобства.

Окружныя собранія мы считаемъ наиболѣе удобнымъ открыть послѣ уборки хлѣба, затѣмъ черезъ нѣсколько дней по закрытіи ихъ сессій должны открыться провинціальныя собранія и ихъ сессія продолжится до конца октября, такъ что въ началѣ ноября можетъ быть открыто и парижское собраніе; затѣмъ, по закрытіи сессіи послѣдняго, открывается вторая сессія провинціальныхъ собраній, а потомъ окружныхъ.

Намъ кажется, что передача части государственнаго хозяйства въ руки общества принесетъ ту несомнѣнную пользу,

что налоги будутъ распредѣляться болѣе справедливо, положеніе государства будетъ извѣстно гораздо точнѣе, чѣмъ въ настоящее время, и государство избавится отъ большихъ расходовъ, которые оно производитъ на финансовую администрацію. Независимо отъ этого намъ казалось необходимымъ сейчасъ же уничтожить изъятіе привиллегированныхъ сословій отъ платежа taille, тѣмъ болѣе, что это изъятіе не существуетъ de facto во всей силѣ. Кромѣ этой финансовой реформы, необходимыми являются еще и другія, которыя будетъ легко провести по волѣ самихъ муниципальныхъ собраній, хотя, конечно, королевская власть не должна быть связана ихъ нежеланіемъ,—которое мы положительно не считаемъ возможнымъ,—при выполненіи той или другой реформы, осуществить которую она сочтетъ необходимымъ. Мы смотримъ очевидно на проектируемыя нами собранія только какъ на муниципальныя, а отнюдь не государственныя[1]). Они будутъ имѣть всѣ выгодныя стороны государственныхъ собраній и не будутъ имѣть многихъ изъ ихъ неудобствъ.

Въ заключеніе мы можемъ выразить надежду, что введеніе муниципальныхъ собраній уничтожитъ разъединеніе народа на три отдѣльныя части, соединитъ ихъ въ одинъ народъ и, вмѣстѣ съ правильно веденнымъ образованіемъ, разовьетъ въ націи общественные интересы, что значительно подниметъ общее благосостояніе и благотворно подѣйствуетъ на народную нравственность. „Черезъ нѣсколько лѣтъ, такъ заключаетъ Тюрго свой мемуаръ, ваше величество будетъ имѣть новый народъ, народъ первый между другими. Вмѣсто разврата, подлости и корыстолюбія, которые вы встрѣчали всюду, вы найдете мужество, безкорыстье, честность и усердіе. Тогда будутъ общимъ явленіемъ добродѣтельные люди, ваше государство, соединенное во всѣхъ своихъ частяхъ, изъ которыхъ каждая помогаетъ другой, будетъ казаться удесятерившимъ свои силы. И на самомъ дѣлѣ оно ихъ значительно увеличитъ. Европа посмотритъ съ удивленіемъ и уваженіемъ на васъ и на этотъ народъ, чувствующій любовь къ вамъ"[2]).

[1]) Oeuvres de Turgot. t. II. p. 547

[2]) Ibid. p. 550.

Таковъ былъ планъ муниципальныхъ собраній, таковы были надежды, которыя возлагалъ на нихъ Тюрго. Мы не можемъ признать за послѣдними довольно значительный излишекъ оптимизма: народы не передѣлываются въ нѣсколько лѣтъ. Не придавая однако значенія большей или меньшей степени оптимизма этихъ надеждъ, мы остановимъ наше вниманіе на слѣдующихъ вопросахъ: какое отношеніе имѣли собранія по своему составу ко всему населенію Франціи, какія стороны государственнаго управленія оставались за абсолютною властью и, наконецъ, насколько планъ муниципальныхъ собраній соотвѣтствовалъ требованіямъ интеллигенціи современнаго общества.

Нельзя не остановиться на первыхъ же порахъ на малочисленности муниципальныхъ собраній. Тюрго самъ указываетъ на то, что провинціальныя собранія будутъ состоять изъ тридцати членовъ. Могутъ ли они считаться дѣйствительными представителями интересовъ населенія провинціи, будутъ-ли они достаточно знакомы съ положеніемъ ея, когда они даже не выбраны собраніями деревень и городовъ непосредственно, а только окружными собраніями? Еслибы дѣло заключалось только въ распредѣленіи податей, то тогда, конечно, подобное собраніе было бы вполнѣ удовлетворительно, потому что оно должно было бы дѣлать его на основаніи письменныхъ документовъ; но такъ какъ провинціальнымъ собраніямъ передавалось и вѣдѣніе путей сообщенія, и другіе хозяйственные вопросы, то едва-ли можно считать достаточнымъ имѣть по одному депутату отъ округа въ провинціальномъ собраніи и тѣмъ болѣе по одному депутату отъ провинціи въ общемъ муниципальномъ собраніи всего королевства [1]). Независимо отъ числа депутатовъ мы не должны упускать изъ виду и того, что въ большинствѣ случаевъ это только землевладѣльцы. Мы говоримъ въ большинствѣ, потому что горожане-домовладѣльцы могли, конечно, принадлежать и къ торговому, и къ промышленному классамъ; но во первыхъ, они должны были составлять мень-

---

[1]) Нельзя не указать, что человѣкъ 50 или 60 должны были являться представителями интересовъ 25 милл. населенія.

шинство, сравнительно съ сельскими депутатами, а во вторыхъ, они все-таки являются представителями интересовъ домовладѣльческихъ. Промышленное и торговое сословіе не имѣли своихъ представителей въ муниципальныхъ собраніяхъ. По мысли Тюрго это было послѣдовательно, потому что онъ не считалъ возможнымъ облагать эти классы податями, такъ какъ ихъ занятія мыслились имъ, какъ непроизводительныя; но такой значительной части населенія мало было конечно дѣла до его теорій; оно также имѣло свои интересы и, конечно, не прочь было заботиться о нихъ.

Есть извѣстіе Дюпонъ-де-Немура, что Тюрго имѣлъ въ виду обезпеченіе интересовъ людей, не владѣющихъ недвижимою собственностью [1]); но какими средствами и въ какой формѣ думалъ онъ осуществить это намѣреніе, остается неизвѣстнымъ. Въ настоящую минуту мы довольствуемся только констатированіемъ факта пробѣла, который намъ кажется тѣмъ болѣе важнымъ, что многіе предметы вѣдѣнія муниципальныхъ собраній, какъ напр. сооруженіе путей сообщенія, конечно касались интересовъ промышленнаго и торговаго населенія въ такой же, если не въ большей степени, какъ и интересовъ землевладѣльцевъ. Независимо отъ того однако, что значительная часть населенія всего государства отстранялась отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ и отъ вліянія на правительство, самая доля участія въ общественныхъ дѣлахъ, самое вліяніе общества (допущеннаго къ вліянію) на государство намъ кажется весьма и весьма ограниченными. Если мы обратимъ вниманіе на то, какія части управленія передавались въ руки общества и какія оставались въ рукахъ абсолютной власти, то окажется, что изданіе законовъ всецѣло оставалось въ рукахъ монарха, и администрація оставалась независимою отъ всякаго контроля со стороны представителей общества. Такимъ образомъ произволъ оставался въ полной силѣ; личность гражданина оставалась совершенно необезпеченною отъ него, а между тѣмъ, мы знаемъ очень хорошо, какое неудовольствіе возбуждали въ средѣ французовъ въ это время ссылки и аресты „администра-

---

[1]) Oeuvres de Turgot. t. II, p. 550 (въ примѣчаніи).

тивнымъ порядкомъ", мы знаемъ, что одною изъ первыхъ жертвъ революціи стала Бастилія—орудіе административнаго произвола. Мы знаемъ точно также, что еще за 50 лѣтъ до Тюрго, французы прочитали уже „Персидскія письма", а они ѣдко нападаютъ на деспотизмъ правительства. Можно ли было оставлять нетронутыми тѣ стороны государственной жизни, негодность которыхъ была очевидна?

Но и въ самомъ финансовомъ управленіи какая незначительная доля отдавалась въ руки общества. И тутъ послѣднее лишено было всякаго юридическаго вліянія на правительство. Что предоставлялось муниципальнымъ собраніямъ? Только распредѣленіе податей, общая сумма которыхъ была уже назначена правительствомъ. Общее муниципальное собраніе не имѣло права разсуждать, дѣйствительно-ли нужна та сумма, которую правительство требуетъ на государственныя нужды, словомъ, представители общества не имѣли права обсужденія бюджета [1]). А между тѣмъ, если и нельзя не согласиться, что дурное распредѣленіе налоговъ составляло одно изъ выдающихся золъ дореволюціонной Франціи, то нельзя упускать изъ виду и того, что дурное распоряженіе государственными доходами довело Францію до банкротства. Злоупотребленія финансистовъ въ тоже время тяжело ложились на государственное казначейство. Все это было уже проведено въ сознаніе общества „Персидскими письмами". Какимъ же образомъ можно было удовлетворить общество, исправляя только половину зла, какимъ образомъ, спрашивается, можно было расчитывать возбудить интересъ къ общественнымъ или, вѣрнѣе говоря, къ государственнымъ дѣламъ, не распространяя контроль общества на составленіе бюджета въ то время, когда именно неразумное употребленіе государственныхъ суммъ и злоупотребленія финансистовъ были главнымъ источникомъ ропота и недовѣрія общества къ правительству? Тюрго не обратилъ вниманія на то, что не далѣе, какъ за три года пе-

[1]) Мы не говоримъ уже о налогахъ косвенныхъ, которые тоже не подлежали вѣденію муниципальнаго собранія. Объ нихъ мы не говоримъ, такъ какъ большинство, по крайней мѣрѣ, внутреннихъ косвенныхъ налоговъ Тюрго предполагалъ уничтожить.

редъ тѣмъ, какъ редижировалъ свой мемуаръ, во главѣ финансоваго управленія стоялъ аббатъ дю-Террэ, членъ Pacte de Famine, спекулировавшій посредствомъ государственныхъ суммъ на счетъ народнаго продовольствія. Вліяніе такихъ фактовъ было слишкомъ широко, чтобы ихъ можно было не принимать въ расчетъ при опредѣленіи степени довѣрія общества къ правительству. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ тому заключенію, что учрежденіе муниципальныхъ собраній было бы реформою далеко не достигающею тѣхъ цѣлей, которыя имѣлись въ виду авторомъ мемуара [1]).

Не лишенъ интереса и другой вопросъ—насколько устройство муниципальныхъ собраній, осуществившись на практикѣ, удовлетворило бы политическія стремленія французской интеллигенціи того времени. Для разрѣшенія этого вопроса достаточно обратить вниманіе на тотъ запасъ идей, которымъ владѣла къ тому времени французская публицистика, и какое вліяніе она имѣла на общество. Намъ кажется совершенно достаточнымъ указать въ данномъ случаѣ на Монтескье, такъ какъ его Esprit des lois имѣло въ тогдашнее время большое значеніе, какъ сочиненіе публицистическое. Сущность его идеи заключается, какъ извѣстно, въ томъ, что государство тогда только можетъ считаться свободнымъ, когда власть раздѣлена на законодательную, судебную и исполнительную, изъ которыхъ каждая независима отъ другихъ. Исполнительная власть сосредоточивается въ рукахъ монарха, или, вѣрнѣе, его министровъ, которые отвѣтственны предъ представителями народа. Въ рукахъ послѣдняго находится законодательная власть, бюджетъ и контроль надъ законосообразностью дѣйствій исполнительной власти. Къ участію въ законодательной власти допускаются всѣ граждане черезъ своихъ представителей. У Монтескье, какъ мы видимъ,

---

[1]) Мы не только не можемъ согласиться съ Tissot; но даже и понять не можемъ, какимъ образомъ онъ могъ сказать о мемуарѣ слѣдующую фразу: „это было, что легко замѣтить suffrage universelle, только безъ его нелѣпостей и опасностей". Tissot. „Turgot, sa vie, son administration et ses ouvrages" p. 232. На нашъ взглядъ тутъ не только не легко замѣтить, но даже невозможно найти какое нибудь сходство между тѣмъ и другимъ учрежденіями.

нѣтъ и рѣчи объ исключительномъ правѣ землевладѣльцевъ на участіе въ государственномъ управленіи, у него нѣтъ и помину о томъ, чтобы предоставить обществу только право распредѣлять подати. Онъ шелъ въ этомъ отношеніи гораздо дальше, и его мысль даже не совмѣщала въ себѣ идеи свободы съ соединеніемъ власти законодательной и исполнительной въ одномъ учрежденіи. Между тѣмъ мы имѣемъ полнѣйшее право считать идеи Монтескье идеями интеллигентной части французскаго общества. Уже ближайшіе современники предугадывали и признавали обширное значеніе его могущественной книги. Не далѣе, какъ въ первые полтора года она имѣла двадцать два изданія. Въ герцогскомъ архивѣ въ Готѣ хранится письмо Рейнеля къ благородной герцогинѣ Луизѣ Доротеѣ. «Нѣтъ занятія во Франціи, пишетъ онъ, болѣе пренебрегаемаго, чѣмъ государственное право (droit public). Нѣсколько сочиненій, которыя мы имѣемъ по этому предмету, очень плохи; но еслибы даже они были и хороши, ихъ бы не читали. Нуженъ былъ великій человѣкъ и главное человѣкъ модный, чтобы измѣнить въ этомъ отношеніи вкусъ націи. Г-нъ Президентъ Монтескье производитъ этотъ переворотъ. Его книга, озаглавленная «Esprit des lois, напечатанная нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Женевѣ и перепечатанная тайно нѣсколько дней спустя въ Парижѣ, вскружила головы всѣмъ французамъ. Этотъ трудъ равно встрѣчается и въ кабинетахъ нашихъ ученыхъ, и туалетахъ нашихъ дамъ и нашихъ petits maitres. Я не знаю, долго ли продолжится этотъ энтузіазмъ; но то вѣрно, что дальше развиться ему уже нѣтъ возможности». Гриммъ говорилъ въ своей «корреспонденціи»: «Esprit des lois произвелъ совершенный переворотъ въ духѣ націи. Лучшія головы посвятили себя объясненію политическихъ вопросовъ. Политика стала теперь предметомъ философіи. Если не въ политической дѣйствительности, то въ политической наукѣ мы уже можемъ равняться съ англичанами». [1]) Если этихъ свидѣтельствъ еще недостаточно для опредѣленія степени прочности вліянія идей Монтескье, то достаточно будетъ при-

[1]) Гетнеръ. Ист. Вс. Литтер. XVIII в. т. II стр. 191—192.

бавить тотъ фактъ, что всѣ конституціонныя работы учредительнаго національнаго собранія совершались подъ вліяніемъ идей Монтескье.

Приведенныхъ соображеній самихъ по себѣ было бы достаточно для заключенія, что учрежденіе муниципальныхъ собраній не удовлетворило бы политическихъ идеаловъ французской интеллигенціи: общество никогда не могло считать ихъ достаточными для гарантіи свободы и раціональности государственнаго управленія. Но мы имѣемъ отзывъ о мемуарѣ Тюрго, сдѣланный человѣкомъ, пользовавшимся впослѣдствіи большимъ вліяніемъ. Я говорю о Бриссо. Ему приписывается брошюра, вышедшая въ Швейцаріи въ 1787 году и озаглавленная „Oeuvres posthumes de Turgot“ [1]). Говоря о собраніяхъ, учрежденныхъ Нэккеромъ, Бриссо естественно сравниваетъ ихъ съ проэтированными въ мемуарѣ Тюрго и отдаетъ послѣднимъ преимущество. Но, говоря безотносительно, онъ порицаетъ ихъ за то, что въ собранія допускаются лишь весьма немногіе, и за слишкомъ малый кругъ дѣятельности, внѣ котораго оставлено слишкомъ много мѣста королевскому произволу. Онъ находитъ, что малочисленность собраній, которая такъ нравится автору мемуара, сильно препятствовала бы тому, чтобы они стали самостоятельными учрежденіями и сдѣлались переходною ступенью къ парламентаризму.

Не слѣдуетъ однако думать, что Тюрго смотрѣлъ на проэктируемыя имъ учрежденія, какъ на альфу и омегу политическихъ реформъ. Самъ онъ признавалъ, что кромѣ этихъ учрежденій будутъ введены еще и другія, онъ надѣялся, что сами собранія потребуютъ реформъ, и въ этомъ случаѣ, конечно, его уму представлялось упраздненіе королевскаго про-

---

[1]) Эта брошюра впервые опубликовала мемуаръ Тюрго, который до того былъ извѣстенъ лишь не многимъ друзьямъ послѣдняго. Она обращалась въ публикѣ тайно, что не мѣшало ей однако имѣть большой кругъ читателей. Продолжатель мемуаровъ Bachaumont упоминаетъ о ея появленіи и говоритъ, что она надѣлала очень много шуму и что, судя по энергіи языка, ее слѣдуетъ приписать Кондорсе. Bachaumont, Memoires secretes pour servir à l'histoire de la republique des lettres en France depuis 1762 jusqu'á nos jours. Londres 1780 (и позднѣе) t. XXXV p. 264.

произвола. Въ его письмѣ къ Прайсу (англичанинъ) мы читаемъ: «я расчитываю, что это письмо писано только для Васъ; я прошу даже не отвѣчать мнѣ подробно по почтѣ, потому что ваше письмо непремѣнно будетъ вскрыто въ нашемъ почтамтѣ и меня сочтутъ слишкомъ большимъ другомъ свободы, чѣмъ сколько можетъ быть министръ, хотя бы даже отставленный». [1]). Эти слова, писанныя въ 1778 году, лучше всего объясняютъ намъ, почему мы не находимъ въ мемуарѣ многаго такого, что въ правѣ были бы ожидать. Тюрго не находилъ почему то удобнымъ сказать Людовику XVI прямо, что пришла пора покончить съ абсолютною властью и что предлагаемыя учрежденія будутъ служить переходомъ къ ликвидаціи деспотизма.

Въ томъ же письмѣ къ Прайсу мы находимъ полное сочувствіе усиліямъ американцевъ освободиться изъ подъ англійскаго владычества и довольно интересныя замѣчанія по поводу этой борьбы и американскихъ учрежденій. Онъ нападаетъ на англичанъ за то, что они противодѣйствуютъ интересамъ американскихъ колоній, и причину этого находитъ въ томъ, что англичане, выработавъ свою политическую свободу, не питаютъ достаточно уваженія къ основнымъ принципамъ свободы вообще и считаютъ пустой метафизикою философскія разсужденія, стремящіяся установить общія начала, которыми опредѣляются права лицъ и націй [2]). Какъ видитъ читатель, уже тогда дѣлали англичанамъ упрекъ, что они, ради своихъ интересовъ, преслѣдуютъ у другихъ то, что уважаютъ и чѣмъ дорожатъ у себя.

Обращаясь затѣмъ къ оцѣнкѣ американскихъ конституцій отдѣльныхъ колоній, Тюрго находитъ въ нихъ слишкомъ много подражанія англійской конституціи, основанной, по его мнѣнію, на распредѣленіи власти между отдѣльными корпоративными учрежденіями (corps), какъ будто это уравновѣшиваніе силъ, которое могли считать необходимымъ въ монархіи для противодѣйствія громадному перевѣсу королевской власти, можетъ

---

[1]) Oeuvres de Turgot. t. II p. 811.

[2]) Ibid. p. 806.

имѣть какое либо значеніе въ республикахъ, основанныхъ на равенствѣ всѣхъ гражданъ [1]).

По поводу законодательства американцевъ онъ дѣлаетъ замѣчаніе противъ излишней регламентаціи, находя ее стѣснительною для человѣка. По этому случаю онъ заявляетъ, что онъ вовсе не сторонникъ того мнѣнія, что свобода заключается въ подчиненіи законамъ, потому что «неужели человѣкъ, стѣсненный несправедливымъ закономъ, можетъ считаться свободнымъ?» Въ концѣ концовъ Тюрго выражаетъ надежду, что американцы станутъ образцомъ для человѣческаго рода. «Этотъ народъ долженъ доказать міру фактически, что люди могутъ быть свободны и въ тоже время покойны и что они могутъ обходиться безъ цѣпей всякаго рода, которыми тираны и шарлатаны всѣхъ цвѣтовъ стремятся опутать ихъ подъ предлогомъ общественнаго блага.» Тюрго думаетъ, что успѣхъ Америки на поприщѣ свободы заставитъ и европейскія правительства быть справедливыми и просвѣщенными и уничтожитъ рабство, тяготѣющее надъ народами.

Мы нѣсколько уклонились отъ нашей задачи, но это уклоненіе не лишне. Оно объясняетъ намъ, какъ далекъ былъ Тюрго отъ своихъ идеаловъ въ своемъ мемуарѣ. Мы можемъ поэтому, не обинуясь, разсматривать послѣдній, какъ проэктъ первоначальной политической школы, въ которой Тюрго хотѣлъ пріучить французовъ къ общественной дѣятельности, школы, которая силою вещей должна была преобразоваться въ высшее заведеніе. Школа эта была децентрализація. Основная черта мемуара заключается въ томъ, что онъ выдѣляетъ изъ вѣдѣнія центральнаго правительства мѣстныя дѣла и передаетъ ихъ въ вѣдѣніе мѣстныхъ учрежденій. Мы не видимъ, правда, чтобы Тюрго ясно представлялъ себѣ противоположность централизаціи и децентрализаціи, но это нисколько не мѣшаетъ тому, чтобы его учрежденія принадлежали къ послѣдней системѣ.

Проэктъ, поданный Тюрго, остался въ бумагахъ министерства и, какъ говоритъ Бриссо въ цитированной выше брошюрѣ,

---

1) Ibid. p. 807.

Нэккеръ воспользовался мыслью Тюрго, но только кастрировалъ ее въ своемъ мемуарѣ по тому же вопроссу. Благодаря искренности чиновниковъ, а можетъ быть и стараніямъ лицъ, нерасположенныхъ къ Нэккеру, его мемуаръ не остался тайной для публики и подвергся серьезнымъ нападкамъ [1]).

Мемуаръ этотъ считаетъ необходимымъ введеніе провинціальныхъ собраній, не какъ школы для политическаго воспитанія народа, а просто какъ новаго административнаго органа. „Ихъ (провинціальныя собранія) учредили вовсе не для того, говоритъ онъ, чтобы они вступили въ договоръ съ государемъ на основаніи какой либо имъ принадлежащей власти, но государь самъ поручилъ имъ блюсти интересы податныхъ лицъ“. Вслѣдствіе такого взгляда на дѣло, онъ допускаетъ способъ выборовъ въ родѣ того, который практиковался въ нѣкоторыхъ цехахъ. Нѣсколько дворянъ и духовныхъ, призванныхъ начальствомъ, должны были собраться и сами назначать еще новыхъ членовъ, которые вмѣстѣ съ ними и составятъ собраніе. Нэккеръ оправдывалъ введеніе такого способа выборовъ тѣмъ, что въ провинціальномъ собраніи требуются вовсе не представители народа, а люди достойные довѣрія монарха. „Еслибы члены собраній, говоритъ Нэккеръ, избирались по округамъ, то очень можетъ быть, что они являлись бы представителями интересовъ того или другаго кантона, а не общихъ интересовъ... Я прибавлю, что назначеніе членовъ провинціальныхъ собраній не могло бы быть предоставлено окружнымъ собраніямъ безъ риска вызвать нѣкоторые безпорядки или по крайней мѣрѣ какія либо непріятныя столкновенія, что не замедлило бы гибельно отозваться на существованіи самихъ собраній». [2]) Эти мысли высказаны имъ въ сочиненіи,

---

[1]) Онъ самъ говоритъ, что онъ представилъ королю въ 1778 году мемуаръ о провинціальныхъ собраніяхъ и что одинъ изъ его враговъ подучилъ другаго напечатать его, что и было исполнено, благодаря злоупотребленію довѣріемъ. Его напечатали тайно въ 1781 году. Necker. De l'administration des finances de la France. 3 vol. 1784. см. т. II p. 255 въ прим. Въ 1787 году этотъ мемуаръ опять напечатанъ въ брошюрѣ Бриссо Oeuvres posthumes de Turgot. Онъ нарочно издалъ его вмѣстѣ съ мемуаромъ Тюрго, чтобы рѣзче представить недостатки Нэккерова проэкта.

[2]) Necker. De l'administr. des finances ibid. p. 292—295.

въ которомъ онъ не имѣлъ основанія быть неискреннимъ. Еще рѣзче проявляется консервативный взглядъ Нэккера въ его отчетѣ 1781 года, въ которомъ особая глава посвящена провинціальнымъ собраніямъ. „Принять всѣ мѣры, говорится въ отчетѣ, чтобы эти собранія непрестанно чувствовали, что имъ необходимо выказывать себя достойными довѣрія вашего величества и что вся ихъ сила въ этомъ довѣріи. Это вовсе не Pays d'états [1]), основывающіеся на своихъ древнихъ привилегіяхъ, въ простые администраторы, почтенные довѣріемъ вашего величества. [2])

Во всѣхъ актахъ Нэккера мы видимъ особую заботливость, съ которою онъ старается успокоить короля на счетъ безопасности провинціальныхъ собраній и заставить общество отказаться отъ всякой мысли, что эти послѣднія могутъ быть первою ступенью къ осуществленію принципа народоправства.

Первое провинціальное собраніе было введено въ Берри постановленіемъ королевскаго совѣта 12 іюля 1778 года. По этому постановленію собраніе состоитъ изъ 12 дворянъ, 12 представителей средняго сословія и 12 духовныхъ, собирающихся подъ предсѣдательствомъ архіепископа.

Сессіи собранія происходятъ не чаще одного раза въ два года и продолжаются не болѣе одного мѣсяца. Въ промежутокъ между сессіями дѣйствуетъ управа, состоящая изъ архіепископа, семи членовъ собранія и двухъ прокуроровъ синдиковъ. Она занимается подробностями дѣлъ, находящихся въ вѣденіи собранія, и даетъ послѣднему отчетъ въ своей дѣятельности. Члены управы и синдики, какъ говоритъ Нэккеръ въ своемъ отчетѣ, выбираются собраніемъ и утверждаются королемъ. Собраніе завѣдуетъ раскладкою податей мѣстныхъ и общегосударственныхъ. Ему же принадлежитъ завѣдываніе постройкою дорогъ. По поводу суммы податей, приходящихся на провинцію, собраніе можетъ сдѣлать представленіе королю, но отнюдь не должно задерживать раскладки подъ предло-

---

[1]) Такъ назывались провинціи, сохранившія старинныя сословныя собранія, завѣдывавшія провинціальнымъ хозяйствомъ.

[2]) Compte rendu au roi par M. Necker. Imprimé par ordre de sa Majesté 1781. Chapitre administrations provinciales. p. 78.

томъ сдѣланнаго представленія. Въ своемъ отчетѣ Нэккеръ говоритъ даже, что въ случаѣ малѣйшаго промедленія въ раскладкѣ податей управа тотчасъ же устраняется отъ этого дѣла и раскладка поручается интенданту.

Собраніе и управа не могутъ произвести ни одного расхода безъ разрѣшенія короля, за исключеніемъ самыхъ необходимыхъ, сумма которыхъ заранѣе опредѣлена. На первый разъ собраніе должно было составиться слѣдующимъ образомъ: 5 Октября 1778 года должны были собраться въ архіепископскомъ дворцѣ въ Буржѣ 16 собственниковъ, назначенныхъ королемъ. Они въ свою очередь назначаютъ 32 человѣка и представляютъ ихъ на утвержденіе короля. Послѣ утвержденія со стороны послѣдняго эти 48 человѣкъ должны были составить первое собраніе. [1]) Законъ не указываетъ, какъ должны были происходить выборы въ послѣдствіи; но ясно, что не такъ, какъ въ первый разъ, потому что въ самомъ началѣ закона 1778 года былъ опредѣленъ постоянный составъ собранія совершенно не похожій на тотъ, который былъ опредѣленъ для перваго раза.

Законъ же 1787 года, въ которомъ дѣлается ссылка на Беррійскія учрежденія, говоритъ, что въ число членовъ собранія *избираются* только лица, платящія поземельныя и личныя подати въ данной провинціи. Отсюда мы заключаемъ, что въ Берри собранія составлялись при помощи выборовъ; но о томъ, какъ происходили послѣднія, мы знаемъ только то, что выборы производились каждымъ сословіемъ отдѣльно. Такъ по крайней мѣрѣ говоритъ Нэккеръ въ цитированной нами книгѣ. Собранія, введенныя въ Берри, были постепенно вводимы въ томъ же видѣ и въ другихъ провинціяхъ. Указомъ 27 апрѣля 1779 года они были введены въ Дофине, 12 іюля того же года въ верхней Гіени, 19 марта 1780 года въ Муленѣ [2]). Въ этотъ же промежутокъ времени, а именно въ 1779 году лѣтомъ были изданы lettres patentes, которыми разъяснялись

---

[1]) Jsambert. Recueil général des anciennes lois françaises. T. XXV pp. 354—356 а также и цитированный выше отчетъ Нэккера.

[2]) Isambert. t. XXVI pp. 118, 207 и 302.

нѣкоторыя подробности устройства собраній. Начиная съ марта 1780 года, происходитъ остановка въ введеніи провинціальныхъ собраній. Потомъ, вдругъ въ іюлѣ 1781 года изданъ былъ указъ, которымъ пріостанавливалось дѣйствіе провинціальныхъ собраній въ Муленѣ и Бурбонэ на томъ основаніи, что регламенты для нихъ еще не готовы. Вмѣсто собраній, указъ предостовляетъ каждому сословію выбрать своихъ прокуроровъ-синдиковъ, которые будутъ ассистировать при раскладкѣ податей интендантомъ и будутъ представлять ему свои резолюціи. Послѣднія постановляются синдиками всѣхъ сословій, если касаются всей провинціи, и синдиками отдѣльнаго сословія, если распоряженіе интенданта относится къ одному сословію. Подача голосовъ при составленіи общей резолюціи происходитъ по сословію.

Мы не знаемъ причинъ, по которымъ произошло это распоряженіе, но изъ книги Нэккера (observations...) мы узнаемъ, что въ 1780 году рѣшено было ввести провинціальныя учрежденія въ Муленѣ на подобіе введенныхъ въ Гіени, Берри и т. д.; но тотчасъ послѣ отставки Нэккера lettres patentes объ этомъ были взяты изъ парламента; но „чтобы хоть нѣсколько успокоить общественное мнѣніе (enfin de menager un momment l'opinion), издано было распоряженіе о прокурорахъ—синдикахъ, ассистирующихъ при интендантѣ. Однако это распоряженіе, говоритъ Нэккеръ, настолько противорѣчило истинному духу провинціальныхъ учрежденій, что никто не явился для осуществленія этой новой администраціи, и правительство вовсѐ не дало ходу своему проэкту [1]).

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ этомъ распоряженіи мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ, которое присуще всей политикѣ Людовика XVI,—съ реакціею только что принятымъ рѣшеніямъ. Отсутствіе програмны и твердой воли, вотъ два момента, сказывающіеся постоянно въ его дѣятельности. Со слезами на глазахъ и крѣпкими рукопожатіями встрѣчаетъ онъ программу Тюрго, а безъ малаго черезъ два года увольняетъ его въ отставку. «Я вижу, что только я и г. Тюрго любимъ народъ»,

---

[1]) Necker. De L'administration des finances de France t. II p. 287.

сказалъ онъ, отстаивая въ своемъ совѣтѣ эдиктъ объ уничтоженіи натуральныхъ повинностей, а черезъ четыре мѣсяца отмѣнилъ его. Но и въ реакціи онъ не былъ твердъ. Малѣйшее сопротивленіе общества устрашало его; и онъ готовъ былъ на отступленіе и дѣйствительно отступалъ, такъ что въ концѣ концовъ и выходило нѣчто неясное, «съ серединки на половинку». Такъ и въ данномъ случаѣ: Нэккеръ вводитъ провинціальныя собранія; отставка его влечетъ за собою отмѣну тѣхъ изъ нихъ, которыя не успѣли еще установиться. Но чтобы успокоить общественное мнѣніе, вводятъ какихъ то странныхъ ассистентовъ при интендантѣ. Но такъ какъ этотъ проэктъ, какъ и быть должно, никого не удовлетворилъ, то прочія провинціальныя собранія оставляются въ покоѣ.

Но вотъ въ 1787 году созываются нотабли, общественное неудовольствіе стало очень сильно, поднятъ вопросъ о созывѣ états généraux, правительство подумываетъ о финансовыхъ реформахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ о провинціальныхъ собраніяхъ воскресаетъ снова.

Въ іюнѣ 1787 года изданъ законъ о введеніи провинціальныхъ учрежденій, подобныхъ Гіени и Берри во всѣхъ тѣхъ провинціяхъ, въ которыхъ они не были еще введены до того времени. Законъ мотивируется благотворными результатами этихъ учрежденій въ названныхъ двухъ провинціяхъ [1]).

Законъ 1787 года повторяетъ то, что сказано было прежними эдиктами; но заключаетъ въ себѣ двѣ особенности. Въ каждой провинціи учреждаются, кромѣ провинціальнаго, окружныя и общинныя собранія (assemblées de districts et de communautés). Среднему сословію предоставляется число голосовъ равное суммѣ голосовъ дворянства и духовенства, причемъ подача голосовъ предписывается не посословная, какъ это требовалъ эдиктъ 1781 года, а поголовная. Въ этомъ удвоеніи числа представителей средняго сословія и измѣненіи стариннаго способа подачи голосовъ слышатся отголоски тѣхъ споровъ, которые волновали общество по поводу представи-

---

[1]) Édit du roi portant création d'Assemblées provinciales. Juin 1787. Versailles.

тельства tiers état въ собраніи государственныхъ чиновъ (états généraux). Нельзя не видѣть въ этихъ измѣненіяхъ вліянія общественнаго мнѣнія, которое впослѣдствіи такъ единодушно примкнуло къ мыслямъ, высказаннымъ въ брошюрѣ Сіэса „Что такое средній классъ?“ Не забудемъ, что мы находимся наканунѣ созванія état généraux, которымъ пришлось сверху до низу перевернуть старый порядокъ. Подъ развалинами послѣдняго изчезли и нэккеровскія провинціальныя учрежденія, какъ изчезло все, принадлежавшее старой Франціи.

Сравнить нэккеровскія областныя учрежденія съ тѣми, которыя проэктировались Тюрго, тѣмъ легче, что первыя созданы на основаніи послѣднихъ. Нэккеръ воспользовался планомъ Тюрго, только урѣзалъ его. По составу своему нэккеровскія собранія отличались малочисленностью, и въ этомъ отношеніи у нихъ общій недостатокъ съ учрежденіями Тюрго. Разница однако весьма важная заключается въ томъ, что Тюрго оставилъ въ сторонѣ сословное начало, тогда какъ Нэккеръ сохранилъ его въ полной силѣ. Только въ 1789 году онъ допускаетъ удвоеніе представителей средняго сословія въ états généraux; но и тогда онъ не разрѣшилъ поголовнаго голосованія, такъ что самое удвоеніе числа представителей лишилось всякаго смысла. А какой стариной пахнетъ способъ выборовъ, придуманный имъ для Беррійскаго провинціальнаго собранія!

Кругъ дѣятельности нэккеровскихъ собраній гораздо уже, чѣмъ предполагалъ мемуаръ Тюрго. Тогда какъ послѣдній передавалъ имъ всѣ мѣстныя хозяйственныя дѣла и налоги а также и благотворительность, Нэккеръ ограничиваетъ дѣятельность своихъ собраній распредѣленіемъ податей и постройкою дорогъ.

Кромѣ того, онъ лишаетъ ихъ независимости и самостоятельности. Члены управы, избираемые собраніемъ, утверждаются королемъ. Всякій расходъ производится лишь съ разрѣшенія короля. Даже необходимые расходы, производимые собраніемъ безъ предварительнаго разрѣшенія, не могутъ превышать заранѣе опредѣленной суммы. Ничего подобнаго не предполагалъ вводить Тюрго, ибо понималъ, что въ такомъ

случаѣ введеніе собраній теряетъ свой смыслъ. Всѣ указанныя различія сводятся на одно принципіозное, которое существуетъ между планомъ Тюрго и учрежденіями Наккера. Тюрго смотрѣлъ на свои учрежденія, какъ на общественные органы, независимые отъ центральнаго правительства, назначеніе которыхъ, между прочимъ, заключалось въ политическомъ образованіи общества, тогда какъ Нэккеръ видѣлъ въ своихъ учрежденіяхъ, только новыя колеса, прилаженныя съ грѣхомъ пополамъ къ старой административной машинѣ, колеса, которыя должны вертѣться по мановенію центральнаго правительства. Онъ даже избѣгалъ называть ихъ собраніями, а охотнѣе называетъ ихъ «администраціею».

Такой существенный шагъ назадъ, такое заботливое стремленіе сохранить деспотію подъ либеральными декораціями не могли не вызвать неудовольствія. Выразителемъ этого чувства явился Бриссо въ брошюрѣ, о которой мы не разъ уже упоминали. Его брошюра появилась въ 1878 года, когда общественное мнѣніе было раздражено въ высшей степени финансовыми плутнями де-Каллона и уже устами Лафайета заявило требованіе созванія états généraux. Послѣдовавшее въ 88 году призваніе Нэккера сдѣлано было для успокоенія публики и обозначало поворотъ правительства въ либеральномъ смыслѣ. Въ одинъ годъ съ созваніемъ нотаблей былъ изданъ законъ о повсемѣстномъ введеніи провинціальныхъ собраній. Въ это то время является брошюра Бриссо. Онъ поставилъ своею задачею разоблачить безпринципность надеждъ, каторыя на него возлагались. Онъ опубликовалъ мемуаръ Тюрго рядомъ съ мемуаромъ Нэккера и за симъ письмо гражданина по поводу сего послѣдняго. Это письмо и составляетъ центръ тяжести книги. Разборъ мемуара Нэккера написанъ чрезвычайно горячо и краснорѣчиво и читается съ большимъ интересомъ. Стоитъ только переставить имена и числа, и можно думать, что статья писана въ наше время противъ кого либо изъ консерваторовъ, прикидывающагося либераломъ.

Сначала Бриссо разбираетъ содержаніе нэккерова мемуара провинціальныхъ собраній и выясняетъ, на сколько послѣдній отсталъ отъ проекта Тюрго. Потомъ онъ переходитъ къ

мотивировкѣ этого проекта, заключающейся въ мемуарѣ. Особенно рѣзкой критикѣ подвергается та часть мемуара, гдѣ Нэккеръ старается убѣдить Людовика XVI, что провинціальныя учрежденія не стѣснять королевской власти и останутся послушными орудіями послѣдней. Бриссо не находитъ достаточно сильныхъ выраженій, чтобы заклеймить лицемѣріе, стремящееся запрятать деспотизмъ подъ либеральныя формы общественнаго учрежденія. Нападки его на Нэккера съ этой стороны были особенно чувствительны, такъ какъ слабая сторона Нэккера заключалась именно въ его политической безпринципности. Поэтому, лишь бы успокоить короля, онъ низвелъ провинціальныя учрежденія до простыхъ орудій деспотіи. Замѣчанія Бриссо были написаны такъ сильно и такъ горячо, что всю книгу приписали Кондорсе. Впечатлѣніе, производимое ею на публику, отъ этого только усилилось.

Интересна не только критическая, но положительная сторона книги, взглядъ ея автора на областныя учрежденія. Авторъ цѣнитъ ихъ, какъ проявленіе общественной свободы, которое особенно дорого при отсутствіи парламента. Эти областные парламенты составляютъ первую ступень къ пріобрѣтенію центральнаго, первый шагъ въ ограниченію абсолютизма. Изъ хода разсужденій автора однако-же неясно, не потеряли-ли бы для него цѣну областныя учрежденія въ моментъ появленія парламента. Только судя потому, что Бриссо былъ впослѣдствіи жирондистомъ, можно думать, что онъ желалъ бы ихъ сохраненія и въ этомъ послѣднемъ случаѣ. Какъ бы-то ни было однакожъ, цѣнилъ ли онъ областныя учрежденія безотносительно, или же только какъ суррогатъ парламента, мы не можемъ не признать за нимъ той заслуги, что онъ требовалъ для нихъ полной самостоятельности и широкаго круга дѣятельности.

Кромѣ брошюры Бриссо появилась въ томъ-же году еще одна книга, имѣющая въ виду заинтересовать собраніе нотаблей судьбою областныхъ учрежденій *). Неизвѣстный авторъ этой брошюры выражаетъ недовольство тѣснымъ кру-

*) Lettre des administrations provinciales aux Notables. 1787.

гомъ дѣятельности провинціальныхъ собраній и требуетъ его расширенія. Онъ требуетъ, чтобы имъ порученъ былъ сборъ государственныхъ налоговъ, а не только раскладка ихъ, чтобы собранія сами передавали въ государственное казначейство собранныя суммы. Далѣе авторъ выражаетъ желаніе, чтобы провинціальнымъ собраніямъ поручено было заняться погашеніемъ государственнаго долга.

Нельзя не упомянуть, что около того же времени было написано еще двадцать сочиненій по тому-же вопросу о провинціальныхъ собраніяхъ. Имъ не суждено было явиться на свѣтъ Божій, такъ какъ Нэккеръ запретилъ ихъ печатаніе. Они были написаны на тему, заданную Шалонской академіей [1]) Надо полагать, что они остались въ академическихъ архивахъ. Изъ того факта, что академія давала тему указаннаго характера и что въ отвѣтъ на нее явилось двадцать сочиненій, можно видѣть, что провинціальныя собранія возбуждали порядочный интересъ въ обществѣ и что даже академическія сочиненія были на сторонѣ оппозиціи — нэккеровскимъ учрежденіямъ.

Мы подошли къ самой революціи и считаемъ возможнымъ остановиться. Намъ могутъ сказать, что XVIII вѣкъ еще не кончился, что мы не кончили своего разсказа; но на это можно отвѣтить слѣдующимъ соображеніемъ: революція 89 года составляетъ такой рубежъ не только во французской, но и въ общеевропейской исторіи, что передъ нею приличнѣе всего остановиться, говоря о старыхъ порядкахъ. Обыкновенное дѣленіе на вѣка, вообще довольно неудовлетворительное, въ данномъ случаѣ вовсе не годится. По родству явленій послѣднія два десятилѣтія XVIII вѣка ближе къ XIX вѣку, чѣмъ къ предъидущимъ десятилѣтіямъ. И такъ остановимся и подведемъ итоги.

Знакомство съ мемуаромъ Тюрго, областными учрежденіями

---

[1]) Извѣстіе объ этомъ я нашелъ въ брошюрѣ Бриссо „Oevres posthumes de Turgot.“ къ сожалѣнію я не могъ познакомиться съ содержаніемъ этихъ сочиненій. — Могу однако заключить потому факту, что они были запрещены и по тону, съ которымъ о нихъ говоритъ Бриссо, что они были оппозиціоннаго характера.

Нэккера и съ тѣмъ, что по поводу ихъ написано, приводитъ насъ къ выводу, что въ дореволюціонной Франціи вопросъ о децентрализаціи былъ поставленъ не совершенно ясно въ теоретическомъ отношеніи. Децентрализацію, повидимому, считали полезною лишь до тѣхъ поръ, пока существуетъ деспотія, и считали ее хорошимъ орудіемъ для устраненія послѣдней.

Извѣстной доли правды нельзя отрицать у этого взгляда. Между централизаціей и отсутствіемъ свободы существуетъ связь. Устанавливаясь въ центрѣ, деспотія стремится къ господству въ областяхъ, она не потерпитъ ихъ самостоятельности. Конечно можетъ случиться, и это весьма часто бываетъ въ деспотическихъ государствахъ, что областные правители достигаютъ такой независимости, что только номинально подчиняются своему владыкѣ; но такой порядокъ вещей является слѣдствіемъ несовершенства организаціи, слабости центра, или какихъ либо другихъ причинъ, но не составляетъ результата деспотіи. Это разъ. Во вторыхъ при этомъ области *не управляютъ собою сами*, такъ что тутъ едвали можетъ быть рѣчь о децентрализаціи, а скорѣе о государственномъ разложеніи. Такимъ образомъ политики XVIII вѣка не были не правы, догадываясь, что централизація благопріятствуетъ деспотіи и что, напротивъ, развитіе областной жизни ослабитъ ее. Но вотъ чего повидимому они не подозрѣвали, что безъ децентрализаціи не мыслима дѣйствительная свобода, что при существованіи какого угодно парламента не будетъ свободы, если области ея не управляютъ собою сами, подчиняясь центру только въ общихъ дѣлахъ. Ближе всего къ этой мысли былъ Тюрго, когда онъ признавалъ областныя учрежденія общественною школою, въ которой политически воспитываются поколѣніе за поколѣніемъ. Онъ повидимому считалъ самоуправленіе необходимымъ условіемъ свободы. Его несогласіе съ Вольтеровскимъ опредѣленіемъ свободы тоже побуждаетъ насъ думать такимъ образомъ.

Что касается Нэккера, то никакого теоретическаго пониманія областныхъ учрежденій не видно ни въ его мемуарѣ, ни въ его законахъ, ни въ его книгѣ. Его дѣйствія производятъ впечатлѣніе слѣдующаго рода: человѣкъ хочетъ пока-

заться либеральнымъ, областныя учрежденія могутъ служить доказательствомъ либерализма. Какъ банкиръ, онъ стремится и обществу угодить, и поклонниковъ абсолютизма не ввести въ соблазнъ. И вышло ни рыба, ни мясо. Но даже и въ той несовершенной формѣ, въ какой представляются намъ учрежденія Нэккера, мы видимъ, что практически вопросъ о децентрализаціи началъ осуществляться правильно, если не считать тѣ урѣзки областной автономіи, которыя дѣлались въ угоду абсолютизму; въ вѣденіе областныхъ учрежденій стали отдавать мѣстныя дѣла.

Общественное мнѣніе, по скольку оно высказалось тогда, и сами провинціальныя собранія свидѣтельствуютъ намъ, что противъ централизаціи началась уже реакція, что немного усилій общественной мысли нужно было, чтобы додуматься до яснаго пониманія значенія децентрализаціи. Однако революція не породила послѣдней, а напротивъ послѣ нея явилась централизація въ исправленномъ и улучшенномъ изданіи. Что за причина такого страннаго повторенія прошлаго?

Прежде всего слѣдуетъ принять въ расчетъ, что мысль о децентрализаціи была, какъ мы видѣли, до революціи слаба и неясна. Нападки дѣлались больше противъ произвола власти, чѣмъ противъ централизаціи ея. Достаточно поэтому было немного благопріятныхъ условій, чтобы послѣ паденія абсолютизма централизація развилась снова. Между тѣмъ въ періодъ революціонныхъ войнъ сосредоточеніе всѣхъ силъ и всей власти въ одномъ учрежденіи оказало огромную услугу. Благодаря ему патріотизмъ французовъ выдержалъ борьбу съ коалиціей и вышелъ побѣдителемъ изъ нея. Съ какимъ кредитомъ явилась снова централизація послѣ такого испытанія! Послѣ того ей не трудно было заглушить молодые ростки децентрализаціи, появившіеся было до революціи. Общественная мысль оставила въ сторонѣ этотъ вопросъ и оставила его лишь послѣ новыхъ испытаній.

Г. Аѳанасьевъ.

Эдуардъ VI и Іоанна Грей.

После смерти Генриха VIII, корона Англіи перешла къ сыну его Эдуарду VI, едва достигшему десятилѣтняго возраста.

Покойный король завѣщалъ, чтобы до совершеннолѣтія своего наслѣдника, т. е. до осьмнадцатилѣтняго его возраста, правленіе государствомъ находилось въ рукахъ шестнадцати исполнителей его духовнаго завѣщанія, къ которымъ бы тоже присоединенъ былъ совѣтъ изъ двѣнадцати членовъ, выбранныхъ изъ дворянства. Но безусловное и униженное повиновеніе, которымъ пользуются государи при жизни, быстро и съ злорадствомъ смѣняется нарушеніемъ его по ихъ смерти; какъ будто въ отмщеніе за вынесенный гнетъ, умершаго льва спѣшатъ оскорбить пострадавшіе отъ его когтей. Люди, призванные Богомъ, какъ исполнители Его предначертаній, забываютъ подъ шумомъ рукоплесканій, что ихъ дѣйствія болѣе, чѣмъ кого либо, вызываютъ анализъ, а не любовь.

Генриху VIII часто случалось слышать отъ своего куртизана Кромвеля: „Какое множество людей восторгается вашимъ величіемъ, государь! Ему же слѣдовало бы отвѣчать словами протектора сказавшаго позднѣе: „Еще болѣе-бъ нашлось посмотрѣть меня повѣшеннымъ“.

Этотъ опытъ олигархическаго правленія только и возникъ для непосредственнаго своего паденія. Подобно ему и совѣты, учрежденные посмертной волей Людовика XIV, подъ реген-

ствомъ герцога Орлеанскаго подверглись той же участи. Настолько справедливо, что есть учрежденія политическія, порочность которыхъ всегда и вездѣ одинакова, не смотря на различіе странъ и временъ.

Герцогъ Гертфордъ, братъ королевы Іоанны Сеймуръ и, слѣдовательно, дядя короля, по своему происхожденію имѣлъ болѣе всѣхъ другихъ право на власть. Онъ безъ труда уничтожилъ олигархію, получилъ почетный титулъ герцога Сомерсетскаго, польстившій его тщеславію, и титулъ протектора, доставившій ему власть. Но авторитетъ его продолжался недолго. Для характеристики его достаточно привести въ примѣръ одно изъ его дѣйствій: онъ приказалъ обезглавить своего брата лорда Сеймуръ, помрачавшаго его славу и загораживавшаго ему дорогу. Но этому братоубійцѣ, вслѣдствіе такой же дворцовой интриги, какой онъ обязанъ былъ и своимъ возвышеніемъ, самому пришлось потомъ положить голову на эшафотъ [1]).

Слабая рука короля-ребенка, восхваляемаго историками за кротость, упражнялась на подписяхъ смертныхъ приговоровъ католикамъ и своимъ двумъ дядямъ. Одной изъ ребяческихъ его забавъ было приказаніе—повѣсить викарія св. Ѳомы на колокольнѣ его церкви, облеченнаго въ духовныя одежды, съ четками на поясѣ. Только самый крайній оптимистъ могъ представить этого маленькаго тирана философствующимъ съ своей кузиной Іоанной Грей. Его жесткому сердцу недоступна была даже братская привязанность, и мы увидимъ, какъ относился онъ къ своимъ двумъ сестрамъ. Развращенность отца посѣяла ненависть и въ сердцахъ дѣтей. При Эдуардѣ VI, едва достигшемъ отрочества, введены оффиціальныя кандидатуры въ выборахъ членовъ парламента, что можетъ служить доказа-

[1]) Герцогъ Сомерсетъ казненъ 22 января 1552 г. по проискамъ графа Варвика, пожалованного Эдуардомъ VI герцогомъ Нортумберландскимъ и сдѣлавшагося главою совѣта. Герцогъ Сомерсетъ былъ обвиненъ въ намѣреніи убить графа Варвика и въ государственной измѣнѣ, умыслѣ похитить короля и увезти его на сѣверъ Англіи, что будто бы не состоялось только вслѣдствіе назначенія Варвика, герцога Нортумберландскаго, охранителемъ границъ.

тельствомъ, насколько нѣкоторые новѣйшіе государства ошибочно присвоиваютъ себѣ честь ея изобрѣтенія. Вышедшіе циркуляры, въ послѣднія времена изъ министерствъ, почти буквальныя копіи циркуляра 1552 г. шерифамъ, въ которомъ предписывалось—покровительствовать хорошимъ кандидатамъ. Конецъ его слѣдующій: „каждый разъ, пусть члены нашего частнаго совѣта, имѣя въ виду наши интересы и, руководствуясь знаніемъ законовъ, укажутъ на нѣсколькихъ просвѣщенныхъ и умныхъ лицъ; выборъ ихъ долженъ быть принятъ и уважаемъ, какъ именно тотъ, къ которому стремились наши цѣли; такѣ какъ намѣреніе наше всегда одно—это составить въ королевствѣ собраніе изъ лицъ самыхъ способныхъ давать хорошіе совѣты [1]).

Знатоки подобной литературы могутъ восторгаться такимъ произведеніемъ, но къ сожалѣнію оно было послѣднимъ. Преждевременная кончина унесла автора въ могилу и лишила потомство дальнѣйшей его дѣятельности на этомъ поприщѣ. 6 іюля 1552 г. тронъ оказался опять незанятымъ.

II.

Три дня спустя послѣ смерти Эдуарда VI, въ одномъ изъ лондонскихъ предмѣстій, Сіонъ-Гаузѣ, въ древнемъ феодальномъ жилищѣ, превращенномъ новыми владѣльцами его въ убѣжище науки и семейныхъ радостей, происходила сцена, достойная описанія.

Густая чаща столѣтнихъ деревьевъ окаймляла этотъ оазисъ и недопускала до него городской шумъ.

Въ обширной комнатѣ, загромажденной картинами, гравюрами, манускриптами, научными инструментами и книгами, старикъ съ молоденькой женщиной разговаривали о предметахъ серьезныхъ и интересныхъ.

— Наконецъ-то вы возвратились, любезный докторъ,—говорила молоденькая женщина. Привязанность моя къ вамъ съ

[1]) Strypрe — Hume.

тѣхъ поръ, какъ себя помню, казалось, удвоилась отъ нетерпѣнія скорѣе видѣть васъ. Вы во мнѣ развили любовь къ наукѣ и къ умственной жизни. Благодаря васъ, я могу теперь, не обращая вниманія на законы времени и пространства, разговаривать съ философами, историками, ораторами и поэтами Греціи и Рима. Вы меня научили понимать божественный языкъ Гомера, котораго слова безсмертны, и пѣвца Энея, котораго прахъ покоится подъ вѣчными лаврами. Вамъ я обязана счастіемъ—умѣть воспринимать все прекрасное, великое, истинное и духовное. Колонна Трояна и арка Септима Севера разрушаются, тогда какъ слѣпецъ Хіосскій, Аристотель, Платонъ, Ѳукидитъ, Цицеронъ, Горацій, Луціанъ и Тацитъ будутъ жить вѣчно. Мои искреннія желанія вамъ всевозможныхъ успѣховъ провожали васъ до самой Италіи. Довольны ли вы своимъ благоговѣйнымъ путешествіемъ въ страну искусствъ, alma parens! Мы тоже скоро отправимся, не правда-ли, Гилфоръ? Произнося послѣднія слова, она обернулась къ молодому человѣку, пристально смотрѣвшему на нее и одѣтому въ щегольскій охотничій костюмъ.

— Когда нибудь мы непремѣнно поѣдемъ, безцѣнный ангелъ мой, но не знаю скоро ли мы можемъ предпринять такое длинное путешествіе, — твое здоровье требуетъ большихъ заботъ и осторожности.

Этотъ намекъ заставилъ слегка покраснѣть хорошенькую, молоденькую женщину.

— Ну, такъ на будущій годъ, правда?

— Я тебѣ это обѣщаю.

— Слышите, докторъ, я беру васъ въ свидѣтели этого обѣщанія. Мнѣ кажется, что мнѣ гораздо будетъ легче дышать въ странѣ, гдѣ вѣчная весна; какое-то тайное предчувствіе говоритъ мнѣ, что я недолго проживу подъ этимъ сѣвернымъ небомъ. Вы, вѣдь, видѣли мраморные дворцы прелестной Генуи, Кампо—Санто Пизы и всѣ величавые памятники древняго Рима. Правда ли, что опасаешься быть раздавленнымъ, смотря на наклоненную башню? Вы были въ Миланѣ, гдѣ такъ живы воспоминанія della Torre и Висконти; вы видили въ Феррарѣ *Forum Alieni* отечество Савонароллы

и Строцци, любимое мѣстопребываніе Боярдо и Аріоста; во Флоренціи *Florentia Tuscorum*, дворцы которой отражаются въ зеркальныхъ водахъ Арно, гдѣ Данте писалъ Божественную Комедію, гдѣ Палласъ Строцци отыскалъ Амагесту Птоломея, жизнеописанія Плутарха и Политику Аристотеля.

Но вдругъ эта пылкая, горячая рѣчь, вызвавшая у ея слушателей сочувственную и полную любви улыбку, прерывается сильнымъ шумомъ, дверь отворяется и личность въ придворномъ одѣяніи стремительно подходитъ къ юной ученой, еще не успѣвшей оправиться отъ восторженнаго состоянія и, сжимая ее въ своихъ объятіяхъ, восклицаетъ: «мое дитя, ты королева!»

Вѣсть эта была истиной.

III.

По какой прихоти судьбы англійская корона упала, какъ бомба, въ этотъ пыльный кабинетъ, на голову женщины, едва вышедшей изъ дѣтства?

Вотъ разгадка этого:

Герцогъ Нортумберландскій, въ одно изъ своихъ частыхъ посѣщеній Ричмонда, добился отъ Эдуарда VI полной откровенности и съумѣлъ сдѣлать, что король-ребенокъ самъ просилъ его успокоить свои тайныя опасенія. Эти опасенія терзали духъ послѣдняго отпрыска Тюдоровъ, таявшаго отъ изнурительной чахотки. Дѣла правленія, политическіе и догматическіе вопросы были пыткой этого болѣзненнаго дѣтства.

— Я очень страдаю, милордъ, сказалъ Эдуардъ, блѣднѣя, я хочу привести въ порядокъ мои дѣла и раздать нѣкоторыя награды.

— Дѣйствительно, государь, есть блестящія заслуги, которыя достойны вашихъ наградъ, какъ напр. графа Эссекса.

— Я дѣлаю его маркизомъ Нортамптонскимъ. Затѣмъ?

— Долгомъ считаю обратить ваше вниманіе на Виконта Лисля.

— Я даю ему графство Варвикъ, а Вріотелею графство Соутемптонское.

— Должность великаго адмирала вакантна.

— Она не можетъ быть лучше замѣщена, какъ лордомъ Говардомъ.

— Съ какой предупредительностію, государь, вы оцѣниваете достоинство людей! Да пошлетъ Богъ вашему величеству, продолжительное царствованіе, для славы Тюдоровъ и счастія Англіи.

— Я люблю дѣлать людей счастливыми, но, вѣдь, надо угождать и Богу. Какъ вы думаете, можно ли оставить жить Іоанну Башеръ и голландца Фовъ-Пари?

— Они очень опасные люди.

— И въ особенности скучные. Обязанность короля сдѣлалась бы нестерпимою, еслибъ необходимо было проводить жизнь въ разбирательствѣ дѣйствій подобныхъ людей. Ихъ сжечь безъ разговоровъ. Жизнь я дарую Боннеру и Гардинеру; что-же касается Геата и Дея, то я еще подожду сказать рѣшительное слово; но вы передайте Краммеру—представить мнѣ списокъ лицъ наиболѣе достойныхъ—занимать вакантныя епископскія эпархіи въ Лондонѣ, Винчестерѣ и Чичестерѣ. Перейдемъ теперь къ главному дѣлу, для котораго я васъ и приказалъ сегодня позвать; но прежде чѣмъ входить въ подробности того, что я хочу вамъ довѣрить, какъ вѣрному другу, я долженъ вамъ предложить важный вопросъ: Какъ вы думаете, имѣю ли я право назначить лицо, къ которому должна перейти послѣ меня корона Великобританіи?

— Это право вамъ было предоставлено достославной памяти отцемъ вашимъ, отвѣчалъ герцогъ съ напускной грустью и притворнымъ удивленіемъ; но удаляйте отъ себя мысли, несвойственныя вашему возрасту. Займитесь лучше необходимыми условіями для возстановленія вашего здоровья. Я приказалъ привести въ ваши конюшни пони, замѣченнаго вами въ одну изъ прогулокъ въ Твикенгемъ. Это прелестное кроткое животное; когда угодно будетъ вамъ испытать его?

— По моемъ выздоровленіи, мнѣ теперь нужны развлеченія менѣе утомительныя.

— Угодно вамъ будетъ назначить кандидатовъ на выборы въ депутаты нижнихъ палатъ? Не пожелаете ли вы, чтобы мы назначили сира Ричара Коттона въ Гемпширъ, Фитца Вильяма и сира Генри Невилля въ Беркширъ, а Генриха Бенингфильда въ Суффолькъ?

— Я совершенно полагаюсь въ этомъ на вашу свѣтлость.

— Не соблаговолите-ли распорядиться частью доходовъ Дуромской епархіи, по справедливости отнятой отъ паписта Тансталя! Какъ прикажете употребить ихъ?

— Половину этихъ доходовъ я даю вамъ.

— Я положу ихъ въ свадебную корзинку Екатерины Грей, которая черезъ два дня выйдетъ за-мужъ за лорда Герберта, старшаго сына графа Пемброка.

— Въ такомъ случаѣ возьмите другую половину доходовъ Дургама.

— Государь, глубокую свою благодарность я не могу выразить, скажу только, что домъ Нортумберландовъ никогда не забудетъ, что онъ обязанъ вамъ всѣмъ своимъ величіемъ, Томасъ Арундель, Мишель Станхопъ, Милесъ Патридже и сиръ Ральфъ Ванъ, приговоренные къ смерти, какъ соучастники Соммерсета, находятся еще въ заключеніи; какъ рѣшите вы ихъ участь?

— Пусть правосудіе идетъ обычнымъ порядкомъ. Не имѣю ли я какихъ нибудь долговъ?

— Бездѣлица, сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ вамъ обязаны. Коронные кредиторы могутъ ждать, они васъ довольно обкрадовали, не безпокойтесь объ нихъ. Всѣ ваши издержки имѣли цѣлію общественное благосостояніе, въ сущности только обратная отдача, и я всѣ силы употребляю доказать всѣмъ юристамъ, что щедростію государь расплачивается за свои долги. Это есть элементарность всего. Продолжайте же, государь, быть щедрымъ и великимъ. Государственный казначей вложилъ въ казначейство 400,000 экю, которые вамъ должна была Франція за возвращеніе Булони, и шесть тысячъ ливровъ стерлинговъ пени, къ которой былъ присужденъ лордъ Пажетъ Звѣздной палатой, не исключая еще того,

что вы должны получить отъ продажи большаго числа должностей.

— Куда же употребить всѣ эти деньги, мой добрый Нортумберландъ?

— Подумавъ основательно, мы найдемъ употребленіе.

— Найдите же.

— Мнѣ едва хватило, чѣмъ обмундировать моего сына.

— Я нахожу, что давъ ему 10,000 стерлинговъ, я поступлю только по справедливости.

— О, государь, вы дѣйствительно образецъ государей... А орденъ подвязки, отнятый у лорда Пажета?

— Я имѣлъ намѣреніе наградить имъ Гильфора Дудлея; вы меня поняли?

— Вы доводите вашу славу и благодѣянія до высшей степени.

— Во всемъ этомъ я только справедливъ. Но разъ, приведя въ извѣстность и должный порядокъ всѣ эти распоряженія, вернемся къ вопросу, предложенному мною при вашемъ приходѣ, въ немъ заключается вся главная суть. Имѣю ли я право назначить послѣ себя преемника?

— Да, государь.

— Моя верховная воля можетъ потомъ быть не уважена?

— Преданные люди позаботятся не допустить до этого.

— И такъ приступимъ къ вопросу, единственно занимающему меня,—я непремѣнно хочу рѣшить его; которая изъ моихъ сестеръ пользуется неоспоримыми правами? Начнемъ съ старшей.

— Первое супружество короля, отца вашего, какъ вамъ извѣстно было уничтожено актомъ парламента. Къ тому же принцесса Марія очень упорно держится предразсудковъ папистовъ, и если бы она царствовала, то Англія немедленно подпала бы опять подъ римское иго.

— Вы совершенно правы, Нортумберландъ. Но подобный упрекъ не можетъ быть сдѣланъ моей сестрѣ Елизаветѣ.

— Нѣтъ, безъ сомнѣнія, ея высочество принцесса Елизавета съ благоговѣніемъ исполняетъ всѣ обряды англиканской

церкви; она учена, цѣломудренна и умна.....—но она дочь несчастной королевы Анны Болейнъ.

— Я бы охотно забылъ проступки ея матери, еслибъ могъ считать ее способной поддержать торжество нашей вѣры и упрочить ее.

— Вы этого не можете, государь.

— Но вы мнѣ часто говорили, что моя власть неограничена.

— Да, но только когда она опирается на справедливость и въ особенности на уваженіе къ памяти Генриха VIII. Было бы постыдно, еслибъ тронъ достался дочери женщины, нанесшей кровное оскорбленіе королю, отцу вашему.

— А шотландская королева?

— Она была положительно исключена изъ распоряженій покойнаго короля. Религія не даетъ права престолонаслѣдія иностранкѣ. Кромѣ того, эта принцесса — католичка и сговорена съ дофиномъ Франціи. Развѣ вы пожелали бы, чтобъ Англія превратилась въ одну изъ французскихъ провинцій?

— Да кто же будетъ моимъ наслѣдникомъ?

— Я долженъ сказать, что не смотря на уваженіе къ тремъ принцессамъ, сейчасъ нами упоминаемымъ, причины, по которымъ онѣ не могутъ царствовать основательны; ничего не остается дѣлать, какъ обратиться къ потомству Генриха VII. Съ этой точки зрѣнія, права леди Іоанны Грей на престолъ— неоспоримы, она внучка герцогини Маріи Суффолькъ, вдовы короля Франціи Лудовика XII, и потомокъ по прямой линіи Генриха VII [1]). Если ваше величество соблаговолите принять во вниманіе резоны, которые я имѣлъ честь вамъ представить, то, конечно, найдете ихъ вполнѣ сообразными съ національнымъ правомъ и съ самой строгой справедливостію. Завтра я явлюсь за окончательными приказаніями вашего величества.

---

[1]) Изъ сестеръ Генриха VIII: 1) Маргарита, вышедшая замужъ за Якова IV шотландскаго, имѣла сына Якова V, женатаго на Мадленѣ французской, и потомъ на Маріи лотарингской: отъ послѣдняго брака родилась Марія Стюатръ и 2) Марія, вышедшая замужъ за Людовика XII французскаго, а по смерти его за Врандона, перваго герцога Суффолька. Отъ послѣдняго брака родилась Франциска, бывшая замужемъ за графомъ Греемъ, герцогомъ Суфолькомъ. У нихъ дѣти: Іоанна, Екатерина и Марія.

— Это слишкомъ поздно: я могу умереть нынѣшней ночью; возвратитесь чрезъ часъ.

— Ваше приказаніе будетъ исполнено, ваше величество.

Нортумберландъ, по истеченіи этого короткаго срока, возвращается въ кабинетъ короля и подаетъ ему вмѣстѣ съ перомъ грамоту, утверждающую права Іоанны Грей дочери Франциска на престолѣ Англіи. Шаги герцога разбудили страждующаго ребенка-короля; онъ съ полуоткрытыми глазами, машинально взялъ грамоту, и не имѣя силъ читать, дрожащею рукою подписалъ ее; затѣмъ уронилъ къ ногамъ перо и впалъ въ совершенное безсиліе.

Молодая женщина, разговаривавшая съ профессоромъ Оксфордскаго университета была—*леди Іоанна Грей* [1]).

Эдуардъ VI испустилъ духъ прежде, чѣмъ ожидали этого. Въ продолженіи двухъ дней герцогъ скрывалъ кончину его. Онъ съ обычной ему ловкостію употребилъ это время на распространеніе ложныхъ свѣдѣній, не переставая при этомъ подкупать совѣсть людей и застращивать тѣхъ, кто не поддавался ему. Что же касается до принцессъ Маріи и Елизаветы, то онъ поспѣшилъ ихъ вызвать въ Лондонъ съ цѣлью, которую мы сейчасъ объяснимъ.

Принцесса Марія, вслѣдствіе письма отъ брата, дѣйствительно ѣхала въ Лондонъ, и была уже въ Годдесденѣ, за нѣсколько миль отъ Лондона, когда вдругъ она увидала незнакомца, скакавшаго на бѣлой взмылившейся лошади, изнуренной отъ продолжательной и быстрой ѣзды и, упавшей, наконецъ, на колѣни. Этотъ кавалеръ былъ графъ Арундель, переодѣтый такъ искусно, что она его тогда только узнала, когда онъ обнажилъ голову, кланяясь ей.

— Что новаго въ Лондонѣ? спросила въ сильномъ волненіи принцесса, и къ чему это переодѣваніе?

— Ваше величество, смѣю просить извиненія, я въ такомъ видѣ...

---

[1]) Іоанна Грей была замужемъ за четвертымъ сыномъ герцога Нортумберландскаго Гильфоромъ Дудлеемъ. Во всей Англіи, говорятъ современные историки, не было четы прекраснѣе и невиннѣе.

— Король, стало быть, умеръ! воскликнула Марія, въ восторгѣ отъ титула величества и отъ удовлетвореннаго, наконецъ, продолжительнаго ожиданія обладать престоломъ.

— Вы изволили отгадать.

— Но, когда?

— Два дня тому назадъ.

— Какимъ же образомъ я получила отъ него два письма, гдѣ онъ меня проситъ пріѣхать къ нему; и не дальше, какъ сегодня утромъ я еще получила депешу изъ государственнаго совѣта, въ которой мнѣ предлагаютъ торопиться.

— Я пріѣхалъ сюда собственно съ цѣлію все объяснить.

— Говорите же?

— Самый отвратительный заговоръ составленъ противъ вашего величества. Ваши враги держатъ Лондонъ въ своихъ рукахъ. Они употребляютъ всѣ средства помѣшать вамъ прибыть въ Лондонъ или получать оттуда какое бы то ни было сообщеніе, съ цѣлью обезоружить, какъ вашихъ партизановъ, такъ и самихъ васъ. Если бъ не удалось мнѣ мое переодѣванье, то я не могъ бы быть здѣсь. Чтобъ имѣть возможность отвратить подобное положеніе, необходимо хорошо его знать.

— Но кто же тотъ дерзкій подданный, замыслившій такой заговоръ?

Марія Тюдоръ произнесла слово „подданный“ тономъ, обличившимъ, что она впродолженіи долгихъ лѣтъ пріучалась къ роли королевы; она, однако, могла бояться, чтобы завѣщаніе ея отца не было уничтожено, такъ какъ по законамъ Англіи корона не должна бы переходить къ незамужней женщинѣ.

— Главный двигатель этого заговора, продолжалъ лордъ Арундель, герцогъ Нортумберландскій.

— Сынъ того самаго Ардлея, такъ справедливо наказаннаго за свое лихоимство? Человѣка, надѣлавшаго такъ много уже вреда дому Тюдоровъ, и котораго мой отецъ облагодѣтельствовалъ! Я нетерпѣлива и желаю скорѣе все узнать, и могу васъ увѣрить, что преступленія получатъ должное возмездіе.

— Герцогъ, воспользовавшись слабостію короля, за нѣ-

сколько часовъ до его смерти, принудилъ его совершить актъ, по которому онъ отлучилъ васъ отъ трона и призналъ наслѣдницей его Іоанну Грей.

— Я удивляюсь дерзости этого недоноска, осмѣлившагося уничтожить волю моего отца. Всѣ распоряженія его ничтожны во первыхъ, потому что онъ былъ малолѣтній, и во вторыхъ немощный душей и тѣломъ. Чрезъ два часа я буду въ Лондонѣ, и когда мнѣ можно будетъ самой заявить свои права...

— Остерегитесь, ваше величество, продолжать свой путь.

— Почему?

— Потому что письма, полученныя вами — поддѣльныя. Нортумберландъ заставилъ ихъ написать съ цѣлію заманить васъ въ западню. Цѣлая шайка тайныхъ убійцъ, подкупленныхъ имъ, ожидаютъ васъ у Англійскаго моста, чтобы завладѣть вашей особой и отвезти въ какую нибудь отдаленную крѣпость.

— Можетъ быть и народонаселеніе Лондона участвуетъ въ посягательствѣ на мою свободу.

— Я тоже это думаю, но оно вовлечено въ заблужденіе хитрыми распоряженіями герцога Нортумберланскаго, лично нерасположеннаго къ вашему величеству.

— А палата лордовъ? А нижняя палата?

— Въ сущности онѣ ненавидятъ Нортумберланда, но онѣ его боятся. Впрочемъ, въ ихъ глазахъ право всегда на сторонѣ сильнаго.

— А если дочь и наслѣдница Тюдоровъ будетъ посреди ихъ, по вашему мнѣнію отзовутся ли онѣ на ея призывъ?

— Конечно, еслибъ вы могли вдругъ очутиться въ срединѣ парламента; но я опять буду имѣть честь доложить вашему величеству, съ прискорбнымъ убѣжденіемъ, что при настоящемъ положеніи дѣлъ и, имѣя въ виду препятствія, ожидающія васъ сегодня, вамъ лучше не приближаться къ Лондону.

— Мои предки, милордъ, не давали мнѣ примѣровъ отступать. Развѣ у меня нѣтъ цѣлой фаланги дворянъ, сердца которыхъ, равно какъ и оружіе закалены въ бояхъ, по ихъ ранамъ можно судить, во сколькихъ битвахъ они участвовали.

— Я съ этимъ совершенно согласенъ, я въ восторгѣ отъ ихъ воинственнаго духа; но смѣю спросить, сколько ихъ?

— Пятьдесятъ.

— Какъ бы ни были они храбры, что сдѣлаютъ они съ своимъ легкимъ оружіемъ, едва годнымъ для бала или турнира, противъ войска въ десять разъ многочисленнаго, и кромѣ того, обладающаго и мѣстомъ сраженія и оружіемъ. Личныя достоинства недостаточны для побѣды. Что было бы за воинское искуство, еслибъ оно ограничивалось однимъ пренебреженіемъ опасности?

— Но предупредить битву и не дать врагамъ время укрѣпиться, развѣ не можетъ быть правиломъ примѣнимымъ къ войнѣ?

— Ваши враги, къ несчастью, уже занимаютъ слишкомъ сильную позицію для того, чтобъ вы могли прямо подойти къ нимъ, не разъединяясь.

— Мнѣ покориться и бѣжать? никогда!

— Это было бы тактикой атлета, славнымъ бѣгствомъ, подобнымъ бѣгству того римлянина, который вмѣсто того, чтобы сражаться одновременно съ нѣсколькими непріятелями, нападавшими на него, побѣжалъ и, разъединивъ ихъ такимъ образомъ, поразилъ каждаго въ отдѣльности.

— Но одна минута отступленія компрометировала бы мою корону.

— А преждевременное наступательное дѣйствіе погубило бы ее. Довѣряетесь ли вы, ваше величество, моей честности?

— Да.

— Вы не сомнѣваетесь ни въ одномъ изъ моихъ дѣйствій?

— Вы знаете.

— Вы не подозрѣваете меня въ трусости?

— Я васъ слишкомъ хорошо знаю, чтобъ сдѣлать вамъ подобное оскорбленіе; кромѣ того я считаю васъ за искренняго человѣка; но желаніе оградить меня отъ опасности дѣлаетъ васъ слишкомъ осторожнымъ.

— Я готовъ скорѣе сейчасъ умереть, чѣмъ дать совѣтъ, вредный для чести и интересовъ вашего величества.

— Предположимъ, что я согласилась бы съ вашимъ мнѣніемъ, что въ такомъ случаѣ я должна дѣлать?

— Самый серьезный вопросъ настоящаго положенія—это необходимость избѣгнуть западни, подставленной вашими врагами. Вы находитесь въ обстоятельствахъ—гдѣ одинъ только голосъ разума долженъ вами руководить. Да внушитъ Господь вашему великому сердцу быть сдержаннымъ!

— Изложите мнѣ вашъ планъ.

— Еслибъ ваше величество удостоили послушаться меня, я бы посовѣтывалъ вамъ удалиться, сначала въ Кенингсгаль въ Норфольксширѣ, а затѣмъ въ Фремлингталь въ Суффолькѣ, гдѣ подъ вашимъ знаменемъ немедленно соберутся графы Батъ и Суссексы, сиръ Вильямъ Друзъ, сиръ Генрихъ Бенингсфельдъ, сиръ Генрихъ Сеймуръ и толпа другихъ дворянъ съ ихъ многочисленными вассалами.

— Мнѣ кажется необходимымъ составить постановленіе о моей верховной власти. Чтобъ утвердить за собой права царствовать, я хочу отсюда же написать совѣту, что смерть Эдуарда VI мнѣ извѣстна и, что я дарую свое королевское прощеніе за всѣ прошлыя вины. Я готова оказать милость тѣмъ, кто не замедлитъ признать мою власть, но упорные мятежники будутъ наказаны съ крайнею строгостію. Вы приложите на всѣхъ депешахъ мою печать, на ней вырѣзаны двѣ розы съ моимъ именемъ: Maria Regina.

— Повѣрьте мнѣ, что вамъ ни къ чему не слѣдуетъ приступать прежде вашего прибытія въ Фремлингамъ. Тамъ ваше стратегическое положеніе будетъ превосходно, потому что черезъ портъ Ярмутъ вы можете получать подкрѣпленія отъ императора, если это будетъ нужно и вы обратитесь къ нему. Если сверхъ всякаго ожиданія встрѣтилась бы неудача, чего въ войнѣ всегда можно ожидать, вы всегда легко можете переправиться на другую сторону материка, и тамъ вскорѣ найти возможность возвратить выгоду своего положенія. Есть еще другіе мотивы выбрать этотъ пунктъ. Я имѣю поводы думать, что сиръ Эдуардъ Гастингсъ, братъ графа Гунтингдона, присоединитъ къ вамъ войска, собранныя имъ для Іоанны Грей.

— Почему вы имѣете эту надежду?

— Онъ мнѣ это обѣщалъ. Что же касается до командира флота, крейсирующаго у береговъ Суффолька, то я на него также надѣюсь.

— Но какъ вы узнали всѣ эти подробности?

— Войдя самъ въ заговоръ. Это старое и всегда вѣрное средство.

Принцесса должна была сдаться на эти доводы, изложенные ей съ ясностію и воодушевленіемъ, и полная бѣшенства начала свое отступленіе, тогда какъ графъ пустился въ обратный путь въ Лондонъ слѣдить тамъ за ходомъ событій. Нѣсколько минутъ послѣ этого разговора, одинъ изъ слугъ ускользнулъ изъ виду подъ предлогомъ—напоить у сосѣдняго ручья свою лошать, поскакалъ ни кѣмъ не замѣченный по ямистой дорогѣ, предупредить заговорщиковъ о происшедшемъ въ Годесденѣ.—Это былъ шпіонъ.

Продолжать хитрить было невозможно; Нортумберландъ въ одно и тоже время обнародовалъ смерть короля и актъ, по которому послѣдній назначалъ своею преемницею внучку Генриха VII. Затѣмъ онъ отправился въ Сіонъ—Гаузъ къ своей невѣсткѣ, въ сопровожденіи графа Пемброкъ, сира Гатесъ, сира Томаса Пальмера, и всѣхъ сколько нибудь значительныхъ лицъ, поѣхавшихъ за нимъ. Онъ нашелъ ее очень смущенною поздравленіями, расточаемыми передъ нею отцомъ и мужемъ, сдѣлалъ торжественно перечень ея правъ на престолъ и провозгласилъ ее королевой.

Іоанна часто слыхала о проэктахъ, касающихся лично ея, но однако далеко не о всѣхъ; многое скрывали, не изъ опасенія ея нескромности, или изъ недовѣрія къ ея юности; нѣтъ, удивительнѣе всего было то, что боялись возраженій съ ея стороны, зная преждевременное развитіе ея ума. Разговоръ ея, переданный нами вначалѣ, могъ бы показаться неправдоподобнымъ, если бъ всѣ историки не утверждали согласно о превосходности ея знанія греческаго и латинскаго языковъ, и еслибъ наставникъ принцессы Елизаветы, Рожеръ Асгамъ, посѣтившій ее, не засвидѣтельствовалъ, что нашелъ ее за чтеніемъ діалоговъ Платона.

Вотъ нѣсколько максимъ, вышедшихъ изъ подъ пера ея: „Удаляясь отъ зла, приближаешься къ Богу.—Еслибъ Создатель неба и земли не открылся бы намъ чрезъ Священное Писаніе, я твердо увѣрена, что я сама бы нашла его. Одного небосклона достаточно для убѣжденія въ существованіи Высшаго существа. Отъ звѣздъ до вѣчнаго Бога—одинъ взмахъ крыла".

Къ стыду стольких лицъ, посѣдѣвшихъ въ занятіяхъ государственными дѣлами и зловредныхъ совѣтахъ, эта дѣтская головка обладала болѣе зрѣлымъ разсудкомъ, чѣмъ они.

Іоанна была выше обоянія власти. Она отвѣчала искреннимъ отказомъ; въ наружности и словахъ ея не было ни малѣйшаго признака, напоминавшаго лицемѣріе Цезаря, съ улыбкой отказывавшагося отъ короны, предложенной ему салдатами въ циркѣ. Она формулировала этотъ отказъ въ самыхъ благородныхъ выраженіяхъ, съ здравымъ пониманіемъ людей и вещей; она ссылалась на права двухъ дочерей Генриха VIII, на борьбу, которую вызвало бы ея согласіе принять корону, на свою неопытность, на свои вкусы, молодость, на боязнь прогнѣвить Бога, взявши на себя непосильное бремя. Она произносила своими розовыми губками слова, выражавшія стоическую твердость. Ея серебристый голосъ внушалъ сдержанность и разсудительность людямъ, безумно стремившимся къ предпріятію,—гдѣ всѣ они должны были лишиться состоянія, а многіе изъ нихъ и головы.

Но Нортумберландъ и его сообщники слишкомъ далеко зашли, чтобъ отступать и потому съ отчаянной энергіей рѣшились на послѣднее усиліе. Ихъ жертва (нельзя назвать ее иначе) была увезена почти насильно въ башню, согласно будто бы обычаю, принятому наканунѣ восшествія на престолъ; она была встрѣчена оваціями, подготовленными партіей Нортумберланда и затѣмъ заперта съ своими министрами. И такъ ея царствованіе началось заключеніемъ, гдѣ ему предстояло и кончиться.

Гильфоръ, оставшись наединѣ съ женой, сказалъ ей: «моя прекрасная Іоанна, какъ королевская мантія пойдетъ тебѣ»!

Несчастному молодому человѣку пришлось раздѣлить бремя этой мантіи.

Королева Іоанна Грей вошла на престолъ 11 Іюля.

И такъ въ Англіи очутилось двѣ королевы. Общественное мнѣніе отдалось разсмотрѣнію ихъ правъ. Одна была скиталицей и почти изгнанницей, другая провозглашена королевой, но въ сущности была плѣнницей. Которой изъ нихъ право законно? Вопросъ объ этомъ былъ очень затемненъ, потому что обѣ онѣ могли ссылаться на свои королевскія права и обращаться къ законамъ. Это было одно изъ исключительныхъ положеній, встрѣчаемыхъ въ жизни народовъ, гдѣ право зависитъ отъ успѣха; и когда допускается, слѣдуя принципу фаталистовъ, покориться передъ событіями.—Принцесса Марія ожидала успѣха отъ перевѣса правъ.

Нортумберландъ обладалъ только отвагой и ловкостью, но не имѣлъ необходимой энергіи довести до конца такое трудное предпріятіе. Опасались его вліянія на невѣстку, его дерзости, деспотическаго духа, и кромѣ того ему недостовало главнаго условія дѣйствовать на мысли—популярности.

Впродолженіи трехъ дней, наружная покорность его ослѣпила и онъ принималъ общее молчаливое недоумѣніе за полное согласіе. Удаленіе дочери Екатерины Арагонской и затруднительность сообщенія мѣшали полученію достовѣрныхъ извѣстій. Враги принцессы Маріи искуссно умѣли ее обставить тайными и враждебными происками, такъ что достигли было того, что стали считать ее безсильной; даже пронесся слухъ, будто испугавшись первой неудачи, она переправилась водой въ Испанію или Фландрію.

Но на четвертый день узнали о возстаніи нѣсколькихъ графствъ въ пользу Маріи Тюдоръ, о заявленіяхъ покорности со всѣхъ сторонъ и о соединеніи дворянства съ народомъ подъ ея знамена. Войска, посланныя противъ нея, предла-

гаютъ ей свое содѣйствіе, и наконецъ флотъ принялъ тоже ея сторону. Обѣ палаты получили приказаніе признать ея власть и кромѣ того было объявлено, что она направляется къ Лондону съ силами значительными и достаточными для уничтоженія противодѣйствія.

Правительство Іоанны, или скорѣе герцога, при самомъ начала встрѣтило уже зарождающіяся несогласія, безсиліе, враждебность, принимающія все болѣе и болѣе угрожающій характеръ. Ежеминутно извѣщали о переметничествѣ. Опасность положенія сдѣлали и принцессу Елизавету великодушной: она во главѣ тысячи кавалеровъ ни кѣмъ не останавливаемая близь самаго Лондона пришла на помощь къ сестрѣ (преданность ея получила впослѣдствіи плохое вознагражденіе). Шумная толпа окружила Нортумберланда, осаждала тысячью противоположныхъ мнѣній; онъ теряетъ совсѣмъ разсудокъ и становится одинаково неспособенъ къ благоразумію и дерзости. Нѣкоторые изъ вѣрныхъ лицъ уговариваютъ его къ рѣшительнымъ мѣрамъ, доказывая, что нѣтъ середины между успѣхомъ и безчестіемъ.

Напротивъ, тѣ, которые успѣли уже войти въ сношенія съ другой стороной, отличались хвастовствомъ и предлагали совѣты самые неудобоисполнимые. Необузданная толпа походила на фигурантовъ, модулирующихъ на всѣ тоны военную пѣснь, положа руку на рукоятку безвредной шпаги. Въ моментъ же, когда бы нужны были плечи, способныя взять на себя броню Роланда, нашелся только Родомондъ, съ самохвальствомъ вызывающій гиганта на поединокъ, а между тѣмъ въ битвѣ, падая въ обморокъ при одномъ видѣ копья.

Въ столицѣ королевства царствуетъ общая тревога и недоумѣніе. Каждый съ радостью сообщаетъ всѣ слухи и боится дурныхъ случайностей, высказываясь за ту, или другую сторону. Принцесса Марія радовалась, что послѣдовала совѣтамъ лорда Арунделя. Графства Суффолькъ и Норфолькъ объявили себя за нее съ перваго момента, равно какъ и сэръ Эдуардъ Гастингсъ и командиръ флота: этотъ первый успѣхъ

помогъ ей найти государственныхъ секретарей—передавать ея приказанія, офицеровъ—вводитъ дисциплину въ ея войска и куртизановъ—составить ея дворъ. Серебро и золото прибывало въ ея сундуки черезъ налоги, собранные ея именемъ. Небольшое число священниковъ ея свиты, которые скрывали свою папистскую нетерпимость къ реформатской религіи личиной смиренія, вполнѣ успокоило тѣхъ, кто страшился, чтобъ отъ этой нетерпимости не произошло переворотовъ въ законахъ страны и насилій въ душевныхъ убѣжденіяхъ.

Въ тайныхъ собраніяхъ послѣднихъ бойцевъ королевы Іоанны, рѣшили послать войско, подъ командою Суффолька, противъ принцессы Маріи.

Тогда окружаютъ бѣдную, маленькую королеву Іоанну, запугиваютъ ее опасностями, угрожающими въ походѣ ея отцу, наконецъ, доводятъ ее до того, что несчастное дитя въ страшныхъ опасеніяхъ за отца, пролепетала противорѣчищія приказанія, окончательно деморализовавшія остальныхъ ея приверженцевъ. Въ то же время, желавшіе избавиться отъ Нортумберланда для собственной своей безопасности, безъ всякаго труда увѣрили его, что онъ одинъ можетъ побѣдить и добились того, что выпроводили герцога изъ Лондона съ войскомъ на каждомъ шагу уменьшавшимся и вскорѣ совсѣмъ его покинувшимъ.

Партизаны дочери Генриха VIII, узнавши объ удаленіи главы заговора, собрались вмѣстѣ, и движеніе, немедленно, сдѣлалось общимъ; меры и альдермены изъ первыхъ присоединились къ нему. Іоанна напрасно искала совѣтниковъ и защиты. Увидѣвъ, что впродолженіи десяти дней ея грустныя предчувствія такъ пунктуально осуществляются, она отказывается отъ престола и возвращается въ Сіонъ-Гаузъ, пока Марія Тюдоръ ѣхала въ Витъ-Галль.

Королева прежде всего приказала заключить въ тюрьму Нортумберланда, Суффолька, Іоанну Грей, Гильфора и тѣхъ, кого успѣли схватить. Ихъ всѣхъ предали уголовному суду.

Герцога Нортумберландскаго заперли въ башню, куда онъ вошелъ воротами Измѣнниковъ и былъ свидѣтелемъ нака-

нунѣ своей смерти зрѣлища, еще болѣе увеличившаго горечь его послѣднихъ минутъ. Новая королева войдя съ великолѣпнымъ кортежемъ черезъ Рѣшетку Львовъ, остановилась на большомъ дворѣ и приказала поочередно привести себѣ плѣнниковъ, чтобы самой судить ихъ, не давши никому предварительно понять, будетъ ли ея царская магистратура выраженіемъ милости или крайней строгости.

Первый явился герцогъ Норфолькъ партіи католической, жертва послѣднихъ капризовъ Генриха VIII и настойчивой жестокости Эдуарда VI. Старый аристократъ, не имѣя времени отдать себѣ отчета въ томъ, на что онъ могъ надѣяться и чего бояться послѣ такого продолжительнаго заключенія, спустился медленнымъ и важнымъ шагомъ съ лѣстницы Бѣлой Башни, съ полнымъ достоинствомъ преклонилъ колѣно, не въ позѣ просителя, но, какъ бы согласно съ придворнымъ этикетомъ, и молча, ожидалъ.

— Ваше мѣсто, милордъ-герцогъ, съ любезностію сказала королева, не у нашихъ ногъ, но подлѣ насъ. Я протягиваю руку помочь вамъ встать. Ваши должности и ваши имѣнія отдаются вамъ назадъ; ваша помощь нужна мнѣ, побѣдить ересь и возстановить религію нашихъ отцевъ. Забудьте ваше несчастіе. Вы будьте воспреемникомъ лорда Куртенея, которому я даю титулъ графа Давонширскаго и желаю женить на дѣвушкѣ высокаго положенія, какъ подобаетъ потомку императоровъ Константинополя.

Возстановленіе не менѣе блестящее ожидало епископовъ Гардинера, Тонсталя и Боннера, которымъ были возвращены епископальныя каѳедры. Кельи, гдѣ томились эти усердные католики, были немедленно заняты Гольгатомъ, архіепископомъ Іорка, Кавердалемъ, епископомъ Эксетерскимъ и Ридлеемъ, Лондонскимъ епископомъ.

Королева Марія Тюдоръ, въ своихъ дѣйствіяхъ, выказывала свою особенную оригинальность: не забудемъ упомянуть, что прежде чѣмъ оставить башню, она удостоила предупредить Нортумберланда, что ему дарована отсрочка на двадцать четыре часа, и что часть, полученная имъ отъ остатковъ епи-

скопскаго имущества въ Дургамѣ, была возвращена прежнему епископу, вновь введенному на прежнюю должность.

Куртизаны, немного позабывши латынь въ предшествующее царствованіе, принялись опять за изученіе этого языка, чтобы по крайней мѣрѣ дѣлать видъ, что понимають римское богослуженіе, опять введенное въ вновь освященныхъ католическихъ церквахъ, вмѣсто славословій и молитвъ на простонародномъ языкѣ англиканскаго вѣроисповѣданія.

Библіографическій указатель.

Историческіе и критическіе опыты Николая Барсова, экстраорд. профессора С.-П.-Б. Духовной Академіи. (532 страницы), 3 р., съ пересылкой 3 р. 25 к. *).

Содержаніе опытовъ уважаемаго профессора составляютъ статьи *историческія*: о Өеофанѣ Прокоповичѣ, А. П. Волынскомъ, Арсеньѣ Маціевичѣ, о русскихъ проповѣдникахъ XVIII столѣтія; проекты церковныхъ реформъ и улучшенія быта духовенства въ царствованіе Екатерины II, о мистицизмѣ въ Россіи въ началѣ XIX ст. составл. по неизданнымъ доселѣ матеріаламъ; статьи *критическія*: новый методъ въ Богословіи—синтезъ богословскаго ученія Хомякова; Бѣлинскій, какъ религіозный мыслитель; преосв. Іоаннъ Смоленскій, какъ проповѣдникъ; современные проповѣдники—публицисты; типы духовенства въ нашей беллетристикѣ и пр., статьи *полемическія*: пять статей по поводу обозрѣній „Вѣстника Европы"—о вѣротерпимости въ Россіи и русскомъ клерикализмѣ, о возможности возникновенія въ Россіи церковно-политическаго вопроса, о славянофильствѣ и проч. и статьи педагогическія о преподаваніи словесности и русскаго языка, о книгѣ для народа, о народныхъ школахъ и пр.

Изъ выписаннаго содержанія трудовъ г. Ник. Барсова видно

*) Продается у автора, (Спб., по Знаменск. ул., д. 39, кв. 9) и у извѣстныхъ книгопродавцевъ (преимущественно Мамонтова, въ Спб. и Москвѣ).

уже разнообразіе и серьезность вопросовъ, разсмотрѣнныхъ даровитымъ ученымъ. Спѣша извѣщеніемъ о выходѣ въ свѣтъ „*историческихъ и критическихъ опытовъ*“, мы оставляемъ поговорить о нихъ подробнѣе до будущаго времени—тѣмъ болѣе, что многія изъ изслѣдованій составлены по неизданнымъ матеріаламъ и, слѣдовательно, требуютъ тщательнаго соображенія съ матеріалами, имѣющимися въ печати.

Въ Сентябрьской книжкѣ „Русской Старины“ помѣщено окончаніе занимательной и многосодержательной статьи г. *Пташицкаго* „І. Лелевель, какъ критикъ „Исторіи Государства Россійскаго“ соч. Карамзина“. Въ достоинствѣ и занимательности эта вторая половина статьи не уступаетъ первой. Таже мѣткая обрисовка характера Булгарина, являющаяся въ его собственныхъ письмахъ; тотъ же оригинальный Лелевелевскій юморъ, ярко высказывающійся, въ свою очередь, въ письмахъ самаго Лелевеля. Булгаринъ въ хвостовствѣ и чванствѣ превзошелъ здѣсь самаго себя. Но всего замѣчательнѣе то, что Булгаринъ, переводя на русскій языкъ критику Лелевеля, передавалъ ее слишкомъ свободно и безцеремонно,—что явствуетъ изъ сравненія польскаго текста критики съ Булгаринскимъ переводомъ. Видно это вольное обращеніе Булгаринскаго пера съ текстомъ Лелевеля дошло наконецъ до геркулесовскихъ столбовъ, потому что переводъ критики, наконецъ, взялъ на себя Сеньковскій. Послѣдній, въ своемъ письмѣ къ Лелевелю, отъ 3 марта 1826 года, говоритъ: „Рецензію Карамзина я самъ теперь перевожу на русскій языкъ; ты долженъ извинить, что такъ опоздали. Этому ни я, ни издатель не виноваты, а *обстоятельства*. Гречъ опасно заболѣлъ, и Булгаринъ остался самъ писателемъ, издателемъ и корректоромъ въ трехъ журналахъ, и ни какимъ образомъ не могъ заняться твоими статьями.“ Но переводъ критики Лелевеля, послѣ ноябрьской книжки (1824 г.) „Сѣвернаго Архива“ уже болѣе не появлялся въ свѣтъ. Тогда же, совершенно внезапно и неожиданно прекратилась и переписка по этому предмету между Лелевелемъ, Булгаринымъ и Сеньковскимъ. Г. Пташицкій замѣчаетъ, что письма Лелевеля отъ 8 іюля 1824 г. и Булгарина отъ 15 іюня того же года — послѣднія,

если только не затеряны послѣдующія. За тѣмъ, съ 1824 г. 14 августа начинается уже новый періодъ въ жизни Лелевеля. Въ это время, вслѣдствіе всѣмъ извѣстныхъ репрессивныхъ мѣръ, нѣсколько профессоровъ должны были оставить виленскій университетъ, въ числѣ оставившихъ профессуру въ Вильнѣ былъ и Лелевель, удалившійся въ Варшаву. Здѣсь начинаются мытарства съ варшавской цензурой, страшно придиравшейся къ Лелевелю при изданіи имъ нѣкоторыхъ своихъ сочиненій. Лелевель состоялъ членомъ „Варшавскаго Общества любителей наукъ.“ Въ это же общество, въ качествѣ члена-корреспондента, очевидно вслѣдствіе просьбы и назойливости во имя „землячества“ принятъ былъ и Булгаринъ, пославшій обществу свое сочиненіе (какое же?—Г. Пташицкій не разъяснилъ, можетъ быть за недостаткомъ данныхъ); рецензентомъ присланнаго сочиненія Булгарина былъ назначенъ Лука Голембёвскій, извѣстный изслѣдователь древняго польскаго быта. Это происходило въ 1829 г., а въ слѣдующемъ 1830 г. Булгаринъ прислалъ Лелевелю, въ видѣ благодарности, свое новое произведеніе романъ „Дмитрій Самозванецъ“ — этотъ образецъ благонамѣренныхъ „полицейскихъ“ романовъ, на равнѣ съ знаменитымъ „Иваномъ Выжигинымъ“, достойнымъ кисти самаго строгаго и благонамѣреннаго „квартальнаго надзирателя“. Въ своемъ отвѣтномъ письмѣ Булгарину, благодаря за подарокъ, Лелевель весьма мило и ѣдко замѣтилъ: *за чѣмъ ты, сударь мой, сдѣлалъ „Дмитрія“ такимъ мощенникомъ*? (łotr).

И здѣсь мы не можемъ не выразить сожалѣнія по поводу недостаточности данныхъ о томъ, какое заключеніе вывела польская интеллигенція (въ лицѣ Лелевеля и его кружка) о нашемъ русскомъ романописаніи 20-хъ годовъ. Этотъ предметъ настолько интересенъ, что можетъ послужить предметомъ особой обстоятельной статьи. Романъ Булгарина „Дмитрій Самозванецъ“ еще и теперь не сданъ въ архивы, а находится во всѣхъ нашихъ библіотекахъ и, можетъ быть, читается. Это 4 хъ томное произведеніе съ гравюрами лубочнаго достоинства, напоминающими гравюры „Англійскаго Милорда Георга“. Характерно то, что въ предисловіи къ ро-

ману Булгаринъ безцеремонно величаетъ себя „художникомъ“ и заявляетъ о высоко-моральной тенденціи своего романа. Надо сказать еще и то, что въ 20-хъ годахъ въ нашей исторической литературѣ уже не было простодушной вѣры, что самозванецъ былъ „Гришка Отрепьевъ“, а несомнѣнно подставная личность, служившая орудіемъ въ рукахъ другихъ и успѣвшая приковать къ себѣ вниманіе драматизмомъ своей судьбы. Шиллеръ избралъ русскаго самозванца въ герои своей трагедіи, и „Дмитрій“ Шиллера дѣйствительно величественъ, какъ герой. Тенденціей нашего Булгарина не было, конечно, изображеніе мошенника—мошенникъ (łotr) вышелъ самъ собою. Особенность эта весьма характеристична для „Булгаринскаго“ времени нашей литературы, когда она еще не была согрѣта и проникнута общечеловѣческими идеями, а пробавлялась сплетнями и подъяческимъ кляузничествомъ. Въ письмѣ Лелевеля къ Булгарину, несмотря на простодушный тонъ, заключается тонкій намекъ на это горькое для тогдашнихъ нашихъ литературныхъ дѣятелей обстоятельство. Повторяемъ: эта этическая сторона развитія нашей литературы такъ интересна, что стоитъ особаго серьезнаго изслѣдованія.

Съ 1830 года для Лелевеля начинается періодъ безпокойной жизни (ибо революціонное движеніе 1831 г., какъ извѣстно, увлекло его) скитальчества, страданій, нищеты. Въ это время со сцены исчезаютъ его друзья—земляки. Булгаринъ, Сеньковскій и друг. замолкли, какъ будто сквозь землю провалились. Портретъ Лелевеля въ послѣдній періодъ его жизни, когда знаменитый старецъ печально доживалъ свои дни въ бѣдной Брюссельской хижинѣ, нарисованъ г. Пташицкимъ прекрасно.

Помѣщенныя въ IX книжкѣ „Русской старины“ „Похожденія казака Ивана Мигрина, черноморскаго казака 1770—1850 гг.“ отличаются простодушіемъ, искренностью и правдивостью разсказа о Екатерининскомъ времени съ его наивнымъ суевѣріемъ и предразсудками. Укажемъ здѣсь весьма характеристичные для того времени курьезы. Состоявшій при государынѣ протопопъ Самборскій, при священнической расѣ, брилъ

бороду и усы. Это оттого,—объясняетъ авторъ—что когда почтенный протопопъ состоялъ при нашемъ посольствѣ въ Вѣнѣ и носилъ бороду, то каждый разъ, при появленіи его на улицѣ, мальчишки *бѣгали „за нимъ толпами, какъ за чудомъ"*. Когда протопопъ Самборскій посѣщалъ богатыхъ купцовъ-раскольниковъ, то они упрекали его, что неурожаи случаются въ Россіи въ наказаніе за то, что попы „начали брить бороды". На это почтенный протопопъ находчиво отвѣчалъ, что у его отца, тоже попа, борода была до пояса, однако и при этомъ *неурожаи были еще сильнѣе"* (!!) Еще нѣсколько курьезовъ. Авторъ сознается, что онъ пользовался такимъ неограниченнымъ довѣріемъ своего непосредственнаго начальника, атамана Чепиги, что, по безграмотству его, подписывалъ, его именемъ, всѣ бумаги—и это было *не тайно*, а *всѣмъ извѣстно*. Этотъ же почтенный атаманъ, ходатайствуя о награжденіи чинами нѣсколькихъ черноморскихъ офицеровъ, велѣлъ помѣстить въ число назначаемыхъ къ *производству въ офицеры* своего повара и конюха (!!) На продовольствіе казачьихъ войскъ нужно было получить съ казны деньги; для этой цѣли былъ отправленъ въ Варшаву казачій офицеръ съ требованіемъ; но надъ нимъ въ коммисіи только посмѣялись, какъ надъ чудакомъ, и онъ возвратился *ни съ чѣмъ* (!!) Тотъ же результатъ имѣла миссія и другаго офицера, хотя тотъ былъ и гораздо расторопнѣе. Наконецъ, эта миссія была возложена на самаго автора-разскащика, Мигрина. Онъ приструнилъ коммиссію, постращалъ Суворовымъ—и дѣло пошло на ладъ. Но зато далъ солидную взятку чиновникамъ коммиссіи, да и въ свой карманъ заложилъ малую толику, а денегъ для казачьихъ полковъ все-таки осталось много—80,000 рублей,—сумма, которую, простодушно сознается авторъ,—не надѣялись получить казачьи полки. Далѣе, авторъ съ тѣмъ же простодушіемъ и чистосердечіемъ сознается, что былъ виновникомъ безчеловѣчнаго истязанія одной женщины, казачьей вдовы, за развратное поведеніе. Истязаніе состояло въ томъ, что казачку *распяли на крестъ*, *обрѣзали до пояса платье* и *выгнали съ безчестьемъ изъ города* (Екатеринодара).

Словомъ: и курьёзовъ, и страшныхъ, потрясающихъ вещей,

совершавшихся съ наивною веселостью и добродушіемъ, „развлеченія ради“, не оберешься въ это доброе, старое (хотя не особенно далекое отъ насъ) время „Очакова и покоренья Крыма“. Надо въ заключеніе прибавить, что похожденія казака Митрина отличаются такою прелестью безыскуственнаго простодушнаго изложенія, что ихъ нужно считать образцовыми и документальными. Ни въ преувеличеніи, ни въ хвастовствѣ нельзя ни на волосъ заподозрить автора; онъ даже чрезвычайно скроменъ; и чистосердечное сознаніе имъ своихъ слабостей и слабостей своего времени дѣйствуетъ на читателя чрезвычайно освѣжающимъ образомъ. Можно быть простодушнымъ Несторомъ и въ наше время, и желательно, чтобы именно въ такихъ запискахъ сохранялись для насъ преданія минувшихъ дней...

Въ той же книжкѣ „Русской Старины“ помѣщено продолженіе записокъ Ив. Степановича Жиркевича (1789—1843 г.). Время еще болѣе близкое отъ насъ—но какъ многое представляется при этомъ мрачнымъ и безотраднымъ!... Къ числу очерченныхъ въ этой части эпизодовъ „Записокъ Жиркевича“ особенно поучителенъ эпизодъ баснословно быстраго обогащенія извѣстнаго туза русской промышленности, г. Бенардаки. Затѣмъ—безчеловѣчное обращеніе прежнихъ промышленниковъ-судохозяевъ до того возмутительно, что ему не хочется вѣрить... Отворачиваешься съ ужасомъ и омерзеніемъ отъ подобныхъ явленій...

Очеркъ дѣятельности нашего знаменитаго художника Ив. Константиновича Айвазовскаго представляетъ интересъ и въ томъ отношеніи, что рисуетъ въ вѣрномъ свѣтѣ наше русское патронатство относительно художниковъ; но еще болѣе этотъ очеркъ важенъ по тщательности изображенія характера г. Айвазовскаго, этого художника съ головы до ногъ во всѣхъ деталяхъ его жизни.

Затѣмъ и всѣ второстепенныя мелкія замѣтки IX книжки „Русской Старины“ представляютъ, какъ и всегда, много интереса.

Первою статьею IX книжки журнала „Древняя и новая Россія“ стоитъ окончаніе очерка профессора Аристова „*Не-*

вольное и неохотное постриженіе въ монашество у нашихъ предковъ до начала XVII столѣтія". Объ общемъ содержаніи статьи г. Аристова и ея характерѣ мы уже знаемъ по началу его статьи. Не смотря на несомнѣнный интересъ множества приводимыхъ почтеннымъ профессоромъ фактовъ, намъ въ первой половинѣ его статьи представлялась и представляется нѣсколько излишнею масса цитатъ и свидѣтельствъ для объясненія явленій, которыя сами собою понятны въ первобытномъ простодушномъ, грубомъ, соціальномъ бытѣ, каковымъ представляется бытъ нашихъ предковъ, не только до XVII, но даже и до XVIII столѣтія. Постриженіе въ монахи, какъ насиліе, эксплоатированіе монашествомъ для своекорыстныхъ цѣлей—это только одна изъ многочисленныхъ сторонъ общей картины, одинъ изъ массы элементовъ, образующихъ цѣлое. Но г. Аристовъ неожиданно и, конечно, къ большому выигрышу своей статьи, продолжилъ свой очеркъ постриженія въ монашество далеко за XVII вѣкъ, даже до настоящаго времени. Само собою разумѣется, что съ Петра Великаго наше русское монашество и постриженіе въ монашество имѣютъ свой особый колоритъ, не имѣющій ничего общаго съ колоритомъ этого явленія въ Древней Руси до XVIII в. т. е. до Петра Великаго. Авторъ справедливо замѣчаетъ, что при Петрѣ Великомъ была сознана *безполезность монастырей*, и монахи начали трактоваться какъ *тунеядцы* и имущества ихъ стали называться *тунегиблемыми*, что самъ царь проектировалъ указъ, поддержанный *монахомъ* Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, о *ненужности монашества*... Да, Ѳеофанъ Прокоповичъ, не смотря на то, что былъ самъ монахъ, былъ, по выраженію одной англійской хроники объ одномъ изъ предковъ Оливера Кромвеля, Malleus monachorum (молотъ для монаховъ). Но почему? Авторъ намъ нисколько не рѣшаетъ этого вопроса; тогда какъ если не рѣшить, то хотя нѣсколько освѣтить и разъяснить его можетъ аналогія разсматриваемаго явленія съ другими однородными явленіями въ Европѣ. Во всѣ времена сильныхъ ломокъ и преобразованій обыкновенно жестоко и сурово преслѣдуются элементы, считающіеся непроизводительными и даже вредными для государственнаго и

общественнаго прогресса. Такъ было въ Англіи въ эпоху Кромвеля. Даже предки Кромвеля питали въ глубинѣ души идею истребленія монаховъ, какъ класса крайне непроизводительнаго и вреднаго; отъ того-то одинъ изъ предковъ Кромвеля и назывался „Malleus monachorum“. Но отъ этого монашество и вообще вліяніе духовенства въ Англіи нисколько не пострадало; напротивъ, усилилось съ паденіемъ протектората Кромвеля и реставраціей Стюартовъ. Какъ ни различны репрессаліи монаховъ при Петрѣ сравнительно съ подобными же репрессаліями въ Англіи въ эпоху Кромвеля (различны, конечно, по формѣ)—но по существу они сходны. Гоненіе и притѣсненіе монаховъ при Петрѣ не подавило самаго учрежденія, а только очистило его отъ негодныхъ элементовъ и отъ невѣждъ и бѣглецовъ, имѣло послѣдствіемъ поступленіе у насъ въ монашество усиленнаго контингента ученыхъ и образованныхъ, хотя бы и влекомыхъ честолюбіемъ. Петръ Великій сослужилъ эту службу монашеству совершенно невольно, такъ какъ онъ смотрѣлъ на монашество только какъ на одно изъ средствъ *для чисто-государственныхъ цѣлей*. И это послѣднее прекрасно доказано у почтеннаго автора множествомъ цитатъ и выдержекъ изъ „Духовнаго Регламента“ и весьма умѣстнымъ приведеніемъ фактовъ карательнаго и насильственнаго постриженія Петромъ въ монахини даже членовъ своего семейства. Да, Петръ смотрѣлъ на монастыри, какъ на исправительныя тюрьмы и богадѣльни, долженствующія служить не духовно-нравственнымъ, а государственно-полицейско-административнымъ цѣлямъ. Эту же идею, искренно или нѣтъ, раздѣлялъ и *монахъ* Ѳеофанъ Прокоповичъ. Не смотря на носимый имъ клобукъ, онъ, въ качествѣ пособника Петра, явился такимъ же Malleus monachorum, какъ и одинъ изъ предковъ Кромвеля въ Англіи. Характеристика дальнѣйшихъ явленій въ монашествѣ, сдѣланная и коротко и полно г. Аристовымъ,—понятна для каждаго читателя. Но вотъ что мало понятно: какой это самостоятельный аскетическій идеалъ живетъ въ нашемъ народѣ и почему его нужно противопоставлять или ставить совершенно независимо отъ подобнаго же идеала высшаго духовенства? Сытый монахъ, въ 8 или

12-ть пудовъ вѣсомъ, конечно, уже слишкомъ лицемѣритъ, когда говоритъ, что онъ не удалился отъ идеала Саввы Освященнаго или Антонія Великаго—и кто жъ ему въ этомъ повѣритъ? Нѣтъ, намъ кажется, что идеалъ-то аскетизма одинъ и въ народѣ, и въ духовенствѣ; только народъ-то смотритъ на этотъ идеалъ прямо и открыто безъ всякихъ фальшивящихъ очковъ и стеколъ, а другая сторона, побѣжденная требованіями „грѣшной плоти", совсѣмъ иначе.

Изъ статей IX книжки „Древн. и Новой Россіи", представляющихъ общеисторическое значеніе, — нужно поставить на *первомъ* планѣ статью г. Карновича *„Генералъ Моро́ въ русской службѣ, 1813 г."* съ приложеніемъ портрета Моро и изображеніемъ его памятника, поставленнаго по повелѣнію императора Александра I близъ Дрездена. Извѣстно, что всѣ статьи г. Карновича, не смотря на встрѣчающіеся въ нихъ парадоксы, все-таки отличаются большимъ интересомъ выбора, все-таки освѣщаютъ множество близкихъ, соприкосновенныхъ явленій въ нашей отечественной исторіи. Въ настоящемъ случаѣ авторъ задался характеристикою личности генерала Моро, поступившаго въ 1813 г. въ русскую службу, и въ частности, выясненіемъ тѣхъ мотивовъ, которые заставили бывшаго республиканскаго генерала „измѣнить Франціи" (какъ выражался Наполеонъ I), примкнувъ къ шайкѣ генерала Пишегрю и Жоржа Кадудаля. Намъ кажется, что относительно Россіи личность Моро имѣетъ интересъ второстепенный, если не принимать въ разсчетъ мотивовъ, заставившихъ его поступить въ русскую службу. Относительно Россіи, Моро былъ просто одинъ изъ многихъ случайныхъ иностранныхъ генераловъ, предлагавшихъ Россіи свои услуги. Самъ г. Карновичъ насчитываетъ, что у насъ, въ теченіе 170 лѣтъ, однихъ иностранныхъ фельдмаршаловъ было 17 человѣкъ. Многіе изъ нихъ были, конечно, истинными любящими сынами своего новаго отечества, но едва ли бы это можно было сказать о Моро, если бы смерть не помѣшала ему поступить въ русскую службу. Этотъ приговоръ можно съ полнымъ правомъ произнести, основываясь на многихъ чертахъ нравственнаго характера генерала Моро, вслѣдствіе кото-

рыхъ этотъ генералъ ни въ какой странѣ не могъ быть большимъ пріобрѣтеніемъ. Нравственные мотивы, руководившіе Моро въ его дѣятельности, изображены у г. Карновича блѣдно; а потому мы попытаемся вкратцѣ дорисовать и дополнить нѣкоторыя черты этого характера, основываясь на свидѣтельствѣ Наполеона I, правда, его могущественнаго и ожесточеннаго врага, но который, однакоже, умѣлъ отдавать справедливость другимъ, возвышаясь надъ своими личными чувствами. Справедливость эту, по нашему мнѣнію, отдалъ онъ и генералу Моро. Самые источники статьи г. Карновича благодарны, хотя нѣсколько односторонни. Это свидѣтельства А. Ник. Дашкова, нашего посланника въ Америкѣ въ началѣ текущаго вѣка, и почтеннаго П. П. Свиньина, извѣстнаго основателя „Отеч. Записокъ", бывшаго главнымъ посредникомъ между Дашковымъ и Моро. Но, повторяемъ, для сколько-нибудь опредѣленной обрисовки характера Моро этихъ свидѣтельствъ недостаточно.

Намъ представляется, во-первыхъ, страннымъ, что, говоря о смерти Моро, въ сраженіи подъ Дрезденомъ, г. Карновичъ выражается довольно темно и ссылается на слухи, прибавляя обыкновенное въ такихъ случаяхъ „разсказывали", тогда какъ важныя и обстоятельныя свѣденія объ этомъ предметѣ мы имѣемъ въ извѣстныхъ мемуарахъ Наполеона, веденныхъ имъ на О-вѣ Св. Елены («Mémorial de Sainite-Hélène»). Въ 1-мъ томѣ дополненій къ этимъ мемуарамъ, самъ Наполеонъ говоритъ о генералѣ Моро и его смерти подъ Дрезденомъ слѣдующее:

„Въ то время, когда было сраженіе подъ Дрезденомъ я приказалъ (говоритъ Наполеонъ), чтобы силы союзниковъ были аттакованы быстро и внезапно обоими крылами моей арміи. Во время исполненія этого маневра, центръ моей арміи оставался неподвижнымъ. Въ тоже время я замѣтилъ въ непріятельскомъ войскѣ, въ недалекомъ разстояніи, столпившуюся кучу кавалерійцевъ. Я заключилъ изъ этого, что наблюдаютъ мои движенія. Я позвалъ капитана артиллеріи, начальствовавшаго паркомъ въ 18 или 20 орудій. „*Ну-ка, пошлите въ эту толпу дюжину ядеръ за одинъ разъ*, сказалъ

я ему; тутъ, можетъ быть, есть генералы". (Jetez une douzaine de boulets à la fois dans ce groupe-la; peut-être y a-t-il quelque petits généraux). Мое приказаніе тотчасъ было исполнено. Одно ядро попало въ генерала Моро, оторвало у него обѣ ноги и пронизало его лошадь. Я думаю, что многіе изъ окружавшихъ Моро были убиты или ранены. Александръ (императоръ) разговаривалъ съ Моро за нѣсколько минутъ передъ этимъ.

„Одну изъ оторванныхъ ногъ Моро, говоритъ далѣе Наполеонъ,—обутую въ сапогъ и оставленную хирургомъ на мѣстѣ ампутаціи, — одинъ крестьянинъ доставилъ въ палатку саксонскаго короля, прибавивъ при этомъ въ объясненіе, что „пораженъ пулею какой-то знатный офицеръ". Король саксонскій прислалъ ногу ко мнѣ, въ надеждѣ открыть званіе офицера, по признакамъ сапога. Генералы моей квартиры подвергли сапогъ экспертизѣ; однако не могли придти къ положительному заключенію, потому что кожа сапога не была ни французской, ни англійской выдѣлки. На другой день мы узнали, что нога принадлежитъ генералу Моро"... и т. д.

Вотъ что говоритъ самъ Наполеонъ, являющійся въ своихъ мемуарахъ, по крайней мѣрѣ въ большей части случаевъ, точнымъ и строгимъ въ передачѣ дѣйствительныхъ фактовъ. Изъ словъ отставнаго императора можно только заключить, что пущенъ былъ залпъ въ столпившуюся кучу кавалеріи и что о присутствіи въ этой кучѣ генерала Моро можетъ быть Наполеонъ даже и не зналъ. О смертельной ранѣ Моро Наполеонъ говоритъ только на основаніи принесенной ноги, экспертизы сапога и, уже послѣ полученнаго, извѣстія о смерти Моро. Всѣхъ французовъ, служившихъ въ русскомъ войскѣ или въ войскахъ союзниковъ, Наполеонъ презрительно третировалъ, какъ „измѣнниковъ отечеству", и, конечно, не могъ третировать иначе. Залпомъ ядеръ, со стороны французской артиллеріи, былъ пораженъ не одинъ Моро, но и еще даровитый французскій генералъ Сен-При, сражавшійся, „противъ *своихъ соотечественниковъ*", въ рядахъ русскихъ. Наполеонъ видитъ какое-то опредѣленіе судьбы въ томъ обстоятельствѣ, что генералъ Сен-При убитъ ядромъ, вылетѣвшимъ изъ той

же пушки, которая выстрѣлила въ Моро, и даже по распоряженію того же артиллерійскаго начальника. (Mém. de Sainte-Hél. Complem. I, 292). Такое фаталистическое воззрѣніе проглядываетъ, впрочемъ, во всѣхъ воспоминаніяхъ Наполеона о веденныхъ имъ войнахъ. Затѣмъ, надо сказать и то, что жестокій обычай дѣлать пушечные залпы въ скучившіяся массы кавалеріи, повидимому, былъ въ ходу съ началѣ текущаго вѣка. Наполеонъ говоритъ объ успѣшныхъ результатахъ такихъ залповъ съ жестокимъ, отвращающимъ удовольствіемъ. Разъ самъ онъ, съ генераломъ Удино, чуть не сдѣлался жертвою подобнаго сюрприза (Mém. de Saint-Hél. Complem. I). Слѣдовательно, выстрѣлъ въ группу кавалеристовъ, гдѣ находился Моро, не составлялъ какой-либо исключительной жестокости (по крайней мѣрѣ въ періодъ Наполеоновскихъ войнъ), какъ повидимому старается увѣрить г. Карновичъ.

Приводимъ еще нѣсколько весьма важныхъ и интересныхъ замѣчаній Наполеона о Моро, высказанныхъ имъ тоже на о-вѣ Св. Елены.

„Моро, взятый самъ по себѣ, безотносительно чуждыхъ на него вліяній, былъ слишкомъ добрый человѣкъ; но именно поэтому-то его и можно было весьма легко соблазнить и провести, кому этого хотѣлось: вотъ чѣмъ объясняются всѣ несообразности въ поступкахъ Моро. Онъ уходилъ изъ моего дворца весь въ восторгѣ, а потомъ возвращался полнымъ желчи и горечи: это значило, что *онъ видѣлся съ своею тещею и женою*". Вообще Наполеонъ въ своихъ обвиненіяхъ сильно, и почти исключительно, напираетъ на жену Моро, самаго же генерала представляетъ безхарактернымъ, мячикомъ въ рукахъ жены, мужемъ, котораго она никогда не выпускала изъ-подъ башмака. („Mémorial de Sainte-Hél." T. IV. 30—31). „Моро, говоритъ Наполеонъ въ другомъ мѣстѣ, характеризуя его и какъ генерала, былъ храбръ, безпеченъ и, что называется, bon-vivant. Въ своей генеральной квартирѣ онъ ничего больше не дѣлалъ, какъ сидѣлъ, безпечно растянувшись на софѣ, или прохаживался съ трубкою въ зубахъ. Читалъ онъ мало. Какъ генералъ, онъ былъ одаренъ скорѣе счастливымъ инстинктомъ, чѣмъ геніемъ, что его знаменитая побѣда при

Гогенлинденѣ было скорѣе смѣлымъ тур-де-форсомъ, чѣмъ строго-стратегически разсчитаннымъ дѣйствіемъ. Характеръ Моро былъ отъ природы добрый; но онъ поддавался вліянію своей жены и тещи, не могшихъ жить и дышать безъ интригъ. Именно *я побудилъ Моро жениться*, продолжаетъ далѣе Наполеонъ,—*а сдѣлалъ это я по просьбѣ Жозефины, которая всегда любила жену Моро, потому что та была креолка, какъ и Жозефина*". („Mem. de Saint-Hél." Complem. II, 116—117). Вообще въ мемуарахъ Наполеона встрѣчаются любопытные намеки, что онъ хорошо понялъ породу женщинъ креолокъ съ ихъ страстью къ интригамъ, съ ихъ раздражительностью и бѣшеною ревностью: и все это благодаря креолкѣ Жозефинѣ! Вотъ почему Наполеонъ въ мемуарахъ снимаетъ почти всякую отвѣтственность съ Моро и представляетъ его дѣйствующимъ крайне-пассивно, виноватымъ безъ вины. Доказательство крайней пассивности Моро и зависимости отъ жены Наполеонъ видитъ даже въ періодъ возвращенія генерала изъ Америки, что видно изъ перехваченныхъ французами бумагъ Моро еще до битвы подъ Лейпцигомъ. „Ну, меня хотятъ усадить въ настоящее гнѣздо осъ!" пишетъ Моро своей женѣ въ одномъ изъ писемъ („Eh bien! on m'a fait donner un véritable guépier"). Въ другомъ мѣстѣ мемуаровъ, сравнивая Моро съ генераломъ Гошемъ, Наполеонъ находитъ Моро человѣкомъ „крайне слабымъ", „совершеннымъ рабомъ своей жены", „генераломъ старой монархіи" (c'etait un général de vieille monarchie (Mém. de Saint. Hél. III, 318). Но далѣе Наполеонъ выставляетъ на видъ весьма привлекательную черту Моро. По свидѣтельству Наполеона, генералъ до такой степени не умѣлъ лгать и фальшивить, что при первомъ допросѣ по поводу участія въ заговорѣ Пишегрю, крайне смѣшался и весь покраснѣлъ, такъ что уже никто изъ присутствовавшихъ при допросѣ не могъ сомнѣваться въ его соучастіи въ дѣлѣ Пишегрю. (Le vainqueur d'Hoenlinden n'etait pas habitué au mensonge; une rougeur sudaine parcourut tous les traits de sa figure).

Всѣми этими чертами, заимствованными изъ мемуаровъ Наполеона, мы надѣялись дополнить и, такъ сказать, дорисо-

вать портретъ Моро, начерченный г. Карновичемъ, хотя и смѣлою и вѣрною рукою, но въ довольно неопредѣленныхъ и общихъ чертахъ. Надо согласиться съ взглядомъ Наполеона, что въ этическомъ смыслѣ всѣ поступки Моро не представляютъ чего-либо привлекательнаго. Самъ г. Карновичъ прибавляетъ, что „у французскихъ историковъ Моро былъ предметомъ рѣзкихъ порицанiй, какъ измѣнникъ отечества", что „поступокъ Моро поступленiя въ русскую службу въ сущности былъ далеко не патрiотическiй" и можетъ быть объясненъ преимущественно личнымъ раздраженiемъ противъ Наполеона.

Приложенный къ статьѣ г. Карновича литографированный портретъ Моро сдѣланъ тщательно, хотя за сходство его и трудно ручаться (притомъ свѣтовыя пятна на лицѣ исполнены не совсѣмъ артистически), въ чемъ вина уже не г. Бореля, а механической приправки литографскихъ печатниковъ! Но рисунокъ памятника Моро, рѣзанный Вейерманомъ, исполненъ безукоризненно-прекрасно, Портретъ сдѣланъ съ третьихъ рукъ. Рисовалъ съ натуры *Геренъ*, потомъ уже съ Герена сдѣлалъ гравюру Гергамъ, а съ этой гравюры рисовалъ на камнѣ Борель!...

Статья г. Прыткова „И. П. Пнинъ и его литературная дѣятельность" (въ той же IX книжкѣ „Древней и Новой Россiи") обрисовываетъ передъ нами крайне мало-извѣстную личность весьма почтеннаго дѣятеля въ области нашей литературы въ концѣ прошлаго и въ началѣ текущаго вѣка. И. П. Пнинъ въ 1798 г., вмѣстѣ съ А. Ѳ. Бестужевымъ, (отцемъ извѣстнаго декабриста) издавалъ (представляющее теперь библiографическую рѣдкость) перiодическое изданiе, называвшееся „С.-Петербургскiй журналъ". Но этого журнала вышло только 4 части. Въ 1804 г. явилась въ свѣтъ книга Пнина „Опытъ о просвѣщенiи относительно къ Россiи". Соотвѣтственно своему времени это сочиненiе отличалось и свободою и смѣлостью мысли, и блескомъ изложенiя; а потому и понятно, что этотъ „опытъ" возбудилъ много шума и толковъ. Г. Прытковъ справедливо замѣчаетъ, что Пнинъ вполнѣ воспользовался тою свободой мысли, которая явилась въ первые годы царствованiя Александра I. Тогда написаны были лучшiя стихотворенiя Пнина. Въ 1802 г. Пнинъ дѣлается сперва

членомъ, а потомъ, съ 1805 г., президентомъ „Вольнаго общества любителей наукъ, словесности и художествъ". Въ 1804 г. онъ задумывалъ издавать журналъ „Народный Вѣстникъ", для котораго уже была готова программа, сбирался напечатать свои стихотворенія подъ заглавіемъ „Моя Лира". Но всѣ эти замыслы не могли осуществиться, вслѣдствіе тяжкой болѣзни. Въ 1805 г. Пнинъ умеръ, очень еще молодымъ.

Приведенные г. Пытковымъ многочисленные образчики стиховъ Пнина доказываютъ, что поэтическій талантъ Пнина былъ далеко не дюжинный, и что еслибы не преждевременная смерть, то этотъ талантъ занялъ бы почетное мѣсто въ исторіи нашего литературнаго развитія. Въ личной энергіи, тактѣ и предпріимчивости у Пнина не было недостатка. Въ своихъ статьяхъ онъ рѣшился обратить вниманіе на множество общественныхъ вопросовъ, обсудить ихъ. Весьма энергически, напримѣръ, поднятъ былъ имъ вопросъ о преподаваніи „мертвыхъ" языковъ, латинскаго и греческаго; о вопіющей бѣдности русскаго сельскаго духовенства, и о средствахъ помочь этому горю. Но еще энергичнѣе былъ затронутъ вопросъ о „незаконнорожденыхъ дѣтяхъ" и ихъ безправіи передъ закономъ, въ благородномъ по мысли, хотя и не напечатанномъ, уже вслѣдствіе цензурныхъ условій, сочиненіи „Вопль невинности, отвергаемой закономъ". Горячее участіе къ незаконнорожденнымъ психологически объясняется въ Пнинѣ тѣмъ обстоятельствомъ, что самъ онъ былъ *побочнымъ* сыномъ князя Петра Ивановича Репнина и вслѣдствіе этого не могъ получить обезпеченія отъ нелюбившаго его отца, и это было причиною ранней смерти писателя, подававшаго много блестящихъ надеждъ. Любопытно, что обстоятельныя свѣдѣнія о Пнинѣ бросаютъ нѣкоторый свѣтъ и на трагическую личность извѣстнаго Радищева. Для исторіи не только нашей еще начинавшейся литературы, но и для исторіи нашего общественнаго развитія характеристично то, что въ „Петербургскомъ журналѣ" Пнина помѣщались извлеченія изъ иностранныхъ сочиненій лицами близкими къ наслѣднику Русскаго Престола, княземъ Чарторыжскимъ, Новосильцевымъ и Строгоно-

вымъ, которые были преподавателями наслѣдника и помѣщали въ журналѣ Пнина отрывки изъ своихъ чтеній.

IX-же книжка «Древней и Новой Россіи» содержитъ первую половину занимательной статьи г. Славутинскаго, «Крестьянскія волненія въ Рязанской губерніи съ 1847 по 1858 г.». Эта статья служитъ дополненіемъ разсказа того-же автора „О *Дедновскомъ бунтѣ*“,—разсказа, помѣщеннаго въ интересной статьѣ „Генералъ Измайловъ и его дворня“. Авторъ вдается въ подробное описаніе физическихъ качествъ почвы разныхъ уѣздовъ Рязанской губерніи и въ характеристику этнографическаго элемента, усиливаясь этимъ выяснить, отчего происходили въ самое недавнее время такъ называемые бунты въ смирномъ и забитомъ населеніи нѣкоторыхъ нашихъ губерній. Большое, даже можетъ быть слишкомъ большое, значеніе придаетъ г. Славутинскій нашей общинѣ, предохранившей крѣпостниковъ отъ абсолютнаго приниженія и порабощенія. Замѣчаніе автора, что сама сила вещей, около половины текущаго вѣка, сдѣлала помѣщиковъ гуманными и человѣчными относительно своихъ крестьянъ,—можно признать вѣрнымъ, хотя и небезусловно.

Остается еще статья въ IX книжкѣ „Древней и Новой Россіи“, выдающіяся достоинства которой побуждаютъ насъ сказать объ ней нѣсколько словъ, хотя покамѣстъ напечатана только часть этой статьи. Это „*Колдовство въ XVII и XVIII столѣтіяхъ* (извлеченіе изъ архивныхъ дѣлъ) г. *Есипова*. Голая неподкрашенная передача фактовъ, говорящихъ краснорѣчиво объ ужасной дѣйствительности, отъ которой мы отдѣлены только двумя столѣтіями, производитъ сильное впечатлѣніе на читателя. Г. Есиповъ сообщаетъ на первый разъ *два* интересныя дѣла: I) О чародѣѣ Симонѣ Даниловѣ и бояринѣ Семенѣ Лукъяновичѣ Стрѣшневѣ и II) О колдовствѣ на царя Өеодора Алексѣевича и на царя Петра Алексѣевича. Г. Есиповъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что у насъ до Петра Великаго, убѣжденіе въ силу колдовства было принадлежностью всего русскаго народа, начиная отъ царя до послѣдняго холопа. И въ самомъ дѣлѣ, изъ приведеннаго документа (рѣшенія царя Алексѣя Михайловича, объявленнаго боярину

Семену Стрѣшневу) видно, что Алексѣй Михайловичъ твердо и искренно вѣрилъ въ чародѣйство. Въ дальнѣйшихъ статьяхъ своихъ г. Есиповъ обѣщаетъ сообщенія документовъ о колдовствѣ у насъ на Руси въ XVIII вѣкѣ.

Послѣдній отдѣлъ каждой книжки „Древней и Новой Россіи, существующій подъ рубрикою „Замѣтки и Новости", всегда представляетъ собою аггрегатъ различныхъ по содержанію и значенію, но часто весьма характеристичныхъ и интересныхъ фактовъ. Въ IX книжкѣ, въ этомъ отдѣлѣ, мы находимъ слѣдующія, достойныя замѣчанія, извѣстія. *Столѣтній юбилей г. Херсона и разъясненіе спорнаго вопроса о могилѣ князя Потемкина-Таврическаго.* Столѣтіе со дня основанія г. Херсона отпраздновано 7-го минувшаго сентября. Что касается могилы Потемкина, то для царствованія Павла I характеристично то обстоятельство, что новый императоръ былъ проникнутъ ожесточенной ненавистью даже къ мертвому Потемкину. Было отмѣнено Екатерининское распоряженіе о сооруженіи Потемкину памятника въ Херсонѣ, было приказано перенести гробъ князя изъ крѣпостнаго собора на обыкновенное кладбище, по крайней мѣрѣ существовало преданіе о таковомъ распоряженіи, и до послѣдняго времени вопросъ о мѣстонахожденіи гроба оставался проблематичнымъ, пока не былъ констатированъ фактъ, что гробъ таврическаго князя помѣщенъ подъ поломъ церковнымъ, въ погребѣ, и самое мѣсто его нахожденія изглажено. Попытки проникнуть въ эту могилу были въ 1859, 1863 и 1874 годахъ и еще прежде въ 1818 году. Изъ другихъ извѣстій этого отдѣла обращаетъ на себя вниманіе замѣтка о громадной и неутомимой дѣятельности покойнаго О. М. Бодянскаго, бывшаго секретаря по изданію „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Покойный Бодянскій издалъ, въ теченіе 19-ти лѣтъ, съ 1858—1872 г. цѣлыхъ 78 том. „Чтеній", а если къ этому присоединить еще прежнія чтенія, тоже издававшіяся и редактировавшіяся Бодянскимъ, то составится въ общемъ итогѣ 101 томъ чтеній. Такими неутомимыми геркулесами исторической дѣятельности мы имѣемъ полное право гордиться. Преемникомъ въ должности секретаря упомянутаго общества

теперь состоитъ А. Н. *Поповъ*. Новымъ секретаремъ уже доконченъ 1877 годъ „Чтеній" и выпущены книги *третья* и *четвертая*. Та и другая состоятъ изъ трудовъ и изъ собраній покойнаго Бодянскаго. Бодянскому въ III книжкѣ принадлежатъ замѣчательная рѣчь на Московскомъ съѣздѣ Славянъ въ 1868 г. и воспоминаніе о покойномъ историкѣ М. П. Погодинѣ.

Изъ иностранныхъ журналовъ не безъинтересныя (въ историческомъ отношеніи) для русскихъ читателей статьи представляли за послѣдніе мѣсяцы журналы: нѣмецкій „Nord und Süd" и англійскіе „The Nine tench Century" (XIX вѣкъ) и „The Fortnightly Review". Майская книжка журнала „Nord und Süd" была украшена статьею маститаго нѣмецкаго ученаго *Леопольда Ранке* „Zur Geschichte der italienischen Kunst". Надо, однако, сказать, что статья почтеннаго ученаго не отличается оригинальностью; въ ней нѣтъ того, о чемъ бы уже не было говорено на разные лады критиками и эстетиками разныхъ направленій. Трактуетъ взятый предметъ г. Ранке слишкомъ сжато, коротко, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, а можетъ быть именно потому—неясно. Развитіе искусства Ранке разсматриваетъ съ индивидуальной точки зрѣнія. По мнѣнію почтеннаго ученаго, какъ у каждой отдѣльной личности, такъ и въ исторіи, творческое созданіе искусства есть только одинъ счастливый мигъ, который можетъ и не повториться. Это воззрѣніе не ново и не оригинально. Гораздо больше выдается надѣлавшая, при своемъ появленіи, порядочно шуму статья іюльской книжки „Nord und Süd". „О національномъ чувствѣ". (Über das Nationalgefühl), принадлежащая берлинскому профессору физіологіи Дю-буа-Реймону. Нѣмецкій профессоръ въ своей статьѣ представляется самобытнымъ и оригинальнымъ, хотя многимъ основныя положенія его статьи могутъ показаться односторонними, не глубокими и, съ извѣстной точки зрѣнія, быть можетъ, парадоксальными. Дю-Буа-Реймонъ, вообще, очень не благоволитъ національному чувству въ новой европейской цивилизаціи. Въ этомъ отношеніи онъ замѣчательно строгъ даже къ своимъ землякамъ - нѣмцамъ. О статьѣ Дю-Буа-Реймона мы, при удобномъ случаѣ, поговоримъ подробнѣе.

ВЪ 1879 ГОДУ

„СЕМЬЯ И ШКОЛА“

(ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ),

ИЛЛЮСТИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДОМАШНЯГО И ОБЩЕСТВЕННАГО ВОСПИТАНІЯ,

будетъ издаваться по той-же программѣ, въ тѣ-же сроки и въ такомъ же объемѣ, какъ и въ 1878 году.

Полное годовое изданіе журнала состоитъ изъ **двадцати двухъ книгъ и сорока нумеровъ „Педагогической хроники“.** Подписная цѣна на полный журналъ съ пересылкою **12** р.

Полное изданіе состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, на которое допускается также отдѣльная подписка.

I. **Семейное чтеніе** (*отдѣлъ для дѣтскаго чтенія*) выходитъ ежемѣсячно, т. е. 12 книгъ въ годъ. подпис. цѣна съ перес. **10** р.

II. **Воспитаніе и обученіе** (*отдѣлъ для родителей и воспитателей*) выходитъ въ количествѣ 10 книгъ (т. е. ежемѣсячно, кромѣ іюня и іюля), съ добавленіемъ **„Педагогической хроники“**, выходящей въ количествѣ 40 нумеровъ въ годъ. Подписная цѣна съ перес. **5.** р.

Семейное чтеніе даетъ статьи религіозно-нравственнаго содержанія, разсказы, стихотворенія, путе-

шествія, жизнеописаніе и проч., а также игры, работы, рукодѣлья, мастерства и проч. матеріалъ для физическаго и умственнаго развитія. Всюду, по мѣрѣ надобности, прилагаются рисунки и картины.

Воспитаніе и обученіе съ „Педагогическою хроникою" содержитъ въ себѣ: общія статьи педагогическаго содержанія, статьи по воспитанію и обученію домашнему и общественному (высшему, среднему и начальному), нравственному, умственному и физическому; критику и библіографію; библіографическіе очерки педагоговъ и статьи по исторіи педагогіи; отдѣлъ математическій (самостоятельныя изслѣдованія въ области эмелентарной математики; разработка тѣхъ или другихъ частей курса учебныхъ заведеній научно-педагогическихъ основаніяхъ, и т. п.). *«Педагогическая хроника»* даетъ отчеты по текущимъ вопросамъ учебно-воспитательнаго дѣла какъ въ Россіи, такъ и заграницею и полную библіографію вновь выходящихъ по воспитанію и обученію книгъ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: С.-П.-Б. Васильевск. остр., 15-я лин., д. № 8; кв. № 20 или адресуется просто: **Въ С.-Петербургъ. въ редакцію журнала „Семья и Школа"** (адресъ почтамту извѣстенъ),—съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имени, отечества и фамиліи и того почтоваго учрежденія, его губерніи и уѣзда, гдѣ есть выдача газетъ и журналовъ.

Редакторъ-Издатель **К. Краевичъ.**

ОБЪ ИЗДАНIИ ВЪ 1879 ГОДУ

ЖУРНАЛА

„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНIЕ“

Иллюстрированный журналъ «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНIЕ» издается еженедѣльно въ форматѣ **большихъ иностранныхъ иллюстрацiй** не менѣе **двухъ съ половиной** листовъ въ каждомъ нумерѣ по слѣдующей программѣ:

1) Романы, повѣсти, разсказы, очерки и бiографiи.
2) Драмы и драматическiя сцены.
3) Поэмы, сказки и мелкiя стихотворенiя.
4) Иллюстрированныя путешествiя.
5) Этнографическiе очерки.
6) Статьи научнаго содержанiя.
7) Статьи техническiя и хозяйственныя.
8) Новости изъ области наукъ и искуствъ.
9) Телеграммы.
10) Объясненiе гравюръ.
11) Шахматный листокъ.
12) Картинки модъ съ объяснительнымъ текстомъ.

При подпискѣ г.г. подписчики получатъ премiю: **олеографiю**, уже полученную въ редакцiи. Втеченiи года г.г. подписчики получатъ **вторую олеографiю** и **литературную иллюстрированную премiю.** Кромѣ того редакцiя выдастъ еще одну премiю, выборъ которой уже сдѣланъ. Эта гравюра на стали длиною въ 1¼ аршина, ширина въ 13 вершковъ, составляетъ снимокъ съ картины одного изъ извѣстнѣйшихъ художниковъ. Эта гравюра настолько хорошо исполнена, что можетъ служить украшенiемъ въ любой гостинной.

Въ журналѣ «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ» принимаютъ участіе своими трудами слѣдующія лица: **С. А. Андреевскій, Н. А. Богдановъ, П. В. Быковъ, С. И. Воскресенская, И. Н. Захарьинъ, (Якунинъ), С. М. Крапивина, Н. Н. Каразинъ, Н. Б. Куреѣдовъ, Л. Левандa, А. Майковъ, Е. Л. Марковъ, А. И. Мещерскій, Д. Л. Мордовцевъ, В. И. Немировичъ-Данченко, И. В. Омулевскій, А. В. Разсказова, А. Г. Сахарова, В. Славянскій, К. М. Станюковичъ, Н. П. Стремоуховъ, В. В. Чуйко, С. С. Шашковъ, А. К. Шеллеръ, (А. Михайловъ), Н. В. Шелгуновъ, Н. И. Шульгинъ, г-жа Юрьева** и другіе.

Въ художественномъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться гравюры различныхъ извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ отъ 7 до 12 гравюръ въ каждомъ нумерѣ.

Въ первыхъ нумерахъ журнала на 1879 годъ будутъ, между прочимъ, помѣщены: **А. Михайлова**, «Мужъ и жена» романъ, разсказъ **К. М. Станюковича, Омулевскаго** «Рыцарь на стражѣ» поэма, «Лѣсное хозяйство» **Н. В. Шелгунова**, «Козлы отпущенія» очерки **Н. И. Северина**. Копіи съ картинъ **Брюллова, Гуна, Мещерскаго, Шварца**.

	На годъ.	На полгода.
Цѣна безъ доставки и пересылки . .	6 р.	3 р. 50 к.
» съ доставкой и пересылкою . .	7 р.	4 р.

При выпискѣ десяти экземпляровъ одиннадцатый выдается безплатно, при выпискѣ двадцати—два безплатно и т. д. по разсчету. Для гг. служащихъ, подписывающихся за поручительствомъ гг. казначеевъ, допускается уплата помѣсячно.

Подписка на 1879 годъ открыта и принимается въ конторѣ редакціи въ С.-Петербургѣ Новый просп., близъ церкви Знаменія, № 20.

2—3

Въ журналъ 1879 года войдутъ, между прочимъ, два большихъ романа, а въ числѣ премій, кромѣ **олеографической картины**, будетъ разослана Гг. подписчикамъ большая хромолитографированная карта **Афганистана** и **Британской Индіи** съ пограничными владѣніями Россіи (Туркест. и Ферганской областями), а также владѣніями Персіи. Кашгара, Келата и пр.

Гг. иногородные благоволятъ адресовать письма и деньги исключительно: Н. И. Ѳуеву, въ С.-Петербургъ, Колом. части, Екатерингофскій просп. подлѣ части, д. № 26, кв. № 8 или въ контору журнала, по Невскому просп. д. № 110, квар. № 6, и по Казанской улицѣ. домъ № 3, квар. № 60.

Петербургскіе подписчики, кромѣ трехъ означенныхъ мѣстъ могутъ подписываться во всѣхъ книжныхъ магазинахъ; въ Москвѣ же, подписка принимается у г. Соловьева на Страстномъ бульварѣ и у г. Живарева въ Охотномъ ряду.

КРОМѢ ТОГО НАХОДЯТСЯ въ ПРОДАЖѢ:

	Цѣны общія.		Цѣны для подписчиковъ.	
	вмѣстѣ съ пересылкою			
Романъ Альфонса Додэ „Фромонъ и Рислеръ“	1 р.	10 к.	— р.	90 к.
Романъ Дюма „Людовикъ XVI и Революція	1	60	1	20
Варѳоломеевская ночь.	—	60	—	50
Желѣзная маска.	—	40	—	30
Иллюстрир. описаніе Австраліи	—	85	—	65
Большая и подробная Карта Афганистана и британск. Индіи съ пограничными владѣніями Россіи, (Туркест. и Ферганск. областямъ), а также Персіи, Кешгара, Келата и пр.	—	80	—	50
Иллюстр. Физич. географія въ 3 част. 1000 гравиров. рисунковъ	6	50	3	50
Иллюстриров. географія Россіи.	2	25	1	50
Карта *Балканскаго* полуострова	1	10	—	85
» Сербіи	—	35	—	25
» Болгаріи	—	45	—	35
» Аз. Турціи	—	40	—	30
Кавалеръ Краснаго Замка	1	60	1	20

Гг. подписчики журнала, желающіе пріобрѣсти изданія по означенной здѣсь, значительно удешевленной цѣнѣ, благоволятъ, кромѣ точнаго адреса, сообщать непремѣнно тотъ №, подъ которымъ высылается имъ журналъ для удостовѣренія, дѣйствительно-ли требованіе адресовано отъ подписчика. Пріобрѣтеніе изданій по удешевленной цѣнѣ предоставляется не только нынѣшнимъ подписчикамъ, но и подписчикамъ прежнихъ годовъ.

1—3

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ."

Вступая въ **одиннадцатый** годъ изданія, журналъ и въ будущемъ 1879 г. будетъ веденъ въ томъ-же духѣ и направленіи и съ помощію тѣхъ-же Гг. сотрудниковъ какъ и въ прошлыя десять лѣтъ и всѣми силами постарается сохранить то сочувствіе со стороны публики, какимъ онъ пользовался до сихъ поръ.

Журналъ выходитъ ежемѣсячными книжками не менѣе **семи** печатныхъ листовъ, со многими политипажами въ текстѣ, отдѣльными картинками и музыкальными приложеніями. Годовое изданіе составитъ два большихъ тома, каждый болѣе 600 страницъ.

Журналъ «Дѣтское Чтеніе» одобренъ: Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для возрастныхъ библіотекъ начальныхъ и уѣздныхъ училищъ и женскихъ гимназій и прогимназій, **Главн. Управл. Военно-Учебн. заведеній** для возрастныхъ библіотекъ младшихъ классовъ военныхъ гимназій и прогимназій, **IV Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи** для классныхъ библіотекъ женскихъ учебн. заведеній и **Ученымъ Комитетомъ при Св. Сунодѣ** для училищъ и фундаментальныхъ библіотекъ духовныхъ семинарій.

Въ журналѣ помѣщаются: Небольшія повѣсти, разсказы и стихотворенія, этнографическіе и др. очерки, разсказы изъ всеобщей и отечественной исторіи, біографіи замѣчательныхъ людей, статьи по естествознанію, путешествія, техническія производства и промыслы, занятія, игры, ноты, задачи, шарады, ребусы пр.

„НЕВА" 1879.

(Не слѣдуетъ смѣшивать съ „Нивой").

Иллюстрированная газета для всѣхъ и обо всемъ, самое разнообразное по содержанію и самое дешевое по цѣнѣ изданіе состоитъ въ сущности изъ 3-хъ журналовъ.

1) «Нева» Современная жизнь въ описаніяхъ и иллюстраціяхъ. Разсказы и повѣсти русскихъ писателей. Политика. Внутреннее обозрѣніе. Фельетонъ. Сжатая передача всѣхъ замѣчательныхъ беллетристическихъ произведеній отечественныхъ и иностранныхъ авторовъ. Путешествія. Біографіи. Историческія записки и мемуары. Судебная хроника. Театръ. Изобрѣтенія, открытія и обзоръ всего, что только является замѣчательнаго въ области науки, литературы, художествъ, политики, торговли, ремеслъ и т. д. Текстъ сопровождается бездной роскошныхъ иллюстрацій, составляющихъ собственность газеты «Нева». Ежемѣсячно: карикатуры и юмористическій фельетонъ 50 №№ въ годъ, 2,400 столбцевъ текста.

2) «Семейное чтеніе»: собраніе романовъ и повѣстей. Даются лучшія и новѣйшія произведенія иностранныхъ писателей. 50 №№ въ годъ, 1,200 столбц. текста.

3) Совершенно самостоятельный и самый полный модный журналъ, подъ названіемъ «Парижскія Моды». (Моды выписываются дѣйствительно изъ Парижа). Ежегодно 12 №№.

ДАРОВЫЯ ПРЕМІИ:

4) «Пасхальный» № съ соотвѣтственными картинами и текстомъ.

5) «Рождественскій» № съ соотвѣтственными картинами и текстомъ.

6) «Воспоминаніе о берлинскомъ конгрессѣ». Большая картина въ 1,750 квадр. сантим., съ 23 чрезвычайно вѣрно схваченными, изящно выполненными портретами членовъ конгресса. (Будетъ разослана при первомъ № «Невы»).

7) «Въ память нашихъ умершихъ и современныхъ выдающихся дѣятелей»:

а) «Бывшіе дѣятели», 12 портретовъ, роскошно выполненныхъ на стали, съ біографіями. (Для лицъ не подписавшихся на «Неву» 4 р.).

Подписная цѣна въ Россіи:

	Безъ доставки.	Съ доставкою.	Съ пересылкою.
На годъ, съ 1-го января	14 р. 50 к.	16 р. — к.	17 р. — к.
» 11 мѣсяцевъ . . .	14 » — »	15 » — »	16 » — »
» 10 » . . .	13 » — »	14 » — »	15 » — »
» 9 » . . .	11 » — »	12 » — »	14 » — »
» 8 » . . .	10 » — »	11 » — »	13 » — »
» 7 » . . .	9 » — »	10 » — »	12 » — »
» 6 » . . .	8 » — »	9 » — »	10 » — »
» 5 » . . .	7 » — »	8 » — »	9 » — »
» 4 » . . .	5 » 50 »	6 » — »	7 » 50 »
» 3 » . . .	4 » 50 »	5 » — »	6 » — »
» 2 » . . .	3 » — »	3 » 50 »	4 » — »
» 1 » . . .	1 » 50 »	1 » 80 »	2 » — »

Подписная цѣна за-границею, съ пересылкою.

(Въ рубляхъ).

	Въ Европу, Сѣвер. Амер. и Египетъ.	Въ Китай, Индію и Японію.
На годъ.	26	47
» 9 мѣсяцевъ	21	38
» 6 »	14	25
» 3 »	8	15
» 2 »	6	11
» 1 »	3	6

Съ 1879 года газета „Русская Правда“ уже не будетъ разсылаться безплатно никому изъ подписчиковъ прекратившихся газетъ. Редакція еще разъ заявляетъ, что не приняла на себя *никакихъ* дальнѣйшихъ обязательствъ въ этомъ отношеніи.

Редакторъ-издатель **Дмитрій Гирсъ.**

3—1

„ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ"

Годъ VI. въ 1879 году **Годъ VI.**

будетъ издаваться на прежнихъ основаніяхъ; т. е. будетъ заключать въ себѣ отдѣлы: церковный, внутренній, иностранный, судебный и біографическій (отчеты о книгахъ и журнальныхъ статьяхъ) и выходить три раза въ недѣлю, безъ предварительной цензуры.

По прежнему задачею «Церковно-Общественнаго Вѣстника» будетъ: содѣйствовать поддержанію въ обществѣ религіозно-нравственнаго начала, сближенію духовенства съ обществомъ, уясненію правъ и обязанностей духовенства въ сферѣ общественной и церковной, огражденію ближайшихъ интересовъ духовенства, наиболѣе, правильному и цѣлесообразному рѣшенію вопроса о духовно-судебной реформѣ, преуспѣянію духовной школы, уясненію путей и средствъ для сближенія съ православіемъ различныхъ неправославныхъ оеществъ внутри Россіи и за границей, разработкой вопросовъ благотворительности, общественной нравственности, народнаго образованія и прочихъ входящихъ въ программу газеты и интересующихъ общество и духовенство.

Въ каждомъ № помѣщается не менѣе трехъ сообщеній собственныхъ корреспондентовъ. Въ наступающемъ году, кромѣ другихъ заготовленныхъ уже статей, будутъ помѣщены два обширныя изслѣдованія покойнаго Д. И. Ростиславова, доставленныя въ редакцію по разборѣ бумагъ: 1) «О взаимныхъ отношеніяхъ между епархіальными властями и бѣлымъ духовенствомъ», и 2) «О русскомъ ученомъ монашествѣ» и будетъ продолжаться періодическое обозрѣніе русскаго проповѣдничества.

Въ №№, выпускаемыхъ по средамъ, печатается полный сводъ распоряженій по духовному вѣдомству за истекшую недѣлю, въ томъ числѣ и епархіальныхъ, представляющихъ общій интересъ.

Съ № 1 «Церковно-Общественнаго Вѣстника» на наступающій годъ, всѣмъ годовымъ подписчикамъ, по примѣру первыхъ пяти лѣтъ, будетъ разосланъ, въ видѣ безплатнаго приложенія, «Календарь для духовенства» на 1879 годъ, въ

„ГРАЖДАНИНЪ"

на 1879 годъ.

Журналъ литературы, политики, наукъ, искусствъ, церковной, государственной, общественной и народной жизни, экономическихъ и юридическихъ знаній; выходитъ еженедѣльно, безъ цензуры, въ объемѣ отъ 3-хъ до 5-ти печатныхъ листовъ. Всѣ годовые подписчики на 1879 г., безплатно получатъ при журналѣ: 1) Два тома «Русскаго Сборника» или собранія лучшихъ романовъ, повѣстей и серьезныхъ и занимательныхъ статей всевозможнаго содержанія, которыя по значительному своему объему или особому характеру удобнѣе помѣщаются въ книжномъ форматѣ «Сборника». 2) Ежемѣсячное приложеніе «Книжный Листокъ», или обзоръ болѣе замѣчательныхъ, вновь выходящихъ въ свѣтъ, книгъ. 3) Большую (стѣнную) изящную картину, исполненную по заказу редакціи замѣчательными художниками *за границею* (будетъ разослана въ январѣ). — Всѣхъ этихъ премій не нужно смѣшивать съ тѣми, которыя еще будутъ разосланы подписчикамъ сего 1878 г.—Цѣна за годъ 8 р. съ пересылкою.

Желая способствовать распространенію въ средѣ учащихъ и учащейся молодежи добрыхъ началъ и серьезныхъ знаній, редакція *понижаетъ* (при подпискѣ на весь годъ) подписную *плату* на журналъ 79 г. *со всѣми преміями*: а) для священо-церковно-служителей преподающихъ въ учебныхъ заведеніяхъ и народныхъ школахъ и для всѣхъ вообще учителей и учительницъ, наставниковъ и наставницъ, смотрителей, попечителей и почтн. блюстителей — съ 8 до 6 р. за годъ; б) для народныхъ-же учителей и учительницъ всѣхъ вѣдомствъ, для студентовъ, воспитанниковъ и воспитанницъ всѣхъ учебныхъ заведеній и ихъ библіотекъ съ 8 р. до 5 въ годъ. Подписываться слѣдуетъ *заблаговременно*. Адресъ: Спб. въ редакцію «Гражданина». Ред.-Изд. В. Ѳ. Пуцыковичу.

Съ 29 № «Гражд.» началось печатаніе только что появившагося въ Германіи «*соціальнаго* романа»: **Выси и Глуби** — извѣстнаго писателя *Грегора Самарова*, автора имѣвшихъ повсюду такой успѣхъ романовъ: «За скипетры и короны»,

«Европейскія мины и контръ-мины» и др. — Въ этомъ интересномъ романѣ выводятся на сцену предводители *соціалистовъ, коммунистовъ, клерикаловъ* и др. важнѣйшихъ партій на Западѣ Европы и изображаются какъ высшіе слои общества, такъ и подонки его. Романъ Самарова будетъ печататься въ видѣ приложенія къ «Гражд.» и въ 1879 г. Новымъ подписчикамъ на 79 г. при самой подпискѣ будутъ разсылаться въ видѣ отдѣльныхъ оттисковъ главы романа, которыя будутъ напечатаны до 1 января 79 г. Каждый *новый* подписчикъ, т. е. не получавшій «Гражд.» въ 1878 г., получитъ эти главы немедленно послѣ высылки въ редакцію своего адресса (написаннаго на отдѣльномъ листкѣ) съ приложеніемъ 8 коп. марки. 2—1

ЕЖЕДНЕВНАЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

„ОБЗОРЪ"

будетъ издаваться въ г. Тифлисѣ въ **1879** году по той же программѣ, въ томъ же направленіи, въ тѣ же сроки и въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ издавалась въ 1878 году.

Подписная цѣна, съ пересылкою или доставкою: на годъ—**15 руб. с.**; на полъ-года—**8 р.**, на три мѣсяца—**4 р. 25 к.** и на одинъ мѣсяцъ—**1 р. 50 к.** Желающіе подписаться **съ разсрочкою** на цѣлый годъ вносятъ **по пяти руб. сер.** къ началу января, апрѣля и августа.

Подписка принимается: въ конторѣ газеты, въ г. Тифлисѣ, на Головинскомъ проспектѣ, д. № 7. Иногородные адресуютъ свои требованія просто: „**ВЪ Г. ТИФЛИСЪ, въ редакцію газеты ОБЗОРЪ**".

Редакторъ **Н. Николадзе.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1879 ГОДЪ.

ОСНОВАНЪ ВЪ 1831 Г.	ВАЗА	СУЩЕСТВУЕТЪ 47 ЛѢТЪ.

Женскій литературный рукодѣльно-модный иллюстрированный журналъ.

ЕДИНТВЕННЫЙ ВЪ РОССІИ МОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ СЪ ПРЕМІЯМИ.

Выходитъ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца большими тетрадями.

24 номера журнала 12 рукодѣльно-модныхъ и 12 литературныхъ (романы; повѣсти, стихотворенія; путешествія, анекдоты, домашнее хозяйство и т. п.).
1000 политипажей въ текстѣ.
24 модныя гравюры.
12 листовъ литографированныхъ узоровъ и выкроекъ.
24 вырѣзныя выкройки въ натуральную величину.
6 раскрашенныхъ узоровъ (во второмъ полугодіи).

КАРМАННЫЙ КАЛЕНДАРЬ на 1879 годъ.

Каждый подписчикъ 1879 года получитъ ШЕСТЬ ПРЕМІЙ а именно:

1) Коверъ къ письменному столу или роялю; на плетеной коричневой канвѣ (новость). Вышивка шерстью. Матерьялъ полный. (Канва и раскрашенный узоръ — по моделямъ съ Парижской выставки). Цѣна оконченному въ отдѣльной продажѣ 10 руб.

2) Воротникъ большой къ визитному платью. Работа изъ миньярдизы, въ видѣ кружева, весьма легкая и изящная. Цѣна готоваго въ отдѣльной продажѣ 3 руб,

3) Абажуръ на большую лампу, состоящій изъ 12 частей; весьма изящной вырѣзки, соединяемыхъ шерстью. Часъ работы. Цѣна въ отдѣльной продажѣ 1 руб. 50 коп.

4) Пажъ для платья, фигурный, высеребренный, Парижской работы со шнуромъ. Новость необходимая для нынѣшнихъ костюмовъ. Цѣна въ отдѣльной продажѣ 1 руб. 50 коп.

5) Подчасникъ изъ специально для этого приготовленной, тисненой съ вырѣзкою, серебряной канвы. Вышивка шерстью. Полезное украшеніе для письменнаго стола. Цѣна въ отдѣльной продажѣ 1 руб. 25 коп.

6) Перевязь для ружья, годится и для пояса). Вышивка по канвѣ шерстью. Матерьялъ полный.

Всѣ преміи предназначенныя для подписчиковъ 1879 года; отличаются необыкновенныиъ изяществомъ и новизною. Цѣнность же ихъ далеко превышаетъ подписную цѣну на журналъ.

Выдача и разсылка премій начнется съ Января по порядку поступленія подписныхъ денегъ, а потому лица желающія получить премію раньше; должны ускорить высылку подписныхъ денегъ. Всѣ шесть премій высылаются заразъ—посылкою.—47-ми лѣтняя извѣстность журнала служитъ ему рекомендаціей.

Разсрочка допускается для служащихъ—по третямъ; для неслужащихъ—по соглашенію съ редакціей.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ безъ премій . . . . 7 р. — к. (безъ перес. 6 р. — к.
На полгода безъ премій . . . 4 р. — к. (безъ перес. 3 р. 40 к.
На 3 мѣсяца безъ премій . . 1 р. 80 к. (безъ перес. 1 р. 41 к.

Съ преміями 5 рублей дороже.

На укупорку премій Редакція проситъ выслать 40 к. (марками)

Адресъ: С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „ВАЗА",
Разъѣзжая, д. 32. 2—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА САМУЮ ДЕШЕВУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ
ПОЛИТИЧЕСКУЮ и ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„НОВОСТИ“

на 1879 годъ.

Газета «НОВОСТИ» выходитъ безъ предварительной цензуры ежедневно, не исключая понидѣльниковъ, полными номерами, а въ дни, слѣдующіе за табельными праздниками, въ видѣ прибавленій или телеграфныхъ бюллетеней.

Газета «НОВОСТИ», по подписной цѣнѣ, на половину дешевле всѣхъ большихъ ежедневныхъ газетъ, а по разнообразію, полнотѣ и свѣжести содержанія, стоитъ на одномъ уровнѣ съ ними, въ чемъ можетъ убѣдиться каждый читатель, сравнивъ содержаніе любаго нумера «НОВОСТЕЙ» съ нумерами другихъ газетъ, вышедшими въ одинъ и тотъ же день. Редакція газеты «НОВОСТИ», не прекращая ежедневно своей дѣятельности раньше 2-хъ часовъ ночи, имѣетъ возможность помѣщать въ каждомъ ближайшемъ нумерѣ газеты даже такія извѣстія которыя появляются въ другихъ газетахъ днемъ позже. Затѣмъ Редакція строго соблюдаетъ принятое ею съ самаго начала изданія правило — не сообщать читателямъ ни одного извѣстія позже другихъ газетъ и не помѣщать въ газетѣ никакихъ статей, не представляющихъ общественно-политическаго интереса для большинства ея читателей. Изъ многочисленныхъ же извѣстій административнаго характера газета отдаетъ предпочтеніе такимъ, въ которыхъ заключаются рѣшенія какихъ нибудь крупныхъ общественныхъ вопросовъ или отвѣты на различныя ходатайства мѣстныхъ обществъ, вынужденныхъ часто, для полученія подобныхъ свѣдѣній, прибѣгать къ командировкѣ въ Петербургъ спеціальныхъ уполномоченныхъ или, по меньшей мѣрѣ, къ продолжительной канцелярской процедурѣ переписки. Наконецъ прочитавшій внимательно даже одинъ или два нумера газеты можетъ убѣдиться въ томъ, что газета совершенно чужда рутины, господствующей въ старыхъ изданіяхъ; что общій характеръ газеты носитъ на себѣ печать оригинальности, заключающейся именно въ томъ, что ни одинъ, болѣе или менѣе выдающійся изъ ряда обыкновенныхъ, фактъ не оставляется безъ освѣщенія; что заимствованія изъ другихъ изданій подчинены самому строгому критическому выбору и пріурочиваются къ текущимъ, наиболѣе популярнымъ вопросамъ. Такъ, напримѣръ, подъ

рубрикою «Русская печать», Редакція не только знакомить своихъ читателей со взглядами и сужденіями текущей періодической печати, но старается вкратцѣ освѣщать эти взгляды и сужденія съ научной и общественной точекъ зрѣнія. Также точно и подъ рубрикою «Свѣтъ и Тѣни» наиболѣе выдающіяся явленія общегосударственной и мѣстной жизни приводятся не какъ простые факты, а какъ живой практическій матерьялъ, почерпнутый изъ всесторонняго житейскаго опыта, регулирующаго нравственный и матерьяльный уровень общественныхъ и гражданскихъ отношеній. Благодаря этому пріему, газета освобождается отъ упрека въ служеніи праздному любопытству и грубымъ инстинктамъ массы. Напротивъ, газета обращается постоянно только къ уму и сердцу читателя.

Что касается литературнаго отдѣла газеты, то Редакція успѣла уже до первой половины сентября помѣстить въ газетѣ болѣе пятидесяти большихъ беллетристическихъ и публицистическихъ произведеній наиболѣе популярныхъ и серьезныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Вотъ названія главнѣйшихъ сочиненій: «*Барбаруссa*», ром. П. Гейзе.—«*Трубачъ голубыхъ гусаровъ*», Эркмана-Шатріана. — «*Тысяча одна брачная ночь*», нѣсколько разсказовъ Катреля.—«*Тактика маркиза*», разск. Уида.— «*Исторія преступленія*», В. Гюго. — *Блудный сынъ*», I. I. Каршевскаго (еще печатается. — «*Банкиръ воровъ*», романъ де-Лонея. «*Романъ княгини*», Поля Бонно. «*Отравительница*», разсказъ. — «*Открытъ!*», разск. — «*Драматическій эпизодъ изъ исторіи Ватикана*». — «*Не стая вороновъ слеталась*», ориг. очеркъ.— «*Среди милостивыхъ государей*», оригинальный очеркъ. «*Подъ шумъ войны*», ориг. романъ изъ петербургскихъ нравовъ.— «*Среди мормоновъ*», очеркъ Пашино.—«*Изъ области преступленій*», ориг. разск. — «*Передъ подписной*», ориг. очеркъ.— «*Кавалеръ на часъ*», ориг. разск.—«*Въ пріемномъ покоѣ*», ориг. сцены. — «*Букетъ изъ пленныхъ турокъ*», ориг. очеркъ Пашино.—«*Осада Индѣйцевъ*», разск.—«*Воспоминанія о королѣ Викторѣ-Эммануилѣ*», Пашино. — «*Невидимые когти*», ориг. разск.—«*Набобъ*», разск. Додэ. — «*Семидесятилѣтняя годовщина Чарльза Дарвина*». — «*На спиритическомъ сеансѣ у Сləда*», ориг. очеркъ.—«*Что я видѣлъ и слышалъ у мистера Слэда*», ориг. очеркъ. — «*Возможенъ-ли походъ въ Индію?*», Пашино.—«*Генри Стенли*», очеркъ.—«*Возвращеніе Стэнли*», очеркъ,—«*59-я годовщина с.-петербургск. университета*».— «*Умственное движеніе во Франціи*».—«*Очеркъ дѣятельности академика Бэра*».—«*Суевѣріе, какъ источникъ преступленій*». очеркъ.—«*Практическій взглядъ на предстоящую тюремную реформу*». — «*Культъ усопшихъ*», ст. Литрова. — «*Мужч-*

чій поэтъ» (характеристика Некрасова). — Статьи *«Лефуа-Вольe* *и Петтенкофера.* — *«Походныя письма сестры милосердія»* (8 пис.). — *«Еще по поводу дѣятельности славянскаго общества».* — *«Письма о парижской выставкѣ»*. — *«Первая любовь Нодье*, разсказъ Поля Феваля. — *«Семейныя драмы»*, рядъ романовъ Монтепена.—*«Около чужихъ милліоновъ»*, ориг. очеркъ.—*«Дневникъ молодой женщины»*, романъ Октава Фелье. —*«Розовые домино»*, романъ Бувье (печатается. — *«Интриганка»*, романъ Г. Яковлева (печатается).—*«Уголовно-интендантскіе мемуары»*.—*«Историческій очеркъ нашихъ сношеній съ Китаемъ»* по непереведеннымъ китайскимъ документамъ.— *«Ядовитая трава«*, разск., перев. съ китайскаго *«Мелочи архіерейской жизни»*, рядъ очерковъ Лѣскова—Стебницкаго (печатается), *«М. М. Антакольскій»*, біогр. въ Л. Леванда, и т. д. Кромѣ того, рядомъ съ помѣщаемыми въ газетѣ оригинальными и переводными произведеніями извѣстныхъ писателей, Редакція знакомитъ читателей, посредствомъ компиляцій и извлеченій, съ наиболѣе выдающимися произведеніями нашей журнальной и книжной литературы.

Изъ всего изложеннаго здѣсь читатели могутъ убѣдиться въ томъ, что, при относительно крайне дешевой подписной цѣнѣ, газета «НОВОСТИ» даетъ самое разнообразное чтеніе, удовлетворяющее требованіямъ всѣхъ сословій и классовъ, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ образованности.

Условія подписки:

	на 1 г.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.
	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
Съ доставкою въ С.-Петербургъ:	8	7 50	7	6 50	6	5 50
	на 6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ:	5	4 50	3 80	3	2	1
	на 1 г.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.
Съ пересылкою:	9	8 25	7 50	7	6 50	5 75
	на 6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Съ пересылкою:	5	4 50	4	3	2	1

Подписывающіеся сразу на всѣ послѣдніе мѣсяцы 1878 г. и на весь 1879 г. платятъ за время съ 1-го сентября 1878 г. по 31-е декабря 1879 г., т. е. за 16 мѣсяцевъ, всего 12 р. 50 к., съ 1-го октября 1878 года по 31-е декабря 1879 г., т. е. за 15 мѣсяцевъ 11 р. 50 к., съ 1-го ноября—10 р. 50 к., и съ 1-го декабря—9 р. 75 к.

Разсрочка платежа допускается чрезъ посредство казначеевъ или по соглашенію съ конторою редакціи.

Письма и деньги адресуются: въ Петербургъ, въ редакцію газеты «НОВОСТИ».

творенія.—4) Театры и музыка.—5) Новѣйшія открытія и изобрѣтенія.—6) Очерки изъ исторіи искуствъ и словесности.—7) Критика и библіографія.—8) Фельетоны.—9) Корреспонденція, русскія и заграничныя.—10) Судебная хроника.—11) Смѣсь.—12) Почтовый ящикъ и отвѣты редакціи.—13) Справочный Листокъ.—14) Частныя и казенныя объявленія.

Въ случаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій, всѣ гг. подписавшіяся на журналъ „Мірской Толкъ", кромѣ еженедѣльныхъ выпусковъ, будутъ безплатно (съ прибавкою, впрочемъ, 1 р. 20 к. почтовыхъ расходовъ) въ теченіи всего года получать ежедневныя приложенія, заключающія въ себѣ: телеграфныя извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій и всѣ послѣднія политическія новости, сообщаемыя въ лучшихъ, какъ русскихъ такъ и иностранныхъ газетахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ОБА ИЗДАНІЯ.

На журналъ „СВѢТЪ и ТѢНИ":

На годъ съ достав. и пересылкой	9 р.
» ½ года » » »	6 »

На журналъ „МІРСКОЙ ТОЛКЪ":

На годъ съ достав. и пересылкой	7 р.
» ½ года » » »	4 »

Лица подписавшіяся на оба изданія, вмѣсто 16-ти, платятъ всего только 12 р. за полное годовое изданіе и 7 р.—при подпискѣ на 6-ть мѣсяцевъ.

ПОДПИСКА РИИНИМАЕТСЯ: 1) **Въ Москвѣ** въ Главной Конторѣ редакціи (*Срѣтенка д. Шагаева*) а также и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. 2) **Въ С.-Петербургѣ:** При книжномъ маг. О. И. Бакста. 3) **Въ Казани:** При книжномъ маг. „Восточная Лира". 4) **Въ Одессѣ:** Въ собств. отд. конторы (*Дерибасовская ул., д. княгини Ди-Санъ-Лоренцо*). 5) **Въ Парижѣ:** Въ Генеральномъ Агенствѣ редакціи (*Rue Lafayette 142*).

Гг. иногородные благоволятъ обращаться съ требованіями исключительно въ Главную Контору редакціи журнала „Мірской Толкъ" и „Свѣтъ и Тѣни".

Редакторъ-Издатель Н. Пушкаревъ.

1—3

ПРОГРАММА

„ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛІОТЕКИ"

заключаетъ въ себѣ два отдѣла: беллетристическій и научный, въ составъ которыхъ войдутъ оригинальные и переводные романы, повѣсти, разсказы, очерки и мемуары, преимущественно историческаго содержанія, оригинальныя и переводныя историческія сочиненія, изслѣдованія, монографіи, матеріалы, историко-юридическія, этнографическія, топографическія статьи и библіографическій указатель съ краткимъ разборомъ выходящихъ книгъ историческаго содержанія, какъ у насъ, такъ и за границей. Сюда же войдутъ статьи, посвященныя трудамъ по археологіи.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1879 ГОДЪ

„ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА"

БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ПО ПРЕЖНЕЙ ПРОГРАММѢ И ВЪ ТѢ ЖЕ СРОКИ.

Цѣна годовому изданію **6** руб. **50** коп., съ пересылкой и доставкой 8 руб.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ Редакціи журнала (Больш. Садовая домъ 121 кв. 12) и въ книжномъ магазинѣ **Я. Исакова**, Невскій просп. Гостиный дворъ № 24.

Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться: въ Петербургъ въ редакцію журнала „**Историческая Библіотека**" (Больш. Садовая домъ 121, кв. 12).

1. Редакція отвѣчаетъ за доставку журнала подписавшимся только въ мѣстахъ, означенныхъ въ объявленіи.

2. Редакція проситъ гг. подписчиковъ точно обозначать свое имя, отчество и фамилію, а также и то почтовое учрежденіе, куда долженъ быть журналъ адресованъ; иначе редакція не отвѣчаетъ за правильную доставку.

3. Подписчики, желающіе перемѣнить адресъ, благоволятъ своевременно увѣдомить о новомъ мѣстѣ жительства, съ обозначеніемъ прежняго, при чемъ за всякую перемѣну уплачивается 50 коп.

4. Желающіе доставить свои произведенія въ Редакцію должны обозначать свой адресъ и подробныя условія, безъ обозначенія послѣднихъ, редакція не будетъ считать себя обязанною входить съ авторомъ въ какіе-либо расчеты.

Редакторъ-издатель **П. В. Полежаевъ.**